

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова

№ 1

МОСКВА
2025

Главный редактор

А. М. Молдован, доктор филол. наук, академик РАН (Москва, Россия)

Ответственные редакторы номера:

О. В. Антонова, канд. филол. наук (Москва, Россия);

Д. М. Савинов, доктор филол. наук, профессор РАН (Москва, Россия)

Редакционная коллегия номера:

А. Е. Журавлева, канд. филол. наук (Москва, Россия);

Т. Н. Коробейникова, канд. филол. наук (Москва, Россия);

Е. В. Корпечкова (Москва, Россия);

Н. В. Никитин (Москва, Россия)

Редакционный совет:

А. Е. Аникин, доктор филол. наук, академик РАН (Новосибирск);

Ю. Д. Апресян, доктор филол. наук, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Синтия Вакарелийска, PhD, профессор (Орегон, США);

Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);

Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);

Марчелло Гардзанити, PhD, профессор (Флоренция, Италия);

А. А. Гишпиус, доктор филол. наук, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Ольга Йокояма, PhD, профессор (Лос-Анджелес, США);

М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);

А. П. Майоров, доктор филол. наук, профессор (Улан-Удэ, Россия);

Ольга Младенова, PhD, профессор (Калгари, Канада);

Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);

В. А. Плунгян, доктор филол. наук, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Ахим Рабус, Dr. habil., профессор (Фрайбург, Германия);

Ф. Б. Успенский, доктор филол. наук, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);

Майкл Флайер, PhD, профессор (Кембридж, США);

Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);

А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия)

Ответственный секретарь номера

Н. В. Никитин (Москва, Россия)

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-76037

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

E-mail: ruslang@ruslang.ru

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

**Proceedings
of the V. V. Vinogradov
Russian Language Institute**

№ 1

MOSCOW
2025

ISSN 2311-150X

The Journal was founded in 2013

Editor-in-Chief

Alexandr M. Moldovan, D. Sc., Full Member of the RAS (Moscow, Russia)

Chief editor of the issue

Olga V. Antonova, Ph. D. (Moscow, Russia);

Dmitry M. Savinov, D. Sc., Professor (Moscow, Russia)

Editorial Board of the issue

Alexandra E. Zhuravleva, Ph. D. (Moscow, Russia);

Tatiana N. Korobeynikova, Ph. D. (Moscow, Russia);

Elena V. Korpechkova (Moscow, Russia);

Nikita V. Nikitin (Moscow, Russia)

Editorial Board

Aleksandr E. Anikin, D. Sc., Full Member of the RAS (Novosibirsk, Russia);

Yury D. Apresyan, D. Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Václav Čermák, Ph. D., Professor (Prague, Czech Republic);

Michael S. Flier, Ph. D., Professor (Cambridge, USA);

Marcello Garzaniti, D. Sc., Professor (Florence, Italy);

Alexey A. Gippius, D. Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Maria L. Kalenchuk, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);

Alexandr P. Mayorov, D. Sc., Professor (Ulan-Ude, Russia);

Olga Mladenova, Ph. D., Professor (Calgary, Canada);

Tore Nettet, D. Sc., Professor (Tromsø, Norway);

Vladimir A. Plungian, D. Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Achim Rabus, D. Sc., Professor (Freiburg, Germany);

Alexey D. Shmelev, D. Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Fjodor B. Uspensky, D. Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Cynthia M. Vakareliyska, Ph. D., Professor (Oregon, USA);

Zhanna Zh. Varbot, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);

Björn Wiemer, D. Sc., Professor (Mainz, Germany);

Olga T. Yokoyama, Ph. D., Distinguished Professor (Los Angeles, USA)

Executive secretary

Nikita V. Nikitin (Moscow, Russia)

The journal is registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology, and Mass-Media.

Registration certificate ПИ № ФС 77-76037

Address:

18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019

E-mail: ruslang@ruslang.ru

© by Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 2025

© by Authors, 2025

Юбилей Марии Леонидовны Каленчук

21 февраля 2025 года мы отмечаем юбилей Марии Леонидовны Каленчук, доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента Российской академии образования, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, лауреата премии им. А. С. Пушкина, действующего главы Московской фонологической школы (МФШ).

Научный путь Марии Леонидовны Каленчук на всем своем протяжении был связан с изучением фонетики, фонологии и орфоэпии современного русского литературного языка. В 1978 г. Мария Леонидовна окончила факультет русского языка и литературы Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина (ныне — МПГУ). До 2004 г. работала там же, пройдя путь от лаборанта до профессора и заведующего кафедрой русского языка и методики его преподавания в начальной школе. В 1986 г. защитила кандидатскую диссертацию «Особенности реализации согласных фонем на стыках морфем в современном русском литературном языке» (научный руководитель — Л. Л. Касаткин). В 1993 г. защитила докторскую диссертацию «Орфоэпическая система современного русского литературного языка». С 2004 г. Мария Леонидовна работает в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН, где в период с 2007 по 2017 гг. занимала должность заместителя директора Института по научной работе, а с 2017 по 2021 гг. — директора Института; в настоящее время руководит отделом фонетики.

Многие годы Мария Леонидовна посвятила образовательной деятельности, читала курсы фонетики на филологических и лингвистических факультетах московских вузов, в том числе на филологическом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Под руководством Марии Леонидовны защищено 5 кандидатских диссертаций и бесчисленное множество дипломных и курсовых работ.

В настоящий момент Мария Леонидовна — председатель Орфоэпической комиссии РАН, член Орфографической комиссии РАН, член комиссии по фонетике и фонологии Международного комитета славистов, заместитель главного редактора журнала «Русская речь», член редколлегии различных лингвистических научных периодических изданий, в том числе журналов «Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова» и «Вестник Санкт-Петербургского университета»; с 1997 г. руководит оргкомитетом Международной научной конференции «Фонетика сегодня», проходящей под эгидой ИРЯ РАН.

Перечень научных трудов юбиляра насчитывает более 150 наименований. За работу над фундаментальным «Большим орфоэпическим словарем русского языка» в 2016 г. Мария Леонидовна (совместно с Леонидом Леонидовичем и Розалией Францевной Касаткиными) была удостоена премии им. А. С. Пушкина.

Говоря о высоком творческом напряжении, всегда сопровождавшем Марию Леонидовну на пути служения русистике, нельзя не отметить и ее выдающиеся личные качества. Совместная работа с Марией Леонидовной была и остается предметом особой гордости и радости для ее коллег, учеников и всех, кому посчастливилось встретиться с ней в жизни.

От всей души поздравляем Марию Леонидовну с юбилеем, желаем крепкого здоровья, реализации творческих планов, сил на осуществление всего задуманного, новых блистательных научных открытий!

*С любовью и безмерным восхищением,
коллеги, ученики, друзья*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Антонова О. В.</i> (Москва) К дифференциации произносительных стилей в современном русском литературном языке.....	15
<i>Апресян В. Ю.</i> (Москва, Кайфын) Роль фразового ударения в интерпретации многозначных слов.....	22
<i>Бархударова Е. Л.</i> (Москва) К проблеме учета орфоэпических рекомендаций в курсе русской фонетики для иностранных учащихся.....	35
<i>Барышева С. Ф.</i> (Москва) Произносительные позиции как факторы нарушения целостности фонетического слова.....	42
<i>Беляев Д. Д.</i> (Тула) О фонемном составе адективных суффиксов с финалью <i>-н(н)-</i>	52
<i>Березович Е. Л.</i> (Екатеринбург) Повторно о <i>вторе</i> и о критериях истинности этимологического решения.....	64
<i>Богданова-Бегларян Н. В., Сян Янань</i> (Санкт-Петербург) Прагматические маркеры-аппроксиматоры с функцией ксенопоказателя и их жестовое сопровождение.....	81
<i>Букринская И. А., Кармакова О. Е.</i> (Москва) Словообразовательный и номинативный потенциал множественного числа в русских говорах.....	98
<i>Вепрева И. Т.</i> (Екатеринбург) <i>«Я поставил эти огромные ядовитые кавычки потому, что...»:</i> новое в метаязыковом сопровождении пунктуационного знака.....	109
<i>Вещикова И. А.</i> (Москва) Особенности культуры познания в цифровую эпоху: традиции и инновации в сфере орфоэпии.....	119
<i>Гольберг И. М., Иванов С. В.</i> (Москва) Отражение динамики морфологических норм в лингвистических словарях XX–XXI веков.....	131
<i>Дымарский М. Я., Копосова М. Р.</i> (Санкт-Петербург) Эхо-тематический подъем в т. н. нерасчлененных высказываниях (на материале устного подкорпуса НКРЯ).....	142
<i>Дьяченко С. В.</i> (Москва) Вокализм приставок и проклитик в русских говорах с яканьем.....	157
<i>Ермолова М. В.</i> (Москва) <i>Подъезжая к станции, у меня слетела шляпа:</i> о генезисе ошибочных построений с дееспричастным оборотом.....	171
<i>Ерофеева Е. В.</i> (Пермь) Лингвистическая и социальная вариативность дискурсивной конструкции <i>«вот + х + вот»</i> в русской устной речи.....	180

<i>Журавлева А. Е., Корпечкова Е. В.</i> (Москва) Особенности акцентуации кратких имен прилагательных с приставкой <i>не-</i>	192
<i>Занадворова А. В., Крейдлин Г. Е., Шмелева Е. Я.</i> (Москва) Особенности фонетики и орфографии русских параязыковых единиц.....	200
<i>Йокояма О. Ц.</i> (Лос-Анджелес) Любовное письмо 1892 г. Прагмафилологический анализ	212
<i>Какорина Е. В.</i> (Москва) Как описывать универбы в словаре (проблемы отбора единиц, толкование, полисемия/омонимия)?	222
<i>Клейнер Ю. А.</i> (Санкт-Петербург) Терминологическая (не)однозначность	233
<i>Коробейникова Т. Н.</i> (Москва) Отражение диахронических акцентологических процессов в словах в свободном употреблении и в составе фразеологизмов	240
<i>Красовицкий А. М.</i> (Оксфорд) Много хороших и разных: к вопросу о региональных вариантах литературного произношения	252
<i>Крючкова О. Ю.</i> (Саратов) Взаимодействие фузионных и агглютинативных тенденций в аффиксальных композициях редупликационного типа (на материале русского языка).....	264
<i>Кулева А. С.</i> (Москва) Названия растений: произносительные варианты и проблема кодификации	276
<i>Маринова Е. В.</i> (Нижний Новгород) Вариантность на этапе формирования терминологии новой предметной области (на материале обозначений реалий цифрового общества).....	287
<i>Мечковская Н. Б.</i> (Минск) Два взгляда на деньги, бедность и богатство: вековая мудрость пословиц и скептическое остроумие антипословиц	299
<i>Нефедова Е. А.</i> (Москва) Феномен знания в традиционной народной культуре	307
<i>Никитин Н. В.</i> (Москва) Произношение русских союзов и частиц как объект лексикографии.....	316
<i>Николина Н. А.</i> (Москва) Междусловное наложение в современной русской речи	327
<i>Пенькова Я. А.</i> (Москва) Долгая жизнь местоимения <i>етерь</i> в русской письменности XI–XVII вв.	333
<i>Петрова З. Ю., Фатеева Н. А.</i> (Москва) Современные писатели о литературном творчестве сквозь призму метафоры (на материале сборника эссе 2018 г. «Как мы пишем»).....	348
<i>Плунгян В. А., Рахилина Е. В.</i> (Москва) О цифровой лексикографии	360
<i>Приемышева М. Н.</i> (Санкт-Петербург) Из истории создания одного словаря (Москва-Петроград 1921–1923 гг.).....	367
<i>Прохватилова О. А.</i> (Москва) О произносительных нормах православной проповеди.....	379

<i>Розанова Н. Н.</i> (Москва) О произношении актеров на сцене в первой половине XX века: узуальные и кодифицированные нормы (на материале картотеки Г. О. Винокура — 1944 г. и аудиозаписи спектакля МХАТ «Три сестры» в постановке В. И. Немировича-Данченко — 1947 г.).....	390
<i>Розина Р. И.</i> (Москва) Разговорные глаголы падения в контексте лексической типологии.....	403
<i>Савинов Д. М.</i> (Москва) К вопросу о лексикализации произношения с диерезой безударного гласного в южнорусских говорах	413
<i>Светозарова Н. Д.</i> (Санкт-Петербург) «Евгений Онегин» и вопросы языкознания.....	422
<i>Стрейкмане Э. Р.</i> (Москва) Ударение в глаголах на <i>-ить</i> : изменения, происходящие на наших глазах.....	431
<i>Тер-Аванесова А. В.</i> (Москва) Начальные * <i>въ</i> , * <i>вь</i> и * <i>и</i> в одном южнорусском говоре	441
<i>Шарапова Е. В.</i> (Москва) Лексические интенсификаторы и синтаксическая омонимия в языке Ф. М. Достоевского (на материале личных писем)	450
<i>Шестакова Л. Л.</i> (Москва) Слово <i>ударение</i> как единица поэтического лексикона	461
<i>Шмелев А. Д.</i> (Москва) Орфографическая и орфоэпическая вариативность: сходства и различия.....	477
<i>Шульга М. В.</i> (Москва) Переход [е] в [о] в ряду других системных явлений	486

CONTENTS

<i>Antonova O. V.</i> (Moscow) On the differentiation of pronunciation styles in the modern Russian literary language.....	15
<i>Apresjan V. Yu.</i> (Moscow, Kaifeng) The role of phrasal stress in the interpretation of polysemous words.....	22
<i>Barkhudarova E. L.</i> (Moscow) Orthoepic recommendations in the course of Russian phonetics for foreign students.....	35
<i>Barysheva S. F.</i> (Moscow) Pronunciation positions and their role in the violation of a phonetic word integrity.....	42
<i>Belyaev D. D.</i> (Tula) On the phonemic composition of the adjectival suffixes with final <i>-H(H)-</i>	52
<i>Berezovich E. L.</i> (Ekaterinburg) Once again on <i>vtora</i> and on the truth criteria of an etymological solution.....	64
<i>Bogdanova-Beglarian N. V., Yanan Xiang</i> (St. Petersburg) Pragmatic markers-approximators with the function of xenoinicators and their gestural accompaniment.....	81
<i>Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E.</i> (Moscow) Word-formation and nominative potential of the plural in Russian dialects.....	98
<i>Vepreva I. T.</i> (Elaterinburg) “I put these huge poisonous quotation marks because...”: new developments in metalanguage punctuation mark support.....	109
<i>Veshchikova I. A.</i> (Moscow) Features of the culture of cognition in the digital age: traditions and innovations in the field of orthoepy.....	119
<i>Golberg I. M., Ivanov S. V.</i> (Moscow) Reflection of the dynamics of morphological norms in linguistic dictionaries of XX–XXI centuries.....	131
<i>Dymarskii M. Ya., Kuposova M. R.</i> (St. Petersburg) Echo-thematic accent in the so called undivided (thetic) sentences.....	142
<i>Dyachenko S. V.</i> (Moscow) Vocalism of prefixes and proclitics in Russian dialects with <i>yakanye</i>	157
<i>Ermolova M. V.</i> (Moscow) <i>Pod'ezhaya k stantcii, u menya sletela shlyapa</i> : on the genesis of the erroneous constructions with gerunds.....	171
<i>Erofeeva E. V.</i> (Perm) Language and social variation of discursive construction “ <i>vot + x + vot</i> ” in the Russian oral speech.....	180
<i>Zhuravleva A. E., Korpechkova E. V.</i> (Moscow) The features of the accentuation of short adjectives with the prefix <i>ne-</i>	191
<i>Zanadvorova A. V., Kreidlin G. E., Shmeleva E. Ya.</i> (Moscow) Phonetic and orthographic peculiarities of Russian paralinguistic units.....	200

<i>Yokoyama O. T.</i> (Los Angeles) A 1982 love letter: a pragmaphilological analysis	212
<i>Kakorina E. V.</i> (Moscow) How to describe univerbes in a dictionary (problems of unit selection, interpretation, polysemy/homonymy)?	222
<i>Kleiner Yu.</i> (St. Petersburg) Terminological (In)consistency.....	233
<i>Korobeynikova T. N.</i> (Moscow) Reflections on diachronic accentological processes in words in free phrases and in phraseological units	240
<i>Krasovitsky A. M.</i> (Oxford) Lots of good and different ones: on the issue of regional varieties of standard pronunciation.....	252
<i>Kryuchkova O. Yu.</i> (Saratov) Interaction of fusional and agglutinative tendencies in affixal compositions of Russian derived word.....	264
<i>Kuleva A. S.</i> (Moscow) On the plant names: pronunciation variability and codification problem	276
<i>Marinova E. V.</i> (Nizhny Novgorod) Variation at the stage of formulating terminology for a new subject area (on the material of the digital society realities designations).....	287
<i>Mechkovskaya N. B.</i> (Minsk) Two views on money, poverty and wealth: the century wisdom of proverbs and the skeptical wit of anti-probers	299
<i>Nefedova E. A.</i> (Moscow) The phenomenon of knowledge in traditional folk culture	307
<i>Nikitin N. V.</i> (Moscow) Pronunciation peculiarities of Russian conjunctions and particles as an object of lexicography.....	316
<i>Nikolina N. A.</i> (Moscow) The inter-word overlap in modern Russian speech.....	327
<i>Penkova Y. A.</i> (Moscow) Long life of the pronoun <i>eter</i> in Russian writing.....	333
<i>Petrova Z. Yu., Fateeva N. A.</i> (Moscow) Modern writers on creative writing through the lens of metaphor (based on the book “How we write”, 2018).....	348
<i>Plungian V. A., Rakhilina E. V.</i> (Moscow) On digital lexicography	360
<i>Priemysheva M. N.</i> (St. Petersburg) The story of creating one dictionary (Moscow–Petrograd 1921–1923).....	367
<i>Prokhvatilova O. A.</i> (Moscow) On the pronunciation norms of the orthodox sermon.....	379
<i>Rozanova N. N.</i> (Moscow) On the pronunciation of actors on stage in the first half of the 20 th century: usual and codified norms (based on the material of the 1944 Vinokur card file and audio recordings of the 1947 MHAT performance “Three Sisters” staged by V. I. Nemirovich-Danchenko).....	390

<i>Rozina R. I.</i> (Moscow) Colloquial verbs describing falling in the context of lexical typology	403
<i>Savinov D. M.</i> (Moscow) On the question of lexicalization of pronunciation with dieresis of unstressed vowel in South Russian dialects.....	413
<i>Svetozarova N. D.</i> (St. Petersburg) “Eugene Onegin” and problems of linguistics	422
<i>Streykmane E. R.</i> (Moscow) The stress in verbs ending by <i>-umь</i> : unfolding changes.....	431
<i>Ter-Avanesova A. V.</i> (Moscow) Continuants of word-initial *vь, *vь, *u in one South Russian dialect.....	441
<i>Sharapova E. V.</i> (Moscow) Lexical intensifiers and syntactic homonymy in Fyodor Dostoevsky’s language: a study of personal letters	450
<i>Shestakova L. L.</i> (Moscow) The word <i>stress</i> as a unit of poetic lexicon	461
<i>Shmelev A. D.</i> (Moscow) Orthographic and orthoepic variation: similarities and differences	477
<i>Shulga M. V.</i> (Moscow) The change from [e] to [o] in a series of other systemic occurrences.....	486

О. В. Антонова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

ovantonova@gmail.com

К ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ СТИЛЕЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

В современной лингвистике до настоящего времени существует ряд требующих разрешения противоречий, связанных с описанием орфоэпических особенностей речи в ее стилистическом аспекте. Представляется крайне актуальным выяснение причин, влияющих на некие произносительные особенности, возникающие в речи как множества людей, так и в речи отдельного индивида. Крайне важно, что с момента возникновения первого интереса к особому, стилистически окрашенному произношению и до наших дней круг вопросов не только не сузился, но продолжает расширяться. Так, одним из нерешенных вопросов в наши дни остается вопрос о дифференциации произносительных стилей.

Ключевые слова: орфоэпия, произносительная стилистика, стили произношения, дифференция произносительных стилей.

В современной лингвистике с начала XX в. и вплоть до настоящего времени существует ряд требующих разрешения противоречий, связанных с описанием орфоэпических особенностей речи в ее стилистическом аспекте. Представляется крайне актуальным выяснение причин, влияющих на некие произносительные особенности, возникающие в речи как множества людей, так и в речи отдельного индивида. Крайне важно, что с момента возникновения первого интереса к особому, стилистически окрашенному произношению и до наших дней круг вопросов не только не сузился, но продолжает расширяться.

Так, в 1915 г. Л. В. Щербой [Щерба 1974] было отмечено противопоставление *множества стилей* произношения (которыми, по мысли исследователя, можно пренебречь, так как детальное описание их затруднительно) только двум стилям, чьи отличительные черты, напротив, возможно ярко проиллюстрировать. Это так называемые *полный* и *неполный* стили (ср. приводимые в статье примеры: *здравствуйте* vs *здрастье*, *говори́т* vs *грит* и *челове́к* vs *чек*). Если полный произносительный стиль способен дать говорящему ясное представление об «идеальном

фонетическом составе слова» (то есть, согласно концепции ЛФШ¹, его фонемном составе), то неполный стиль содержит всевозможные искажения этого идеального состава, изменяясь под воздействием, к примеру, темпа речи, неофициальной ситуации общения и пр. При этом любопытно одно из замечаний Л. В. Щербы: «Полные формы, в сущности, в *обычной речи* [курсив мой. — О. А.] никогда не употребляются». Привлекает внимание и то, что, помимо названных, Л. В. Щерба не приводит иных примеров *произношения* при полном стиле, однако описывает условия, при которых полный стиль мог бы явиться: речь из другой комнаты, отчеканивание, произнесение по слогам, обращение к тугоухому, пение и пр. Такая речь, *полный стиль* по Щербе, освобождает слово ото всяких искажающих «деструктивных» факторов влияния, а именно ударения (sic!), «соседства» (sic!) и инертности органов произношения. Очевидно, такую речь нельзя признать «обычной»².

Обилие поставленных в статье вопросов неизбежно привело к дальнейшей разработке проблематики, связанной с произносительными стилями. Некоторое время спустя учениками и последователями Л. В. Щербы, представителями ЛФШ, понятие стиля было уточнено, а собственно *стили произношения* как общеязыковые явления были противопоставлены *типам произнесения* — более частным произносительным разновидностям, характерным для речи отдельных носителей языка [Бондарко и др. 1974], однако детальное описание отличительных черт различных стилей и типов произношения в работе представлено не было. Позднее Н. Д. Светозаровой был выделен особый *сверхполный* стиль произношения, приближенный к побуквенному [Светозарова 2008].

На рубеже 2-й пол. XX в. Р. И. Аванесов (см. [Аванесов 1972]³) выдвинул собственную теорию произносительных стилей, при этом особо подчеркивая, что стилистические отношения в фонетике тесно связаны со стилистическими отношениями в лексике⁴. Так, им были выделены три основных стиля произношения: высокий, нейтральный и разговорный⁵. По мысли Аванесова, для высокого произносительного стиля характерны не только специфические фонетические черты (напр., последовательное *эканье*), но и многие лексико-фонетические особенности (напр., произношение твердого согласного перед [э] в специфических, непременно заимствованных словах *тема, музей, крем*). Особо поддерживалась идея, что в высоком *произносительном стиле* должны преобладать черты высокого *функционального стиля*, и последние, в сущности, и обуславливают первые (тот же параллелизм был отмечен автором и для разговорного произносительного стиля и определяющего его разговорного стиля — функционального). Между тем внутри

¹ Ленинградская (Санкт-Петербургская) фонологическая школа.

² Однако означает ли это, что такую речь во всех случаях нельзя назвать спонтанной?

³ Год первого издания — 1950.

⁴ Что, без сомнения, должно было побудить читателя соотнести эту идею с теорией трех стилей М. В. Ломоносова (хотя эксплицитно никаких указаний на связь двух теорий в тексте не было).

⁵ В первом и втором издании имеются серьезные отличия. В них выделяются три иных стиля: книжный, разговорный и просторечный.

стилистически не окрашенного нейтрального стиля произношения Р. И. Аванесов выделил две особых разновидности: нейтральный *строгий* произносительный стиль и нейтральный *свободный* произносительный стиль. Строгий нейтральный стиль в такой дихотомии выступал как инструмент нормированной, сценической речи (а также речи кино, радио, телевидения), а свободный стиль не имел таких четких границ и обслуживал сферу обиходно-бытовую. Приводя примеры употребления строгого разговорного стиля, Р. И. Аванесов отмечает те орфоэпические особенности, которые в настоящий момент в науке принято называть чертами старомосковского произношения (безударное окончание глаголов 2 спр. мн. ч. наст. вр. на *-ат*, *-ят*, произносимое [ут]: *хóд[ут]*; твердое окончание возвратного постфикса глаголов: *смею[с]*; твердое произношение заднеязычных в окончаниях прилагательных: *тих[эй]* и др.). При этом следует отметить вот что: фиксируя термины *строгий* и *свободный*⁶ (стили), Р. И. Аванесов приводит подстраничную сноску, где говорит: наиболее близки к строгому и свободному стилям произносительные стили Л. В. Щербы — полный и неполный соответственно. Однако, учитывая вышесказанное, представляется не бесспорным отождествление полного стиля по Щербе и строгого нейтрального по Аванесову, т. к. (даже без обсуждения разных взглядов исследователей на выделение фонемы) крайне затруднительно представить, каким образом полный стиль, необходимый для выявления «идеального» фонетического облика слова и наиболее ярко проявляющий себя, по мысли Щербы, при скандировании и пр., мог бы зазвучать на русской сцене, где господствовало старомосковское произношение.

В то же время М. В. Панов [Панов 1963] в рамках концепции МФШ⁷ выделил три произносительных стиля, соотнесенных с функциональными стилями русского языка: высокий, нейтральный и разговорный. В указанной статье приводятся многочисленные фонетические примеры, предпринимается попытка более явно разграничить стили именно с точки зрения их орфоэпических особенностей. В ряде случаев эти примеры, как и примеры предшественников, относятся не столько к сфере собственно фонетики, сколько к лексике, однако большую ценность для осмысления проблемы в целом и прояснения взглядов ученого представляют примеры произношения в связном тексте, записанные для каждого из трех стилей.

Говоря о современном состоянии произносительной стилистики как особой фонетической дисциплины, приходится отметить, что и в наши дни многие вопросы не нашли своего разрешения. Попытки объединения внутри одной теории полного и неполного стилей с одной стороны и высокого, нейтрального и разговорного с другой не представляются перспективными. Очевидно, что с момента возникновения двух концепций вопросы, на которые пытались ответить исследователи, не были идентичными: так, Л. В. Щерба спрашивал читателя, что же является словом — *говорит* или *грит*, а Р. И. Аванесов предпринимал попытки распространить теорию функциональных стилей на область фонетики и орфоэпии, не перестраивая

⁶ Ранее он называл их: беглая и отчетливая речь.

⁷ Московской фонологической школы.

ключевых ее положений (что в настоящее время привело к угасанию этой идеи как таковой). Согласно исследованиям последнего времени (см., в частности, многочисленные работы И. А. Вещиковой), «старые» стилистические градации перестали быть продуктивными, в частности высокий стиль утратил свои специфические черты, которые во многом были обусловлены не столько фонетическим своеобразием, сколько лексическим составом речи, а также особой жанровой принадлежностью (при ответе на вопрос, какова речь высокого стиля, ученые нередко говорили и говорят до сих пор, что высокий стиль — это стиль публичного выступления (доклада, лекции, ораторской, академической, поэтической речи, речи при чтении важных сообщений, правительственных документов и других официальных материалов [Агеенко, Зарва 2000]) — однако совершенно очевидно, что все эти виды, *жанры* речи могут быть в наши дни фонетически нейтральны). Так, в упомянутых трудах И. А. Вещиковой (см., к примеру, [Вещикова 2013]), посвященных современной языковой ситуации, описываются особенности некоего нового высокого стиля — это больше не стиль медленного темпа речи (хотя, справедливости ради, надо сказать: и Л. В. Щерба, и Р. И. Аванесов указывали на то, что медленный темп хоть и поддерживает полный (по Щербе⁸) и высокий (по Аванесову⁹) произносительные стили, но не является их непременным условием). Сейчас это может быть речь высокой скорости, обладающая множеством черт разговорного стиля (таковы, к примеру, редукция, в том числе до нуля, гласных и согласных, появление компрессивов и пр.), что ее в пору принять за разговорную. На этом фоне создается ощущение, что современный высокий стиль можно разграничить с другими стилями, исходя только лишь из его ситуативного *жанра*. Очевидно, что подобная трансформация не могла пройти мгновенно, но в руках исследователей нет стройного теоретического материала, который позволил бы всесторонне описать динамику произносительных стилей в последние сто лет (впрочем, есть основания полагать, что экспансия черт разговорного стиля в высокий произошла раньше, чем это было отмечено исследователями)¹⁰. Как правило, описания стилистических особенностей в фонетике выполняются дискретно, без опоры на общепринятую теоретическую базу. Даже сам термин «фоностилистика» не всеми в научном сообществе понимается одинаково. Некоторые исследователи отождествляют

⁸ С четким произношением всех фонетических элементов, показателей «идеального состава слова».

⁹ С использованием особых фонетических средств оформления слов (к которым относились такие черты, как последовательное эканье, произношение безударных гласных без редукции в ряде слов и др.).

¹⁰ Частным доказательством этого положения могут быть сведения, полученные в результате расшифровки записи лекции Р. О. Якобсона (расшифровка выполнена в 2024 г. П. К. Толмачевой), прочитанной в МГУ им. М. В. Ломоносова в 1979 г. (в рамках этой лекции в речи Якобсона присутствуют черты разговорного стиля: это редукция гласных и согласных до нуля [ср'ецф] (*средств*), [н'эпасрэцнэ] (*непосредственно*), [тыш':э] (*тысяча*), [тада́] (*тогда́*); использование в безударных слогах гласных только с одной степенью редукции [гэвэ]рítь (*говорítь*) и др. Любопытно, что к примеру [тада́] (*тогда́*) и подобным можно отнести замечание М. В. Панова: «Встречающееся в литературной речи произношение [то́къ] снижает стиль сильнее, чем [то́л'къ]» [Панов 1963: 24].

фоностилистику с произносительной стилистикой (см. [Светозарова 2013]), другие же понимают фоностилистику как фоностилистику текста, основанную на изучении книжнописьменной речи и фольклора (см., напр., [Орлова 2013]; при таком подходе в фоностилистику включаются и фонетические выразительные средства художественной литературы, такие, к примеру, как аллитерации, ассонансы и мн. др.). Представляется важным разграничить эти понятия; на взгляд автора, это можно было бы сделать, оставив за стилистикой в области фонетики и орфоэпии только термин *произносительная стилистика*.

Итак, с одной стороны, очевидно, что неразрешенность стилистических проблем в области орфоэпии в первую очередь связана с отсутствием непротиворечивого и системного разграничения двух диаметрально противоположных взглядов (восходящих ко взглядам Л. В. Щербы и Р. И. Аванесова) на проблему стилового разнообразия в фонетике в целом и в орфоэпии в частности, а также с отсутствием единого общепризнанного терминологического инструментария.

С другой стороны, возможно предположить, что попытки формально разграничить произносительные стили с помощью противопоставления лишь собственно лингвистических средств изначально не отвечали той сложности, которая объективно существует в многообразии коммуникативных возможностей, связанных с различными способами произношения. Представляется, что сознательное избегание описаний многочисленных социолингвистических¹¹ особенностей звучащей речи, тесно переплетенных с языковыми критериями и влияющих как на форму высказывания, так и на восприятие речи слушающим, значительно обедняло теорию произносительных стилей, и было бы крайне желательно, если бы эта лакуна была восполнена.

Литература

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1972. 415 с. [1-е изд. — в 1950].

Аеенко Ф. Л., Зарва М. В. Словарь ударений русского языка / Под ред. М. А. Штудинера. М.: Рольф, 2000. 808 с.

Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В., Зиндер Л. Р., Касевич В. Б. Стили произношения и типы произнесения // Вопросы языкознания, 1974, № 2. С. 64–70.

¹¹ Н. С. Трубецкой, говоря о звуковой стилистике, отмечает: «Так как язык является прежде всего общественным установлением, то условными в нем являются только средства, характеризующие принадлежность говорящего к определенному, существенному для данной языковой общности, человеческому типу или группе. С помощью этих средств можно выразить, например, принадлежность к определенной возрастной группе, к тому или иному общественному классу, далее пол, степень образования, наконец, происхождение говорящего — и это именно потому, что все перечисленные признаки существенны для внутреннего членения языковой общности, для содержания и формы речи» [Трубецкой 1960: 25]. И далее: «Говорящий не обязан употреблять всегда один и тот же экспрессивный стиль; он может пользоваться то одним, то другим стилем в зависимости от содержания беседы или характера собеседника; короче говоря, он соотносится с обычаями, господствующими в той языковой общности, к которой он принадлежит» [Трубецкой 1960: 29].

Вещикова И. А. Высокий стиль в современной орфоэпической реальности // Журнал «Медиалингвистика». Специальный выпуск № 2. Санкт-Петербург, 2013. С. 71–82.

Орлова О. Ю. Фонетические средства выразительности в языке и тексте: существующие подходы и перспективы исследования // Вестник пермского университета, вып. 3 (23), 2013. С. 93–99.

Панов М. В. О стилях произношения (в связи с проблемами стилистики) // Развитие фонетики современного русского языка. М.: Издательство академии наук СССР, 1963. С. 5–38.

Светозарова Н. Д. О полном и сверхполном типе произнесения и его отражении в тексте художественного произведения // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 787–797.

Светозарова Н. Д. Стили произношения. Русский язык. Школьный энциклопедический словарь. Издательство Санкт-Петербургского университета, 2013. С. 306–307.

Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 371 с.

Щерба Л. В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов (Записки Неофилологического общества. Вып. VIII, 1915) // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 141–146.

O. V. Antonova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

ovantonova@gmail.com

ON THE DIFFERENTIATION OF PRONUNCIATION STYLES IN THE MODERN RUSSIAN LITERARY LANGUAGE

In modern linguistics, there exist a number of contradictions related to the description of orthoepic features of speech in its stylistic aspect, which require resolution. It seems extremely relevant to clarify the reasons that influence certain pronunciation features that arise in the speech of many people. Interestingly, the range of questions connected to the stylistically colored pronunciation is only expanding. Thus, one of the unresolved scientific issues today is the question of the differentiation the pronunciation styles.

Key words: orthoepy, pronunciation stylistics, pronunciation styles, differentiation of pronunciation styles.

References

Ageenko F. L., Zarva M. V. *Slovar' udarenii russkogo yazyka* [Dictionary of accents of the Russian language]. M. A. Studiner (ed.). Moscow, Rolf Publ., 2000. 808 p.

Avanesov R. I. *Russkoe literaturnoe proiznoshenie* [Russian literary pronunciation]. 5th edition, revised and additional. Moscow, Education Publ., 1972. 415 p. [1st edition — in 1950].

Bondarko L. V., Verbitskaia L. A., Gordina M. V., Zinder L. R., Kasevich V. B. [Pronunciation styles and types of pronunciation]. *Voprosy yazykoznanīya*, 1974, no. 2, pp. 64–70. (In Russ.)

Veshchikova I. A. [High style in modern orthoepic reality]. *Zhurnal «Medialingvistika»* [Journal “Medialinguistics”]. Special issue no. 2. St. Petersburg, 2013, pp. 71–82. (In Russ.)

Orlova O. Yu. [Phonetic means of expressiveness in language and text: existing approaches and research prospects]. *Vestnik permskogo universiteta* [Bulletin of Perm University], issue 3 (23), 2013, pp. 93–99. (In Russ.)

Panov M. V. [On pronunciation styles (in connection with the problems of stylistics)]. *Razvitie fonetiki sovremennogo russkogo yazyka* [Development of phonetics of the modern Russian language]. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1963, pp. 5–38. (In Russ.)

Svetozarova N. D. [On the full and super-full type of pronunciation and its reflection in the text of a work of art]. *Fonetika i nefonetika. K 70-letiyu Sandro V. Kodzasova* [Phonetics and non-phonetics. On the 70th anniversary of Sandro V. Kodzasov]. Moscow, Languages of Slavic Cultures Publ., 2008, pp. 787–797. (In Russ.)

Svetozarova N. D. [Pronunciation styles]. *Russkii yazyk. Shkol'nyi ehntsiklopedicheski slovar'* [Russian language. School encyclopedic dictionary]. St. Petersburg, Publishing house of St. Petersburg University, 2013, pp. 306–307. (In Russ.)

Trubetskoy N. S. *Osnovy fonologii* [Fundamentals of phonology]. Moscow, Publishing house of foreign literature, 1960. 371 p.

Shcherba L. V. [On different styles of pronunciation and on the ideal phonetic composition of words (Notes of the Neophilological Society. Issue VIII, 1915)]. In: Shcherba L. V. *Language system and speech activity*. Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 141–146. (In Russ.)

В. Ю. Апресян

Хэнаньский университет

(Китай, Кайфын)

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

valentina.apresjan@gmail.com

РОЛЬ ФРАЗОВОГО УДАРЕНИЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ МНОГОЗНАЧНЫХ СЛОВ

Отношениям просодии и семантики посвящена немалая литература. Известно, что некоторые типы значений «привлекают» фразовое ударение (ФУ) — например, верификация, эмфаза, отрицание: *Он ПРАВДА тебя любит; Я САМ это сделаю; Он МАЛО ей помогает*. Некоторые словари включают информацию о лексикализованной просодии («Словарь русских частиц» Э. Г. Шимчук и М. Г. Щур, «Активный словарь русского языка» под общим руководством Ю. Д. Апресяна). В литературе также отмечается тот факт, что интерпретация многозначного слова может зависеть от просодии. Так, фраза *Он НАСТОЯЩИЙ разбойник* значит, что он действительно принадлежит к множеству разбойников, в то время как фраза *Он настоящий РАЗБОЙНИК* предполагает лишь его сходство с представителями этого множества. Данное исследование ставит своей целью продолжить изучение просодии применительно к интерпретации многозначных слов. Наша гипотеза состоит в том, что обязательное ФУ является достаточно редким явлением и коррелирует с определенными, отмечавшимися в литературе типами значений, в то время как возможность и невозможность ФУ коррелирует с более общими принципами организации полисемии. Мы предполагаем, что в прямых значениях полнозначных слов ФУ обычно возможно, в то время как при переходе к переносным и особенно лексико-функциональным (частично грамматикализованным) значениям способность к просодическому выделению утрачивается. Это связано не только с общей тенденцией к фонетической несамостоятельности служебных слов, но также с семантикой и коррелирует с другими языковыми свойствами прямых и переносных значений.

Ключевые слова: просодия, полисемия, фразовое ударение, прямое значение, переносное значение.

1. Введение

Вопрос о соотношении просодии и лексической семантики ставился во многих исследованиях по русскому языку. Можно отметить два основных, во многом пересекающихся направления этих исследований: изучение корреляции между лексической семантикой слова и его просодическими свойствами [Николаева 1985; Николаева 2000; Апресян 1988; Апресян 1995; Богуславский 1996; Булыгина, Шмелев 1997; Янко 2001; Янко 2008; Кобозева, Захаров 2004; Павлова, Светозарова 2015; В. Апресян 2015; Инькова 2018], а также изучение просодических различий между разными значениями многозначного слова и лексикографическая фиксация просодии [Апресян 1988; Апресян 1995; Апресян 2010; Баранов, Плунгян, Рахилина 1993; Кодзасов 1996; Шимчук, Щур 1999; Богуславская 2014; В. Апресян 2017].

Известно, что просодическое выделение «привлекают» верификация, эмпфаза, отрицание [Янко 2001]: *Он ПРАВДА тебя любит; Я САМ это сделаю; Он МАЛО ей помогает*. В силу своей связи с семантикой, просодия может различать разные значения или употребления многозначных слов. Например, у частицы *вообще*, которая описывается во многих исследованиях по лексикализованной просодии [Апресян 1995; Кобозева, Захаров 2004; Богуславская 2014; В. Апресян 2015; Инькова 2018], некоторыми исследователями отмечается обязательность просодического выделения в значении тотального отрицания (*Он вообще не занимается детьми*) и его невозможность в уступительном значении в ненадлежащей позиции¹: *Он вообще не занимается детьми, но тут решил повести их в театр*.

В литературе также отмечается тот факт, что интерпретация многозначного слова может зависеть от просодии. Другой многократно описанный пример лексикализованной просодии — разные значения аддитивного наречия *еще* [Николаева 1985; Апресян 1995; Богуславский 1996; В. Апресян 2017]: *Дай мне ЕЩЕ каши* предполагает, что ранее говорящему уже давали кашу, в то время как *Дай мне еще КАШИ* указывает на то, что до этого говорящий получил что-то другое. Хотя по большей части в литературе по соотношению просодии и семантики обсуждаются частицы и прочие дискурсивные слова, такое явление встречается и у полнозначных частей речи. В частности, в работе [Апресян 1995] рассматриваются просодические и семантические свойства слова *настоящий*. Так, фраза *Он настоящий разбойник* значит, что он действительно принадлежит к множеству разбойников, в то время как фраза *Он настоящий РАЗБОЙНИК* предполагает лишь его сходство с представителями этого множества. В этой же работе противопоставляются разные значения глагола *поторопиться*, которым соответствуют разные просодические контуры. Фразовое ударение на глаголе актуализирует значение ‘сделать что-то чересчур поспешно и поэтому преждевременно’ (*Он поторопился уйти*), в то время как фразовое ударение на инфинитиве способствует интерпретации в значении ‘спешно или быстро сделать что-л.’ (*Он поторопился уйти*). В работе [Апресян 1995]

¹ У *вообще* есть и другие значения, для которых характерны или возможны иные просодические контуры; мы не ставим здесь своей целью их полное перечисление; см. полное словарное описание *вообще* в работе [Богуславская 2014].

также рассматриваются многие другие примеры лексикализованной просодии, излагаются соображения относительно корреляции акцентных выделений с синтаксическими и семантическими свойствами лексем и, наконец, формулируются принципы лексикографирования просодии в словаре, согласно которым предлагается фиксировать те просодические свойства лексем, которые нельзя вывести из других их лингвистических свойств — синтаксических, семантических, коммуникативных или прагматических. Во многих последующих исследованиях рассматривались именно эти аспекты соотношения семантики и просодии.

Цель данного исследования несколько другая. Нас интересует в первую очередь использование просодии при интерпретации многозначных слов, а также объяснение того, каким образом и в каких случаях семантические сдвиги при полисемии могут приводить к изменению просодических свойств лексем, а также с какими более общими семантическими и коммуникативными свойствами это коррелирует. Наша гипотеза состоит в том, что в своем прямом, буквальном значении лексемы полнозначных частей речи имеют способность нести фразовое ударение, которая ослабевает или исчезает у переносных значений по мере их метафоризации или десемантизации. Мы связываем это в первую очередь с семантикой, хотя, безусловно, многие просодические особенности переносных значений полнозначных частей речи могут быть объяснены их переходом в разряд служебных в переносных значениях и сопутствующей этому переходу утратой фонетической самостоятельности; ср., например, такие очевидные примеры, как слово *правда* в значении существительного и союза: *Это ПРАВДА*, при невозможности **Он умный, ПРАВДА ленивый*.

2. Фразовое ударение и буквальное значение слова

Рассмотрим в качестве примера наречие *тут*. В работе [В. Апресян 2014] отмечается, что в своем прямом, дейктическом значении пространственной близости *тут* может нести на себе фразовое ударение (*Я работаю тут*), в то время как в ситуативных и темпоральных значениях это невозможно: *У нас тут проблема; Я тут сижу работаю, а она мне названивает каждые пять минут*. Выделение *тут* фразовым ударением в подобных примерах приведет к их реинтерпретации с буквальным (пространственным) значением, какой бы прагматически неестественной она ни была: *У нас тут проблема [в этом месте]; Я тут сижу работаю, а она мне названивает каждые пять минут [в этом месте]*.

Аналогичная ситуация наблюдается и у дейктического наречия *там* [Шмелев 2007; V. Aprésjan, Shmelev 2020], у которого также имеются темпоральные и прочие непространственные значения. Фразовое ударение актуализирует пространственное значение и делает невозможным иное прочтение. Фраза вида *Там видно будет* интерпретируется темпорально в значении ‘Потом будет видно’, но *ТАМ видно будет* скорее будет интерпретироваться как ‘Будет видно в том месте’. Таким же образом различаются значения дейктической частицы *вот* [Крылова 2014]. Так, фраза *вот он*, произнесенная с фразовым ударением на *вот*, может интерпретироваться лишь в пространственном значении и отвечает на вопрос о местоположении, в то время как фраза *Вот он* указывает на выделение объекта из множества

других на основании какого-то признака и может служить ответом на вопрос вида *Ну, и кто может мне помочь? — Вот он может.*

Мы не приводим всех значений этих многозначных слов, некоторые из которых, как и буквальное значение, обладают способностью к просодическому выделению; мы лишь иллюстрируем мысль о том, что в ситуации потенциальной неоднозначности фразовое ударение служит для актуализации прямого, буквального значения. Приведем еще несколько примеров вокабул, у которых наблюдается то же явление.

В уже обсуждавшихся примерах Ю. Д. Апресяна с прилагательным *настоящий* и глаголом *поторопиться* фразовое ударение также актуализирует буквальное значение: у *настоящего* это значение подлинности, у *поторопиться* это значение оценки действия как чересчур поспешного.

Кванторное местоимение *весь* также обнаруживает рассмотренную корреляцию прямого значения с фразовым ударением. В работах [В. Апресян 2019; В. Апресян 2020] рассматриваются вопросы разрешения потенциально неоднозначной сферы действия отрицания во фразах с квантором *весь*. У *весь* есть, помимо прямого, количественного значения, также эмфатическое значение, которое обычно реализуется в контекстах с указательным местоимением *этот*. Неоднозначность обычно разрешается прагматически; так, фразы типа *Я не хочу говорить со всеми этими идиотами* будут однозначно пониматься с тотальным отрицанием, где местоимение *весь* включает в свою сферу действия отрицание ‘Я не хочу говорить ни с какими из этих идиотов’. Однако фразовое ударение актуализирует прямое, количественное значение квантора, и фразы вида *Я не хочу говорить со ВСЕМИ этими идиотами* форсируют понимание частичного отрицания — ‘Я хочу говорить не со всеми этими идиотами, а только с некоторыми’, где отрицание имеет сферу действия над квантором.

Аналогично в этом отношении устроена и полисемия слова *этот*, у которого есть буквальное (указательное) значение (*Я хочу купить ЭТОТ шкаф*) и переносное негативно-оценочное значение (*Эти твои КАПРИЗЫ меня достали*). В контекстах потенциальной неоднозначности разрешение также возможно при помощи просодии: предложение с фразовым ударением на предикате в соответствующих контекстах понимается в оценочном значении (*Эти твои жалобы меня достали* = ‘отрицательно оцениваемые говорящим жалобы’), но постановка фразового ударения на местоимение форсирует буквальную интерпретацию (*эти твои жалобы меня достали* = ‘именно эти твои жалобы, а не другие’). Кстати, в этом контексте дейктическое слово *твой* также употреблено в переносном негативно-оценочном значении (*Этот твой ВАСЯ опять мне названивает*), для которого также невозможно фразовое просодическое выделение.

В работе [Павлова, Светозарова 2015] приводятся еще некоторые примеры пар, которые можно проанализировать аналогичным образом: так, во фразе *Дик — большой осел* прилагательное *большой* с фразовым ударением интерпретируется в своем прямом значении размера, в то время как во фразе *Дик — большой осел*, где прилагательное безударно, оно понимается в значении высокой степени. Существительное тоже понимается в своем прямом значении в первой фразе, и в переносном, оценочном — во второй. Однако описанное просодическое различие

присуще именно прилагательному: слово *осел* способно нести на себе фразовое ударение и в прямом, и в переносном значениях.

Приведем еще один пример из работы [Павлова и Светозарова 2015], в котором можно усмотреть аналогичное просодическое различие между прямым и переносным значениями. Во фразе *Он порядочный бюрократ* фразовое ударение на прилагательном форсирует интерпретацию в буквальном значении ‘соответствующий этическим нормам’, в то время как фразовое ударение на существительном (*Он порядочный БЮРОКРАТ*) актуализирует переносное значение ‘в высокой степени’.

Обобщая, можно сказать следующее. У многих многозначных слов в потенциально неоднозначных фразах употребление фразового ударения актуализирует буквальное значение, поскольку переносное значение является в принципе безударным. Это просодическое свойство буквальных и переносных значений можно объяснить следующим. В буквальном значении выражаемые лексемой смыслы могут входить в отношения противопоставления с какими-то другими смыслами и, соответственно, лексема в буквальном значении может рематизироваться и выделяться просодически. Для переносного же значения отношения противопоставления могут быть по какой-либо причине невозможны. Например, *тут* в дейктическом значении противопоставляется *там* (*Я хочу сидеть не тут, а там*), в то время как в темпоральном значении (*Я тут была в Англии*) семантика *тут* слишком сложна, чтобы позволять противопоставление. А именно, *тут* указывает не только на близость к моменту речи, но содержит целый комплекс сложных модальных рамок, включая актуальность в момент речи, указание на пространство говорящего и пр. По-видимому, таким образом обстоит дело во всех рассмотренных нами примерах семантических сдвигов у дейктических местоимений, которые в силу невозможности употребления в контексте противопоставления и рематизации утрачивают фонетическую самостоятельность.

Однако в принципе ни одно из рассмотренных нами небуквальных значений — отрицательная оценка (*этот, твой, весь*), близость к моменту речи (*тут*), временное следование за моментом речи (*там*), высокая степень (*большой, порядочный*) — не запрещает само по себе противопоставление и, соответственно, рематизацию и фразовое ударение. Во-первых, это возможно, если данное значение выражается лексемой в буквальном значении: так, все прилагательные отрицательной оценки (*неприятный, плохой, противный* и т. д.) способны к рематизации и фразовому выделению, так же как и временные наречия *сейчас, теперь, потом* или наречие высокой степени *очень*. Более того, даже если указанные смыслы выражаются переносным значением слова, просодическое выделение возможно, если разрешение неоднозначности происходит на контекстуальной основе и буквальная интерпретация невозможна: так, можно сказать *У него совсем легкий акцент; Дождь очень сильный* и т. д.

Любопытно, что даже и рассмотренные нами прилагательные *большой* и *порядочный* в переносном значении высокой степени свободно допускают фразовое ударение, причем в однозначных контекстах: так, возможны фразы вида *Безусловно, [...] возможности у нас БОЛЬШИЕ* [В. Губарев, Ю. С. Осипов. Академик

Юрий Осипов: куда же идет наша наука? // «Наука и жизнь», 2007]; *Правда, город не велик, но расстояние порядочное* [И. Грекова. Перелом (1987)]. В подобных примерах не возникает неоднозначности, так как отсутствует возможность интерпретировать *большой* в значении физического размера и *порядочный* в значении этической оценки. Однако если неоднозначность возможна, то фразовое ударение актуализирует именно буквальное, а не переносное значение. Так, фразу *Он большой дурак* естественно интерпретировать как оценку степени дурости, в то время как во фразе *Он большой дурак* форсируется буквальное понимание (*большой* по росту или по возрасту — в противоположность некоему *маленькому дураку*).

Безусловно, в подавляющем большинстве случаев полисемия не порождает никакой неоднозначности, так как разные значения одного слова имеют разную семантическую сочетаемость: *легкий чемодан* — *легкий диктант* — *легкий акцент* и т. д. В таких случаях возможность или невозможность фразового ударения диктуется именно семантикой лексемы, то есть ее способностью или неспособностью вступать в отношения противопоставления.

Например, лексемы со сложными модальными рамками, к которым относятся переносные значения дейктических местоимений, не могут нести фразовое ударение в принципе, так как они неспособны к противопоставлению и рематизации. Глаголы в некоторых лексико-функциональных значениях с обязательными зависимыми также не могут нести фразовое ударение, поскольку для них по семантическим причинам также невозможно противопоставление; ср., например, глаголы *лежать*, *сидеть* и *стоять* в значении ‘находиться’: *Город Дальнегорск лежит в долине реки Рудная*; *Он уже два года сидит в тюрьме*; *Дом стоит на краю поля*. Для них нехарактерно фразовое ударение, поскольку недопустимо противопоставление: город в значении местоположения может только *лежать*, дом — только *стоять*, человек в тюрьме — только *сидеть*. Попытка выделить глагол в таких предложениях фразовым ударением приводит либо к аномалии, либо к форсированному буквальному пониманию, либо к форсированной интерпретации в экзистенциальном значении: **Город лежит в долине реки* [фраза невозможна], *Он уже два года сидит в тюрьме* [в буквальном смысле находится в сидячем положении], *Дом стоит на краю поля* [‘еще существует, не исчез’].

В некоторых лексико-функциональных значениях² рематизация и фразовое выделение возможны, но также только с экзистенциальной интерпретацией; ср. Func0 (глагол со значением существования) *Дождь идет* ‘Дождь есть’ или Oper1 (глагол со значением реализации действия, выраженного зависимым существительным) *Они все же ведут диалог* ‘Диалог есть’³.

В этом смысле фразовое ударение «ведет» себя как другие языковые свойства: как отмечается в работах [Апресян 2006; Апресян 2009], в своем основном значении

² См. [Mel’čuk 1996] для объяснения понятия лексической функции, в том числе лексических функций Func0 и Oper1.

³ Ю. Д. Апресян отмечает связь фразового ударения и экзистенциальной интерпретации для разных значений глагола *быть* [Апресян 2014]: *В зоопарке был лев* [локативное понимание] vs. *В зоопарке был лев* [экзистенциальное понимание].

слово в силу семантических причин имеет наибольшую степень свободы и наибольший набор разнообразных языковых свойств; по мере развития переносных и лексико-функциональных значений, это разнообразие и свобода утрачиваются также по семантическим причинам.

3. Фразовое ударение в «Активном словаре русского языка»

Если опираться на данные Активного словаря, где последовательно фиксируются нетривиальные просодические свойства слов, можно сказать следующее. В буквальном значении у полнозначных слов обычно есть возможность нести на себе фразовое ударение, но просодическое выделение не является обязательным. В переносных значениях и конструкционно ограниченных употреблениях либо имеет место лексикализованная просодия и фразовое ударение обязательно (в небольшом количестве семантически обоснованных случаев), либо оно невозможно (в большей части случаев), либо оно возможно, но не обязательно (также в большей части случаев).

Первый случай можно проиллюстрировать несколькими примерами. Например, обязательно фразовое ударение для слова *истинный* в значении ‘неподдельный’, которое лексикализуется в силу верификативности этой лексемы: *Это истинное раскаяние* (противопоставлено *притворному*) [В. Апресян 2023]. Верификативностью объясняется и обязательность просодического выделения в конструкционно ограниченном употреблении глагола *быть*: «*Сейчас уже есть восемь часов* = ‘Сейчас не менее восьми часов’» [Апресян 2014]. Обязательно также фразовое ударение для временных слов в конструкции с творительным в силу того, что они выражают высокую количественную оценку: *Он Днями читал ей вслух* [Богуславская 2017].

Второй случай можно проиллюстрировать, помимо уже приводившихся примеров, словом *буквально* [Левонтина 2014]. В первом, прямом значении оно часто выделено просодически и даже синтаксически обычно занимает позицию ремы: *Понимай меня БУКВАЛЬНО*. Напротив, в переносном значении сходства оно не может быть просодически выделено: *Он буквально ПОЗЕЛЕНЕЛ от злости*. Произнесение с фразовым ударением на наречии актуализирует прямое значение: *Он БУКВАЛЬНО позеленел от злости* ‘действительно стал зеленым’.

В качестве иллюстрации третьего случая можно привести слово *беспокоить* в переносном значении ‘причинять боль’ [Апресян 2014]. Оно может быть просодически выделено (*Рана БЕСПОКОИТ?*) или не выделено (*Меня беспокоит РАНА*). При этом в ситуации потенциальной неоднозначности при просодическом выделении также актуализируется буквальное значение эмоционального состояния: фраза *Эта рана меня очень БЕСПОКОИТ* скорее будет интерпретирована как сообщение о беспокойстве говорящего по поводу раны, чем как сообщение о болевых ощущениях в ней. Таким образом, фразовое ударение способствует буквальному пониманию в тех случаях потенциальной неоднозначности, когда для переносного значения фразовое ударение невозможно или не обязательно.

Однако в тех ситуациях, когда фразовое ударение обязательно для переносного значения, оно не может служить индикатором буквальной или не буквальной

интерпретации. Приведем в качестве примера глагол *висеть* в разных значениях [Июмдин 2014]. Для некоторых переносных лексем этого глагола фразовое ударение обязательно в силу их рематичности. Таковы, например, имплицитно отрицательные значения ‘не облегать’ (*Штаны висят*), ‘не реагировать на команды’ (*Компьютер висит*), ‘не реализоваться’ (*Проект висит*). Соответственно, потенциально неоднозначные фразы типа *Штаны висят* невозможно интерпретировать вне более широкого контекста. Прагматически их более естественно понимать в переносном значении (‘Штаны слишком широкие’), однако нельзя полностью исключить и буквальное понимание ‘Штаны находятся в висячем положении (в противоположность лежащему)’.

По-видимому, фиксации в словаре подлежат обязательные и невозможные просодические выделения, поскольку, хотя они мотивированы семантикой, их невозможно напрямую вывести из толкования по каким-либо правилам. То есть в словаре должна фиксироваться обязательность фразового ударения в случаях типа *Штаны висят*, для которых также нужно отмечать предпочтительность конечного положения глагола во фразе: *Штаны на нем висят*, а не *Штаны висят на нем*. Такого рода ингерентно отрицательные и поэтому рематизированные значения имеются и у некоторых других позиционных глаголов: *Интернет лежит*; *Крепость еще стоит*.

Мы бы также считали необходимым отмечать невозможность фразового ударения для тех переносных значений, которые в принципе не способны к рематизации, например: *Костюм сидит хорошо*; *Путь нам лежал неблизкий*. Безусловно, семантическая обедненность этих значений способствует их безударности (так как основную смысловую нагрузку несет другое слово), однако, как было показано выше, семантическая обедненность как таковая не исключает возможности рематизации и фразового ударения. Напротив, в некоторых случаях фразовое ударение выявляет слабые смыслы глаголов [Апресян 2009]. Так, во фразах типа *Он ее наконец оценил*; *Он соображает*; *Котелок у него варит*, с невыраженной валентностью оценки у глагола, эллипсис и рематизация способствуют реализации слабого смысла ‘хорошо’, который «стирается» при эксплицитном выражении смысла ‘плохо’: *Он оценил ее не очень высоко*; *Он плохо соображает*; *Котелок у него варит так себе*.

Что касается необязательных, но возможных фразовых ударений, то их употребление относится к области грамматики и фиксации в словаре не подлежит.

4. Заключительные замечания

В заключение можно отметить, что фразовое ударение может играть роль в интерпретации потенциально неоднозначных фраз, в которых возможно буквальное или переносное понимание лексемы, в тех случаях, когда оно не является обязательным для переносного значения. В таких ситуациях произнесение фразы с фразовым ударением на потенциально неоднозначной лексеме актуализирует ее буквальное понимание. Эта связь буквального значения и фразового ударения в некотором смысле иконична — говорящий с помощью интонации как бы подтверждает, что его надо понимать буквально.

Литература

Апресян Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. Ин-т языкознания АН СССР. Проблемная группа «Логический анализ языка» / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Наука, 1988. С. 7–44.

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.

Апресян Ю. Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М.: Школа «Языки славянских культур», 2006. С. 33–162.

Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Том I. Парадигматика. М.: Школа «Языки славянских культур», 2009. 568 с.

Апресян Ю. Д. Часть первая. Введение // Проспект активного словаря русского языка / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 17–55.

Апресян Ю. Д. Словарная статья БЫТЬ // Активный словарь русского языка. Т. 1. А–Б / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 394–401.

Апресян В. Ю. Тут, здесь и сейчас. О временных значениях пространственных дейктических слов // Русский язык в научном освещении, 2014, № 1 (27). С. 9–41.

Апресян В. Ю. Связь семантических и коммуникативных свойств языковых единиц // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По мат-лам ежегодной Междунар. конф. «Диалог'2015» / Отв. ред. В. П. Селегей. М.: Изд-во РГГУ, 2015. Вып. 14 (21). С. 2–18.

Апресян В. Ю. Словарная статья ЕЩЁ // Активный словарь русского языка. Т. 4. Д–З / В. Ю. Апресян, И. В. Галактионова, Б. Л. Иомдин (ред. тома); под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М., СПб.: Нестор-История, 2017. С. 348–351.

Апресян В. Ю. Словарная статья ИСТИННЫЙ // Активный словарь русского языка. Т. 4. И–Й / В. Ю. Апресян, И. В. Галактионова, Б. Л. Иомдин (ред. тома); под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М.: МЦНМО, 2023. С. 234–235.

Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / Науч. рук. проекта Д. Пайар. М.: Помовский и партнеры, 1993. 207 с.

Богуславская О. Ю. Словарная статья ДЕНЬ // Активный словарь русского языка. Т. 4. Д–З / В. Ю. Апресян, И. В. Галактионова, Б. Л. Иомдин (ред. тома); под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М., СПб.: Нестор-История, 2017. С. 95–97.

Богуславская О. Ю. Словарная статья ВООБЩЕ // Активный словарь русского языка. Т. 2. В–Г / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 245–246.

Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 461 с.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки славянских культур», 1997. 545 с.

Инькова О. ВООБЩЕ // Семантика коннекторов: контрастивное исследование / Под науч. ред. О. Ю. Иньковой. М.: ТОРУС ПРЕСС, 2018. С. 80–128.

Иомдин Б. И. Словарная статья ВИСЕТЬ // Активный словарь русского языка. Т. 2. В–Г / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 134–137.

Кобозева И. М., Захаров Л. М. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды междунар. конф. «Диалог’2004». М.: Наука, 2004. С. 292–297.

Кодзасов С. В. Семантико-фонетическое расщепление русских частиц и просодическая информация в словаре // Словарь. Грамматика. Текст. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1996. С. 97–112.

Крылова Т. В. Словарная статья ВОТ // Активный словарь русского языка. Т. 2. В–Г / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 284–288.

Левонтина И. Б. Словарная статья БУКВАЛЬНО // Активный словарь русского языка. Т. 1. А–Б / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 376–377.

Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М.: Наука, 1985. 170 с.

Николаева Т. М. От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000. 680 с.

Павлова А. В., Светозарова Н. Д. Фразовое ударение и семантика именных и глагольных групп // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Ин-та лингвистических исследований, 2015, т. 11, № 1. С. 685–698.

Шимчук Э. Г., Щур М. Г. Словарь русских частиц. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1999. 147 с.

Шмелев А. Д. Частица *там* как маркер «несущественной детали» // Язык как материя смысла. Сб. стат. к 90-летию юбилею акад. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2007. С. 208–218.

Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001. 384 с.

Янко Т. Е. Просодия в толковом словаре и словарь уникальных просодий // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По мат-лам ежегодной Междунар. конф. «Диалог’2008». М.: Изд-во РГГУ, 2008. Вып. 7 (14). С. 595–601.

Apresjan V., Shmelev A. Асимметрия ‘близкого’ и ‘далекого’: темпоральные значения. Russian Linguistics, 2020, vol. 44, pp. 203–230.

Mel’čuk Igor A. Lexical Functions: A tool for the description of lexical relations in the lexicon. In Leo Wanner (ed.), Lexical Functions in Lexicography and Natural Language Processing. Amsterdam, John Benjamins, 1996, pp. 37–102.

V. Yu. Apresjan
Henan University
(China, Kaifeng)

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)

valentina.apresjan@gmail.com

THE ROLE OF PHRASAL STRESS IN THE INTERPRETATION OF POLYSEMIOUS WORDS

A substantial body of literature explores the relationship between prosody and semantics. Certain types of meanings are supposed to “attract” phrasal stress, such as verification, emphasis, and negation: “He REALLY loves you”; “I will do it MYSELF”; “I have FEW friends.” Some dictionaries even incorporate details about lexicalized prosody, e. g., the “Dictionary of Russian Particles” by E. G. Shimchuk and M. G. Shchur, and the “Active Dictionary of the Russian Language” under the general direction of Yu. D. Apresyan. Some studies explore the influence of prosody on the interpretation of ambiguous words. For instance, the phrase “She is a REAL queen” implies that she genuinely belongs to the royalty, whereas “She is a real QUEEN” suggests only the likeness of her bearing to that of a true royal. Our study seeks to further investigate the influence of prosody on the interpretation of polysemous words. We assume that obligatory phrasal stress is a relatively uncommon phenomenon and is associated with specific types of meanings outlined in the existing literature. Furthermore, we anticipate that the feasibility of phrasal stress correlates with broader principles governing polysemy organization. Specifically, we predict that in the literal senses of content words, phrasal stress is typically possible, whereas in their figurative and particularly in their semantically bleached and partially grammaticalized meanings, the capacity for prosodic emphasis diminishes. This phenomenon cannot be attributed solely to the general trend towards the loss of phonetic autonomy that accompanies semantic bleaching. We expect to demonstrate a correlation between the (im)possibility of phrasal stress and figurative vs. literal meanings.

Key words: prosody, polysemy, phrasal stress, literal sense, figurative sense.

References

Apresyan Yu. D. [Pragmatic information for an explanatory dictionary]. *Pragmatika i problemy intensional'nosti. Institut yazykoznaniya AN SSSR. Problemnaya gruppa «Logicheskii analiz yazyka»* [Pragmatics and issues of intentionality. Institute of Linguistics, USSR Academy of Sciences. Problem Group “Logical Analysis of Language”]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 7–44. (In Russ.)

Apresyan Yu. D. *Izbrannye trudy. T. II. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected works. Vol. II. Integral description of language and systemic lexicography]. Moscow, Shkola “Yazyki russkoy kul'tury” Publ., 1995. 767 p.

Apresyan Yu. D. [Foundations of systemic lexicography]. *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Language worldview and systemic lexicography]. Moscow, Shkola “Yazyki slavyanskikh kul'tur” Publ., 2006, pp. 33–162. (In Russ.)

Apresyan Yu. D. *Issledovaniya po semantike i leksikografii. T. I. Paradigmatika* [Studies in semantics and lexicography. Vol. I. Paradigmatics]. Moscow, Shkola "Yazyki slavyanskikh kul'tur" Publ., 2009. 568 p.

Apresyan Yu. D. [Part one. Introduction]. *Prospekt aktivnogo slovarya russkogo yazyka* [Prospect of an active dictionary of the Russian language]. Moscow, Shkola "Yazyki slavyanskikh kul'tur" Publ., 2010, pp. 17–55. (In Russ.)

Apresyan Yu. D. [Dictionary entry "TO BE"]. *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka. T. A–B*. [Active dictionary of the Russian language. Vol. 1. A–B]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2014, pp. 394–401. (In Russ.)

Apresyan V. Yu. [Here, there, and now. On the temporal meanings of spatial deictic words]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2014, no. 1 (27), pp. 9–41. (In Russ.)

Apresyan V. Yu. [Interplay between semantic and communicative properties of linguistic items]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunar. konf. «Dialog»* [Computational linguistics and intellectual technologies: Proceedings of the Annual International Conference "Dialog"]. Moscow, RGGU Publ., 2015, issue 14 (21), pp. 2–18. (In Russ.)

Apresyan V. Yu. [Dictionary entry "ALSO"]. *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka. T. D–Z* [Active dictionary of the Russian language. Vol. D–Z]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. pp. 348–351. (In Russ.)

Apresyan V. Yu. [Dictionary entry "TRUE"]. *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka. Tom I–Y* [Active dictionary of the Russian language. Vol. I–Y]. Moscow, MTSNMO Publ., 2023, pp. 234–235. (In Russ.)

Apresjan V., Shmelev A. Asymmetry of 'close' and 'distant': temporal meanings. *Russian Linguistics*, 2020, no. 44, pp. 203–230.

Baranov A. N., Plungyan V. A., Rakhilina E. V. *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [Guide to discursive words of the Russian language]. Moscow, "Pomovskii i partnery" Publ., 1993. 207 p.

Boguslavskaya O. Yu. [Dictionary entry "DAY"]. *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka. T. D–Z* [Active dictionary of the Russian language. Vol. D–Z]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017, pp. 95–97. (In Russ.)

Boguslavskaya O. Yu. [Dictionary entry "IN GENERAL"]. *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka. Tom V–G* [Active dictionary of the Russian language. Vol. V–G]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2014, pp. 245–246. (In Russ.)

Boguslavskiy I. M. *Sfera deistviya leksicheskikh edinits* [Scopes of lexical items]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoi kul'tury" Publ., 1996. 461 p.

Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Linguistic conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar)]. Moscow, Shkola "Yazyki slavyanskikh kul'tur" Publ., 1997. 545 p.

Inkova O. [IN GENERAL]. *Semantika konnektorov: kontrastivnoe issledovanie* [Semantics of connectors: A contrastive study]. Moscow, TORUS PRESS Publ., 2018, pp. 80–128. (In Russ.)

Iomdin B. I. [Dictionary entry "HANG"]. *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka. Tom V–G* [Active dictionary of the Russian language. Vol. V–G]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2014, pp. 134–137. (In Russ.)

Kobozeva I. M., Zakharov L. M. [The purpose of an audio dictionary of discursive words in the Russian language]. *Trudy mezhdunarodnoi konferentsii Dialog'2004 «Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii»* [Proceedings of the International Conference “Dialog’2004” on computational linguistics and intellectual technologies]. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 292–297. (In Russ.)

Kodzasov S. B. [Semantic-Phonetic split of Russian particles and prosodic information in the dictionary]. *Slovar'. Grammatika. Tekst* [Dictionary. Grammar. Text]. Moscow, Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN Publ., 1996, pp. 97–112.

Krylova T. V. [Dictionary entry “HERE”]. *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka. T. V–G* [Active dictionary of the Russian language. Vol. V–G]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2014, pp. 284–288. (In Russ.)

Levontina I. B. [Dictionary entry “LITERALLY”]. *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka. T. A–B* [Active dictionary of the Russian language. Vol. A–B]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2014, pp. 376–377. (In Russ.)

Mel'čuk Igor A. Lexical Functions: A tool for the description of lexical relations in the lexicon. In: Leo Wanner (ed.), *Lexical Functions in Lexicography and Natural Language Processing*. Amsterdam, John Benjamins Publ., 1996, pp. 37–102.

Nikolaeva T. M. *Funktsii chastits v vyskazyvanii (na materiale slavyanskikh yazykov)* [Functions of particles in the utterance (based on Slavic languages)]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 170 p.

Nikolaeva T. M. *Ot zvuka k tekstu*. [From sound to text]. Moscow, “Yazyki russkoi kul'tury” Publ., 2000. 680 p.

Pavlova A. V., Svetozarova N. D. [Phrasal stress and the semantics of nominal and verbal groups]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanii* [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Studies], 2015, vol. 11 (1), pp. 685–698. (In Russ.)

Shimchuk E. G., Shchur M. G. *Slovar' russkikh chastits* [Dictionary of Russian particles]. Frankfurt am Main, Peter Lang Publ., 1999. 147 p.

Shmelev A. D. [The particle “there” as a marker of “Insignificant Detail”]. *Yazyk kak materiya smysla. Sb. st. k 90-letnemu yubileyu akademika N. Yu. Shvedovoi* [Language as the substance of meaning. Collection of articles for the 90th anniversary of academician N. Yu. Shvedova]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2007, pp. 208–218. (In Russ.)

Yanko T. E. *Kommunikativnye strategii russkoi rechi* [Communicative strategies of Russian speech]. Moscow, “Yazyki slavyanskoi kul'tury” Publ., 2001. 384 p.

Yanko T. E. [Prosody in explanatory dictionary and dictionary of unique prosodies]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy Mezhdunarodnoi konferentsii Dialog'2008 po komp'yuternoj lingvistike i ee prilozheniyam* [Proceedings of the International Conference “Dialog’2008” on computational linguistics and intellectual technologies]. Moscow, RGGU Publ., 2008, issue 7 (14), pp. 595–601. (In Russ.)

Е. Л. Бархударова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

(Россия, Москва)

e.barhudarova@rambler.ru

К ПРОБЛЕМЕ УЧЕТА ОРФОЭПИЧЕСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ В КУРСЕ РУССКОЙ ФОНЕТИКИ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с разработкой орфоэпических рекомендаций в курсе русской звучащей речи для иностранных учащихся. В процессе преподавания практического русского языка в иноязычной аудитории особенно важно следовать грамотным орфоэпическим указаниям: в области произношения к иностранцу парадоксальным образом могут предъявляться более жесткие требования, чем к носителю языка.

Практика обучения русской фонетике показывает, что орфоэпическая вариативность является фактором, затрудняющим освоение произношения для тех, кто изучает русский язык как неродной. Во-первых, разные варианты произношения одного слова воспринимаются носителями ряда языков как разные слова. Во-вторых, орфоэпическая вариативность может препятствовать усвоению в иноязычной аудитории важных для русского языка фонологических противопоставлений.

В силу сказанного в курсе русской фонетики для иностранцев редко изучаются орфоэпические варианты: обычно дается один нормативный вариант произношения, который выбирается с опорой на авторитетные словари. Важно указать, что выбор осуществляется с учетом не только лингвистических, но и лингводидактических критериев, которые включают требование минимизации учебного материала, обязательность профилактики потенциальных ошибок в интерферированной речи иностранцев и обеспечение простоты и доступности презентации языкового материала.

Ключевые слова: русская фонетика, произношение, орфоэпические рекомендации, лингвистический, лингводидактический, иноязычная аудитория, фонетическая интерференция, иностранный акцент.

Одна из важнейших задач обучения иностранцев практическому русскому языку — отбор и минимизация материала в зависимости от целей обучения, родного языка учащихся, их профессиональной ориентации, количества часов и ряда других факторов. Сказанное в полной мере относится к курсам обучения русскому произношению, разработка которых не может не содержать обусловленные указанными факторами конкретные кодификационные рекомендации.

В книгах, статьях и докладах Марии Леонидовны Каленчук неоднократно рассматривались критерии, используемые «при переходе от фиксации узуального употребления к кодификации» [Каленчук 2021: 12]. К числу этих критериев исследователь относит, во-первых, соответствие внутреннему языковому закону, во-вторых, соответствие культурно-исторической традиции, в-третьих, распространенность варианта и статистику нормы, в-четвертых, общественное одобрение и признание социумом варианта нормативным (подробнее см. [Каленчук 2021: 12–22]).

М. Л. Каленчук подчеркивает, что поскольку «нормативные рекомендации в словарях должны опираться на реальную речевую практику образованных людей» [Каленчук 2021: 23], то особую значимость приобретает критерий, связанный с распространенностью варианта в речи: «выявленные в звучащей речи образованных людей при проведении представительных и системных социолингвистических исследований варианты произношения должны быть обязательно учтены при выработке произносительных рекомендаций. И единственный аргумент, препятствующий приданию узуальному варианту статуса кодифицированного, — нарушение внутриязыковых законов» [Каленчук 2021: 22–23].

Как известно, правильное произношение — залог успешности процесса коммуникации для человека, изучающего язык как неродной. В этом отношении к иностранцу парадоксальным образом могут иногда предъявляться требования более жесткие, чем к носителю языка. То, что в речи носителя языка может быть отнесено к особенностям разговорной речи, допустимым в устном общении образованных людей, в речи иностранца воспринимается как акцент. Достаточно вспомнить разные по длительности варианты реализации гласного в первом предударном слоге слова *университет*. В разговорной речи может встречаться даже нулевая реализация гласного, то есть его пропуск: *универ[с'т']ét*. Нередко в речи образованного человека такое произношение встречается чаще, чем произношение, которое принято считать правильным. Подобный пропуск гласного частотен также в акценте носителей языков с жесткой структурой слога (например, китайцев, корейцев, японцев), однако в их интерферированной речи в сочетании с другими ошибками такое явление однозначно воспринимается как фонетическое отклонение.

Итак, в курсе русской звучащей речи для носителей иноязычных систем особенно важно следовать грамотным орфоэпическим рекомендациям. В то же время задача поставить иностранцу произношение, типичное для образованного носителя русского языка, редко выполнима на практике. Поэтому в ходе обучения иностранцев русской фонетике основное внимание уделяется тем явлениям, которые связаны с различением смысла, то есть явлениям фонологического характера, в остальном же допускается произношение, приближенное к правильному (подробнее см., например, [Реформатский 1970; Малащенко 1989]).

В контексте отбора материала для курса русской звучащей речи значим критерий распространенности варианта произношения, поскольку это именно тот вариант, который учащиеся, находясь в стране, где функционирует изучаемый язык, все время слышат и привыкают считать правильным. Особенно важно, если произносительный вариант часто употребляется в устной публичной речи, в том

числе в телепередачах новостного и информационно-публицистического характера. В связи со сказанным, стоит отметить, например, что практически не встречающийся в телепередачах вариант *обеспéчение* может вызвать недоумение в иностранной аудитории, изучающей русский язык на продвинутом этапе: ведь «так никто не говорит». Напротив, вариант *обеспечéние*, который в настоящее время в словарях обычно не рекомендуется, воспринимается как правильный.

В курсе обучения русскому произношению носителей иных языков особое значение приобретает вопрос об орфоэпической вариативности. Поскольку даже в работе с учащимися-филологами, как правило, стоит задача минимизации фонетического материала, знакомства с орфоэпической вариативностью за редким исключением не происходит: обычно дается один-единственный нормативный вариант. Как еще в середине прошлого века указывала Г. И. Рожкова, учащимся «необходимо дать определенные произносительные стандарты, без указания на имеющиеся в языке варианты» [Рожкова 1967: 20]. Важным для обучения иностранцев русской фонетике является следующее положение ученого-методиста: «Из произносительных норм русского языка должны отбираться устойчивые элементы с учетом главнейших изменений, происходящих в фонетической системе русского языка» [Рожкова 1967: 20]. Фактически в данном положении учитываются как степень распространенность варианта произношения, так и его соответствие действующим в языке закономерностям.

Несомненно, орфоэпическая вариативность изучаемого языка является фактором, затрудняющим для иностранцев как восприятие, так и порождение звучащей речи. Например, разные произносительные варианты одного слова могут восприниматься носителями некоторых языков как разные слова. Известно, что в русском языке в заимствованных словах в середине корня на месте двух одинаковых букв могут произноситься как долгие, так и краткие согласные: *телегрá[м:]а* и *телегрá[м]а*, *грú[п:]а* и *грú[п]а*. Иностранцы, в языке которых долготы/краткости согласного является дифференциальным признаком, слышат в подобных случаях два разных слова. Такое искаженное восприятие характерно, например, для венгров.

Когда в родном языке учащихся, напротив, отсутствует то или иное фонологическое противопоставление, орфоэпическая вариативность в изучаемом языке может препятствовать усвоению этого противопоставления. В частности, варианты произношения на месте букв *чн* (*бúло[шн]ая* и *бúло[ч'н]ая*) способствуют закреплению ошибок у носителей тех языков, в которых не противопоставлены шипящие фрикативные и шипящая аффриката. К числу таких языков относится, например, испанский. Сказанное нельзя не учитывать в курсах обучения произношению и выбор варианта должен по возможности облегчить решение задачи формирования слухо-произносительных навыков учащихся (подробнее см. [Бархударова 2023: 236]).

Важно, что при наличии орфоэпической вариативности в изучаемом языке, когда кодификаторами признается несколько вариантов произношения слова, выбор нормативного варианта в курсе практической фонетики для иностранцев может в ряде случаев определяться не только лингвистическими, но и лингводидактическими

критериями, которые не всегда позволяют остановиться на наиболее распространенном варианте. Наряду с уже рассмотренным лингводидактическим критерием, обусловленным требованием минимизации языкового материала, можно назвать еще два критерия лингводидактического характера, которые определяют конкретные орфоэпические рекомендации в курсе обучения произношению. Наличие второго критерия обусловлено тем, что в ходе преподавания русской фонетики в иноязычной аудитории обязательной задачей является профилактика возможных отклонений в русской речи учащихся с учетом как типологических характеристик изучаемой фонетической системы, так и особенностей звукового строя родного языка.

Яркой специфической чертой русской фонетической системы является, например, наличие в ней твердых и мягких фрикативных шипящих. Однако если изучение произношения долгого мягкого глухого [ш':] и отработка минимальных пар слов типа *прошу* — *прощу*, *чаша* — *чаща*, *защита* — *защита* являются для курса русской звучащей речи обязательными, то произношение долгого мягкого звонкого [ж':] обычно остается за рамками курса русской фонетики, адресованного иноязычной аудитории. В настоящее время произношение звонкого мягкого шипящего в русских словах является, как известно, лишь одним из вариантов произношения, причем не самым распространенным: *дожди* — до[жд']и́ и до[ж':]и́, *возжи* — во[ж':]и́ и во[ж':]и́, *езжу* — е[ж':]у́ и е[ж':]у́. В связи со сказанным уместно вспомнить, что даже в слове *жюри*, где традиционно произносился мягкий звонкий шипящий, в настоящее время распространилось, как указывает М. Л. Каленчук, «произношение [жур'и́], которое категорически запрещается почти всеми словарями и пособиями по культуре речи, несмотря на то что это изменение поддержано фонологически и широко распространено в речи (орфоэпический эксперимент показал, что 88% носителей литературного языка, участвовавших в опросе, произносят [жур'и́])» [Каленчук 2021: 14].

Указание на мягкий вариант произнесения звонкого фрикативного шипящего в курсе русской звучащей речи для иностранцев, безусловно, является провокационным, поскольку мягкий вариант обычно экстраполируется учащимися на все случаи употребления звонкого шипящего. Причина заключается в том, что он проще для носителей большинства языков: в иноязычных системах достаточно часто русским твердым шипящим соответствуют полумягкие аналоги, более близкие к произношению русских мягких шипящих, чем к произношению твердых. Поэтому знакомство иностранных учащихся с вариантами типа до[ж':]и́, во[ж':]и́, е[ж':]у́, как и с произношением слова *жюри*, обычно приводит к частой «облегченной» ошибочной замене в их речи твердого [ж] на мягкий [ж']: *[ж']изнь, *[ж']енá, *[ж']ук.

Естественно, что указанные варианты лучше совсем не упоминать в курсе практической фонетики. Исключения составляют только курсы, включающие лингвокультурологическую проблематику, в рамках которой учащиеся знакомятся с особой «художественной функцией» произношения, когда произношение, как указывал Г. О. Винокур, в некоторых случаях «отличается своей необычностью,

намеренно отступает от общепринятого» [Винокур 1997: 100]. Подобное возможно на сцене, на экране, в художественном чтении и может быть продиктовано разными причинами, к числу которых следует отнести, например, стремление актера создать дистанцию между реальным и художественным временем. С этой целью, как известно, нередко используются уходящие и даже уже ушедшие из живой речи нормы произношения.

В рамках изучения лингвокультурологии можно показать носителям разных языков, как ритм или рифма в стихах классиков российской поэзии подсказывают выбор «старшей» или даже устаревшей нормы произношения и вспомнить сформулированное с опорой на работы Е. Д. Поливанова положение М. В. Панова, согласно которому «развитие литературного языка заключается отчасти в том, что он всё меньше развивается» [Панов 2009: 198].

Изучение русского литературного произношения в контексте культурной традиции представляет особый интерес для иностранцев-филологов — как лингвистов, так и литературоведов. В рамках решения данной узко специальной задачи, конечно, не может не приниматься во внимание соответствие орфоэпического варианта культурно-исторической традиции.

Третий лингводидактический критерий, который обуславливает появление конкретной орфоэпической рекомендации в курсе практической фонетики для иностранцев, определяется стремлением упростить презентацию языкового материала. Так, например, везде, где это возможно, следует опираться на максимальное соответствие звука букве. Значит, из двух орфоэпических вариантов [ч'н] и [шн] в тех словах, где оба варианта возможны, чаще выбирается первый: *яй*[ч'н]*ый*, *молб*[ч'н']*ица*, *було*[ч'н]*ая*, *пра́че*[ч'н]*ая*. Произношение [ч'н] может быть выбрано даже в том случае, если оно квалифицируется словарем не как основное, а как допустимое.

Итак, в курсе русской практической фонетики для иностранцев выбор нормативного варианта произношения осуществляется с опорой на рекомендации авторитетных орфоэпических словарей. При наличии в изучаемом языке орфоэпической вариативности учащимся рекомендуется чаще всего только один вариант, причем рекомендация осуществляется с опорой на лингводидактические критерии, к числу которых можно отнести требование минимизации учебного материала, обеспечение профилактики возможных отклонений в интерферированной речи иностранцев и необходимость сделать презентацию языкового материала простой и доступной.

Литература

Бархударова Е. Л. К проблеме анализа «позиционного» акцента в русской речи иностранцев // Труды Института русского языка имени В. В. Виноградова. 2023. № 4 (38). С. 230–239.

Винокур Г. О. Русское сценическое произношение // Винокур Г. О. Биография и культура. Русское сценическое произношение. М.: Русские словари, 1997. С. 89–173.

Каленчук М. Л. Узуальные и кодифицированные произносительные нормы // Норма произношения в узусе и кодификации / Под ред. М. Л. Каленчук, Д. М. Савинова. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2021. С. 4–25.

Малашенко Н. М. Обучение произношению // Методика преподавания русского языка как иностранного на начальном этапе. 3-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1989. С. 37–64.

Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика: Учебник для вузов. 2-е изд., стереотипное. М.: Изд. Дом Альянс, 2009. 256 с.

Реформатский А. А. Фонология на службе обучения произношению неродного языка // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии: Очерк; Хрестоматия. М.: Издательство «Наука», 1970. С. 506–515.

Рожкова Г. И. Фонетическая система русского языка и методика работы по фонетике // Методика преподавания русского языка иностранцам / Под ред. чл.-корр. АН СССР С. Г. Бархударова. М.: Издательство Московского университета, 1967. С. 12–31.

E. L. Barkhudarova
Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)
e.barkhudarova@rambler.ru

ORTHOEPIC RECOMMENDATIONS IN THE COURSE OF RUSSIAN PHONETICS FOR FOREIGN STUDENTS

The article examines issues related to the development of orthoepic recommendations in the course of Russian oral speech for foreign students. When teaching practical Russian to a foreign-language audience, it is especially important to follow the right orthoepic instructions: foreigners might face stricter requirements than native speakers when it comes to pronunciation.

The practice of teaching Russian phonetics shows that orthoepic variability is a factor that complicates the acquisition of pronunciation for those who study Russian as a non-native language. Firstly, different pronunciation options for one word are perceived by native speakers of numerous languages as different words. Secondly, orthoepic variability can hinder the acquisition of phonological oppositions, important for the Russian language in a foreign-language audience.

Hence, orthoepic variants are rarely studied in the Russian phonetics course for foreigners: usually they provide the learner with one standard pronunciation variant, which is selected based on authoritative dictionaries. It is important to point out that the choice is made taking into account not only linguistic, but also linguodidactic criteria, which include the requirement to minimize the educational material, the obligation to prevent

potential errors in the interfered speech of foreigners and ensure the simplicity and accessibility of the language material presentation.

Key words: Russian phonetics, pronunciation, orthoepic recommendations, linguistic, linguodidactic, foreign-language audience, phonetic interference, foreign accent.

References

Barkhudarova E. L. [On the problem of analyzing the “positional” accent in the Russian speech of foreigners]. In: *Trudy Instituta russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova*, 2023, no. 4 (38), pp. 230–239. (In Russ.)

Kalenchuk M. L. [Chapter 1. Customary and codified pronouncing rules]. In: *Norma proiznosheniya v uzuse i kodifikacii* [The norm of pronunciation in usage and codification]. Kalenchuk M. L., Savinov D. M. (eds.). Moscow, Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN Publ., 2021, pp. 4–25. (In Russ.)

Malashenko N. M. [Chapter III. Pronunciation training]. In: *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo na nachal'nom ehtape. 3-e izd., ispr.* [The methodology of teaching Russian as a foreign language at the initial stage. 3rd edition, corrected]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1989, pp. 37–64. (In Russ.)

Panov M. V. *Sovremennyj russkij yazyk. Fonetika: Uchebnik dlya un-tov* [Modern Russian language. Phonetics: A textbook for univ.]. 2nd edition, stereotype, Moscow, Izd. dom Al'yans Publ., 2009. 256 p.

Reformatskiy A. A. [Phonology in the service of teaching pronunciation of a non-native language]. In: Reformatskiy A. A. *Iz istorii otechestvennoj fonologii: Ocherk; Hrestomatiya* [From the history of Russian phonology: An essay; Textbook]. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 506–515. (In Russ.)

Rozhkova G. I. [Phonetic system of the Russian language and methods of work on phonetics]. In: *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka inostrancam* [Methods of teaching the Russian language to foreigners]. Chl.-korr. AN SSSR S. G. Barkhudarov (ed.). Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1967, pp. 12–31. (In Russ.)

Vinokur G. O. [Russian stage pronunciation]. In: *Vinokur G. O. Biografiya i kul'tura. Russkoe scenicheskoe proiznoshenie* [Biography and culture. Russian stage pronunciation]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997, pp. 89–173. (In Russ.)

С. Ф. Барышева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

(Россия, Москва)

baryshevasf@yandex.ru

ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЕ ПОЗИЦИИ КАК ФАКТОРЫ НАРУШЕНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ ФОНЕТИЧЕСКОГО СЛОВА

В статье рассматривается одно из самых частотных явлений спонтанной устной речи — нарушение целостности фонетического слова в результате отрыва проклитики (предлога или союза) от знаменательного слова. Объектом изучения стала публичная официальная речь (научная и массмедийная). В центре внимания три аспекта: 1) выявление произносительных позиций, влияющих на нарушение целостности фонетического слова; 2) фонетические процессы, сопровождающие отрыв клитики; 3) определение тенденций развития произносительной системы русского языка, проявляющихся в описываемом фонетическом явлении.

В работе прослеживается генезис термина «произносительная позиция», введенный М. Л. Каленчук.

Также в статье описан и классифицирован комплекс произносительных позиций, вызывающих отрыв клитики с определенными фонетическими «последствиями». Произносительные позиции по фактору действия распределены на речевые и языковые. К речевым относятся позиции, отражающие особенности конкретной ситуации, ее коммуникативно-прагматический характер: нарушение границ фонетического слова становится одним из видов акцентного выделения знаменательного слова или коммуникативным сигналом ситуации подбора слова. Языковыми факторами описываемых процессов являются существующая грамматическая тенденция к агглютинативности и усиление действия особых единиц — диерем, или пограничных сигналов, как фонетических способов обозначения границ между морфемами и словами.

В результате исследования выявлены группы предлогов по частотности описываемого явления, отмечена особая роль в этом процессе левого контекста. Показательны и факты письменной речи, где также фиксируются случаи отрыва клитик, причем большинство зафиксированных случаев — это сочетание предлога с вводным словом или вставкой.

Ключевые слова: устная публичная речь, фонетическое слово, клитика, произносительная позиция.

Изучение фонетики клитик представляет собой один из самых интересных объектов современной звучащей речи. Их фонетическое поведение очень разнообразно, что отчасти демонстрируют следующие примеры:

- *Можно ли говорить [о]-некоторой динамике в / русском языке* (научная конференция);
- *путешествовал п[á]-Волге и подъехал [к°] / Макарьевскому монастырю* (радиоречь).

Примеры демонстрируют необязательность качественной редукции фонемы /о/, возможность акцентной выделенности клитики, случаи отрыва предлога с нарушением единства фонетического слова, возможность появления гласного призвука у однофонемного консонантного предлога, сопровождающего его лексический отрыв.

Предметом данного исследования стали случаи нарушения целостности фонетического слова в виде отрыва клитики от знаменательного слова, сопровождающегося фонетическими новациями.

В центре внимания три аспекта темы:

1) выявление произносительных позиций, влияющих на нарушение целостности фонетического слова, а именно вызывающих отрыв клитики от знаменательного слова;

2) сама позиция отрыва клитики и происходящие при этом фонетические процессы: рассматриваются процессы, сопровождающие отрыв клитики, а именно особенности предложного консонантизма (на примере фонетики конечного согласного предлога) и предложного вокализма (на примере односложных предлогов с фонемой /о/);

3) определение тенденций развития произносительной системы русского языка, косвенно или явно проявляющихся в описываемом фонетическом явлении.

Объектом изучения стала устная публичная речь (научная и массмедийная) последних двух десятилетий.

Понятие «произносительная позиция»

Термин «произносительные позиции» введен М. Л. Каленчук. Генезис этого термина прослеживается по работам М. Л. Каленчук разных лет [Каленчук 1993а, 1993б, 2000, 2007, 2013, 2015, 2020]. На первых этапах изучения фонетических закономерностей они делились на фонетические и орфоэпические, имевшие, в терминах М. Л. Каленчук, соответственно «фонетическую обусловленность» и «орфоэпическую закрепленность»: «При фонетической обусловленности фонетическая позиция однозначно предсказывает появление того или иного звука — действует фонетический закон. При орфоэпической прикрепленности та или иная орфоэпическая позиция может притягивать определенную реализацию фонемы, но возможность появления конкретного орфоэпического варианта предсказывается орфоэпической позицией только статистически вероятно, действует орфоэпический закон» [Каленчук 1993б: 68]. В соответствии с таким подходом фонетические

позиции диктуют однозначную звуковую реализацию фонемы, а орфоэпические правила допускают звуковую вариативность реализации фонемы в зависимости от целого ряда факторов.

В связи с этим особую объяснительную силу получает термин «фразовая позиция», введенный еще в 1967 году С. С. Высотским. Под фразовой позицией понимается «прежде всего наличие vs отсутствие акцентно-тонального, динамического или темпорального, т. е. акцентного выделения» [Каленчук, Касаткина (ред.) 2013: 13].

На следующем этапе вводится термин «орфоэпическая позиция»: «Исследования последних лет показали, что орфоэпический материал, так же как и фонетический, подчиняется позиционному описанию» [Каленчук 2020: 576]. М. Л. Каленчук в целом ряде работ дополняет список интонационных факторов целым комплексом других языковых факторов: это частотность слова, происхождение слова и др.

И далее: «Можно предложить такое описание звукового строя языка, при котором произносительные закономерности делятся не на **фонетические** и **орфоэпические**, а на **позиционные** и **непозиционные** [выделено автором — С. Б.]. Понятия фонетической и орфоэпической позиции можно либо объединить в единое понятие произносительной позиции, либо, сохранив понятие фонетической и орфоэпической позиции, считать первые частным проявлением вторых, что снимает вопрос о различиях между фонетикой и орфоэпией» [Каленчук 2020: 579].

Произносительные позиции нарушения целостности фонетического слова

В данном исследовании рассматривается комплекс произносительных позиций применительно к такому чрезвычайно распространенному явлению устной речи, как нарушение целостности фонетического слова, состоящего из знаменательного слова и примыкающей к нему проклитики (предлога или союза). Речь идет об отрыве клитики от знаменательного слова с появлением паузы между ними. Это явление в устной речи очень частотно и разнообразно в своих проявлениях: фиксируется отрыв как слоговых предлогов, так и консонантных (состоящих из одного согласного); односложных и многосложных. При этом отрыв в пределах одной фразы может быть неединичным:

- *и / наш храм был одним и[з] / двухсот храмов* (радиоречь);
- *в ответ на / предложение о том что /* (радиоречь);
- *связан с / рассмотрением доступа к / источникам информации;*
- *потому что / в / современных словарях* (научная конференция);
- *можно прочитать в / сборнике под / редакцией* (научная конференция);
- *в связи с / тем что /* (научная конференция).

Уже формируются группы предлогов по частотности; причем в этом процессе особенно заметна роль левого контекста, своего рода лексикализация:

- а) для предлога «о» — это сочетание с глаголами речи, прежде всего *говорить о /*;
- б) для предлога «с» — это сочетания *связано с /*; *в связи с*;
- в) для предлога «из» — это сочетание *один из /*

Показательны и факты письменной речи: гораздо реже, чем в устной речи, но все же фиксируются нетрадиционные случаи отрыва клитик, причем большинство зафиксированных случаев письменного отрыва предлога — это сочетание предлога с вводным словом или вставкой:

- В 1665 году Корнилий был поставлен настоятелем Успенского монастыря, где хранился знаменитый чудотворный образ Божией Матери — *с, как он сам подчеркивает в своем обращении 1693 года, «желанием же паки возвратимся в тое пустыню* [Православные храмы, 2017].
- Начнем *с, пожалуй, главного* [Культура, № 1, 2024].
- Падение богатыря *с, в общем-то, невеликой высоты смотрелось монументально* [Б. Акунин «Пелагея и Черный монах»].
- В июне ЛГ рассказала *о, казалось бы, безнадежной судьбе наследия нижегородского художника-флориста Александра Юркова* [Литературная газета, 2023].

Произносительные позиции (по сути, факторы), действующие в описываемом случае, можно разделить на речевые и языковые.

К речевым относятся позиции, отражающие особенности конкретной ситуации, ее коммуникативно-прагматический характер.

1. Нарушение границ фонетического слова становится одним из видов *акцентного выделения* знаменательного слова, что особенно показательно при наличии сильного ударения («супервыделенности», по терминологии И. Г. Торсуевой) на следующем слове или выделении самого предлога:

- *из / различных источников* (научная конференция);
- *исходить из / этих наборов* (научная конференция);
- *и в / других таких же дискурсах* (научная конференция);
- *Никита, по-видимому, с' гордостью подчеркивает это слово* (телеречь).

Здесь уместно отметить распространившийся речевой прием отрыва союза «но» — прием выделения контраргумента. Этот прием получает распространение и в письменной речи: *Эта угроза будет нависать над нами не год и не два, а десятилетия. Но. Врага на Западе лепят не по военным параметрам, а по «ценностям» в рамках «культурных войн»* (Литературная газета, № 4, 2024).

2. Разрыв фонетического слова с паузой хезитации является коммуникативным сигналом ситуации подбора слова. Об этом косвенно могут говорить два речевых факта:

- а) соответствующее лексическое заполнение позиции после паузы типа:
 - *ведут к / каким-то действиям* (научная конференция), т. е. точные слова так и не найдены;
 - *икона вышла и[с] / такого, знает...* (радиоречь);
 - *и [сэ] / большим я бы сказал ... большой глубиной понимания материала* (научная речь);

б) следующая за оторванной клитикой заполненная пауза, например:

- *журналисты и*[з] / [э] / *различных стран*;
- *дело в том что* / [э] / (в речи экскурсовода);
- [из:] [э] / *официальных кругов* (в речи министра иностранных дел С. В. Лаврова).

Языковыми факторами описываемых процессов, на наш взгляд, являются два.

1. Давно существующая грамматическая тенденция к агглютинативности, проявляющаяся в ослаблении спаянности морфемных и словесных стыков. Это проявляется не только в активном разрушении ассимилятивных процессов, особенно на стыке слова и предлога, но и в возможности отрыва последних.

2. Описываемое явление можно отнести и к усилению действия особых единиц — диэрем, или пограничных сигналов, как фонетических способов обозначения границ между морфемами и словами. Это проявление третьей функции фонем, наряду с сигнификативной и перцептивной функциями [Каленчук, Касаткина (ред.) 2013: 30], заключающейся в маркировании границ между значимыми единицами, в данном случае между служебными и знаменательными словами.

Отрыв предлогов как проявление новых языковых тенденций

Отрыв предлога ведет к появлению новых произносительных явлений. Это прежде всего фонетические «последствия» нарушения законов чередования звуков.

Отметим, что фонетическое поведение предлогов в составе фонетического слова (без отрыва) становилось предметом исследовательского внимания М. Л. Каленчук [Каленчук 2007]. В эксперименте чтения информантами предложно-падежных сочетаний изучались факторы, влияющие на нарушения позиционных чередований как в области гласных звуков, так и согласных звуков. Для реализации гласной фонемы редуцированным или нередуцированным звуком оказались важными следующие факторы: происхождение предлога, место по отношению к ударению, межслововая ассимиляция гласных, слоговая структура предлога, степень освоенности знаменательного слова, позиция зияния. При описании нарушения позиционных чередований согласных на стыке предлога и знаменательного слова отмечено действие такого фактора, как акцентная выделенность предлога. Все эти факты говорят о том, что «звуковое оформление русских предлогов специфично и во многом определяется их стремлением быть оформленными как самостоятельное фонетическое слово, а не как его составная часть. <...> Относительные клитики — предлоги, союзы, местоимения, — будучи частью фонетического слова, своим звуковым поведением напоминают, что исторически и грамматически они все же самостоятельные слова» [Каленчук 2007: 229–230].

Наблюдение за предлогами при их отрыве демонстрирует те же самые явления в нарушении позиционных чередований звуков и те же самые «стремления к самостоятельности», причем в большей степени.

В области вокализма очень много примеров отсутствия качественной редукции фонемы /o/, причем именно при отрыве клитики: практически ежедневно

фиксируются примеры типа *говорю* [о] / *нашей общественной реальности*; *притча* [о] / *истории мира*; *огромный удар* [по] / *детям*; *в отличие* [от] / *минувших времен*; *ребенок засыпает* [пот] / *слова молитвы*.

Таким образом, безударный гласный [о] возможен во всех предлогах с фонемой /о/ как в произносительной позиции слитного произношения предлога, так и раздельного.

В табл. 1 приведены все отмеченные в период наблюдения реализации фонемы /о/ в составе предлогов в позиции его отрыва от знаменательного слова. Таблица отражает две реализации фонемы (без редукции и с качественной редукцией), каждая из которых может быть представлена в четырех модификациях: с динамическими и/или темпоральными характеристиками или без них.

Таблица 1. Реализация гласной фонемы /о/ в предлоге в позиции перед паузой

Предлог в позиции перед паузой	Отсутствие редукции гласного				С редукцией гласного			
	[о] /	[ó] /	[о:] /	[ó:] /	[а] /	[á] /	[а:] /	[á] /
о /	[о] /	[ó] /	[о:] /		[а] /		[а:] /	
по /	[по] /	[пó] /	[по:] /					
до /	[до] /	[дó] /		[дó:] /				
со /					[сə] /			
от /	[от] /	[óт] /	[о:т] /		[ат] /			
под /	[пот] / [под] †	[пóт] /						
про /					[пра] /	[пρά] /		

Можно утверждать, что лакуны таблицы легко могут быть заполнены примерами при изучении еще большего массива звучащей публичной речи.

Из таблицы видно, что отрыв предлога благоприятен появлению именно нередуцированного гласного звука: при отрыве абсолютно преобладают случаи произнесения предлога именно с нередуцированным гласным /о/ (иногда с удлинением или акцентным ударением). Случаи отрыва с редуцированным гласным (нейтрально-нормативным) единичны (в наших материалах встретились случаи отрыва четырех предлогов, и все — по одному примеру).

Это можно объяснить отмеченной выше тенденцией предлогов к «самостоятельности» (в составе фонетического слова). Оторванный предлог еще более, чем предлог в составе фонетического слова, стремится к оформлению по законам самостоятельного слова, т. е. к произнесению с гласным полного образования.

Интересные отступления от нормы можно наблюдать и **в области консонантизма**.

В табл. 2 представлена реализация согласных фонем в разных видах предлогов: консонантных, состоящих только из согласной фонемы (/в/, /с/, /к/), и слоговых предлогов с конечной согласной фонемой /з/ или /д/.

Таблица 2. Реализация конечной согласной фонемы в предложении в позиции перед паузой

Предлог в позиции перед паузой	Согласный					Согласный + гласный		
	изменение качества			модификации		редуцированный гласный		гласный полного образования
	звонкий в позиции перед паузой			усиление / выделение	долгота			
в /	[в] / и [ф] /	[в ^ф]	[ф ^в]	[в'] / (с эффектом смыка)		[вэ] /	[вэ:] /	[вэ:] /
с /				[с̣] /	[с:] /	[сэ] /	[сэ:] /	
к /						[кэ] /	[кэ:] /	
из /	и[с] / и и[з] /			[и́з] /	и[с:] / и и[з:] /		[изэ:] /	
без /	бе[с] / и бе[з] /							
через /	чере[с] / и чере[з] /							
от /				[о́т] /				
под /	[пог] / и [под] /							
перед /	пере[т] / и пре[д] /							

Таблица фиксирует, во-первых, возможность произнесения звонкого согласного в позиции перед паузой. Клитики — это, пожалуй, единственная зона, где относительно регулярно сейчас фиксируется такая фонетическая новация. И это, без сомнения, проявление общей тенденции разрушения позиционных чередований, одно из своеобразных «подтачиваний» данного фонетического закона.

Отметим, что конечный звонкий согласный зафиксирован во всех предложениях. При этом из всех предлогов чаще других в звонком варианте выступает предлог [в] (он намного частотнее глухого [ф] в этой позиции, это доказывает их соотношение 10:1, а именно на сорок произнесений звонкого [в] приходится всего четыре произнесения глухого [ф]).

Присутствуют и «скользящие» вариации от глухости к звонкости и наоборот: *остается* [в^ф] / *ведении того*; [ф^в] / *оде*.

Во-вторых, таблица фиксирует возможные модификации согласных звуков. Отмечены два вида: акцентное выделение (и здесь опять-таки выделяется предлог «в» с эффектом смычного произношения) и удлинение.

В-третьих, таблица фиксирует произношение консонантных однофонемных предлогов с гласным призвуком, что представляет собой явление разговорной фонетики: *Есть* [в^э] / *записной книжке*; *ситуация* [с^э] / *пенсионерами*; *обратиться* [к^э] / *орфографическим словарям* и мн. др. Его появление можно объяснить стремлением говорящего к оформлению консонантного слога как слоговой единицы, что удобно для произношения и отвечает слоговой структуре русского слова. Кроме того, гласный призвук — это возможность избежать ненормативности звонкого согласного в позиции перед паузой. Но в результате такой «слоговости» формируются два новых явления: во-первых, возможность изолированного, вне слова с ударным гласным, произношения редуцированного гласного и, во-вторых, возможность его произнесения даже с акцентным выделением, как ударного гласного (в сильной позиции).

Общим выводом из сказанного может быть то, что в современной речи фиксируется: а) увеличение случаев отрыва клитик от знаменательного слова и б) вызванные этим процессом разнообразные виды фонетического варьирования. Отдельные явления могут говорить о новых тенденциях развития русского языка.

Литература

Каленчук М. Л. Орфоэпическая система русского литературного языка: дис. ... докт. филол. наук. М.: Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова, 1993а. 417 с.

Каленчук М. Л. О фонетической обусловленности и орфоэпической прикреплённости // Проблемы фонетики. I: сб. статей / Отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Наука, 1993б. С. 67–74.

Каленчук М. Л. О расширении понятия позиции // Фортунатовский сборник: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию московской лингвистической школы 1897–1997 гг. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 27–32.

Каленчук М. Л. Особенности произношения русских предлогов // Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина / Отв. ред. Е. А. Земская, М. Л. Каленчук. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 224–230.

Каленчук М. Л. Служебные слова: взаимодействие фонетики и грамматики // Русская фонетика в развитии: Фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века / Отв. ред. М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина. М.: Яз. славянских культур (ЯСК), 2013. С. 152–162.

Каленчук М. Л. О позиционном подходе к описанию произносительных явлений // Русский язык в научном освещении, 2015, № 2 (30). С. 9–21.

Каленчук М. Л. Фонетика и орфоэпия: статус, объект и задачи двух дисциплин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература, 2021, № 17 (4). С. 571–581.

Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. Особенности звукового оформления русских приставок // Russian Linguistics, 23, 1999. С. 1–9.

Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. (ред.). Русская фонетика в развитии: Фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века. М.: Яз. славянских культур (ЯСК), 2013. 458 с.

S. F. Barysheva
Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)
baryshevasf@yandex.ru

PRONUNCIATION POSITIONS AND THEIR ROLE IN THE VIOLATION OF A PHONETIC WORD INTEGRITY

The article examines one of the most frequent phenomena of spontaneous oral speech — violation of a phonetic word integrity as a result of proclitic (preposition or conjunction) separation from a significant word. The object of the study is public official speech (scientific and mass media). The article focuses on three aspects: 1) identification of pronunciation positions that affect the violation of the integrity of a phonetic word; 2) phonetic processes accompanying the separation of a clitic; 3) determination of trends in the development of the pronunciation system of the Russian language, manifested in the described phonetic phenomenon.

The work traces the genesis of the term “pronunciation position” introduced by M. L. Kalenchuk.

The article also describes and classifies a set of pronunciation positions that cause the separation of a clitic with certain phonetic “consequences”. Pronunciation positions are divided into speech and language by the factor of action. Speech positions include those reflecting the features of a specific situation, its communicative-pragmatic nature: violation of the boundaries of a phonetic word becomes one of the types of accentuated emphasis on a significant word or a communicative signal of a word selection situation.

The language factors of the described processes encompass existing grammatical tendency to agglutinativity and the intensification of the action of special units — dieremes, or boundary signals as phonetic ways of indicating the boundaries between morphemes and words.

As a result of the study, groups of prepositions were identified by the frequency of the described phenomenon, and a special role of the left context in this process was noted. The facts of written speech include numerous cases of clitic separation, where most of the recorded cases are a combination of a preposition with an introductory word or insertion.

Key words: oral public speech, phonetic word, clitic, pronunciation position.

References

Kalenchuk M. L. *Orfoehpicheskaya sistema russkogo literaturnogo yazyka* [The orthoepic system of the Russian literary language]. Doctoral thesis, Moscow, 1993a. 417 p. (In Russ.)

Kalenchuk M. L. [On phonetic conditioning and orthoepic attachment]. *Problemy fonetiki* [Problems of phonetics]. Vol. I, T. M. Nikolaeva (ed.). Moscow, Nauka Publ., 1993b, pp. 67–74. (In Russ.)

Kalenchuk M. L. [On the expansion of the concept of position]. *Fortunatovskii sbornik: Materialy nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu moskovskoi lingvisticheskoi shkoly 1897–1997 gg.* [Fortunatov collection: Materials of a scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the Moscow Linguistic School 1897–1997]. Moscow, Ehditorial URSS Publ., 2000, pp. 27–32. (In Russ.)

Kalenchuk M. L. [Features of pronunciation of Russian prepositions]. *Yazyk v dvizhenii: K 70-letiyu L. P. Krysin* [Language in motion: To the 70th anniversary of L. P. Krysin]. E. A. Zemskaya, M. L. Kalenchuk (eds.). Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2007, pp. 224–230. (In Russ.)

Kalenchuk M. L. [Particle words: interaction between phonetics and grammar]. *Russkaya fonetika v razvitii: Foneticheskie «ottsy» i «deti» nachala XXI veka* [Russian phonetics in development: Phonetic “fathers” and “children” of the early 21st century]. M. L. Kalenchuk, R. F. Kasatkina (Eds.). Moscow, Yaz. slavyanskikh kul'tur Publ., 2013, pp. 152–162. (In Russ.)

Kalenchuk M. L. [On the positional approach to the description of pronounceable phenomena]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2015, no. 2 (30), pp. 9–21. (In Russ.)

Kalenchuk M. L. [Phonetics and orthoepy: the status, object and tasks of two disciplines]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2021, no. 17 (4), pp. 571–581. (In Russ.)

Kalenchuk M. L., Kasatkina R. F. [Features of the sound design of Russian prefixes]. *Russian Linguistics*, 1999, no. 23, pp. 1–9. (In Russ.)

Kalenchuk M. L., Kasatkina R. F. (eds.). *Russkaya fonetika v razvitii: Foneticheskie «ottsy» i «deti» nachala XXI veka* [Russian phonetics in development: Phonetic “fathers” and “children” of the early 21st century]. Moscow, Yaz. slavyanskikh kul'tur Publ., 2013. 458 p. (In Russ.)

Д. Д. Беляев
 Независимый исследователь
 (Россия, Тула)
 beltula@gmail.com

О ФОНЕМНОМ СОСТАВЕ АДЪЕКТИВНЫХ СУФФИКСОВ С ФИНАЛЬЮ **-Н(Н)-**

В статье рассматривается фонемный состав и правописание суффиксов отыменных прилагательных с финалью **-н(н)-**. В XIX в. определились орфографические нормы и исключения — *вѣтреный*, утратившее глагольную мотивировку, и *деревянный*, *оловянный*, *стеклянный*, «согласно с произношением» (Я. К. Грот). Однако неустойчивость долготы согласных звуков делает последний аргумент ненадежным. Достоверный показатель наличия в суффиксе двух фонем **<н>** — вставка беглого гласного в кратких формах м. р., как кодифицированных, так и фиксируемых в узусе. И краткие формы присущи не только качественным прилагательным.

1. **-(...)*онн*-/(...)*енн*-**. Формы *традици^онн*, *таинствен(ен)* и др. указывают на фонемный состав **<(...)*онн*>**. В формах последнего типа побеждают варианты на **-енн**, в том числе и *ветренн*. Эта и другие инновационные формы нередко замещают в текстах формы без **-ен**. Зафиксировано множество ненормативных написаний полной формы *ветренный*.

2. **-ан-/(...)*ян(н)*-**. Наблюдаются не только формы *деревя^нн*, *стекля^нн*, *оловя^нн*, но и *песча^нн*, *серебря^нн*, *кожан^н*, *масля^нн*, *багря^нн*. У 29 прилагательных зафиксированы ненормативные написания типа *песчаный*. Вывод: сформировался единый суффикс **<анн>**.

3. **-ин-**. Образуются формы *змеи^нн*, *звери^нн*, *орли^нн*, *тигри^нн*. У 34 прилагательных зафиксированы ненормативные написания типа *змеинный*. Вывод: суффикс **<инн>**.

4. **(*ир*)ованн**. Обнаружены формы *риско^ванн*, *обетова^нн*, *квалифици^рованн*. Вывод: суффикс **<(ир)ованн>**.

5. **-(...)*енн*-**. Формы *свяще^нн*, *единствен(ен)* и др. указывают на суффикс **<(...)*энн*>**.

Таким образом, все отыменные суффиксы обобщают финаль **<нн>**. В двух случаях орфографические нормы не соответствуют фонемному составу. Варианты кратких форм прилагательных с нечленимой основой *единн*, *поганн*, *пря^нн*, *румя^нн*, *рья^нн*, *ю^нн* и др., а также ненормативные написания типа *единный* говорят о переформлении адъективных основ по модели «корень + основообразующий суффикс».

Ключевые слова: русский язык, норма и узус, отыменные прилагательные, краткие формы, суффиксы, финаль **-н(н)-**, фонемный состав и написание.

На нашем столе появились свиные рёбрышки, куринные грудки, крысиные хвосты и даже орлиные глаза, присоединившиеся к традиционным лакомствам — мороженому и пироженному.

Н. Белошина. Торжество абырвалга («Сноб», 28.06.2013)

Испытывать благородное негодование в адрес духовного наследия П. П. Шарикова легко и приятно. Гораздо труднее, но полезнее задуматься о причинах данного явления.

«Написание **Н/НН**» — наиболее сложная орфограмма 1-го раздела. Таково мнение 64% школьных учителей, опрошенных в 2023 году, см. [Опрос о русском языке...]. Это заставляет проанализировать отношения между орфографическими нормами и соответствующими языковыми единицами. В данной статье рассматриваются суффиксы отыменных прилагательных с финалью **-н(н)-**.

Уже в словарях первой половины XIX в. сформировалось различие суффиксов **-енн-**, **-онн-** — **-ан-**, **-ян-** — **-ин-**. В первой группе исключение составляли прилагательные, семантически отождествляемые с образованиями на **-яный**: *в́трянный* [САР I 1806: 1054; СЦРЯ I 1847: 249, 250], *масле́ный* [САР III 1814: 705; СЦРЯ II 1847: 288], *с(е)ребре́ный* [САР VI 1822: 130, 463; СЦРЯ IV 1847: 120]. В результате грамматико-семантической дифференциации выделились отыменные *масля́ный*, *серебря́ный*, *в́трянный* и отглагольные *масле́ный*, *серебре́ный*, *в́трянный* [Грот 1876: 426, 437, 452]. Последнее прилагательное, утратив глагольную мотивировку, вновь стало и до сих пор остается исключением (единственным после отказа от написания *тундре́ный* [Академос]).

Орфографическая нормализация суффикса **-а/ян-** оказалась более сложной. Динамику узуса 1-й пол. XIX в. описывает Я. К. Грот: «Въ немногихъ вещественныхъ прилагательныхъ окончаніе *яный*, при удареніи на предпоследнемъ слогѣ, превращается, согласно съ произношеніемъ, въ *янный*: *деревя́нный*, *оловя́нный*. Прежде писали также «стекля́нный, серебря́нный, кожаный», но уже съ 1830-хъ годовъ двойное Н остается чуть ли не только въ двухъ приведенныхъ словахъ; нынче пишутъ: *сте́клянный*, *серебра́нный*, *кожа́нный*, *коно́плянный*, *глиня́нный*, *нися́нный*, *жестя́ной* и проч.» [Грот 1876: 255]. Указанные два исключения зафиксированы и в словарях [САР II 1809: 57; САР IV 1822: 304; СЦРЯ I 1847: 318; СЦРЯ III 1847: 64]. Позже к ним присоединилось все же прилагательное *сте́клянный* [Грот 1886: 73].

В современном русском языке выделяются следующие суффиксы с финалью **-н(н)-** (см. [РГ I 1980: 269, 271–272, 275–276, 297–299; Лопатин, Улуханов 2016: 260–261, 309, 338, 387, 504, 507–508, 516–517, 712], материал переработан).

1. **-(...о)нн-/-(...е)нн-** «общее отношение» (*традицио́нный*, *телевизио́нный*, *экзаменацио́нный*, *болезна́нный*, *солодо́венный*, *таинствен́ный*, *утренний...*).

2. **-ан-/-(...я)н(н)-** «отношение к веществу, материалу» (*песча́нный*, *платя́ной*, *медвя́нный...*; *деревя́нный*, *оловя́нный*, *сте́клянный*; плюс: *багря́нный*, *духмя́нный*, *верфя́ной*, *избя́ной*, *нутря́ной*, *сельдя́ной*, *червя́ной*).

3. **-ин-** «отношение к животному» (*зверѳный, змеѳный, петуѳный...*; плюс: *гостѳный, тополѳный*).

4. **(ир)ованн** «отношение к свойству» (*рискованный, обетованный, купированный, привилегированный, дипломированный, квалифицированный, экзальтированный, эрудированный*).

5. **-(...)енн-** «отношение к признаку; усиление признака» (*священный, здоровенный, низменный, косвенный, единственный, явственный...*).

Качество гласных фонем для всех суффиксов не вызывает проблем. Гласные звуки либо постоянно находятся в сильной позиции, либо проверяются.

Напротив, количество фонем **<н>** проблематично. Вопреки традиции, восходящей к Я. К. Гроту («согласно съ произношеніемъ»), нефонологичность признака количества в русском языке не позволяет аргументировать фонемные решения долготой/краткостью согласных звуков. Долгим независимо от положения является [ж^(?)]. Для остальных согласных внутриморфемная долгота чаще всего представлена в позиции рядом с ударным гласным. Причем, по данным «Большого орфоэпического словаря», она абсолютно стабильна только в корне [с:ор-] [Каленчук, Касаткин, Касаткина 2018: 621, 815]. Но в данном случае речь идет о слабой членимости основы (префикс **с-** «совместность действия» и унирадикалоид в остатке). В прочих случаях долгота сокращается как минимум в беглой речи (*в[а]н[н]а, па[н]о́, оловя[н]ый, пенсио́[н]ый* [Каленчук, Касаткин, Касаткина 2018: 57, 471, 498, 511] и др.).

Достоверные свидетельства о наличии в адъективном суффиксе двух фонем **<н>** может дать только вставка беглого гласного в краткой форме м. р. При этом не обязательно наличие такой формы у каждого конкретного прилагательного. Достаточно иметь определенные опорные единицы, не только кодифицированные, но и зафиксированные в узуе.

Следует согласиться с А. А. Зализняком: вопреки морфологическому канону, наличие кратких форм не является исключительным атрибутом качественных прилагательных. Они «потенциально существуют» и у прилагательных относительных [Зализняк 1977: 6]. И не обязателен даже качественный оттенок значения [Всеволодова 2013: 17–19].

1. Краткие формы прилагательных этого класса: *традиционен, таинствен(ен)*... — свидетельствуют о фонемном составе суффикса **<(...)онн**. Динамика форм последнего типа трактуется неоднозначно. До сих пор популярно мнение Д. Э. Розенталя: «...от более древней формы на *-ен*, восходящей к старославянскому языку, к форме на *-енен*, а затем возврат к форме на *-ен* в наши дни, в чем можно видеть частный случай проявления характерной для современной эпохи тенденции к “экономии” языковых средств» [Розенталь 1987: 156]. Однако исследования современного узуса демонстрируют другую картину — «единогласное предпочтение варианта на *-енен* для подавляющего большинства отыменных прилагательных» [Доронина 2011].

Это касается и орфографического исключения *ветренный*. В НКРЯ фиксируется 27 форм *ветренен* (1931–2015), за пределами Корпуса — более 200

(1935–2024). Показательное явление — редактирование первичных форм в текстах. Например:

День был ярок и, пожалуй, немного ветренен (Павл.) [РГ I 1980: 559]. В романе П. А. Павленко «Счастье» (1947): *ветрен*.

...Не думайте, чтоб я в самом деле был так ветренен и опрометчив. Григорович. Свистулькин (Словарь русского языка. Т. II. М., 1983. С. 283). В повести Д. В. Григоровича (1855): *вѣтренъ*.

Итак, вы видите, что я или глуп, или уж очень ветренен... (Жорж Санд. Бабушкины сказки. М., 1991). В сказке «Трибуль» (пер. А. Н. Толиверовой, 1875): *вѣтренъ*.

Закономерным образом узус далеко не всегда соблюдает самую исключительность прилагательного: только в НКРЯ за XIX–XXI вв. насчитывается более 1000 ненормативных написаний полной формы *ветренный*.

2. Множество прилагательных этого класса принято расчленять на 2 подкласса — **<ан>** и **<анн>** [РГ I 1980: 275–276]. Для второго подкласса (*деревянный, оловянный, стеклянный*) отмечается наличие «редко образуемых» кратких форм (в качественном значении) [РГ I 1980: 558]. Оба ограничения излишне категоричны. Форма *деревянен* в НКРЯ представлена 17 примерами (1879–2011), *стеклянен* — 5 примерами (2005–2012), но за пределами Корпуса обе формы обнаружены более 150 раз (1907–2024 и 1924–2024 соответственно).

Дѣло въ томъ, что парашкинецъ деревяненъ не для шутки... (Коронин С. Безгласный // Отечественные записки. 1879. № 12. С. 488).

Первый пример редактирования формы: *Деревяненъ гробъ сосновый, ради мене строень...* (Пришвин М. М. В краю непуганых птиц. СПб., 1907. С. 146). В духовном стихе старообрядцев XVII–XVIII вв.: *древянь*.

Форма *оловянен* встречается реже: она не попала в НКРЯ, а за его пределами найдено 35 примеров (1926–2024). Форма не кодифицирована, хотя появляется и в электронных изданиях, и в печати:

Предисполкома Овсянин — деревянен, бедняк Лапаев — оловянен (Пакентрейгер С. Красная новь. 1926, № 4. С. 327).

И Оппель шагает, Дрожите, славяне! Шаг чугуnen, Взгляд оловянен [1942] (Мариенгоф А. Б. Собр. соч. Т. 1. М., 2013. С. 265).

Бессмысленный взгляд оловянен и туп, Торчит меж губами прокуренный зуб (Голь Н. М. Картинки с выставки // Нева. 2005. № 4. С. 179).

У всех трех прилагательных краткие формы могут выступать в прямом значении «сделанный из». Например (помимо примера из книги Пришвина):

Стул деревянен. Деревянен стол, но дерево — оно не деревянное (НКРЯ. И. Л. Сельвинский, 1967).

А вот западный фасад дома, напротив, совершенно открыт, поскольку стеклянен (<https://sinergidom.ru>, 31.08.2012).

Солдатик жил, забыв, что оловянен (И. Рыжий: <https://stihi.ru/2008/01/22/4376>, 22.01.2008).

Аналогично ведут себя прилагательные 1-го подкласса.

Песчаный. В НКРЯ зафиксирован 1 пример: *Там берег песчанен и плосок...* (И. Елагин, 1939–1953), за пределами Корпуса — 85 (1856–2024), большинство в прямом значении.

Грунтъ въ Амурѣ почти вездѣ или песчаненъ, или илестъ... (Нечто об Амуре [1856] // Творения Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского. Кн. 2. М., 1887. С. 419).

Форма подвергается редактированию:

Левый берег реки песчанен и низменен... Южный ее берег песчанен и низмен... (Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля» в 1821–1824 годах. М., 1948. С. 159, 206). В 1-м издании (1828): *песчанъ*.

Он также низмен, песчанен и покрыт мелким лесом. (Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». М., 2007. С. 350). В 1-м издании (1810): *песчанъ*.

Обнаружено большое количество написаний полной формы *песчаный*: 148 в НКРЯ (1857–2022), более 1150 за его пределами (1836–2024).

Серебряный. Найдено 17 кратких форм м. р. (в т. ч. 4 *серебренен*) вне НКРЯ (1916–2024). Например:

Зрительный образ месяца в поэзии Баратынского и замен, и бледен («серебрянен»), как у Пушкина, и, как у Тютчева, «сладостен»... [1916] (Белый А. Поэзия слова. Пб., 1922. С. 12).

Пылая пульсом жаркой кожи, Я различил девичий смех.

Он был серебренен и ласков. И ночь была полна для всех

(Д. Усов: <https://poembook.ru>, 2024).

В прямом значении:

...А внутренний проводник вибратора антенны серебрянен (<https://ru.made-in-china.com>, 2024).

Пример редактирования формы. Загадка (Солнце и месяц):

Золот хозяин — на поле, серебрянен пастух — с поля (Фалькларыстычныя даследаванні. Вып. 16. Мінск, 2022. С. 124). Ср.: *Золот хозяин — на поле, се-ребрен пастух — с поля* (Юдин А. В. Русская народная духовная культура. М., 1999. С. 208).

В НКРЯ зафиксировано 775 написаний *серебрянный/-енный* (1805–2022).

Кожаный. Обнаружены 4 краткие формы м. р. вне НКРЯ (2017–2021). Показательны «Отбитые стихи»:

*Бумажна лента ЭКГ, И деревянен стул еловый.
Пластмассов перстень на руке, Железны новые подковы.
И керамична слишком плитка, И кожанен ботинок мой.
Вот тайна этих древних свитков. Вот тебе небо, мир, покой.*
(https://vk.com/otbiv_rifmy, 26.02.2021).

Довольно много написаний полной формы *кожаный*: 197 в НКРЯ (1811–2022); более 300 за его пределами (1861–2024).

Масляный (иногда в значении «масленный!»). Вне НКРЯ найдено 16 форм *маслянен* (2008–2024). Например:

*Огни в запотевшем окне летят, негасимы,
и маслянен вкус в полусне холодного дыма.*
(Старушко О. Родительская тетрадь. Стихи. СПб., 2023. С. 40).

...*В ресницах желтых — маслянен и черен — зрачок подсолнуха* (Л. Сашина: <https://stihi.ru/2011/05/10/5619>, 10.05.2011).

...*Отпиленный у сестрицы кусок чебурека был не слишком маслянен и приятно сочен* (<https://restoclub.ru>, Кафе «Брынза», 18.07.2013).

В НКРЯ зафиксировано 75 написаний *маслянный* (1854–2022), вне Корпуса — более 160 (1842–2024).

Багряный. Это цветообозначение, содержащее радикалоид и регулярный суффикс, образует традиционную краткую форму м. р. *багрян* (в НКРЯ 48 примеров, 1908–2013) и инновационную *багрянен* (в НКРЯ 2 примера, 2004–2011). Но за пределами Корпуса традиционная форма встретилась всего 11 раз (1858–2023).

Взамен появляется существительное *багрян*: в НКРЯ 3 примера (2009–2012), вне его 17 (2004–2024). Оно вытесняет лексику *багрец*, в наивном сознании трактуемую как пушкинский гапакс («несуществующее слово»):

*В багрян и золото одетые леса;
Я оденусь как любишь в закатный багрян;
В печали дождь смешал багрян крови и воду...*

Вне НКРЯ активизируется форма *багрянен*: 43 примера (1916–2023). В 2 случаях это результат редактирования:

Въ этой пробужденной странѣ и пришлось развернуть свою дѣятельность Ивану Аксакову и часто приходилось ему повторять свои же слова, вырвавшіяся пламенно еще тогда, когда не вставалъ день «багрянень и пышень»... (Носков Н. Д. Замечательное семейство // Пробуждение. 1916, № 3. С. 95). Ср.: День встаетъ, багрянѣ и пышень... (Аксаков И. С. На 1858 год // Русская беседа. 1858, кн. I. С. 1).

Трава царские очи, и та трава собою велми мала, ростом в иглу, тонка что игла же, а желта яко злато, цвет багрянен... (Студент и наука. Из травника ведуна: <https://studfile.net>, 07.11.2018). Ср.: *Трава царские очи, и та трава собою велми мала, ростом ыглу, тонка что игла же, а желта яко злато. Цвет багрен...* (Травник, XVI в. // Домострой. М., 1990. С. 24).

Написаний полной формы *багрянный* в НКРЯ обнаружено 21 (2001–2012), за его пределами — более 150 (1816–2024).

У 24 прилагательных краткие формы не найдены, но в НКРЯ зафиксированы ненормативные написания полных форм (наиболее частотны *ледянной*, 45 примеров, и *нефтянной*, 37 примеров).

Рассмотренные факты позволяют установить для данного класса единый суффикс **<анн>**. Орфографические маргиналы *деревянный, оловянный, стеклянный* оказываются фонологическими лидерами.

3. У прилагательных этого класса краткие формы обнаружены только за пределами НКРЯ, а ненормативные написания полных форм — и в составе НКРЯ, и вне его.

Суффикс <i>-инен</i> - вне НКРЯ	Суффикс <i>-инн</i> - в НКРЯ	Суффикс <i>-инн</i> - вне НКРЯ
<i>змеинен</i> 9 (2012–2023)	<i>змеинн</i> - 24 (2001–2015)	<i>змеинн</i> - 66 (2002–2024)
<i>зверинен</i> 9 (2002–2016)	<i>зверинн</i> - 51 (1934–2013)	<i>зверинн</i> - 63 (2002–2024)
<i>орлинен</i> 2 (1999–2017)	<i>орлинн</i> - 9 (1934–2012)	<i>орлинн</i> - 54 (1849–2024)
<i>тигринен</i> 1 (2010)	<i>тигринн</i> - 6 (2009–2012)	<i>тигринн</i> - 93 (2009–2024)

Например:

Зверинен лай голодных псов в клыках мороза... (Л. Жукова. Взгляд из городского окна // Двина, 2012, № 2. С. 119).

Коса длинна, орлинен нос! Кто это? — Вот ведь в чем вопрос! (П. Можаяв: https://mevo.narod.ru/ru_mal.htm, 1999).

Да не красен он вовсе — тигринен, Полосат, как тот шпал между рельс... (Б. Минцева: <https://chitalnya.ru>, 29.12.2010).

В прямом значении:

Растушевывал звуки и звал драконов, тех, чей панцирь холоден и глаз змеинен (О. Клевер: <https://stihi.ru>/2012/07/13/3404, 13.07.2012).

В пустыне кто взирал на крест со змеем, тот оставался жив и яд змеинен не причинял вреда. (Д. Волков: <https://vk.com/notes140760667>, 26.03.2018).

У 30 прилагательных краткие формы не найдены, но НКРЯ содержит ненормативные написания полных форм. Наиболее частотны *куриный* (75 примеров), *журавлиный* (54 примера), *гостинный* (48 примеров), *тополинный* (31 пример).

Таким образом, фонемный состав данного суффикса **<инн>**.

4. Для этого суффикса «Русская грамматика» [РГ I 1980: 269] постулирует 1 фонему ⟨н⟩. Для 5 прилагательных из 8 кодифицированы краткие формы м. р.: *рискован*, *привилегирован*, *квалифицирован*, *экзальтирован*, *эрудирован* [Академос]. Однако за пределами НКРЯ обнаружены также формы с беглым гласным: *рискованен*, 37 случаев (1993–2024); *обетованен*, 4 случая (2012–2023); *квалифицированен*, 5 случаев (2007–2024). Например:

По оценкам Валерия Нестерова, такой проект очень рискованен (<https://kommersant.ru>, 28.11.2006).

Мы чужие, пропахли чужими кафе, Каждый столик в них обетованен (Р. Фандорин: <https://fandorinfm.livejournal.com>, 28.06.2012).

Насколько он квалифицированен, законопослушен, доброжелателен и, если хотите, добросердечен... (Боннер А. Т. Избр. труды. Т. VI. М., 2017).

Вывод: фонемный состав суффикса ⟨(ир)ованн⟩.

5. Кодифицированные формы отадъективных прилагательных: *священен*, *единствен(ен)* и др. [Академос] — демонстрируют суффикс ⟨(...)энн⟩.

Итак, краткие формы м. р. свидетельствуют: во второй половине XIX в. зарождается, в XX в. разворачивается, в XXI в. завершается процесс обобщения финали ⟨нн⟩ суффиксов отыменных прилагательных. В двух случаях орфографические нормы не соответствуют фонемному составу.

«Оппозиционно-корреляционный подход позволяет вскрыть взаимосвязь не только отдельных оппозиций, но и частей речи, целостных грамматических категорий» [Журавлев 1991: 56]. В данном случае схождение суффиксов усиливает оппозицию «прилагательное: причастие»; причастный суффикс, вопреки правописанию, содержит 1 фонему ⟨н⟩ (ср.: *песчанен* — *скачан*, *рискованен* — *бракован*). Полный анализ ситуации должен охватить отглагольные прилагательные.

Ситуацию осложняют прилагательные с нечленимой основой: *единный*, *поганный*, *пряный*, *румяный*, *рьяный*, *юный* и др. Их кодифицированные формы м. р. — *един*, *поган*, *прян*, *румян*, *рьян*, *юн* [БТС 2000: 295, 855, 1041, 1133, 1137, 1529]. Однако уже довольно давно появились варианты с наращением *ен*, зафиксированные как в НКРЯ, так и за его пределами, а также ненормативные написания полных форм.

Краткие формы в НКРЯ	Краткие формы вне НКРЯ	Полные формы в НКРЯ
<i>единен</i> 2 (2006–2007)	<i>единен</i> 18 (1974–2024)	<i>единн-</i> 57 (1995–2022)
<i>поганен</i> 3 (2012)	<i>поганен</i> 76 (2006–2024)	<i>поганн-</i> 20 (1908–2016)
<i>прянен</i> 5 (1936–2010)	<i>прянен</i> 104 (1923–2024)	<i>пряни-</i> 32 (1842–2019)
<i>румянен</i> 4 (1990–2012)	<i>румянен</i> 136 (1987–2024)	<i>румяни-</i> 16 (2004–2013)
<i>рьянен</i> 1 (2003)	<i>рьянен</i> 30 (1992–2024)	<i>рьяни-</i> 7 (2008–2011)
<i>юнен</i> 1 (2010)	<i>юнен</i> 24 (2006–2024)	<i>юни-</i> 125 (2001–2022)

Например:

*Под вязью вывески торговца талисманом, Где тайных зелий дух и прянен,
и душист* (Щербаков М. В. Жень-шень // Китай. Литературно-художественный альманах. Шанхай, 1923).

*Что мне до того, что он крестился и теперь так рьянен в этом, как был,
находясь в пионерии и комсомоли...* [1992] (Имя разлуки. Переписка Инны Лиснянской и Елены Макаровой. М., 2017).

Если ты распознал поганые гены, то человек поганен на 70–90%...
(<https://systemity.wordpress.com>, 22.02.2023).

Наибольшую активность проявляет форма *румянен*, вытесняющая *румян* даже из стихотворных текстов, где искажает рифмовку и метрику:

*Хлеб поджарист, пахуч и румянен, В нем отчетливо я вижу очень.
Вековую стожильность крестьян, Труд ученых, заботу рабочих*
(В. Матвеев. Ода хлебу // Реферат «Минеральные удобрения и растениеводство»: https://otherreferats.allbest.ru/agriculture/00064752_0.html, 14.07.2010).

*Кровью казацкой румянен ты, Бледен при чуждой луне,
Славы твоей бриллианты Кованы в бранном огне...*
(П. Донсков. Дону // В. Любишкин. Казачья слава и печаль: <https://chitalnya.ru/work/1080208>, 02.07.2014).

*Был Федот ни красавец, ни урод,
ни румянен, ни бледен, ни богат, ни беден...*
(В. В. Харина. Сценарий химического вечера: <https://nsportal.ru/2015/12/30/stsenariy-himicheskogo-vechera>, 30.12.2015). В сказке Л. Филатова (1987): *ни румян, ни бледен, ни богат, ни беден*.

Любопытно, что она может заменять даже существительное *румянец*:

Человек он хороший, красавец писанный: бровь дугой, а румянен во всю щеку
(Петрушка и музыкант // Педагогическая копилка. Армавир, 2009. С. 262). Ср.: *Человек он хороший, собой красавец писанный, румянец во всю щеку, брови дугой, кудри шелковые* (Маршак С. Я. Петрушка. Народная кукольная комедия в 1 действии [1922] // Собр. соч. Т. 2. М., 1968).

Вот молодой человек, милый нежный мальчик-девочка, румянен, почти пух на щеках... (Л. Петрушевская. Невинные глаза: https://knigochet.com/show_26560, 2002). Ср.: *...румянец, почти пух на щеках...* (Звезда. 2000, № 9. С. 10).

За пределами НКРЯ обнаружено более 150 ненормативных написаний полной формы *румянный* (1812–2024).

Истолкование этих фактов проблематично. В них можно видеть подтверждение альтернативной трактовки рассмотренных выше суффиксальных сегментов *-ен*: «интерфикс, надставка того же типа, что *-ен* в словах *время — времени, времен*

и под.» [Обзор 1965: 182]. Но это плохо согласуется с прогрессирующим употреблением ненормативных написаний *-нн-* в полных формах прилагательных и их дериватах. Очевидно, речь идет о переоформлении адъективных основ по модели «корень + основообразующий суффикс» (а написание *свиной* — замена нулевого дериватора материальным).

Таким образом, основной причиной экстремальной сложности орфограммы «Написание **Н/НН**» (и не только в данном сегменте) является несоответствие действующих правил фонемному составу языковых единиц, т. е. противоречие ведущему принципу русской орфографии — фонематическому, общий потенциал которого реализован недостаточно [Беляев 2021].

Источники

Академос — Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС» [Электронный ресурс]. URL: <https://orfo.ruslang.ru/abc/part/o?start=94757&end=95057>.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html>.

Обзор 1965 — Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.) / Отв. ред. акад. В. В. Виноградов. М.: Наука, 1965. 500 с.

Опрос о русском языке... — Опрос о русском языке среди школьных учителей [Электронный ресурс]. URL: <https://empathy-foundation.ru/news/fond-empatiya-provyol-opros-o-sovremennom-russkom-yazyke-sredi-shkolnyh-uchitelej>.

РГ I — Русская грамматика. Т. I. М.: Наука, 1980. 788 с.

САР — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. СПб.: При Имп. акад. наук, 1806–1822. Ч. I, 1806. 1310 стб. Ч. II, 1809. 1178 стб. Ч. III, 1814. 1414 стб. Ч. IV, 1822. 1536 стб. Ч. V, 1822. 1142 стб. Ч. VI, 1822. 1478 стб.

СЦРЯ — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук: в 4 т. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1847. Т. I. 415 с. Т. II. 471 с. Т. III. 589 с. Т. IV. 487 с.

Литература

Беляев Д. Д. И всё-таки он хороший // Материалы Международной научной конференции «Жизнь языка. К 100-летию со дня рождения М. В. Панова». М., 2021. С. 14–16.

Всеволодова М. В. О грамматике полных и кратких форм прилагательных и причастий в русском языке // Вопросы языкознания, 2013, № 6. С. 3–32.

Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. 2-е изд. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1876. 460 с.

Грот Я. К. Русское правописание. 5-е изд. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1886. 120 с.

Доронина С. В. Проблема нормализации употребления кратких прилагательных на *-ен/-енен* // Алтайский государственный университет, 2011 [Электронный документ]. URL: <https://www.asu.ru/files/documents/00004503>.

Журавлев В. К. Диахроническая морфология. М.: Наука, 1991. 208 с.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М.: Русский язык, 1977. 880 с.

Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка: литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / Под ред. Л. Л. Касаткина. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018. 1024 с.

Лопатин В. В., Улуханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Азбуковник, 2016. 812 с.

D. D. Belyaev
Independent scholar
(Russia, Tula)
beltula@gmail.com

ON THE PHONEMIC COMPOSITION OF THE ADJECTIVAL SUFFIXES WITH FINAL *-H(H)-*

The paper focuses on the phonemic composition and orthography of the denominative adjectives suffixes with final *-H(H)-*. The main orthographic norms and exclusions were defined in the 19th century. Exclusions were: *вѣтреный*, that lost its verbal motivation, and *деревянный*, *оловянный*, *стеклянный*, «according to their pronunciation» (Ya. K. Grot). However, the instability of the consonantal length makes the latter argument unreliable. The best indicator of the presence of two **<H>** phonemes in the adjectives suffixes is the insertion of a mobile vowel in the short forms masc., both in codified forms and in those registered in the usus. And short forms are not only inherent in qualitative adjectives.

1. *-(...)онн-/-(...)енн-/-ен-*. The forms *традици**онн***, *таинств**ен(ен)*** etc. indicate the phonemic composition **<(...)онн>**. The forms of the last type variants in *-енен*, including *ветрен**ен***, become more widespread. This and other innovative forms often replace forms without *-ен* in texts. A lot of non-normative spellings of the full form *ветренный* are observed in the usus.

2. *-ан-/-(...)ян(н)-*. Along with forms *дерев**ян***, *стекля**н***, *олов**ян***, non-normative forms *песч**ан***, *серебр**ян***, *кожан**н***, *масля**н***, *багр**ян*** are observed. 29 adjectives demonstrate non-normative spellings like *песчан**н***. Conclusion: the unified suffix **<анн>** has been formed.

3. *-ин-*. Forms *зме**йн***, *звер**йн***, *орл**йн***, *тигр**йн*** are observed. In total 34 adjectives demonstrate non-normative spellings like *зме**йнн***. Conclusion: suffix **<инн>**.

4. **(ир)ованн**. Forms *риско́ванен*, *обетова́нен*, *квалифици́рованен* are observed. Conclusion: suffix **⟨(ир)ованн⟩**.

5. **-(...)енн-**. Forms *свяще́нен*, *единствен(ен)* etc. indicate the suffix **⟨(...)энн⟩**.

Thus, for all denominative suffixes final **⟨нн⟩** becomes common. In two cases orthographic norms do not correspond to the phonemic composition. The variants of the short forms with indivisible stem: *единен*, *поганен*, *прянен*, *румянен*, *рьянен*, *юнен* etc. as well as non-normative spellings like *еди́нный* indicate that adjectival stems are transformed according to the “root + stem-forming suffix” model.

Key words: Russian language, norm and usus, denominative adjectives, short forms, suffixes, final **-н(н)-**, phonemic composition and spelling.

References

Belyaev D. D. [And yet he’s good!]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Zhizn’ yazyka. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya M. V. Panova»* [Materials of the International Scientific Conference “The Life of language. To the 100th anniversary of the birth of M. V. Panov”]. Moscow, 2021, pp. 14–16. (In Russ.)

Doronina S. V. *Problema normalizatsii upotrebleniya kratkikh prilagatel’nykh na -en/-enen* [The problem of normalizing the use of short adjectives in -en/-enen]. Altai State University, 2011. Available at: <https://www.asu.ru/files/documents/00004503>.

Grot Ya. K. *Spornye voprosy russkogo pravopisaniya ot Petra Velikogo donyne* [Controversial issues of Russian spelling from Peter the Great to the present day]. 2nd ed. St. Petersburg, Print. of the Imp. Acad. of Sciences Publ., 1876. 460 p.

Grot Ya K. *Russkoe pravopisanie* [Russian spelling]. 5th ed. St. Petersburg, Print. of the Imp. Acad. of Sciences Publ., 1886. 120 p.

Kalenchuk M. L., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F. *Bol’shoi orfoepicheski slovar’ russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka. Norma i ee varianty* [Large orthoepic dictionary of Russian. Standard pronunciation and stress in the early 21st century. The norm and its varieties]. Ed. by L. L. Kasatkin. 2nd ed., rev. and add. Moscow, AST-PRESS SHKOLA Publ., 2018. 1024 p.

Lopatin V. V., Ulukhanov I. S. *Slovar’ slovoobrazovatel’nykh affiksov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of word-formation affixes of the modern Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016. 812 p.

Vsevolodova M. V. [On the grammar of full and short forms of adjectives and participles in the Russian language]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2013, no. 6, pp. 3–32. (In Russ.)

Zaliznyak A. A. *Grammaticheskii slovar’ russkogo yazyka. Slovoizmenenie* [Grammatical dictionary of the Russian language. Inflection]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1977. 880 p.

Zhuravlev V. K. *Diakhronicheskaya morfologiya* [Diachronic morphology]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 208 p.

Е. Л. Березович

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Россия, Екатеринбург)
berezovich@yandex.ru

ПОВТОРНО О *ВТОРЕ* И О КРИТЕРИЯХ ИСТИННОСТИ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ

В статье рассматривается слово *втóra* (графический вариант *фтóra*) ‘неприятность, несчастье, беда, напасть’, ‘нечто, вызывающее удивление; чудо, диковина’, ‘чушь, ерунда, вздор’. Слово широко распространено в севернорусском наречии и дочерних говорах Урала, Сибири и Дальнего Востока; словарями XVIII и XIX вв. трактуется как просторечное. Относительно происхождения лексемы высказывались две версии: согласно заимствованной версии, слово возводится к греч. *φδoρά* ‘гибель’; согласно исконной, перед нами образование от *втор-* ‘второй’. При этом большинство исследователей настаивают на заимствованном происхождении слова.

Автор статьи показывает, что заимствованная версия содержит существенный изъян: неясность путей заимствования греческого слова, проникновения грецизма в диалекты без опосредующих звеньев; лексема **фтoра* (*втoра*) греческого происхождения отсутствует во всех известных исторических словарях русского языка, в большом корпусе источников с древнерусскими и старорусскими текстами разных жанров и направленности, в словарях аргo и проч. Автор поддерживает исконную версию, по которой *втoра* — субстантивированная форма порядкового числительного *втoрой*; значение этимона связано с негативной символикой повтора. Выдвигаются аргументы словообразовательного характера, а также семантические доказательства (внутригнездовые смысловые поддержки).

Ключевые слова: лексикология, диалектология, русские говоры, этимология, лексические заимствования, исконный лексический фонд, этнолингвистика.

Благодарности: Автор выражает сердечную благодарность А. Г. Кравецкому, П. И. Мангилеву, А. А. Михеевой, В. В. Напольских, А. И. Поповичу, О. Д. Суриковой, С. М. Толстой, Т. В. Швецу за рекомендации и критические замечания.

Как известно, парадокс этимологии состоит в том, что эта гордая царица лингвистики, с одной стороны, стремится строить свои решения на пересечении множественных языковых рядов, с учетом разнообразных параллелей и системных

закономерностей, а с другой, имеет дело с принципиально штучной, индивидуальной биографией конкретного слова. Этимолог должен быть аналогистом и аномалистом одновременно, но баланс этих позиций не должен приводить к третьему «а» — агностицизму. Это говорит о необходимости постоянного совершенствования методик анализа, в том числе с учетом современных поисковых возможностей. Одна из них — это более полное использование корпусных данных — как словарных, так и текстовых, что поможет свести к минимуму участки дискретности в наших представлениях о жизни слова и воссоздать ее максимально континуально. Плодотворная деятельность нашего юбиляра, Марии Леонидовны Каленчук, посвященная созданию Национального словарного фонда, немало способствует этому.

В этих заметках мы поговорим об одном «маленьком» русском слове *втора*, принадлежащем народному языку и имеющем спорную этимологию. Помогут ли выяснению его происхождения словарные и текстовые корпуса? Рассмотрим этот вопрос, представив как можно более полно лексический материал и этимологические версии.

Лексический материал

Диалектные данные. Слово *втора* (с графическим вариантом *фтора*), несущее довольно сфокусированный спектр значений (с преобладанием семантики беды, несчастья), широко фиксируется в русских говорах. Ударение в подавляющем большинстве случаев на первый слог, но есть случаи постановки на второй слог — арх. *вторá* [Матвеев (ред.). 2002: 204]. Нередко встречается в составе устойчивых сочетаний; отмечаются также суффиксальные производные — сущ. *вторушка*, прил. *вторный*. Сводные лингвогеографические характеристики таковы¹: алт., арх., бурят., влг., вят., енис., забайк., иркут., камч., карел., ленингр., мурман., нвсиб., новг., олон., перм., помор., сев.-двин., сиб., тобол., том.; таким образом, слово распространено в севернорусском наречии и дочерних говорах Урала, Сибири и Дальнего Востока. Период фиксации в говорах — XIX–XXI вв.; первая по времени фиксация — 1822 (влг.) [Филин (гл. ред.) 1970: 230].

Говоря о **значениях**, приведем толкование В. И. Даля: *втора* ‘чудо, диковина, небывальщина, задача’, ‘вздор, чепуха, небылица’, ‘случай, беда, напасть, притка, притча, неудача, помеха’ [Даль 1955: 273]. Из этих трех смысловых блоков другими источниками чаще всего иллюстрируется третий, а первый и второй реже:

- **‘неприятность, несчастье, беда, напасть’**: заонеж. «Эдака втора, лошадей нигде не найдут» [Певин 1896:], перм. «Эка ты втора! Не знал я, что ты

¹ Список составлен на основе более чем 30 диалектных словарей и полевых картотек. Приведем их список, который вынужденно (для экономии места) составлен из сокращений названий, понятных преимущественно диалектологам. Нас извиняет то, что при подаче контекстов, значений и проч. многие из этих источников будут в дальнейшем раскрыты: Алатырев 1948, АОС, ВС, Гемп 2004; Грандильевский 1907, Даль_{2,3}, Дилакторский 2006, Дуров 2011, КАОС, Кривошапкин 1865, КСГРС, Куликовский 1898, Кушков 2008, Маляревский 1917, Певин 1896, Меркурьев 1997, Опыт 1852, ОСВГ, Подвысоцкий 1885, СВГ, Светлов 1890, СГРС, СПГ, СРГК, СРГС, СРГНО, СРКН, СРНГ, УНС, Филимонов 1896, ФСПГ, ФСРГС, Шеломов 1852, Элиасов 1980.

пойдешь на базар, заказал бы дегтю купить» [Филин (гл. ред.) 1970: 230], мурман. «Вот втора, плат с головы слетел» [Герд (гл. ред.) 1994: 251], влг. «Втора-то одна не ходит — что ни день, то втора» [Зорина (ред.) 2011: 44], арх. «Эка фтора, нет дожджа» [Гецова (ред.) 1990: 75], арх. «Вот фтóрушка-то фтóрная — бедá бédная знáчит, не получýлось у меня ничевó» [КАОС], арх. «Вот втора-та, дак уж втора, всё сгорело» [Матвеев (ред.) 2002: 204], вят. «Какую втору занесло: пожар был» [ОСВГ 1: 205], арх. «Не замай ево, лют он у нас, кабы грешным делом вторы какой не вышло. Вышли-то мы целы из взводня, да ведь тоже и без вторы не обошлось. Погляди, что в море-то деется, в экую втору не отстоишься. Живет в холе, никакой вторы не знат», «Несосветимая втора палась ему» [Подвысоцкий 1885: 23, 101], мурман. «Болела, отуговела, а тут опять втора, хуже ранешнего», карел. «Караул, крещёнушки, спасите! Вот ведь вторушка!» [КСГРС], бурят. «Втора в любой дом заходит», зап.-сиб. «— У меня лошадь увели. — Ну? Эка втора! Чё поделашь — така втора вышла!» [Федоров (ред.) 1999: 190], помор. «Эка втора, полагаунью молока разлила», «Втора-чёрна вторушка, хуже нет, амбар со снастью сгорел», «Эка втора вчерась приключилась: хлебну карточку утерьяла, последних два дня по триста грамм не выкуплен хлебушко. Слезой реву второй день (в годы войны)», «Опять внучок обмарался, чисто вторушка мне, опять постирушка бабке» [Гемп 2004: 480], помор. «Вот фтора-то, што я теперь делать буду!» [Дуров 2011: 424], помор. «Фтора избомытья боище» [Мосеев 2006: 119] и т. п.;

- **‘нечто, вызывающее удивление; чудо, диковина’**: новг. «Эка втора! — Экое диво!», перм. «Эка втора — эка чудо» [Филин (гл. ред.) 1970: 230], иркут. «Эка втора, эка вяха — обыкновенно говорят, чему-нибудь удивляясь» [Федоров (ред.) 1983: 33];
- **‘чушь, ерунда, вздор’**: тобол. *загородить фтóру, понести фтóру* ‘начать говорить что-л. бессмысленное, чушь’: «Таку-те фтору загородил, а у них — дичь заговорил», «Да и понёс таку-те фтору (заврал), что и говорить грешно» [Мызников (гл. ред.) 2016: 169].

Полтора века, прошедшие после формулировки значений слова Далем, показали их высокую устойчивость. Но все же отмечены новые значения, смысловые оттенки и фразеологические сочетания.

Интересно значение мурман. *втóра* ‘поперечный человек’, засвидетельствованное в любительском словаре Н. Д. Кушкова (наряду со значением ‘неожиданное препятствие’, которое входит в представленный выше смысловой комплекс) [2008: 21]; очевидно, *поперечный* здесь — **‘тот, кто любит противоречить, действовать вопреки’**.

Из вологодских сочетаний *поймать втóру, втóрой маяться* ‘(за)болеть неизвестной болезнью’ ‘вынимается» смысловая конкретизация **‘болезнь неизвестного происхождения’**: «Ну, поймал втору, не пойми чего. То ли животом маяется,

то ли насыпалось на ём», «Дед Миша второй мается. Что с ним — никто не знает. Ляжет и лежит к стенке» [КСГРС].

В пермских говорах отмечено употребление слова *вторá* в сочетании *вторá которá* (*хлопотá*) '**беспокойство, шумные хлопоты; беда**': «С этой девкой-то у нас токо и есть втора котора, шибко ух бойкушшая», «У нас мама, бывало, говаривала: поехала скоком, повстречалась с попом, эка втора хлопота, испугалась я попа», «Эка втора-котора! Что тут за шум? Вот беда! Тише, робяты! Эка втора-котора! Расшумелись, развоевались» [Прокошева 2002: 62; 180]. Здесь проявляется новая модификация значения — акцент не столько на несчастье, сколько на беспокойстве, суете.

Наконец, любопытно и показательно использование интересующей нас лексики в составе **проклятий** (в качестве актора и даже предиката злоречения): влг. *Будь ты вторá! Чтоб тебя вторá взяла!* 'формула проклятья, произносимого вслед проклиняемому или за его спиной': «Будь ты втора! — Впоход говорят. Бабы-те злыё, вот и скажут», «Чтоб тебя втора взяла! — Впоход скажут, надо впоход сказать, не в лицо», «Страшные бывают слова. Чтоб тебя втора взяла! — Впоход скажут, ты и ослепнуть могёшь», «Зашла назад, за спину девчонке и сказала тихонько: "Будь ты втора!" Ну девчонка и заболела» [КСГРС].

Рассмотрев функционирование слова в диалектных словарях, обратимся к **историческим** и **литературным**. Слово впервые отмечено в XVIII в. В [САР 1789: 934] *вторá* фиксируется с пометой «простонародное» в значении 'причина': «Эка втора!»; а под *причиной* «в просторечии» понимается 'неприятное или вредное приключение' [САР 1794: 769]. С этим созвучны материалы [Березина (ред.) 1988: 177]: «*Эка втора!* Простонар. Восклицание, выражающее неудовольствие, горе, раздражение и т. п. "[Парамон:] Вѣдашь ты, Влас Потапьевич! эка втора! Матюха отбивает у моего сына невѣсту!" (Петр Плавильщикова, Бобыль)». Очевидно, как факт общерусского просторечия трактует слово В. И. Даль, приводя его (в цитированных выше значениях) во 2-м издании своего словаря без географических помет, каковые (арх., камч., сиб.) появляются лишь в 3-м издании [Даль 1907: 669], перекочевав туда, по всей видимости, из [Востоков (ред.) 1852: 30]. Традиция «просторечной» квалификации сохраняется и в «словаре Грота — Шахматова» [Грот (ред.) 1892: 578], но в XX в. при *вторá* 'беда, чушь; вздор' лексикографы уже ставят помету «устар. и обл.» [Чернышев (гл. ред.) 1951: 908], в новое же издание Большого академического словаря слово ожидаемо не попадает.

Таким образом, вся богатая лексикографическая традиция подачи интересующего нас слова в целом едина в том, что оно принадлежит народной речи.

Этимологические версии

Относительно происхождения *вторы* есть две версии — исконная и заимствованная, причем заметное предпочтение в литературе отдается второй.

Заимствованная версия высказывалась еще лексикографами XIX–XX вв. при словарной подаче *вторы* в толковых словарях. Будучи людьми с высоким

классическим образованием, они ощущали созвучие этого слова с греч. *φδωρά* ‘гибель’ (см., к примеру, в [Грот (ред.) 1892: 578; Куликовский 1898: 127; Чернышев (гл. ред.) 1951: 908]). «Созвучие» употреблено нами не случайно; именно этим «ненаучным» словом пользуется Д. К. Зеленин, формулируя греческую версию: «Северновеликорусское *втора*, *фтора* ‘несчастье, беда, горе’ созвучно с греческим *φδωρά* ‘гибель, порча’, и, быть может, перенесено на русскую почву греческим духовенством или торговцами-греками?» [Зеленин 1930: 154]. Возможно, осторожное «созвучие» появилось у Зеленина потому, что ему были не очень понятны пути (и время) проникновения слова в русский язык. Об этом задумывается и А. Погодин: «В русских говорах попадают греческие элементы, возраст которых было бы весьма желательно определить. Так, на всем Севере распространено слово *фтора*, *втора* в значении ‘беда’ (в Устюжском уезде *втора* — ‘чудо’); слово греческое — из *φδωρά*» [Погодин 1903: 230]. М. Фасмер в своих «Греко-славянских этюдах» опирается на Погодина, но уже более категоричен: так, он помещает слово на алфавитное место «ф», указывая, что «написание *втора* не имеет исторических оправданий» [Фасмер 1909: 216]. Позже греческая версия закономерно будет перенесена Фасмером и в «Этимологический словарь русского языка»: «из нов.-греч. *φτωρά*, греч. *φδωρά* ‘опустошение, разрушение’» [Фасмер 1973: 208]. Как заимствование квалифицирует слово и В. А. Меркулова (не уточняя источник) [Меркулова 1993: 195]. Наконец, эта версия звучит как единственно достоверная в наиболее авторитетном из новейших словарей — «Русском этимологическом словаре» А. Е. Аникина: «Табуистическое заимств. из греч. *φτωρά* ‘гибель’²» [Аникин 2015: 87]. Автор ссылается на Фасмера, Зеленина, Погодина, указывая при этом, что «излишние сомнения» в этой версии высказывает Житников.

Эта фамилия вводит нас в круг немногочисленных последователей **исконной версии** происхождения слова. В. Ф. Житников подает ее очень осторожно: «Вероятно, это деэтимологизация корня *втор-*. Др.-русск. *въторый* имело, кроме основного значения ‘другой’, ‘alter’, также переносное значение ‘худший’: “Братия, да възможемъ вѣси, да не вътори явимъ сѧ мѣченикомъ Хръстовомъ” (Срезн.). По-видимому, *втора* могло означать ‘худшая’ (эвфемистическая замена слова ‘беда’). Впрочем, *втора* имеет сходство с гр. *φτωρά* ‘беда’, ‘несчастье’, ‘разрушение’. Но трудно сказать, как могло попасть греческое слово на Русский Север; может быть, из церковных книг?» [Житников 1963: 42].

Еще один осторожный последователь этой версии — В. И. Даль. Во 2-м издании своего словаря В. И. Даль помещает слово *втора* в одну словарную статью с *втѡра* ‘второй голос, вторая скрипка’, причем «звуковое» значение ставит первым [Даль 1955: 279]; в 3-м издании эта связь прорисована более отчетливо: «Если слово это от *вторья* (отголоска), то значит, что отозвалось худым» [Даль 1907:

² Этот же греческий источник, в конечном счете, лежит в основе названия химического элемента *фтор*: оно было предложено в 1810 г. А. Ампером, отразившим в этом обозначении способность фтористоводородной кислоты разрушать многие материалы [Багриновский 2020: 999].

669]. Здесь В. И. Даль имеет в виду арх. *втѡрьѣ* ‘эхо, отгул, отдача, отголосок, голк’: «По голосу и вторье (как аукнешь, так и откликнется); «Леший вторьем морочит» [Даль 1955: 274].

Наиболее развернуто исконная версия аргументирована (со стороны смысловой и культурологической) в кандидатской диссертации Е. В. Шабалиной, посвященной семантико-мотивационному своеобразие русско́й лексики с числовым компонентом [Шабалина 2011: 94–97]. По мнению автора (опирающегося на работы этнолингвистов и этнографов), *втора* иллюстрирует славянские народные представления о негативности некоторых проявлений двоичности (дублирования, которое отличается, по народным верованиям, аномальностью), ряда повторных действий, повторно происходящих событий, явлений и т. п. Ср., к примеру, севернорусские поверья о том, что две свадьбы в одной семье в один год предвещают одной или обоим парам молодоженов несчастливый брак, рождение близнецов предвещает беды в дальнейшем; бытующие у всех славян запреты прикладывать повторно к груди ребенка, однажды отнятого от нее (иначе он обретет демонические свойства), убежденность южных славян в нежелательности повторного брака и т. п. [Шабалина 2011: 95–96]³. Кроме этого, Е. В. Шабалина указывает, что в семантике слов из гнезда *втор-* могут проявляться семантические доминанты аномального количества (ср. архангельское, псковское выражение *жить второй (собачий) век* ‘жить, существовать очень долго, дольше обычного’: «второй век», составляющий оппозицию «первому», нормативному, воспринимается как аномальный и потому нежелательный), а также иного, в том числе более низкого, качества (*второй* может восприниматься как неполноценная копия первого, ср., к примеру, пск. *вторая рука* ‘остаток чего-нибудь’, одесск. *второй сын* ‘о глупом, несообразительном человеке’ и др.) [Шабалина 2011: 96–97].

Заканчивая этот обзор, повторим, что наиболее авторитетно на нынешний момент выглядит заимствованная версия. Дело, конечно, не в том, что ее высказывают маститые и известные авторы, а в том, что греческий этимон подходит по формальным и семантическим критериям. В то же время исконная версия «привисает» в том, что аргументы в ее поддержку — только «культурные» и смысловые, вполне убедительные, но все-таки не дающие однозначного «попадания». Допустим, цитата, которую приводит В. Ф. Житников («Братия, да възможемъ вѣси, да не вѣтори явимъ сѧ мѣченикомъ Хрѣстовомъ» <Супрасльская рукопись>),

³ Ср. доказанные в славянской этнолингвистике положения о том, что «*второй* как *другой*, равный или в чем-то идентичный *первому*, представляет опасность или подвергается ей» [Седякова 2007: 255], об «общекультурной оценке числа два, двоичности, удвоения, повторения как опасных категорий, соотносящихся с областью “нечистого”, несправедливого, злого, демонического, потустороннего и т. п. Эта отрицательная оценка отчетливо проявляет себя в славянской народной трактовке близнецства, двойных (сдвоенных) предметов, двойного именования, двоедушия, действий, совершаемых одновременно двумя лицами, повторения действий и т. д., в предписаниях и запретах, связанных с категорией чета и нечета» [Толстая 2010: 233]. Показательны также исследования о негативных мотивах в символике вторника как дня недели [Горячева 1998; Страхов 2023: 202–203 и др.].

отмечена И. И. Срезневским при восстановленном им значении *въторыи*, *вторыи* ‘худший’ [Срезневский 1893: 433], но это значение не выделяется в древнерусском языке современными академическими словарями («Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.» и «Словарь русского языка XI–XVII вв.»), а при лексикографическом описании старославянского языка цитата подается как иллюстрация к значению ст.-слав. *въторь* ‘второстепенный’ [Гауптова (гл. ред.) 1: 351]: это значение выделено убедительно, но все-таки стоит на шаг дальше от семантики ‘беда’.

Версия автора статьи

Мы собираемся все же поддержать гипотезу о том, что слово *втора* — исконное образование от порядкового числительного, и показать преимущества этой версии перед заимствованной.

Оценка заимствованной версии. Начать логично с вопроса о том, насколько существенным является единственный изъян заимствованной версии — **неясность путей заимствования** греческого слова. Представляется, что это более чем существенная «прореха». Греческие заимствования носили письменный характер и должны были попасть в какие-либо памятники письменности. Но лексема **фтора* (*втора*) греческого происхождения отсутствует во всех известных нам исторических словарях русского языка, фиксирующих лексический состав до XVIII в. (как было указано выше, слово впервые отмечено как простонародное в конце XVIII в.), нет фиксаций в словарях старославянского языка, в словаре церковнославянского языка Нового времени. Не все из просмотренных словарей дошли до буквы «ф», поэтому был предпринят сплошной электронный поиск по большому корпусу распознанных источников с древнерусскими и старорусскими текстами разных жанров и направленности (религиозные, деловые, художественные, публицистические). Этот поиск не дал результатов: присутствуют только те лексеммы на «в» и «ф»⁴, которые можно квалифицировать как порядковое числительное и его явные производные.

Проверялось не только предполагаемое заимствование **фтора* в основном значении ‘гибель, порча’, но и специализированная семантика. Так, на базе исходного ‘порча’ сформировалось значение *фторы* как одного из терминов византийской музыкальной теории, который означал вид модуляции — сдвиг ладовой опоры гласа на кварту (на раннем этапе) [Патриарх Московский и всея Руси Алексий II (ред.) 2011: 552]. Священник И. Вознесенский, специалист по греческому церковному пению, указывает на внезапность этого сдвига⁵, которая, по всей видимости, и мотивировала перенос значения в музыкальную плоскость. Но был ли этот византийский термин настолько широко известен в русской традиции, чтобы перейти

⁴ С позиций исконной версии это результат отражения на письме контактной регрессивной ассимиляции согласных по глухости, произошедшей вследствие падения редуцированных.

⁵ Ср.: «*фѡра* (фѡра́) есть знак внезапного нарушения мелодии поемого гласа и перехода от него в другой какой-либо глас» [Вознесенский 1895: 52].

в народную речь? Консультации историков-музыковедов и специальная литература показывают, что это очень сомнительно⁶. Для того чтобы *фтора* повторила судьбу слов *катавасия* или *куролесить* (лексем, связанных по происхождению с практикой церковных песнопений, восходящих к византийской традиции), обозначаемое явление должно быть «зримо», включено в такой культурный сценарий, который выходит за пределы узкого круга «элитарных» певчих и проч.

Еще одна возможная специализация значения греческого слова представлена в таком деривате, как *фитофтора* ‘род грибов подкласса оомицетов, паразитирующих на культурных растениях и вызывающих у них различные заболевания’. Эта реалья актуальна в народной среде (а во многих регионах картофель — «второй хлеб»), но соответствующая лексема имеет первую словарную фиксацию в 1954 г. [Котелова, Меделец (ред.) 1964: 1417]. Учитывая относительно высокую частоту лексических «замеров» в XX в., можно сделать вывод, что само слово появилось не раньше, чем через полтора века после «нашей» *вторы*. Разумеется, возможны позднейшие влияния (вероятно, при упрощении *фитофторы* до *фторы*), но настаивает, что нам не попалось ни одного контекста, где слово *втора* относилось бы к зараженным растениям.

При всей убедительности этих выкладок мы признаем, что опору на фиксации в словарях и текстах нельзя возводить в абсолют. Самая совершенная источниковая база не может быть полной, всегда возможна ситуация, что слово «проскочило» через сито лингвистических фиксаций. Но все же если речь идет о слове, которое «поселилось» в говорах на огромной территории, то надо полагать, что между ними и греческим источником должен быть **мощный «ретранслятор»** в виде большого корпуса текстов на русском языке, иначе трудно представить себе пути проникновения грецизма в русские диалекты. Есть еще один путь — через условно-профессиональные языки: известно, что в русских арга было некоторое количество грецизмов, чему посвящено несколько исследований (список слов и литературу вопроса см., скажем, в [Бондалетов 1982]). Однако слова *втора* (*фтора*) нет ни в одном словаре русских арга; кроме того, арготический источник тоже вряд ли дал бы столь широкую географию слова.

Аргументация в пользу исконной версии. С точки зрения **словообразования** исконная версия вполне релевантна: речь идет о субстантивированной именной форме порядкового числительного в женском роде. Самый известный пример употребления этого субстантивата в литературном языке — крыловское «Я, прима, сяду против вторы», где *втóra* — устар. ‘второй голос, вторая скрипка’; это калька с итал. *seconda parte*, франц. *seconde partie* ‘вторая партия, второй

⁶ Так, Т. В. Швец указывает, что «как термин *фторá* в славянских рукописях не встречается. Хотя переход в рамках одного песнопения из одного гласа в другой есть, он обозначается буквенной цифирью (номером гласа), иногда не обозначается, но по нотации, формулам музыкальным видно, что глас сменился. Но есть знак невменной греческой нотации *фторá*» <устное сообщение>. Что касается знака невменной нотации, то он обозначался в книгах не словом, а символически, существовал в ряду узкоспециальных терминов, имел варьируемое конкретное содержание (подробно см. [Герцман 2019: 521–524]).

голос', нем. *zweite Geige* 'вторая скрипка'; ударение на *о* под влиянием глаг. *втóрить* 'повторять' [Аникин 2015: 86–87]. Помимо музыкальной *вторы*, есть и другие. Так, в специальной лексике кожевенного дела *втóra* — 'второй сорт шкур' [Халюков 2007: 92], в архангельских говорах *втóra* — 'остатки родового последнего' [Гецова (ред.) 1990: 75] (с характерной параллелью — арх. *друго(е)* 'послед': «3 другим-то уш много умирают. Туд друго и упаде, и умреш» [Гецова (ред.) 2004: 298–299]) и др. От субстантивированных форм числительных легко образуются производные, ср. арх. *в пёрышки-втóрушки* 'детская игра' [Гецова (ред.) 1990: 77], *Вторка, Вторышка, Вторушка, Вторунка* — популярные в истории русского антропонимикона некалендарные имена / прозвища [Веселовский 1974: 74; Соколов 1891: 6] и др.

В развитие **семантической** аргументации, изложенной выше (в работе Е. В. Шабалиной), скажем следующее. Е. В. Шабалина сконцентрировалась на «культурной» мотивации и преимущественно внешних по отношению к изучаемому гнезду параллелях, а мы постараемся расширить перечень **внутригнездовых** смысловых поддержек.

Контексты, включающие слово *втора*, иногда содержат поддержку «числовой» версии — вплоть до ретимологизации. Самым явственным в этом смысле можно считать контекст, где напрямую **пересчитываются** неприятности и беды: влг. «Втора-то одна не ходит — что ни день, то втора»; более «затушеванно» подают эту семантику те контексты, где есть слово *опять*: мурман. «Болела, отутовела, а тут опять втора, хуже ранешнего», помор. «Опять внучок обмарался, чисто вторушка мне, опять постирушка бабке». Очевидно, в этом же ключе можно интерпретировать контексты такого типа: арх. «Вышли-то мы целы из взводня, да ведь тоже и без вторы не обошлось» (здесь подразумевается, что, выйдя невредимыми из сильной волны <взводня>, поморы вновь попали в трудные обстоятельства). Для вторичного проживания неприятной ситуации естественно восприятие ее как «неслучайности», поэтому симптоматично, что глагол *вторить*, отмеченный в псковских говорах в значении 'повторно подвергнуться какому-н. действию', употребляется в «фаталистической» безличной форме и в контекстах, фиксирующих бедственные последствия: «А патом астыл как-та на марози, праязп, вот и забалел, паляжал нядёлку да и на улицу вышыл, яво тут фтарыла, ну значит фтарой рас праязп, он паляжал да и умер» [Лебедева, Мжельская (ред.) 1983: 91]. Есть в нашем материале к слову *втора* и контексты, содержащие словообразовательный повтор, ср. арх. «Вот фтóрушка-то фтóрная — беда бédная знáчит»: разумеется, такая редупликация вовсе не означает, что говорящий осмысляет «повторность» беды, но это не исключено.

Возможно, рефлекс семантики повтора, **неединичности** (хлопот, затруднений) содержит устойчивая формула *втóra которá* 'беспокойство, шумные хлопоты' (перм.). Она выводит нас на еще одно предположение: и сами хлопоты, беспокойство потенциально подразумевают **разнонаправленность**, а значит, множественность движений, и их «пересчет» поддерживает эти признаки. Признаки множественной разнонаправленности, «рассеяния» движений в пространстве заложены

в таком интересном слове, как арх. *фтóрый* ‘рассеянный’: «Десятка-то на полу была, и фтора же стала я» [Герд (гл. ред.) 2005: 690; Мызников (гл. ред.) 2016: 169].

Другая смысловая линия, которая реализуется в семантическом пространстве слова *втора*, связана с идеей «инакости»: второй — иной, чем первый, другой, вплоть до неожиданности (отсюда семантика «чуда») и **противоположности** первому. Эта идея реализуется, например, в арх. *вторó* ‘иначе, по-другому’: «То же дело, а называэце ужэ второ» [Гецова (ред.) 1990: 76]. Иное нередко воспринимается негативно, скажем, как ненормативная аномалия; ср. реализацию этого смысла в синонимичном гнезде *друг-*: арх. *другóе говорить* ‘имея расстройство рассудка, вести себя неадекватно’ [Гецова (ред.) 2004: 299], арх. *на другую сторону перучиться* ‘разучиться, забыть все, что было известно’ [Там же: 306] и т. п. Что касается гнезда *втор-*, то в нем может появиться мотив противопоставленности первому, ср. мурман. *вторó* ‘вопреки’: «Баушка одно говорит, а он не слушается, всё *вторó* делает [КСГРС]. В том же духе следует рассматривать приводившееся выше мурман. *втóra* ‘поперечный <несогласный, действующий вопреки> человек’.

В семантике приведенных слов имплицитно содержится пространственная проекция идеи удвоения как движения **навстречу, противонаправленного**. Возможно и другое движение — **вслед**. Актуализация этого смысла — в вологодских проклятиях *Будь ты втóra, Чтoб тебя втóra взяла*, которые, как говорилось выше, проносятся вслед проклинаемому или за его спиной (ср., к примеру: «Зашла назад, за спину девчонке и сказала тихонько: “Будь ты втора!” Ну девчонка и заболела», «Чтoб тебя втора взяла! — Впоход скажут, надо впоход сказать, не в лицо»). Здесь мы встречаем рефлекс семантики второго как следующего, **направленного вслед** (ср. внутреннюю форму лат. *secundus*, выводимого из лат. *sequor* ‘идти вслед (за), следовать’); кроме того, для проклятия как акта речевой магии в данном случае, кажется, важна область пространства **сзади, за спиной** человека. Эта область в народных представлениях славян ощущается как опасная, а собственно движение назад («зашла за спину») может восприниматься как возвращение, повтор, оцениваемые негативно [Седакова 2004: 362]; показательны также многочисленные запреты поворачиваться спиной (скажем, к ребенку, чтоб не навлечь на него болезни) [Там же: 363]. По всей видимости, здесь проявляется и символика следа (в целом амбивалентная), при этом негативная сторона этой символики связана, среди прочего, с верованиями о том, что через след человека можно навести порчу, см. [Плотникова 2012: 40–41]. Негативно воспринимается в народной культуре славян и такой своеобразный вариант следа, как **звуковой след**, — **эхо**, представления о котором тоже могут воплощаться в лексике силами гнезда *втор-*, о чем свидетельствует упоминавшееся выше арх. *втóрье* ‘эхо, отгул, отдача, отголосок, голк’: «Леший вторьем морочит» (ср.: «Эху как отражению, удвоению звука систематически приписывается демоническая природа <...> Человек ни в коем случае не должен отзываться на эхо, иначе он оглохнет или ослепнет» [Кабакова 2012: 597–598]).

Если внутренняя форма проклятия *Чтoб тебя втóra взяла* относительно ясна, то дать точную интерпретацию формулы *Будь ты втора* труднее, но на этот счет можно высказать как минимум две относительно надежные версии. С одной

стороны, *Будь ты втора* имеет точные структурные аналоги «числового» свойства (с семантикой кратного умножения сказанного), ср. арх. *Будь ты троя* [Сороколетов (гл. ред.) 2012: 141], свердл., костр. *Будь ты трюю* [Вовчок (гл. ред.) 1964: 59; ЛКТЭ], костр. *Будь ты семеро* [ЛКТЭ]. Ранее мы показывали, что в таких формулах предикат подвергается эвфемистическому эллипсису, а полный вариант подобных злопожеланий может выглядеть так: вят., перм., сиб. *Будь ты трою проклят*, перм. *Будь трое проклятой (трое со свету)*, ср. также костр. *трóить* ‘проклинать’: «Все троила мужика, троила, к чертям посылала», перм. *трóйкать* ‘ругать, бранить, используя проклятья’: «Шибко я его тройкала: будь, мол, ты трою проклятой» (см. в [Березович, Сурикова 2018: 103]). Значит, если рассматривать *Будь ты втора* в этом ряду, то следует предположить мотивировку «Будь ты дважды <проклят>».

С другой стороны, в формуле проклятия может быть отражен и мотив повтора. Так, важно и интересно для нас то, что проклятие с участием мотива повтора фиксируется, к примеру, в болгарском языке. В книге И. А. Седаковой комментируется болг. *Да пофтори (жена му да умре, а той да остане сам с две деца)* («Пусть он “повторит” (жена умрет, а он останется один с двумя детьми)» [Седакова 2007: 258]: здесь пожелание «повтора» обозначает участь вдовца⁷; ср. также вывод о том, что «первый» в болгарской обрядности коррелирует со сферой жизни, а «второй» — со смертью (вследствие представлений о нежелательности второго брака, т. е. смерти одного из супругов [Седакова 2007]).

* * *

Итак, в этой статье задокументирован очередной шаг на пути этимологизации русского слова *втора* ‘беда, неприятность’. Мы не можем утверждать, что пришли к окончательному результату, поскольку главенствующая в литературе заимствованная версия о происхождении слова не является опровергнутой: она лишь пока недостаточно подтверждена. Согласно ей, этимологизируемое слово подобно акробату, перелет которого из одной точки в другую (весьма удаленную) осуществляется в безвоздушном пространстве и полностью скрыт от глаз зрителей. В плане достоверности путей появления слова предпочтительнее для нас исконная версия (состоятельная также словообразовательно и семантически), по которой лексема *втора* — **субстантивированная форма порядкового числительного *второй***; значение этимона связано с негативной символикой повтора. По логике своего образования слово *втора* в известной мере аналогично слову *друг*: и в том, и в другом случае имеет место субстантивация формы с оценочным отрывом от исходного значения, дающим возможность понять, что «второе» осмысливается скорее негативно, а «другое» — скорее позитивно.

Таким образом, этимологизация слова с помощью корпусных данных, позволяющих учесть функционирование лексемы в разных формах существования языка и дискурсивных пластах, приводит к иным результатам, чем точная, но **точечная**

⁷ Ср. прозвище *Повторко*, даваемое человеку, который ест два раза подряд (имеет резко негативную окраску), а также ряд других примеров, в том числе запрет есть обед дважды, чтобы *да не повтори* («не овдоветь») [Седакова 2007: 258–259].

(используя *figuram etymologicam*) этимологизация на основе совпадения плана выражения и плана содержания исходного слова и его предполагаемого иноязычного этимона. Особенно хочется подчеркнуть роль показательных лакун, которые тоже могут быть выявлены и учтены именно при системном воссоздании биографии слова. В нашем случае речь идет о лакунах на месте возможных лексических передаточных станций, опосредующих звеньев на пути из греческого языка в русские диалекты. Именно эти лакуны заставляют усомниться в красивой, но слишком «граммотной» заимствованной версии.

Источники

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 9 (*врандовать — galón*). М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН, 2015. 383 с.

Багриновский Г. Ю. Большой этимологический словарь русского языка / [предисл. А. В. Дыбо]. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. 1178 с.

Березина О. Е. (ред.) Словарь русского языка XVIII века. Вып. 4. Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1988. 256 с.

Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974. 233 с.

Вовчок П. А. (гл. ред.). Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. I. Свердловск: Сред.-Уральское кн. изд-во, 1964. 207 с.

Востоков А. Х. (ред.). Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук; Дополнение к Опытному областного великорусского словаря. СПб.: В тип. Имп. акад. наук, 1852–1858. 275, 328 с.

Зорина Л. Ю. (отв. ред.). Вологодское словечко: Школьный словарь диалектной лексики. Изд. 2-е, испр. и доп. Вологда: ВГПУ, 2011.

Гауптова З. (гл. ред.). Словарь старославянского языка = *Slovník Jazyka Staroslověnského*. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. 853 с.

Гемп К. П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений / Науч. ред. В. Н. Булатов; подгот. С. Я. Косухкина, Л. С. Скепнер. 2-е изд., доп. М.: Наука; Архангельск: Помор. ун-т, 2004. 637 с.

Герд А. С. (гл. ред.). Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994. 512 с. Вып. 6. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005. 989 с.

Герцман Е. В. Энциклопедия древнеэллинической и византийской музыки. СПб.: Квадриум : Проект Вячеслава Заренкова «Созидающий мир», 2019. Т. 3: Р–Я. 810 с.

Гецова О. Г. (ред.) Архангельский областной словарь. Вып. 6–7. М.: Изд-во Московского ун-та, 1990. 304 с. Вып. 12. М.: Наука, 2004. 479 с.

Грот Я. К. (ред.) Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. Т. 1, вып. 2. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1892. 577–948 стб.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е, испр. и знач. доп. изд. под ред. [и с предисл.] проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Т. 3. СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, 1907. 1782 стб.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М., 1880–1882 (1955). Т. 1. 704 с.

Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / Отв. ред. И. И. Муллонен. Петрозаводск: ИЯЛИ КНЦ РАН, 2011. 455 с.

Кабакова Г. И. Эхо // Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5: С (Сказка) — Я (Ящерица). М.: Международные отношения, 2012. С. 597–598.

КАОС — Картотека Архангельского областного словаря (хранится на кафедре русского языка МГУ, Москва).

Котелова Н. З., Меделец Н. М. (ред.). Словарь современного русского литературного языка. Т. 16. М.; Л.: Наука, 1964. 1610 стб.

КСГРС — Картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Кушков Н. Д. Поморы говорят: Словарь поморской лексики. Варзуга [Мурм. обл.: б.и.; Апатиты: КаЭМ], 2008. 63 с.

Лебедева М. И., Мжельская О. С. (ред.). Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 5. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. 187 с.

ЛКТЭ — Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Матвеев А. К. (ред.). Словарь говоров Русского Севера. Т. 2. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 292 с.

Мосеев И. И. Поморьска говоря: краткий словарь поморского языка. Архангельск: Правда Севера, 2006. 372 с.

Мызников С. А. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 49. СПб.: Наука, 2016. 350 с.

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II (ред.) Православная энциклопедия. Т. 11. М.: Церк.-научный центр «Православная энциклопедия», 2011. 752 с.

Певин П. (сост.). Слова из народной речи. (Кондопож., Великогуб., Толвуйская волости Петрозавод. уезда, Олонец. губ.): Словарик Заонежья. Петрозаводск: Губерн. тип., 1896. 32 с.

Плотникова А. А. След // Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5: С (Сказка) — Я (Ящерица). М.: Международные отношения, 2012. С. 39–42.

Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1885. 198 с.

Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2002. 431 с.

САР — Словарь Академии Российской. Ч. 1. СПб.: При Императорской Академии наук, 1789. 1140 стлб. Ч. 6. СПб.: При Императорской Академии наук, 1789. 1064 стлб.

Седакова И. А. Назад // Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3: К (Круг) — П (Перепелка). М.: Международные отношения, 2004. С. 362–364.

Соколов А. И. Русские имена и прозвища в XVII веке / Собраны А. Соколовым. Казань: Тип. Императорского ун-та, 1891. 16 с.

Сороколетов Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 45. СПб.: Наука, 2012. 344 с.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Т. 1. СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1893. 1420 стб., 49 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1973. Т. 4. 855 с.

Федоров А. И. (ред.). Словарь русских говоров Сибири. Т. 1, ч. 1. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999. 303 с.

Федоров А. И. (ред.). Фразеологический словарь русских говоров Сибири / [Сост. Л. Г. Панин, Л. В. Петропавловская, А. И. Постнова, А. И. Федоров]. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1983. 232 с.

Филимонов К. Ф. Коштугское наречие: (дополнение к статье, напечатанной в 61–67 №№ Олонецких губернских ведомостей за 1891 год). Петрозаводск: В Губернской тип., 1896. 24 с.

Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 5. М.: Наука; Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1970. 342 с.

Халюков А. В. Лексика орловских кожевников: Дис. ... канд. филол. наук / Орлов. гос. ун-т. Орел, 2007. 224 с.

Чернышев В. И. (гл. ред.). Словарь современного русского литературного языка. Т. 2. М.; Л.: Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1951. 1394 стб.

Литература

Березович Е. Л., Сурикова О. Д. К реконструкции лексического состава проклятий: категория актора и особенности ее реализации в текстах (на материале русских народных говоров) // Вопросы языкознания, 2018, № 3. С. 89–111.

Бондалетов В. Д. Греческие заимствования в русском, украинском, белорусском и польском аргю (к проблеме генезиса и контактирования социальных диалектов славянских языков) // Этимология. 1980. М.: Наука, 1982. С. 64–78.

Вознесенский И. И. О пении в православных церквях греческого Востока с древнейших до новых времен : С прил. образцов визант. церк. осмогласия / [Соч.] Свящ. Иоанна Вознесенского. Ч. [1]. Кострома: Губ. тип., 1895. 133 с.

Горячева Т. В. Остаться с пустыми овторниками // Слово и культура (Памяти Н. И. Толстого). М.: Индрик, 1998. Т. I. С. 85–92.

Житников В. Ф. О происхождении некоторых слов в севернорусских говорах (Этимологические заметки) // Вопросы истории и диалектологии русского языка: (Сборник статей) / [Отв. ред. доц. П. А. Вовчок]. Свердловск: [б. и.], 1963. С. 33–45.

Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. 2: Запреты в домашней жизни. Л., 1930. 166 с. [Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. IX].

Меркулова В. А. Рец. на кн. Словарь вологодских говоров, А–Г. Вологда, 1983 // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1988–1990: Сборник статей / Отв. ред. В. В. Иванов. М.: Наука, 1993. С. 195–196.

Погодин А. Этимологические заметки // Русский филологический вестник. Т. 50, № 3–4. Варшава: Тип. Варшавского учеб. окр., 1903.

Седакова И. А. Балканские мотивы в языке и культуре болгар: родинный текст. М.: Индрик, 2007. 428 с.

Страхов А. Б. Очерки по восточнославянской народной лексике: Сб. статей. Cambridge — «Palaeoslavica» — Massachusetts, 2023. [Palaeoslavica. XXXI. 2023. № 1]. 356 с.

Толстая С. М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. М.: URSS, 2010. 367 с.

Фасмер М. Р. Греко-славянские этюды. III: Греческие заимствования в русском языке. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1909. 236, 2 с. [Сб. ОРЯиС. Т. 86, № 1].

Шабалина Е. В. Семантико-мотивационное своеобразие русской лексики с числовым компонентом: этнолингвистический аспект: Дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2011. 176 с.

E. L. Berezovich

*Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Russia, Ekaterinburg)
berezovich@yandex.ru*

ONCE AGAIN ON *VTORA* AND ON THE TRUTH CRITERIA OF AN ETYMOLOGICAL SOLUTION

The present article is concerned with the word *vtóra* (graphical version of *ftóra*) which means “a problem, misfortune, trouble, nuisance”, “something surprising; a miracle, a wonder”, “nonsense, rubbish, gibberish”. The word is widespread in the North Russian dialects and associated dialects of the Urals, Siberia and the Far East. Dictionaries of the 18th and 19th centuries interpret *vtóra* as colloquial. There have been two versions of its origin: according to the borrowed version, the word comes from the Greek *φθορά* meaning “death”. According to the original version, it is a formation from *vtor-* meaning “the second”. However, most researchers insist that *vtóra* is a borrowing.

The author of the article shows that this version has significant flaws: it is unclear how exactly the word was borrowed and how this Greekism penetrated the dialects without intermediary stages. There is no mentioning of a lexical unit **ftora* (*vtora*) of Greek origin in any of the known historical dictionaries of the Russian language, in a large corpus of sources with Early Russian and Old Russian texts of different genres and topics, in argot dictionaries, etc. The author supports the original version, according to which *vtora* is a substantivized form of the ordinal numeral *the second*; the etymon meaning is associated with the negative symbolism of repetition. The paper presents word-formation arguments, as well as semantic evidence (intra-cluster semantic support).

Key words: lexicology, dialectology, Russian dialects, etymology, lexical borrowings, original vocabulary, ethnolinguistics.

References

Berezovich E. L., Surikova O. D. [On the Reconstruction of the Lexical Composition of Curses: the Category of the Actor and Features of its Implementation in Texts (Based on Russian Folk Dialects)]. *Voprosy Yazykoznaniiya*, 2018, no. 3, pp. 89–111. (In Russ.)

Bondaletov V. D. [Greek Borrowings in Russian, Ukrainian, Belarusian and Polish Argot (on the Problem of Genesis and Contact of Social Dialects of Slavic Languages)]. *Etimologiya* [Etymology]. Vol. 1980. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 64–78. (In Russ.)

Fasmer M. R. *Greko-slavyanskiye etyudy. III: Grecheskiye zaimstvovaniya v russkom yazyke* [Greek and Slavic Studies. III: Greek Borrowings in Russian]. St. Petersburg, Typography of Imperial Academy of Sciences, 1909. 236, 2 p. [Collection of Department of Russian Language and Philology. Vol. 86, No. 1].

Goryacheva T. V. [Stay with Empty *Ovtornikami*]. *Slovo i kul'tura (Pamyati N. I. Tolstogo)* [Word and Culture (In Memory of N. I. Tolstoy)]. Moscow, Indrik Publ., 1998. Vol. I, pp. 85–92. (In Russ.)

Merkulova V. A. [Review of Dictionary of Vologda Dialects, A–G. Vologda, 1983]. *Obshcheslavyanskiy lingvisticheskiy atlas. Materialy i issledovaniya* [Common Slavic Linguistic Atlas. Materials and Research]. 1988–1990: Collection of Articles, Responsible Editor V. V. Ivanov. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 195–196. (In Russ.)

Pogodin A. [Etymological Notes]. *Russkiy filologicheskiy vestnik* [Russian Philological Bulletin]. Vol. 50, Nos. 3–4. Warsaw, Typography of Warsaw Educational District, 1903. (In Russ.)

Sedakova I. A. *Balkanskiye motivy v yazyke i kul'ture bolgar: rodninyy tekst* [Balkan Tropes in the Bulgarian Language and Culture: Native Text]. Moscow, Indrik Publ., 2007. 428 p.

Shabalina E. V. *Semantiko-motivatsionnoye svoeobraziye russkoy leksiki s chislovym komponentom: etnolingvisticheskiy aspekt* [Semantic and Motivational Originality of Russian Vocabulary with a Numerical Component: Ethnolinguistic Aspect]. Thesis of a Candidate of Philological Sciences, Yekaterinburg, 2011. 176 p.

Strakhov A. B. *Ocherki po vostochnoslavyanskoy narodnoy leksike* [Essays on East Slavic Folk Vocabulary]. Collection of Articles, Cambridge — «Palaeoslavica» — Massachusetts, 2023. [Palaeoslavica. XXXI. 2023. No. 1]. 356 p. (In Russ.)

Tolstaya S. M. *Semanticheskiye kategorii yazyka kul'tury: Ocherki po slavyanskoy etnolingvistike* [Semantic Categories of the Culture Language: Essays on Slavic Ethnolinguistics]. Moscow, URSS Publ., 2010. 367 p.

Voznesensky I. I. *O penii v pravoslavnykh tserkvakh grecheskogo Vostoka s drevneyshikh do novykh vremen : S pril. obraztsov vizant. tserk. osmoglasiya* [On Singing in the Orthodox Churches of the Greek East from Ancient to Modern Times: with the Samples of the Byzantine Eight Church Modes Attached]. [Composition] Svyashch. Ioanna Voznesenskogo. Part [1]. Kostroma, Gubernial Typography Publ., 1895. 133 p.

Zhitnikov V. F. [On the Origin of Some Words in Northern Russian Dialects (Etymological Notes)]. *Voprosy istorii i dialektologii russkogo yazyka* [Historical and Dialectological Issues of the Russian Language]. Collection of Articles, Responsible Editor Assistant Professor P. A. Vovchok, Sverdlovsk, 1963, pp. 33–45. (In Russ.)

Zelenin D. K. *Tabu slov u narodov Vostochnoy Yevropy i Severnoy Azii* [Taboo Words among the Peoples of Eastern Europe and Northern Asia]. Leningrad, 1930. Part 2. *Zaprety v domashney zhizni* [Prohibitions in Home Life]. 166 p. [Collection of Anthropology and Ethnography Museum. Vol. IX].

Н. В. Богданова-Бегларян¹, Сян Янань²
Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)
n.bogdanova@spbu.ru¹, st112867@student.spbu.ru²

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ-АППРОКСИМАТОРЫ С ФУНКЦИЕЙ КСЕНОПОКАЗАТЕЛЯ И ИХ ЖЕСТОВОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ¹

Статья посвящена анализу функционирования в русском повседневном дискурсе прагматических маркеров-аппроксиматоров с функцией ксенопоказателя (*типа/типа того/типа того что; типа там; как бы* и под.) и их жестового сопровождения. Маркеры данной разновидности вводят в повествование чужую речь (в широком понимании данного термина) и одновременно показывают неуверенность говорящего в точности ее передачи. Источником материала для анализа стал мультимедийный подкорпус Национального корпуса русского языка, содержащий звуковые фрагменты, их текстовые расшифровки (транскрипты) и видеоряд для каждого фрагмента. Проведенный анализ показал, что существует тесная связь между жестами и речепорождением, что отражается в семантической и прагматической координации, а также временной синхронизации вербальной и невербальной (жестовой) составляющих устной коммуникации. Значительная часть (66,7 %) употреблений маркеров рассматриваемого типа в исследуемом материале сопровождается произвольными жестами, усиливающими, как можно предположить, интенцию говорящего и привлекающими внимание слушателя. Такие наблюдения указывают на возможность рассматривать жесты в качестве важного невербального индикатора в дискурсе. Представляется, что результаты исследования могут быть полезны для комплексного анализа устного дискурса в рамках коллоквиалистики (анализа устной речи) и когнитивной лингвистики. Полученные результаты могут быть полезны также для выяснения связи жестов и речи с точки зрения полимодального (жестового и речевого) исследования, в том числе в интересах создания искусственного интеллекта.

Ключевые слова: прагматический маркер, жестовый язык, неопределенность, ксенопоказатель, устная речь, речевой корпус.

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта СПбГУ (проект № 124032900006-1 «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта»).

Введение

Одним из интересных и пока мало изученных разрядов функциональных единиц устной повседневной речи можно считать класс *прагматических маркеров* (ПМ), которые восходят к обычным языковым единицам², то есть имеют вполне определенное слово-прототип, но, попав под действие одного из активных процессов устной речи — *прагматикализации*, — ослабляют или полностью утрачивают свое лексическое, а порой и грамматическое значение³ и реализуют в тексте лишь ту или иную функцию. В отличие от хорошо изученных и описанных на материале разных языков *дискурсивных маркеров* (см.: [Баранов и др., 1993; Shiffrin 1996; Дискурсивные слова... 1998, 2003; Fraser 2006] и мн. др.), ПМ используются исключительно в устной речи (или в ее имитациях в художественном тексте), практически не осознаются говорящим и порождаются на уровне *речевого автоматизма*, а также не имеют связей с другими единицами в составе синтаксической структуры высказывания и лежат за рамками частеречной классификации (см. подробнее специальный словарь прагматических маркеров: [ПМ 2021]). Автоматизм реализации подобных единиц заставляет предположить, что использование ПМ каким-то образом «ломает» нормальный интонационный рисунок высказывания и имеет такое же не осознаваемое говорящим, но выразительное жестовое сопровождение, которое отчасти компенсирует отсутствие у них полноценного лексического значения.

Описанию жестового сопровождения употреблений единиц одного из разрядов ПМ — маркеров-аппроксиматоров с функцией ксенопоказателя — и посвящено настоящее исследование.

Жесты и жестовое сопровождение

Исследование жестов в последние годы стало «горячей» темой в области когнитивной лингвистики. Жесты являются своеобразными предшественниками языка и были жизненно важны для ранней стадии человеческого общения. Существует *теория жестов* — одна из гипотез о происхождении языка. Согласно этой теории, язык ведет свое начало от тех или иных форм жестикуляции, звуковому языку предшествует *язык жестов*, который впоследствии постепенно вытесняется голосовыми сигналами, становится «второстепенным дополнением к звукам голоса» [Бунак 1966: 524]. Это утверждение было довольно популярно в прошлом веке, и с ним согласны многие лингвисты и психологи. Например, согласно учению советского лингвиста Н. Я. Марра, жесты («линейная или кинетическая речь») служили единственным средством общения первобытных людей на протяжении

² Подобные взаимоотношения между маркерами и внешне соответствующими им полнозначными лексическими единицами рассматриваются Б. Фрезером как *омофония* [Fraser 2006].

³ О своеобразных грамматических «атавизмах», остатках грамматического значения у некоторых прагматических маркеров — например, способности изменяться по родам, числам и падежам у вербального гезитатива *это самое*, по лицам и числам — у маркера-ксенопоказателя *грю/гришь/грит/грите*, по числам и родам — у такого же маркера-ксенопоказателя *такой/такая/такие* и некот. др. — см. подробнее: [Богданова-Бегларян 2019].

полутора миллионов лет — в период между животным состоянием и возникновением звуковой речи [Март 1931: 271]. Жесты — это самое раннее средство общения, использованное в процессе эволюции человека и ставшее почвой для возникновения и развития языка.

Язык представляет собой несомненное чудо и самую уникальную способность человека. Спонтанному порождению устной речи часто сопутствуют жесты, которые, дополняя речь и помогая говорящим более ярко передавать свои мысли, эмоции и переживания собеседнику, образуют тем самым единый *мультимодальный кластер* [Гришина 2011]. Жестикуляция производится в сочетании со словами, имеющими определенное (не обязательно лексическое) значение.

Язык и жесты являются двумя основными способами человеческого общения. *Язык* — это знаковая система символов, которая выражает смысл посредством звуков, а *жесты* дополняют этот смысл посредством движений тела. Язык и жесты могут взаимодействовать друг с другом, повышая эффективность коммуникации. Спонтанная речь часто сопряжена с жестом, профилирующим свойства референта [Müller 2014: 1691]. Вербальная речь часто сопровождается жестами, которые дополняют смысл сказанного. Жестовое сопровождение — это не только иллюстрация речи, но и ее составляющая [McNeill 1985: 350]. Можно сказать, что жесты — это своеобразное «окно» в мыслительные процессы, в подсознание говорящего [McNeill 1992: 12; Cienki, Müller 2008: 493]. Использование жестов в повседневной речи может помочь говорящим лучше выразить свою мысль и быть лучше понятыми слушателями.

Прагматические маркеры-аппроксиматоры, хеджи и функция ксенопоказателя

Одним из разрядов прагматических маркеров как особого класса функциональных единиц устного дискурса являются *аппроксиматоры* (ПМА) — маркеры нечеткой, или приблизительной, номинации, показывающие неуверенность говорящего в том, о чем он говорит, или употребляющиеся, когда прямое название предмета, явления или положения дел является излишним, неуместным или невозможным [Подлеская 2013: 632]. Типичными такими маркерами в русской повседневной речи являются *типа, как бы, вроде, или там* и их структурные вариации. Все они достаточно частотны в устной коммуникации: так, маркер *как бы* имеет в частотном списке 60-ти базовых русских ПМ ранг 5 и IPM 900 (для 300 тыс. токенов в аннотированном подкорпусе ОРД⁴), маркер *типа* — ранг 15 и IPM 280, маркер *вроде* — ранг 23 и IPM 77 [ПМ 2021: 54–55]. Значительно менее частотным является аппроксиматор *или там* (ранг 51 и IPM 3) [ПМ 2021: 56]. Однако это в значительной степени связано с тем, что его вычленение при аннотировании корпусного материала сопряжено с серьезными трудностями (см. подробнее

⁴ ОРД, или «Один речевой день», — это корпус русского языка повседневного общения, созданный в СПбГУ по методике 24-часовой записи (методике непрерывного мониторинга) (см. о нем, например: [Богданова-Бегларян и др. 2019]) [<https://ord.spbu.ru>].

об этом маркере: [ПМ 2021: 210]) и, в принципе, всегда остается возможность рассматривать его не как самостоятельную единицу, а как структурный вариант прагматического маркера *там*, хезитативного по своей основной функции в речи [ПМ 2021: 391–395].

Близким к аппроксиматору можно считать понятие *хеджа* (от англ. *Hedge*, — ‘уклонение от прямого ответа, страховка’) [Lakoff 1973: 471]. *Стратегия хеджирования* является неотъемлемым свойством устного дискурса и представляет собой использование слов (единиц) «осторожной» модальности — неопределенных местоимений или наречий, а также вводных слов (*какой-то, наверное, где-то, кое-кто, как-нибудь, кажется*), которые маркируют неуверенность говорящего, снимают с него ответственность за сказанное и смягчают категоричность его утверждений [Fraser 2013]. Эту стратегию в устном дискурсе совместно и весьма успешно реализуют хеджи и маркеры-аппроксиматоры [Сян Янань, Богданова-Бегларян 2023: 61].

Отдельным классом в ряду ПМ являются маркеры-ксенопоказатели, которые вводят в повествование *чужую речь* — в широком понимании этого термина, т. е. и свою собственную, сказанную ранее или планируемую на будущее, а также собственные или чужие мысли и даже интерпретацию поведения другого человека [Левонтина 2010; Bogdanova-Beglarian, Ryko 2022]. Обычно о передаче чужой речи говорят в рамках категории *эвиденциальности*. Как отмечает В. А. Плунгян, эта категория представляет собой «набор грамматических или лексических значений, выражающих эксплицитное указание на источник сведений говорящего относительно сообщаемой им ситуации» [Плунгян 2003: 321]. В русском языке данная категория не грамматикализована, поэтому эвиденциальное значение выражается лексически или синтаксически. К лексическим средствам можно отнести такие вводные слова, как *говорят, по слухам* и под., а также исследуемые в настоящей работе маркеры-ксенопоказатели.

Класс ксенопоказателей в русской коммуникации весьма обширен: от классических и давно кодифицированных *мол, де, дескать* до мало пока замеченных исследователями маркеров *вот, такой/такая/такие, грит/гришь/грим, типа/типа того/типа того что, вот, так и так, короче* и мн. др.⁵ Функция ксенопоказателя может стать дополнительной и для ряда маркеров-аппроксиматоров, в тех случаях когда говорящий не уверен в точности передаваемых чужих или собственных слов или только «считывает» чужую речь, интерпретируя чужое «речевое поведение». Такой способностью обладают ПМА *типа/типа того/типа того что, вроде/вроде того/вроде того что, как бы* и некот. др.

Именно эти маркеры-аппроксиматоры и их жестовое сопровождение и стали объектом настоящего исследования. Соответственно, *цель* работы можно определить так: выявление функции ксенопоказателя в употреблениях прагматических маркеров-аппроксиматоров и описание жестового сопровождения таких употреблений.

⁵ Наиболее полные списки «новых» ксенопоказателей см. в работах [Левонтина 2020; Шклярчук 2023].

Материал и методы

Источником *материала* для анализа послужил Мультимедийный подкорпус (МУРКО) Национального корпуса русского языка [<https://ruscorpora.ru>], который содержит устные тексты, выровненные с соответствующими видеофрагментами и снабженные расшифровками (транскриптами). МУРКО позволяет, таким образом, изучать устную речь, используя не только письменные тексты, но и реальное звучание и жестовое сопровождение.

В работе использованы такие научные *методы*, как метод сплошной выборки (для создания пользовательского подкорпуса материала), описательный (контекстный анализ), анализ видеоряда и количественный (простые количественные подсчеты).

Результаты анализа

В пользовательский подкорпус настоящей работы вошел 21 пример с маркерами-аппроксиматорами, которые выполняют в устной речи дополнительную функцию ксенопоказателя, сохраняя при этом прагматику аппроксимации (неопределенности). В 14 примерах из 21 (66,7 %) видеоряд позволил выявить жестовое сопровождение употреблений говорящим ПМА-ксенопоказателя.

В результате анализа жестового сопровождения на полученном материале удалось построить классификацию жестов, которая включает такие разновидности, как взмахи рукой, движения пальцами, биты (жесты, отбивающие такт), вращение и колебание. Частота использования выявленных типов жестов представлена в таблице.

Таблица. Частотность использования различных типов жестов

Типы жестов	Абс. количество	Отн. количество (%)
1. Взмах рукой	6	40,0
2. Движения пальцами	5	33,3
3. Биты	2	13,3
4. Вращение	1	6,7
5. Колебание	1	6,7

Носители языка, которые любят жестикулировать во время разговора, обычно хорошо выражают эмоции: они могут использовать жесты для повышения выразительности своей речи, для выражения своего мнения. В настоящей статье рассматриваются только жесты рук в момент речи: их положение, направление и движение. В ходе анализа было использовано программное обеспечение для создания снимков экрана. Типичный жест проходит три стадии — подготовка, ход (stroke) и отказ (retraction). Жесты позволяют выделять определенные оттенки прагматического значения, имплицитно присутствующие в речи собеседников [Lomia 2014: 47]. См. следующие примеры с рисунками.

- (1) *То ей говорят/ ну/ тогда не в нашей компании. Вот насколько это проблема в том числе законодательства/ что как бы есть государство/ которое предлагает работодателю этот длинный декретный отпуск оплачивать.*

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

В контексте (1) говорящая пытается объяснить своими словами, в чем состоит *проблема законодательства*. Аппроксиматор *как бы* маркирует информацию, полученную ею из внешнего источника, т. е. выступает в функции ксенопоказателя. Именно по этой причине передаваемая информация потенциально не вполне достоверна. Как видно из рисунков (1)–(3), при произнесении маркера *как бы* говорящая стремительно машет рукой вверх, начиная передавать чужую речь.

Можно допустить, что функция ксенопоказателя у аппроксиматора *как бы* в данном контексте не вполне очевидна, но для нас важно, что она возможна⁶. Устная спонтанная речь в принципе отличается диффузностью, расплывчатостью,

⁶ Примечательно, что в недавно изданном словаре прагматических маркеров [ПМ 2021] функция ввода чужой речи для ПМ *как бы* вообще не зафиксирована: тот материал, на котором был построен этот словарь, просто не дал такой возможности. Расширение материала, предпринятое в настоящем исследовании, позволило расширить и функциональный потенциал данного ПМ.

плохой структурированностью, отсутствием определенности в употреблении многих единиц, что делает подобный материал, с одной стороны, крайне трудным для аннотирования и описания, а с другой — столь же интересным для лингвистического исследования. О «бесформенном состоянии» устной речи по сравнению с кодифицированным языком писал еще Л. В. Щерба, подчеркивая, что в ней «трудно уловить что-либо определенное» [Щерба 1957: 17–18]; а Б. М. Гаспаров писал об устной речи, как о «том трудно заметном и все время ускользающем, динамическом аспекте нашего взаимодействия с языком, который сопровождает наше существование в языке в каждый его момент, на всем протяжении нашего жизненного опыта» [Гаспаров 1996: 18]. Р. Барт метафорически назвал нашу естественную повседневную речь «гулом языка», соотнося его с гулом «исправно работающей машины», с шелестом листвы, журчанием источников, шумом ветра — одним словом, с «трепетом Природы» — и призывая вслушиваться в этот гул, «вопросая трепещущий в нем смысл» [Барт 1989: 544]. По мнению П. Томпсона, «устное повествование <...> примитивно с точки зрения грамматического строя, полно избыточных выражений и неоправданных отклонений; в нем много субъективного, эмоционального и гипотетического» [Томпсон 2003: 277]. Однако подобная «непричесанность» такого повествования может служить дополнительным источником информации для историка повседневности, поскольку позволяет выявить «часто полуосознанные, скрытые значения, которые выдает сама речь» [Томпсон 2003: 277] (цит. по: [Богданова-Бегларян 2021: 46]).

(2) Ну/ давайте уйдем немножко в другую сторону/ я вам просто так хочу сказать/ что вот мы **как бы** тут все/ ну/ я про себя говорю/ да/ молодые ребята/ и многие проекты/ многие проекты мы реализовывали там с минимумом бюджета. Понимаете?

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Как видно из рисунков (4)–(6), говорящий, передавая в контексте (2) свою собственную речь, сначала сжимает кулак, а при произнесении аппроксиматора *как бы* разжимает его и машет рукой налево, как бы «бросая» эту информацию зрителям.

- (3) Так вот/ версия состоит в том/ что он не просто оттуда извлек некоторое содержание/ а что он погрузился в язык Ипатьевской летописи и вот сумел достичь такого замечательного эффекта/ что сейчас по десяткам/ если не сотням параметров невидимых/ вот **типа того/ что** «если был»...

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Конструкция *типа того что* представляет собой расширенный вариант базового ПМА *типа*, который часто выступает в русской речи в функции ксенопоказателя [ПМ 2021: 396–404]. В контексте (3) с помощью данного маркера говорящий передает содержание некоей *версии*. На рисунках (7)–(9) видно, как говорящий ритмически машет рукой влево и вправо, подчеркивая гипотетичность этой версии.

- (4) Вот Делягин говорит про Сбербанк/ **типа**/ какой он эффективный. Я могу сказать/ почему/ что за этим стоит.

В контексте (4) говорящий вводит чужую речь, используя и глагол *говорит*, и ПМА *типа*⁷. При произнесении маркера говорящий рисует круг обеими руками, как бы заключая передаваемую речь в кавычки — см. рис. (10)–(12).

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

⁷ Такие ситуации одновременного использования двух маркеров ввода чужой речи — традиционного глагола говорения и ксенопоказателя — в русском устном дискурсе отнюдь не редкость (см. подробнее: [ПМ 2021: 144–158.]). См. аналогичный пример в контексте (6).

- (5) *Вспомните/ что когда там появился Горбачев/ который стал с женой где-то появляться/ и как-то по-другому/ да/ я помню вечные такие разговоры про/ «Tuna куда она лезет/ зачем вообще ей это? Да. Почему/ почему вообще так?» Так не должно быть. Должен быть одинокий человек/ женатый на стране.*

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

В контексте (5) говорящая призывает слушателей *вспомнить разговоры*. Такое припоминание априори не может быть абсолютно точным, что и вынуждает ее использовать ПМА *tuna* и множество хеджей (*где-то, как-то*) — налицо реализация стратегии хеджирования. Из рисунков (13)–(15) видно, что на слове *tuna* женщина раскрывает большие пальцы сцепленных рук и двигает ими, что маркирует передачу этих давних *разговоров*. При этом она несколько раз ударяет сцепленными руками сверху вниз, что, вероятно, выражает некоторое ее возбуждение.

- (5) *Тебя привезут к нему в дом/ отведут в залу/ и там наверняка придется подождать. — Почему? — Я давно Мишку знаю/ он всегда заставляет ждать. Наверно/ страху нагоняет. Услышишь шаги/ вставай к окну. Потом/ когда он войдет/ повернись и скажи шо-нить tuna/ «У вас красивый дом».*

Рис. 16

Рис. 17

Рис. 18

В примере (6) аппроксиматор *tina* сопровождает глагол говорения *скажи*, и с помощью обеих этих единиц вводится чужая речь, оформленная по модели конструкций с прямой речью⁸. На рисунках (16)–(18) видно, что в момент произнесения ПМА *tina* правая рука говорящего сильно вращается.

(5) *Макс. Максим. Надо слоган какой-то убедительный придумать. Tina там/ Я дам вам... Что он им может дать? — Смотря чего у них нету. — Ничего у них нет. — Такой слоган/ Я дам вам все.*

В контексте (7) использован структурный вариант маркера-аппроксиматора *tina* с функцией ксенопоказателя. Вариант образуется за счет прибавления компонента *там* и благодаря этому приобретает еще одну дополнительную функцию — *hesitations* (преодоления речевой заминки и оформления речевого поиска). Кроме того, добавление словечка *там*, вполне вероятно, позволяет маркеру

⁸ О разных моделях введения чужой речи в устное повествование с помощью маркеро-ксенопоказателей см.: [Шклярчук, Богданова-Бегларян 2023].

Рис. 19

Рис. 20

Рис. 21

типа там реализовать еще и *ритмообразующую* функцию, в результате чего создается гармония ритмических групп в речевом потоке. Такое употребление ПМА оказывается максимально полифункциональным. На рисунках (19)–(21) видно, что, когда говорящий произносит *типа там*, его правая рука колеблется регулярно влево и вправо, и в этом жесте также отражается приблизительность и колебание.

Заключение

Жесты и звуковой язык играют незаменимую роль в общении и познавательных процессах человека. Они взаимозависимы и влияют друг на друга. Жесты — это больше, чем просто взмахи руками говорящего или привлечение чьего-то внимания, это и невербальные средства человеческого языка, которые подчеркивают, дополняют или уточняют что-то в речи.

Количественный анализ полученных в настоящем исследовании данных позволил сделать предварительный вывод, что в русской устной речи значительная часть (66,7 % от общего объема проанализированного материала) употреблений маркеров-аппроксиматоров в функции ксенопоказателя сопровождается заметной жестикуляцией. При этом говорящий делает такие прагматические жесты, как взмах рукой (одноразовый или повторяющийся) (40,0 %), движения пальцами (33,3 %), биты (13,3 %), вращение (6,7 %) и колебание (6,7 %). Кроме того, жестикуляция помогает говорящему передавать сильные эмоции или отношение к ситуации.

Проведенный анализ показал, что между жестами и речью существует тесная связь, которая отражается в семантическом согласовании и временной синхронизации. Результаты исследований такого рода могут быть полезны для комплексного анализа устного дискурса в рамках коллоквиалистики и когнитивной лингвистики. С точки зрения полимодального исследования полученные результаты могут быть полезны также в выяснении связи жестов и речи в процессе метафорического изображения.

Источники

Дискурсивные слова русского языка: Опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Л. Киселевой, Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998. 448 с.

Дискурсивные слова русского языка: варьирование и семантическое единство. Сб. статей / Под ред. К. Л. Киселевой, Д. Пайара. М.: Азбуковник, 2003. 207 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] // URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 15.01.2023).

ОРД — Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день» [Электронный ресурс] // URL: <https://ord.spbu.ru>.

ПМ — Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисл. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.

Литература

Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 208 с.

Барт Р. Гул языка // Р. Барт. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 615 с.

Богданова-Бегларян Н. В. Грамматические «атавизмы» прагматических маркеров русской устной речи // Русская грамматика: структурная организация языка и процессы языкового функционирования / Под ред. О. И. Глазуновой и К. А. Роговой. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 436–446.

Богданова-Бегларян Н. В. Предисловие редактора // Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисл. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 5–52.

Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я., Шерстинова Т. Ю. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы // Труды Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / Гл. ред. А. М. Молдован. Отв. ред. вып. В. А. Плунгян. М., 2019. С. 101–110.

Бунак В. В. Речь и интеллект, стадии их развития в антропогенезе // Труды Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия: Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М., 1966. Т. 92. С. 497–551.

Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение. Вып. IX / Ред. вып. И. Прохорова. 1996. 352 с.

Гришина Е. А. О мультимодальных кластерах в устной речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог-2011». М.: РГГУ, 2011. С. 243–257.

Левонтина И. Б. Пересказывательность в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 9 (16). М.: РГГУ, 2010. С. 284–289.

Левонтина И. Б. Об арсенале ксенопоказателей в русском языке // Вопросы языкознания, № 3, 2020. С. 52–77.

Март Н. Я. Язык и письмо // Известия Гос. академии истории материальной культуры. 1931. Т. 6. Вып. 6.

Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.

Подлеская В. И. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2013). Вып. 12 (19). В двух томах. Том 1. Основная программа конференции / Гл. ред. В. П. Селегей. М.: РГГУ, 2013. С. 631–643.

Сян Янань, Богданова-Бегларян Н. В. Аппроксимация и хеджирование в языке и речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2023). Труды десятого междисциплинарного семинара / Науч. ред. П. А. Скрелин, У. Е. Кочеткова. СПб.: Политехника-принт, 2023. С. 60–65.

Томпсон П. Голос прошлого. Устная история / Пер. с англ. М. Л. Коробочкина и др. М.: Весь мир, 2003. 368 с.

Шклярчук Е. Я. Маркеры-ксенопоказатели в русской устной речи: опыт систематизации // Когнитивные исследования языка. Вып. 3 (54). Когниция, коммуникация, дискурс: современные аспекты исследования: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Часть II / Отв. ред. вып. Л. А. Фурс. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2023. С. 327–331.

Шклярчук Е. Я., Богданова-Бегларян Н. В. Особенности введения в устное повествование чужой речи различными маркерами-ксенопоказателями // LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. Сб. тезисов. СПб., СПбГУ, 2023. С. 1022–1023.

Щерба Л. В. О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета // Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 11–20.

Bogdanova-Beglarian, N. V., Ryko, A. I. Xeno-Marker as an Interpreter of Silence or Speech Behavior in Oral Communication (Difficulties in Translation and Teaching RFL // Синергия языков и культур 2021: междисциплинарные исследования. Сб. статей / Под ред. С. Ю. Рубцовой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. С. 80–89.

Cienki, A., Müller, C. Metaphor, Gesture, and Thought // Gibbs, R. (ed.). The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought. New York: Cambridge University Press, 2008. Pp. 483–501.

Fraser, B. Towards a Theory of Discourse Markers // Approaches to Discourse Particles. Studies in Pragmatics, 1 / K. Fischer (ed.). Oxford: Elsevier, 2006. Pp. 189–204.

Fraser, B. Forthcoming. A Brief History of Hedging. In Vagueness in Language, Stefan Schneider (ed.). Bingley: Emerald Publishing, 2013. Pp. 201–213.

Lakoff, G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts. // Journal of Philosophical Logic. No 2. Dordrecht-Holland: D. Reidel Publishing Company, 1973. Pp. 458–508.

Lomia, N. Le particolarità della comunicazione paralinguistica sull'esempio della cultura italiana. Iia: E-Scripta Romanica, 2014. Pp. 45–53.

McNeill, D. So You Do Think Gestures are Nonverbal? *Psychological Review*, 92 (3), 1985. Pp. 350–371.

McNeill, D. *Hand and Mind: What Gestures Reveal about Thought*. Chicago: The University of Chicago Press, 1992. 416 p.

Müller, C. Gestural Modes of Representation as techniques of depiction // *Body — Language — Communication: An international Handbook on Multimodality in Human Interaction* / Ed. by C. Müller et al. 2014. Vol. 2. Pp. 1687–1701 (*Handbooks of Linguistics and Communication Science* 38.2).

Shiffrin, D. *Discourse Markers*. Cambridge University Press, Cambridge, The UK, 1996. 367 p.

N. V. Bogdanova-Beglarian¹, Yanan Xiang²

St. Petersburg State University

(Russia, St. Petersburg)

n.bogdanova@spbu.ru¹, st112867@student.spbu.ru²

PRAGMATIC MARKERS-APPROXIMATORS WITH THE FUNCTION OF XENOINDICATORS AND THEIR GESTURAL ACCOMPANIMENT

The article is devoted to the analysis of pragmatic markers-approximators with the function of xenoinicator (*tipa/tipa togo/tipa togo chto; tipa tam; kak by* etc.) and their gestural accompaniment in Russian everyday discourse. Markers of this type introduce someone else's speech into the narrative (in the broad sense of this term) and at the same time show the speaker's uncertainty in the accuracy of its transmission. The source of material for the analysis was the Multimedia corpora of the Russian National Corpus, containing sound fragments, their text transcripts and video sequences for each fragment. The analysis showed that there is a close connection between gestures and speech production, which is reflected in semantic and pragmatic coordination, as well as time synchronization of verbal and nonverbal (gestural) components of oral communication. A significant portion (66.7 %) of the uses of markers of this type in the material under study are accompanied by involuntary gestures, which, as one might assume, enhance the speaker's intention and attract the listener's attention. Such observations point to the possibility of considering gestures as an important nonverbal indicator in discourse. It seems that the results of the study can be useful for a comprehensive analysis of oral discourse within the framework of colloquialism (analysis of oral speech) and cognitive linguistics. The results obtained can also be useful for clarifying the connection between gestures and speech from the point of view of multimodal (gesture and speech) research, including in the interests of creating artificial intelligence.

Key words: pragmatic marker, sign language, uncertainty, xenoinicator, oral speech, speech corpus.

References

- Baranov, A. N., Plungyan, V. A., Rakhilina, E. V. *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [A guide to discursive words in Russian]. Moscow, Pomovsky and Partners Publ., 1993. 208 p.
- Bart, R. [The language of the slave]. Bart, R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poehtika: per. s fr.* [Selected Works: Semiotics. Poetics: Trans. from fr.]. Moscow, Progress Publ., 1989. 615 p. (in Russ.)
- Bogdanova-Beglarian, N. V. [Grammatical “atavisms” of pragmatic markers of russian oral speech]. *Russkaya grammatika: strukturnaya organizatsiya yazyka i protsessy yazykovogo funktsionirovaniya* [Russian grammar: structural organization of language and processes of language functioning]. Moscow, LENAND Publ., 2019, pp. 436–446. (in Russ.)
- Bogdanova-Beglarian, N. V. [Editor’s Foreword]. *Pragmaticheskie markery russkoi povsednevnoi rechi: slovar'-monografiya* [Pragmatic markers of russian everyday speech: dictionary-monograph]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2021, pp. 5–52. (in Russ.)
- Bogdanova-Beglarian, N. V., Blinova, O. V., Martynenko, G. Ya., Sherstinova, T. Yu. [Corpus of the Russian language of everyday communication “One speech day”: current state and prospects]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. [Proceedings of the Institute of Russian Language named after. V. V. Vinogradova.]. Moscow, 2019, pp. 101–110. (in Russ.)
- Bogdanova-Beglarian, N. V., Ryko, A. I. Xeno-Marker as an Interpreter of Silence or Speech Behavior in Oral Communication (Difficulties in Translation and Teaching RFL). *Sinergiya yazykov i kul'tur 2021: mezhdistsiplinarnye issledovaniya* [Synergy of languages and cultures 2021: interdisciplinary studies]. Rubcova, S. Yu. (ed.). St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2022, pp. 80–89. (in Eng.)
- Bunak, V. V. [Speech and Intelligence, Stages of Their Development in Anthropogenesis]. *Trudy Instituta ehtnografii AN SSSR. Novaya seriya: Iskopaemye gominidy i proiskhozhdenie cheloveka* [Proceedings of the Institute of ethnography of the USSR Academy of sciences. New series: fossil hominids and human origins]. Moscow, 1966, pp. 497–551. (in Russ.)
- Cienki, A., Müller, C. Metaphor, Gesture, and Thought. Gibbs, R. (eds.). *The Cambridge handbook of metaphor and thought*. New York, Cambridge University Press, 2008, pp. 483–501.
- Fraser, B. Towards a theory of discourse markers. approaches to discourse particles. *Studies in pragmatics*, 1 / K. Fischer (ed.). Oxford, Elsevier Publ., 2006, pp. 189–204.
- Fraser, B. Forthcoming. *A brief history of hedging. In vagueness in language*, Stefan Schneider (ed.). Bingley, Emerald Publishing, 2013, pp. 201–213.
- Gasparov, B. M. *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, memory, image. linguistics of linguistic existence]. Moscow, New Literary Review Publ., 1996. 352 p.
- Grishina, E. A. [About Multimodal Clusters in Oral Speech]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii*

«Dialog-2011» [Computer Linguistics and Intellectual Technologies: Based on the Materials of the Annual International Conference “Dialogue-2011”]. Moscow, RSHU Publ., 2011, pp. 243–257. (in Russ.)

Lakoff, G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Journal of philosophical logic*. No. 2. Dordrecht-Holland, D. Reidel Publishing Company, 1973, pp. 458–508.

Levontina, I. B. [Paraphrasing in Russian]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* [Computer linguistics and intellectual technologies. Based on materials from the annual international conference “Dialogue”]. Moscow, RSHU Publ., 2010, pp. 284–289. (in Russ.)

Levontina, I. B. [The repertory of xenomarkers in Russian]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2020, no. , pp. 52–77. (in Russ.)

Lomia, N. *Le particolarità della comunicazione paralinguistica sull'esempio della cultura italiana* [The particularities of paralinguistic communication on the example of Italian culture]. Iliia, E-Scripta Romanica Publ., 2014, pp. 45–53. (in Ita.)

Marr, N. Ya. [Language and Writing]. *Izvestiya Gos. akademii istorii material'noi kul'tury* [Izv. State academy of history of material culture]. 1931, no. 6 (6). (in Russ.)

McNeill, D. So you do think gestures are nonverbal? *Psychological Review*, 92 (3), 1985, pp. 350–371.

McNeill, D. *Hand and mind: what gestures reveal about thought*. Chicago, The University of Chicago Press, 1992. 416 p.

Müller, C. Gestural modes of representation as techniques of depiction. Body — language — communication: an international handbook on multimodality in human interaction. C. Müller et al. (eds.) *Handbooks of linguistics and communication science* 38.2, 2014, vol. 2, pp. 1687–1701. ()

Plungyan, V. A. *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General Morphology: Introduction to the Subject]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 384 p.

Podlesskaya, V. I. [Fuzzy nomination in russian colloquial speech: experience of corpus research]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» (2013)* [Computer linguistics and intellectual technologies. Based on materials from the annual international conference “Dialogue” (2013)]. Moscow, RSHU Publ., 2013, pp. 631–643. (in Russ.)

Shcherba L. V. [On the auxiliary and independent significance of grammar as an educational subject]. *L. V. Shcherba. Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1957, pp. 11–20. (in Russ.)

Shiffrin, D. *Discourse markers*. Cambridge University Press, Cambridge, The UK, 1996. 367 p.

Shklyaruk, E. Ya. [Markers-xenoinicators in Russian oral speech: experience of systematization]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. 3 (54). Kognitsiya, kommunikatsiya, diskurs: sovremennye aspekty issledovaniya: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Chast' II* [Cognitive studies of language, cognition, communication, discourse: modern aspects of research: materials of the All-Russian

scientific conference with international participation.]. Vol. 3 (54), part II, Tambov, Publ. house “Derzhavinski”, 2023, pp. 327–331. (in Russ.)

Shklyaruk, E. Ya., Bogdanova-Beglarian, N. V. [Peculiarities of introducing someone else’s speech into oral narration using various markers-xenoindicators]. *LI Mezhdunarodnaya nauchnaya filologicheskaya konferentsiya imeni Lyudmily Alekseevny Verbitskoi* [LI International scientific philological conference named after Lyudmila Alekseevna Verbitskaya]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2023, pp. 1022–1023. (in Russ.)

Tompson, P. *Golos proshlogo. Ustnaya istoriya* [Voice of the Past. Oral History]. Moscow, Ves’ mir Publ., 2003. 368 p.

Xiang, Yanan, Bogdanova-Beglarian, N. V. [Approximation and hedging in language and speech]. *Analiz razgovornoj russkoi rechi (AR3-2023). Trudy desyatogo mezhdisciplinarnogo seminara* [Analysis of spoken Russian speech (AR³-2023). Proceedings of the Tenth interdisciplinary seminar]. St. Petersburg, Politekhniko-print Publ., 2023, pp. 60–65. (in Russ.)

И. А. Букринская¹, О. Е. Кармакова²

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

irbukr@gmail.com¹

okarmakova@list.ru²

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И НОМИНАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В РУССКИХ ГОВОРАХ

Статья состоит из двух частей, различных по своему содержанию, однако в каждой из них языковые процессы рассматриваются, исходя из особого взгляда на множественность в картине мира диалектоносителей, при котором берется во внимание не просто количественная множественность, противопоставленная единичности. Семантика мн. числа включает и дополнительные значения, проявляющиеся в говорах более ярко, чем в литературном языке: собирательности, интенсивности, временной и пространственной протяженности и др.

В первой части авторы на основе данных «Архангельского областного словаря» рассматривают собственно диалектные модели, по которым образуются наречия: это продуктивные модели, мотивированные существительными с формантами *в- ...-ах/-ях* (типа *вблизях, ввозах, вволюшках*) и *на-...-ах/-ях* (типа *напередях, наподхвátках, нарассвётках*), где суффикс омонимичен флексиям П. п. мн. числа.

Во второй части анализируются существительные *pluralia tantum*, также исходя из семантики множественного числа. Хотя диалектные номинации распределяются по тем же группам, что и слова литературного языка, однако «наполняемость» их различна. Так, группа, обозначающая отрезки времени, обряды и праздники, незначительная в стандартном языке, в говорах велика, так как многочисленность участников, ежегодная повторяемость обрядов и ритуалов способствовали тому, что именованья употреблялись во мн. числе: *поминáльницы* ‘родительские поминальные дни’, *назьмы* ‘коллективная помощь в вывозе навоза’, *брьксы* ‘общее гуляние деревни в складчину’, *развёсы* ‘приданое, которое развешивалось на общее обозрение’, *Иváны-купáлы*, *Аку́ли-заде́ри хвосты*, *Аграфёны-лю́тые корёнья* и др. Рассмотренная продуктивность мн. числа при образовании наречий и существительных *pl. tantum* определенных тематических групп в говорах объясняется тем, что в формах мн. числа на первый план выходит семантика собирательности, интенсивности, повторяемости.

Ключевые слова: русские говоры, словообразование наречий, существительные *pluralia tantum*, семантика множественного числа.

К настоящему времени накоплен большой и разнообразный материал по словообразованию и семантике диалектных наречий и наречных сочетаний благодаря сбору данных для региональных лексикографических трудов (И. А. Попов, О. Г. Гецова, Л. А. Савелова, Ю. Н. Драчева, О. А. Глущенко и др.). Публикация диалектных словарей, особенно Архангельского (далее — АОС), который по мере выхода преобразовался из дифференциального в словарь полного типа, а также издание «Обратного словаря архангельских говоров» предоставляют обширный диалектный ресурс, позволяющий изучать грамматические и словообразовательные модели. Наше внимание привлекли наречия и наречные сочетания, отличающиеся значительным разнообразием и вариативностью. Как свидетельствуют данные АОС, в архангельских говорах гораздо шире, чем в литературном языке, представлены модели, образованные от форм мн. числа существительных и прилагательных.

О. Г. Гецова, главный редактор этого издания, достаточно подробно описала словообразование наречий, особое внимание уделяя уникальным моделям, отсутствующим в литературном языке: «Собственно диалектным является словообразовательный тип наречий, образованный с префиксами *в-*, *до-*, *из-/ис-*, *на-*, *с-/со-* и с суффиксом *-ых/-их*, мотивированных прилагательными, числительными, местоимениями¹: *вдавніх* ‘давно, издавна’, *впервых* ‘в первый раз, впервые’, ‘раньше, быстрее других’, *впоследних* ‘позади, после всех’, *недóлгих* ‘немедленно, сразу же’, *добольших* ‘до взрослого состояния’, *доёких*, *донáнешних* ‘до настоящего времени’, *допослédних* ‘до последнего, крайнего срока, допоздна’, *искосых* ‘неодобрительно, недружелюбно’, *накосых* ‘в сторону от прямого направления’, *напростых* ‘порожняком, без груза’, *сослепых* ‘не видя чего-н. или не глядя на что-н.’, *спервых* ‘вначале, сначала» [Гецова 2013: 100]. Эти наречия образованы с суф. *-их/-ых*, омонимичным флексиям Р., П. пп. мн. ч. прилагательных.

Помимо этого в северных говорах фиксируются наречия, которые исторически восходят к формам творительного падежа мн. или дв. числа. Их также выделяет О. Г. Гецова, называя «особым диалектным словообразовательным типом, при котором наречия, мотивированные прилагательными, числительными, существительными, глаголами, образованы с суффиксами *-ими/-ми*, *-има/-ыма*, *-ема/-емя*, *-ома*, *-ма... голоушими* ‘без головного убора’, *кράдчими* ‘тайно’, ... *пéшими*, *пешемя* ‘на собственных ногах’, *ходячими*, *ходёма* ‘в движении, на ногах’, *ручными* ‘вручную, руками’, *сидёма* ‘сидя, в сидячем положении’, *стоёма* ‘стоя, в стоячем положении’, *другима* ‘по-другому’, *дальнейшема* ‘в будущем, впоследствии’, *одномá* ‘в одиночку’...» [Там же: 101].

Формы, восходящие к Т. п. мн. ч. существительных, используются в говорах шире, чем в литературном языке (далее — ЛЯ), где в этом же значении им

¹ В литературном языке подобные формы единичны: *во-первых* и др. К ним примыкает наречное сочетание *остаться в живых*.

соответствуют формы, генетически связанные с Т. п. ед. ч.: *дня́ми* — *днё́м*, *весна́ми* — *весно́й* и т. д. Часто эти наречия, как и в ЛЯ, обозначают промежуток времени, названный мотивирующим словом: *дня́ми* 1. В течение одних суток, за один день. 2. Днём. 3. В течение многих дней. Приведем еще ряд примеров: *весна́ми* ‘весной’, *зима́ми* ‘зимой’, *лета́ми* ‘летом’, *осеня́ми* ‘осенью’, *пора́ми* ‘порой, иногда’, *ноча́ми* ‘ночью’, *утра́ми* ‘утром’, *века́ми* ‘давно’. Отмечены наречия не только с временным значением, но и с другими: место, образ действия — *гуза́ми* ‘низом’, *ря́дышками* ‘рядышком’, *шу́тками* ‘в шутку’, *целика́ми* ‘целиком’.

Наречие *верха́ми* приводится в АОС и в СГРС с двумя значениями ‘поверху, в верхних слоях’ и ‘верхом на лошади’: *На Лешке верхами ездила* [СГРСрд]. Интересный материал о различении наречий *верхо́м* — *верха́ми* в зависимости от семантики числовых форм соотносительного имени содержится в статье А. Ф. Журавлева, где он замечает: «Грамматическая категория числа обнаруживается у замкнутого списка наречий с общим значением ‘способ передвижения или положения’, служащих чаще всего определением к глаголам с семантикой движения или экзистенциальности, но могущих быть и в других словосочетаниях — в качестве определения к имени существительному» [Журавлев 1980: 228]. Кроме приведенного примера, рассмотрены наречия *босиком* — *босиками*, *пешком* — *пешками* и некоторые др. Позже исследователь возвращается к этой теме с использованием обширного материала Инверсионного индекса к СРНГ и «Обратного словаря архангельских говоров» и более определенно утверждает наличие у некоторых групп наречий категории числа, которая выступает «не как синтаксическая, а как семантическая...» [Журавлев 2013: 272].

Очень продуктивна в говорах, в отличие от ЛЯ, модель с префиксом *в-* и суффиксом *-ах/-ях*, мотивированная существительными, где суффикс омонимичен флексиям II. п. мн. ч.: *близя́х* ‘близко’, *ввоза́х* ‘в отлучке, в отъезде’, *вволюшках* ‘свободно’ (*прожить вволюшках*), *восна́х*, *восня́х* ‘во сне, во время сна’, *вглаза́х* — 6 значений отмечено в [АОС 3], вот некоторые из них: ‘то же, что ввиду’ (*Гладыш вдали́ ро́сте, а круши́нник — вглаза́х*); ‘в чем-либо присутствии’ (*Вглаза́х сумёл укра́сть*); ‘при себе, около себя, поблизости’ (*Вглаза́х тепе́рь нико́во нет*); *вголовáх*, *вголовя́х* ‘в изголовье’, *вгоряча́х*, *вгоря́чках* ‘сгоряча, разгорячась’, *вгоря́х*, *вгоря́ях* ‘в расстройстве, в горе’, *вдавня́х* ‘давно’, *вдаля́х* ‘вдалеке’, *вдуха́х* ‘в хорошем настроении’, *вдоста́тках* ‘обеспеченный материально’, *вза́мужах* ‘замужем’, *вдыба́х* ‘о животных: на задних лапах’, *вживота́х*¹ ‘в наличии, в хозяйстве’ (*Нет и замка́ вживота́х*); *вживота́х*² ‘в доме жены жить’ [АОС 4], *впамята́х* ‘в полном сознании’, *вдоро́гах* ‘в движении, в пути’, *вподря́дах* ‘будучи нанятым’, *впоми́нках* в сочетании *впоми́нках нет* ‘совсем нет никаких признаков наличия’, *впоря́дках* ‘как надо, как следует’, *впоследка́х* ‘после всего, под конец’, *впохо́днях* то же, что *впохо́денцах*, ‘на ногах, в ходьбе, в движении’, *всередка́х*, *всередочка́х* ‘в середине, в центре’, *вси́лах* ‘будучи здоровым, полным сил’, *вслыха́х не было* ‘совсем, совершенно, никогда’, *всмеха́х*, *вишута́х* ‘в шутку, в насмешку, несерьезно’, *врука́х* ‘под руками’, ‘в хозяйстве’, *всосе́дах*, *всосе́дях*, *всусе́дях*, *всосе́дах*, *всосе́дках* ‘по соседству, рядом’, *вспирта́х* ‘в состоянии опьянения’, *всторона́х* ‘вдалеке’, *ву́лицах* ‘вне

дома', *втя́гостях* 'тяжело', *вчи́слах* 'о религиозных праздниках, приходящихся на точно определенное число' [АОС 5–7].

Еще одна модель присуща только диалектным наречиям, которые мотивированы существительными с формантами *на-...-ах*². Судя по материалам «Обратного словаря архангельских говоров», эта модель достаточно продуктивна: *назадáх*, *назадáх* 'сзади', *надума́х* 'в раздумьи', *напередáх* 'впереди', *наподхва́тках* 'на подхвате', *нарассвѣ́тках* 'рано', *напослед́ках* 'в последнюю очередь', *насерѣ́дках* 'посредине', *напоря́дках* 'в порядке', *напамя́тях* 'в полном сознании', *накану́нах* 'накануне', *насторонáх* 'далеко, в разъездах', *нау́лицах* 'вне дома' и др.

Все исследователи отмечают высокую степень вариативности диалектных наречий, образованных от одного и того же корня и совпадающих по значению, что, естественно, нашло отражение и в словарях, например: *воха́бках* (*воха́нках*), *воха́бочках*, *воха́бки* (*воха́нки*), *воха́бку* (*воха́нку*), *воха́бок*, *воха́бочек*, *воха́бочку* 'то же, что в охапку, обхватив руками кого-н., что-н., в руках, на руках' [АОС 5]. Вариативность наречий ярко продемонстрировала О. Г. Гецова в обзорной статье по словообразованию [Гецова 2013].

Но при всем разнообразии вариативных форм наречий обилие лексем и словообразовательных моделей, генетически восходящих к формам мн. числа, кажется не случайным. Это связано, как нам представляется, с семантикой мн. числа в русских говорах: оно обозначает не просто количественную множественность, противопоставленную единичности, а выражает различного рода дополнительные оттенки: собирательность, интенсивность, временную и пространственную протяженность, качественную множественность. Разнообразным значениям мн. числа в русском языке посвящена классическая статья А. А. Потебни [Потебня 1888]. Ученый в рассуждениях опирается на материалы литературного языка, но в говорах указанные дополнительные значения выражены еще более ярко. «В картине мира носителя диалекта идея собирательности занимает более важное место, чем у носителей литературного языка. Для многих говоров различение собирательного множества (непрерывного, интенсивного, обобщенного и усиленного) и дискретного является очень актуальным...» — отмечали мы в статье о семантике и разных способах выражения собирательного значения в русских говорах [Букринская, Кармакова 2013: 292]. Указанные особенности важны и при лексикализации форм мн. числа и образовании существительных pl. tantum.

История происхождения этих имен на основе семантического анализа представлена в программной работе В. И. Дягтерева: «Исследование показало, что семантические процессы образования имен pluralia tantum основываются на глубинных мыслительно-логических значениях множественности, которые в соответствии с характером денотативных содержаний могут быть сведены к четырем основным типам: 1) собирательности, 2) обобщенности, 3) неопределенности и 4) интенсивности»

² В литературном языке единичные примеры: *напоследках*, *напоследях*, *на сносях* (мотивировано глаголом), приведены в [Зализняк 1977] как стилистически окрашенные. Примеры типа *на побегушках*, *на четвереньках* и под. нормативными словарями трактуются как предложно-падежные конструкции [Шведова (ред.) 2008].

[Дягтерев 1982: 68]. Автор дает диахронический анализ лексикализации форм мн. ч. и перехода их в pl. tantum на обширном материале славянских языков.

На синхронном уровне семантические разряды существительных pl. tantum литературного языка приведены в грамматических исследованиях, в частности в грамматиках русского языка [Шведова (ред.) 1980: 473–474]. В целом диалектные группы соответствуют тем, что выделены для стандартного языка.

1. Предметы, обычно состоящие из двух или нескольких частей, а также содержащие две или более одинаковые части (сложные предметы): *вилы, ворота, грабли, ножницы, хоромы, штаны* и т. д., в диалектах присутствуют все эти наименования, но есть и свои³: *ватёнки* ‘штаны на вате’, *зўльтики* ‘короткие, не по росту брюки’, *глобы* ‘настил из досок или жердей в верхней части двора для сена и хозяйственного инвентаря’, *полáти* ‘настил для спанья в избе’, *емкі, вилкі* ‘ухват’, *грабáлки, грабáльки, грабáки* ‘грабли’, *грабáлки* ‘конные грабли’, *грýзди* ‘удила’, *четверёнцы* ‘вилы с четырьмя зубьями’, *возя́нки, возáтки* ‘вид саней’, *ходы́* ‘вид телеги’, *кресты́* ‘перекресток’, *голубéли, рéли* ‘качели’ и др.

2. Совокупности чего-н. как множества: *алименты, всходы, бусы, дебри, деньги, мощи, начатки, недра, письма, припасы, сласти, чары* и т. д., в диалектах: *прóтори* ‘судебные издержки, расходы’, *зеленя́, озимя́* ‘всходы злаковых культур’, *всхо́жни* ‘первые ростки семян, показавшиеся из земли’, *плі́тки* ‘молодые, еще не развившиеся стручки гороха’, *да́вки* (только мн.) ‘хрупкие, легко бьющиеся предметы (бусы, серьги и др.)’, *гості́ны* (только мн.) ‘подарки, гостинцы’, *гурго́льчики* (только мн.) ‘бубенцы для украшения праздничной сбруи’, *кра́ли* ‘бусы’, *могі́лки* ‘кладбище’, *рогалі́* ‘болота с неровными краями’ и др.

3. Вещества, материалы, кушанья, а также остатки или отбросы каких-н. веществ, материалов: *белила, дрова, дрожжи, духи, консервы, румяна, сливки, чернила, щи; выварки, выжимки, высевки, опивки, очистки, помои* и т. д., диалектное: *вы́жарки* ‘отходы после перетапливания сала’, *ду́хи* ‘пряности’, *ходуны́* ‘дрожжи’, *глы́бы* ‘творог, створоженное молоко’, *гуркови́ны* ‘икра лягушки’, *да́вки* (только мн.) ‘о гороховых, картофельных блинах’, *комы́* ‘кушанье из картофеля’, *ду́тики* ‘блины из мороженого картофеля, собранного весной’, *изгрéби, погрéби, отрéпы, пáчеси* ‘очёски, грубое волокно, получаемое после первичной обработки льна’ и др.

4. Действия, процессы, состояния, проявляющиеся длительно или многократно, а также многосубъектные или многообъектные: *бега, выборы, козни, нападки, переговоры, пересуды, побои, прятки, роды, хлопоты, шашни* (разг.) и т. д., диалектное: *дробу́шки* ‘ритмичное перестукивание ногами при пляске’, *довéдки: ходитъ в довéдки* ‘навещать’, *ревнóсти* ‘случаи ревности’, *дря́ги* ‘неприятности, неприятные жизненные ситуации’, *горчінки: горчінки берут* ‘то же, что горе берет’, *свóды да довóды* ‘сплетни’, игры — *колоту́ши* ‘элементы игры в камешки’, *панкі* ‘игра в кости’, *пáнтки* ‘игра в карты вчетвером’, *ухорóнки, хороню́шки, ховáлки*

³ Материал взят из следующих словарей: АОС, СРНГ, Селигер, ССГ, СГРС.

‘прятки’, *горлачі* (только мн.) ‘ролевая игра: мать защищает *горлачи* от *кота*’, *шахты*, *яічки*, *ярки*, *рюхи* ‘игра в городки’ и др.

5. Отрезки времени: *будни*, *каникулы*, *сумерки*, *сутки*, также обряды или праздники: *именины*, *крестины*, *поминки*, *родины*, *похороны*, *святки*, *смотрины*. В грамматиках эта группа указана последней, так как не слишком обширна. А в русских говорах слов с указанной семантикой много, так как в традиционной крестьянской культуре события жизненного цикла, ритуалы, календарная обрядность и церковные праздники составляли основу бытия. Многочисленность участников и ежегодная повторяемость обрядов способствовали тому, что номинации во многих диалектах употреблялись именно во мн. числе. Как считает В. И. Дегтярев, «наиболее архаичную группу отвлеченных имен *pluralia tantum* составляют во всех индоевропейских языках наименования ритуальных действий, торжеств, знаменательных событий, празднеств» [Дегтярев 1982: 75]. По мнению ученого, при всех отмечаемых исследователями оттенках значений (интенсивность, длительность, цикличность и т. д.) ведущим в образовании подобных названий является значение совокупности, собирательной множественности.

Ниже приведем примеры тематических групп, наиболее частотных в диалектных идиомах, при этом следует отметить, что не все из входящих в них номинаций относятся к архаической лексике.

Похороны и поминальные дни: *похоронки*, *хороніны* ‘похороны’, *девятіны* ‘девятый день после смерти’, *сороковины* ‘сороковой день после смерти’, *годины*, *родичи* ‘поминальный день’, *родители* ‘осенние и летние поминальные дни’, *поминальницы* ‘родительские поминальные дни’.

Названия коллективной помощи в работе или совместной деятельности: *помочи* ‘коллективная помощь в разных видах работ’, *супрядки* ‘вечерние собрания девушек с работой’ и ‘коллективная помощь в прядении’, *капустницы*, *капустки* ‘время заготовки капусты’, *вздымки* ‘мужская помощь в поднятии сруба, замене венцов’, *назмы* ‘помощь по вывозу навоза на поля’, *дровяницы* ‘помощь в заготовке дров’, *попрядушки*, *пособлюшки*, *прядильницы*, *потрепушки* ‘женская помощь в прядении / трепании льна’, *сеновницы* ‘помощь в заготовке сена’ и др. Многие из этих названий образовались путем метонимического переноса, например *капустки*, *назмы*, *вздымки*.

Праздники, совместные гулянья, отрезки времени: *братчины* ‘праздник в складчину, на который приезжали мужчины из разных деревень’, *брыксы* ‘общие гуляния деревни в складчину’, *избушки*, *изобки*, *кельи*, ‘собрания девушек с работой в снятой для этого избе’, *свозки*, *сборы*, *съезды* ‘вечерние собрания молодежи, куда ее привозили из разных деревень’, *ягодницы* ‘время в начале июля по нов. ст., когда собирают ягоды’, *гулы* (только мн.) ‘праздное времяпровождение’, *осенины* ‘проводы лета и встреча осени’, *филипповки* ‘пост перед праздником Рождества’, *петровка*, *петраки* ‘пост перед Днем св. апостолов Петра и Павла’, *досевки* ‘31 августа, окончание озимого сева’, *госпожінки*, *спожінки*, *дожінки* ‘время усупенского поста, но чаще время окончания жатвы и праздник в честь

этого'. Название *госпожѣинки* дано по празднику Успения Пресвятой Богородицы. У М. Фасмера находим: «... др.-русск. (*го*)*спожа*, также в знач. “Матерь Божья”, откуда прилаг. (*го*)*спожинь* “богородицын”». В статье «*госпожѣинки* мн.» отмечается, что «(*в*)*спожѣинки*, *испожѣинки* “двухнедельный пост накануне Успения” (15 августа). От (*г*)*оспожѣин* *день*, из *госпожа*... приставки *в-* и *из-* введены по народн. этимологии в результате сближения *пожѣинать*, *жѣть*. См. *спожѣинки*» [Фасмер 1964: 447]. К августу обычно приурочена уборка урожая, конец жатвы, потому и произошел процесс контаминации с корнем *жа(ть)/жѣин*, появились именованья *выжѣинки*, *спожѣинки*, *дожѣинки*, *ужѣинки*, которые стали обозначать конец жатвы и праздник, этому посвященный. В ряде говоров сохранилась связь подобных номинаций с обозначением дней успенского поста и самого праздником Успения Богородицы, что и зафиксировано в Этнолингвистическом словаре [РНК ЭС 2015].

Лексика, связанная со свадебным обрядом: *глядѣины* ‘смотрины невесты’, *дары* ‘предсвадебные подарки от жениха и его семьи невесте’, *величальники*⁴ ‘те, кто величает молодых’, *девичники*, *девичницы*, *дѣвки* (pl. tantum) ‘подруги невесты, без уточнения их функции’, *дарѣины* ‘подарки на свадьбу’, *нарядницы* ‘родственницы жениха, которые переодевают невесту в наряд замужней женщины’, *обиивальки* ‘женщины, которые шьют приданое перед свадьбой’, *воротники* ‘люди, которые встречают свадебный поезд у ворот дома’, *проводники* ‘лица, сопровождающие невесту в церковь’, *развѣсы* ‘приданое, которое развешивалось на общее обозрение’, *хлѣбины* ‘стол у родителей невесты во время свадьбы или на масленой неделе’, *жѣворонки* ‘обрядовое печенье в виде птиц, которое пекли на день 40 мучеников’ (в Воронежской обл. использовалось как свадебное, символизирующее гнездо, домашний очаг), *орѣхи* ‘свадебное печенье в форме шариков, которым молодые угощали всех встречающих’ [Богданова 2019].

Судя по нашему экспедиционному опыту и материалам Этнолингвистического словаря, очень многие названия церковных праздников и их народные обозначения в диалектных идиомах употребляются во мн. числе. Приведем некоторые из них: *Акули–задерѣ хвосты*, *Акулины–комарницы*, *кривые огурцы*. День мученицы Акилины, 13/26 июля; *Агафѣны–злые корѣнья*, *Аграфѣны–лютые корѣнья*. День мученицы Агриппины, 23 июня/6 июля; *Ганны*. День Успения праведной Анны, 25 июля/7 августа; *Арины–рассадницы*. День великомученицы Ирины, 5/18 мая; *Вьюны*. Воскресение после Пасхи; *Грачевники*. День преподобного Герасима Иорданского, 4/17 марта; *Иваны–купалы*, *Иваны*¹. Рождество Иоанна Крестителя, 24 июня/7 июля; *Иваны*². День усекновения главы Иоанна Крестителя, 29 августа/11 сентября; *Мары–ползуимницы*, *Мары–урви берега*. День преподобной Марии Константинопольской, 26 января/8 февраля; *Медсы*¹. День происхождения честных древ Животворящего Креста Господня, 1/14 августа (Первый/медовый

⁴ Материал взят из книги Е. А. Богдановой, где названия участников свадебного действия даны во мн. числе, а в ряде случаев есть указания на то, что приводимые лексемы являются pl. tantum. Нам кажется, что при наименовании участников основным является значение собирательности.

спас); *Медосы*². День святителя Модеста Иерусалимского, 18/31 декабря; *Петры да Пáвлы*. День апостолов Петра и Павла, 29 июня/12 июня; *Кузьмы–Демьяны, курьиные именины, курячы именины, курятники, кáшники*. День бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана, 14 ноября и др. [РНК ЭС 2015].

Именования праздников могут употребляться как во множественном, так и в единственном числе, варьируясь по говорам, т. е. выступая как междиалектное соответствие. Но не исключено, что подобная вариативность проявляется и в частной диалектной системе. Скорее всего употребление названия в ед. числе связано с влиянием официального церковного именования праздника. По нашим предварительным наблюдениям, номинации во мн. числе в большей степени свойственны северным, западным говорам, а также диалектным идиомам позднего заселения (Урал, Сибирь и др.), точное лингвогеографическое описание требует проверки.

Рассмотренная продуктивность (востребованность) мн. числа при образовании наречий и существительных pl. tantum объясняется тем, что в диалектной картине мира значению множественности сопутствуют дополнительные оттенки — в первую очередь собирательности, а также обобщенности и интенсивности.

Сокращения

АОС — Архангельский областной словарь. Вып. 1–24 / Под ред. О. Г. Гецово́й, Е. А. Нефедовой. М.: Изд-во МГУ; Наука, 1980–2023–.

РНК ЭС — О. В. Атрошенко, Ю. А. Кривошапова, К. В. Осипова. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь / Науч. ред. Е. Л. Березович. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. 544 с.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера. Т. 1–7 / Под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Екатеринбург, 2001–2018–.

СГРСд — Словарь говоров Русского Севера. Дополнительные материалы: А–М / Гл. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург, 2024. 608 с.

Селигер — Селигер: Мат-лы по русской диалектологии. Словарь. Вып. 1–8 / Под ред. А. С. Герда. СПб., 2003–2020.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Т. 1–52 / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.–Л.; СПб.: Наука, 1965–2021–.

ССГ — Словарь смоленских говоров. Вып. 1–11 / Под ред. А. И. Ивановой, Е. Н. Борисовой, Л. В. Бояриновой. Смоленск, 1974–2005.

Литература

Богданова Е. А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах. Воронеж, 2019. 314 с.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Способы выражения собирательности в русских говорах: грамматика и семантика // Исслед. по славянской диалектологии. Вып. 16. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2013. С. 292–304.

Гецова О. Г. Словообразование // Русская диалектология. 3-е изд., испр. и доп. / Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. С. 92–121.

Дегтярев В. И. Происхождение имен *pluralia tantum* в славянских языках // Вопросы языкознания, 1982, № 1. С. 65–77.

Журавлев А. Ф. Об одном периферийном явлении в русской морфологии: категория числа у наречия // Общеславянский лингвистический атлас. Мат-лы и исслед. 1979. М.: Наука, 1980. С. 226–235.

Журавлев А. Ф. Возвращаясь к проблеме категории числа у русских наречий // Исслед. по славянской диалектологии. Вып. 16. М., 2013. С. 257–276.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М.: Русский язык, 1977. 879 с.

Обратный словарь архангельских говоров / Под ред. О. Г. Гецовоы. М.: Наука, 2006. 559 с.

Потебня А. А. Значения множественного числа в русском языке [Отд. оттиск из «Филологических записок»]. Воронеж. 1888. 76 с.

Шведова (ред.) 1980 — Русская грамматика. Т. 1 / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 783 с.

Шведова (ред.) 2008 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2008. 1175 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., Прогресс, 1964. 562 с.

I. A. Bukrinskaya¹, O. E. Karmakova²

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

irbukr@gmail.com¹

okarmakova@list.ru²

WORD-FORMATION AND NOMINATIVE POTENTIAL OF THE PLURAL IN RUSSIAN DIALECTS

The article consists of two parts, different in their content, but in each of them we consider language processes based on a special view of plurality in the dialect speakers' picture of the world, which takes into account not only quantitative plurality, opposed to singularity, but also additional meanings, which are manifested in dialects more vividly than in the literary language, e. g. collectivity, intensity, temporal and spatial aspects, etc.

In the first part of the article the authors consider dialect models based on the data of the Arkhangelsk regional dictionary. These dialect models, according to which adverbs are formed, can be characterized as productive models in dialects, motivated by nouns with the prefix *в-* and suffixes *-ах/-ях*, where the suffix is homonymous to inflections

of the plural (such as *вблизях, ввозах, вволюшках*), as well as models with formants *на-...-ах* (such as *напередах, наподхва́тках, нарассветках*). The abundance of adverbs that genetically go back to the forms of plural are related to semantics of the plural, expressing in Russian dialects not just quantitative multiplicity, but various kinds of additional shades.

In the second part of the article, using the materials of dialect dictionaries, the authors analyze the nouns *pluralia tantum*, based on the semantics of the plural as well. Although the dialect nominations are distributed in the same groups as the words of the literary language, their “content” is different. E. g., the group denoting time periods, rituals and holidays, insignificant in the standard language, is large in dialects, since the number of participants, the annual repetition of rituals and rites contributed to the fact that the names were used in the plural: *девятину́* ‘the ninth day after death’, *помина́льницы* ‘parental memorial days’, *назьмы́* ‘collective assistance in manure removal’, *глядя́ны* ‘bride’s looks’, *дары́* ‘pre-wedding gifts from the groom and his family to the bride’, *Ива́ны-купа́лы*, *Аку́ли-заде́ри хвосты*, *Аграфёны-лютые корни*, etc. The considered productivity of plural in the formation of adverbs and nouns *pluralia tantum* is explained by the fact that in the dialect picture of the world, the meaning of multiplicity is accompanied, among other things, by the values of collectivity, generality and intensity.

Key words: Russian dialects, word formation of adverbs, pluralia tantum nouns, plural semantics.

References

- Bogdanova E. A. *Leksika svadebnogo obriada v voronezhskikh govorakh* [Vocabulary of the wedding ceremony in Voronezh dialects]. Voronezh, 2019. 314 p.
- Bukrinskaja I. A., Karmakova O. E. [Ways of expressing collectivity in Russian dialects: grammar and semantics]. *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii* [Research on Slavic dialectology]. Vol. 16, Moscow, Institut slavianovedeniia RAN Publ., 2013, pp. 292–304. (In Russ.)
- Degtiarev V. I. [The origin of the names pluralia tantum in Slavic languages]. *Vo-prosy yazykoznaniiya*, 1982, no. 1, pp. 65–77. (In Russ.)
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. 1. Moscow, Progress Publ., 1964. 562 p.
- Getsova O. G. (Ed.). *Obratnyi slovar' arkhangel'skikh govorov* [Reverse dictionary of Arkhangelsk dialects]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 559 p.
- Getsova O. G. [Word formation]. *Russkaia dialektologiya* [Russian Dialectology]. 3rd ed. L. L. Kasatkin (Ed.), Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2013, pp. 92–121. (In Russ.)
- Potebnya A. A. *Znacheniiia mnozhestvennogo chisla v russkom iazyke* [The semantics of the plural in Russian]. Voronezh, 1888.
- Shvedova N. Yu. (Ed.). *Russkaia grammatika* [Russian grammar]. Vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 1980. 783 p.

Shvedova N. Yu. (Ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008. 1175 p.

Zaliznyak A. A. *Grammaticheskii slovar russkogo iazyka. Slovoizmenenie* [A grammatical dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1977.

Zhuravlev A. F. [About one peripheral phenomenon in Russian morphology: the category of numbers in adverbs]. *Obshcheslavianskii lingvisticheskii atlas. Materialy i issledovaniia* [Common Slavic linguistic atlas. Materials and research]. Vol. 1979, Moscow, 1980, pp. 226–235. (In Russ.)

Zhuravlev A. F. [Returning to the problem of the category of numbers in Russian adverbs]. *Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii* [Research on Slavic dialectology] Vol. 16. Moscow, 2013. pp. 257–276.

И. Т. Вепрева

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Россия, Екатеринбург)
irina_vepreva@mail.ru*

**«Я ПОСТАВИЛ ЭТИ ОГРОМНЫЕ ЯДОВИТЫЕ КАВЫЧКИ
ПОТОМУ, ЧТО...»: НОВОЕ В МЕТАЯЗЫКОВОМ СОПРОВОЖДЕНИИ
ПУНКТУАЦИОННОГО ЗНАКА**

Исследуется семантико-прагматический потенциал пунктуационного знака *кавычки*, актуализирующийся в актах языковой рефлексии говорящих в рамках современных СМИ. Выбор проблематики статьи вдохновлен идеями Б. С. Шварцкопфа, писавшего, во-первых, о многофункциональности кавычек, а во-вторых, в силу этой многозначности об активном метаязыковом сопровождении кавычек в тексте «для защиты слова или выражения» в правомерности постановки факультативного знака. Полифункциональность кавычек позволяет прийти к выводу о том, что графический знак является универсальным маркером для вербализации метаязыковой рефлексии, экспликация которой связана с отступлением от стандартного коммуникативного акта. На фоне нормы, которая обеспечивает автоматизм речи, все новое, чужое, стилистически маркированное, сложное, окказиональное, отмеченное индивидуальным речевым творчеством, проявляется как отступление от нормы и требует снятия речевого напряжения с помощью метаязыкового сопровождения. С опорой на анализ медиаданных XXI в., свидетельствующих об инновационных изменениях в функционировании русского языка, анализируется то новое, что появляется в метаязыковом сопровождении кавычек в тексте. Делаются выводы об активном маркировании эмотивно-прагматического аспекта высказывания, об использовании кавычек в качестве стилистического приема, о новой для кавычек функции концептуального осмысления мира в связи с социальной дифференциацией общества в условиях новой реальности.

Ключевые слова: кавычки, метаязыковая рефлексия, семантика, экспрессивно-эмоциональная тональность, концептуальный рефлексив.

Предметом языковой рефлексии часто становятся пунктуационные знаки. Внимание наивного носителя языка к употребляемым при письме графическим знакам трудно переоценить. Видимо, сказывается наш исконно русский трепет перед

орфографией и пунктуацией, главными мерилami нашей грамотности, к тому же часто являющимися официально значимой оценкой.

Высокой частотностью и особой смысловой нагруженностью среди графических знаков обладают кавычки, которые, помимо прямых пунктуационных задач, выполняют также факультативные функции. Такая многозадачность давно обратила на себя внимание исследователей, кавычкам посвящены глубокие и развернутые исследовательские работы, среди которых на первом месте стоят работы Б. С. Шварцкопфа [Шварцкопф 1967; Шварцкопф 1971; Шварцкопф 1996; Шварцкопф 1997]. В статье [Шварцкопф 1997: 374–375] автор сводит факультативные случаи употребления кавычек к четырем основным группам: «(I) кульминативная группа: слово/выражение выделяется в тексте для привлечения к нему внимания читающего; (II) переносная группа: выделяется слово/выражение, имеющее метафорическое, метонимическое значение, передающее сравнение; (III) модальная группа: выделяется слово/выражение, выражающее иронию или отрицательную оценку передаваемого понятия/реалии, обозначающее ощущение неточности или условности номинации; (IV) метаязыковая группа: кавычки выступают как способ оценки употребляемых языковых средств, обозначения чуждости средства стилистическому контексту или лексикону пишущего».

Позже Анна А. Зализняк, обращаясь к детальному анализу данных функций кавычек, продолжает тонкую дифференциацию их семантики. В результате тщательной проработки материала ученый делает важный вывод об инвариантном значении этого графического знака: «кавычки являются показателем *разрушения стандартного семиотического акта* (выделение авторское. — И. В.) в письменной речи» [Зализняк 2007: 192]. При этом критерием оценки стандартного семиотического акта, прежде всего, является его способность обеспечивать понимание при коммуникации. Соглашаясь с выводами Анны А. Зализняк, можно утверждать, что кавычки являются универсальным графическим маркером тех случаев речевого напряжения, которые являются движущей силой вербализации метаязыкового сознания: «отступлением от нормы, обеспечивающей автоматизм речевой деятельности, является все новое, стилистически маркированное, сложное, отмеченное индивидуальным речевым творчеством» [Вепрева 2002: 331].

Многофункциональность метаязыковых кавычек, их универсальность в функции графического маркера языковой рефлексии в определенной степени десемантизирует этот знак, делая его лишь формальным показателем отступления от нормального/стандартного коммуникативного акта. Для реализации в тексте в качестве полноценной знаковой единицы кавычкам требуется дополнительная содержательная аргументация. Это прозорливо отмечает Б. С. Шварцкопф в указанной выше работе. Ученый пишет, что кавычки в тексте выступают, «как “джокер” (как знак любого из возможных здесь смысловых отношений!)» [Шварцкопф 1997: 380]. Поэтому, помимо исчерпывающей функциональной типологии кавычек, статья замечательна тем, что в ней последовательно к каждой группе приводятся случаи словесного объяснения пишущим, почему он поставил кавычки. Метаязыковой комментарий, сопровождающий кавычки, по мнению автора, не является избыточным,

он является двойной защитой слова: «первичная (графическая) защита — сам факт постановки кавычек; вторичная (словесное рассуждение) — аргументация кавычек в тексте» [Шварцкопф 1997: 380].

Статья Б. С. Шварцкопфа датируется 1997 годом, концом XX века, после которого мы не просто перешли в новое тысячелетие. Оно совпало с радикальными переменами в жизни российского общества, с обновлением экономических основ, а вместе с ним и политического устройства, которые привели к инновационным языковым сдвигам, см.: [Крысин (ред.) 2008] и др. Изменения коснулись и метаязыкового комментирования. Цель нашей статьи — выявить характер изменений словесной аргументации в пользу постановки кавычек в постсоветскую эпоху. Выборка материала базируется на основе корпусных данных Интегрума (Integrum.ru), содержащего свыше 3,5 тысяч источников федеральных и региональных СМИ.

Сразу отметим, что кавычки по-прежнему получают активное словесное сопровождение. За первую четверть XXI в. в корпусе зафиксировано около 33 тысяч высказываний, включающих комментарий к кавычкам. Если говорить о главном отличии метаязыкового комментирования современного говорящего от аргументации человека советского — это свободное эмоционально-оценочное поведение языковой личности, раскованность которой объясняется усилением личностного начала и расширением границ речевой свободы. Коммуникативное право говорящего на открытое самовыражение проявляется в возможности подвергать индивидуально-субъективным оценкам любой предмет речи, заключенный в кавычки.

Логическая аргументация дополняется авторской эмоциональностью, проявляющейся в атрибутивной характеристике лексемы *кавычки*, которая усиливает смысловую нагруженность графического знака:

Дело в том, что людская молва его так окрестила и, разумеется, не без иронии и не без основания, и Вы, впрочем, сейчас убедитесь, что он поистине самый справедливый суд, но только в огромных ядовитых кавычках (Вести республики (Грозный); 17.02.2010);

Пусть хотя бы лишится этих проклятых кавычек к имени (Новая газета; 09.10.2000);

*Ирония через отрицание предмета выходит на подтверждение его идеи, возносится от высшего к низшему. И при этом остается насмешкой, противоположением главному значению слова. **Большими деревянными кавычками*** (Независимая газета — НГ Ex Libris; 06.12.2007).

Кавычки могут быть *саркастическими, уничижительными, примирительными, жирными, большими и невидимыми глазу*. Последние три атрибутива выступают как маркеры интенсивности проявления семантики. Класс интенсификаторов, употребленных при кавычках, пополняют необычные, характерные только для этого знака контексты:

— *Немало нареканий у представителей различных клубов вызывали действия судей. Вы не исключение?*

— Да, настроить взаимоотношения с нашими «дорогими» в тройных кавычках судьями не удалось. Все мы сейчас говорим, какой у нас прекрасный чемпионат. Но наши арбитры, как говорится, абсолютно «не в теме», они с завидным постоянством и легкостью портят прекрасные игры (Московский комсомолец; 18.06.2005);

Так что первым и главным уроком для России из того, что произошло в Грузии, должно быть понимание, что «демократический» (поставил бы тройные кавычки, если бы был такой знак!) переворот августа 1991 года подвесил на тоненькой-тоненькой ниточке ее территориальную целостность и единство (Патриот; 08.09.2011);

Вся оппозиция, которая заслуживает по пять кавычек с каждой стороны, настолько она не оппозиция, показала свою полную несостоятельность и инфантильность... (Деловой Петербург; 08.05.2013).

Поскольку кавычки могут отмечать «переносное значение/употребление языкового средства» [Шварцкопф 1997: 376], то они становятся одним из стилистических приемов соединения в одном слове прямого и переносного значений. Возможность двойного прочтения лексемы достигается с помощью метаязыкового комментария в кавычках / без кавычек:

Неужели хоть кто-нибудь верил, что верховный российский главнокомандующий может отдать приказ уйти из Севастополя «без боя» — в кавычках, да и без кавычек тоже? (Аргументы и Факты; 01.09.2010), см. значение слова бой — «1. Крупная военная схватка, прямое военное столкновение. С бою брать что-н. (перен.: энергично добиваться чего-н.)» [Шведова (ред.) 2008: 53];

Спевки (пока без кавычек) начались. Сколько они продолжались — за давностью лет и не припомню, но в итоге пара «спелась» (теперь в кавычках) (Новая газета; 22.09.2001), см. значение слов спевка — «Репетиция хора», спеться — «1. Достичь согласованности в совместном пении. Хор спелся. 2. перен, с кем. Достичь полного согласия в чем-н.» [Шведова (ред.) 2008: 926–927];

Я не о субтропическом климате острова: жаркие, в кавычках и без кавычек, слова, споры развернулись на заседаниях и в кулуарах форума (Connect. Мир связи; 31.07.2008), см. значение слова жаркий — «1. Дающий сильный жар, знойный, горячий. 2. перен. Пылкий, страстный, напряженный» [Шведова (ред.) 2008: 229];

Также отметим, что «грязную работу», в кавычках и без кавычек, осуществляют далеко не все компании, владеющие дорогими спецмашинами (Автотрак; 01.07.2016), см. реализуемые в контексте значения словосочетания грязная работа — 1. Нечистый, связанный с грязью и отходами труд. 2. перен. Позорный, малопrestiжный труд.

Часто знакам препинания приписывается поэтическая метафоричность, что делает современную поэзию лингвоцентричной, см.: [Николина 2009]. «Поэтическое

языкознание» (Г. О. Винокур) включает в себя, помимо фонетики, грамматики, семасиологии и словаря, и «поэтическую пунктуацию». «Знаки препинания выступают в качестве самостоятельных, полноценных художественных образов» [Кольцова 2014: 109], например:

Все, что мучило, морочило — / с глаз долой, горю с плеч. / Смерть не точка — двоеточие, / выпрямляющее речь. / И кавычки открываются / нараспашку, как весной / окна. И в глаза врывается / свет отвесный, проливной (Арион; 15.04.2018. Чужие письма);

Парнасский кореш, / с помощью отмычки / войдешь, откроешь / скобки и кавычки, / уйдешь, оставишь / ластик, промокашку, / кавычки настезь, / скобки нараспашку... (Вера Павлова. Арион; 15.04.2019).

Оба контекста используют графический знак открывающихся кавычек для создания образа распахнутого окна, символизирующего свободу, духовное обновление, освобождение от заточения и душных мыслей. Кавычки, открываясь широко, до конца, впускают свет, новую энергию, свежий воздух.

Еще одной приметой новой эпохи является перестройка мировоззренческих установок. Осмысление советского новояза как языка лжи, как языка «советского человека с его запрограммированным мировоззрением и системой ценностей» [Купина 2015: 5] идет с использованием образа кавычек как способа идентификации ушедшего советского мира:

Андрей Битов: Юрий Манн как-то спросил меня: “Как вы думаете, Андрей Георгиевич, какой знак пунктуации был наиболее употребим в Германии нацистского периода?” Ну, я — естественно, подставляя наш сталинский опыт, — сказал: “Восклицательный знак”. Он говорит: “Ничего подобного, кавычки”. Так вот, может, я до сих пор говорю как типичный сталинский выкормыш, потому что у меня все в кавычках. Поэтому всегда надо быть очень аккуратным (Вопросы литературы; 15.01.1999).

Обновление концептуального мира постсоветского человека, концептуализация новых знаний при представлении их в языковой форме также может вербализоваться с помощью рефлексивного высказывания, сопровождающего кавычки. Подобное метакомментирование мы назовем концептуальным рефлексивом, см.: [Вепрева 2002: 111–116]. Так, в лексикон постсоветского времени входят новые концептуальные единицы, которые усваиваются говорящими, толкуются, при этом могут сопровождаться словесными замечаниями, например:

Выручают спонсоры. Спонсорство в российском издательском бизнесе получило весьма широкое распространение и довольно расширенное толкование. Поэтому из осторожности будем в дальнейшем употреблять это слово в кавычках. «Спонсорство» бывает разных видов (Новая газета; Москва; 02.12.1996).

Слова из пассивного лексикона переходят в активный речевой обиход. И актуализация единицы в современной речи может модифицировать системное значение слова. Так, специфика экономического развития России повлияла на актуальный смысл концепта *олигарх*. В семантике лексемы, вербализирующей концепт *олигарх* и номинирующей представителя финансово-экономического капитала, который участвует в формировании власти, «редуцируется компонент «открытого политического господства, актуализируются признаки «нечестного обогащения нерыночными методами», «теневого влияния на политику государства» [Вепрева 2002: 251]. Самым ярким признаком концепта остается компонент «обладание крупным капиталом, большим количеством материальных ценностей»:

Стоит «олигарху» (употребляю это слово в кавычках, потому что убежден: за этим термином обязан стоять реальный финансовый капитал, которого у Березовского никогда не было; БАБ живет на «откате») что-либо вякнуть поперек Кремля, как тут же чудесным образом на частоте ОРТ начнет вещать другая телекомпания (Московский комсомолец; 09.04.2000).

Противопоставление словарного значения модифицированной смысловой структуре слова дает говорящему право закавычить слово, при этом «кавычками выделяется употребление слова со значением ‘мнимый...’, которое легко можно принять за иронию, но, в отличие от иронии, в нем нет ни насмешки, ни шутки» [Ермакова 2010: 406], например:

— *Алексей, вы — политтехнолог, работавший с крупными бизнесменами и олигархами и активно помогавший многим в их становлении. Кто, по вашим наблюдениям, сегодняшние российские олигархи?*

— *Они существенно отличаются от самого понятия «олигарх» и от олигархов в других странах. Поэтому, называя их так, нужно обязательно добавлять «так называемые» или ставить кавычки. Я вообще считаю, что в России олигархов нет. Есть небольшое количество людей — около пятидесяти человек, которые себя так называют. Им очень нравится сравнение с великими мира сего, и они стараются себя вести так, чтобы на них походить.*

— *Так когда же у нас олигархи в кавычках превратятся в настоящих олигархов?*

— *Когда они станут настоящими аристократами (Новая Газета; 31.01.2002).*

Оценивая одни и те же факты, носители языка могут демонстрировать разные мировоззренческие установки. Идеологическая переориентация концептосферы приводит к разнонаправленности оценочных смыслов одной и той же единицы. Социальная неоднородность современного общества в первом приближении проявилась в двухчастном расслоении общества, вербально реализуемом в либеральном и консервативном дискурсах.

Разграничение противоположных точек зрения манифестируется с помощью кавычек. Иронизмы-оценки часто используются в прокоммунистической и националистической печати. Возрастает агрессивность метаязыкового комментирования по отношению к идеологическим оппонентам, например:

Вторым инструментом является так называемая «либеральная» пропаганда. Беру в кавычки, ибо смесь русофобии, человеконенавистничества, восхваления социального каннибализма, набор исторических фальсификаций и откровенная апология предательства — все это трудно определить как нечто либеральное. Основная глубинная суть этой пропаганды — желание разрушить русское национальное сознание, перетереть его в муку и заменить его неким симулякром, так называемым «общемировым сознанием», основанным на общечеловеческих ценностях (Завтра; 25.06.2015);

Это очередное наступление «демократов» в кавычках на наших людей (Трибуна; 16.10.2003);

В конце 1980-х годов Анатолия Литвинова считали своим расплодившимся к этому времени и в Белгороде «демократы». Он и был демократом — без кавычек. И открыто выступил против того, что стали насаждать в России победившие «демократы» (Правда КПРФ; 21.01.2022);

Наконец, я надеюсь, книжку отбросят с отвращением те «демократы» и «реформаторы» (пожалуйста, не забудьте взять в кавычки эти хорошие слова), чьи речи и темные дела вызывают у меня приливы желчи (Трибуна; 14.04.2000);

Выяснилось, что дачу оприходовал «главный демократ Москвы» Гавриил Попов. Конечно, это слово, как и «демократы», я предпочитаю видеть в данном контексте в кавычках (Правда КПРФ; 05.10.2021);

Для тех, кто считает себя демократами без кавычек, главный оппонент — коммунисты (Комсомольская правда; 04.07.2001).

Устойчивые иронизмы-оценки часто выступают как стилистический прием, выраженный с помощью метаязыкового комментария в кавычках / без кавычек:

Многими делами был славен (в кавычках и без кавычек) прошедший 2004 год (БОСС; 15.02.2005);

Не раз прогремел за эти годы знаменитый МУР своими подвигами (в кавычках и без кавычек) на фронте борьбы с криминалом как вне, так и в собственных рядах (Труд; 10.11.2005);

Область должна знать своих героев, сказал он, героев в кавычках и без кавычек (Ежедневные новости-Подмосковье; 04.03.2004).

Подведем итоги нашим наблюдениям. В новейшее время кавычки продолжают быть излюбленным пунктуационным знаком современного пишущего. В силу своей смысловой перегруженности они обычно нуждаются в метаязыковом сопро-

вождении, которое помогает уточнить функциональную нагрузку закавыченного слова в речи и направить читателя в нужное русло понимания текста. При этом своими наблюдениями нам хотелось бы подчеркнуть, что метаязыковой привкус современной эпохи, усиленный шепоткой эмоциональной тональности, приобрел ту острую перчинку, которая присуща говорящему, получившему коммуникативное право на свободное выражение своей оценочной позиции.

Литература

Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. 380 с.

Ермакова О. П. Ирония в отношении к лексико-семантической норме и к узусу [Гл. I] // Современный русский язык: Система — норма — узус / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 379–409.

Зализняк Анна А. Семантика кавычек // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды междунар. конф. «Диалог'2007». М.: Издательство РГГУ, 2007. С. 188–193.

Кольцова Л. М. Образное содержание пунктуационных знаков // Динамика языковых и культурных процессов в современной России, Сочи, 01–02 ноября 2014 года. Т. 1. Сочи: Общество преподавателей русского языка и литературы, 2014. С. 106–111.

Крысин (ред.) 2008 — Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2008. 712 с.

Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Изд. 2-е, испр. и доп. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2015. 186 с.

Николина Н. А. Метаязыковая рефлексия в современной поэтической речи // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. II / Отв. ред. Н. Д. Голев. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2009. С. 336–353.

Шварцкопф Б. С. Внимание: кавычки! // Русская речь. 1967. № 4. С. 60–64.

Шварцкопф Б. С. Оценки говорящими фактов речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. 10 с.

Шварцкопф Б. С. Изучение оценок речи как метод исследования в области культуры речи [Гл. 16] // Культура русской речи и эффективность общения / Отв. ред. Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. М.: Наука, 1996. С. 415–424.

Шварцкопф Б. С. «Я поставил кавычки потому, что...» // Облик слова. Сб. стат. памяти Д. Н. Шмелева. М., 1997. С. 374–381.

Шведова (ред.) 2008 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2008. 1175 с.

I. T. Vepreva

*Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Russia, Yekaterinburg)
irina_vepreva@mail.ru*

**«I PUT THESE HUGE POISONOUS QUOTATION MARKS BECAUSE...»:
NEW DEVELOPMENTS IN METALANGUAGE PUNCTUATION
MARK SUPPORT**

The article studies semantic and pragmatic potential of quotation marks, actualized in the acts of the speakers' linguistic reflection in the framework of modern media. The choice of the problems is inspired by the ideas of B. S. Schwarzkopf, who wrote, firstly, about the versatility of quotation marks, and, secondly, about the active metalanguage accompaniment of quotation marks in the text "to protect a word or expression" in order to justify the choice of using the facultative punctuation sign. The multifunctionality of quotation marks allows us to conclude that a graphic sign is a universal marker for the verbalization of metalanguage reflection, the explication of which is associated with a deviation from the standard communicative act. Compared to the norm, which ensures the automatism of speech, everything new, alien, stylistically labeled, complex, occasional, marked by individual speech creativity, manifests itself as a deviation from the norm and requires the removal of speech tension with the help of metalanguage accompaniment. Based on the analysis of media data of the XXI century, which are indicative of innovative changes in the functioning of the Russian language, the article analyzes new notions that appear in the metalanguage accompaniment of quotation marks in the text. The paper reveals the active labeling of the emotive-pragmatic aspect of the utterance and new functions of conceptual understanding of the world in connection with the social differentiation of society in the context of new reality.

Key words: quotation marks, metalanguage reflection, semantics, expressive-emotional tonality, conceptual reflexivity.

References

Vepreva I. T. *Yazykovaya refleksiya v postsovetskuyu epohu* [Linguistic reflection in the post-Soviet era]. Ekaterinburg, Ural University Publ, 2002. 380 p. (In Russ.)

Ermakova O. P. [Chapter I. Irony in relation to the lexico-semantic norm and usage]. *Sovremennyy russkij yazyk: Sistema — norma — uzus* [Modern Russian language: System — norm — usage]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2010, pp. 379–409. (In Russ.)

Zaliznyak Anna A. [The semantics of quotation marks]. *Trudy Mezhdunarodnogo seminara Dialog'2007 po komp'yuternoj lingvistike i ee prilozheniyam* [Proc. of the International Seminar Dialog'2007 on Computational Linguistics and its applications]. Moscow, 2007, pp. 188–193. (In Russ.)

Kol'cova L. M. [Figurative content of punctuation marks]. *Dinamika yazykovyh i kul'turnyh processov v sovremennoj Rossii* [Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia]. Sochi, November 01–02, 2014, Vol. 1, pp. 106–111. (In Russ.)

Krysin L. P. (Ed.) *Sovremennyy russkij yazyk: Aktivnye processy na rubezhe XX–XXI vekov* [Modern Russian language: Active processes at the turn of the XX–XXI centuries]. Moscow, Yazyki slavyanskih kul'tur Publ., 2008. 712 p.

Kupina N. A. *Totalitarnyy yazyk: slovar' i rechevye reakcii* [Totalitarian language: vocabulary and speech reactions]. 2nd ed., ispr. and add. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2015. 186 p.

Nikolina N. A. [Metalanguage reflection in modern poetic speech]. *Obydennoe meta-yazykovoje soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty*. [Everyday metalanguage consciousness: ontological and epistemological aspects]. Part II, Coll. Monograph, ed. by N. D. Golev, Tomsk, Publ. House of Tomsk State Pedagogical University, 2009, pp. 336–353. (In Russ.)

Shvarckopf B. S. [Attention: quotation marks!]. *Russkaya rech'*, 1967, no. 4, pp. 60–64. (In Russ.)

Shvarckopf B. S. *Ocenki govoryashchimi faktov rechi* [Evaluation of the facts of speech by speakers]. Thesis of a Candidate of Philological Sciences, Moscow, 1971. 10 p.

Shvarckopf B. S. [The study of speech evaluations as a research method in the field of speech culture [Chapter 16]. *Kul'tura russkoj rechi i effektivnost' obshcheniya* [Culture of Russian speech and the effectiveness of communication]. Ed. by L. K. Graudina, E. N. Shiryaev, Moscow, Nauka Publ., 1996, pp. 415–424. (In Russ.)

Shvarckopf B. S. [«I put quotation marks because...»]. *Oblik slova. Sb. stat. pamyati Dmitriya Nikolaevicha Shmeleva* [The shape of the word. Sat. stat. in memory of D. N. Shmelev]. Moscow, 1997, pp. 374–381. (In Russ.)

Shvedova (Ed.). *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008. 1175 p.

И. А. Вещикова

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
irinavtgu@gmail.com*

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ ПОЗНАНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СФЕРЕ ОРФОЭПИИ

Каждая культурно-историческая эпоха имеет некоторые особенности передачи и распространения орфоэпического знания. В настоящей статье предпринята попытка проанализировать отличительные черты периода, именуемого (в зависимости от типа решаемых задач) постсоветским, цифровым, медиacentричным. В поисках ответа на поставленный вопрос в поле нашего зрения был следующий круг проблем: инструменты воздействия на произносительное поведение и взгляды носителей языка и их трансформации и переформатирование в XXI в.; ступени в развитии «словарного дела» применительно к орфоэпии; признаки стабильной лексикографической ситуации во второй половине XX в. (соблюдение принципов лексикографического описания орфоэпического материала; ограниченный состав словарей и их признание языковедами и практиками; отношение культурно-речевого сообщества к кодификации и др.); показатели «нормативной неопределенности» в XXI в. (наличие компилятивных и «безымянных» описаний; нарушение традиций в систематизации сведений о произношении и сужение объема информации в описаниях нормативного характера; сдвиги в культуре познания; конкуренция кодификации и авторитетного примера; новые наставники и др.). В рамках обсуждаемой темы не менее актуальными оказались еще два вопроса: один связан с рациональным использованием возможностей, которые открывает цифровая эпоха для нормализаторов и носителей языка; второй касается ответственности как лексикографов, так и многочисленных консультантов-наставников.

Ключевые слова: орфоэпия, культура познания, цифровая эпоха, литературная произносительная норма, академические орфоэпические словари, профессионально ориентированные орфоэпические словари.

Предварительные замечания

Вынесенная на обсуждение тема относительно орфоэпического образования и воспитания в эпоху цифровизации заставляет вспомнить положения, некоторые из

которых были сформулированы более полувека назад, но сохраняют актуальный интерес для современности:

1) «обучение русскому литературному произношению так же необходимо, как и обучение правописанию и грамматике» [Аванесов 1984: 19];

2) пути его постижения исторически изменчивы [Панов 1968: 14–17];

3) «какие у нее (орфоэпии — *И. В.*) есть средства воздействия, как она добивается выполнения своих требований? Либо путем авторитетного примера, либо путем научной рекомендации» [Панов 1979: 204];

4) «хотим мы этого или нет, состав, объем и, главное, понимание правильности языка будут различными в зависимости от его функциональных предназначений» [Костомаров 2014: 9];

5) научные рекомендации, или кодификация, и авторитетный пример зависят друг от друга, но их роль и место для представителей разных социокультурных групп имеет коренные отличия.

В самом деле рядовые носители языка для поддержания уровня орфоэпического культуры могут ограничиться ориентацией на речевую практику профессионалов слова, тогда как для лиц публичных профессий точкой отсчета должна быть кодификация. Вот что по этому поводу думают теоретики и практики театра, призванные быть проводниками кодификации в практику и, кроме того, на протяжении длительного времени занимавшие полицию лидера мнений и выступавшие в качестве авторитетного примера: «Для того, чтобы воспитать речевое чутье, речевую культуру, необходима прежде всего ориентация на авторитетного арбитра... Авторитетными арбитрами в театре должны стать словари-справочники современного русского языка, что не позволит режиссерам и актерам решать спорные вопросы в произношении субъективно, произвольно... Выбор определенного словаря-справочника... — вопрос принципиально важный. На наш взгляд, наиболее авторитетным руководством для деятелей театра является сегодня “Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы” под редакцией Р. И. Аванесова» [Промптова 1989: 52–53].

Казалось бы, все предельно просто: алгоритм обучения и развития чутья и вкуса на уровне произношения очерчен, остается лишь реализовать его на практике. Между тем, если взглянуть на ортологическую ситуацию текущего момента, проанализировать орфоэпическую действительность и суждения о ней специалистов и неспециалистов, становится ясным, что претворить в жизнь вроде бы очевидные принципы бывает не всегда легко. Что здесь является камнем преткновения?

«Эхо» лексикографического бума

Разговор о лексикографической ситуации было бы неправильным оставить в стороне по крайней мере по двум причинам: начиная с середины XX в. именно на них возложена общественно важная функция — задавать координаты орфоэпической правильности (авторитетный пример — величина вторичная); XX в. и XXI в. — это резко контрастные ступени в развитии «словарного дела» в сфере орфоэпии. Прежде чем показать, на чем держится последнее соображение, напомним, что

в отечественной лексикографии сложились два типа орфоэпических описаний, у каждого из которых есть свои цели и задачи и алгоритм их реализации.

Миссия академических словарей (в настоящее время их два — [Еськова (ред.) 2015; Каленчук и др. 2017] состоит в том, чтобы «представить *литературную норму* во всем многообразии ее проявлений» и одновременно показать «ненормативные факты, оценивая их с нормативной позиции» [Еськова (ред.) 2015: 9]: феномен¹, -а *Научный термин ! не рек.* феномен, но феномен², -а и *допуст.* феномен, -а *О редком, необычном, исключительном (чаще о человеке)*; среда², -ы, *вин.* среду, *мн.* среды, сред, средам и средам □ *День недели*; обеспечение, -я и *допуст.* обеспечение [*с^bn^b, cn^b*]; одесский, -ая, -ое [*дэ и де*]. При этом сама природа описываемого феномена подсказала структуру рекомендаций, или «шкалы нормативности»: она «имеет не две части (рекомендуется — запрещено), а три: рекомендуется — допускается — запрещено», «предостерегая от слишком категорических и крутых суждений. Она воплощает этическую сторону орфоэпии. Она — свидетельство языковой терпимости» [Панов 1979: 206].

Что касается профессионально ориентированных словарей, то на их основное назначение указывают названия первых двух источников — «В помощь диктору» (1951) и «Словарь ударений. В помощь диктору» (1954). Именно для них были введены ограничения, известные как установка на единообразие: феномен, -а (во всех знач.); среда, среды, среду; *мн.* среды, сред, средам (день недели); Одесса [*не дэ*]; обеспечение [*не обеспечение*]. Подчеркнем, что результаты проведенного нами исследования телевизионной медиаречи (а именно произносительного облика работающих в разных амплуа) двух синхронных срезов — советского и постсоветского [Вещикова 2022: 99–198] не оставляет никаких сомнений в том, что «каждому из видов экранной деятельности присущи особая методика работы, особые правила, соответствующие его специализации; смешивать их было бы непрофессионально» [Телевизионная журналистика 2005: 212]. В нашем контексте это означает «особые правила» произношения «для ведущих информационных программы (в США бытует термин “анкормэн”, что означает “человек-якорь”, или словосочетание “ньюз презентер” — “представляющий новости”; иногда используют образное выражение “человек, делающий погоду”, но *всегда решительно отделяют данного специалиста от комментатора, репортера* (выделено — *И. В.*) и т. п.)» [Телевизионная журналистика 2005: 212]. Однако десятилетие спустя, в 1960 г., правила для дикторов были экстраполированы на практику работников всех недикторских профессий, о чем свидетельствует новое название словаря — «Словарь ударений для работников радио и телевидения» [Агеенко, Зарва 1960§], которое повторно было изменено в 1993 г. на «Словарь ударений русского языка» [Агеенко, Зарва 2000], теперь уже без указания на целевую аудиторию. Тем самым для неспециалиста граница между словарями, точнее, между разными видами норм оказалась размытой и ослабленной: «Совершенно недопустимо произведенное начиная с 1993-го изменение названия. Принятое новое название “Словарь ударений русского языка” снимает ограничение адресата. Бывший “словарь радио” (как его чаще всего называли) превратился в равноправного “конкурента” академического

орфоэпического словаря. До изменения названия было ясно, каково соотношение между орфоэпическим словарем — основным и наиболее авторитетным источником — и словарем, рекомендующим норму, предназначенную для “озвучивания” средствами массовой коммуникации. Теперь это соотношение нарушено» [Еськова 2004: 275–276].

Далее стоит сказать о том, что на смену довольно стабильной лексикографической ситуации второй половины XX в. пришло время «нормативной неопределенности».

Показательно, что в советский (доцифровой, литературоцентричный) период та часть культурно-речевого сообщества, «отношение которой к литературному языку как инструменту общения в общественной, культурной и политической сфере является профессиональным» [Едличка 1988: 72], осознавали, что академические и профессионально ориентированные словари суть разные, но дополняющие друг друга нормативные источники. Зоны влияния каждого из них в целом были понятны, а образованные носители языка стремились соблюдать писанные и неписанные правила, чтобы соответствовать требованиям ситуации общения и не обмануть ожидания аудитории.

В XXI в. приходится напоминать, что и в процессе обучения орфоэпии, и при оценке текстов разных функционально-речевых стилей и подстилей, разных жанров и форматов сквозь призму нормы не следует игнорировать «разность» словарей.

Следующее наше наблюдение касается неоправданных и немотивированных новшеств, появившихся в последние примерно три десятилетия. Одно из них — наличествующий сегодня список нормализующе-регулирующих орфоэпических описаний, который становится труднообозримым и включает крайне пестрые и неравноценные по своей значимости работы. Авторы и нередко составители (!) многих новых словарей отступают от принципов лексикографического представления орфоэпической информации, предложенных в 1955 г. Р. И. Аванесовым и С. И. Ожеговым. Как известно, по убеждению ученых, орфоэпический словарь ставит целью быть «общедоступным справочником», 1) систематизирующим сведения о звуковом составе и акцентологических вариантах конкретных слов и выражений и о наиболее распространенных ошибках, нарушающих эстетические качества речи, 2) формулирующим правила произношения и описывающим особенности русского словесного ударения, 3) представляющим эти сведения в части Правила либо в Словнике в зависимости от возможности-невозможности их обобщения в виде правил.

Во множестве «новоиспеченных» словарей объем сведений, необходимых для осознанного усвоения разных видов орфоэпических норм, сужается: чаще всего в них остается только Словник, что превращает их в словари «трудностей произношения и ударения». Едва ли не единственным источником, который следует традиции, является академический «Большой орфоэпический словарь русского языка» [Каленчук и др. 20012/2017]. К сожалению, орфоэпические академические словари до сих пор оставляют за кадром описание имен собственных и пока не используют возможности цифровой платформы для включения в Словник новых слов, звуковой состав которых или акцентологический вариант которых могут вызвать затруднения. Кстати, прецеденты, когда известные словари, в первых изданиях отражающие

характеристики только имен нарицательных, со временем «включают в словарь обширное приложение, содержащее наиболее употребительные имена собственные» [Зализняк 2007: 3], существуют. Так, в 4-м издании знаменитого «Грамматического словаря русского языка» «впервые помещено приложение, содержащее информацию о словоизменении более 8 000 имен собственных» [Зализняк 2007: 2].

Придется сказать и о том, что заметная часть имеющихся изданий — это не что иное, как «компилятивные словари»: «Компилятор не создает словарь: он его “составляет” и тем самым освобождает себя от ответственности и перед традицией, и перед наукой» [Шведова 2001: 16]. Из этических соображений мы не будем называть никаких имен, но отметим порождаемую ими бессистемность в подаче сведения. Речь идет о том, что в списке использованных словарей обычно фигурируют и академические, и профессионально ориентированные описания, а при выборе конкретной рекомендации просматривается опора то на один, то на другой тип словаря. Это обстоятельство свидетельствует об отсутствии четкого представления о несовпадении таких величин, как литературная произносительная норма и орфоэпический медиастандарт. Одновременно подобные ситуации напоминают о необходимости бережного отношения к научным принципам, согласно которым «право утверждать нормы литературного языка... а также вносить в них изменения и дополнения делегировано в зарубежных странах, как и у нас, национальным академиям. Именно они и являются “законодателями”» [Демьянков 2008: 50]. В свое время об этом писали ученые, стоявшие у истоков орфоэпии как особой области научного знания: «Ни один автор в качестве отдельного лица не может и не имеет права взять на себя функции “законодателя”, предписывающего нормы произношения. Это дело авторитетных органов... науки и культуры» [Аванесов 1984: 6]). К сожалению, все отмеченные обстоятельства не лучшим образом отражаются на орфоэпической картине текущего момента.

Плюсы и минусы цифровой среды как проводника орфоэпических знаний

В цифровую эпоху и для нормализаторов, и для носителей языка открылись невиданные ранее возможности. Кодификаторы могут без каких-либо ограничений транслировать итоги своего труда, а пользователи почти мгновенно найти ответ на искомый вопрос. И это несомненный плюс.

Но у такой доступности есть и оборотная сторона. К сожалению, не все авторы-составители задумываются над тем, «что такое ответственность лексикографа? Она не одна: автор словаря ответствен, во-первых, перед наукой о языке и тем самым перед лингвистами, обращающимися к словарю как к произведению, необходимо отвечающему требованиям современной науки; во-вторых, перед читателем-нелингвистом, доверяющим словарю и ищущим в нем нужную ему точную и достоверную справку; в-третьих, перед традицией, которую он продолжает и развивает; в-четвертых, наконец, перед самим собой как специалистом и автором труда, выходящего под его именем» [Шведова 2001: 13].

На наших глазах с конца прошлого — начала нынешнего века традиционные и/или классические академические и профессионально ориентированные словари

утрачивают монополию на лексикографическое описание норм произношения. Кроме того, теперь предлагаются новые формы и форматы орфоэпического просвещения массовой аудитории. В Интернете множатся порталы справочных служб и сайты консультантов. Не ставя себе цели обзреть и охватить неохватное, приведем один пример — официальный сайт Т. Гартман, где она представлена как «автор YouTube-канала “Училка vs ТВ” (более 4 170 000 просмотров), эксперт и частый гость на центральных и региональных каналах (Первый, Россия, НТВ, ТНТ 4 и т. д.), ведущая авторской рубрики “Училка против Маяка” на радио “Маяк”, автор двух бестселлеров — книг “Речь как меч” и “Слово не воробей”, преподаватель русского языка и журналистики с тридцатилетним стажем и т. д.» [Гартман 2019]. Видя такую характеристику, есть основания подумать, что это и есть тот источник, которому можно и нужно доверять. Своим главным успехом Гартман «считает тот факт, что некоторые ведущие наконец-то обратили внимание на свою речь и даже взяли за словари и справочники» [Гартман 2019: 7]. Конечно, с важностью такого эффекта никто не станет спорить. Вопрос в другом — в том, каким путем предлагается идти к достижению цели — усвоить произносительные нормы и войти в круг орфоэпически авторитетных лиц. Обратим внимание и на то, что в процессе обучения она делает ставку на «Словарь ударений русского языка» И. Л. Резниченко, объясняя свой выбор тем, что он был назван в приказе Министерства образования и науки РФ «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащие нормы современного русского языка при его использовании в качестве государственного языка РФ» (2009). Другие словари в многочисленных и разноплановых работах автора не упоминаются. Вероятно, такой вариант трансляции знаний массовой аудитории может быть полезен при условии, что он не является единственным и что речь не идет о профессионалах слова, для которых обязательным является изучение рекомендаций узаконенных кодифицирующих источников в единстве с текстами орфоэпически авторитетных лиц.

Роль и место авторитетного примера в орфоэпической ситуации текущего момента

Рядовые носители языка поиск ответа на вопрос о том, «как правильно» произнести то или иное слово, нередко связывают не столько с изучением научных рекомендаций, сколько с обращением к авторитетному примеру. Общеизвестно, что в разные периоды жизни языка представление о правильном и престижном на уровне произношения в большей или меньшей степени связывается с разными группами лингвокультурного сообщества.

На протяжении длительного времени особая роль при рассмотрении вопросов, относящихся к культуре произношения, принадлежала театру. По словам фонетистов, «законодателем в произношении для культурных людей был театр» [Панов 1990: 17]. Не будет преувеличением сказать, что в предшествующую эпоху необходимым условием успешной социальной интеграции было знание литературного произношения. Поэтому и в средней, и в высшей школе (за исключением отделений и факультетов журналистики) настольной книгой был орфоэпический

академический словарь, до 2015 г. выходявший под редакцией Р. И. Аванесова. И только получающие образование для работы в СМИ дополнительно изучали медиастандарт, описанный профессионально ориентированными словарями.

В последние десятилетия влиятельной величиной становятся стереотипы орфоэпического поведения медиасреды. Переход от эпохи литературоцентризма к эпохе медиацентризма заметно повлиял на представления носителей языка об ориентирах в процессе формального обучения и при выборе авторитетного примера.

С одной стороны, приходится признать популярность и востребованность словарей для работников СМИ. К этому дополнительно подталкивает принятая и декларируемая ими установка на единообразие, не требующая от говорящего специальных знаний. Читатель таких описаний получает готовое решение, освобождающее его от поиска самостоятельного решения при наличии вариантов. С другой стороны, при всем критическом отношении к практике медиаперсон именно с них многие «берут пример». Если в эфире тиражируются варианты *обеспечение*, *п[о]эт*, *скучно*, то немалое число носителей литературного языка (и не только младшего поколения) не рискнет их нарушать, даже если они выходят за пределы зоны литературности (справка: *бу[тэ]рброд*! не рек. *бу[те]рброд*; *творОг* и допуст. *твОрог*; *деньгАми* и допуст. устар. *дЕньгами*; на *стЕнах*; *одновременный* и допуст. *одноврЕменный*; *обеспечение* и допуст. *обеспечЕние*; *п[а]эт* и факульт. *п[о]эт*, *ску[шн]о* — ОС-2015). Вероятно, это объясняется социально-психологическими причинами — признанием медиасреды социально престижной группой, роль и место которой как проводника действующей кодификации в практику трудно переоценить.

Изучение культуры познания представляются не бесполезным, поскольку надо понять, как и насколько она влияет на формирование лингвистического мышления и уровня орфоэпической компетенции той или иной группы, того или иного лица. Ранее уже шла речь о том, что при образовании и воспитании профессионалов слова главенствующее положение должна занимать кодификация, обязательна опора на авторитетные источники и осознание специфики своей профессиональной сферы в ее отношении к литературной норме. Поэтому не могут не удивлять рассуждения «учителя с 20-летним стажем работы в школе, автора сотни учебных пособий для школьников и абитуриентов», показывающие, что авторитетный пример (в данном случае) в лице СМИ считается весомее и серьезнее словарных предписаний: «У нас пропал эталон русского языка. Ушли дикторы старой школы. Как раньше было: как сказали по телевизору, так и правильно. А сегодня? Я просидела два часа у телевизора, переключая каналы. Записала 50 речевых ошибок! “Древнее пророчество началО сбываться”» [Шклярова 2016]. Похоже, Шклярова упустила из виду сразу два существенных момента: 1) учителя должны «сознательно усваивать ее (орфоэпии — *И. В.*) требования: на занятиях в вузе, путем изучения специальных работ; постоянно используя словари» (Панов 1979: 204); 2) если не забывали об иерархии способов получения орфоэпического знания, то не ускользнул бы из поля зрения факт узаконения инновации, согласно которой литературная норма конца XX — начала XXI в. не запрещает произношение началО и характеризует его как *допуст. младшее* [Каленчук и др. 2017: 418].

Новые наставники при обучении правильному произношению

Говоря о сдвигах и трансформациях в способах передачи и распространения произносительной культуры, целесообразно остановиться еще на двух случаях.

Один связан с тем, что некоторые современные медиаперсоны не ограничиваются исполнением роли посредника между научными рекомендациями и средним носителем языка. В настоящее время они все чаще примеривают на себя роль экспертов по орфоэпии и выпускают книжки под общим названием «Говорим правильно». Одна из последних вышла в 2023 г. Прочитав авторов, которыми стали известная телеведущая И. Россиус и писатель Ю. Брыкова: «Нужно запомнить: ... мастерскИ — фиксированное ударение» [Брыкова, Россиус 2023: 8]. При просмотре работ подобного рода изумляет то, что вопрос о нормативных источниках уходит на второй план, а личные представления о правильном выдвигаются на первый, и что в качестве иллюстративного материала консультанты склонны выбирать не только и не столько актуальные случаи, сколько слова, даже не обладающие высокой статистической ценностью. При этом их высказывания о том, как правильно, упрощают реальное положение дел и таким образом дезориентируют аудиторию. То, что было единственно правильным на одном этапе развития, за его пределами может вступить в конфликт с узусом и кодификацией последующего (справка: *мастерски* и *мастерскИ* — БОС-2017). Очевидно, что не каждый профессионал медиаиндустрии может занять место обучающего, точно так же только в исключительных случаях преподаватели могут совмещать свою педагогическую деятельность с журналистской.

Второй пример (число которых может быть увеличено) не менее показателен в плане содержательных особенностей консультаций и рекомендаций гуру (гурУ или гУру?). Вопрос: «В Кёрчи или в Керчй?» Ответ дает «эксперт по русскому языку, автор популярных программ на радио и ТВ, автор бестселлеров о русском языке, журналист, медиаэксперт» М. Королева: «Да, когда мы склоняем топоним (географическое наименование) КЕРЧЬ, ударение никогда и никуда не уходит с корня. КЕРчь, КЕРчи, КЕРчью, о КЕРчи, в КЕРчи, из КЕРчи... Возражений обычно два. 1. Но я же слышу, как говорят “в КерчИ”! 2. А местные, керченские, говорят “в КерчИ”! У меня на это тоже есть возражение: а по словарям — в КЕРчи» [Королева 2021]. По-видимому, автор опирается на предписания профессионально ориентированных словарей, размещенных на портале «Грамота.ру». Однако не следует забывать о «Грамматическом словаре русского языка», в котором относящаяся к этому топониму статья выглядит так: Керчь ж., 8f//8a, П₂(в). «Запись П₂(в) означает, что П₂ ед. реально употребляется только после предлога **в** в определенном значении и что эта форма «по буквенному составу равна форме Д. ед. того же слова, но ударение в ней всегда на окончании» [Зализняк 2007: 70]. Если миссия консультирующих в СМИ и через СМИ — быть элементом системы просвещения, то они не должны допускать редуцирования научных данных. Подобные моменты возвращают нас к рассуждениям Н. Ю. Шведовой об ответственности, но теперь уже не только лексикографа, но медиаконсультанта, мнение которого многими воспринимается как особенно весомое и значимое. Поэтому в заключение наших размышлений

о культуре познания в цифровую эпоху, которая позволила расширить возможный инструментарий, процитируем крайне ценные в контексте обсуждаемой проблематики обобщения П. Бурдые о роли лиц, имеющих «медиатическую славу»: «В некоторых дисциплинах медиатическая слава все больше принимается в расчет, даже комиссиями Национального центра научных исследований. Когда создатель той или иной программы на радио или телевидении приглашает на нее исследователя, он оказывает ему честь, которая до недавнего времени расценивалась как нечто компрометирующее. Всего лишь каких-нибудь тридцать лет назад бесспорные способности Реймона Арона к университетской деятельности оказались поставлены под сомнение, потому что в качестве журналиста “Фигаро” “он имел отношение к СМИ”. Сегодня расклад сил между полями изменился настолько, что внешние критерии оценки — появление в передаче Бернара Пиво, положительная оценка в иллюстрированных журналах, портреты на обложках составляют конкуренцию суждению коллег по полю» [Бурдые 2002: 79–80].

Литература

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. Учебное пособие для студентов педагогических институтов. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1984. 384 с.

Агеенко Ф. Л., Зарва М. В. Словарь ударений для работников радио и телевидения: Ок. 50 000 слов / Под ред. Былинского К. И. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1960. 645 с.

Агеенко Ф. Л., Зарва М. В. Словарь ударений русского языка / под ред. М. А. Штудинера. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Рольф, 2000. 816 с.

Брыкова Ю., Россиус И. Говорим правильно. Ростов н/Д: Феникс, 2023. 64 с.

Бурдые П. О телевидении и журналистике / Пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой; отв. ред., предисл. Н. Шматко. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. 160 с.

Вещикова И. А. Телевизионная речь в аспекте орфоэпии. М.: ФЛИНТА, 2022 (1-е изд. — 2019). 216 с.

Гартман Т. Официальный сайт [Электронный ресурс] // <https://uchilkaonline.ru/> (дата обращения: 15.06.2024).

Гартман Т. Речь как меч. Москва: Эксмо, 2019. 208 с.

Демьянков В. З. О стратегиях нормирования русского языка и о формировании единого социокультурного пространства России // Мир русского слова, № 4, 2008. С. 7–13.

Едличка А. Литературный язык в современной коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XX. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. М.: Прогресс, 1988. С. 38–134.

Еськова Н. А. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; под редакцией Н. А. Есковой. 10-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, 2014/2015. 1008 с. (1-е изд. — 1983; под редакцией Р. И. Аванесова).

Еськова Н. А. Рецензия на словари: М. В. Зарва «Русское словесное ударение» и Ф. Л. Агеенко «Собственные имена в русском языке. Словарь ударений» // Русский язык в научном освещении, 2004, № 1 (7). С. 272–278.

Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф., Касаткин Л. Л. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. Под ред. Л. Л. Касаткина. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017. 1024 с. (1-е изд. — 2012).

Королева М. В Керчи или в КЕРчи? [Электронный ресурс] // <https://godliteratury.ru/articles/2021/06/09/v-kerchi-ili-v-v-kerchi?ysclid=lxhklpktir580389451> (дата обращения: 15.06.29024).

Костомаров В. Г. Язык текущего момента: понятие правильности. СПб.: Златоуст, 2014. 220 с.

Панов М. В. Глава первая // Фонетика современного русского литературного языка. Социолого-лингвистическое исследование. М.: Наука, 1968. С. 9–21.

Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. / Ин-т рус. языка АН СССР; отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1990. 456 с.

Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М.: Высшая школа, 1979. 256 с.

Промптова И. Ю. Речевая культура театра. М.: Сов. Россия, 1989. 144 с.

Телевизионная журналистика: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. / редколл. Г. В. Кузнецов, В. Л. Цвик, А. Я. Юровский. М.: Изд-во Моск. ун-та: Наука, 2005. 368 с.

Шведова Н. Ю. Автор или составитель? (Об ответственности лексикографа) // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. М.: Индрик, 2001. С. 13–16.

Шклярова Т. Какие речевые ошибки недопустимы для официального языка ТВ // Российская газета — Неделя, 2016, № 7022 (154).

I. A. Veshchikova

Lomonosov Moscow State University

(Russia, Moscow)

irinavmgu@gmail.com

FEATURES OF THE CULTURE OF COGNITION IN THE DIGITAL AGE: TRADITIONS AND INNOVATIONS IN THE FIELD OF ORTHOEPY

Each cultural and historical epoch has some peculiarities of the transmission and dissemination of orthoepic knowledge. This article attempts to analyze the distinctive features of the period called (depending on the type of tasks being solved) post-Soviet, digital, media-centric. In search of an answer to this question, the following range of problems came into our field of view: tools for influencing the pronunciation behavior

and views of native speakers and their transformation and reformatting in the 21st century; steps in the development of “lexicography” in relation to orthoepy; signs of a stable lexicographic situation in the second half of the 20th century. (compliance with the principles of lexicographic description of orthoepic material; limited vocabulary and their recognition by linguists and practitioners; the attitude of the cultural and speech community to codification, etc.); indicators of “normative uncertainty” in the XXI century. (the presence of compiled and “nameless” descriptions; violation of traditions in the systematization of pronunciation information and narrowing of the amount of information in descriptions of a normative nature; shifts in the culture of cognition; competition of codification and authoritative example; new mentors, etc.). Within the framework of the topic under discussion, two more issues turned out to be no less relevant: one is related to the rational use of the opportunities that the digital age opens up for normalizers and native speakers; the second concerns the responsibility of both lexicographers and numerous mentor consultants.

Keywords: orthoepy, culture of cognition, digital age, literary pronunciation norm, academic orthoepic dictionaries, professionally oriented orthoepic dictionaries.

References

Ageenko F. L., Zarva M. V. *Slovar' udarenii dlya rabotnikov radio i televideniya* [The dictionary of stress for radio and TV employees]. Bylinskii K. I. (ed.), Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarei Publ., 1960. 645 p.

Ageenko F. L., Zarva M. V. *Slovar' udarenii russkogo yazyka* [The dictionary of stress of the Russian language]. M. A. Shtudiner (ed.), 5th edition. Moscow, Rol'f Publ., 2000. 816 p.

Avanesov R. I. *Russkoe literaturnoe proiznoshenie. Uchebnoe posobie dlya studentov pedagogicheskikh institutov* [Russian literary pronunciation. The textbook for students of pedagogical institutes]. 6th edition. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1984. 384 p.

Brykova Yu., Rossius I. *Govorim pravil'no* [We speak correctly]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2023. 64 p.

Burd'e P. *O televidenii i zhurnalistike* [On TV and journalism]. Moscow, Fond nauchnykh issledovaniy “Pragmatika kul'tury”, Institut Eksperimental'noi Sotsiologii Publ., 2002. 160 p.

Dem'yankov V. Z. [On strategies for the normalization of the Russian language and the formation of a unified socio-cultural space in Russia]. *Mir russkogo slova*, no. 4, 2008, pp. 7–13. (In Russ.)

Es'kova N. A. (ed.). *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka: Proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [The Russian orthoepic dictionary: pronunciation, stress, grammatical forms]. S. N. Borunova, V. L. Vorontsova, N. A. Es'kova (eds.), 10th edition. Moscow, AST Publ., 2014/2015. 1008 p.

Es'kova N. A. [Review of the dictionaries: M. Zarva “Russian word stress” and F. Ageenko “Russian proper names. The dictionary of stress”. The Russian word stress]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, Moscow, no. 1 (7), 2004, pp. 272–278. (In Russ.)

Gartman T. Ofitsial'nyi sait [Official website]. Available at: <https://uchilkaonline.ru/> 15.06.2024).

Gartman T. *Rech' kak mech* [Speech is like a sword]. Moscow, Eksmo Publ., 2019. 208 p.

Kalenchuk M. L., Kasatkina R. F., Kasatkin L. L. *Bol'shoi orfoepicheski slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ee varianty* [The Large orthoepic dictionary of Russian language. Literary pronunciation and stress in the beginning of XXI century: the norm and its variants]. 2nd edition. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2017. 1024 p.

Koroleva M. V. *Kerchi ili v Kerchi?* [The stress in the second prepositional case of the word Kerch]. Available at: <https://godliterary.ru/articles/2021/06/09/v-kerchi-ili-v-v-kerchi?ysclid=lxhklpktir580389451>, 15.06.2024.

Kostomarov V. G. *Yazyk tekushchego momenta: ponyatie pravil'nosti* [The language of the current moment: the concept of correctness]. Saint-Petersburg, Zlatoust Publ., 2014. 220 p.

Kuznetsov G. V., Tsvik V. L., Yurovskii A. Ya. (eds.) *Televizionnaya zhurnalistika: uchebnyk* [Television journalism]. 5th edition, Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta Publ., Nauka Publ., 2005. 368 p.

Panov M. V. [The first Chapter]. *Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Sotsiologo-lingvisticheskoe issledovanie* [Phonetics of the modern Russian literary language. Sociological and linguistic research]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 9–21. (In Russ.)

Panov M. V. *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vv.* [The history of Russian literary pronunciation of the XVIII–XX centuries]. D. N. Shmelev (ed.), Moscow, Nauka Publ., 1990. 456 p.

Panov M. V. *Sovremennyi russkii yazyk. Fonetika* [Modern Russian language. Phonetics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1979. 256 p.

Promptova I. Yu. *Rechevaya kul'tura teatra* [The speech culture of the theater]. Moscow, Sov. Rossiya Publ., 1989. 144 p.

Shklyarova T. [What speech errors are unacceptable for the official TV language]. *Rossiyskaya gazeta — Nedelya*, 2016, no. 7022 (154). (In Russ.)

Shvedova N. Yu. [The author or the compiler? (On the responsibility of the lexicographer)]. *Slovar' i kul'tura russkoj rechi. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya S. I. Ozhegova* [Dictionary and culture of Russian speech. On the 100th anniversary of the birth of S. I. Ozhegova]. Moscow, Indrik Publ., 2001, pp. 13–16. (In Russ.)

Veshchikova I. A. *Televizionnaya rech' v aspekte orfoepii* [The TV discourse in terms of orthoepy]. Moscow, FLINTA Publ., 2022. 216 p.

И. М. Гольберг¹, С. В. Иванов²

Московский педагогический государственный университет

(Россия, Москва)

inna_golberg@mail.ru¹

stanislavi@inbox.ru²

ОТРАЖЕНИЕ ДИНАМИКИ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ НОРМ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ XX–XXI ВЕКОВ

Языковая норма, как явление динамическое, определяется внутриязыковыми и внеязыковыми факторами. Внутриязыковые причины изменения морфологических норм обусловлены действиями законов аналогии и сохранения языковых усилий. Внешние факторы, влияющие на динамику норм, связаны с реализацией закона языковых традиций, а также с антиномией узуса и возможностей языка.

Динамика морфологических, как и любых других норм отражается диахронически в словарях как результат деятельности кодификаторов. В данной статье анализируются некоторые словоформы, зафиксированные в ортологических словарях разных лет издания. Сравнение одних и тех же форм, получивших в этих словарях различную нормативную характеристику, например «допустимо» или «неправильно», а также изменений сферы употребления словоформ, представленных авторами разных словарей, демонстрирует процессы, происходящие в области нормирования русского языка, и динамику кодификации.

Актуальной проблемой отражения динамики морфологических норм современного русского литературного языка является отсутствие у кодификаторов результатов широкомасштабного тестирования носителей русского языка различных возрастных и социальных групп. По мнению авторов статьи, только результаты подобного рода тестирований могут релевантно отражать намечающиеся тенденции в динамике норм или уже завершившийся процесс, который следует фиксировать в словарях.

Ключевые слова: современный русский литературный язык, языковые нормы, словари грамматических трудностей, варианты формы, кодификация, динамика норм, тестирование.

Исследовательский материал и постановка задачи

В статье рассматривается динамика морфологических кодифицированных норм некоторых форм существительных и глаголов, имеющих варианты формы, и анализируется, как и с какими пометами эти формы фиксировались в лингвистических словарях XX–XXI вв. Под кодифицированной нормой мы — вслед

за М. Л. Каленчук — понимаем такую норму, которая официально закреплена в словарях, справочниках и т. д., см. подробно: [Каленчук, Савинов (ред.) 2021]. При этом, с одной стороны, кодифицированную норму, закрепленную в лексико-графических источниках определенного периода, описать легче, чем, например, узуальную норму, с другой стороны, мы часто сталкиваемся с разными интерпретациями кодифицированной нормы, что обусловлено неодинаковыми кодификационными критериями у авторов словарей. Однако наблюдение за динамикой и разнообразием таких интерпретаций дает возможность проследить определенные закономерности.

Для сравнительного описания взяты как словари грамматических трудностей, так и другие лингвистические словари, изданные в XX и XXI вв.

Языковым материалом для анализа являются некоторые существительные, имеющие либо вариантные падежные формы (например, *кайма*, *апельсин*), либо несклоняемые имена существительные, вызывающие у носителей языка трудности в определении грамматического значения рода (например, *биеннале*, *какаду*), а также глаголы с вариантными формами (*сыпать*, *выздороветь*, *ехать*). Рассматривается наличие/отсутствие в словарях вариантов форм этих слов и их лексико-графическая подача (пометы и т. д.).

1. Языковая ошибка как причина динамического процесса в области норм современного русского литературного языка

Язык, как любой живой организм, постоянно изменяется. Однако стихийное изменение языка на любых уровнях сдерживает именно языковая норма (орфоэпическая, акцентологическая, лексическая, грамматическая — морфологическая и синтаксическая), а также правила стилистического функционирования языковых единиц. Казалось бы, всеобщая грамотность, наличие огромного количества словарей и справочников, культурно-просветительские проекты в средствах массовой информации должны были бы навсегда зафиксировать некоторый нормативный вариант русского литературного языка, тем не менее норма по-прежнему меняется, и причиной начала динамического процесса всегда является языковая ошибка, т. е. нарушение нормы.

Самые активные процессы в динамике лингвистических норм происходят в области лексического состава языка, орфоэпии и акцентологии: именно в произношении и ударении говорящие чаще всего допускают ошибки, а вхождение новых слов в русский язык и изменение семантики уже существующих лексических единиц также приводят к их неправильному употреблению, что становится катализатором процесса расшатывания (первоначальным этапом изменения нормы), затем вариативности, а в конечном результате — изменению. Но и нормы формообразования слов различных частей речи, несмотря на стабильность грамматической системы языка, также подвержены указанным выше процессам.

Одной из важнейших проблем кодификации первоначально ошибочных, а затем допустимых вариантов формообразования является проблема разграничения ошибки, допущенной в результате незнания того, «как правильно», от ошибки,

свидетельствующей о начале внутриязыкового процесса, который должен уловить и зафиксировать кодификатор. С целью социологического описания, но не решения этих проблем, в течение более десяти лет работают семинары «Грамматические трудности русского языка» (Институт детства МПГУ, руководитель семинара — И. М. Гольберг) и «Динамика морфологических норм в современном русском языке» (Институт филологии МПГУ, руководитель семинара — С. В. Иванов). Одной из основных задач семинаров является тестирование носителей русского языка как родного различных возрастов и социальных групп с целью выявления проблемных зон в области функционирования морфологических норм в современном русском литературном языке. В статье даются примеры ответов респондентов в возрасте от 18 до 22 лет различных факультетов с неполным высшим образованием, эти ответы сопоставляются с данными словарей.

2. Интерпретация носителями языка и ортологическими словарями вариантных форм существительных мн. ч. родительного падежа (например, *кайма*, *апельсин*) и родовой отнесенности несклоняемых имен существительных (например, *биеннале*, *какаду*)

При опросе «Вариативность нормы в употреблении существительных родительного падежа мн. ч.» выявлены следующие наиболее частотные ошибки, которые соотнесены с описанием данных словоформ в различных словарях.

Кайма — 1) *каём* (60 %); 2) **каймов* (20 %); 3) **кайм* (15 %); 4) не употр. (5 %).

Слово *кайма* в «Словаре грамматических трудностей русского языка» Т. Ф. Ефремовой и В. Г. Костомарова отсутствует [Ефремова, Костомаров 2006]; в «Орфоэпическом словаре» под ред. Р. И. Аванесова и в «Кратком словаре трудностей русского языка» Н. А. Еськовой форма родительного падежа мн. ч. слова *кайма* дается с пометой «несвоб.» [Аванесов (ред.) 1988: 200; Еськова 2005: 170]. Несвободное, т. е. фразеологически связанное или синтаксически обусловленное, употребление формы слова *каём* (Р. п. мн. ч.), судя по результатам анкетирования, не ощущается носителями современного русского литературного языка. Именно поэтому в «Словаре грамматических трудностей русского языка (5–11 классы)» форма *каём* дана без сопроводительных помет: *кайма* — *каём* [Гольберг, Иванов 2012: 112].

Мольба — 1) **мольб* (80 %); 2) не употр. (20 %).

Ни один из анализируемых словарей не допускает образование формы родительного падежа мн. ч. от существительного *мольба*: запрет накладывается отвлеченным значением слова, хотя, как известно, у существительных с абстрактной семантикой возможно образование форм числа, при котором происходит развитие вторичного значения слова. Следовательно, отсутствие нормативной формы обусловлено неблагозвучием, так же как в форме родительного падежа мн. ч. существительного *мечта* — **мечт*. Однако современные носители языка, как демонстрирует

опрос, этой неблагозвучности не ощущают, и она не является для них запретом на образование форм **мольб*, **мечт*. Окажется ли это нарушение современных требований началом динамического процесса или останется ошибкой, покажет только время и частотность употребления этих, пока еще даже не допустимых с точки зрения норм современного русского литературного языка форм. В авторском употреблении, согласно данным Национального корпуса русского языка, для формы **мольб* зафиксировано 8 текстов и 8 примеров, а для формы **мечт* — 30 текстов и 35 примеров. Такое небольшое количество форм никак не демонстрирует начало процесса изменения нормы и квалифицируется либо как ошибка, либо как сознательное нарушение нормы с целью экспрессивного или эмоционального употребления.

Апельсин — 1) *апельсинов* и 2) *апельсин*.

Большое количество респондентов в форме родительного падежа мн. ч. употребляют именно форму второго ряда: «много *апельсин*». При этом в «Орфоэпическом словаре русского языка» под ред. Р. И. Аванесова, в «Кратком словаре трудностей русского языка» Н. А. Еськовой для формы Р. п. мн. ч. «апельсин» введена помета «не рекомендуется» [Аванесов (ред.) 1988: 30; Еськова 2005: 30]. Формы Р. п. мн. ч. «апельсин» также отсутствует в РОС [Иванова, Лопатин (ред.) 2012; Иванова, Лопатин (ред.) 2023].

Однако в «Практической стилистике русского языка» А. А. Бельчикова и в «Словаре грамматических трудностей русского языка (5–11 классы)» оговаривается допустимость употребления подобных словоформ в разговорной речи [Бельчиков 2008: 117; Гольберг, Иванов 2012: 57]. Эти и подобные им формы свидетельствуют об активном процессе в изменении морфологических норм таких слов.

Носки — 1) *носков* и 2) *носок*.

Не рекомендованная некоторыми кодификаторами форма Р. п. мн. ч. *носок* (см., например, [Ефремова, Костомаров 2006; Кузнецов (ред.) 2006]) в результате анкетирования продемонстрировала приоритет над формой *носков*. При анализе анкет респондентов была заметна неуверенность в выборе формы: сначала записывалась форма *носков*, затем она зачеркивалась и предлагалась форма *носок*, т. е. анкетлируемые сомневались в выборе форм, которые, судя по ответам, были для них равнозначны. В данном случае изменение выбора формы обусловлено действиями законов сохранения языковых усилий и закона аналогии: если в Р. п. мн. ч. нормой является словоформа *чулок*, то вариант *носков* воспринимается носителями языка как избыточный и неинформативный. Заметим, что подобные изменения (Р. п. мн. ч. *апельсин*, *носок*) не свидетельствуют о незнании правильности формообразования, а демонстрируют динамику норм, обусловленную внутриязыковыми законами, в связи с чем указанные формы зафиксированы в современных словарях либо как допустимые, либо как равноправные.

Опрос «Трудности в определении рода несклоняемых имен существительных» продемонстрировал общую для носителей русского языка проблему, связанную

с согласованием и координацией в роде несклоняемых имен существительных типа *боржоми*, *эсперанто* и т. п. Обратим внимание на несколько групп слов.

Какаду, шимпанзе. Респондентам были предложены словосочетания типа *разноцветн... какаду*, *весел... шимпанзе*. Участникам тестирования было предложено объяснить свой ответ. Все респонденты в качестве доказательства привели примеры двойного согласования в форме рода — *разноцветный(ая) какаду*, *веселый(ая) шимпанзе* и отнесли указанные несклоняемые имена существительные к словам общего рода, в то время как по действующему в русской грамматике правилу несклоняемые имена существительные, обозначающие животных, относятся в основном к мужскому роду. Характеристику родовой отнесенности подобных слов и к мужскому, и к женскому роду поддерживают современные словари. Так, например, в [Еськова 2005] к словам типа *какаду*, *шимпанзе* приводятся морфологические пометы *м.* и *ж.*, т. е. словоформа *шимпанзе, м.* и словоформа *шимпанзе, ж.* представлены в словаре как морфологические омонимы. Следуя традиции школьного преподавания морфологии, в «Словаре грамматических трудностей русского языка (5–11 классы)» при характеристике рода несклоняемых имен существительных, обозначающих животных, вводится специальная помета «*», которая имеет следующее значение: «звездочка указывает на то, что существительное способно называть как лицо женского пола (или самку животного), так и лицо мужского пола (или самца животного): например, *мой визави* и *моя визави*, *весёлый шимпанзе* и *веселая шимпанзе*. При этом род существительного не меняется» [Гольберг, Иванов 2012: 12]. Очевидно, что динамика прослеживается именно в описании морфологических омонимов.

Биеннале (бьеннале). Слово *биеннале (бьеннале)* в современной нормативной практике может относиться как к женскому (приоритетный выбор опрашиваемых), так и к мужскому и среднему роду. Приоритетный выбор употребления *биеннале* в женском роде (по опорному слову *выставка*) свидетельствует об осознанном говорящими соотношении несклоняемого заимствованного слова с исконно русским; следующим идет вариант слова *биеннале* в форме среднего рода (по общему правилу родовой отнесенности нарицательных неодушевленных имен существительных к среднему роду); совершенно исключительно зафиксированное в текстах функционирование слова *биеннале* как существительное мужского рода: *берлинский биеннале*. Данный пример иллюстрирует существующие в современном русском языке колебания родовой отнесенности описываемого слова. Соответственно, и словари предлагают различную родовую характеристику слова *биеннале (бьеннале)*: «*м.* и *ж.*» [Иванова, Лопатин (ред.) 2012]; «*ж., ср., м.*» [Гольберг, Иванов 2012]; «*ж.* и *с.*» [Иванова, Лопатин (ред.) 2023]).

Виски, кофе. Особняком стоят слова, динамика норм которых прямо противоположна. Так, например, слово *виски* (алкогольный напиток) по современным нормам должно относиться к словам среднего рода — *шотландское виски*. В то же время регулярное употребление носителями языка слова *виски* (алкогольный напиток) во множественном числе — *шотландские виски* — свидетельствует об устойчивой языковой ошибке, расшатывающей норму. Некоторые словари (например, РОС

[Иванова, Лопатин (ред.) 2012; Иванова, Лопатин (ред.) 2023]) приводят для этого слова варианты формы среднего — *шотландское виски* — и мужского рода (по аналогии со словом напиток) — *шотландский виски*. Однако в речевой практике победу одерживает форма мн. ч., которая является однозначно ошибочной. Вряд ли кодификаторы признают подобное ошибочное употребление явлением динамики норм и изменяют морфологические характеристики слова *виски* в словарной статье. В данном случае наблюдается пример ошибки, не приводящей к изменению морфологической нормы.

Противоположным описанному слову *виски* является пример функционирования в узусе и в словарях слова *кофе*. Несмотря на то что на протяжении практически 90 лет различные словари указывают для слова *кофе* родовые пометы «м. и допустимо в разг. речи с.», носители языка сознательно, а иногда достаточно жестко в дискуссии, удерживают употребление слова *кофе* как существительного исключительно мужского рода, сетуя при этом на вседозволенность, которую допускают лингвисты. Такая позиция носителей языка, во-первых, пример языкового пуризма — говорящий не приемлет никаких вариантов, кроме тех, которые считает однозначно образцовыми во все времена, а во-вторых, проявление гиперкоррекции — говорящий выбирает вариант функционирования слова, по его мнению, наиболее престижный, вне зависимости от существования других допустимых форм. Данный и подобный ему примеры свидетельствуют о сознательном сдерживании носителями русского языка динамики его норм.

3. Интерпретация носителями языка и ортологическими словарями вариантных форм глаголов (*сыпать, выдороветь, ехать*)

Глагол *сыпать* в современном русском языке имеет варианты формы: 1) *сыплю, сыплешь, сыплет, сыплем, сыплете, сыплут* и 2) *сыплю, сыплешь, сыпет, сытем, сыпете, сыпят* (см., например, [Иванова, Лопатин (ред.) 2023]). При этом в формах второго ряда представлен набор окончаний 1 спряжения везде, кроме формы *сыпят*. Учитывая отсутствие стилистических помет, оба ряда форм признаются равноправными.

Опрос «Трудности в образовании форм настоящего и будущего простого времени глаголов» продемонстрировал, что респонденты регулярно предлагают еще один ряд форм для слова *сыпать*: **сыпаю, *сыпаешь, *сыпает* и т. д. Вероятно, это результат влияния глаголов 1 продуктивного класса (типа *читать — читаю*). Интересно отметить, что и в [Граудина, Ицкович, Катлинская 1976: 209] зафиксирована форма 1 лица «сыпаю» с пометой «разг.». Однако другие словари варианты типа **сыпаю* не приводят, следовательно, трактуют их как просторечные.

В «Орфоэпическом словаре русского языка» под ред. Р. И. Аванесова глагол *сыпать* дается иначе: формы второго ряда имеют помету *дон.*, т. е. характеризуются как допустимые, но разговорные [Аванесов (ред.) 1988: 571]. Кроме того, в этом словаре представлено написание **сытит*, т. е. эти варианты формы отнесены строго ко 2 спряжению (подробно о причинах такой интерпретации см. [Гольберг 2014]).

Аналогичным образом описывают глагол *сыпать* Т. Ф. Ефремова и В. Г. Костомаров в «Словаре грамматических трудностей русского языка» [Ефремова, Костомаров 2006: 354], а также Н. А. Еськова в «Кратком словаре трудностей русского языка» [Еськова 2005: 448].

Схожая трактовка спряжения вариантных форм второго ряда представлена и в «Большом орфоэпическом словаре русского языка» М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткина и др. При этом интересно отметить, что формы **сытит* и подобные стоят в этом словаре на первом месте без каких-либо помет и тем самым признаются более употребительными, чем формы типа *сыплет* и т. д. [Касаткин (ред.) 2012: 818]; то же сохраняется в издании словаря 2023 года [Касаткин (ред.) 2023: 825]. Подобная интерпретация подтверждается и данными нашего опроса.

В «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова варианты формы (*сытит* и т. д.) не фиксируются [Кузнецов (ред.) 2006: 1299].

В «Словаре грамматических трудностей русского языка (5–11 классы)» для глагола *сыпать* даны варианты формы, при этом для форм второго ряда используется помета «*допуст. разг.*»: «сыплю, сыплешь, сыплет, сыплем, сыплете сыплют и *допуст. разг.* сыплю, сыпешь, сыпет, сыпем, сыпете, сыпят» [Гольберг, Иванов 2012: 112]. Как и в РОС, в формах второго ряда представлен набор окончаний 1 спряжения везде, кроме формы *сыпят*.

Глагол *выздороветь* имеет в современном русском языке варианты формы будущего простого времени: 1) *выздоровею, выздоровеешь, выздоровеет, выздоровеем, выздоровеете, выздоровеют* и 2) *выздоровлю, выздоровишь, выздоровит, выздоровим, выздоровите, выздоровят*. Формы второго ряда РОС интерпретирует как разговорные (помета «*разг.*») [Иванова, Лопатин (ред.) 2012; Иванова, Лопатин (ред.) 2023]. Таким образом, варианты формы второго ряда характеризуются как нормативные, допустимые в разговорном стиле современного русского литературного языка.

При опросе респонденты, как правило, либо приводят только формы *выздоровлю, выздоровишь* и т. д., либо ставят этот вариант на первое место как «более употребительный».

Однако в «Орфоэпическом словаре русского языка» под ред. Р. И. Аванесова, в «Словаре грамматических трудностей русского языка» Т. Ф. Ефремовой и В. Г. Костомарова, в «Кратком словаре трудностей русского языка» Н. А. Есковой формы *выздоровит, выздоровят* и т. д. квалифицируются как просторечные, поэтому либо имеют помету «*не рек.*» («*не рекомендуетя*») [Аванесов (ред.) 1988: 90; Еськова 2005: 80], либо отсутствуют совсем [Ефремова, Костомаров 2006: 188]. Вариантные формы глагола *выздороветь* также отсутствуют «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова.

В «Словаре грамматических трудностей русского языка (5–11 классы)» для глагола *выздороветь* даны варианты формы, где для форм второго ряда используется помета «*допуст. разг.*»: «выздоровлю, выздоровеешь, выздоровеет, выздоровеем, выздоровеете, выздоровеют и *допуст. разг.* выздоровлю, выздоровишь,

выздоровит, выздоровим, выздоровите, выздоровят» [Гольберг, Иванов 2012: 92]. Таким образом, формы второго ряда признаются авторами словаря нормативными.

Глагол *ехать* имеет в современном русском языке вариантными формы повелительного наклонения: (1) *поезжай(те)*, (2) *езжай(те)*, (3) **едь(те)*, (4) **ехай(те)*; при отрицании — (5) *не езди(те)*.

Опрос «Трудности в образовании форм повелительного наклонения глаголов» показал, что примерно 40 % респондентов считают формы **едь(те)* нормативными. Однако формы **едь(те)* и **ехай(те)* однозначно признаются всеми лексикографами просторечными, находящимися за пределами современного русского литературного языка, а вариант *езжай(те)* может интерпретироваться как допустимый, литературный (см., например, [Кузнецов (ред.) 2006; Гольберг, Иванов 2012]).

При этом в «Орфоэпическом словаре русского языка» под ред. Р. И. Аванесова, в «Словаре грамматических трудностей русского языка» Т. Ф. Ефремовой и В. Г. Костомарова, в «Кратком словаре трудностей русского языка» Н. А. Еськовой нормативным признается только вариант *поезжай(те)*, а форма *езжай(те)* либо имеет помету «! не рек.» («не рекомендуется») [Аванесов (ред.) 1988: 144], либо не упоминается совсем [Еськова 2005: 123; Ефремова, Костомаров 2006: 209].

Вариантная форма *езжай* квалифицируется как нормативная и в «Большом орфоэпическом словаре русского языка» М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткина и др. Интересно отметить, что в этом словаре вариант *езжай* не имеет никаких помет и стоит на первом месте, т. е. оценивается как более частотный по сравнению с *поезжай* [Касаткин (ред.) 2012: 196], этот же вариант сохраняется в издании словаря 2023 года [Касаткин (ред.) 2023: 196]. Данная интерпретация подтверждается и результатами нашего опроса.

Итак, в РОС [Иванова, Лопатин (ред.) 2023] формы *сыпет, сыпят*, во-первых, представлены как равноправные (а в «Большом орфоэпическом словаре русского языка» М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткина и др. формы типа *сыпят* стоят на первом месте!), во-вторых, как разноспрягаемые. Формы *выздоровит, выздоровят* характеризуются, например в [Иванова, Лопатин (ред.) 2023; Гольберг, Иванов 2012], как допустимые, литературные. Вариант *езжай* оценивается как нормативный, например в [Кузнецов (ред.) 2006; Касаткин (ред.) 2012; Касаткин (ред.) 2023; Гольберг, Иванов 2012].

Заключение

Таким образом, можно проследить изменения стилистического статуса морфологических вариантов в современном русском литературном языке, что отражает общую тенденцию к более свободному речевому поведению в XXI в., расшатыванию строгих языковых норм, появлению большей вариативности (см. об этом подробно [Валгина 2003]). Эти изменения требуют соответствующей корректировки описания слов и в современных лингвистических словарях.

Ориентиром для исследований в области динамики морфологических норм может служить, например, работа «Грамматическая правильность русской речи»

[Граудина, Ицкович, Катлинская 1976], а результатом подобного исследования станут современные словари грамматических трудностей, которые войдут в Национальный словарный фонд.

Литература

Аванесов Р. И. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; под ред. Р. И. Аванесова. 4-е изд., стереот. М.: Русский язык, 1988. 704 с.

Бельчиков Ю. А. Практическая стилистика современного русского языка. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. 424 с.

Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2003. 304 с.

Гольберг И. М., Иванов С. В. Словарь грамматических трудностей русского языка (5–11 классы). М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 176 с.

Гольберг И. М. Активные процессы в спряжении русских глаголов // Русский язык в школе, 2014, № 5. С. 35–42.

Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи (опыт частотно-стилистического словаря вариантов). М.: Наука, 1976. 454 с.

Еськова Н. А. Краткий словарь трудностей русского языка: грамматические формы, ударение. М.: Астрель, АСТ, 2005. 605 с.

Ефремова Т. Ф., Костомаров В. Г. Словарь грамматических трудностей русского языка. М.: Астрель, АСТ, Хранитель, 2006. 376 с.

Иванова О. Е., Лопатин В. В. (ред.). Русский орфографический словарь / О. Е. Иванова, В. В. Лопатин, И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова; под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. 4-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 960 с.

Иванова О. Е., Лопатин В. В. (ред.). Русский орфографический словарь / О. Е. Иванова, Е. В. Арутюнова, Е. В. Бешенкова; под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. 6-е изд., испр. и доп. М.: Грамота [АСТ-ПРЕСС КНИГА], 2023. 904 с.

Каленчук М. Л., Савинов Д. М. (ред.). Норма произношения в узусе и кодификации / под ред. М. Л. Каленчук, Д. М. Савинова. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2021. 248 с.

Касаткин Л. Л. (ред.). Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина; под ред. Л. Л. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 1008 с.

Касаткин Л. Л. (ред.). Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина; под ред. Л. Л. Касаткина. 3-е изд., испр. и доп. М.: Грамота [АСТ-ПРЕСС КНИГА], 2023. 1024 с.

Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2006. 1536 с.

I. M. Golberg¹, S. V. Ivanov²

Moscow Pedagogical State University

(Russia, Moscow)

inna_golberg@mail.ru¹

stanislavi@inbox.ru²

REFLECTION OF THE DYNAMICS OF MORPHOLOGICAL NORMS IN LINGUISTIC DICTIONARIES OF XX — XXI CENTURIES

Language norm as a dynamic phenomenon is defined by intralinguistic and extralinguistic factors. Intralinguistic reasons for the change of morphological norms are due to the action of the laws of analogy and preservation of linguistic effort. External factors influencing the dynamics of norms are related to the realization of the law of linguistic traditions, as well as to the antinomy of *usus* and language possibilities.

The dynamics of morphological, as well as any other norms, is reflected diachronically in dictionaries as a result of codifiers' activity. This article analyzes some word forms recorded in orthological dictionaries of different years. The comparison of the same forms, which received different normative characteristic in these dictionaries (e. g. "acceptable" or "incorrect"), as well as changes in the word form use presented by the authors of different dictionaries, demonstrates the processes occurring in the field of norming of the Russian language and the dynamics of codification.

The actual problem of fixing morphological norms of the modern Russian literary language in the dictionaries is the lack of large-scale testing of Russian speakers of different age and social groups. In our opinion, only the results of such kind of testing can reflect the emerging trends in norms dynamic, which subsequently should be recorded in dictionaries.

Key words: Modern Russian literary language, language norms, dictionaries of grammatical difficulties, variant forms, codification, dynamics of norms, testing.

References

Avanesov R. I. (ed.). *Orfoepicheskiy slovar' russkogo yazyka: Proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Orthoepic dictionary of the Russian language: Pronunciation, emphasis, grammatical forms]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1985. 704 p.

Bel'chikov Yu. A. *Prakticheskaya stilistika sovremennogo russkogo yazyka* [Practical stylistics of the modern Russian language]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2008. 424 p.

Valgina N. S. *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov* [Active processes in the modern Russian language: textbook for university students]. Moscow, Logos Publ., 2003. 304 p.

Gol'berg I. M., Ivanov S. V. *Slovar' grammaticheskikh trudnostei russkogo yazyka (5–11 klassy)* [Dictionary of grammatical difficulties of the Russian language (grades 5–11)]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2012. 176 p.

Gol'berg I. M. [Active processes in the conjugation of Russian verbs]. *Russkii yazyk v shkole*, 2014, no. 5, pp. 35–42. (In Russ)

Graudina L. K., Ickovich V. A., Katlinskaya L. P. *Grammaticheskaya pravil'nost' russkoi rechi (opyt chastotno-stilisticheskogo slovarya variantov)* [Grammatical correctness of Russian speech (experience of frequency-stylistic dictionary of variants)]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 454 p.

Es'kova N. A. *Kratkii slovar' trudnostei russkogo yazyka: grammaticheskie formy: udarenie* [A concise dictionary of difficulties of the Russian language: Grammatical forms: emphasis]. Moscow, Astrel, AST Publ., 2005. 605 p.

Efremova T. F., Kostomarov V. G. *Slovar' grammaticheskikh trudnostei russkogo yazyka* [Dictionary of grammatical difficulties of the Russian language]. Moscow, Astrel, AST, Hranitel Publ., 2006. 376 p.

Ivanova O. E., Lopatin V. V. (eds.). *Russkii orfograficheskii slovar'* [Russian orthographic dictionary]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2012. 960 p.

Ivanova O. E., Lopatin V. V. (eds.). *Russkii orfograficheskii slovar'* [Russian orthographic dictionary]. Moscow, Gramota [AST-Press Publ.], 2023. 904 p.

Kalenchuk M. L., Savinov D. M. (eds.) *Norma proiznosheniya v uzuse i kodifikatsii* [The norm of pronunciation in using and codification]. Moscow, Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN Publ., 2021. 248 p.

Kalenchuk M. L., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F. *Bol'shoj orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ee varianty* [Large orthoepic dictionary of the Russian language. Literary pronunciation and accents of the beginning of the XXI century: norm and its variants]. Moscow, AST-PRESS Publ., 2012. 1008 p.

Kalenchuk M. L., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F. *Bol'shoj orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ee varianty* [Large orthoepic dictionary of the Russian language. Literary pronunciation and accents of the beginning of the XXI century: norm and its variants]. 3rd ed. Moscow, Gramota [AST-Press Publ.], 2023. 1024 p.

Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Large dictionary of Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2006. 1536 p.

М. Я. Дымарский

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Институт лингвистических исследований РАН

(Россия, Санкт-Петербург)

dym2005@list.ru

М. Р. Копосова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

(Россия, Санкт-Петербург)

koposovamr@gmail.com

ЭХО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ В Т. Н. НЕРАСЧЛЕННЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ УСТНОГО ПОДКОРПУСА НКРЯ)

Рассматривается интонационное оформление высказываний вида *Наступила весна*, которые традиционно считаются нерасчлененными (состоящими из одной ремы). Проанализирован материал, полученный путем выборки из устного подкорпуса Национального корпуса русского языка фрагментов, содержащих высказывания изучаемого типа, с последующим поиском звучащего первоисточника. Анализ с применением инструментальных методов показывает, что интонационное оформление рассматриваемого типа предложений в непубличной речи не отличается от актерского интонационного оформления высказываний из художественного текста. Показано, что эхо-тематический подъем отличается от хорошо известного «автоматического», или технического, подъема и по своим характеристикам приближается к ИК-3 или совпадает с ней. Утверждается, что эхо-тематический подъем обусловлен не столько формальными характеристиками высказывания, сколько индивидуальной стратегией интонационного оформления.

Ключевые слова: «нерасчлененное» высказывание, нулевая тема, подъем основного тона, технический подъем, тематический акцент, эхо-тематический акцент, устный подкорпус.

Вопрос о коммуникативном составе и интонационном оформлении предложений типа *Наступила весна* на первый взгляд кажется решенным: их коммуникативная структура характеризуется как нерасчлененная, а сами они именуется «нерасчлененными высказываниями». Универсальный характер интонационного

оформления коммуникативно однокомпонентного предложения, казалось бы, общепризнан: в нем должен быть один интонационный акцент — нисходящий тон на подлежащем (т. е. ИК-1). Однако работы последних лет обнаруживают неоднозначность этого описания. Например, обращается внимание на то, что «технический» подъем, встречающийся в реализациях рассматриваемой модели, не столь однозначно является автоматическим и иногда довольно сильно напоминает ИК-3; этот подъем было предложено называть эхо-тематическим, компенсирующим отсутствие выраженной темы [Дымарский 2017]. Инструментально доказывалось существование трех интонационных конструкций с подъемом¹: автоматического («технического») подъема в составе ИК-1, эхо-тематического акцента типа ИК-3 (это ослабленный тематический акцент с компенсаторной функцией) и собственно ИК-3 [Дымарский, Копосова 2024].

Акцент типа ИК-3 — это «прототипический русский подъем» [Янко 2008: 31]. В предцентровой части ИК-3 колебания тона сосредоточены в пределах среднего тона. На гласном центра происходит подъем, постцентровая часть произносится ниже предцентра на нисходящем тоне. Такой же мелодический контур характерен и для эхо-тематического, и для технического подъемов. Однако крутизна подъема, а также функции различаются (см. табл. 1).

Таблица 1. Виды подъема основного тона

	ИК-3	Автоматический («технический») подъем	Эхо-тематический подъем
Крутизна подъема (в актерской речи)	22–215%	1–35%	22–35%
Функция	Маркирует тему	Компенсирует отсутствие предшествующего подъема в ИК-1	Маркирует компонент (не акцентоноситель) ремы в отсутствие выраженной темы

Несмотря на то что диапазоны крутизны у технического и эхо-тематического подъемов пересекаются, в индивидуальном интонировании технический подъем всегда оказывается ниже эхо-тематического и ИК-3. Кроме того, в т. н. нерасчлененных высказываниях верхнее значение крутизны для эхо-тематического подъема значительно выше, при этом появление ИК-3 в интонационном оформлении нерасчлененного высказывания невозможно [Дымарский, Копосова 2024].

Материалы данного исследования включают 12 записей устной речи: 10 фрагментов интервью людей, не являющихся актерами, и два примера публичных выступлений на конференциях. Тестовые примеры были отобраны в устном под-корпусе Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ), их аудиоверсии взяты из первоисточников.

¹ Речь идет о конструкциях со следующим мелодическим контуром: предцентр произносится ровным или восходящим тоном, на гласном центра происходит подъем, постцентровая часть произносится ниже предцентра на нисходящем или ровном тоне.

В актерской речи (а также в речи профессиональных политиков, лекторов и проповедников) большинство просодий могут предстать перед слушателем в несколько утрированном виде: подъемы и падения тона имеют большие перепады частоты, чем в обыденной речи. Это обусловлено целевой установкой говорящего — стремлением эмоционально воздействовать на слушателя, — что связано и с особенностями жанра выступления.

- (1) «И мы прислушивались друг у другу / но всё-таки мы друг друга не услышали. Возник псевдиалог. Я повторяла / что мы должны провести время вместе / имея в виду / три человека / а Гоша настаивал на своём» (Е. Французова).

Этот пример представляет собой фрагмент выступления на конференции. Высказывание *Возник псевдиалог* выполняет несколько текстовых функций. Для левого контекста оно является финально-резюмирующим, т. е. подводит итог сказанному ранее. Для правого же контекста это ситуативно-установочное высказывание, детерминирующее содержание последующего текстового фрагмента, который, в свою очередь, поясняет сформулированную оценку ситуации.

На тонограмме высказывания *Возник псевдиалог* (рис. 1) представлен резкий подъем на первом слове — с 250 Гц до 407 Гц (крутизна подъема 62,8%). На слове *псевдиалог* тон снижается до 320 Гц на слоге *псе-* (крутизна падения 27,2%) и постепенно достигает 212 Гц на ударном слоге *-лог*.

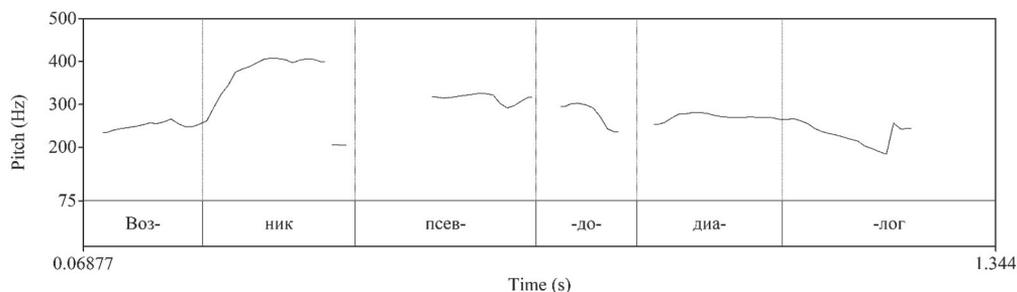

Рисунок 1. *Возник псевдиалог* (Е. Французова)

Следующий пример взят из фрагмента интервью; он также демонстрирует высокую крутизну подъема (рис. 2). На первом слове *появился* наблюдаем восходяще-нисходящее движение тона: предцентр произносится ровным тоном (97 Гц), на гласном ударного слога происходит подъем (до 149 Гц, крутизна подъема 53,6%), за которым следует падение на постцентре (до 123 Гц, крутизна падения 21,1%). На втором слове происходит постепенное снижение тона до 86 Гц.

- (2) «Появился ребёнок. Вот первый ребёнок / я помню / но мы сами ещё дети двадцатилетние / и у нас вдруг появился / вдруг появился ребёнок» (Респондент 2, Максим).

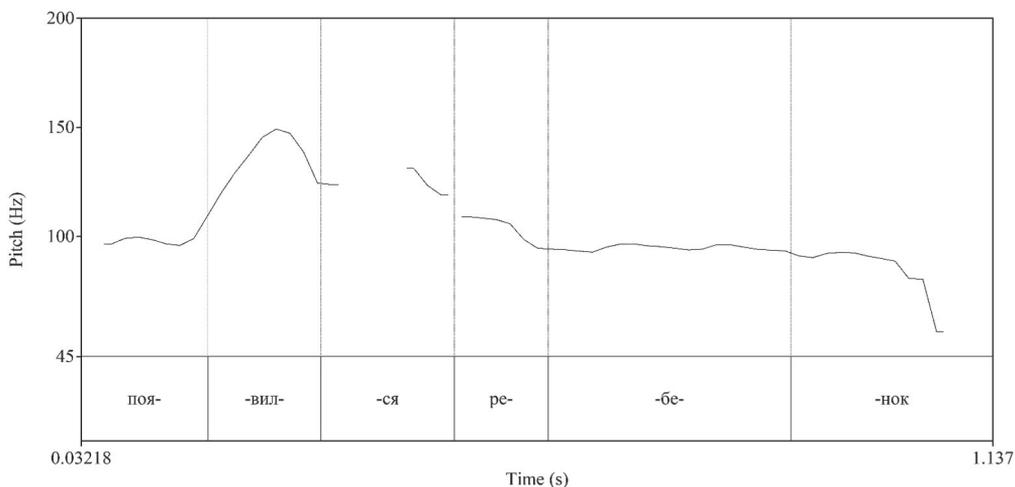

Рисунок 2. *Появился ребенок* (Респондент 2, Максим)

Оба высказывания (1–2) выполняют в тексте ситуативно-установочную функцию. Сходно и их интонационное оформление: они характеризуются резким повышением тона на первой словоформе и постепенным его снижением на второй. Количественные характеристики подъема в обоих случаях позволяют интерпретировать его как эхо-тематический.

Рассмотрим пример другой функции высказывания в публичном выступлении. В лекции Ю. Пивоварова встречаем меньший по крутизне подъем (рис. 3)². Тоннограмма словоформы *Началась* характеризуется постепенным повышением тона на предцентре с 61 до 84 Гц (крутизна подъема 37,7%) и незначительным подъемом на ударном слоге (до 93 Гц, крутизна подъема 10,7%). Подчеркнем, что, несмотря на жанр публичного выступления, крутизна подъема на центре на рис. 3 в 5,9 раз меньше, чем на рис. 1 (выступление на конференции), и в 5 раз меньше, чем на рис. 2 (интервью).

- (3) «*Семнадцатый год / в шестнадцатом году война / около девяти миллионов мужиков сидят / а там скоро передел начнётся. Давай возвращаться. Фронт рухнул! Началась революция. Двадцать девятый год. Сталин начал...*» (Ю. Пивоваров).

² В файле с аудиозаписью данного фрагмента второе слово заглушено посторонними шумами, поэтому тонограмма после слова *Началась* обрывается.

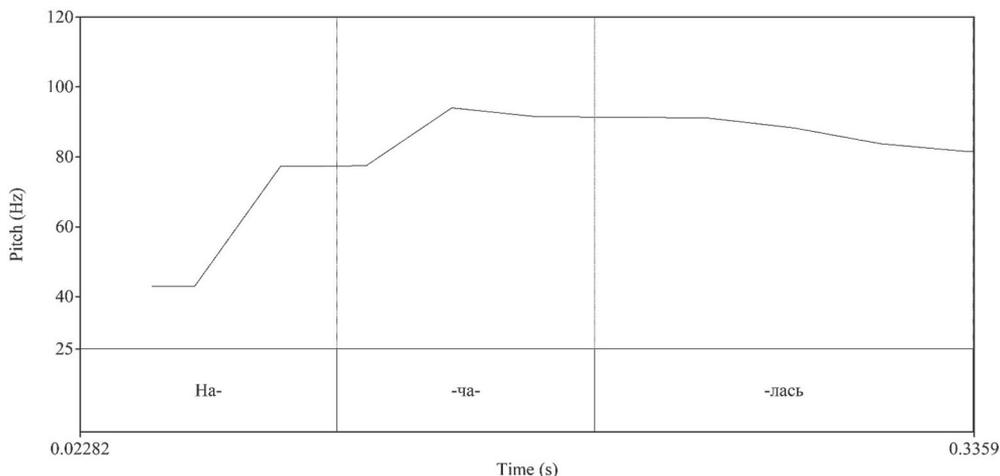

Рисунок 3. Началась [революция] (Ю. Пивоваров)

Предложение *Началась революция* выполняет повествовательно-распространительную функцию. Она актуализируется при передаче динамики ситуации, представленной цепью событий. Меньшая крутизна подъема в (3) может быть обусловлена тем, что это предложение обозначает новое событие лишь как один из шагов развития ситуации. В связи с этим отсутствует явное интонационное выделение какого-либо компонента высказывания, и возникающий подъем может быть охарактеризован лишь как технический.

- (4) «*И он едет через Елец. И он пишет / “Ехали на пролётке. Отвалилось колесо. Темно. Жутко. Страшно”*» (В. А. Заусайлов).

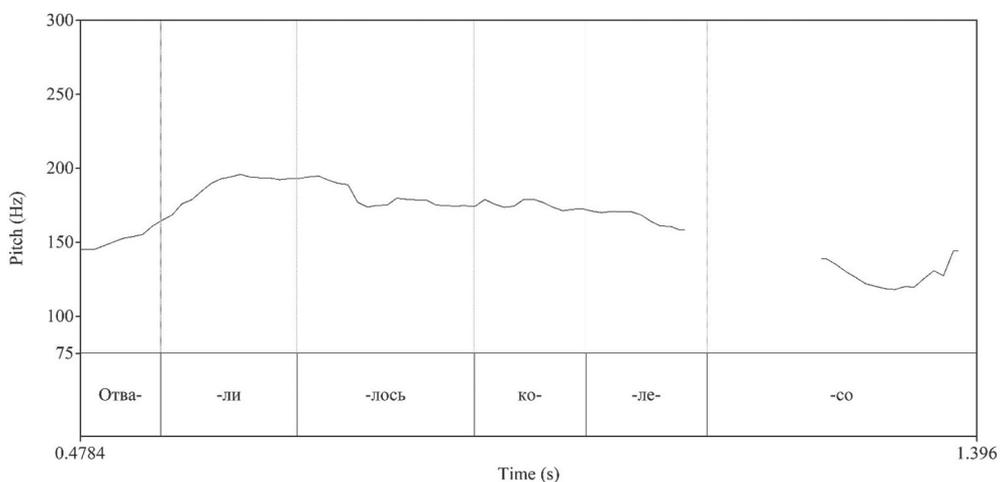

Рисунок 4. Отвалилось колесо (читает В. А. Заусайлов)

В примере подготовленной речи (4) предложение типа *VS* также выполняет повествовательно-распространительную функцию. Однако крутизна подъема на первом слове выше, чем в (3), более чем в три раза — 33,1% (от 146 Гц до 193 Гц). Следовательно, актуализация той или иной функции предложения необязательно приводит к существенному повышению или понижению подъема.

Другой пример из подготовленной речи характеризуется меньшей крутизной подъема (рис. 5). На словоформе *Пришел* наблюдаем повышение тона (170–184 Гц, крутизна подъема 8,2%), на предупдарных слогах *почта-* происходит снижение тона до 179 Гц, центр маркирован падением (до 149 Гц, крутизна падения 20,1%). Как и в примерах (1–2), предложение *Пришел почтальон* выполняет ситуативно-установочную функцию:

- (5) «*Пришёл почтальон. Я слышала / как он сунул письма в щель / но не двинулась с места. Я не жду почтальона / я не жду писем*» (И. Айхингер. Мимо течет Дунай. Читает А. Алексахина).

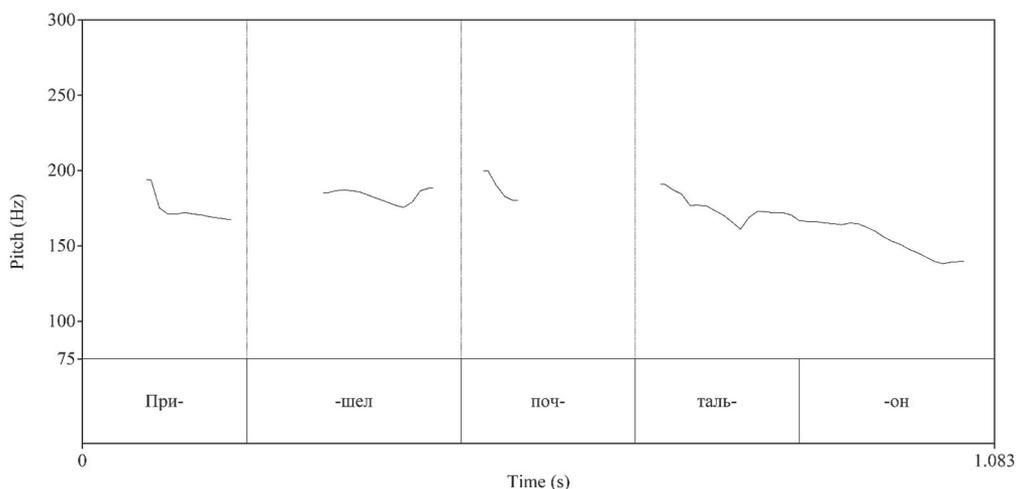

Рисунок 5. *Пришел почтальон* (И. Айхингер. Мимо течет Дунай. Читает А. Алексахина)

Таким образом, крутизна подъема обусловлена не столько формальными характеристиками речевого жанра и текстовой (дискурсивной) функцией высказывания, сколько индивидуальными особенностями говорящего. В публичной речи может появиться как эхо-тематический, так и технический подъем. Вероятность появления высокого интонационного подъема в речи лектора или профессионального актера довольно высока, однако жанр необязательно определяет интонационный контур высказывания.

В непубличной речи также встречаются примеры с крутизной подъема от 14,4 до 37,7%.

- (6) «*Потерял направление / только тундра / тундра / тундра / во все стороны одинаковая / бесконечная. Так продолжалось трое суток. Начались галлюцинации. Уже не шёл / полз*» (П. Семак).

Рассмотрим тонограмму высказывания *Начались галлюцинации* (рис. 6).

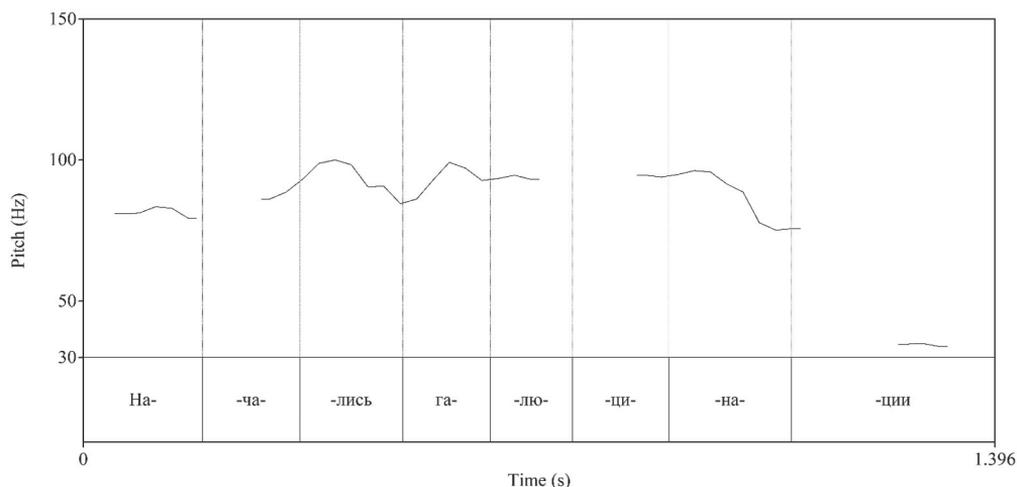

Рисунок 6. *Начались галлюцинации* (П. Семак)

Как и в предыдущем примере (рис. 5), предцентр первого слова характеризуется постепенным повышением частоты основного тона (83–87 Гц), которое продолжается до ударного слога (100 Гц, крутизна подъема 14,4%). Слоги *галлюцина-* произносятся ровным тоном (92–94 Гц), на заударных происходит падение до 57 Гц (крутизна падения 64,9%).

Первое слово *Начались* маркировано техническим подъемом. Крутизна подъема на 3,7% больше, чем у технического подъема в высказывании *Началась революция* из лекции (рис. 3); признать это различие существенным нельзя. Предложения из обоих примеров (3 и 6) выполняют повествовательно-распространительную функцию.

Большая часть примеров из непубличной речи характеризуется подъемом с большей крутизной — от 30,6% до 37,7% (рис. 7–11) и 53,6% (рис. 2).

- (7) «*Навстречу мне вдруг Кукрыниксы / и ко мне подбежал Курпьянов и говорит / “Застрелился Маяковский”. И я / наверно / во всяком случае совершенно спокойно сказал / что / “ну... ну / вот” / вот что-нибудь в этом роде*» (М. Д. Вольпин).

Как правило, после подъема на первом слове происходит резкое падение на втором, центр падения приходится на ударный слог (рис. 7). Предударные слоги слова *застрелился* характеризуются постепенным повышением тона (89–106 Гц), ударный — подъемом (141 Гц, крутизна подъема 33%). Предударные слоги слова

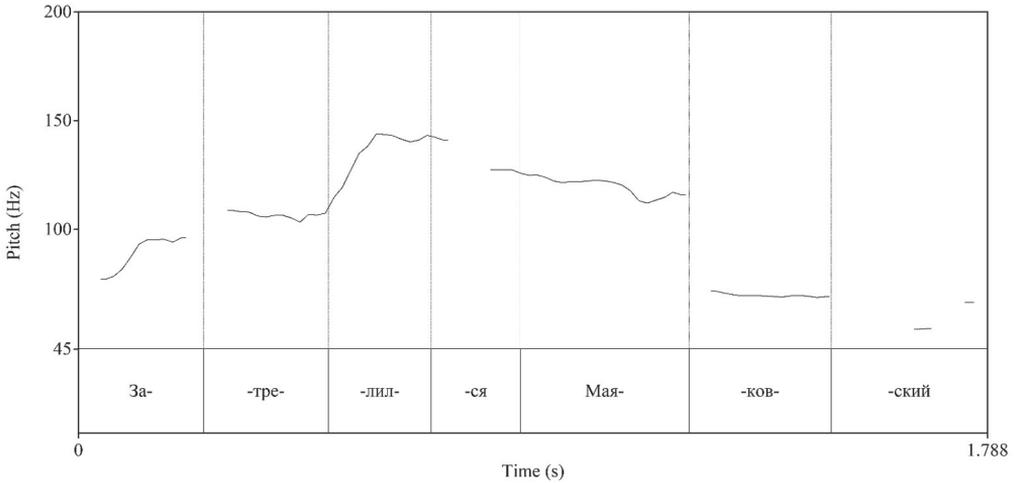

Рисунок 7. *Застрелился Маяковский* (М. Д. Вольпин)

Маяковский произносятся ровным тоном (120 Гц), после которого происходит падение на ударном (до 69 Гц, крутизна падения 73,9%).

- (8) «Володя был незамкнутым человеком / у него было много знакомых. Иногда он мне уже и потом звонил: “Вышла книжка. Королева / ты уже прочитала эту книжку?” Я говорю / да нет / у меня ещё нет» (О. С. Северцева).

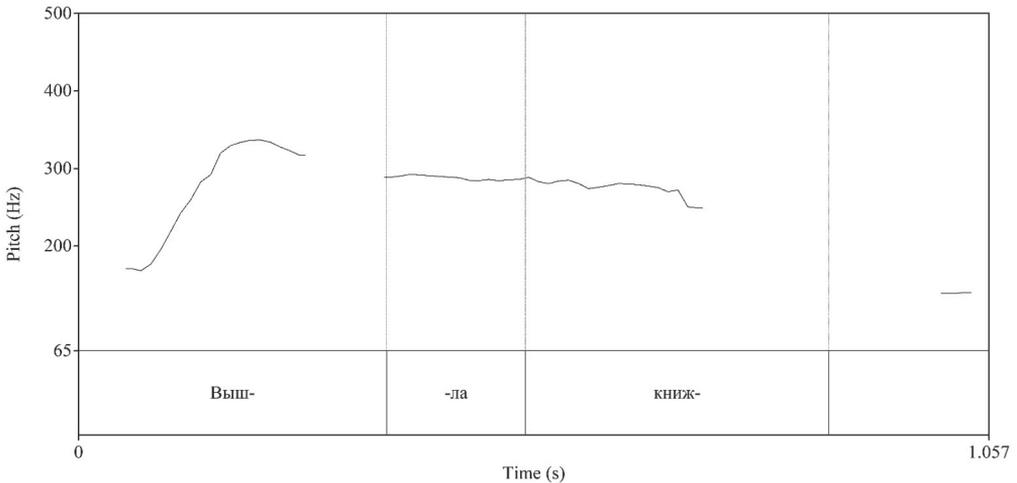

Рисунок 8. *Вышла книжка* (О. С. Северцева)

На рис. 8 наблюдаем отличное от (7) интонационное оформление. На слог *вы-* происходит повышение тона с 244 до 336 Гц (крутизна подъема 37,7%),

на слоге *-ила* заударное падение тона (до 289 Гц, крутизна падения 16,3%). Ударный слог словоформы *книжка* не маркирован резким падением. Хотя он произносится ниже предыдущего (279 Гц), крутизна понижения тона равна лишь 3,6%. Падение же происходит на заударном слоге *-ка* (139 Гц, крутизна падения 100,7%). Эхо-тематический подъем вместо технического на первом слове может быть обусловлен тем, что говорящий, как и в предыдущем случае (см. рис. 7), пересказывает диалог и интонационно выделяет чужие реплики, делая их громче и выразительнее. Кроме того, предложение *Вышла книжка* выполняет в тексте ситуативно-установочную функцию, см. (8).

Оба примера (7–8) иллюстрируют высокую крутизну падения на заударном слоге второго слова.

И. И. Ковтунова писала, что традиционно в коммуникативно двусоставных высказываниях пауза маркирует расчлененность, поэтому ее появление в двухсловном предложении нерасчлененной структуры исключено [Ковтунова 1976: 154]. Однако на практике наблюдаем иное: в предложениях типа *Наступила весна* пауза между подлежащим и сказуемым возможна. Доказательством этому служат 16 из 261 примера озвучиваний художественного текста и 1 пример из устного подкорпуса (см. рис. 9). Следовательно, допустимо говорить о паузе как о потенциально возможном элементе интонационного оформления предложений рассматриваемого типа.

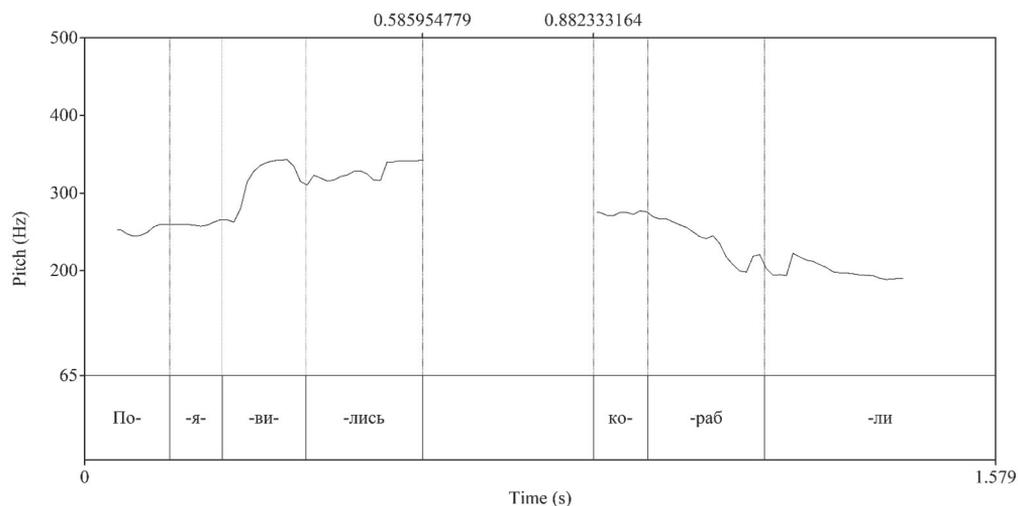

Рисунок 9. *Появились корабли* (Е. А. Лубны-Герцык)

По данным М. Г. Каспаровой, длительность перерыва для того, чтобы он мог быть воспринят как пауза, должна быть равна 150–200 мс [Каспарова 1971: 146]. Меньшие же по длительности временные интервалы могут восприниматься как паузы только в тех позициях, которые обусловлены нормой членения. Среднее значение для длины межсинтагменных пауз меньше, чем для пауз на границах предложений. Так, паузы длительностью от 60 до 600 мс маркируют межсинтагменные границы [Потапова,

Блохина 1986]. Если временное отсутствие звучания появляется в речевой единице, которая не должна прерываться, «то под действием словесного стереотипа такие временные интервалы “маскируются” и не воспринимаются в качестве паузы» [Потапова, Блохина 1986: 85]. Таким образом, в высказывании нерасчлененной структуры, в котором подлежащее и сказуемое образуют неразрывный смысловой комплекс, остановка звучания, которая должна «маскироваться» и не восприниматься как пауза, может длиться не дольше 150 мс — примем это значение как максимальное для «замаскированных» пауз, опираясь на данные М. Г. Каспаровой.

Длительность паузы в примере (рис. 9) равняется 296 мс, что в 2 раза выше установленного порога. При этом интонационный рисунок такой же, как и в большинстве примеров выше: восходящее движение на предцентре (от 256 Гц), подъем на ударном слоге первого слова (342 Гц, крутизна подъема 33,5%), предупредительный слог подлежащего произносится ниже (273 Гц, крутизна падения 25,3%).

Наиболее вероятное объяснение паузы в предложении типа *VS* — индивидуальное стремление чтеца дополнительно подчеркнуть акцентоноситель ремы. Обычная предрематическая пауза располагается на границе темы и ремы. В случае неоднословной ремы у говорящего появляется возможность отделить акцентоноситель ремы дополнительной паузой, дублирующей первую, и тем самым подчеркнуть его. В рассматриваемых высказываниях обычная предрематическая пауза исключена, поскольку тема нулевая, а дополнительная возможна, так как рема неоднословна. Таким образом, перед нами факультативная пауза, дублирующая предрематическую, и ее роль можно трактовать как компенсацию отсутствия обычной предрематической паузы, что приближает высказывание с нулевой темой к более привычной для носителя русского языка интонационной модели с двумя коммуникативно значимыми акцентами и паузой, подчеркивающей расчлененность.

Отметим, что пауза не является обязательной чертой индивидуальной интонации конкретного чтеца. В следующем примере, также произнесенном Е. А. Лубны-Герцык, пауза отсутствует. Следует учесть также семантическое отличие (10) от (9): *Появились корабли* — это событие, тогда как *Прошли годы* — лишь информирование адресата о продвижении повествования по линии времени: мера рематичности компонента *корабли* очевидным образом выше меры рематичности компонента *годы*.

- (10) «*Прошли годы. Обстановка меняется / отношение тоже. Мы узнаём друг друга лучше. И происходит интересная встреча в рейсе на корабле «Курчатов» / когда мы зашли... зашли в Сенегал — это Америка ээ Африка и город Дакар*» (Е. А. Лубны-Герцык).

На первом слове высказывания *Прошли годы* (рис. 10) происходит эхо-тематический подъем (300–394 Гц, крутизна подъема 31,3%). На втором слове наблюдаем резкое падение тона (226 Гц, крутизна падения 74,3%). На заударном слоге слова *годы* падение завершается (207 Гц).

подавляющее число примеров в нашей выборке построено по следующей модели: на глаголе-сказуемом подъем, за ним следует нисходящий постцентр; на

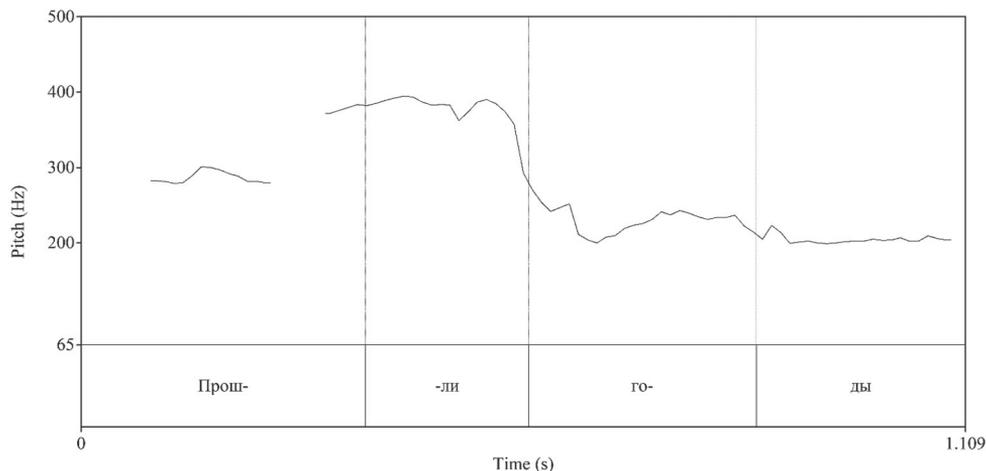

Рисунок 10. *Прошли годы* (Е. А. Лубны-Герцык)

существительном-подлежащем частота основного тона резко или постепенно снижается. Однако в выборке встречается смещение подъема вправо, то есть со сказуемого на подлежащее (см. рис. 11–12).

- (11) *«Началась война. Я учился в Кутаиси в русской школе. А в Москве параллельно с занятиями в первом классе нормальной школы я занимался в первом классе фортепиано. А в Кутаиси была русская школа и там была музыкальная школа / и поэтому я там мог одновременно продолжать заниматься музыкой»* (Г. А. Багатурия).
- (12) *«Ну, как вы знаете, белые там были очень недолго. Вернулись красные. Дяде пришлось бежать. Он бежал со всей своей семьей, довольно удачно, уехал на Кавказ и жил там под чужим именем в Армавире. И жил довольно долго. Все было хорошо»* (М. Б. Бахтин).

В пределах словоформы *началась* (рис. 11) происходит подъем на предцентре со 151 до 161 Гц (крутизна подъема 6,6%), затем незначительный спуск на ударном слоге (159 Гц, крутизна падения 1,2%). На предударном слоге сказуемого *война* продолжается падение тона до 134 Гц (крутизна падения 42,5%), центр характеризуется подъемом (191 Гц, крутизна подъема 42,5%).

На тонограмме высказывания *Вернулись красные* (рис. 12) наблюдаем похожее движение тона. Ударный слог характеризуется незначительным подъемом (со 144 Гц до 147 Гц, крутизна подъема 2%), после которого частота основного тона значительно уменьшается (до 97 Гц, крутизна падения 51,5%). Словоформа *красные* маркируется повышением тона на ударном слоге до 168 Гц (73,2%) и падением на заударном — 130 Гц (крутизна падения 29,2%).

На обеих тонограммах (рис. 11–12) видим технический подъем на сказуемом и падение тона на его заударном слоге, после которого на ударном слоге сущест-

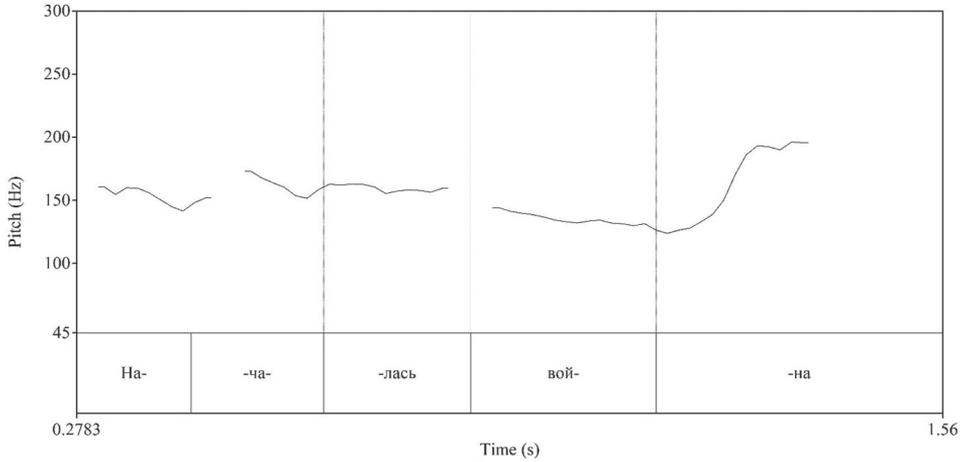

Рисунок 11. *Началась война* (Г. А. Багатурия)

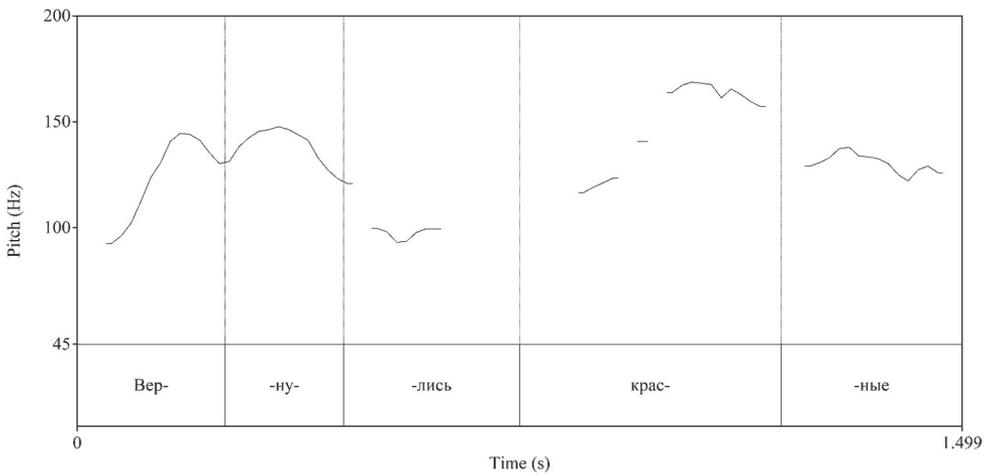

Рисунок 12. *Вернулись красные* (М. Б. Бахтин)

вительного-подлежащего частота основного тона значительно увеличивается. Такое движение на конечном слове характерно для ИК-3 со значением незавершенности.

В обоих примерах (11–12) рассматриваемые предложения выполняют интродуктивную функцию: они называют начальное событие, причину новой ситуации, представленной в последующем текстовом фрагменте. Это означает, что интонационное оформление примеров (11–12) при помощи ИК-3 на конечном слове обусловлено не только спонтанным характером речи (оба примера взяты из интервью), но и их дискурсивной несамостоятельностью: ИК-3 подчеркивает значение незавершенности, прогнозирует продолжение повествования.

- (13) «... электромагнитные взаимодействия и слабые взаимодействия — это разные аспекты одного и того же более общего взаимодействия. Возникло объединение. Теперь это именуется “электрослабые взаимодействия”. Наконец / возникает теория великого объединения...» (В. Шелест).

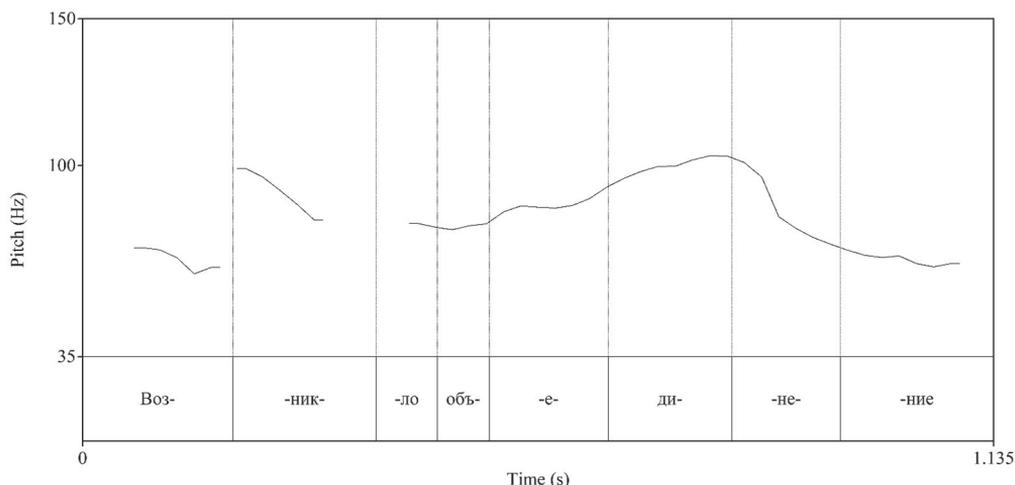

Рисунок 13. *Возникло объединение* (В. Шелест)

Смещение подъема вправо наблюдаем и в примере (13). Как и в предыдущих случаях, первое слово *возникло* маркируется повышением тона на ударном слоге, однако такой подъем не является техническим: его крутизна равна 33,8%. На ударном слоге *-ло* происходит падение тона (до 79 Гц, крутизна падения 15,2%). Движение тона следующего слова начинается практически на той же высоте (83 Гц), достигает 103 Гц на ударном слоге (крутизна подъема 24%) и завершается падением на постцентре (70 Гц, крутизна падения 47,1%).

Такое движение тона обусловлено функцией предложения *Возникло объединение*: оно выполняет роль интродукции для правого контекста и является финально-результатирующим для левого, т. е. сообщает результат развертывания ситуации.

Появление эхо-тематического подъема обусловлено не столько типом коммуникативной ситуации и ролью предложения в тексте, сколько индивидуальными стратегиями интонационного оформления. Прямая связь между типом подъема и ролью высказывания в тексте (дискурсе) отсутствует. Тип коммуникативной ситуации необязательно определяет стратегию интонационного оформления: эхо-тематический подъем может появиться как в публичной, так и в непубличной речи. Разнообразие интонационного оформления предложений типа *Наступила весна* требует дальнейшего изучения: в частности, заслуживает более подробного рассмотрения на более широком материале вопрос об интонационном оформлении изучаемых высказываний в конкретной текстовой функции.

Литература

Дымарский М. Я. Элиминация темы и постулат о базовом порядке слов в русском языке // Труды Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Вып. 13. Культура русской речи. М., 2017. С. 230–237.

Дымарский М. Я., Копосова М. Р. К интонационному оформлению так называемых нерасчлененных высказываний // Сибирский филологический журнал. 2024. № 3. С. 261–278.

Каспарова М. Г. О речевой паузе // Исследование языка и речи. Уч. зап. МГПИИЯ им. М. Тореца. № 60. М., 1971. С. 146.

Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976. 239 с.

Потанова Р. К., Блохина Л. П. Средства фонетического членения речевого потока в немецком и русском языках. М., 1986. 115 с.

Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008. 312 с.

M. Ya. Dymarskii

*Herzen State Pedagogical University of Russia
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
(Russia, St. Petersburg)
dym2005@list.ru*

M. R. Kopusova

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(Russia, St. Petersburg),
koposovamr@gmail.com*

ECHO-THEMATIC ACCENT IN THE SO CALLED UNDIVIDED (THETIC) SENTENCES

The paper considers the intonation design of the statements similar to *Nastupila vesna* ‘Spring has come’, which are traditionally treated as undivided (“thetic”), that is, consisting of only rheme. The material for the article was obtained by sampling fragments containing statements of the type under study from the Spoken subcorpus of the Russian National Corpus. The analysis using instrumental methods shows that the intonation design of such statements in non-public speech does not differ from the actor’s intonation design of the statements from a literary text. It is shown that this lift differs significantly from the well-known “automatic”, or technical, lift and, in terms of its characteristics, approaches IK-3 or coincides with it. It is argued that the echo-thematic rise is not due to the formal characteristics of the sentence, but to an individual intonation design strategy.

Key words: “undivided” utterance (thetic sentence), zero theme, pitch rise, technical rise, thematic accent, echo-thematic accent, Spoken subcorpus.

References

Dymarsky M. [Topic elimination and the postulate about the basic word order in the Russian language]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. Vol. 13. *Kul'tura russkoy rechi*. Moscow, 2017, pp. 230–237. (In Russ.)

Dymarsky M., Kuposova M. [Towards the intonation design of the so-called unsegmented (thetic) sentences]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. 2024, no. 3, pp. 261–278.

Kasparova M. G. [About the speech pause]. *Issledovanie yazyka i rechi. Uchenye zapiski MGPIIYa im. M. Toreza*, no. 60, 1971, p. 146. (In Russ.)

Potapova R. K., Blokhina L. P. *Sredstva foneticheskogo chleneniya rechevogo potoka v nemeczkom i russkom yazykax* [Means of phonetic division of the speech stream in German and Russian]. Moscow, 1986, 115 p.

Kovtunova I. I. *Sovremenniy russkij yazyk: Poryadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniya* [Modern Russian language: Word order and functional sentence perspective]. Moscow, 1976, 239 p.

Yanko T. E. *Intonacionnye strategii russkoj rechi v sopostavitel'nom aspekte* [Russian speech intonation strategies in comparative aspect]. Moscow, Yazyiki slavyanskih kultur Publ., 2008. 312 p.

С. В. Дьяченко

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

svet-lan-a@list.ru

ВОКАЛИЗМ ПРИСТАВОК И ПРОКЛИТИК В РУССКИХ ГОВОРАХ С ЯКАНЬЕМ¹

В статье рассматриваются особенности системы предударных гласных в приставках, предлогах и частице *не* в русских говорах с яканьем, то есть модели внутреннего сандхи (стыка морфем) и внешнего сандхи (стыка служебных и знаменательных слов).

Помимо сильного и умеренного яканья, принято выделять семь типов диссимилятивного яканья: три «прямых» системы и четыре «косых», а также типы, устроенные смешанным образом: диссимилятивно-умеренные, ассимилятивно-диссимилятивные и др. В результате анализа материала из говоров с разными типами диссимилятивного яканья, диссимилятивно-умеренным, умеренным и ассимилятивно-диссимилятивным яканьем удалось выяснить, что пограничных сигналов, связанных с особым произношением гласных в приставках, предлогах и отрицательной частице и свидетельствующих о морфемных швах и стыках предлогов и отрицаний со знаменательными словами, в системе говоров с архаическими типами и жиздринским типом диссимилятивного яканья (то есть с «прямыми» системами) обычно нет. Напротив, в говорах, где представлены «косые» диссимилятивные системы (щигровский, суджанский, дмитриевский типы яканья), а также в говорах с умеренным, диссимилятивно-умеренным и ассимилятивно-диссимилятивным типами яканья пограничные сигналы в той или иной степени выражены.

Ключевые слова: русские диалекты, фонетика, яканье, приставки, проклитики.

0. Введение

Яканье — тип предударного вокализма, при котором гласные неверхнего подъема в первом предударном слоге после мягких согласных хотя бы в части позиций совпадают в звуке [а] [Касаткин (ред.) 2005: 43]. В зависимости от того, в каких именно позициях происходит это совпадение, выделяются многочисленные разновидности яканья в русских говорах. Самый простой случай характеризуется

¹ Автор благодарит И. Б. Иткина, С. В. Князева и А. В. Тер-Аванесову за замечания к первоначальному варианту текста статьи, которые способствовали ее значительному улучшению.

совпадением в звуке [а] фонем неверхнего подъема после мягких согласных в первом предударном слове вне зависимости от дополнительных условий — такое яканье называется сильным; если же совпадение происходит в части позиций (то есть не охватывает всех случаев, когда фонемы неверхнего подъема оказываются в первом предударном слове после мягкого согласного), то наряду с [а] может произноситься предударный гласный [и], реже [е]. Распределение [а], [и] и [е] может быть связано с ударным гласным (диссимилятивные и ассимилятивно-диссимилятивные типы яканья) и/или с твердостью/мягкостью следующего за предударным гласным согласного (умеренное яканье, диссимилятивно-умеренное и др.). Принято выделять семь разновидностей диссимилятивного яканья (таблица взята из [Нефедова (ред.) 2005: 26]):

Типы диссимилятивного яканья

Гласный 1-го предударного слога	Ударные гласные						
	[и] [у]	[и] [у]	[и] [у]	[и] [у]	[и] [у]	[и] [у]	[и] [у]
[а]	[ê] [ô]	[ê] [ô]	[ê] [ô]	[ê] [ô]	[ê] [ô]	[ê] [ô]	[ê] [ô]
[и]	[e] [ʼo] [o]	[e] [ʼo] [o]	[e] [ʼo] [o]	[e] [ʼo] [o]	[e] [ʼo] [o]	[e] [ʼo] [o]	[e] [ʼo] [o]
Тип яканья	архаический	щигровский	суджанский	мосальский	дмитриевский	жиздринский	донской

Как видно из таблицы, три из семи типов (архаический, жиздринский и донской) характеризуются тем, что предударный гласный одинаково реагирует на ударные гласные одного и того же подъема. В таблице это показано с помощью прямой линии, разделяющей ударные гласные ровно по границе между подъемами: при архаическом типе эта линия проходит между ударными гласными верхне-среднего ([ê] и [ô]) и среднего ([e], [ʼo] и [o]) подъемов, при жиздринском — между ударными среднего ([e], [ʼo] и [o]) и нижнего ([а]) подъемов, при донском — между ударными верхнего ([и], [у]) и верхне-среднего ([ê], [ô]) подъемов. Эти типы диссимилятивного яканья Е. В. Шаульский и С. В. Князев назвали «прямыми» [Шаульский, Князев 2005: 10]. Остальные типы диссимилятивного яканья (щигровский, суджанский, мосальский и дмитриевский) предполагают разную реакцию предударных гласных на ударные гласные одного и того же подъема. В таблице это показано с помощью ломаной линии, разделяющей те ударные гласные,

перед которыми произносится предупредный [а], и те, перед которыми произносится предупредный [и]. Например, в щигровском типе эта линия проходит так, что к гласным верхне-среднего подъема примыкает гласный среднего подъема [о], перед которым тоже произносится предупредный [а]. Такие типы в [Шаульский, Князев 2005: 10] называются «косыми».

Яканье того или иного типа регулярно проявляется в разных частях слова как внутри морфем, когда и первый предупредный, и ударный слоги являются частями одной морфемы: *б[’а]рѣза* — внутри корня, *вс[’а]го* — внутри окончания; так и на их стыках, когда первый предупредный гласный оказывается в одной морфеме, а ударный — в другой: *пол[’а]вой* — стык суффикса и окончания, *в[’а]сной* — стык корня и окончания. При этом в содержащих фонемы неверхнего подъема после мягких согласных приставках типа *без-, пере-, пре-, пред-*, предлогах типа *без, перед, через* и отрицании *не* как в роли частицы, так и в роли приставки (*без дела, передвинуть, не знаю, немного* и под.) в говорах возможны разные ситуации²: 1) может проявляться тот же тип яканья, что и в других морфемах; 2) может проявляться иной тип яканья; 3) яканьем могут быть охвачены только приставки, а предлоги и отрицание — нет; и, наконец, 4) яканья может не быть ни в приставках, ни в предлогах, ни в отрицании, тогда как в других морфемах оно есть. Таким образом, в русских диалектах с яканьем представлены разные модели внутреннего сандхи (стыка морфем) и внешнего сандхи (стыка служебных и знаменательных слов). Этой проблеме посвящена данная работа.

Надо заметить, что при таком разнообразии вариантов оформления сандхи при яканье позиции стыков предлогов и знаменательных слов, приставок и следующих за ними морфем при аканье (то есть после твердых согласных) во всех акающих говорах никогда не отличаются от позиций внутри слов или морфем. Иными словами, если в говоре представлен жиздринский тип диссимилятивного аканья, то в предлогах и приставках, содержащих гласный неверхнего подъема после твердого согласного в первом предупредном слоге, выдерживается та же система — диссимилятивное жиздринское аканье, то есть на месте фонем неверхнего подъема произносится предупредный гласный [а], если под ударением гласные верхнего или среднего подъема (*н[а]д будку, н[а] двор, к[а] всем*), и гласный [ъ], если под ударением [а] (*нр[ъ] нас, с[ъ] свахой*).

1. Теоретические основания исследования

Вопросу о том, как выражаются разграничительные сигналы на стыках морфем и слов (в том числе служебных и знаменательных), посвящена большая литература, которая начинается с труда [Трубецкой 1939/1960], где было впервые введено

² Впервые на эту особенность обратила внимание К. Ф. Захарова: «[X]арактер вокализма предлогов, приставок и отрицательных частиц различен при разных типах яканья, тогда как, казалось бы, возможность обобщения произношения этих слов с одним гласным при многих типах яканья одинаковая. <...> [O]бобщение произношения этих слов с тем или иным гласным независимо от качества ударенной гласной имеет связь с типом яканья и с общим направлением характерных отступлений от него» [Захарова 1970: 25–26].

понятие пограничных сигналов — «средств, которые в определенном пункте непрерывного звукового потока сигнализируют о наличии или отсутствии границ слова или морфемы» [Трубецкой 1939/1960: 285]. Большой вклад в развитие теории пограничных сигналов на материале русского литературного языка внес М. В. Панов, которому принадлежит термин «диерема» — особая фонетическая единица, обозначающая функционально значимую возможность особых сочетаний на границах значимых единиц; диерема относится к суперсегментным единицам [Панов 1967: 167–169]. Значительная роль в разработке учения о делимитации морфем и слов как с точки зрения описания поведения конкретных фонем в разных сандхиальных позициях, так и с точки зрения теоретической интерпретации этих явлений принадлежит М. Л. Каленчук, см. [Каленчук 1986; 1999; 2007; 2008; 2018; Каленчук, Касаткина 2008]. Ею вводится понятие делимитативной позиции, под которой понимается особого рода фонетическая позиция, знаменующая собой стык между значимыми единицами языка (морфемами и словами). Соответственно, делимитативно сильная позиция — это «позиция, находясь в которой фонема выполняет делимитативную функцию, т. е. позволяет разграничить слова и морфемы. Находясь в делимитативно сильной позиции, фонемы реализуются такими звуками, которые маркируют границы между значимыми единицами языка, говоря иначе, фонемы реализуются не так, как они реализовались бы при тех же условиях произношения не в сандхи, а в середине значимой единицы». Делимитативно слабая позиция — «позиция стыка между значимыми единицами языка, в которой делимитация не осуществляется, фонемы ведут себя одинаково и внутри значимых единиц, и на их границах, пограничный сигнал не “работает”». Таким образом, согласно М. Л. Каленчук, пограничный сигнал — это «результат реализации фонемы в делимитативно сильной позиции», а в делимитативно слабой позиции «происходит нейтрализация сандхиальных и несандхиальных закономерностей» [Каленчук 2018: 75–76].

М. Л. Каленчук принадлежат проведенные на материале русского литературного языка детальные исследования явлений, которые наблюдаются на стыках морфем, а также на стыке служебных и самостоятельных слов. При этом стык приставки и основы характеризуется определенной спецификой: гласные и согласные фонемы, входящие в состав приставок, могут вести себя особым образом, реализуясь не так, как те же фонемы в других морфемах. Приставки имеют иной статус по сравнению с другими морфемами, поскольку совмещают в себе свойства аффикса и самостоятельного слова. Это связано с универсальностью значения приставок, близостью их семантики к семантике предлогов, частиц и наречий, их структурной самостоятельностью в составе слова [Каленчук, Касаткина 1999: 1]. Вывод об особом статусе приставок основан на анализе ряда фонетических особенностей, наблюдаемых на стыке приставки и корня в русском литературном языке [Каленчук 1999: 74–76; Каленчук, Касаткина 1999: 2–3]. Служебные слова также представляют особую произносительную систему и не всегда подчиняются закономерностям, проявляющимся в словах знаменательных частей речи. Примыкая к знаменательным словам, имея с ними единое ударение, служебные слова все-таки не полностью сливаются с ними в одно фонетическое слово, они

«стремятся “подчеркнуть” свою лексическую и грамматическую самостоятельность другими звуковыми средствами» [Каленчук 2007: 224]. Иными словами, звуковое оформление русских предлогов во многом определяется их стремлением функционировать как самостоятельное фонетическое слово, а не как его составная часть [Каленчук 2007: 225–229].

2. Анализ материала

Для данного исследования использовались следующие основные источники: диссертация [Захарова 1970], хрестоматия по южнорусским говорам [Касаткина (ред.) 1999], монография [Савинов 2013], рукописные материалы, собранные для Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ), часть которых приведена в [Дьяченко 2021], собственные экспедиционные материалы автора, а также данные ряда статей, цитируемых далее.

Материал, который дают русские якающие диалекты, позволяет дополнить набор моделей делимитации морфем и слов, характерный для русского литературного языка. Рассмотрим эти данные, расположив их в порядке возрастания степени выраженности пограничных явлений.

2.1. Говоры с диссимилиативным яканьем архаического (обоянского) типа

Диссимилиативный принцип обоянского архаического яканья обычно распространяется и на предударные гласные в приставках, предлогах и отрицании. Соответствующий материал представлен в [Захарова 1970: 35–37], а также в [Захарова 1959: 12–13, 19–20]. Речь здесь идет о говорах «с последовательным архаическим типом диссимилиативного яканья», это говоры Белгородской обл.: д. Прилепы Чернянского р-на (512³), с. Оскольское Ново-Оскольского р-на (516), с. Большая Яруга Ново-Оскольского р-на (517) и говор Воронежской обл. — с. Веретье Острогожского р-на (540). Такая же картина обнаруживается в говоре с. Татарино Каменского р-на Воронежской обл.; материалы обследования по программе ДАРЯ (в сам ДАРЯ не вошедшие), а также материалы дополнительного обследования в 2010 г. см. в [Дьяченко 2021: 33–36, 40–42]. К. Ф. Захарова приходит к заключению, что «наличие единой системы предударного вокализма как в значимых словах, так и в предлогах, приставках и отрицательных частицах говорит о том, что в данных говорах диссимилиативный тип яканья является живой действующей фонетической закономерностью и что обоянский тип диссимилиативного яканья основывается на имеющемся в этих говорах особом произношении двух *o* и различии *é* и *e*» [Захарова 1970: 37].

В белгородских говорах с. Заячье Корочанского р-на (499), с. Белый Колодезь Больше-Троицкого р-на (518), с. Цепляево Больше-Троицкого р-на (522), с. Лавы Валуйского р-на (529), д. Проточное Ново-Оскольского р-на (537), судя по материалам

³ Цифра в скобках обозначает номер населенного пункта, который был ему присвоен во время обследования для ДАРЯ. Именно материал, полученный при этом обследовании, использовался в [Захарова 1970].

ДАРЯ, проанализированным в [Захарова 1970: 45–49], и в говоре г. Обоянь Курской губ. и его окрестностей, материалы по которому были собраны этнографом А. С. Машкиным в середине XIX в. и проанализированы в [Васильев 1904: 345–347], обоянский тип диссимилятивного яканья не столь последователен: встречаются случаи произношения гласного *a* перед *o* и *e* из **ъ*, **e*, **ь*. На этом основании Л. Л. Васильев делает вывод о том, что во время записи А. С. Машкиным в этом говоре фонетических различий между двумя *E* и двумя *O* разного происхождения уже не существовало. В случае полной замены предударного [и] предударным [а] перед ударными гласными среднего подъема обоянский тип яканья в этих говорах заместится жиздринским. В предлогах, приставках и отрицании наблюдаются те же нарушения системы обоянского типа диссимилятивного яканья, что и в прочих позициях, — случаи произношения гласного *a* перед *o* и *e* из **ъ*, **e*, **ь*. Таким образом, интересующие нас позиции предударных гласных в приставках, предлогах и отрицании не отличаются от позиций внутри морфем.

Однако в некоторых говорах с обоянским яканьем встречается иная ситуация, когда приставки, предлоги и отрицание оформляются иначе, чем прочие морфемы, и в них всегда произносится либо предударный [и] после мягкого согласного, либо предударный [а]. Есть сведения только о двух таких говорах: говоре д. Щигоревка (521) Шебекинского р-на Белгородской обл. [Захарова 1970: 62] и говоре д. Гнездиловка Беленихинского р-на Курской обл. [Захарова 1970: 110–111].

2.2. Говоры с диссимилятивным яканьем архаического (задонского) типа

В говорах с задонским архаическим яканьем диссимилятивный принцип выдерживается и в произношении предлогов, приставок и отрицаний. Примером являются говоры с. Стадница Ведугского р-на Воронежской обл., см. материал в [Захарова 1970: 88], с. Роговатое Старооскольского района Белгородской обл., см. материал в [Дьяченко 2021: 138–150].

Таким образом, **пограничных сигналов, связанных с особым произношением гласных в приставках, предлогах и отрицательной частице и свидетельствующих о морфемных швах и стыках предлогов и отрицаний со знаменательными словами, в системе говоров с архаическими типами яканья обычно нет.**

2.3. Говоры с диссимилятивным яканьем жиздринского типа

Жиздринское диссимилятивное яканье представлено в приставках, предлогах и отрицании так же, как и внутри морфем. Примером могут служить говоры д. Сельцо-Кольцово Мосальского р-на Калужской обл.: *n'ea žed'it⁴*, *n'ea sl'is'it'*, *b'az ūst'li*, *n'a d'uz'ž*, *n'e p'omn'u*, *b'as t'exn'ik'u*, *n'a d'eržut'* — *n'i br'al*, *n'i zn'al*, *n'i st'al*, *n'i k'az'd'it'* [Касаткин 1999: 443], д. Шаталово Починковского р-на Смоленской обл.: *na būdu⁵*, *niamn'oška*, *niamm'oč*, *pirjaž'it'* и т. д. [Касаткина (ред.)

⁴ В работе о мосальских говорах [Касаткин 1999] примеры приводятся в латинской транскрипции, в нашей работе она заменена на кириллическую.

⁵ Упрощенная транскрипция источника здесь и далее сохранена.

1999: 16–17], с. Тубольцы и д. Малое Староселье Почепского р-на Брянской обл.: *нямнóжскъ, ня прýйдя, ня йдѣть, но ни знáю, ни жáль* [Касаткина (ред.) 1999: 27–30], д. Княжое-1 Починковского р-на Смоленской обл. [Дьяченко, Пронина, Князев 2024].

Таким образом, **в говорах с жиздринским диссимилятивным яканьем не выражены пограничные сигналы на стыках морфем, а также предлогов и отрицания со знаменательными словами.**

2.4. Говоры с диссимилятивным яканьем щигровского типа

Поведение приставок и предлогов в говоре с щигровским типом яканья впервые было описано в [Селищев 1968], где рассматривался вокализм с. Волово Ливенского у. Орловской губ.: «Отметим прежде всего префиксы с гласным *e* (*пере-, без-, через-*): находясь непосредственно перед ударяемым слогом, они нередко представляют гласный *'а* вместо *и* (перед ударн. слогом с *e, 'о*), по сходству с тем положением, когда за этими префиксами следовал слог с удар. *у, о, ы, ъ, и*: *пир'ам'от, пир'ан'ос, пир'ат'ор; чир'асвѣрх* (= верхом), *чир'ашшэжу* (= через шею), *чир'аз-б'орда, б'аз-д'ѣн'ах, б'аздѣнижнај*. Но перед слогом с удар. *а* (после мягкого и твердого согласного) — результат диссимилятивного яканья *и*: *пирин'ат', пиридат', пиришла, пирис'аду, чириз-јáму, чиризлáвку, биспáлај* (= без пальцев), *биз мáтири, биз бáби*» [Селищев 1968: 419]. Иными словами, в приставках и предлогах реализуется система жиздринского яканья, а не щигровского, как в других морфемах. То же по отношению к говорам с щигровским яканьем отмечено в [Захарова 1970: 199–200], а также в [Савинов 2013: 200, 205, 208] по отношению к говору д. Присынок Губкинского р-на Белгородской обл. с переходным обоянско-щигровским яканьем и говору нескольких хуторов Верхнедонского р-на Ростовской обл. с последовательным щигровским яканьем. Д. М. Савинов замечает также, что в этих говорах система яканья в проклитиках «полностью соответствует вокалической модели после твердых согласных (жиздринское диссимилятивное аканье)» [Савинов 2013: 205].

Таким образом, **в говорах с щигровским типом диссимилятивного яканья пограничные сигналы на стыках приставок и корней, предлогов и отрицания и знаменательных слов выражаются в том, что перед ударными гласными [e] и [ʼo] произносится гласный [a], если он в приставках или проклитиках, и гласный [и], если он в любой иной позиции.**

2.5. Говоры с диссимилятивным яканьем суджанского и дмитриевского типов

В говорах с суджанским яканьем, таких как говор с. Лески Беленихинского р-на Белгородской обл. (494), система вокализма которых «несомненно связана в качестве исходного типа с системой обоянского яканья, но с известными отступлениями, которые в целом характерны для перехода к суджанскому типу яканья» [Захарова 1970: 73], приставки, предлоги и отрицание имеют тенденцию произноситься с предупредным гласным [и] независимо от ударного гласного [Савинов 2013: 214], при этом предупредный [и] чаще отмечается в предлогах и отрицательной частице,

чем в приставках, см. [Захарова 1970: 278–280]. То же наблюдается в говоре д. Анненково Фатежского района Курской области с суджанским яканьем как основной вокалической системой: только предупредный [и] отмечен в приставках, предлогах и отрицании: *бизвінна, ни відирниши, ни дужь, ни кáжнь, ни лáдильсь, ни ста́ли* (исключение — *нямно́шкь*) [Касаткина (ред.) 1999: 61–67].

Более редкая картина наблюдается в говоре д. Берно Мосальского р-на Калужской обл., характеризующемся суджанским яканьем, где предлоги и отрицательная частица в систему яканья не включены: если они содержат первый предупредный слог, в нем всегда произносится *и*-образный звук, — приставки же, напротив, произносятся в соответствии с правилами суджанского яканья, то есть в них возможен предупредный [а] перед ударными гласными верхнего подъема и [о], кроме [’о] [Дьяченко, Колесникова, Пилипец 2024].

Особое поведение предлогов типа *без, через*, приставки *пере-* и отрицания в говорах с суджанским яканьем отмечал еще Н. Н. Дурново в работе [Дурново 1917: 75].

Говоры с дмитриевским яканьем, обследованные Д. М. Савиновым, характеризуются произношением только предупредного [и] в приставках и проклитиках [Савинов 2013: 213].

Таким образом, **в говорах с суджанским и дмитриевским типами диссимилятивного яканья сандхиальные сигналы выражаются в том, что перед ударным [о] любого происхождения (при суджанском) или из **ω* (при дмитриевском) в проклитиках и приставках или только в проклитиках наблюдается произношение предупредного [и].**

2.6. Говоры с диссимилятивно-умеренным и умеренным яканьем

В говорах с диссимилятивно-умеренным яканьем архаической разновидности, расположенных на северо-западе Орловской, западе Тульской, юго-востоке Калужской обл., «гласный [и] независимо от твердости/мягкости следующего согласного произносится в приставках, предлогах и частицах, находящихся в позиции 1-го предупредного слога» [Савинов 2013: 247]. То же наблюдается в говорах с диссимилятивно-умеренным яканьем, расположенных вокруг Чухломского озера [Бурова, Касаткин 1977: 72; Дьяченко, Пронина, Князев 2024], а также в широком ареале распространения говоров с умеренным яканьем [Савинов 2013: 255].

Таким образом, **в этих говорах пограничные сигналы выражаются в возможности произношения предупредного [и] перед твердыми согласными, если он находится в предлоге, отрицании или приставке.**

2.7. Говоры с ассимилятивно-диссимилятивными типами яканья

В говорах с ассимилятивно-диссимилятивными типами яканья (новосёлковским или кидусовским) приставки, предлоги и отрицательная частица обычно образуют особую подсистему, в которой последовательно представлено сильное яканье, то есть вне зависимости от ударного гласного всегда произносится предупредный [а] [Савинов 2013: 285; Касаткина (ред.) 1999: 136; Дьяченко, Малышева 2014: 283].

Таким образом, в говорах с ассимилятивно-диссимилятивными типами яканья пограничные сигналы на стыках приставок и корней, предлогов и отрицания и знаменательных слов выражаются в произношении предударного [а] перед любыми ударными гласными среднего подъема.

Отдельного упоминания заслуживает говор д. Бояновичи Хвастовичского р-на Калужской обл. В хрестоматии [Касаткина (ред.) 1999] этот говор представлен текстами 6–7, в комментарии к которым предударный вокализм после мягких согласных охарактеризован как ассимилятивно-диссимилятивное яканье, переходящее в иканье (то есть перед ударным [а], перед ударными гласными верхнего подъема и *ω* произносится [а] или [е], перед другими гласными — [и], причем [и] бывает и в тех позициях, которые в соответствии с данной системой предполагают [а]). Вокализм приставок, предлогов и *не* в целом соответствует этому описанию: *перейти́ть, перейде́ть, нямно́шкь, не б́удить, нито́рныи, ни мэ́читца, ни пря́тъица* [Касаткина (ред.) 1999: 34–35].

В соседней с Бояновичами д. Нехочи также наблюдается сложная система предударного вокализма, предполагающая разные предударные гласные перед двумя разными *о* и [и] перед мягкими согласными (А. В. Тер-Аванесова, устное сообщение), но в частице *не* в 1-м предударном слого представлено [и]: *н'и б́уд'иш, н'и б́уду, н'и жы́л'и, н'и ло́шкът', н'и то́ штъ, н'и хо́щъ, н'и зна́у, н'и ра́с, н'и хва́т'ит', н'и зна́ла, н'и зна́иш, ни на́да, н'и да́т', н'иха́й*; также только [и], по-видимому, представлено в приставках: *б'изу́мнаи*.

3. Заключительные размышления

Соотношение типа яканья в говоре и вокализма в приставках и проклитиках может быть обобщенно представлено в виде следующей таблицы:

Основная система	В приставках и проклитиках
<i>архаическое яканье</i>	<i>архаическое яканье</i>
<i>жиздринское яканье</i>	<i>жиздринское яканье</i>
<u>щигровское яканье</u>	<u>жиздринское яканье</u>
суджанское яканье	только предударный [и]
дмитриевское яканье	только предударный [и]
диссимилятивно-умеренное яканье	только предударный [и]
умеренное яканье	только предударный [и]
ассимилятивно-диссимилятивное яканье	только предударный [а] / только предударный [и]

На основании этих данных можно сделать следующие выводы.

1. Пограничные сигналы в якающих говорах могут быть не выражены, если реализация гласных фонем неверхнего подъема в приставках, предлогах и отрицании в них ничем не отличается от их реализации внутри морфем. Такая ситуация наблюдается только в тех из рассмотренных говоров, где предударный вокализм

представлен диссимилятивным архаическим или жиздринским типами (в таблице выше соответствующие строки выделены курсивом). И в том, и в другом случае мы имеем дело с системами, в которых предударный гласный одинаково реагирует на разные гласные одного подъема ([а] перед верхне-средними ударными и [и]/[е] перед средними ударными при архаическом и [а] перед всеми средними ударными и [и] перед [а] при жиздринском яканье). Иначе говоря, это «прямые» диссимилятивные системы.

2. В говорах, где диссимилятивная вокалическая система такова, что предударный гласный по-разному реагирует на ударные гласные одного и того же подъема (щигровское, суджанское, дмитриевское яканье), то есть тех, где представлены «косые» диссимилятивные системы, а также в говорах с умеренным, диссимилятивно-умеренным и ассимилятивно-диссимилятивным типами яканья пограничные сигналы, наоборот, в той или иной степени выражены: чаще всего в приставках и проклитиках произносится либо только предударный [и], либо только предударный [а]. Любопытно при этом, что в говорах с щигровским яканьем — «косой» системой — оформление приставок и проклитик соответствует жиздринскому яканью — «прямой» системе (в таблице выше соответствующая строка подчеркнута).

На настоящий момент в нашем распоряжении, к сожалению, нет достаточных сведений о том, как произносятся приставки и проклитики в говорах с донским яканьем («прямая» диссимилятивная система) и в говорах с мосальским яканьем («косая» диссимилятивная система). Как представляется, соответствующие данные могли бы подтвердить (или опровергнуть) наше заключение.

Литература

Бурова Е. Г., Касаткин Л. Л. Чухломское аканье // Диалектологические исследования по русскому языку. М.: Наука, 1977. С. 64–85.

Васильев Л. Л. Гласные в слогe под ударением в момент возникновения аканья в обоянском говоре // Известия ОРЯС, т. 9, кн. 1, 1904. С. 336–355.

Дурново Н. Н. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров: Ч. 1. Южновеликорусское наречие: Вып. 1. М.: Синодальная тип., 1917. 224 с.

Дьяченко С. В. Инструментально-фонетическое исследование вокализма южнорусского говора в ареальном контексте. Приложения к дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук. М., 2021. 218 с.

Дьяченко С. В., Колесникова А. Б., Пилипец П. А. Предударный вокализм мосальских говоров: история и современность // Русский язык в научном освещении, № 1 (47), 2024. С. 96–130.

Дьяченко С. В., Мальшиева А. В. Отчет об экспедиции в д. Деулино Рязанского района Рязанской области // Русский язык в научном освещении, 2014, № 2 (28). С. 282–296.

Дьяченко С. В., Пронина М. К., Князев С. В. Диссимилятивный вокализм: три говора // Russian Linguistics, 48, 10 (2024). [Электронный ресурс]. <https://link.springer.com/article/10.1007/s11185-024-09294-3> (дата обращения: 02.09.2024)

Захарова К. Ф. Архаические типы диссимилятивного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей // *Материалы и следования по русской диалектологии*. Новая серия. Т. I / Отв. ред. Р. И. Аванесов, В. Г. Орлова. М., 1959. С. 6–55.

Захарова К. Ф. Типы диссимилятивного яканья. Дис. на соискание ... канд. филол. наук. М., 1970. 338 с.

Каленчук М. Л. Делимитация значимых единиц русского языка с помощью фонетических средств // *Вопросы языкознания*, 2018, № 4. С. 74–81.

Каленчук М. Л. Особенности произношения русских предлогов // *Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина* / Под ред. Е. А. Земской и М. Л. Каленчук. М., 2007. С. 224–230.

Каленчук М. Л. Особенности реализации согласных фонем на стыках морфем в современном русском литературном языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1986. 208 с.

Каленчук М. Л. Служебные слова: взаимодействие фонетики и грамматики // XIV Международный съезд славистов: Доклады российской делегации. М., 2008. С. 293–304.

Каленчук М. Л. Фонетика и словообразование // *Язык. Культура. Гуманитарное знание*. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. М., 1999. С. 73–78.

Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. Особенности звукового оформления русских приставок // *Russian Linguistics*, 1999, № 23. С. 1–9.

Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999. 528 с.

Касаткин Л. Л. (ред.). Русская диалектология: Учебник для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, О. Г. Гецова и др.; под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 288 с.

Касаткина Р. Ф. (ред.). Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / Под ред. Р. Ф. Касаткиной. М.: Наука, 1999. 207 с.

Нефедова Е. А. (ред.). Русская диалектология: Учеб. пособие для практических занятий: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / Н. А. Артамонова, О. А. Маховая, Е. А. Нефедова, Е. В. Проколова; под ред. Е. А. Нефедовой. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 176 с.

Панов М. В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967. 438 с.

Савинов Д. М. Эволюция систем вокализма в южнорусских говорах. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2013. 319 с.

Селищев А. М. Избранные труды. Составление, общая редакция, вступительные статьи, комментарии и библиография Е. А. Василевской. М.: Просвещение, 1968. 640 с.

Трубецкой Н. С. Основы фонологии. Пер. с нем. А. А. Холодовича. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 372 с. [*Trubetzkoy N. Grundzüge der Phonologie*. Travaux du cercle linguistique de Prague. 1939. № 7. 271 с.]

Шаульский Е. В., Князев С. В. Русская диалектология. Фонетика. М.: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2005. 20 с.

S. V. Dyachenko

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
svet-lan-a@list.ru*

VOCALISM OF PREFIXES AND PROCLITICS IN RUSSIAN DIALECTS WITH YAKANYE

The article deals with the peculiarities of pretonic vowels in prefixes, prepositions and the particle *ne* in Russian dialects with yakanye. Specifically it addresses the patterns of internal sandhi (i. e. morphophonology at morpheme junctions) and external sandhi (i. e. morphophonology at junctions of function and lexical words).

In addition to the strong and moderate yakanye, seven types of dissimilative yakanye are distinguished. Three of them are ‘straight’, and the remaining four are ‘skewed’ systems. Besides, there are hybrid (mixed) types of yakanye: dissimilative-moderate, assimilative-dissimilative, etc. Our analysis of data from dialects with different types of dissimilative yakanye, the dissimilative-moderate yakanye, moderate yakanye, and assimilative-dissimilative yakanye revealed that in dialects with the Archaic and Zhizdrinsky types of yakanye (‘straight’ systems), usually no sandhi phenomena are attested. On the contrary, in dialects where ‘skewed’ dissimilative systems are represented (the Shchigrovsky, Sudzhansky, and Dmitrievsky types of yakanye), and in dialects with the moderate, dissimilative-moderate and assimilative-dissimilative types of yakanye, sandhi are (more or less) expressed.

Key words: Russian dialects, phonetics, yakanye, prefixes, proclitics.

References

Burova E. G., Kasatkin L. L. [Chukhlomskoye akanye]. *Dialektologicheskie issledovaniya po russkomu yazyku* [Dialectological research on the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 64–85. (In Russ.)

Durnovo N. N. *Dialektologicheskie razyskaniya v oblasti velikoruskikh govorov* [Dialectological research in the field of Great Russian dialects]. Part 1. South Great Russian dialect, Issue 1. Moscow, Synodal printing House Publ., 1917. 224 p.

D'yachenko S. V. *Instrumental'no-foneticheskoe issledovanie vokalizma yuzhnorusskogo govora v areal'nom kontekste*. [Instrumental and phonetic study of the vocalism of the South Russian dialect in the areal context. Appendices to the thesis for the degree of Ph. D. in philology]. Moscow, 2021. 218 p.

D'yachenko S. V., Kolesnikova A. B., Pilipets P. A. [Pre-stressed vocalism of Mosalsk dialects: history and modernity]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, no. 1 (47), 2024, pp. 96–130. (In Russ.)

D'yachenko S. V., Malysheva A. V. [Report on the expedition to the village of Deulino in the Ryazan district of the Ryazan region]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, no. 2 (28), 2014, pp. 282–296. (In Russ.)

D'yachenko S. V., Pronina M. K., Knyazev S. V. [Dissimilative vocalism: three dialects]. *Russian Linguistics*, vol. 48, 10 (2024). 2024. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11185-024-09294-3> (02.09.2024) (In Russ.)

Zakharova K. F. [Archaic types of dissimilative yakanye in the dialects of the Belgorod and Voronezh regions]. *Materialy i sledovaniya po russkoi dialektologii* [Materials of the research on Russian dialectology]. R. I. Avanesov, V. G. Orlova (eds.). Vol. I, Moscow, 1959, pp. 6–55. (In Russ.)

Zakharova K. F. *Tipy dissimilyativnogo yakan'ya*. [Types of dissimilative yakanye]. Thesis for the ... Ph. D. in philology. Moscow, 1970. 338 p.

Kalenchuk M. L. [Delimitation of significant units of the Russian language using phonetic means]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2018, no. 4, pp. 74–81. (In Russ.)

Kalenchuk M. L. [Peculiarities of pronunciation of Russian prepositions]. *Yazyk v dvizhenii: K 70-letiyu L. P. Krysin* [Language in motion: On the 70th anniversary of L. P. Krysin]. Zemskaya E. A., Kalenchuk M. L. (eds.). Moscow, 2007, pp. 224–230. (In Russ.)

Kalenchuk M. L. *Osobennosti realizatsii soglasnykh fonem na stykakh morfem v sovremennom russkom literaturnom yazyke* [Peculiarities of the implementation of consonant phonemes at the junctions of morphemes in the modern Russian literary language]. Abstract of the thesis for the ... Ph. D. in philology. Moscow, 1986. 208 p.

Kalenchuk M. L. [Service words: the interaction between phonetics and grammar]. *XIV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov: Doklady rossiiskoi delegatsii* [XIV International Congress of Slavists: Reports of the Russian delegation]. Moscow, 2008, pp. 293–304. (In Russ.)

Kalenchuk M. L. [Phonetics and derivation]. *Yazyk. Kul'tura. Gumanitarnoe znanie. Nauchnoe nasledie G. O. Vinokura i sovremennost'* [Language. Culture. Humanitarian knowledge. Scientific heritage of G. O. Vinokura and modernity]. Moscow, 1999, pp. 73–78. (In Russ.)

Kalenchuk M. L., Kasatkina R. F. [Features of the sound design of Russian prefixes]. *Russian Linguistics*, 1999, no. 23, pp. 1–9. (In Russ.)

Kasatkin L. L. *Sovremennaya russkaya dialektnaya i literaturnaya fonetika kak istochnik dlya istorii russkogo yazyka* [Modern Russian dialect and literary phonetics as a source for the history of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., Shkola "Yazyki russkoi kul'tury" Publ., 1999. 528 p.

Kasatkin L. L. (ed.). *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. S. V. Bromley, L. N. Bulatova, O. G. Getsova (eds.). Moscow, Publishing center "Academy", 2005. 288 p.

Kasatkina R. F. (ed.). *Russkie narodnye govory. Zvuchashchaya khrestomatiya. Yuzhnorusskoe narechie* [Russian folk dialects. A sounding textbook. The South Russian dialect]. Moscow, Nauka Publ., 1999. 207 p.

Nefedova E. A. (ed.). *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. N. A. Arta-monova, O. A. Makhovaya, E. A. Nefedova, E. V. Prokolova (eds.). Moscow, Publishing center "Academy", 2005. 176 p.

Panov M. V. *Russkaya fonetika* [Russian phonetics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1967. 438 p.

Savinov D. M. *Evolyutsiya sistem vokalizma v yuzhnorusskikh govorakh* [The evolution of vocalism systems in South Russian dialects]. Moscow, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 2013. 319 p.

Selishchev A. M. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Compilation, general edition, introductory articles, comments and bibliography by E. A. Vasilevskaya. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1968. 640 p.

Shaul'skii E. V., Knyazev S. V. *Russkaya dialektologiya. Fonetika* [Russian dialectology. Phonetics]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2005. 20 p.

Trubetskoi N. S. *Osnovy fonologii* [Fundamentals of phonology]. Translated from German by A. A. Kholodovich. Moscow, Publishing House of Foreign Literature, 1960. 372 p. [Trubetzkoy N. Grundzüge der Phonologie. *Travaux du cercle linguistique de Prague*. 1939. no. 7. 271 p.]

Vasil'ev L. L. [Vowels in a syllable are stressed at the moment of occurrence of akanye in the Oboyan dialect]. *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti*, vol. 9, book 1. 1904, pp. 336–355. (In Russ.)

М. В. Ермолова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

maria-anna2121@yandex.ru

**ПОДЪЕЗЖАЯ К СТАНЦИИ, У МЕНЯ СЛЕТЕЛА ШЛЯПА:
О ГЕНЕЗИСЕ ОШИБОЧНЫХ ПОСТРОЕНИЙ
С ДЕЕПРИЧАСТНЫМ ОБОРОТОМ**

В статье анализируются контексты с деепричастиями, не соответствующие современной норме, в русском языке XVIII в. Именно в XVIII в. появляются типы контекстов, которые свидетельствуют о закреплении за деепричастием грамматического значения глагольного обстоятельства и утрате им способности выступать в качестве предиката независимой предикации, которой оно обладало с древнейших времен. Представляется, что по этим типам можно восстановить этапы становления новой грамматической семантики деепричастия. Существующие и сегодня ненормативные построения с деепричастными оборотом, когда субъекты деепричастия и сказуемого различаются, являются, по всей видимости, не галлицизмами, как это принято считать, а следствием эволюции грамматического значения деепричастия.

Ключевые слова: деепричастие, причастие, грамматическое значение, русский язык XVIII века.

1. Вводные замечания

Как известно, в соответствии с нормами современного русского литературного языка (далее — СРЛЯ), субъекты действия деепричастия (далее — ДПР) и глагола-сказуемого должны совпадать (см., например, [Шведова (ред.) 1980, т. I: 669; Шведова (ред.) 1980, т. II: 181]). Первым это кодифицировал Ломоносов: «деепричастие должно в лице согласовываться с главным глаголом личным, на котором всей речи состоит сила: *идучи в школу, встретился я с приятелем*», примеры типа «*идучи в школу, встретился со мною приятель*» трактуются как неправильные [Ломоносов 1755: 198–199]. Тем не менее, как во времена Ломоносова, так и сейчас зафиксированная норма часто не соблюдается и субъекты действия ДПР и глагола-сказуемого могут различаться. Так, неправильные с точки зрения правил грамматики построения с деепричастными оборотами встречаются у классиков русской литературы: у А. Н. Радищева, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова,

Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и др. [Виноградов, Шведова (ред.) 1964: 398–401]. Изобилуют ими современные школьные сочинения. Не случайно в ЕГЭ по русскому языку включено задание, где нужно определить, правильно или неправильно употреблено ДПР (см., например, портал [Решу ЕГЭ]). Возможность употребления в русском языке ДПР с субъектом действия, отличным от субъекта действия сказуемого, принято объяснять влиянием французского языка, грамматика которого это позволяет (см. [Булаховский 1958: 400; Виноградов, Шведова (ред.) 1964: 397¹; Эгипти 2002: 171]). Со «свойством чужих языков» связывает обсуждаемое явление и М. В. Ломоносов [1755: 198–199]. Однако если в отношении русских писателей-классиков данное объяснение могло бы быть верным, то к ошибкам в школьных сочинениях оно, очевидно, неприменимо. Представляется, что причина использования различных субъектов при ДПР и сказуемом кроется в процессах, происходивших непосредственно в истории русского языка.

В статье на основе анализа языка XVIII в. в сопоставлении с данными предшествующих веков показывается, что обсуждаемое употребление ДПР является закономерной ступенью в становлении его современного грамматического значения.

Языковой материал XVIII в. был получен из [НКРЯ] по запросу (гер.). Далее вручную было отобрано по 200 контекстов с употреблениями ДПР, не соответствующими норме СРЛЯ, из 1-й и 2-й половин века (церковнославянские тексты или тексты с большим количеством церковнославянизмов из рассмотрения исключались). Анализ различных типов полученных контекстов позволяет сделать выводы об этапах формирования ДПР в его современном виде, которые будут последовательно разобраны в следующем разделе.

2. Этапы становления современного грамматического значения деепричастия

Как будет показано в данном разделе, XVIII в. — переходный период, когда прежние формы ДПР постепенно начинают получать новое грамматическое наполнение, что отражается в появлении новых типов употреблений, которые не были известны языку предыдущих веков и которые уйдут в дальнейшем. Именно по этим новым контекстам оказывается возможным проследить стадии формирования современного ДПР.

2.1. Закрепление за деепричастной предикацией обстоятельственного значения (при сохранении ею синтаксической самостоятельности)

Как известно, в древнерусский период деепричастная предикация обладала определенной самостоятельностью: ДПР² могло использоваться как самостоятель-

¹ Впрочем, авторы пишут, что влияние французского стало возможным, так как «в целом такая конструкция не противоречила синтаксической системе русского языка» [Виноградов, Шведова (ред.) 1964: 397].

² Термином ДПР условно будем называть как ДПР в современном смысле, так и древнее причастие, употребленное в качестве сказуемого.

ное (1) или однородное с финитной формой сказуемое (2) (см., например, [Потебня 1958/1888; Истрина 1923]), ср.:

- (1) ИЛ л. 124 И **пришедъ Изяславъ Мьстиславичъ къ Киеву, и бѣ Игорь разболѣлся в пороубѣ и бѣ воленъ велми.**
'И пришел Изяславъ Мстиславич в Киев, а Игорь разболелся в темнице и был очень болен'.
- (2) ИЛ л. 216 **слышав же Всеволодъ. аже прислалъ Сѣтославъ сѣна своего. помагая зати своему. и позва и к (с)обѣ.**
'Всеволод же слышал, что Святослав прислал своего сына, помогая своему зятю, и позвал его к себе'.

Таким же образом ДПР могло употребляться еще и в XVIII в. причем, вопреки [Абдулхакова 2007], в текстах, далеких от архаизирующих тенденций, ср. (3) (ДПР в функции единственного предиката) и (4) (ДПР в функции однородного сказуемого):

- (3) *И, **пришед** к каменданту, сам друг з генералом-адъютантом своим Егушинским, которой между протчих розговоров спросил каменданта, что знает ли он, какой сей гость у него в дому есть* [А. М. Макаров (ред.). Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (1698–1721)].
- (4) *Лисица **дав** дочери своей Чучелке блин и сказала, чтобы она вынесла прохожему* [Сказка о старике и внуке его петухе (1794–1795)].

В XVIII в.³ появляются контексты, в которых деепричастная предикация, являясь синтаксически по-прежнему самостоятельной, имеет зависимое обстоятельственное значение. Рассмотрим пример (5):

- (5) *И как там в последовавшие веки великое богатство обретоно, что свидетельствуют славные миснийские и герцинские заводы, так и в России того же ожидать должно, а особливо **имея** к тому не токмо довольные опыты, но и очевидную прибыль* [М. В. Ломоносов. Слово о пользе химии, в публичном собрании императорской Академии Наук сентября 6 дня 1751 года говоренное Михайлом Ломоносовым (1751)].
'<...> и в России следует ожидать того же, особенно потому, что у нас для этого есть и достаточно опыта, и очевидная выгода'.

Формально деепричастная предикация является независимой, так как присоединяется с помощью сочинительного союза *а*, однако наличие обстоятельственного значения здесь очевидно, а интерпретация '<...> и в России следует ожидать того же, а особенно у нас есть для этого опыт' кажется бессмысленной. Следовательно, показателем семантической несамостоятельности клаузы с ДПР в данном

³ До этого времени подобные контексты не фиксируются, см. работы, посвященные функционированию ДПР в XVI–XVII вв. [Кортава 1999; Коротаева 1959; Котков, Попова 1986; Ермолова 2023 и др.].

случае является сама форма ДПР, ранее таким показателем не служившая. Аналогичен следующий пример (6):

- (6) *Мы и до сих пор чудом почитаем, что **будучи** все разных служб и судьба нас не разлучает!* [А. А. Баратынский. Письма (28.05.1798)].

Представляется, что деепричастная предикация имеет здесь обстоятельственное уступительное значение ('Мы и до сих пор считаем чудом, что, хотя мы все на разных службах, судьба нас не разлучает') и не является независимой по смыслу, несмотря на наличие сочинительного союза *и*.

Подобный тип контекстов, отсутствовавший ранее в русском языке, — первый «сигнал» о том, что деепричастная предикация станет зависимой (грамматически, а не контекстуально!) и будет выражать обстоятельственное значение.

В отобранном материале процент подобных примеров невелик: в 1-й половине они составляют 5%⁴. Однако само их появление в XVIII в. (и отсутствие в предыдущие периоды) кажется крайне важным и показательным для понимания истории становления грамматического значения ДПР. Во 2-й половине века рассмотренные контексты практически исчезают (составляют всего 1% употреблений), так как уступают место следующим типам (см. 2.2 и 2.3).

2.2. Приобретение деепричастной предикацией формального признака зависимости

На втором этапе смысловая зависимость деепричастной предикации приобретает формальное выражение: сочинительный союз заменяется на подчинительный союз *хотя* или коррелятивный союз *то*, ср. (7–9):

- (7) *Немалой въ томъ разумъ, чтобы подь образомъ похвалы, прельститъ мнѣніе, вѣдая что слава сслѣпляя очи, силою себя всему свѣту внушаетъ, которой слыша что многія хвалятъ, то и онъ тудыжъ **хотя** временемъ не **разсудя**, однако свою похвалу присовокупляетъ* [С. С. Волчков. Придворной человекъ [перевод книги Грациана с французского] (1742)].
- (8) *Роги оныя хотя внутреннюю истинностию протчим рогам зверей и скотов не подобны, обаче **видя**, что олени и лосинья роги також скотским не подобны, но тверже, **то** можно быть другим и еще тверже; образ же сих по кривизне более бычачью рогу, нежели слоновою зубу, подобны, а великостию далеко оных превосходят* [В. Н. Татищев. Сказание о звере мамонте (1730)].
- (9) *Королевич, **седши** на лошадь, как скоро съехал со двора, **то** поскакал во всю конскую прыть и ехал все прямо* [Сказка о Иване-королевиче (1794–1795)].

⁴ Здесь и далее при указании процентов имеется в виду процент от числа всех контекстов, не совпадающих с современной нормой, вошедших в выборку.

Рассмотренный тип контекстов, как и предыдущий, появляется в XVIII в. (см. сноску 3) и свидетельствует о закреплении за деепричастной предикацией зависимого значения на формальном уровне. При этом, как и в 2.1, ДПР продолжает сохранять присущую ему с древности предикативность и функционирует как отдельное предложение, так как к главной предикации оно присоединяется с помощью средств, обычных для простых предложений. Доля обсуждаемых примеров не меняется на протяжении исследуемого периода и составляет 6%.

2.3. Утрата деепричастной предикацией способности быть предложением

На третьем этапе исчезают союзы как средство связи деепричастной и главной предикаций, то есть деепричастная клауза перестает быть предложением. Формальные средства связи становятся избыточными, так как ДПР приобретает грамматическое значение глагольного обстоятельства, ср. (10–11):

- (10) Добронравова радость, *увидя* сына, была чрезмерна [Н. И. Новиков. Пустомеля. Ежемесячное сочинение, 1770 год месяц июнь (1770)].
- (11) И, *учредя* то войско, велено ему ехать в Россию [А. М. Макаров (ред.). История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (1698–1721)].

При этом субъекты при ДПР и сказуемым могут еще различаться, что является следствием былой предикативной самостоятельности ДПР, когда оно могло выступать в качестве главного предиката.

Частотность рассматриваемого типа употребления ДПР стремительно возрастает в XVIII в.: с 21% в первой половине до 63% во второй. Как правило, данное явление связывается в возросшим влиянием французского языка и конструкции с различными субъектами при ДПР и сказуемым считаются галлицизмами (см. [Булаховский 1958: 400; Виноградов, Шведова (ред.) 1964: 397]). Однако, кажется, что причина кроется в процессах, происходивших непосредственно в русском языке: в XVIII в. за ДПР закрепляется обстоятельственное значение, однако древняя способность ДПР иметь при себе собственный субъект еще не утрачивается окончательно. Контексты с таким употреблением ДПР фиксируются в текстах, далеких от французского влияния: в былинах, духовных стихах и пр., ср. примеры, которые приводит [Буслаев 1869/1959]:

- (12) Древн. русс. стих. 182 *Оседлавши он Еким добрых коней, наряжаются они ехать ко городу ко Киеву*;
- (13) Дух. Стих. Кал., I, 525 *не дошедши она до синя моря, налетал Змеище Горынище*.

Кроме того, наличие обсуждаемых конструкций и сегодня в неграмотной речи (ср. *Проходя под домом, на меня чуть не свалилась сосулька* [Решу ЕГЭ]) включает вероятность влияния французской грамматики. О том, что обсуждаемые

конструкции получают «более удовлетворительное объяснение на почве самобытного развития русского языка», пишет [Коротяева 1959: 90].

Надо сказать, что древне- и старорусскому языку были известны обсуждаемые употребления, хотя они были довольно редкими (см., например, [Потебня 1958/1888; Истрина 1923; Сахарова 2007; Ермолова 2023]), ср. (14):

(14) НПЛ мл. [6638] **Того же лѣта, идущи изъ заморья гость, потопе лодѣи 7: и сами истопоша и товаръ, а друзни вылѣзоша, нь нази** (пример цитируется по [Сахарова 2007: 270]; замечания о текстологии контекста см. там же).

‘В тот же год купцы шли из-за моря и потонули 7 кораблей: и сами потонули, и товар, а другие спаслись, но без всего’.

Однако, судя по всему, грамматическое наполнение ДПР в таких случаях, как и во всех иных, формально совпадающих с современным употреблением, было иным, о чем свидетельствует возможность употребления ДПР в независимых предложениях в качестве единственного предиката (см. выше). В XVIII же в. появление типов контекстов, рассмотренных в 2.1 и 2.2, сигнализирует о том, что грамматическое значение ДПР начинает принципиально меняться в рассматриваемый период, с чем, в свою очередь, связано увеличение частотности примеров, анализируемых в данном подразделе.

3. Выводы

В XVIII в. появляются типы контекстов, которые свидетельствуют о закреплении за ДПР грамматического значения глагольного обстоятельства и утрате им способности выступать в качестве предиката независимой предикации. Представляется, что по этим типам можно восстановить этапы становления новой грамматической семантики ДПР.

Сначала деепричастная предикация продолжала быть синтаксически самостоятельной, присоединяясь к главной с помощью сочинительного союза, как это было и в древности, однако получала ярко выраженное обстоятельственное значение (см. 2.1). Затем сочинительный союз начал заменяться на подчинительный, так как обстоятельственное значение предикации закреплялось на формальном уровне. При этом она все еще продолжала функционировать как предложение (см. 2.2). На следующем этапе происходила утрата подчинительного союза: его наличие становилось избыточным, так как за деепричастной предикацией на грамматическом уровне закреплялось значение глагольного обстоятельства, и она переставала быть предложением (см. 2.3). В силу своей прежней предикативности ДПР могло и может до сих пор в неграмотной речи иметь субъект, отличающийся от субъекта при сказуемом. Таким образом, «ошибки» в построении деепричастных оборотов, по всей видимости, следует считать не галлицизмами, а следствием формирования нового грамматического значения ДПР, которое не закончено и до сегодняшнего дня.

Источники

Древн. русс. стих. 182 — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым и вторично изданные. Изд. К. Ф. Калайдович. М., 1818.

Дух. Стих. Кал., I, 525 — Духовные стихи, по изд.: П. В. Киреевский, Русские народные песни — в «Чтениях Общества истории и древностей российских». 1848, т. VIII. П. А. Бессонов, Калики переходные, ч. I, II, М., 1861.

ИЛ — Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. II: Ипатьевская летопись. М., 1962.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. 2003–2022. Доступен по адресу: ruscorpora.ru.

НПЛ мл. — Новгородская первая летопись младшего извода по Комиссионному списку. Цитируется по изд.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л.: Изд-во академии наук СССР, 1950.

Решу ЕГЭ — <https://ege.sdangia.ru/>.

Литература

Абдулхакова Л. Р. Развитие категории деепричастия в русском языке. Казань: Казанский гос. ун-т, 2007. 186 с.

Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев: Радянська школа, 1958. 488 с.

Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 622 с.

Виноградов, Шведова (ред.) 1964 — Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века: Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XX века / Под ред. В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1964. 499 с.

Ермолова М. В. К хронологии утраты действительным причастием прошедшего времени предикативности в истории русского языка // *Russian Linguistics*, 2023, 47. С. 323–342.

Истрина Е. С. Синтаксические явления синодального списка I Новгородской летописи. Пг., 1923. 204 с.

Коротаева Э. И. Особые случаи употребления деепричастия в литературном языке XVII–XIX столетий // Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та. Серия филологических наук, вып. 55. Исследования по грамматике русского языка: II. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1959. С. 60–99.

Коротаева Т. В. Московский приказный язык XVII в. как особый тип письменного языка. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1999. 295 с.

Котков С. И., Попова З. Д. Очерки по синтаксису южновеликорусской письменности XVII века. М.: Наука, 1986. 154 с.

Ломоносов М. В. Российская грамматика. М., 1755. 210 с.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958. 536 с.

Сахарова А. В. Синтаксис и прагматика причастного оборота в древнерусской летописи: критерии распределения предикаций на причастные и финитные

в комиссионном списке Новгородской первой летописи. Дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2007. 310 с.

Шведова (ред.) 1980 — Русская грамматика. В 2-х тт. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.

Эгипти И. А. Свободные и несвободные причастные и деепричастные конструкции в русском литературном языке второй половины XVIII в. Дисс. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2002. 192 с.

M. V. Ermolova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

maria-anna2121@yandex.ru

**POD'EZZHAYA K STANTSII, U MENYA SLETELA SHLYAPA:
ON THE GENESIS OF THE ERRONEOUS CONSTRUCTIONS
WITH GERUNDS**

The article analyzes contexts with gerunds in the Russian language of the XVIIIth c., which do not correspond to the modern norm. It is the material of the XVIIIth c. that demonstrates contexts which indicate that gerunds got the meaning of the adverbial modifier and lost the ability to function as a predicate in the independent predication, as it was earlier. It seems, that different types of these contexts allow us to trace the grammaticalization process of the gerund.

The non-normative constructions with different subjects of the gerund and the main predicate, which are quite common today, are, apparently not Gallicisms, as is commonly believed, but a consequence of the evolution of the grammatical meaning of gerund.

Key-words: gerund, participle, grammatical meaning, Russian language of the XVIIIth c.

References

Abdulkhakova L. R. *Razvitie kategorii deeprichastiya v russkom yazyke* [Development of the category of gerunds in the Russian language]. Kazan, Kazan State University Publ., 2007. 186 p.

Bulakhovskii L. A. *Istoricheskii kommentarii k russkomu literaturnomu yazyku* [Historical commentary on the Russian literary language]. Kyiv, Radian'ska shkola Publ., 1958. 488 p.

Buslaev F. I. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1959. 622 p.

Egipiti I. A. *Svobodnye i nesvobodnye prichastnye i deeprichastnye konstruksii v russkom literaturnom yazyke vtoroi poloviny XVIII v.* [Free and non-free participial and adverbial constructions in the Russian literary language of the second half of the 18th century]. Diss. cand. phil. Petrozavodsk, 2002. 192 p. (In Russ.)

Ermolova M. V. [On the chronology of the loss of the predicativity by the past active participle in the history of the Russian language]. *Russ Linguist*, 2023, no. 47, pp. 323–342. (In Russ.).

Istrina E. S. *Sintaksicheskie yavleniya sinodal'nogo spiska I Novgorodskoi letopisi* [Syntactic phenomena of the synodal list of the I Novgorod Chronicle]. Petrograd, 1923. 204 p.

Korotaeva E. I. [Special cases of the use of gerunds in the literary language of the 17th–19th centuries]. *Uchenye zapiski LGU. Seriya filologicheskikh nauk, vyp. 55. Issledovaniya po grammatike russkogo yazyka*. Leningrad, Leningrad University Publ., 1959, pp. 60–99. (In Russ.).

Kortava T. V. *Moskovskii prikaznyi yazyk XVII v. kak osobyi tip pis'mennogo yazyka* [Moscow business language of the 17th c. as a special type of written language]. Phil. doct. diss. Moscow State University, 1999. 295 p.

Kotkov S. I., Popova Z. D. *Ocherki po sintaksisu yuzhnovelikorusskoi pis'mennosti XVII veka* [Essays on the syntax of Southern Great Russian writing of the 17th century]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 154 p.

Lomonosov M. V. *Rossijskaya grammatika* [Russian grammar]. Moscow, 1755. 210 p.

Potebnya A. A. *Iz zapisok po russkoi grammatike* [From notes on Russian grammar]. Vol. I–II. Moscow, 1958. 536 p.

Sakharova A. V. *Sintaksis i pragmatika prichastnogo oborota v drevnerusskoi letopisi: kriterii raspredeleniya predikatsij na prichastnye i finitnye v komissionnom spiske Novgorodskoi pervoi letopisi* [Syntax and pragmatics of the participial phrase in the Old Russian chronicle: criteria for the distribution of predications into participial and finite in the commission list of the First Novgorod Chronicle]. Diss. cand. phil. Moscow, 2007.

Shvedova N. Yu. (Ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 1–2. Moscow, Nauka Publ., 1980.

Vinogradov V. V., Shvedova N. Yu. (Eds.) *Izmeneniya v sisteme prostogo i oslozhnennogo predlozheniya v russkom literaturnom yazyke XX veka: Ocherki po istoricheskoi grammatike russkogo literaturnogo yazyka XIX veka* [Changes in the system of simple and complex sentences in the Russian literary language of the 20th century: Essays on the historical grammar of the Russian literary language of the 19th century]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 499 p.

Е. В. Ерофеева

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Пермь)
elenerofee@gmail.com*

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ДИСКУРСИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ «ВОТ + X + ВОТ» В РУССКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ

В статье рассматривается вариативность дискурсивной конструкции «*вот + X + вот*» и ее употребление в устной русской речи. Под дискурсивной конструкцией в данном случае понимается выполняющее функции дискурсива словосочетание, в котором часть элементов постоянна, а часть — вариативна. Материалом для исследования послужили тексты полуструктурированных интервью (общий объем — около 97 тыс. словоупотреблений), полученные от 48 информантов, выборка которых была сбалансирована по параметрам «город проживания», «пол», «возраст», «уровень образования» и «специальность». В текстовом материале было выделено 174 случая использования дискурсивной конструкции «*вот + X + вот*». Анализ использования конструкции «*вот + X + вот*» показал, что рассматриваемая дискурсивная конструкция в речи обычно полифункциональна, а актуализация ее функций зависит от типа вариативной части (X), при этом чаще всего конструкция выполняет дейктическую и эмфатическую функции. Вариативная часть конструкции весьма разнообразна: конструкция может заполняться различными компонентами — от отдельных слов любой части речи до предикативных конструкций (всего 45 разных заполнителей); при этом наиболее частыми заполнителями конструкции являются указательные слова *этой, такой, так, это*, которые обычно выполняют дейктическую функцию. Вариативность конструкции связана и с эмфатической функцией: стремление подчеркнуть отдельные важные для конкретного говорящего единицы речевой цепочки делает эту конструкцию настолько вариативной. Анализ социального варьирования конструкции в речи показал, что женщины существенно чаще, чем мужчины, используют ее в речи, что также связано с выполнением конструкцией эмфатической функции. Таким образом лингвистическая и социальная вариативность конструкции «*вот + X + вот*» в речи определяется ее эмфатической функцией.

Ключевые слова: дискурсив, дискурсивная конструкция, *вот + X + вот*, заполнители, функции, социальная вариативность.

Введение

Основные научные интересы Марии Леонидовны Каленчук, безусловно, связаны с фонетикой и орфоэпией. Однако, поскольку фонетика и тем более орфоэпия — научные области, имеющие прямое отношение к устной речи, Мария Леонидовна в своих работах касается определенного круга проблем, связанных с вариативностью устной речи, в частности — с ее социолингвистическими аспектами. Так, само рассмотрение нормы в разных вариантах русского языка или вопросы изменения норм с течением времени — проблемы по своей сути социолингвистические — были предметом рассмотрения М. Л. Каленчук во многих публикациях [Каленчук 1988; Каленчук 2020 и др.; Норма произношения в узусе и кодификации 2021; Русская фонетика в развитии 2013]. В данной статье речь пойдет, с одной стороны, об устной речи, с другой — о ее лингвистическом и социолингвистическом варьировании, т. е. о тех сферах, которые входят в сферу интересов юбиляра.

Предмет рассмотрения настоящей статьи — одна из дискурсивных конструкций, используемых в русской устной речи, — может показаться не связанным с научными интересами Марии Леонидовны напрямую. Однако существует взаимосвязь лингвистических единиц и категорий речи, текста, которую также демонстрирует в своих работах Мария Леонидовна (см., например работы о взаимодействии фонетики и грамматики [Каленчук 2008; Каленчук 2010 и др.]). Именно благодаря этой взаимосвязи изучение проявления одних категорий устной речи может помочь в объяснении других и в целом позволяет нам приблизиться к описанию общей системы речи.

Дискурсивные слова и конструкции

Дискурсивные слова и выражения (дискурсивы, дискурсивные маркеры) являются важными единицами устной речи и при всем многообразии подходов к ним (см., например: [Кибрик, Подлесская 2009; Кобозева, Иванова, Захаров 2019; Федорова 2014; Fraser 2006; Pragmatic markers 2017; Schiffrin 1987 и мн. др.]) в целом рассматриваются как незначительные слова или словосочетания, регулирующие «дискурсивный процесс между говорящим и адресатом» [Подлесская, Кибрик 2009: 146]. Важность этих элементов для устной спонтанной речи определяется тем фактом, что дискурсивы «отражают не столько отношения между элементами описываемого в высказывании фрагмента действительности, сколько отношения между элементами структуры дискурса, понимаемого как коммуникативная ситуация» [Кобозева, Захаров 2004: 292], т. е. помогают говорящим ориентироваться в развертывании дискурса как коммуникативного события, происходящего в определенном контексте [Dijk van 2008.].

В некоторых работах делается попытка разграничить дискурсивные и прагматические маркеры (см., например: Pragmatic markers 2017; Прагматические маркеры 2021), однако критерии разграничения не до конца строги (см. [Ерофеева 2023]). В данной работе такое разграничение не проводится.

Помимо отдельных слов и словосочетаний, в качестве дискурсивов могут использоваться конструкции, в которых часть элементов является постоянной,

а часть — вариативной [Прагматические маркеры 2021]. Одной из таких конструкций является дискурсивная конструкция «*вот + X + вот*», которая «существует исключительно как структурная модель, которая каждый раз заполняется новой единицей: *вот так вот, вот такой вот, вот отсюда вот* и т. д.» [там же: 109]. Изучаемая дискурсивная конструкция рассмотрена в словаре-монографии «Прагматические маркеры русской повседневной речи» указывается, что эта конструкция может выполнять следующие функции: дейктическую (является основной), гезитативную и разграничительную [там же: 109–112].

Кроме того, важным аспектом функционирования дискурсивов является то, что они, помимо смысловой целостности коммуникации, обеспечивают «выражение эмоционального отношения говорящего к ситуации» [Шилихина 2015: 120], следовательно, можно ожидать реализации иных функций, связанных с выражением тех или иных эмоциональных компонентов.

Предмет, материал и методы исследования

Итак, предметом исследования в статье является изучение функционирования дискурсивной конструкции «*вот + X + вот*», а именно ее вариативности, функций и реализации как социолингвистической переменной.

Материалом исследования послужили полуструктурированные интервью, вошедшие в звуковой корпус пермской региолектной речи (<https://transcriber.semograph.com/corpora>), созданный сотрудниками лаборатории социокогнитивной и компьютерной лингвистики Пермского государственного национального исследовательского университета. В корпусе представлена речь жителей районных центров Пермского края. Объем корпуса составляет на сегодняшний день 48 текстов — интервью информантов из двух городов — Кунгура и Соликамска (более 17 ч. звучащей речи, около 97 тыс. словоупотреблений). Тексты, помимо города проживания, сбалансированы по таким социальным характеристикам их авторов, как «пол», «уровень образования» (высшее, среднее), «специальность» (гуманитарная, негуманитарная) и «возраст» (1 возрастная группа — 25–34 года, вторая возрастная группа — 35–44 года, третья возрастная группа — 45–55 лет).

Алгоритм анализа предполагал выделение всех конструкций «*вот + X + вот*» в общем массиве текстов корпуса; анализ вариативности факультативных частей (X) конструкции; определение функций конструкции в зависимости от факультативного заполнителя; определение частоты использования конструкции в речи каждого отдельного говорящего и в речи разных социальных групп; нахождение статистически значимых влияний социальных параметров на употребление конструкции в речи.

Вариативность заполнителей

В исследованном материале было обнаружено всего 174 употребления конструкции «*вот + X + вот*», при этом число разных заполнителей оказалось довольно большим — 45 (см. Табл. 1).

Таблица 1. Частота употреблений неединичных заполнителей конструкции «*вот + X + вот*»

Заполнитель конструкции	Частота в корпусе	
	абс.	%
<i>вот этот (эта, это, эти, в этом, этих, этой, этого, эту) вот</i>	44	25,3
<i>вот такой (такие, такая, такое, таких, такого) вот</i>	29	16,7
<i>вот так вот</i>	29	16,7
<i>вот это вот</i>	21	12,1
<i>именно</i>	5	2,9
<i>буквально</i>	2	1,1
<i>как раз</i>	2	1,1
<i>как-то</i>	2	1,1
<i>у нас</i>	2	1,1

Наиболее частотными оказался заполнитель *этот* — указательное местоимение, так или иначе связанное в контексте с определяемым словом, а также его родовые и падежные варианты (*эта, это, эти, в этом, этих, этой, этого, эту*). Например: *Потому что мы привозили ириски / и / лимонад и говорят что лимонад самый вкусный // Вот именно **вот этот вот** как раньше // Как в детстве //; Вот у нас **вот эта вот** гора / да? // Видели / походили у нас по городу то? //; Памятники / достопримечательности / вот дом Грибушина / дом Губкина / **вот эти вот** здесь замечательные / дворцового кто-то типа / такие интересные / дома //.*

Следующими по частотности использования стали заполнители *такой* и *так*.

Такой, как и *этот*, является указательным местоимением, связанным в контексте с определяемым словом, например: *Э-э / у меня все- / всегда почему-то / когда я говорю об угловатости / э-э / и в людях / и в речи / и во всём / у меня / всегда ассоциация / ка(к) будто топором вырубали // И вот / и у меня такая ассоциация // И вот / мне кажется / что / у нас **вот такой вот** здесь говор //; Понятно / что / хочется изменить какие-то вот эти / э-э м / покосившиеся дома / тц / допустим / э / и / какие-то **вот такие вот** / э / м-м / вещи / ну очень очень глубоко древние //.*

Так в обнаруженных в корпусе контекстах используется в роли наречия, например: *Потому я / на такие вещи / не сильно обращаю внимание и сформулировать вам что-то такое сказать я не смогу / вот / **вот так вот** это будет звучать //; Что они не только строили / и-и / и жили в комфортных условиях сами / но они и оставили для города столько много вот таких вот зданий // **Вот так вот** //.* Отметим, что в словаре «Прагматические маркеры русской повседневной речи» также отмечается, что именно наречное употребление данного слова относится к дискурсивным [Прагматические маркеры 2021: 359].

Четвертое место по частотности занимает заполнитель *это*. Так же, как и *этот*, данный заполнитель является указательным местоимением, однако он был выделен в отдельный на основании того, что не связан в контекстах с определенным существительным, а замещает ситуацию целиком, выполняя роль местоимения-

существительного, а не местоимения-прилагательного. Например: *То есть / занимаются с ребятами / много вот // Вот это вот / я вот / вот это вот я да / для меня вот это вот / показатель города / что много очень детских площадок стало //; Ну безусловно когда вот это вот не такие приватные беседы какие-то / скажем / как сейчас // А / когда мы вещаем / на / большую аудиторию / мы все равно стараемся себя держать / в-в / в каких-то рамках //.*

Гораздо реже встречаются иные заполнители, из которых только именно относительно регулярен (5 употреблений), а другие употребляются с частотой 1–2 раза. Перечислим все остальные заполнители, не указанные в таблице: *акцент, ближайшей, вообще, всё так же, все эти, всё, даже, допустим, если, здесь, как, какими-то, карсты, когда, края, лоя, может быть, нас даже, он такой, опять же, Пугачёв, разница, с кем я встречался, так где, там карстовые, там тоже, тут, у меня, уже, характерна такая, что то же самое, это мое такое, это нравится, это прям, я была, я.* Как видим, среди заполнителей встречаются слова разных частей речи и даже предикативные конструкции. В том случае, когда заполнитель состоит из нескольких слов, единство конструкции достигается единством интонационного оформления.

Еще одной особенностью данной конструкции является ее повтор в речи, когда последний элемент *вот* первой конструкции «вот + X + вот» одновременно является первым элементом *вот* во второй конструкции — «вот + X + вот + X + вот». Такое явление предлагается назвать дискурсивным дублем. Например: *Ну вот / не бьёт чтобы вот так вот это вот / как бы / так что / думаю да... вот это вот такое вот; Мягче / и-и / и / как-то вот это вот такое вот // Не знаю / больше... вот если вот такие вот; Ну вот это например / одно / да? // Что жители / уже тогда / вот как-то вот так вот / собрались / решили / сделали / да?; Так пошутить с ними и-и всё / а вот если вот такие вот / нет / билет и всё...; ... говорят, что лимонад самый вкусный // Вот именно вот этот вот как раньше // Как в детстве // (Вдох).* Как видим, при использовании дискурсивного дубля первый и второй X не совпадают и даже относятся к разным частям речи.

Итак, вариативность конструкции довольно высока, что достигается, во-первых, разнообразием заполнителей, а во-вторых, возможностью ее удвоения. Обе особенности, как кажется, связаны с функциями данной конструкции.

Функции конструкции «вот + X + вот»

Как уже указывалось выше, основными функциями дискурсивной конструкции являются дейктическая, гезитативная (с поиском и без поиска) и разграничительная (стартовая, направляющая и финальная) [Прагматические маркеры: 109–112]. В то же время анализ нашего корпусного материала позволяет говорить о том, что данная конструкция выполняет еще как минимум две функции — эмфатическую и ритмообразующую. Поскольку первые три функции, а также примеры их реализации подробно описаны в словаре «Прагматические маркеры в русской повседневной речи», приведем только примеры реализации двух других функций.

Эмфатическая функция очень частотна для данной конструкции. Это довольно важно, поскольку именно через эмфазу — эмоционально-экспрессивное выделение — в речи часто передается личностное эмоциональное отношение к предмету разговора (вспомним о выражении эмоционального отношения к ситуации через дискурсивы). Например: *Ну вот достопримечательности / ну парк у нас вот это вот к воздухоплаванию построен / Никитка-Летун вот этот вот //; Ну вот / ещё раз повторюсь / каждый год проходит вот эта вот масштабная Небесная ярмарка Урала / где там со всей страны приезжают пилоты //; Потому что мы привозили ириски / и / лимонад и говорят что лимонад самый вкусный // Вот именно вот этот вот как раньше // Как в детстве //; Я может быть даже лучше и прочитаю где-то что-то схожу / потому это мне тяжело вам обе- объяснить все вот эти вот вопросы нюансы / звуковой речи // Очень сложно / х / к сожалению //* Информанты стремятся обратить внимание интервьюера на отдельные моменты речи, предшествующие конструкции; в некоторых контекстах лексические усилители (*именно, все*) подтверждают ее эмфатический характер.

Ритмообразующая функция дискурсивов была отмечена Н. В. Богдановой-Бегларян и ее соавторами: «Дискурсивные единицы имеют важное значение для обеспечения ритмических... шаблонов повседневной русской устной речи: добавляя в речевой поток один или несколько слогов, они способствуют структурному и временному “выравниванию” соседних звуковых сегментов» [Богданова-Бегларян, Шерстинова, Кислошук 2013: 16]. Хотя эта функция дискурсивной конструкции «*вот + X + вот*» не указывается в словаре «Прагматические маркеры русской устной повседневной речи», она реализуется в контекстах анализируемого корпуса. Например: *И / вообще с теми кт- с кем я общаюсь / о получается что / очень много народу / преподаватели / а у них поставленная речь / поэтому судить вот / так вот чтобы м / отличия вот эти вот / они не так заметны для меня //; Мне кажется / все равно у нас чем-то сильно мягче вот это вот // Мягче / и-и / и / как-то вот это вот такое вот // Не знаю / большие / ш / каки- / какие особенности //; Это всё есть / просто может быть / я так думаю что очень / еще недостаточно вот этой вот рекламы / хотя / красиво же всё вот это вот всё //* Ритмообразующая функция проявляется не только через выравнивание количества слогов ритмических единицах, но и, как показывают примеры, через повторы конструкции или просто отдельного дискурсива *вот*.

Нужно учитывать, что в большинстве случаев в контексте одна и та же конструкция выполняет не одну, а сразу несколько функций, например: *Это все есть / просто может быть / я так думаю что очень / еще недостаточно вот этой вот рекламы / хотя / красиво же всё вот это вот всё //* (дейктическая, эмфатическая, ритмообразующая функции); *Зелья прямо варим / там / котёл / с вот какими-то вот // И они / п-т / просто // И поэтому / вот / очень здорово //* (дейктическая, эмфатическая, хезитативная функции); *Э в жители которым / которые-е / скажем полгорода работали на Машизаводе на кожкомбинате / это щас всё позакрывалось // Многие ездят э / в Пермь работать / или / э ездят вахтой работать // То есть вот так вот / а-а так //* (эмфатическая функция, финальный маркер).

Частотность выполняемых функций зависит от заполнителя в конструкции, что показано в Таблице 2 на примере четырех самых частотных заполнителей.

Таблица 2. Частота реализации функций в зависимости от заполнителя, %*

Дискурсив	Функции						
	Дейктик	Старт. маркер	Направл.	Финал. маркер	Хезит.	Ритм	Эмфаза
<i>вот этот вот</i>	84,1	4,5	18,2	0,0	25,0	31,8	86,4
<i>вот это вот</i>	61,6	4,7	19,0	14,3	57,1	23,8	61,9
<i>вот так вот</i>	58,6	6,9	3,4	48,3	6,9	10,3	48,3
<i>вот такой вот</i>	100,0	6,9	17,2	10,3	31,0	24,1	86,2
Все	304,3	23	57,8	72,9	120,0	90,0	282,8

* Проценты рассчитывались для каждого заполнителя отдельно от общего числа встречаемости конструкции с данным заполнителем. Сумма процентов в строке не равна 100%, поскольку конструкция может выполнять несколько функций.

Как видно из Таблицы 2, чаще всего конструкция «вот + X + вот» выполняет дейктическую и эмотивную функции. Распределения частот функций неодинаковы, однако в некоторых случаях довольно похожи. Наибольшее значение коэффициента корреляции распределений частот функций наблюдается между *вот этот вот* и *вот такой вот* (0,98), что говорит о очень сильной положительной связи; сильная положительная связь наблюдается для дискурсивов *вот такой вот* и *вот это вот* (0,86) и *вот этот вот* и *вот это вот* (0,84), что указывает на схожесть выполняемых функций всеми конструкциями с заполнителями в виде указательных местоимений. Дискурсив *вот так вот* с наречным заполнителем показывает наименьшие показатели корреляционной связи с другими дискурсивами, при этом наихудший — с дискурсивом *вот это вот* (0,42). Таким образом, несмотря на то что конструкция со всеми заполнителями может выполнять все названные функции, заполнение конструкции элементами разных типов влияет на распределение частот этих функций в речи.

Социальная вариативность конструкции

Помимо лингвистической вариативности изучаемой конструкции, она была рассмотрена как социолингвистическая переменная. Частоты использования данной конструкции в речи разных социальных групп представлены на Рисунке (рассчитывались проценты использования конструкции в каждом тексте от общего количества слов в тексте, далее — средние для текстов информантов с определенными социальными характеристиками).

Как видим, некоторые социальные группы показывают разную частоту использования конструкции «вот + X + вот». Так, чаще эту конструкцию используют жители г. Кунгура на фоне жителей г. Соликамска; женщины на фоне мужчин; представители средней возрастной группы на фоне двух других возрастных групп; а также гуманитарии на фоне негуманитариев. Тем не менее статистически значимым

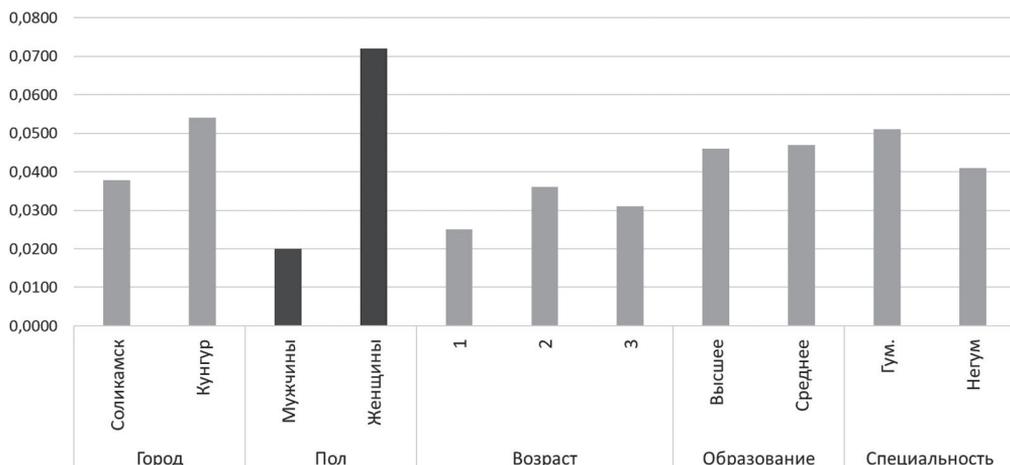

Рисунок. Частота использования конструкции «*вот + X + вот*» в зависимости от социальных параметров говорящего, %

оказывается только расхождение в частотах употребления данной конструкции у мужчин и женщин (выделено темным цветом на Рисунке; для определения значимости отличий в распределениях использовался критерий U-Манна-Уитни, уровень значимости $p = 0,001$).

Полученные ранее данные об устойчивости общего числа дискурсивов в устной монологической речи и редкой подверженности влиянию социальных факторов частот отдельных дискурсивов [Ерофеева, Юшкова 2021] подтверждаются и в этом случае. Кроме того, влияние именно фактора «пол» на использование дискурсивной конструкции «*вот + X + вот*» кажется логичным, поскольку именно для женщин отмечается большая эмоциональность речи и использование эмфатических средств (см., например: [Gender and emotion 2000; Lakoff 1973]) и именно эмфатическая функция является одной из наиболее частотных для данной конструкции.

Выводы

Итак, конструкция «*вот + X + вот*» может выполнять в речи разнообразные функции, наиболее частотными из которых являются дейктическая и эмфатическая; также для данной конструкции характерны хезитативная, ритмообразующая и направляющая функции (последняя прежде всего в виде финального маркера). Рассматриваемая дискурсивная конструкция в речи чаще всего бывает полифункциональна, а актуализация функций зависит от типа заполнителя.

Прототипичными заполнителями дискурсивной конструкции «*вот + X + вот*» служат указательные местоимения и местоименные наречия, однако в качестве заполнителей в ней могут использоваться любые другие слова или части фразы, которые в момент речепорождения выбраны для этого говорящим. Кроме того, вместо одиночной конструкции может использоваться дискурсивный дубль с разными

заполнителями. Эта особенность конструкции, как представляется, связана с эмфатической функцией, которая для нее является одной из наиболее частотных в устной речи. Именно стремление выделить, подчеркнуть отдельные, при этом любые важные для говорящего, единицы речевой цепочки делает эту конструкцию настолько вариативной.

Женщины используют дискурсивную конструкцию «*вот + X + вот*» статистически значимо чаще, чем мужчины. Очевидно, это также связано с выполняемой ею эмфатической функцией, так как эмотивность речи и использование эмфазы более характерны для женщин, чем для мужчин.

Таким образом, дискурсивная конструкция «*вот + X + вот*» имеет высокую лингвистическую вариативность, что позволяет говорящим использовать ее с разными функциями. Кроме того, эта конструкция может выступать как социолингвистическая переменная — маркер женской речи.

Литература

Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Кислощук А. И. О ритмообразующей функции дискурсивных единиц // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 2(22). С. 7–17.

Ерофеева Е. В. Значение и функции прагматических маркеров в русской устной речи // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Язык и литература. 2023. Т. 20, № 1. С. 170–182.

Ерофеева Е. В., Юшкова С. Е. Дискурсивные слова в устной спонтанной речи: социальное, индивидуальное и тематическое варьирование // Социо- и психолингвистические исследования. 2021. Вып. 9. С. 15–26.

Каленчук М. Л. О развитии некоторых орфоэпических закономерностей в речи современного молодого поколения // Вопросы истории русского языка XIX–XX веков / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1988. С. 142–152.

Каленчук М. Л. Служебные слова: взаимодействие фонетики и грамматики // Славянское языкознание: XIV Междунар. съезд славистов. М., 2008. С. 293–304.

Каленчук М. Л. Фонетика и грамматика // Фонетика сегодня: матер. докладов и сообщений VI Междунар. науч. конф. М., 2010. С. 59–60.

Каленчук М. Л. Повседневная речь vs разговорная речь: фонетические аспекты // Повседневная речь как объект лексикографии (Тринадцатые Шмелевские чтения): тезисы докладов междунар. конф. / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2020. С. 35–36.

Кобозева И. М., Захаров Л. М. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2004. С. 292–297.

Кобозева И. М., Иванова О. О., Захаров Л. М. К мультимодальному моделированию верификативных дискурсивных маркеров в русском диалоге // Труды Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2019. Т. 21. С. 284–299.

Норма произношения в узусе и кодификации / Под ред. М. Л. Каленчук, Д. М. Савинова. М., 2021. 248 с.

Подлеская В. И., Кибрик А. А. Дискурсивные маркеры в структуре устного сказа: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2009. Вып. 8 (15). С. 390–395.

Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.

Русская фонетика в развитии. Фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века / Отв. ред. М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина. М.: Языки славянской культуры, 2013. 464 с.

Федорова О. В. Экспериментальный анализ дискурса. М.: Языки славянских культур, 2014. 512 с.

Шлихина К. М. Изучение дискурсивных маркеров методами корпусной лингвистики // Вестник Воронежского государственного ун-та. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 120–125.

Dijk van T. A. Discourse and Context. A sociocognitive approach. Cambridge University Press, 2008. 267 p.

Fraser B. Towards a Theory of Discourse Markers // Approaches to Discourse Particles. Amsterdam: Elsevier, 2006. Pp. 189–204.

Gender and emotion: Social psychological perspectives / A. Fischer (ed.). Cambridge University Press, 2000. 344 p.

Lakoff R. Language and Woman's Place // Language in Society. 1973. Vol. 2, No. 1. Pp. 45–80.

Pragmatic markers, discourse markers and modal particles: New perspectives / C. Fedriani, A. Sansò (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2017. 492 p.

Schiffrin D. Discourse markers. Cambridge University Press, 1987. 364 p.

E. V. Erofeeva

Perm State University

(Russia, Perm)

elenerofee@gmail.com

LANGUGE AND SOCIAL VARIATION OF DISCOURSIVE CONSTRUCTION “VOT + X + VOT” IN THE RUSSIAN ORAL SPEECH

The article discusses the variability of the discursive construction “vot + X + vot” and its use in oral Russian speech. A discursive construction in this case is understood as a phrase that performs discursive functions and in which some of the elements are constant and some are variable. The material for the study was the texts of semi-structured interviews (total volume is about 97 thousand word usages) received from 48 informants; the sample of the informants was balanced according to the parameters “city of residence”, “gender”, “age”, “level of education”, and “specialty”. In this text material, 174 cases

of using the discursive construction “vot + X + vot” were found. The analysis showed that the concerned discursive construction is usually multifunctional in speech, and the actualization of functions depends on the type of variable part (X); most often the construction performs deictic and emphatic functions. The variable part in the construction can be very diverse: it can be used with different components — from individual words of any part of speech to predicative constructions (45 different placeholders in total); the most common construction placeholders are demonstrative words *etot, takoj, tak, eto*, which usually perform a deictic function. The variability of the construction is also related to the emphatic function: the desire to emphasize some units in a speech chain that are important for a particular speaker makes this construction so versatile. The analysis of the sociolinguistic variation of the construction demonstrated that women use it in speech significantly more often than men, which is also related to the emphatic function of the construction. Thus, the linguistic and social variability of the structure “vot + X + vot” in speech is determined by its emphatic function.

Key words: discursive word, discursive construction, vot + X + vot, placeholders, functions, social variability.

References

Bogdanova-Beglaryan N. V., Sherstinova T. Yu., Kisloshchuk A. I. [On rhythm-forming function of discourse markers]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2013, iss. 2 (22), pp. 7–17. (In Russ.)

Erofeeva E. V. [The meaning and functions of pragmatic markers in Russian oral speech]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*, 2023, vol. 20, no 1, pp. 170–182. (In Russ.)

Erofeeva E. V., Yushkova S. E. [Discursive words in oral spontaneous speech: social, individual and thematic variation]. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya*, 2021, iss. 9, pp. 15–26. (In Russ.)

Kalenchuk M. L. [On the development of some orthoepic patterns in the speech of the modern younger generation]. *Voprosy istorii russkogo yazyka XIX–XX vekov* [Questions of the history of the Russian language of the 19th–20th centuries]. Moscow, 1988, pp. 142–152. (In Russ.)

Kalenchuk M. L. [Functional words: interaction between phonetics and grammar]. *Slavyanskoe yazykoznanie: XIV Mezhdunarodnyi s’ezd slavistov*. [Slavic linguistics: XIV International Congress of Slavists]. Moscow, 2008. pp. 293–304. (In Russ.)

Kalenchuk M. L. [Fonetics and grammar]. *Fonetika segodnya: materialy dokladov i soobshchenii VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Phonetics today: materials of reports and papers of the VI International scientific conference]. Moscow, 2010, pp. 59–60. (In Russ.)

Kalenchuk M. L. [Everyday speech vs colloquial speech: phonetic aspects]. *Povsednevnyaya rech’ kak ob’ekt leksikografii (Trinadtsatye Shmelevskie chteniya): tezis dokladov mezhdunarodnoi konferentsii* [Everyday speech as an object of lexicography (Thirteenth Shmelev Readings): abstracts of reports of the international conference]. Moscow, 2020, pp. 35–36. (In Russ.)

Kobozeva I. M., Zakharov L. M. [Why do you need a sounding dictionary of Russian discursive words?]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*, 2004, pp. 292–297. (In Russ.)

Kobozeva I. M., Ivanova O. O., Zakharov L. M. [Towards multimodal modeling of verification discourse markers in Russian dialogue]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2019, vol. 21, pp. 284–299. (In Russ.)

Kalenchuk M. L., Savinov D. M. (eds.). *Norma proiznosheniya v uzuse i kodifikatsii* [Norm of pronunciation in usage and codification]. Moscow, Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN Publ., 2021. 248 p.

Podlesskaya V. I., Kibrik A. A. [Discourse markers in the structure of an oral story: the experience of corpus research]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*, 2009, iss. 8 (15), pp. 390–395. (In Russ.)

Bogdanova-Beglaryan N. V. (author-compiler, ed.). *Pragmaticheskie markery russkoi povsednevnoi rechi: slovar'-monografiya* [Pragmatic markers of Russian everyday speech: dictionary-monograph]. St Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2021. 520 p.

Kalenchuk M. L., Kasatkina R. F. (eds.). *Russkaya fonetika v razvitii. Foneticheskie «ottsy» i «deti» nachala XXI veka* [Russian phonetics in development. Phonetic “fathers” and “sons” of the early 21st century]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2013. 464 p.

Fedorova O. V. *Ehksperimental'nyi analiz diskursa* [Experimental analysis of discourse]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2014. 512 p.

Shilikhina K. M. [Studying discourse markers using corpus linguistics methods]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2015, no 3, pp. 120–125. (In Russ.)

Dijk van T. A. *Discourse and Context. A sociocognitive approach*. Cambridge University Press, 2008. 267 p.

Fraser B. Towards a Theory of Discourse Markers. *Approaches to Discourse Particles*. Amsterdam, Elsevier, 2006, pp. 189–204.

Fischer A. (ed.). *Gender and emotion: Social psychological perspectives*. Cambridge University Press, 2000, 344 p.

Lakoff R. Language and Woman's Place. *Language in Society*, 1973, vol. 2, no. 1, pp. 45–80.

Fedriani C., Sansò A. (eds.). *Pragmatic markers, discourse markers and modal particles: New perspectives*. Amsterdam, John Benjamins Publ., 2017. 492 p.

Schiffrin D. *Discourse markers*. Cambridge University Press, 1987. 364 p.

А. Е. Журавлева¹, Е. В. Корпечкова²
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
alsomova@yandex.ru¹, lelenke@gmail.com²

ОСОБЕННОСТИ АКЦЕНТУАЦИИ КРАТКИХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ПРИСТАВКОЙ НЕ-

Произношение ряда кратких прилагательных характеризуется высокой степенью акцентологической вариативности, что не всегда объективно отражается в орфоэпических словарях. В частности, за пределами внимания исследователей до сих пор оставались краткие прилагательные с приставкой *не-*. В данной работе представлены экспериментальные данные о прилагательных: *небедный*, *неблизкий* (о расстоянии), *неблизкий* (о людях, идеях), *небыстрый*, *невкусный*, *неглубокий* (о водоеме), *неглубокий* (о чувствах, высказываниях), *неглупый*, *неострый* (о предмете), *неострый* (об уме, шутке), *неострый* (о вкусе), *нередкий*. Полученные данные сопоставлялись с результатами эксперимента по бесприставочным прилагательным, привлекались корпусные материалы. На основании проведенного исследования можно выявить ряд факторов, оказывающих влияние на акцентуацию того или иного слова. Так, значимым может являться лексическое значение слова (прямое или переносное), освоенность или неосвоенность прилагательного (книжная, возвышенная окраска), возраст респондентов.

Ключевые слова: орфоэпия, акцентология, краткие прилагательные, кодификация, узус.

Акцентологические нормы форм кратких прилагательных в современном русском литературном языке характеризуются высокой степенью вариативности. Помимо бесприставочных кратких прилагательных, внимание исследователей привлекали формы компаратива, а также наречия и предикативы, омонимичные кратким прилагательным среднего рода [Суханова 1981; Куракина 2011; Гришина 2012; Каленчук, Савинов, Скачедубова 2021]. При этом прилагательные с приставками оставались за пределами внимания ученых и зачастую не отражались в орфоэпических словарях, как «легко выводимые из производящих и не отличающиеся от них орфоэпической информацией» [Касаткин (ред.) 2017: 5].

Настоящее исследование посвящено изучению акцентуации кратких прилагательных с отрицательной приставкой *не-*. Их особенности описываются на

основании экспериментальных данных в сопоставлении с бесприставочными прилагательными с учетом диахронических закономерностей, также привлекались корпусные материалы (акцентологический подкорпус Национального корпуса русского языка, далее — НКРЯ).

Чтобы выявить особенности акцентуации кратких прилагательных с приставкой *не-* был проведен эксперимент. Респондентам (30 человек), являющимся носителями русского литературного языка (жителям Московского региона в 2–3 поколениях, с высшим образованием или студентам ВУЗов), предлагались к прочтению специально составленные тексты, содержащие краткие имена прилагательные в формах женского и среднего рода, а также во множественном числе. С целью проследить динамику изменения орфоэпической нормы респонденты были разделены на три возрастные группы: младшую (16–29 лет), среднюю (29–59 лет), старшую (60 и более). В эксперимент вошли прилагательные, имеющие как прямое, так и переносное значение, они предлагались испытуемым к прочтению в разных контекстах с целью проследить, какое влияние оказывает лексическое значение слова на его акцентуацию. Участникам эксперимента предлагалось произнести краткие формы следующих прилагательных: *небедный*, *неблизкий* (о расстоянии), *неблизкий* (о людях, идеях), *небыстрый*, *невкусный*, *неглубокий* (о водоеме), *неглубокий* (о чувствах, высказываниях), *неглупый*, *неострый* (о предмете), *неострый* (об уме, шутке), *неострый* (о вкусе), *нередкий*.

Неоднократно отмечалось, что синхронное описание языка необходимо проводить, принимая во внимание историю развития тех или иных явлений. В современном литературном языке существует немало акцентологических особенностей, которые можно объяснить, сопоставляя существующее ударение с диахроническими данными. Исторически имя прилагательное имело три основные акцентологические парадигмы: *a* (неподвижное ударение на основе), *b* (неподвижное ударение на флексии) и *c* (подвижное ударение). Данная система была подробно описана А. А. Зализняком на основе анализа памятников древнерусского языка [Зализняк 2010, т. 1: 14–17].

Современные исследования кратких прилагательных без приставки показали, что большинство прилагательных в форме **женского рода** вне зависимости от исконной парадигмы имеют вариант произнесения с ударением на флексии: *бу́йна* и *бу́йна*, *лестна́* и *лэ́стна*, *дробна́* и *дро́бна*; некоторые из них — только «нафлексивное» ударение: *быстра́*, *остра́*, *пестра́*, *нежна́*. И лишь наиболее редкие слова сохраняют ударение на основе: *а́ла*, *си́ра*, *я́ра* и подобные [Каленчук, Савинов, Скачедубова, 2017: 12].

Эксперимент по кратким прилагательным с отрицательной приставкой *не-* выявил подобную тенденцию: среди исследуемых слов нет редкоупотребительных, поэтому во всех случаях наблюдается ударение на окончании, и оно в большинстве слов преобладает: *неблизка́* (о теме) (90 % ст., 80% ср., 100% мл.), *неглубока́* (о водоеме) (100%), *неглубока́* (о жизни) (90% ст., 90% ср., 100% мл.) *неглупа́* (100% ст., 80% ср., 100% мл.) *неостра́* (о предмете) (90% ст., 90% ср., 100% мл.), *неостра́* (о шутке) (90% ст., 90% ср., 100% мл.).

Среди вошедших в эксперимент слов были отмечены и те, что могут произноситься с ударением на основе, причем в средней и старшей группах такой вариант более распространен, чем в младшей: *неблѝзка* (о дороге) (20% ст., 50% ср., 20% мл.), *небѝстра* (30% ст., 50% ср., 30% мл.), *небѝстра* (о еде) (30% ст., 30% ср., 10% мл.), *нерѝдка* (50% ст., 50% ср., 40% мл.).

Обратную тенденцию — распространение «наосновного» ударения в младшей группе информантов — показало слово *невкѝсна*, которое с таким ударением произнесли 60% респондентов младшей группы, но лишь 20% средней и 30% старшей. Следует отметить, что данная форма краткого прилагательного редко употребляется в речи, в отличие от частотного наречия *невкѝсно*, которое имеет ударение на основе и может оказывать влияние на акцентуацию формы ж. р. краткого прилагательного.

В поэтическом и акцентологическом подкорпусах НКРЯ данные словоформы встречаются в единичных контекстах: *неглубока́* (4 вхождения с ударением на окончании), *небѝстра* (1 вхождение с ударением на основе), *неблизка* (7 вхождений: *неблѝзка* (2) и *неблѝзка́* (5)), *невкусна* (7 вхождений: *невкѝсна* (2) и *невкусна́* (5)), *неглубока* (23 вхождения: *неглубо́ка* (1), *неглубока́* (22)), *неглупа́* (6 вхождений), *нерѝдка* (2 вхождения). Слова *небедна* и *неостра* отсутствуют в НКРЯ.

В современных орфоэпических словарях [Еськова 2014; Резниченко 2007] все слова данной группы имеют только один вариант ударения — на окончании, что не вполне соответствует узуальному употреблению. С приставкой *не-* в словаре даются слова *невкусна́*, *неглубока́*, *неглупа́*, *нерѝдка́*. Наш эксперимент показал, что по крайней мере два слова из списка — *невкусна* и *нерѝдка* — в почти половине случаев произносятся с ударением на основе. В целом было выявлено, что произнесение этих форм отличается бóльшей вариативностью, чем это представлено в словаре.

Согласно данным современных исследований, большинство кратких прилагательных **среднего рода** единственного числа без приставки имеют ударение на основе. Однако существует некоторое количество прилагательных, которые допускают произносительные варианты и могут иметь ударение как на основе, так и на окончании. Экспериментальные данные по бесприставочным прилагательным показали, что разные слова имеют различную произносительную динамику (соотношение произношения с ударением на основе и на окончании варьируется от 10/90% до 50/50% как в одну, так и в другую сторону). Исследователями отмечается, что большинство прилагательных, имеющих акцентологические варианты, исконно относились к парадигме *b*, для которой было свойственно неподвижное ударение на окончании [Каленчук, Савинов, Скачедубова 2017: 14]. Современные орфоэпические словари рекомендуют произносить данные формы с ударением на основе.

В результате эксперимента было выявлено, что у прилагательных *невкѝсно*, *неглѝпо*, *нерѝдко* преобладает ударение на основе: практически все респонденты произнесли эти слова с ударением на втором слоге. Ряд прилагательных с приставкой *не-* среднего рода при сохранении ударения на основе у старшей и средней

группы опрошенных в 100% случаев, в младшей возрастной группе имеет тенденцию к появлению вариантов с ударением на окончании. Это прилагательные *небѣдно* (100% ст., 90% ср., 30% мл.), *небы́стро* (100% ст., 100% ср., 60% мл.), а также *неблѣзко* в переносном значении (100% ст., 90% ср., 60% мл.). В прямом значении слово *неблѣзко* все респонденты вне зависимости от возраста произнесли с ударением на основе.

Наибольшая вариативность в среднем роде наблюдается в словах *неглубоко* и *неостро*, причем как в прямом, так и в переносном значениях. Ударение на основе в контексте *озеро неглубоко* чаще предпочитают респонденты средней и младшей группы (20% ст., 50% ср. и 40% мл.), в контексте *представление (о чем-л.) неглубоко* процент ударений на основе значительно уменьшается (10% ст., 30% ср., 10% мл.). Прилагательное *неостро* показало еще более разнородные результаты: в прямом значении (*копье неостро*) ударение на основе предпочли 90% ст., 70% ср., 10% мл., в переносном (*чувство юмора неостро*) — 40% ст., 70% ср., 30% мл. В контексте *блюдо неостро* результаты оказались сходны с прямым значением (преобладание ударения на основе): 70% ст., 80% ср. и 30% мл.

При сравнении с экспериментальными данными по бесприставочным прилагательным было выявлено, что в словах *небыстро* и *нередко* могут наблюдаться случаи ударения на окончании в младшей группе респондентов, в то время как у бесприставочных прилагательных эти слова демонстрировали только «наосновное» ударение [Каленчук, Савинов, Скачедубова 2017: 14].

В орфоэпических словарях слова *бѣдно*, *блѣзко*, *бы́стро*, *вкúсно*, *глúпно*, *рѣдко* в качестве нормативного дается только вариант с ударением на основе. При этом основным вариантом произнесения является с ударением на основе: *глубо́ко* и допустимо *глубоко́*, *остро́* и допустимо *остро* в прямом значении, в переносном, напротив, — только вариант *остро́* [Еськова 2014]. В словари [Еськова 2014; Резниченко 2007] вошли также приставочные прилагательные *неглúпно*, *невкúсно*, *нерѣдко*, единственно верный вариант их произнесения — с ударением на основе, слово *неглубо́ко* имеет вариативность: предпочтительный вариант *неглубо́ко*, а *неглубоко́* помечен как допустимый. По нашим данным слова *невкусно́*, *нередко́* могут, хотя и в небольшом количестве случаев, иметь ударение на окончании в младшей группе опрошенных, вариант *небедно́* произнесли 40% респондентов младшей группы. Ударение на окончании в слове *неглубоко́* преобладает в речи респондентов всех возрастных групп.

Стоит отметить, что краткие прилагательные в форме среднего рода в речи употребляются крайне редко в отличие от омонимичных им наречий. Об этом свидетельствуют и данные НКРЯ. В акцентологическом подкорпусе не встретились краткие прилагательные *небедно*, *небыстро*, *неглупо*, *неостро*. Остальные слова демонстрируют единичные примеры: *неблѣзко* — 3, *невкúсно* — 2, *неглубоко́* — 2, *нерѣдко* — 1. Наречия с приставкой *не-* более частотны: *неглубоко* — 45, *невкусно* — 85, *неблѣзко* — 39, *небыстро* — 30, *нередко* — 1451.

Бесприставочные прилагательные в форме **множественного числа** показывают большую акцентную вариативность, причем факторы, влияющие на то или

иное произношение сложно определимы: *блízки* и *близкí*, *рédки* и *редкí*, *вкúсны* и *вкуснý* и др. При этом исследователи отмечают бóльшую распространенность ударения на окончании у младшей группы респондентов [Каленчук, Савинов, Скачедубова 2017: 16].

Эксперимент, проведенный нами, показал ту же тенденцию: у младшей группы респондентов в 80–90% случаев преобладает произношение с ударением на окончании у слов *небеднý* (60% ст., 50% ср., 80% мл.); *неблизкí* в прямом значении (80% ст., 70% ср., 90% мл.), в переносном (80% ст., 60% ср., 100% мл.); *неглубокí* в прямом значении (80% ст., 60% ср., 80% мл.), в переносном значении (80% ст., 50% ср., 90% мл.); *неглупý* (80% ст., 50% ср., 80% мл.); *неострý* в прямом значении (40% ст., 40% ср., 90% мл.), в переносном значении — *реплики неострý* (60% ст., 60% ср., 90% мл.); в переносном значении — *блюда неострý* (70% ст., 30% ср., 80% мл.). В половине случаев отмечается ударение на основе у слов *нерédки* (60% ст., 80% ср., 50% мл.), *небýстры* (60% ст., 90% ср., 50% мл.). Во всех возрастных группах преобладает ударение на основе у прилагательного *невкúсны* (80% ст., 60% ср., 90% мл.).

В [Еськова 2014] данные формы имеют вариативное ударение: *неглубоки* и *невкусны* имеют равноправные варианты, а слова *неглупы*, *нередки* имеют предпочтительный вариант с ударением на основе и допустимый на окончании. В [Резниченко 2007] все перечисленные прилагательные имеют равноправные варианты.

В поэтическом и акцентологическом подкорпусах НКРЯ встречаются не все прилагательные, вошедшие в эксперимент, число вхождений небольшое. Наиболее частотным является слово *нерédки* (50 вхождений), все случаи — с ударением на основе. Слово *неглубóки* встретилось как в прямом (2 вхождения с ударением на основе), так и в переносном значении (6 вхождений, *неглубóки* — 4 и *неглубокí* — 2), слово *невкúсны* (7 вхождений, 3 из них с ударением на основу принадлежат текстам конца XVIII — начала XIX вв., 4 с ударением на окончании — текстам XX–XXI вв.). *Небýстры* (2 вхождения *небýстры* и 1 *небыстры*), *неблизки* (3 вхождения, 2 вхождения — *неблизкí* в переносном значении и 1 в прямом — *неблízки*), *неострý* (1 вхождение в прямом значении *неóстры*). Прилагательное *небедны* не встретилось.

Можно заметить, что экспериментальные данные показали достаточно разнообразные результаты, однако эмпирический материал позволяет сделать ряд наблюдений. Одним из наиболее значимых факторов, оказывающих влияние на постановку ударения, является так называемый прагматический фактор — освоенность/неосвоенность слова или конкретной его формы. Так, А. А. Зализняк, рассматривая краткие прилагательные, указывает: «В данном классе словоформ противопоставление, лежащее в основе прагматического фактора, в сущности сводится к различию по степени употребительности соответствующих кратких форм в живой речи и к наличию или отсутствию у них книжной (возвышенной, архаичной) окраски» [Зализняк, 2010, т. 1: 25]. Следовательно, ударение на окончании возможно лишь для хорошо освоенных, частотных словоформ. Применительно к нашему материалу данный фактор связан с различием акцентуации слов в прямом и переносном

значении. В кратких прилагательных среднего рода — *неблизко* и *неглубоко* отчасти прослеживается влияние контекста. Эти слова в переносном значении были чаще произнесены с ударением на окончании, чем в прямом. Очевидно, данные формы более частотны именно в переносном значении, что оказывает влияние на акцентуацию — преобладание ударения на окончании, особенно в речи молодых людей.

Важным социолингвистическим фактором при изучении акцентуации является возраст респондентов. В ходе эксперимента было выявлено различие в произношении некоторых прилагательных у младшего и старшего поколений, наиболее явно оно прослеживается в слове *неостро*. В прямом значении *неóстро* произносят 90% ст., 70% ср., 10% мл. В значении ‘вкусное качество’ наблюдается подобная тенденция — *неóстро* произнесли 70% ст., 80% ср., 30% мл. В значении ‘хорошо развитой, изощрённый, тонкий’ результаты получились следующие: *неóстро* произнесли 40% ст., 70% ср., 30% мл. Стоит отметить, что эти результаты отличаются от экспериментальных данных по слову *остро* в прямом значении. Варианты *óстро* и *острó* распределились в соотношении 50/50 среди респондентов старшей и младшей возрастных групп (средняя не выделялась) [Каленчук, Савинов, Скачедубова 2017: 22]. Изменение произносительной нормы иллюстрируют и другие прилагательные, например, *небédно* (в прямом значении) с ударением на основе произнесли 100% ст., 90% ср., 20% мл., а *небы́стро* (в прямом значении) произнесли с ударением на основе 100% ст., 100% ср., 60% мл. Младшая группа респондентов показывает тенденцию к распространению ударений на окончании. Е. Б. Куракина, исследовавшая тенденции развития акцентологических норм в речи младшего поколения москвичей, также указывает на активное распространение «нафлексивно-го» ударения, прослеживая взаимосвязь со степенью освоенности слов, что «объясняется прежде всего прагматической закономерностью в акцентуации кратких форм прилагательных: как и в полных прилагательных, склонность к типу ударения А наблюдается у менее освоенных, более редких в речи слов, а к типу С — в словах частотных и хорошо освоенных. Следовательно, колебание ударения в сторону типа С отражает растущую степень освоенности того или иного прилагательного говорящими» [Куракина, 2011: 22].

Таким образом, можно отметить, что, как и в случае с краткими формами прилагательных без приставок, краткие формы с отрицательной приставкой *не-* отличаются достаточно высокой степенью акцентологической вариативности, принципиальных отличий от акцентуации бесприставочных прилагательных выявлено не было. При принятии кодификационных решений каждое слово нужно рассматривать отдельно, учитывая весь спектр лингвистических и социолингвистических факторов.

Литература

Гришина Е. А. Микроизменения в акцентологической системе русских прилагательных по материалам Национального корпуса русского языка // Вопросы культуры речи. Вып. 11. М., 2012. С. 88–102.

Еськова Н. А. Словарь трудностей русского языка. Ударение. Грамматические формы. М., 2014. 536 с.

Зализняк А. А. Труды по акцентологии в 2-х тт. М.: Языки славянских культур, 2010–2011. 848 с., 352 с.

Касаткин Л. Л. (ред.). Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017. 1024 с.

Каленчук М. Л., Савинов Д. М., Скачедубова Е. С. Активные процессы в просодической системе русского языка: акцентуация прилагательных // Русский язык в научном освещении, 2017, № 2. С. 9–29.

Каленчук М. Л., Савинов Д. М., Скачедубова Е. С. Акцентуации имен прилагательных // Норма произношения в узусе и кодификации. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2021. С. 106–132.

Куракина Е. Б. Тенденции развития акцентологических норм в речи современных молодых москвичей. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 30 с.

Резниченко И. Л. Словарь ударений русского языка. М., 2007. 944 с.

Суханова М. С. Ударение прилагательных в акцентной системе современного русского словоизменения. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1981. 24 с.

A. E. Zhuravleva¹, E. V. Korpechkova²

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)*

alsomova@yandex.ru¹, lelenke@gmail.com²

THE FEATURES OF THE ACCENTUATION OF SHORT ADJECTIVES WITH THE PREFIX *NE-*

The pronunciation of a number of short adjectives is characterized by a high degree of accentological variability, which is not always objectively reflected in orthoepic dictionaries. In particular, short adjectives with the prefix *not-* have so far remained outside the attention of researchers. This paper presents experimental data on adjectives: *nebedno*, *neblizko* (about distance), *neblizko* (about people, ideas), *nebystro*, *negluboko* (about a body of water), *negluboko* (about feelings, statements), *neglupo*, *neostro* (about the subject), *neostro* (about the mind, joke), *neostro* (about taste), *neredko*. The research compared the obtained data with the results of the experiment on non-representative adjectives, and used corpus materials. Based on the conducted research, it is possible to identify a number of factors that influence the accentuation of a word. Thus, the significant factors include the lexical meaning of the word (direct or figurative), the degree of the development of the adjective (bookish, sublime meaning) or the age of the respondents.

Key words: orthoepy, accentology, short adjectives, codification, usage.

References

Es'kova N. A. *Slovar' trudnostei russkogo yazyka. Udarenie. Grammaticheskie formy* [Dictionary of difficulties of the Russian language. Accent. Grammatical forms]. Moscow, 2014. 536 p.

Grishina E. A. [Micro-changes in the accentological system of Russian adjectives based on the materials of the National Corpus of the Russian language]. *Voprosy kul'tury rechi* [Issues of speech culture]. Moscow, Iss. 11, 2012, pp. 88–102. (In Russ.)

Kalenchuk M. L., Kasatkina L. L., Kasatkina R. F. *Bol'shoi orfoepicheskiy slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ee varianty* [The Great Orthoepical Dictionary of the Russian language. Literary pronunciation and stress of the beginning of the XXI century: the norm and its variants]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2017. 1024 p.

Kalenchuk M. L., Savinov D. M., Skachedubova E. S. [Accentuation of adjectives]. *Norma proiznosheniya v uzuse i kodifikatsii* [The norm of pronunciation in usage and codification]. Moscow, Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN Publ., 2021, pp. 106–132. (In Russ.)

Kalenchuk M. L., Savinov D. M., Skachedubova E. S. [Active processes in the prosodic system of the Russian language: accentuation of adjectives]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2017, no. 2, pp. 9–29. (In Russ.)

Kurakina E. B. *Tendencii razvitiya akcentologicheskikh norm v rechi sovremennykh molodykh moskvichej* [Trends in the development of accentological norms in the speech of modern young Muscovites]. Extended abstract of candidate's thesis. Moscow, 2011. 30 p.

Reznichenko I. L. *Slovar' udarenii russkogo yazyka* [Dictionary of accents of the Russian language]. Moscow, 2007. 944 p.

Sukhanova M. S. *Udarenie prilagatel'nykh v aktsentnoi sisteme sovremennogo russkogo slovoizmeneniya* [The stress of adjectives in the accentual system of modern Russian inflection]. Extended abstract of candidate's thesis. Moscow, 1981. 24 p.

Zaliznyak A. A. *Trudy po aktsentologii v 2-kh tomakh* [Works on accentology in 2 volumes]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2010, 2011. 848 p., 352 p.

А. В. Занадворова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

annazann@gmail.com

Г. Е. Крейдлин

Российский государственный гуманитарный университет

(Россия, Москва)

gekr@iitp.ru

Е. Я. Шмелева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

eshkind@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОНЕТИКИ И ОРФОГРАФИИ РУССКИХ ПАРАЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

В устной коммуникации принимают участие как вербальные, так и невербальные языковые единицы — жесты, выражения лица, позы и единицы, относящиеся к параязыку. Именно параязыковым единицам посвящена настоящая работа. В ней анализируются как фонетические и орфографические особенности звукоподражаний, так и произносительные и графические варианты полнозначных слов. В связи с произносительными и орфографическими колебаниями встает вопрос о кодификации и нормировании параязыковых единиц в лексиконах толковых словарей или специального словаря параязыковых единиц.

В статье особо отмечаются причины появления фонетических и орфографических изменений в параязыке. Это физиологические, психологические, социальные, культурные и другие причины. Показано, что едва ли не каждое изменение приводит к тем или иным колебаниям в составе параязыковых последовательностей.

Многие параязыковые единицы являются симптомами отдельных патологий или актуальных эмоциональных состояний человека. Тем самым появление таких параязыковых единиц в речи или тексте является важным прогностическим средством.

Для каждой параязыковой последовательности русского языка существует коррелятивная ей лексическая единица (ср. *ав-ав, гав-гав* — *гавкать, лаять*). В работе ставятся и обсуждаются некоторые проблемы, касающиеся соотношений между

языковыми и параязыковыми, а также жестовыми, мимическими и другими невербальными знаками.

Ключевые слова: параязык, фонетика, орфография, нормирование, кодификация, словарь русского параязыка.

Введение

Лексикографическое представление единиц, входящих в фонд русского языка, предполагает сообщение фонетической и орфографической информации для каждой из этих единиц. Словарь русского параязыка¹ в этом отношении не составляет исключения. Разнообразие фонетических и орфографических вариантов параязыковых единиц заставляет исследователей выделить некоторые из вариантов как нормативные, а остальные отнести к произносительным или орфографическим колебаниям.

Отметим, что варианты произношения и правописания параязыковых единиц могут встретиться в речи одного и того же человека. Например, в текстах поэта и переводчика Г. М. Кружкова мы встречаем такие единицы, как *каppp*, *каpp*, *каp*, а в «Толковом словаре русской разговорной речи» (далее — ТСРР) находим такие последовательности, как *ай-ай*, *ай-ай-ай*, *ай-яй-яй* и др. В связи с произносительными и орфографическими колебаниями встает вопрос о кодификации и нормировании параязыковых единиц.

Юбиляр, которому мы посвящаем настоящую работу, давно и успешно занимается проблемой соотношения произносительной нормы и кодификации лексических единиц русского языка. В целом ряде словарей, монографий и статей содержатся ее тонкие наблюдения и размышления над изменениями норм в зависимости от разных параметров — территориальных, временных, социальных и др. В этих работах М. Л. Каленчук предлагает решения многих проблем кодификации орфоэпических и орфографических норм русского языка.

Не составляет исключения и коллективная монография «Норма произношения в узусе и кодификации» [Каленчук, Савинов (ред.) 2021]. Она посвящена обсуждению проблем соотношения двух разных типов произносительных норм в русском языке — кодифицированных и узуальных. Под *кодифицированной произносительной нормой* понимается «официально закрепленная в словарях, справочниках, учебниках и пропагандируемые правила и способы реализации звуковых единиц». *Узуальными нормами* для литературного языка считаются «предпочтения образованных людей в звуковом оформлении слов и словоформ».

Вслед за юбиляром мы рассматриваем соотношение кодифицированных и узуальных произносительных и орфографических норм параязыковых единиц.

1. Русский параязык и его строение

Параязыковые единицы принято делить на три класса, или на три категории, см., например, [Крейдлин, Шмелева 2023].

К первой категории относятся одиночные звуки (буквы) и последовательности звуков (букв). Эти единицы не принадлежат естественному языку, но в конкретном

¹ См. об этом словаре и его строении [Занадворова, Крейдлин, Шмелева 2024].

акте коммуникации могут означиваться, или семиотизироваться, то есть приобретать значение.

Так, в примере (1) последовательность *ха..а!* приобретает значение симптома определенной болезни:

- (1) *Достаточно услышать продолжительный свистящий выдох ха..а! <...> Разве долгое ха! астматика не напоминает греческое asthma? (А. Щеклик. Катарсис);*

В примере (2) две последовательности *пах-пах-пах!* обозначают звуки выстрелов:

- (2) *Всю ночь мы слышали: пах-пах-пах! пах-пах-пах! ... Когда раздалась эти звуки, выстрелы, я говорю хозяйке — Что это? Кого-то убивают? (В. Глоцер. Марина Дурново. Мой муж Даниил Хармс).*

Некоторые из паразыковых последовательностей, например *бац, брр, ш-ш-ш*, уже давно стали конвенциональными лексическими единицами языка и описаны в ряде толковых словарей: ТСРР [Крысин (ред.) 2014–2022], БТС [Кузнецов (ред.) 2014], МАС [Евгеньева (ред.) 1999] и др.

Вторую категорию, которая и составляет основной предмет настоящей статьи, образуют так называемые *фонации*, см. [Кодзасов 2000]. Под ними мы понимаем изменения звучания традиционных звуков речи, а также отдельных звуков паразыка. Фонации возникают вследствие изменений разных параметров речи, таких как тембр, скорость, частота, ритм и изменений мелодики интоном, интенсивности звуков, длительности пауз и слогов.

К третьей категории относятся лингвокультурологические комплексы, такие как стоны, стенания, смех, крик или плач, а также комплексы инструментальных звуков, то есть звуков, сопровождающих те или иные действия, вместе с их языковыми обозначениями.

Все паразыковые явления можно разделить на два класса по отношению к зафиксированной в словарях и справочниках норме: нормированные явления и узусальные явления. Судя по собранному нами большому материалу, нормированных паразыковых единиц намного меньше, чем узусальных.

Из паразыковых единиц особое внимание мы уделяем *паразыковым последовательностям*, которые отражают колебания в произносительных и орфографических нормах. При этом одиночные паразыковые единицы, наиболее близкие к междометиям, мы оставляем в стороне. Отметим попутно, что при редупликации междометий произносительные нормы часто меняются. Например, *ага* произносится не так, как *ага-ага*, *ай* — не так, как *ай-йй*; к тому же междометия *йй* в русском языке нет, тогда как последовательность *ай-йй* входит в состав русского паразыка.

Редупликации, как правило, изучаются применительно к полнозначным языковым элементам², а специальных работ, посвященных редупликации паразыковых

² См., в частности, исследования, посвященные различным видам редупликации: [Пайар, Плунгян 1993], [Плунгян, Рахилина 2010], [Рожанский 2011].

единиц, насколько нам известно, нет. Между тем такая редупликация представляет собой интересную проблему, подобно редупликациям ряда других невербальных знаков, таких как жесты, позы, телодвижения, походки.

В нормативных толковых словарях параязыковые последовательности системно не фиксируются. Для них, как правило, не существует общепринятых графических и фонетических норм (ср. различное правописание *вжик-вжик* и *вжиг-вжиг*). Ниже мы рассмотрим некоторые фонетические и морфологические характеристики параязыковых последовательностей, такие как их фонемное и морфемное строение, продолжительность звучания, длительность последовательности, особенности внутреннего ударения, а также вариативность внутри самой последовательности.

Объем статьи не позволяет нам системно описать все эти характеристики. Приведем лишь отдельные примеры, демонстрирующие особенности строения параязыковых единиц и их фонетической и орфографической вариативности. Остановимся, в основном, на фонациях, характерных для семантических классов звукоподражаний.

2. Семантические классы звукоподражаний

Звукоподражания делятся на подражания звукам животных и звукам механизмов и инструментов. В целом ряде работ было отмечено, что существуют одиночные звуки, близкие к междометиям или тождественные им (*гав, мяу* и т. п.), а также некоторые нормированные и ненормированные последовательности звукоподражаний (см. о них, например, монографию [Шляхова 2003]). В литературе больше всего внимания уделялось нормированным последовательностям, но при этом не было отмечено, что даже нормированные последовательности, такие как *гав-гав* или *мяу-мяу*, могут удлиняться — утраиваться, учетверяться и т. д., ср. ненормированные *гав-гав-гав, гав-гав-гав-гав, мяу-мяу-мяу, мяу-мяу-мяу-мяу*. Кроме того, нормированные параязыковые единицы могут в речи модифицироваться, превращаясь в ненормативные, ср.: *миау, мьяу*.

Одиночные параязыковые единицы тоже существуют, ср.:

- (3) *Сьщики ответили коротко: — Тяф! И помчались на пустырь особым хитрым галопом, заноса задние ноги вбок.* (А. Н. Толстой. Золотой ключик, или приключения Буратино)

При этом единица *тяф* допускает удлинение, причем теоретически неограниченное, см. (4)–(6):

- (4) *«Тяф-тяф», — сказала никому не знакомая собака.* (В. Постников. Приключения Карандаша и Самоделкина).
- (5) — *Если я сейчас не проглочу хоть что-нибудь съедобное, то я буду жевать свои собственные стоптанные ботинки. — Тяф-тяф-тяф, — гавкала собака Клякса* (В. Постников. Путешествие Карандаша и Самоделкина).

- (6) *Генерал выступал не спеша, браво, по-военному, пристукивая тростью, и в такт своим шагам отрывисто покашливал: «Кха! Кха! Кха! Кха!» Пузатенькая собачонка, видимо, в подражание хозяину, тоже в такт с ним, побряхтывала: «Тяф! Тяф! Тяф! Тяф!»* (В. Шишков. Угрюм-река).

Обратим внимание, на последовательность *Кха! Кха! Кха! Кха!*, которая целиком состоит из ненормативных единиц (при нормативной передаче покашливания — *кхе-кхе*).

Параязыковое удлинение графически может передаваться по-разному, ср. единицы *тяф-тяф-тяф* и *Тяф! Тяф! Тяф!* Норма правописания при этом не установлена: для разных выражаемых значений она может быть разной, ср. слитное, раздельное или дефисное правописание внутри параязыковой последовательности, а также правописание последовательности, члены которой начинаются со строчной или прописной буквы и разделяются при этом запятой, многоточием или восклицательным знаком.

Как мы видим, не только фонетические, но и орфографические варианты параязыковых единиц могут быть весьма разнообразными.

Остановимся теперь на таком важном виде фонационных изменений, как удлинение параязыковой последовательности. Оно бывает не только редупликативным, но и чисто произносительным, ср. разного вида удлинения гласных или согласных.. Есть единицы *ш-ш-ш*, *ш-ш-ш-ш*, *с-с*, *с-с-с*, тогда как одиночных *ш* и *с* в качестве параязыковых единиц нет. Этим, в частности, параязыковые последовательности отличаются от нормативных редупликаций языковых единиц. Отметим попутно, что удлинение согласных характерно для многих русских параязыковых единиц, ср. *пссст!*, *цици*, *ффф*.

То, что единицы *ш-ш-ш* и *с-с-с* принадлежат параязыку, доказывается, в частности, тем, что в разных контекстах они приобретают разные значения, например, ‘злое шипение’ или ‘призыв к тишине’.

Другой тип удлинения звуков относится не к собственно передаваемой семантике, а отображает разного рода экспрессивные характеристики параязыковых единиц, см., например, последовательности, связанные с действиями или эмоциями субъектов действий. Так, в предложении (7) параязыковая последовательность *вжжж... вжжж... вжжж...* передает однообразие звучания и воздействие пилящего звука на восприятие адресата:

- (7) *Струйки молока били в ведро с однообразным пилящим звуком: вжжж... вжжж... вжжж...* (Ю. Коваль. Приключения Васи Куролесова).

В предложении (8) параязыковые единицы обозначают приписываемые паркету эмоции, на что указывает языковой комментарий к этим единицам:

- (8) *«Кря-кря, вжи-вжи», — вновь оживает в своей жалобной песне паркет.* (В. Савич. Табуретка мира).

Языковой комментарий, сопровождающий параязыковые единицы, способствует более точному определению выражаемых значений.

3. Причины появления параязыковых фонаций

В книге «Невербальная семиотика» [Крейдлин 2002: 29 и след.] в качестве основных причин появления фонаций в параязыке были выделены социальные, физиологические, психологические (эмоциональное состояние), этнографические (национальные особенности), климатические, географические и некоторые другие. При этом каждое из отклонений от произносительных или орфографических норм параязыковых единиц характеризуется своими особенностями.

Обратимся к социальным характеристикам носителей русского параязыка. Отчетливо выделяется две группы — это люди, для которых русский параязык, как и обычный язык, является родным, и они вместе составляют знаковые коды повседневного общения, и люди, для которых русский язык и параязык не являются родными.

Норму и кодификацию естественно определять только относительно первой группы носителей языка. Впрочем, для второй группы людей можно отметить разные узуальные употребления. И здесь важно то, какой язык для этих людей является родным.

Вот как может выглядеть графическая передача национальных произносительных особенностей:

- (9) *Норвежец, когда нерпа ушла, повернулся ко мне, прищурил глаза и, не вынимая трубки изо рта, прошепелявил: — **Глюный** животное... **Глюный** как **пропка**, а какой есть ум!..* (П. Сажин. Капитан Кирибеев).
- (10) — *Это у нас **насывается** сабантуй, — прошепелявил татарин. — **Прасник** урожай... (В. Кормер. Крот истории или революция в республике S=F).*
- (11) *Сидит партизан на рельсах и пытается их взорвать. Вдруг чувствует, кто-то трогает его за плечо. Оборачивается — немец. — Ооо, русский **партисан** — говорит немец и берет из рук коробок стичек. — **Фаприка** «**Красный Октябрь**». Ну **тавай, тавай**...(из анекдота).*

Произносительные нормы у носителей русского параязыка как родного различаются по таким признакам как физиологические особенности речи. Эти признаки могут быть как временными, так и постоянными. Кроме того, произносительные нормы варьируются по таким социальным признакам, как возраст (детская vs взрослая речь), пол (мужская vs женская речь), социальное бытование (обиходная vs профессиональная речь), сфера распространения параязыковых единиц (литературная vs региональная речь) и ряду других.

Приведем некоторые примеры различий произносительных норм параязыковых единиц в соответствии с указанными признаками. Начнем с **физиологических** характеристик.

К временным физиологическим характеристикам относятся признаки параязыковых единиц, встречающихся в речи человека, который в данный момент находится в аномальном состоянии. Мы имеем в виду речь больных, пьяных, уставших

и др. Про таких людей часто говорят <у них> *каша во рту, язык заплетается*. Речь у них бессвязная, плохо разборчивая, в ней встречается много непонятных и неканонических парязыковых единиц.

- (12) ... *которая ээ — мээ, кото ээ-ээ которо -ээ-мэ. ии — аа — а, который который достаточно ска ээ-ээ-подверди и-и-а-а подтвердило о том, что Россия ээ-ээ имеет достаточно ээ-ээ-ааа — ии эээ много достаточно ээ-ээ сложных проб... проблему...эээ проблем достаточно эээ важных ээ-ээ прес..ээ — ээ преспек... ааа — перпективы ...* (В. Лебедев. Подпольные златоусты).

У некоторых больных людей временная дизартрия характеризуется тем, что из-за расслабленности мышц воздух при выдохе вяло проходит через нос; при этом их речь приобретает явно выраженный назальный оттенок.

В русском парязыке отмечаются также причмокивания, назализованные последовательности типа *мммм, ммхм*, часто используемые в экспрессивных высказываниях.

Звуковые патологии в русском языке имеют устойчивые наименования — *картавить, шепелявить, гундосить, гнусавить, заикаться* и др. Не претендуя на построение строгих правил графической передачи перечисленных явлений, отметим наиболее типичные.

Удлинение и растяжка звуков, о которых говорилось выше, характерны, в частности, для гундосящей или гнусавой речи. Ср.:

- (13) *Говорил Осип Эмилевич презабавно — гнусаво, в гайморитный нос, и нараспев: «Вы зна-а-а-аете, Анато-о-олий, сего-о-о-одня вы-ы-ы-ымя застря-я-я-яло у меня-я-я-я в го-о-о-орле»* (А. Мариенгоф. Это вам, потомки!).

Здесь А. Мариенгоф передает характерную для О. Мандельштама «гайморитную» речь нараспев.

В примере (14) гундосящая речь, которая фонетически выражается определенным искажением звуков, графически передается заменой букв. Так, на месте [н] появляется [д], происходит графически выраженное озвончение звуков [п], [т], [к']:

- (14) *Сестра нарвала горсть «бусинок» <ежевика>, красиво инкрустировала ноздри (раз уши не дают!) и победно вернулась к родителям. — Ду деберь-до вы видиде, чдо эдо бусинги? — прогундосила она* (Н. Абгарян. Всё о Манюне).

Шепелявость часто передается заменами в пределах парязыковой последовательности свистящих звуков [с] и [з] на шипящие [ш] и [ж], возможно, с сопутствующими изменениями гласных и согласных звуков, ср. примеры (15)–(17):

- (15) — *Шпашибо, шинок... — благодарно прошепелявил тот, кутаясь в неожиданный подарок.* (В. Доценко. Срок для Бешеного).

- (16) *Сливки соскользнули и смачной кляксой шлепнулись на пол. — **Блжви-ните**, — смеясь клубничным ртом, прошепелявила она.* (В. Бочков. Монтекристо)
- (17) — *Заткнись, я сказал! — рывкнул он. — **Волото, волото**, — прошепелявила калека. — Как-как? — удивился Геннадий.* (С. Дигол. Когда она замолчала).

Все перечисленные фонационные процессы характеризуются, как мы видим, не только фонетическими заменами, но и явлениями, присущими именно паразыковым единицам. Это начальные или конечные удлинения обычных языковых единиц и разного вида редупликации, как в примерах (18) и (19). В них имитируется заикание:

- (18) ***Г-господа**, сказал он, чуть заикаясь, не по эйнштейновой ли тропе вы собираетесь пойти?* (А. А. Ботев. Кот Шредингера // «Волга», 2013).
- (19) — *Он **при-пришел**, и я **сра-сразу**, — заикалась Ира, — сразу почувствовала, что от него пахнет чужими **ду-духами**.* (Н. В. Нестерова. Отелло в юбке).

Теперь обратим внимание на фонации, вызванными разными **социальными** особенностями.

Известно, что фонетически детская речь устроена иначе, чем речь взрослых, в частности, это касается описания паразыковых особенностей детской речи, прежде всего фонационных. Отметим, что нет регулярного соответствия между произносительными нормами взрослой речи и детской. Так, в детской речи встречаются единицы типа *сыски*, *фыфки* и *хыхки* вместо *шишки* (см. В. Драгунский. Заколдованная буква). Графическая передача детской речи системно не соотносится с ее устным произнесением, и это также касается паразыковых характеристик детской речи.

Разнообразные социальные характеристики паразыковых последовательностей коррелируют с разными неречевыми звуками, встречающимися в устной коммуникации. Такие неречевые звуки вместе с именами физиологических актов, вызывающих эти звуки, получили в невербальной семиотике названия *адаптеров*. Мы имеем в виду такие невербальные акты, как икота, кашель, насморк, рычание, урчание, которые, помимо характерных звучаний, сопровождаются разнообразными движениями тела или его частей. Например, нормативные звуки икоты (*ик-ик*) сопровождаются подергиванием тела и головы, а нормативные звуки рычания (*ррррр*) — искаженным лицом, возможно, сжатием кулаков.

Адаптеры играют важную роль в социальной жизни людей. В частности, они образуют оригинальные этические системы в пределах языка и подязыка. Так, людей издавна призывали не чавкать, не плевать, не вычищать нос, не выкашливаться (мы ссылаемся здесь на такой памятник, как Домострой XV–XVI вв.). При этом для социальных верхов этическая система была всегда иной, чем для низов. Например, С. Н. Шубинский, описывая придворный быт и поведение людей

во дворе императрицы Анны Иоановны³, отмечает, что всякий раз, когда императрица слушала обедню в придворной церкви, ее шуты садились в лукошки в той комнате, через которую ей нужно было проходить во внутренние покои, и кудахтали, подражая наседкам.

Диахронный и синхронный анализ социальных подсистем русского языка и параязыка составляет интересную, но плохо изученную проблему.

Для многих социальных слоев современного общества можно выделить характеристические элементы свойственного им параязыка. Например, при обследовании тела пациента врачи часто произносят последовательность *та-ак, та-а-ак*. В ситуации, когда врач просит больного высунуть язык, он говорит ему *скажите а-а-а-а*. Военские команды часто содержат особые параязыковые последовательности с раскатистым *ррррррр* — *Рррота, стройсь!*

Скажем несколько слов об отражении психологических характеристик человека в параязыковых единицах.

Актуальная эмоциональная речь, равно как и настроение, могут вводиться словами *скулить, канючить, ныть, радоваться, визжать от восторга* и др.:

- (20) — *Он уезжа-а-а-ает. Кто теперь меня похищать бу-у-у-дет? — плаксиво проскулила Василиса.* (Кощей меняет профессию // «Хулиган», 15.08.2004).

А также сопровождаться указанием на соответствующие жесты:

- (21) «...*правильный ответ — Марк Шагал!!*» — *Урра!* — *победно вскинули руки близнецы.* (М. Чулаки. Борисоглеб).

Заключение

В работе отмечены и проанализированы некоторые произносительные и орфографические особенности русских параязыковых единиц. Основное внимание мы уделили соотношению кодифицированных и узуальных произносительных и орфографических норм таких единиц.

Основной фонд параязыковых единиц — это параязыковые последовательности, построенные на базе одиночных единиц путем их повтора или удлинения отдельных звуков. На примере семантических классов звукоподражаний были рассмотрены разные параязыковые единицы, отображающие звуки животных и механизмов.

Процессом, характерным для функционирования параязыка, является появление фонаций, под которыми понимаются изменения различных параметров речи под действием тех или иных причин. Эти причины бывают физиологическими психологическими, социальными, этническими и другими. В статье приведены примеры вариативных произносительных норм русских параязыковых единиц в зависимости от указанных признаков.

³ См. [Шубинский 1873: 340–342].

Литература

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

Занадворова А. В., Крейдлин Г. Е., Шмелева Е. Я. Паразыковые единицы в инициальных и ответных репликах диалога // Вестник РГГУ, 2024 (серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»), № 8, 2024, С. 56–70.

Каленчук М. Л., Савинов Д. М. (ред.). Норма произношения в узусе и кодификации. М.: 2021, 248 с.

Кодзасов С. В. Голос: свойства, функции и номинации // Язык о языке. Сб. статей / Под общим рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 502–526.

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. М.: НЛЮ, 2002. 592 с.

Крейдлин Г. Е., Шмелева Е. Я. Паразык в текстах // Русская речь. 2023. № 1, С. 45–65.

Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Выпуск 1–4. М.: Языки славянской культуры. Вып. 5. М.–СПб.: Нестор-История, 2014–2022.

Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

Пайар Д., Плунгян В. А. Об одном типе конструкции с повтором глагола в русском языке. *Russian linguistics* 17 (3), 1993, 263–277.

Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Тушат-тушат — не потушат: грамматика одной глагольной конструкции. In: Рахилина Е. В. (ред.) Лингвистика конструкций. Москва: Азбуковник 2010, 83–94.

Рожанский Ф. И. Редупликация. Опыт типологического исследования. М.: Знак. 2011. 160 с.

Шляхова С. С. Тень смысла в звуке. Введение в русскую фоносемантику. Пермь: ПГПУ, 2003. 244 с.

Шубинский С. Н. Императрица Анна Иоановна. Придворный быт и забавы / Русская старина 1873 г. VI, 340–342

A. V. Zanadvorova

Vinogradov Institute for the Russian Language of RAS
(Russia, Moscow)
annazann@gmail.com

G. E. Kreidlin

Institute of Linguistics RSUH
(Russia, Moscow)
gekr@iitp.ru,

E. Ya. Shmeleva

Vinogradov Institute for the Russian Language of RAS
(Russia, Moscow)
eshkind@mail.ru

PHONETIC AND ORTHOGRAPHIC PECULIARITIES OF RUSSIAN PARALINGUISTIC UNITS

In oral multimodal communication, verbal and non-verbal language signs (gestures, facial expressions, postures and paralinguistic units) interact closely. The paper deals with phonetic and graphic features of Russian paralinguistic units of different semantic classes. The authors examine different variants of paralinguistic sequences including onomatopoeia, reduplication of vocals and consonants, prolongation of sounds within verbal units.

Various problems concerning codification and normalization of paralinguistic units are considered, and the reasons of different fluctuations in paralinguistic sphere are discussed.

We examine the reasons that influence phonetic and orthographic changes in paralinguistic such as physiological, psychological, social, cultural etc. Each type of changes leads to certain fluctuations in the composition of paralinguistic sequences. Many paralinguistic units present reliable symptoms of individual diseases or current emotional states of a person.

Almost every paralinguistic sequence corresponds to the lexical unit of Russian (eg. *av-av, gav-gav — gavkat', layat'*). Some pages of the paper are devoted to important problems concerning the relationship between linguistic and paralinguistic units.

Key words: paralinguistic, phonetics, spelling, norm, codification, dictionary of Russian paralinguistic.

References

Costanzo M. and Archer D. Interpreting the expressive behavior of others: The Interpersonal Perception Task. *Journal of Nonverbal Behavior*, no. 13, 1989, pp. 225–245.

Evgenieva A. P. (Ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: In 4 vols]. RAS, Institute of Linguistic Research. 4th edition. Moscow, Russkii Yazyk Publ., Polygraphresursy Publ., 1999.

Kalenchuk M. L., Savinov D. M. (Eds.). *Norma proiznosheniya v uzuse i kodifikatsii* [Norm of pronunciation in usage and codification]. Moscow, 2021. 248 p.

Kodzasov S. V. [Voice: properties, functions and nominations]. *Yazyk o yazyke* [Language about language]. Moscow, YASK Publ., 2000, pp. 502–526. (In Russ.)

Kreidlin G. E. *Neverbal'naya semiotika* [Nonverbal semiotics]. Moscow, NLO Publ., 2002. 592 p.

Kreidlin G. E., Shmeleva E. Ya. [Verbal and non-verbal elements of an anecdote]. *Logicheskii analiz yazyka. Yazykovye mekhanizmy komizma* [Logical analysis of language. Language mechanisms of comedy]. Ed. by N. D. Arutyunova, Moscow, Indrik Publ., 2007, pp. 509–519. (In Russ.)

Kreidlin G. E., Shmeleva E. Ya. [Paralanguage in Natural Language Texts]. *Russkaya Rech'*, no. 1, 2023, pp. 45–65. (In Russ.)

Krysin L. P. (Ed.) *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoj rechi* [Dictionary of Russian Everyday Speech]. V. 1–4, YASK Publ., Moscow, V. 5, Nestor-Istoriya Publ, St. Petersburg, 2014–2022.

Kuznetsov S. A. (Ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Great dictionary of Russian language]. Compiler S. A. Kuznetsov. St. Petersburg, Norint Publ., 1998, 534 p.

Païar D., Plungyan V. A. [About one type of construction with verb repetition in the Russian language]. *Russian linguistics*, no. 17 (3), 1993, pp. 263–277. (In Russ.)

Plungyan V. A., Rakhilina E. V. [They are putting out and putting out — but no go!: grammar of one verb construction]. *Lingvistika konstruksii* [Linguistics of constructions]. Ed. by Rakhilina E. V., Moscow, Azbukovnik Publ., 2010, pp. 83–94. (In Russ.)

Rozhansky F. I. *Reduplikatsiya. Opyt tipologicheskogo issledovaniya* [Reduplication. Typological research experience]. Moscow, Znak Publ., 2011. 160 p.

Shlyakhova S. S. *Ten' smysla v zvuke. Vvedenie v russkuyu fonosemantiku* [A shadow of meaning in the sound. Introduction to Russian phonosemantics]. Perm', PSPU Publ., 2003, 244 p.

Shubinsky S. N. [Empress Anna Ioanovna. Court life and fun]. *Russkaya starina* [Russian antiquity]. 1873, pp. 340–342. (In Russ.)

Zanadvorova A. V., Kreidlin G. E., Shmeleva E. Ya. [Paralinguistic units in initial and response remarks of dialogue]. *Vestnik RGGU* (series “Literary Studies. Linguistics. Culturology”), no. 8, 2024, pp. 56–70.

О. Ц. Йокояма

Калифорнийский университет
(США, Лос-Анджелес)
olga@humnet.ucla.edu

ЛЮБОВНОЕ ПИСЬМО 1892 г. ПРАГМАФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье приводится впервые публикуемый текст и факсимиле письма, написанного в конце XIX в. молодым крестьянином Сарапульского уезда Вятской губернии. В процессе анализа этого письма проводится постепенное расширение используемых данных: в начале рассматривается правописание и некоторые относительно яркие языковые особенности рукописного текста, затем менее явные текстовые данные (знаки препинания, поправки и графика), и наконец в рассмотрение вводится информация извне самого письма, а именно, сначала из ответа на него, написанного крестьянской девушкой-адресатом, а затем добавляются сведения из писем матери, братьев и сестры автора и из других архивных материалов. Цель приведенного здесь *постепенного* анализа заключается в том, чтобы наглядно показать, как ограничен на деле чисто языковой анализ межличностного эпистолярного текста, основанный лишь на данных, в нем представленных, и насколько мощными, в целях максимального приближения к полному пониманию текста, являются, во-первых, дискурсивный контекст, представляемый в данном случае ответным речевым актом (письмом девушки), а во-вторых, конситуация, которую можно восстановить из сопутствующих реалий по сведениям из архивов и других научных исследований. В заключение подчеркивается принципиальная необходимость бережного подхода к историческим текстам личного характера, даже созданным пишущими «из народа» и даже при относительно небольшой их давности, а также кардинальная зависимость филолога от знания, происходящего от факторов, находящихся далеко за пределами самого текста.

Ключевые слова: текст, графика, пунктуация, контекст, конситуация, прагмафилология.

1. Письмо Василия

Письмо, факсимиле и транскрипция которого приводятся ниже, было написано молодым крестьянином Вятской губернии, отбывшим 4 года воинской повинности и достигшим чина старшего писаря старшего разряда. Адресат письма — крестьян-

ская девушка, его дальняя родственница; ответ ее на это письмо см. в коллекции [Йокояма 2014: Л. 84–85¹]. Письмо было обнаружено в частном архиве дочери Василия в 2023 г.

В статье будет сделан краткий обзор языковых особенностей текста, за которым последуют соображения контекста и внеязыковых реалий.

Текст письма с сохранением орфографии оригинала и исключая первую страницу:

Многоуважаемая Авдотія Прокопьевна!

При семь посылаю Вамъ на память взаимный подарокъ карточку, вмѣсто той которую Вы изволили изрѣзать. Надѣюсь что эту карточку не изрѣжете, а въпрочемъ незнаю? Послатъ же Вамъ считаю себя обязаннымъ.

Въ настоящее время я нахожусь въ г. Ирбити съ 1го Февраля, но повскрыти рѣки отправлюсь на первомъ пароходѣ по примѣру прошлаго года въ Семипалатинскъ, гдѣ и пробуду опять вѣроятно до осени, можетъ быть это для Вас и не интересно, но разъ началъ писать, то и слѣдуетъ сообщить кое-чего и осебѣ. Живу Слава Богу хорошо, но только не особенно весело. —

Прошу передать почтеніе съ пожеланіями добраго здоровья и всего лучшаго Дядѣ Прокопью Никитичу и тетушкѣ съ дорогимъ съ семействомъ.

Если не затруднительно для Васъ, то покорнѣйше прошу пополученіи сего напишите, какъ здоровы чего у Васъ новинькаго и т. д. — — —

Остаюсь съ пожеланіями Вамъ добраго здоровья и полныхъ успѣховъ

Искренно-Уважающій Васъ, Вашъ покорн слуга

Василій Жернаковъ

5 Апрѣля 1892г. Г. Ирбитъ

Адресъ до 1го Мая: Въ Тюмень въ Контору 7^{ва} пароходства «П. Ширковъ и К^о» В. Л. Ж. а послѣ 1го Мая въ Семипалатинскъ

Факсимиле на с.

2. Языковые особенности письма

При сравнении этого письма с письмами родных пишущего, представленными в [Йокояма 2014] в глаза бросается ровный, исписанный почерк Василия и его грамотность. «Трудные» буквы *ѣ* и *і* у него везде на своих местах, «немой» *ѣ* тоже нигде не опущен; ошибок в написании безударных падежных окончаний не встречается (*добраго* ср. род. ед.). Отклонение от правил написания букв наблюдается всего лишь один раз, в слове *изрежете*. Здесь в глагольном суффиксе реализуется /o/ → [i] в позиции перед мягким согласным — явление встречающееся также и в письмах окаяющих родных Василия (напр. *выйдите* 2 мн. в письме брата), выявляя один из аллофонов /o/ в окончаниях после мягких согласных

¹ Ссылки типа «Л. 84–85» указывают на архивные листы, которыми данное письмо представлено в [Йокояма 2014].

[Йокояма 2014, т. 2: 317–318]. Написание уменьшительного суффикса в *новинь-каго* считать орфографической ошибкой не приходится, поскольку оно было в то время спорным; в коллекции случаи написания его через *e* отсутствуют [Йокояма 2014, т. 2: 321].

В написании отрицательной частицы *не* в письме обнаруживается одна яркая ошибка, *незнаю*, при том, что в том же предложении Василий пишет *не* отдельно от другого глагола. В [Йокояма 2014], где письма Василия не представлены, с частицами и предлогами у пишущих нередко наблюдаются отклонения от орфографической нормы, но у Василия слитное написание *незнаю* несколько удивляет ввиду общего высокого уровня его грамотности и четкости правила («перед глаголом *не* пишется отдельно»). Следующий за этим словом грамматически неуместный, но с нажимом выписанный вопросительный знак тоже настораживает, заставляя задуматься. К этому вопросу мы вернемся ниже в связи с обсуждением прагматики текста. Написание частицы *не* в других местах этого письма или однозначно правильно или по крайней мере допустимо.

Картина написания предлогов в данном письме несколько сложная. Часто наблюдается тонкая, но сплошная, ровная черта, соединяющая последнюю букву предлога с первой буквой следующего слова (см. факсимиле). Почти во всех таких случаях расстояние между этими двумя буквами чуть длиннее, чем внутри слова, что говорит в пользу машинального характера такого «слитного» написания. Эта интерпретация получает поддержку и от присутствия *ъ* в предлогах *съ* и *въ*, а также и от прописных букв в начале имен собственных, следующих за предлогами (ср. *вместо* и *въТюмень*.) Получается, что явной ошибкой можно считать лишь один случай написания *въпрочемъ* (с *ъ*, но без интервала после предлога), но не исключается, что к этому можно добавить и два случая написания предлога *по*, возможно, слитного: *повскрытии* и *пополучении* (ср. однако раздельное *по примѣру*). В написании предлогов в письмах родных Василия ошибки встречаются нередко.

Из других особенностей письма можно упомянуть повторение предлога (*съ до-рогимъ съ семейством*), встречающееся и в корпусе [Йокояма 2014, т. 2: 349]. Примечательно также изменение имени собственного Ирбит, ныне мужского рода, по третьему склонению (*Ирбитъ, въ Ирбити*); именно в таком виде это заимствование из татарского встречается и в [Андреевский 1890–1907].

3. Пунктуация, графика и прагмафилологические тонкости

Переходя к менее очевидным данным, начнем с уже упомянутого пунктуационно неуместного «?», которым заканчивается второе предложение в письме. Выше было сказано, что этот знак, вместе со слитным написанием стоящего перед ним *незнаю*, настораживает, заставляя задуматься. Мы полагаем, что эти особенности выдают сильное волнение пишущего. В поддержку этого, на первый взгляд натянутого, объяснения обратим внимание еще на несколько других особенностей этого достаточно короткого предложения. Слитное написание слова *въпрочемъ*, как было указано выше, несовместимо с *ъ*; запятая перед *что* опущена (нарушение

элементарного правила знаков препинания). Налицо и более тонкие графические признаки (см. факсимиле): «хвост» последней буквы *e* в слове *изрѣжсите* слишком длинен, что в других случаях в этом письме случается при близкой смысловой связи смежных слов и готовности пишущего перейти ко второму из них; за словом *изрѣжсите* однако следует противительный союз *a*, причем запятая перед ним поставлена под этим удлинённым «хвостом» буквы *e*, выдавая тем позднее ее написание; черта, соединяющая частицу *не* с последующим словом *знаю*, не совсем гладка, возможно указывая на колебание пишущего перед глаголом; точка, которой начертание вопросительного знака обычно кончается, стоит не прямо под «ножкой» крючка, а ближе к *незнаю*, что, возможно, свидетельствует о том, что красиво выписанный с нажимом крючок был добавлен позже, когда точка уже стояла на своем месте. В результате всех этих соображений вырисовывается следующая последовательность: Василий написал *Надѣюсь что эту карточку не изрѣжсите*, думая продолжить каким-то образом, но потом, передумав, добавил противительный союз *a*, а за ним *въ прочемъ не*, затем, чуть поколебавшись, написал глагол *знаю* и поставил точку; перечитав предложение, он поставил перед *a* запятую, и, вновь заколебавшись, изменил индикатив на вопрос, добавив, с нажимом, крючок вопросительного знака чуть правее положенного места. При этом он не посчитался с должными быть привычными ему, как старшему писарю старшего разряда, правилами орфографии, умудрившись нарушить не менее четырех правил в этом предложении, одном из самых коротких в письме. Думается, что этими графическими и орфографическими признаками выявляется нервное напряжение пишущего, вполне понятное, если учесть еще и явную нагруженность содержания.

Содержание же напрягает с самого начала. Контраст между упоминанием пишущим факта изрезания Авдотьей его фотографии и соблюдением, им же, вежливости в обращении — в прописной букве слов *Вамъ* и *Вы* и в почтительной фразе *Вы изволили* — разителен, при том, что суть главного предложения состоит в речевом акте сообщения адресату о посылке ей «на память» во «взаимный подарок» фотографии автора. Казалось бы, дружеский жест, но поражает диссонанс, изображение тщетно силится совместить все эти факты. И еще: почему «взаимный»? Значит ли это, что посылка Василием своей карточки является ответом Авдотье на посылку ею ему своей? Зачем же посылать ей свою фотографию еще раз, если она изрезала первую? Для читателя-исследователя смысл остается темен. Третье предложение, в котором Василий пишет, что считает себя обязанным послать ей свою фотографию, ничего не поясняет.

За этим необычным «введением» идет второй абзац, начинающийся длинной, но обыденной, почти деловой, фразой о служебных планах Василия. За ней следует однако опять насыщенная фраза о том, что это все, *может быть [...] для Вас и не интересно*, а затем неуклюжее, неубедительное оправдание того, почему он сообщил о планах. И опять прорыв в личное в заключительном предложении абзаца: *живу [...] только не особенно весело*. В этом абзаце имеется две графически интересных детали. Во фразе *может быть это для Вас и не интересно* частица *и*

написана поверх *не*, за которым стоит второе *не*. В итоге получается, что автор вставил частицу *и*, введя тем близость в тон абзаца и изменив прагматическую presupпозицию фразы. Эхо этой интимной ноты усматривается в знаке тире в конце абзаца, после точки; им Василий отделяет личное, которым кончается этот абзац, от вежливых формальностей следующего. (Вспомним указание в [Грот 1906: 101]: «Для более резкого разграничения двух рядом стоящих предложений, к точке иногда прибавляется еще черта (тирэ)».)

Далее, после просьбы передать почтение родным, казалось бы, следует письмо закончить. Василий однако вновь прорывается в личное в самом конце на первый взгляд банальной просьбы сообщить ему о здоровье и новостях. На сей раз он было поставил после *новинькаго* тире, но затем поверх него написал *и* и продолжил фразу, добавив *т. д.*; остающуюся большую часть строки он заполнил еще тремя большими тире. Эти знаки выступают здесь явно в качестве многоточий, смысловое наполнение которых остается нам однако недоступным.

Затем Василий уже окончательно переходит к формальной, вежливой концовке. Примечательно в ней лишь то, что он позволяет себе сокращение, неуместное при такой несколько даже напыщенной формуле прощания: *Вашь покорн слуга*. Чем объяснить эту несуразность? Места для полной формы слова в строке достаточно, халатное отношение к вежливости как таковой тоже маловероятно. Остается лишь заподозрить опять фактор волнения пишущего.

Отметим еще одно соображение в связи с «деловой» частью письма. Автор пишет, что из Ирбита (ныне Свердловская обл.) он отправляется с первым пароходом в Семипалатинск (ныне Казахстан). Затем в приписке после подписи он сообщает, куда посылать ему письма до и после первого мая. Само письмо датировано пятым апреля². По-видимому, Василий надеется, что Авдотья, которая, как нам известно, жила в селе Шаркан [Йокояма 2014, т. 2: 415–416] Вятской губернии (ныне Удмуртия), поспешит послать ему ответ несмотря на весеннюю распутицу. Непонятно, как такая надежда сообразуется с изрезанной фотографией и предполагаемым Василием отсутствием у нее интереса к его делам. Не говорит ли она скорей о нетерпении самого пишущего получить от девушки ответ?

4. Контексты и реалии

На этом расшифровка текста письма Василия вынуждена остановиться, данные, которые дает нам сам текст, исчерпаны. У нас есть, однако, еще два мощных средства: контекст и конситуация. Во-первых, это ответ Авдотьи, а во-вторых, это факты, известные нам из писем родных Василия и из архивных изысканий.

Передадим здесь вкратце содержание ответа Авдотьи, текст которого опубликован в [Йокояма 2014, Л. 84–85]. Василию пришлось долго ждать от нее ответа, который был написан лишь 19 сентября 1892 г. Он был написан на последней странице письма его матери, письма, написанного рукой Авдотьи в то время, когда мать Василия, Авдотья двоюродная тетка, гостила в Шаркане. Существенно, что

² День Пасхи в тот год, по старому стилю.

в этом письме мать настоятельно зовет сына навестить осенью родное село Паздеры [Йокояма 2014, т. 2: 413–414], находившееся верстах в пятидесяти от Шаркана. Авдотья благодарит «многоуважаемого Василия Лавровича» за карточку и просит извинения за долгое молчание, оправдывая его тем, что «тогда» она не могла ему писать. Она просит его писать ей, уверяя его, что ее все очень интересует, и выражает надежду скоро увидеться с ним, когда он придет. Далее следует подпись, в которой она называет себя «уважающей» его сестрой Евдокией³. В тексте письма, весьма непростом и явно написанном в надежде на то, что адресат ее поймет, встречаются опущения, скобки, многоточия и подчеркнутые слова. Вокруг главной части текста, заканчивающейся подписью, по полям расположено несколько приписок, написанных мелким почерком, местами не прочитываемых без увеличительного стекла. В них девушка пишет, что слышала, что Василий женится, что всего она почему-то у него в письме не поняла, и что, может быть, он был сильно расстроен, когда его писал. Она заключает последнюю из приписок признанием в любви, зашифровав немислимое в то время и в ее положении признание начальными буквами слов «люблю тебя».

Из слов Авдотьи становится ясным, что она читала и перечитывала письмо Василия. Ответ ее косвенно подтверждает выше высказанные наши догадки, основанные на графике письма. Да, Василий был сильно расстроен, потому-то в письме его и есть намеки, поправки и недоговоренные мысли, возможно, и противоречия. Она дает ему знать, имплицитно, что не изрежет его вторую карточку и что он ошибался, думая, что ей неинтересно знать про его дела.

Хотя ответ Авдотьи проясняет многое в письме Василия, как и его письмо к ней проясняет многое из того, что было непонятным в ее письме, после прочтения этих двух писем полный смысл их и стоящих за ними реалий все еще остается читателю-исследователю неясным. Обратимся же к данным других писем и архивных розысканий. В коллекции [Йокояма 2014] собраны письма семьи Василия, 198 архивных листов (с оборотами), написанных в 1881–1896 гг. Главных авторов писем пятеро: родители, два младших брата и младшая сестра; встречаются также приписки от других родственников, письма же отца и матери почти целиком написаны «писцами», большей частью тоже родственниками. Авдотья выступает в роли писца лишь в одном случае, где и пользуется предоставленной ей таким образом возможностью ответить Василию на его пасхальное поздравление.

Архивные изыскания показали, что Василий и Авдотья были троюродными братом и сестрой. Мать Василия и отец Авдотьи были двоюродными. В письмах коллекции, начиная с 1886 г., когда Василия взяли на военную службу, братья пишут ему о том, что «девчонки» его «поминают часто», что он «парень вхожий и обходительный», передают ему поклоны от особ женского пола, называют пожилых женщин его «будущими тещами». С другой стороны, нам известно, что, будучи на службе, Василий переписывался с Авдотьей (Душенькой), которая хранила его письма до конца жизни. Мы знаем также, что по окончании воинской повинности

³ Вариант «Авдотьи».

Василий провел около года в Паздерах, помогая семье, но с начала 1891 г. уехал служить в Семипалатинск, где служил еще до призыва. Через год он уже получал годового жалования тысячу рублей, для человека его круга сумма по тем временам астрономическая. Семейные начинают уговаривать его жениться, справляются, без его участия, насчет разных богатых невест, мать посылает ему нравоучительные письма о том, как выбирать жену. Он же медлит с ответами, и мать жалуется, что он не отвечает ей по месяцам. Об Авдотье нам известно из писем относительно мало. Мы знаем, что она была редкой красавицей (сестра Василия Таня пишет в 1894 г., что таких красавиц, как Душенька, «здесь нет»; Л. 130–131) и что ее сватали хорошие женихи, в том числе и дворяне. Знаем также, что у нее была младшая сестра, девушка на выданье, и мать корила Авдотью за то, что та отказывала женихам и тем мешала сестре выйти замуж. Значит, пока завидный жених Василий, живя в Семипалатинске, не отвечал на уговоры родных жениться, слышная красавицей невеста Авдотья тоже медлила в своем Шаркане, упуская обычное для замужества время (Таня писала за два-три месяца до своего 19-тилетнего дня рождения, что скоро «запишется» в «старые девы»; Л. 173–177).

В феврале 1892 г., за несколько недель до Пасхи, брат Ганя дважды писал Василию (Л. 75–76 и Л. 77–78), что Душенька выходит замуж за сына пермского купца Зеленина и что, кажется, дело у них уже «на ладах». Это письмо, по-видимому, сыграло решающую роль. С него вырисовывается временная связь от сообщения Гани Василию о близком браке Авдотьи, к загадочному письму ей от Василия, к ее долгому молчанию и, наконец, к ее приписке в письме матери Василия с зашифрованным признанием в любви. О решающем событии, которым объясняются почти все остающиеся неясности, мы узнаем из метрической записи шарканской Петропавловской церкви от 22 января 1893 г. (Л. 89): «уволенный с военной службы старший писарь старшего разряда» Василий Жернаков, 28 лет, обвенчался с Евдокией, 21 год, дочерью Прокопия Никитича Бехтерева (того самого, которому Василий в своем письме просил Авдотью передать почтение). Метрики содержат необычную приписку о том, что жених и невеста повенчаны «по резолюции» архиепископа «по случаю родства в 6 степени». Этой записью объясняются долгие колебания и оттяжки Василия и Евдокии. Теперь можно представить себе, как бурно протекали события после приезда Василия домой осенью 1892 г., как он с Евдокией уговаривал родителей, какие усилия нужно было приложить, чтоб получить разрешение от архиепископа на брак между троюродными, и как осуществился разрыв помолвки Евдокии с пермским купцом Зелениным. В коллекции сохранилась телеграмма от брата Ивана, посланная Василию в Пермь 31 декабря 1892 г. (Л. 88). Текст ее неясен, но сам факт пребывания Василия в Перми за три недели до свадьбы, возможно, подтверждает достоверность слов дочери Василия и Евдокии (сохранившей рассматриваемое здесь нами письмо) о том, что, когда Евдокия попыталась вернуть Зеленину предсвадебный подарок — шкатулку с драгоценностями — тот великодушно отказался ее принять, оставив Евдокии в качестве свадебного подарка и поздравив при том Василия словами «Ты победил в любви».

5. Заключение

Непосредственный предмет внимания филолога — текст. Текст бывает написан кем-то кому-то, с определенными целями, в определенном месте, в определенное время и в отношении определенных реалий. Все это — конситуация, прагматика этого текста. Можно читать текст, написанный по всем правилам языка, и не понимать его. Лингвист привык исходить из языка, полагаться на его данные. Он может извлечь из них обильную информацию, опираясь на знание кода, то есть на принятые в данном языке соответствия языковой формы и реалий. Он может приблизиться к «паспортной» личности написавшего текст, предположить его диалектную и социальную принадлежность, время/эпоху написания, даже возраст и пол (вспомним судебную лингвистику). Он может по текстовым признакам ограничить число возможных адресатов и даже с достаточной вероятностью определить цель написания данного текста. Чем менее индивидуален незнакомый ему текст, тем вернее будет и реконструкция его прагматики языковедом. С другой стороны, чем больше личного в этом тексте, чем ближе отношения между написавшим его и тем, кому он адресован, тем труднее раскрыть его истинный смысл. Прагмафилолог, видя ограниченность знаний, которые можно почерпнуть из одного только текста, вынужден обращаться к реалиям, лежащим вне его, реалиям, обитающим в пересечении множеств знаний⁴ пишущего и его адресата. В этой статье мы попытались показать принципиальную зависимость прагмафилолога, анализирующего личную переписку из относительно недавнего прошлого, от конситуации.

Литература

Андреевский И. Е. (ред.). Энциклопедический словарь. СПб.: Издательский дом И. А. Эфрона, 1890–1907.

Грот Я. К. Русское правописание. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1906. 164 с.

Йокояма О. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М.: Языки славянской культуры, 2005. 420 с. (Авторизованный перевод на русский язык Г. Е. Крейдлина, *Discourse and Word Order*. Benjamins: Amsterdam-Philadelphia. 1986. 361 с.)

Йокояма О. Письма русских крестьян. Тексты и контексты. М.: Языки славянской культуры, 2014. 952 с. (Авторизованный перевод на русский язык М. А. Осиповой, А. В. Тер-Аванесовой и С. Н. Ушаковой, *Russian Peasant Letters: Texts and Contexts*. 2 vols. Verlag Otto Harrassowitz: Wiesbaden. 2008. 983 p.)

⁴ Термины когнитивной теории дискурса [Йокояма 1986; Йокояма 2005]. Когнитивными множествами знаний представлены участники данного коммуникативного акта, пересечениями же их являются знания, разделяемые этими участниками.

Olga T. Yokoyama
University of California
(USA, Los Angeles)
olga@humnet.ucla.edu

A 1982 LOVE LETTER: A PRAGMAPHILOLOGICAL ANALYSIS

This paper presents, for the first time, the facsimile and its transcription of a personal letter written in the late 19th c. by a young peasant from North-Eastern European Russia to a peasant girl from the same region. The data are then analyzed in several steps, beginning with some relatively obvious orthographic and grammatical features, then more subtle features, like punctuation and false starts, and finally we condense the information that is connected to the letter: the girl's answer to this letter, and the information from the letters by the young man's family members as well as other archival data.

The primary objective of performing this gradual analysis is to demonstrate the inevitable limitations of an analysis that is based on the letter text alone, and — assuming that the scholar's goal in analyzing texts of personal nature is to maximally approximate their semantic and pragmatic content — the explanatory power of the context, both linguistic (as represented in this case by the reciprocating speech act of the girl's answer) and extra-linguistic (the realia of time and place in the man's letter as it can be learned through archival and historical research). In conclusion, we emphasize that historical texts of personal nature, even when created by ostensibly “simple” authors, including those dating from a relatively recent past, challenge the analyst to carry out a most meticulous work, both textual and pragmaphilological. We also underscore the crucial dependence of the philologist on the knowledge borne out of factors that lie far from the immediate texts analyzed.

Key words: text, graphics, punctuation, context, extra-linguistic realia, pragmaphilology.

References

- Andreevskii I. E. (Ed.). *Entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopedic dictionary]. St. Petersburg, I. E. Efron Publishing House, 1890–1907.
- Grot Ya. K. *Russkoe pravopisanie* [Russian orthography]. St. Petersburg, Typography of the Imperial Academy of Sciences, 1905. 164 p.
- Yokoyama O. *Kognitivnaja model' diskursa i russkij porjadok slov* [A Cognitive Discourse Model and Russian Word Order]. Moscow, Yazyki Slavjanskoj Kul'tury Publ., 2005. 420 p. (Authorized transl. into Russian by G. E. Krejdlin of Yokoyama, *Discourse and Word Order*, 1986. Benjamins: Amsterdam-Philadelphia. 361 p.)
- Yokoyama O. *Pis'ma russkikh krest'yan. Teksty i konteksty* [Russian peasants' letters. Texts and contexts]. Moscow, Yazyki Slavyanskoj Kul'tury Publ., 2014. 952 p. (Translation into Russian by M. A. Ossipova, A. V. Ter-Avanesova, S. N. Ushakova of *Russian Peasant Letters: Texts and Contexts*. 2 vols. 2008. Verlag Otto Harrassowitz: Wiesbaden. 983 p.)

Е. В. Какорина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

kakor@yandex.ru

КАК ОПИСЫВАТЬ УНИВЕРБЫ В СЛОВАРЕ (проблемы отбора единиц, толкование, полисемия/омонимия)?

Статья посвящена описанию универбов в лексикографическом аспекте.

Универбы обнаруживают всплеск активности не только в разговорной, профессиональной речи и в жаргонах, но и в различных публичных сферах языка, широко распространены в медиадискурсе. Большая часть лексических новаций, образованных в результате роста продуктивности универбации, не отражена современными словарями.

Эти номинативные единицы обладают уникальной семантикой, т. к. имеют общее и неопределенное значение, которое конкретизируется контекстом и ситуацией, в связи с чем они получили название «слова-губки» (типа *минималка*, *максималка*, *нулёвка*, *запрещёнка*). Специфика функционирования этих слов и необычность их семантической структуры требуют особых приемов лексикографического описания. Проблемы, связанные со словарной фиксацией универбов, касаются 1) отбора единиц, 2) способов их толкования и 3) разграничения полисемии/омонимии.

Отбор словника для толкового словаря литературного языка и для специального словаря универбов опирается на критерий узуальности слова. Прозрачность внутренней формы существительного-универба (мотивированность атрибутивным словосочетанием) не обеспечивает, однако, однозначности его семантического «наполнения». В толкованиях универбов с общим значением отмечается наибольшая вариативность: описание частотных конкретных лексико-семантических вариантов слова, описание конкретных значений и более общего инварианта, экспликация только абстрактной семантики.

Рассматривается также проблема разграничения многозначности и омонимии универбов.

Ключевые слова: лексикография, универбы, универбация, семантика, полисемия, омонимия.

1. Универбы как уникальные единицы словаря

В последние десятилетия в активном лексиконе говорящих на русском языке многократно возрос вес универбов и других типов слов, связанных с семантической компрессией и различного рода сокращениями. Можно сказать, что изменилась значимость этих единиц в лексической системе языка, они смещаются из периферии в ее центр. Вслед за Л. А. Капаназе и Е. А. Земской мы понимаем универбы как однословные номинации, созданные путем замены атрибутивного словосочетания существительным, которое выступает эквивалентом словосочетания в целом [Капаназе 1973: 408]. Таким образом, универбы — это средство, позволяющее сокращать, свертывать двусловные наименования в одно слово: обменный пункт (валюты) — *обменник, обменка*; обменная (медицинская) карта — *обменка*.

Суффиксальные универбы образуются от основ **прилагательных**, обозначая одновременно предмет/лицо/явление и его признак, они заменяют целое словосочетание (прилагательное + существительное), в этом состоит в чем-то парадоксальный процесс семантической конденсации и особенность данных номинаций, ср. [Земская 1981, Голанова 1982].

Универбы обнаруживают активность не только в разговорной речи (РР), профессиональной речи и жаргонах, но и в различных публичных сферах языка, широко распространены в медиадискурсе. Примеры:

...Оформить в 55–60 лет ту пенсию, что накапает, — но шансов получить «максималку» [максимальную пенсию] вы при этом лишитесь, даже если будете продолжать вкалывать хоть до ста лет (Комсомольская правда, 16.04.2012);

*Кто подкажет цену??? **минималка** и **максималка** [минимальная и максимальная цена] хотя бы... размер 2,0 м на 1,3 м (Пластиковые окна в Воронеже // Форум, комментарий, 2003–2020);*

*До **максималки** [максимальной скорости] ни разу не разогонялся. Чувство самосохранения заставило прекратить разгон на 230 км/ч (ЖЖ, 2014);*

*Творог **нулёвка** [нулевой жирности] для желудка не очень... мне врач объяснял//;*

*Слуш...надо наждачкой/ **нулёвкой** [наждачной бумагой нулевой зернистости]/ тут пройти// (Записи устной речи, 2015);*

*Чукча приходит в парикмахерскую. — Как будем стричься, — спрашивают, — **нулёвка** [стрижка под ноль, наголо], полубокс, канадка? — Однако, **нулёвка**. Постригся, смотрит в зеркало: — Однако, плохо, давай канадка (Коллекция анекдотов: чукчи (1970–2000));*

*Окраина Горловки, Майорский пост, так называемая «**нулёвка**» [нулевая отметка на местности], дальше уже нейтральная территория (Встреча на нейтралке: состоялся обмен пленными на восточной Украине // Vesti.ru, 2016.12).*

Большинство универбов не принадлежит к литературному русскому языку, по этой причине лишь малая часть данных единиц включена в академические толковые

словари. Ср. пример такой «неуцтенной», но широко распространенной обиходной номинации:

*Нашла упаковку трусов (плавков), которые маме покупала, а он их не стал носить. И тогда она предложила их забрать моему мужу. Я отказалась, поскольку тот носит только **семейники** [«семейные трусы» — трусы особого, свободного покроя], а другие ему на мозг дают и думать мешают. А своему карпузу я опять купила плавочки. И вот сижу и не знаю, что делать, может, купить ему тоже **семейники**, чтоб с раннего детства мозг правильно работал (Плавки, боксеры или семейники. Что выбрать? // stranamam.ru, 14.05.2011).*

Специальные же словари универбов немногочисленны, их словники не отражают актуальной картины современного узуса в ситуации резкого всплеска продуктивности этого способа словопроизводства, ср. [Осипова 2000; Устименко 2004]. В Толковом словаре русской разговорной речи (ТСРР) в целом широко представлен данный тип номинаций, однако их фиксация сдерживается быстрой обновляемостью и большим объемом подобных единиц в узусе. Отметим качественный интернет-источник, Викисловарь, живо откликающийся на новые языковые факты, фиксирующий многие лексические новации, который, к сожалению, также нередко содержит лакуны (авторы словаря и словарной статьи анонимны). См., например:

СЕРИЙНИК.

1. *разг.* серийный номер; уникальный номер, присваиваемый производителем конкретной единице товара и используемый как средство идентификации. Отсутствует пример употребления.

2. *разг.* серийный убийца; преступник-рецидивист. *Данное толкование слова вызывает сомнения. Пожалуйста, приведите ссылку на источник или примеры.* Отсутствует пример употребления (Викисловарь, ru.wiktionary.org/wiki/серийник, 24.01.2021).

Проиллюстрируем отмеченные значения:

*Что делать, когда придет полиция проверять компы и они окажутся все с одним **серийником**, на основании этого технику изымут (ЖЖ, 14.11.2013);*

*Некоторые копы и ФБР почти уверены, что они поймали **серийника** (ЖЖ, 27.07.2022).*

Для словарного описания важно, что универбы уникальны в семантическом отношении: это «слова-губки», обладающие неопределенным и/или очень общим значением, которое конкретизируется контекстом или ситуацией [Капанадзе 1973], например, *повседневка* — это повседневная одежда; повседневная музыка; проездной билет; повседневная, обычная жизнь, повседневное общение; см. также примеры выше. Отмечая своеобразие универбов, Н. Б. Мечковская отнесла их к «семантическим и (шире) референциальным окказионализмам», это слова с открытой внутренней формой [Мечковская 2024]. Заметим, однако, что объектами внимания лексикографов универбы становятся только на этапе их усвоения определенным кругом говорящих, т. е. узуализации. Специфика функционирования этих слов и

необычность их семантической структуры требуют особых приемов лексикографического описания, ниже будут рассмотрены проблемы 1) отбора единиц, 2) способов их толкования и 3) разграничения полисемии/ омонимии.

2. Представление универбов в словаре

2.1. Отбор единиц для словарного описания

Проблема выбора единиц из множества универбов, употребляющихся в различных дискурсах и подсистемах языка, связана с неодинаковой узуальностью, быстрой сменяемостью номинаций, принадлежностью слов к речевому обиходу определенных (часто узких) групп говорящих (профессиональных, возрастных и др.) и формальной вариативностью (использованием разных суффиксов при образовании слов с одинаковым значением: *смейки* и *смейники*, *обменка* и *обменник*, *загран*¹ и *загранник*).

Нередко омонимичные универбы рождаются в специальных сферах языка: *первоначалка* (*воен.*, *юр. жарг.* первоначальная подготовка; *экон.* первоначальный взнос (на ипотеку)); *наложка* (*проф. жарг./ разг.* налоговая инспекция; *проф. жарг./ разг.* наложенный платёж); *ответка* (*спорт. жарг.* ответный матч; *воен./ разг.* ответное действие); *нейтралка* (*воен.* нейтральная полоса (территория); *автомоб.* нейтральное положение рычага переключения коробки передач); отдельные слова или значения становятся достоянием общего или группового разговорного обихода говорящих, ср. *туалетка* (*проф. жарг.* туалетная вода; *разг.* туалетный столик; *разг.* туалетная бумага). Постепенное движение универба (и отдельных его значений) в общезыковой фонд по-разному отражается в толковых словарях. На примере слова *зелёнка* покажем вариативность описания универбов.

Толковый словарь Ожегова, Шведовой дает только одно значение:

Разг. Лекарство — обеззараживающая жидкость зелёного цвета на спирту для лечения царапин, порезов, заболеваний кожи [ТСОШ].

В БТС помимо «лекарственного» появляются два новых значения: ‘зелёный корм для скота; сельскохозяйственная культура, идущая на такой корм’ и ‘местность, поросшая кустарником, деревьями (как возможное место засады, укрытия)’, отмеченное профессиональной (жаргонной) пометой *в речи воен.*

В словаре Ефремовой помимо названных выше зафиксировано еще одно значение, которое можно назвать локальным: ‘гриб группы пластинчатых, имеющий шляпку желтовато-зелёного цвета с тупым бугорком посередине; зеленушка’ [Ефремова 2000].

По-иному отобраны и структурированы значения в ТСРР: 1. обеззараживающая лекарственная жидкость зеленого цвета; 2. *воен.* зеленые насаждения — лес, кустарник и т. п. (в отличие от безлесных участков какой-л. территории). 3. *лок.* зеленый корм для скота (в отличие от сена); 4. *воен.* камуфляжная военная форма зеленого цвета; 5. *жарг.* доллары США; 6. *жарг.* валютная проститутка [ТСРР-1].

¹ Можно рассматривать слово *загран* и как усечение, и как универб с нулевым суффиксом.

В Викисловаре фиксируется 13 значений этого слова, большинство из которых принадлежит к жаргонной или профессиональной сфере. Назовем лишь некоторые из них, отмеченные помимо тех, что даны в академических толковых словарях: *юр., разг.* свидетельство (зеленого цвета) о государственной регистрации права на недвижимое имущество; *кино, сленг.* одноцветный фон (обычно зелёный), подменяемый компьютером на любой желаемый.

В целом мы видим рост активности этого универба в языке последних десятилетий. Слово *зелёнка* используется для номинации множества различных объектов, каким-либо образом связанных с зеленым цветом.

Описанные в Викисловаре значения разнятся по частотности и по времени своего возникновения. Вопрос о том, заслуживают ли эти значения лексикографической фиксации (прежде всего в словаре РР и в специальном словаре универбов), вероятно, необходимо решать в зависимости от того, насколько они закрепились в языке. Однако, поскольку многие универбы живут в **устном** речевом обиходе и в различных **специальных** подсистемах русского языка, не всегда можно точно охарактеризовать слово и отдельные его значения по параметру узуальности (даже учитывая возможности НКРЯ). Так, например, не зафиксировано словарями употребительное в РР (и вполне утвердившееся в языке) слово *зелёнка* в значении ‘салат’, ‘(зеленые) травы, выращиваемые для употребления в пищу’ (ср. разговорный синоним *зелень* в том же значении):

Салат зелёнка, или клетчатки много не бывает (овощной салат с зеленью) (dzen.ru, 21.11.2020); (О салате из овощей, листового салата, петрушки, укропа и т. п.) *Рецепт: салат с зелёнкой. Калорийность, химический состав и пищевая ценность* (health-diet.ru, 2024); *Пенсионерка подошла к делу основательно — завела на участке парник, выращивает зелёнку и корнеплоды неустанно* (Подмосковье сегодня, mosregtoday.ru, 20.09.2014); *Наверняка не найдется ни одного участка без хотя бы пары видов любимой зелени. Даже на самых скромных грядках хозяйки стараются отвести место для пахучей и свежей «зелёнки»* (vsvoemdome.ru, 07.09.2023).

В РР возникло еще одно значение, более узкое (внутригрупповое, но не окказиональное): ‘зеленые ценники; товары, отмеченные зелеными ценниками и продающиеся со скидкой (в магазинах сети ВкусВилл), а также сама такая скидка’. Оно также не фиксируется словарями. Примеры:

— *Никогда не присматривалась к зеленым ценникам, а сегодня-таки ухватила баклажаны со скидкой. — В четверг была в Москве, по пути следования зашла во ВВ. Магазин намного больше нашего, ассортимент расширеннее, «зелёнки» много (причем, во ВСЕХ отделах!);*

— *На днях купила по зелёнке охлаждённого дорадо. Не любитель этой рыбы, или готовить не умею, но взяла... Под маринадом сказочно вышла (Покупки в магазинах ВкусВилл // Форум, hleborechka.ru, 2024).*

При отборе новых универбов (и/или их новых значений) лексикографы прежде всего оценивают актуальность слова для какой-либо группы говорящих. В специальном словаре универбов как представляется, уместны и слова-однодневки, и узкогрупповые слова. Именно такой подход к формированию словника может быть полезен для системного описания языка, его реального, живого «состояния» на разных участках системы; материалы словарей могут служить также источником для исследования особенностей процесса номинации в области универбации.

2.2. Характер толкования

Казалось бы, универб обладает совершенно прозрачной внутренней формой (если исходить из того, что носитель языка может легко восстановить исходное словосочетание), его значение равно значению мотивирующего словосочетания: *ядерка* (ядерная бомба), *ветеринарка* (ветеринарная клиника), *нейтралка* (нейтральная полоса (территория)), и следовательно, толкование не должно вызывать трудностей.

Однако, во-первых, многие универбы не просто допускают вариативность семантики, но и принципиально «открыты» для различного контекстно-ситуативного «наполнения», ср. *ядерка* (ядерное вооружение, ядерная бомба, ядерная война; ядерная энергетика; ядерная физика), т. е. они типологически омонимичны или полисемичны. Во-вторых, универбы различаются по степени конкретности/ абстрактности (в соответствии с характером семантики мотивирующего прилагательного (или причастия)).

В том случае, если за универбом стоит одно, определенное словосочетание и семантика номинации конкретна, не возникает трудностей толкования.

Ср. пример: *Нержавеяйка или углеродка? Какая сталь лучше? Сравниваем и оцениваем* (Реклама ножей из нержавеющей и углеродистой стали).

Универбы с крайне обобщенным и/или неопределенным значением (типа *временка*, *нейтралка*, *вышка*, *максималка*, *нулёвка*, *запрещёнка* и т. п.), в основу которых положен отвлеченный признак, могут быть описаны по-разному: от конкретного к абстрактному и наоборот. Можно использовать три стратегии: 1) от конкретных значений идти к более общему; 2) использовать только общее толкование (а конкретные реализации общей семантики показать в иллюстративной части словарной статьи); 3) описать только конкретные значения.

Первая стратегия используется тогда, когда описание отражает последовательность появления значений универба в узусе, сначала появляются отдельные конкретные значения универба. Такова история лексикографической фиксации слова *временка* (временная железная печка, переносная лестница → **вообще всякое временное сооружение, оборудование**, ср. толкования [ТСУш, ТСОЖ, ТСОШ]. В более поздних по времени словарях значение дается обобщенно: то, что построено, сделано на время (обычно о деревянной постройке, лестнице, печке) [БТС]; предмет, а также всякое сооружение, постройка, приспособление, предназначенное для временного пользования [РСС].

В ТССР принят первый вариант толкований, поскольку в современном узусе сосуществует множество значений, отдельно описаны наиболее устойчивые из них, а затем дано обобщенное толкование. Ср.: *запрещёнка* — 1. литературные и публицистические произведения, запрещенные к публикации; 2. запрещенные к употреблению продукты, лекарственные препараты; 3. товары, запрещенные к ввозу на территорию какой-л. страны. 4. всё, что по каким-л. причинам запрещено (ТССР, проект словарной статьи). Такая подача значений универба представляется предпочтительной, т. к. не только в общем виде очерчивает его семантическую структуру ('нечто, обладающее признаком х'), но и показывает реально существующие в языке значения, которые не просто самостоятельны, но и рассматриваются некоторыми исследователями как омонимичные.

2.3. Разграничение полисемии/омонимии

Многозначность и омонимия являются типологическими свойствами универбов, связанными с особенностями их семантики.

Л. А. Капанадзе, вводя в научный обиход термин «слова-губки», называла универбы, замещающие **разные** словосочетания, являющиеся эквивалентами совершенно **разных** обозначений, омонимами [Капанадзе 1973: 410]. Среди авторских примеров тех лет *коммуналка* — коммунальная квартира и Академия коммунального хозяйства, *академичка* — академическая больница, столовая, библиотека; *персоналка* — персональная машина, пенсия, персональное дело и др. В противовес этой, разделяемой нами, позиции существует лексикографическая традиция описывать совпадающие по форме универбы (мотивированные различными словосочетаниями с одним и тем же прилагательным) как значения одного слова. Связано ли это только с **удобством** описания множества универбальных номинаций, имеющих общий признак (всегда ли общий?), в одной словарной статье, или эта традиция имеет под собой более веские основания?

Мы можем говорить о независимости значений, отсутствии их иерархии, невыводимости одного значения из другого. Все это говорит в пользу их омонимичности. «Физически устраненное» при производстве универба существительное сохраняется как основа номинации: больница, столовая, библиотека. Однако все-таки существует связь разных денотатов через общий признак.

Теперь надо посмотреть на значение этого признака, т. е. на значение мотивирующих прилагательных, которые могут быть тождественными, многозначными или омонимичными.

Совпадение мотивирующего прилагательного (обычно относительного), не означает, строго говоря, полисемии универба, но такие номинации логичнее и удобнее описывать в рамках одной словарной статьи, потому что они могут иметь большое количество значений, которые принадлежат к одной тематической сфере. Ср. *академичка* — академическая больница, столовая, библиотека; *пенсионка* — система пенсионного страхования; пенсионный фонд, офис пенсионного фонда, пенсионная реформа, пенсионные платежи, пенсионная карта, пенсионное удостоверение

и мн. др.; *социалка* — социальная стипендия, социальная пенсия, социальная карта, социальная помощь, социальная служба, социальная программа, социальная реклама, социальная отрасль, социальная сфера и мн. др.

Полисемия мотивирующего прилагательного может задавать как полисемичность, так и омонимичность значений универбов. Слово *вышка* можно описать как ряд омонимов, если подчеркнуть различия признаков у прилагательных: *вышка*¹ — смертная казнь (высшая мера, **максимально суровое из возможных** наказание); *вышка*² — 1. высшее образование; 2. высшее учебное заведение; 3. *спорт*. высшая лига (**находящийся на высшей ступени** (о системе образования, игровых видах спорта)); *вышка*³ — высшая математика (характеризующийся **наибольшей сложностью**); *вышка*⁴ — нечто **высшего качества**. В пользу полисемии говорит то, что сохраняется общая идея ‘высшая степень, максимальное качество чего-л.’, которая объединяет значения. В ТСРР описаны два омонима: *вышка*¹ — высшая мера наказания (смертная казнь); *вышка*² — 1. высшее образование; 2. высшее учебное заведение; 3. высшая математика. Имя собственное *Вышка* — *ВШЭ* (Высшая школа экономики) и оценочное значение не описаны. Значение оценки постепенно утверждается в современном общезыковом узусе, ср.: *Сюжет великолепный, игра главного героя — просто вышка!* (Отзыв о фильме / Lordfilm.lu, 03.09.2022).

Если обратиться к примеру, обсуждаемому Л. А. Капанадзе, то нужно, безусловно, согласиться с тем, что *коммуналка* — коммунальная квартира и *коммуналка* — Академия коммунального хозяйства являются омонимами. Связь с понятием «коммунальное, городское хозяйство», на наш взгляд, в первом слове утеряна, оно стало семантически нагруженным культурным концептом; говорящие скорее восстанавливают значение «коммуна» как коллектив, объединение лиц или поселение. В современном узусе появились новые омонимичные этому слову универбы *коммуналка* — коммунальные услуги; плата за коммунальные услуги.

Подобным же образом к омонимии производных ведет полисемия мотивирующих универб прилагательных в паре *административка*¹ — административное правонарушение и *административка*² — административная контрольная работа, т. е. работа, проводимая администрацией школы. Ср. разные значения слова *административный*: 1. производимый исполнительной властью и 2. относящийся к администрации, органам управления.

Омонимия мотивирующих прилагательных, безусловно, ведет к омонимии универбов. Сравним ряд омонимов и многозначных слов: *электронка*¹ — электронная почта; *электронка*² — 1. электронная форма представления каких-либо данных, осуществления каких-либо операций; 2. электронная квитанция, «платёжка» (например, для оплаты услуг ЖКХ и т. п.); 3. электронная книга, — с одной стороны, и *электронка*³ — электронная сигарета, — с другой. В рамках одной лексемы могут быть описаны *электронка*¹ и *электронка*² (их общий признак «электронный» — ‘передающий информацию через глобальную компьютерную сеть’). Универб *электронка*³ не связан с ними.

Таким образом, наиболее проблемной областью являются универбы, мотивированные многозначными прилагательными.

Проблема разграничения полисемии и омонимии принадлежит к «вечным» вопросам лексикографии и семасиологии. Нам хотелось бы обратить внимание на то, что универбы, обладая уникальной семантической структурой, требуют, быть может, не вполне стандартного подхода к их описанию в словаре.

Источники

БТС — Большой толковый словарь русского языка: словарь / Институт лингвистических исследований; ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2004. — 1536 с.

МАС — Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.

РСС — Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: «Азбуковник», 1998–2007.

ТСОШ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Составили Н. Ю. Шведова, Л. В. Куркина, Л. П. Крысин / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2008.

ТСРР-1 — Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1, А — И / Под ред. Л. П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2014. 776 с.

ТСУш — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935—1940.

Литература

Голанова Е. И. Производное слово как номинативная единица // Способы номинации в современном русском языке, М., 1982. С. 159–228.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. Т. 1. 1210 с.

Земская Е. А. Словообразование // Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Отв. ред. Е. А. Земская; АН СССР, Ин-т русского языка. М.: Наука, 1981. С. 71–191.

Капанадзе Л. А. Номинация // Русская разговорная речь / Отв. ред. Е. А. Земская; АН СССР, Ин-т русского языка. М.: Наука, 1973. 488 с.

Мечковская Н. Б. Первый академический проект исследования разговорной русской речи: лингвистические открытия и социокультурные следствия [В печати].

Осипова Л. И. Новые слова в русском языке: суффиксальные универбы женского рода с суффиксом –к-а. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60–90-х гг. М.: Московский педагогический государственный университет, 2000. 230 с.

Устименко И. А. Словарь семантических конденсатов русского языка: лексико-словообразоват / И. А. Устименко. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т; Белгород: Белгор. гос. ун-т, 2004 (Б.м.: ООО ИПЦ ПОЛИТЕРРА). 271 с.

E. V. Kakorina

*V. V. Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow)
kakor@yandex.ru*

HOW TO DESCRIBE UNIVERBS IN A DICTIONARY (problems of unit selection, interpretation, polysemy/homonymy)?

This paper deals with the description of univerbs in lexicographic aspect.

Univerbs reveal a surge of activity not only in colloquial, professional speech and jargons, but also in various public spheres of language, and are widespread in media discourse. Most of the lexical innovations formed as a result of the growth of univerbation productivity are not reflected by modern dictionaries. These nominative units have unique semantics, as they possess a general and indefinite meaning, which is concretized by context and situation, in connection with which they have been called “sponge words” (such as *минималка, максималка, нулёвка, запрещёнка*).

The specificity of functioning of these words and the unusual nature of their semantic structure require special methods of lexicographic description. The problems connected with dictionary fixation of univerbals concern 1) selection of units, 2) ways of their interpretation and 3) differentiation of polysemy/ homonymy.

The selection of vocabulary for an explanatory dictionary of the literary language and for a special dictionary of univerbs is based on the criterion of word usability. However, the transparency of the internal form of a noun-univerb (motivated by an attributive word combination) does not ensure the unambiguity of its semantic “filling”. The greatest variability is noticed in the interpretations of the univerbs with a general meaning: description of frequent concrete lexico-semantic variants of the word, description of concrete meanings and more general invariants, explication of the abstract semantics.

The article also considers the problem of differentiation of polysemy and homonymy of univerbs.

Keywords: lexicography, univerbs, univerbation, semantics, polysemy, homonymy.

References

Golanova E. I. [Derivative word as a nominative unit]. *Sposoby nominatsii v sovremenном russkom yazyke* [Ways of nomination in the modern Russian language]. Moscow, 1982, pp. 159–228. (In Russ.)

Efremova T. F. *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and word-formation dictionary]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2000. Vol. 1. 1210 p.

Kapanadze L. A. [Nomination]. *Russkaya razgovornaya rech'* [Russian Everyday Speech]. Zemskaia E. A. (ed.), Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 403–463. (In Russ.)

Mechkovskaya N. B. *Pervyi akademicheskii proekt issledovaniya razgovornoj russkoi rechi: lingvisticheskie otkrytiya i sotsiokul'turnye sledstviya* [The First Academic

Research Project on Spoken Russian Speech: Linguistic Discoveries and Socio-Cultural Implications] (in print).

Osipova L. I. *Novye slova v russkom yazyke: suffiksaly nye univerby zhenskogo roda s suffiksom –k-a. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 60–90-kh gg.* [New words in the Russian Language: Suffixal Univerbs of Feminine Gender with Suffix –k-a. Dictionary-reference book based on the materials of press and literature of the 60–90s]. Moscow, Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2000. 230 p.

Ustimenko, I. A. *Slovar' semanticheskikh kondensatov russkogo yazyka: leksiko-slovoobrazovat.* [Dictionary of semantic condensates of the Russian language: lexico-slovoobrazovat]. Voronezh, Voronezh. gos. un-t Publ., Belgorod, Belgor. gos. un-t Publ., 2004. 271 p.

Zemskaya, E. A. [Word Formation]. *Russkaya razgovornaya rech'. Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian Colloquial Speech. General questions. Word formation. Syntax]. Zemskaya, E. A., Kitaygorodskaya, M. V., Shiryayev, E. N. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 71–191. (In Russ.)

Ю. А. Клейнер

Санкт-Петербургский Государственный университет
(Санкт-Петербург, РФ)
yurikleiner@hotmail.com

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ (НЕ)ОДНОЗНАЧНОСТЬ

— *Какие различия между единорогом и мортирою?* — спросил один Тайный Советник, не бывший в военной службе, одного заслуженного артиллериста.

— *Помилуйте, Ваше Превосходительство?* — отвечал сей последний. — *Разница превеликая.*

— *А именно?* — продолжал спрашивавший.

— *Именно? Да это вещь самая простая. Единорог — сам по себе, а мортира — сама по себе.*

(Газета «Молва». № 8. 26 января, 1832 г.)

Одним из следствий присущей языкознанию междисциплинарности является неразличение понятий, относящихся к различным уровням/областям, и, как результат, вольное обращение с терминами, используемыми для описания различных по своей природе явлений, ср.: [j], относимый к сонантам, определяемым как «звуки», акустически близкие и к согласным, и к гласным, в действительности являющийся согласным вариантом фонемы /j/ — [i]/ в соответствующей позиции в слоге. Слог — еще один пример терминологической неоднозначности: (а) фонетическая последовательность «контоидов» и «вокоидов» ([CV]), с одной стороны, и, с другой, (б) конструктивная единица, сочетание согласных и гласных фонем (/C/ + /V/). Таким образом, языки [CV], традиционно относимые к слоговым, не являются таковыми, поскольку их «фонетические слоги» представляют собой инвентарные/парадигматические единицы, в отличие от чисто фонемных языков, синтагматически слоговых. Также в качестве синонимов используются термины «долгота» и «количество» (последний, в том числе, применительно к фонетической длительности). Смешение терминов для обозначения принципиально различных явлений, имело место на протяжении большей части истории языкознания. Описание же реальной языковой системы предполагает однозначность терминов для обозначения специфичных для каждого уровня единиц и правил, вся совокупность которых, в идеале, составит алгоритм описывающий ее функционирование.

Ключевые слова: понятие, термин, (не)однозначность, гласный, согласный, сонант, длительность, долгота, количество, алгоритм.

Одним из вопросов, обсуждавшихся на заседании Орфоэпической комиссии РАН 27 апреля 2024 года, была принципиальная возможность построения алгоритма перехода от компрессионной формы к полной (и наоборот). В самом общем виде основополагающий принцип такого алгоритма — соотносительность изменения/вариативности с позиционными условиями, в которых происходит (соотв. не происходит) тот или иной процесс — был сформулирован М. Л. Каленчук. Такой алгоритм должен учитывать все характеристики позиции, все факторы, относящиеся как к «фонетизации» (уточним: и фонологизации), так и к «грамматикализации». Среди прочего это предполагает строгое разграничение явлений, относящихся к различным уровням и областям (синхронной вариативности и диахроническим изменениям, языку и речи), и, соответственно терминов, описывающих такие явления.

Возможно, вследствие междисциплинарности, изначально присущей языковедению, этот принцип никогда не соблюдался с должной последовательностью. Результат — смешение понятий, относящихся к различным уровням или даже сферам, и использование одних и тех же терминов для описания различных по своей природе явлений. Чаще всего это касается областей близких, таких, как фонология и фонетика, где понятийное/терминологическое смешение почти неизбежно. Так, о сонантах в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» сказано: «артикуляционно являются согласными, по акустическим характеристикам ближе к гласным» [Бондарко 1990: 478]. По традиции сонанты предпочитают рассматривать как подвид согласных, поясняя, что они «отличаются от гласных ... в условиях контрастирования в синтагматическом ряду» [Бондарко 1990: 477]. Под «условиями контрастирования» понимается функция в структуре большей протяженности, прежде всего, в слого. С точки зрения классификации последнее существенно никак не менее, чем фонетические характеристики, например, [l] или [j], о которых говорится, что эти «[с]огласные ... по всем признакам могут быть отнесены как к классу *согласных*, так и к классу *гласных*» [Бондарко 1990: 477]. Однако помещая *согласные* в квадратные скобки, мы тем самым отграничиваем [j] от вокалической реализации той же фонемы, а согласный [l] — от слогаобразующего [l]. На позиционном распределении слоговых и неслоговых вариантов, в сущности, и основывается различение гласных и согласных (и фонем, и вариантов), а также определение сонантов как одновременно «гласных и согласных» (или «не-гласных и не-согласных»).

Интересно, что Н. С. Трубецкой, настаивавший на последовательном разграничении фонологии и фонетики, возражал, тем не менее, против различения гласных и согласных как фонем, которые могут или не могут функционировать в качестве слогоносителей, на том основании, что «не всегда можно дать объективное определение основному варианту» [Трубецкой 1960: 210, сн. 1]. «Основной вариант» — это, опять же, дань традиции: статус элемента определяется по его «преимущественному употреблению», то есть, большей частотности (как, например, в случае [l]). Но еще в начале прошлого века А. И. Томсон заметил: «Мы удерживаем деление на “гласные” и “согласные” ввиду общеупотребительности их, а в первоначальном значении их употребляем исключительно термины “слоговой” и “неслоговой” звук» [Томсон 1906: 220].

Много позже на то же обратил внимание Э. Пулграм, заметивший, правда, что определение двух типов фонем, основанное на их слогообразующей способности, «создает порочный круг» [Pulgram 1970: 41]. На самом деле, «круг» создается, когда определение основывается на разноуровневых характеристиках (прежде всего, функции и реализации), что неизбежно приводит к смешению терминов. Тогда «сонантом» могут назвать неслоговой вариант фонемы ([j], [w]), имеющей слоговую/вокалическую реализацию ([i], [u]), «слоговыми» — языки (прежде всего, изолирующие) с фонетически сложной конфигурацией *парадигматических* единиц, а сам слог будет определяться как «произносительная единица». В связи с последним, обычно не уточняется, что эта единица — конструктивная, а значит, нечто, представляющее собой не сочетание фонем, /C/ и /V/, но только [CV], то есть, нерасчлененную последовательность обладающих соответствующими фонетическими характеристиками «контоидов» и «вокоидов» (если пользоваться чрезвычайно удачными терминами К. Пайка [Pike 1947: 60]), является, в лучшем случае, фонетическим слогом, но не слогом в этимологическом смысле. Возникает парадоксальная, на первый взгляд, ситуация: отнесение изолирующих языков к слоговым некорректно, поскольку в них отсутствуют парадигматические единицы, объединяющиеся в слог, слоговыми же оказываются языки, традиционно относимые к фонемным. Парадокс, однако, только кажущийся: парадигматические и синтагматические (инвентарные и конструктивные) единицы обязательно предполагают друг друга: фонемы соединяются в слоги, так же, как морфемы в слова, а слова — в предложения.

Действительный парадокс, точнее даже, противоречие, и терминологическое и сущностное, возникает в связи со слогиносителями, которые, как считается, представлены «группами гласных фонем», типа др.-греч. αι οι ει αυ ου ευ ιι [Трубецкой 1960: 207] или (как в древнеанглийском) «бифонемными, но односложными» дифтонгами [Liberman 1998: 78]. О том, что речь идет именно о «группах», то есть, бифонемных сочетаниях, например, /e/ + /u/ в слове *deus* ‘бог’, которое И. М. Тронский использует в качестве иллюстрации одного из правил слогаделения в латыни («граница слога проходит между гласными» [Тронский 1960: 59]), свидетельствует, например, наличие морфемной границы внутри /eu/: *de-us* — *de-ī* и т. д.

Фонологический статус таких сочетаний, в частности, и.-е. *ei*, *eu*, *ēi*, *ōi*, *oi*, *ou* и т. п., недвусмысленно определил А. И. Смирницкий: «Если ... понимать под дифтонгом не обычное сочетание звуков, а особую сложную звуковую единицу, функционально аналогичную простым единицам — монофтонгам, то следует признать, что с такой точки зрения все указанные образования [*ei*, *eu*, *ou* и т. д.] не являются единицами в древнейшей системе индоевропейских языков, но выступают в этих языках как обычные сочетания, в основном аналогичные таким, как *et*, *ek*, *ēt*, *ōk* и т. п.» [Смирницкий 1946: 81]. Если основная функция гласного — быть ядром слога, то бифонемные сочетания гласных двусложны по определению. Качественное же изменение — это всего лишь фонетическая характеристика (даже субъективное восприятие) сегментов, называемых «дифтонгами» условно, пока статус каждого различимого элемента в нем не установлен на основе лингвистических

критериев, в данном случае границы, морфемы и/или слога. Тем не менее, такие сочетания принято называть «дифтонгами», так же, как монофонемные /ɪə/, /aɪ/ и /aʊ/ в англ. *beer*, *time* и *loud* в примере Д. Кристалла, который определяет дифтонг как «гласный, в котором происходит ... заметное изменение качества в пределах слога» [Crystal 2008: 146]. (То же относится и к русскому [цо], дифтонгоидной реализации монофтонга /о/ в определенных типах произношения.)

По Н. С. Трубецкому слог относится к числу «просодем» (минимальных просодических единиц), наряду с «просодическими признаками» — интенсивность/геминация, регистр/высота тона, ударение, — которые «способствуют различению просодем» [Трубецкой 1960: 222–224]. Те же характеристики принято называть «супра- (или супер-) сегментными». Сами термины «просодика» и «супер/супрасегментика» и их производные могут использоваться как синонимы; в иных случаях «просодика» рассматривается как родовой термин (и понятие). В число таких характеристик автоматически включаются ударение, долгота, тон, интонация [Либерман 1971: 4], которые, как считается, противопоставляются явлениям, относящимся к фонематике. Это не вполне очевидно, например, в случае смысло-различительной «долготы». В самом общем виде она всегда соответствует формулировке Трубецкого: «единственная функция долготы — превышать краткость» [Trubetzkoy 1938: 117–118]. Но, например, в чешском языке долгота входит в «пучок РП» (*píti* ‘пить’ : *pítí* ‘питье’), наравне с «рядом», «подъемом» и т. д. Если отнести к просодике только явления, выходящие за пределы отдельного сегмента [Lehiste 1970: 1], такой признак нужно будет признать фонематическим. Долгота является парадигматическим различительным признаком гласного и в словах типа лат. *mālum* ‘зло’ : *mālum* ‘яблоко’. С другой стороны, в древнегреческом и латыни этот признак проявляется и синтагматически, характеризуя ядро слога, «долгого по природе» (/ (C)V :- C/, д.-греч. ᾶ-ρης), просодически равного «слогу долготу по положению» (/ (C)VC-C/, д.-греч. ᾗ-ρός) или сочетанию двух кратких слогов (/ (C)VCV-/, лат. *bene*, д.-греч. βρέφος). Применительно к таким структурам «количество» представляется наиболее подходящим обозначением объема звуковой материи, заключенном в них и определяющем их равенство, проявляющееся в сегментации на ритмические единицы, в том числе, в метрике, не случайно называемой количественной. Это дает основания отнести единицы ритмического членения, в том числе, слог, к самостоятельному уровню. С ним, в свою очередь, связаны, с одной стороны, характеристики, определяющие протяженность ритмических единиц, прежде всего, долгота (в данном случае сегментная), с другой, акцентно-интонационные характеристики, не выявляемые при членении. Оба типа явлений проявляются в отрезках, превышающих по протяженности минимальный сегмент, и могут быть отнесены к сфере просодики, сегментной и супрасегментной соответственно, см. [Кузьменко 1991: 8–9].

«Противопоставление по количеству» упоминается и в связи с так называемой «корреляцией усечения слога» [Трубецкой 1960: 218], в рамках которой различаются (а) слоги со свободным и плотным примыканием гласного к последующему согласному и (б) усеченные и неусеченные гласные, выступающие в этих слогах

в качестве слононосителей. О «свободном примыкании», например, в англ. *peat* ‘торф’ свидетельствует слоговое деление: /pi:-ti/) *peaty* ‘торфяной’. Но в последовательности /VCV/ (англ. *pity*, *body* и т. п.) между гласными и интервокальным согласным не проходит ни слоговая, ни морфемная граница. В отсутствие каких бы то ни было инструментов членения речь не может идти ни о цепочке гласных и согласных фонем, составляющих конструктивную единицу, ни — соответственно — о (плотном) контакте между ними, но только о последовательности «вокоидов» и «контоидов» и об особом фонологически нечленимом комплексе, несомненно заслуживающем специального обозначения.

Термин «количество» используется применительно не только к смысловозначительной долготе в латинском, немецком и чешском языках, но и к фонетической длительности, в том числе, и в языках, где она может выполнять стилистическую функцию (рус. *na-a-na!*), что, впрочем, возможно и там, где эта функция не является единственной (нем. *schschöön!*) [Трубецкой 1960: 61]. Точно так же, Э. Пулграм использует этот термин для обозначения долготы, как фонемной, так и слоговой в латинском *mālum* : *mālum* и *amīcus* ‘друг’ (долгий по природе) и *amantis* ‘любящий (род. ед.)’ (долгий по положению), соответственно [см. Pulgram 1975: 66], относя ее к просодиям, «чтобы можно было охватить все явления количества, независимо от того, является ли их область одной фонемой или несколькими» [Pulgram 1975: 68]. По сути, это означает возвращение к анализу, практикуемому на протяжении большей части истории языкознания, от александрийцев до младограмматиков, в той или иной степени произвольному, с неизбежным в этом случае смешением терминов, ср. один и тот же термин, *μακρός*, как для слога, так и для (вокалического) «элемента» (*στοιχείου*) у Дионисия Фракийца; неразличение фонетического ([CV, VC]) и фонологического (/C/ + /V/) слога у Э. Сиверса и т. д. Примеры можно множить.

Альтернативой такой понятийно-терминологической неоднозначности может являться только набор терминов, обозначающих единицы и правила, выведенные на основании процедур, специфичных для каждого уровня, вся совокупность которых, в идеале, составит алгоритм, обсуждавшийся 27 апреля 2024 года.

Литература

Бондарко Л. В. Согласные // Лингвистический энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1990. С. 477 — 480.

Кузьменко Ю. К. Фонологическая эволюция германских языков. Л.: Наука, 1991. 284 с.

Либерман А. С. Исландская просодика. Л.: Наука, 1971. 170 с.

Смирницкий А. И. Вопросы фонологии в истории английского языка // Вестник московского университета, 1946, № 2. С. 81–89.

Томсон А. И. Общее языковедение. Одесса: Экономическая типография, 1906. 416 с.

Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1960. 320 с.

Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 371 с.

Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. 6th ed. London: Blackwell, 2008. 530 p.

Lehiste I. Suprasegmentals. Cambridge: MIT Press, 1970. 194 p.

Lieberman A. Toward a theory of West Germanic breakings // International Journal of Germanic Linguistics and Semiotic Analysis. 1998. 3 (1). P. 63–119.

Pike K. L. Phonemics: A Technique for Reducing Languages to Writing. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1947. 254 p.

Pulgram E. Syllable, word, nexus, cursus / Janua Linguarum. Studia Memoriae Nicoal Van Wijk Dedicata. Series Minor, 81. The Hague; Paris, 1970.

Pulgram E. Latin-Romance Phonology: prosodics and metrics. Munich: Funk, 1975. 304 p.

Trubetzkoy N. S. Die Quantität als phonologisches Problem // Actes du 4e Congrès International de linguistes. Copenhague, 1938. P. 117–122.

Yu. Kleiner

St. Petersburg State University

(St. Petersburg, Russia)

yurikleiner@hotmail.com

TERMINOLOGICAL (IN)CONSISTENCY

One of the consequences of interdisciplinarity inherently typical of linguistics is confusion of notions belonging to different levels/realms and, as a result, terminological inadequacy in describing phenomena different in nature, cf., [j], a consonantal variant of the /[j] — [i]/ phoneme, classified with *resonants* defined as “sounds” acoustically close to both consonants and vowels. Another example of terminological ambiguity is syllable, being (a) a structural unit, a combination of consonant and vowel phonemes (/C/ + /V/), on the one hand, and, on the other, (b) a phonetic ([CV]) sequence of “contoids” and “vo-coids”. The latter are inventory/paradigmatic units in isolating languages, erroneously categorized as syllabic, while it is phonemic languages where inventory units combine into syllables. Likewise, the terms “length” and “quantity” tend to be used as synonyms (the latter denoting phonetic duration as well). The mixing of terms to denote fundamentally different phenomena has taken place throughout most of the history of linguistics. But description of a language system and its functioning presupposes terminological consistency in designating the units and rules specific to each level, which collectively make up the algorithm of its functioning.

Key words: notion, term, (in)consistency, vowel, consonant, resonant, duration, length, quantity, algorithm.

References

- Bondarko L. V. [Consonants]. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990, pp. 477–480. (In Russ.)
- Crystal D. *A Dictionary of Linguistics and Phonetics*. 6th ed. London, Blackwell Publ., 2008. 530 p.
- Kuzmenko Yu. K. *Fonologicheskaya evolutsiya germanskikh yazykov* [Phonological evolution of the Germanic languages]. Leningrad, Nauka Publ., 1991. 284 p.
- Lehiste I. *Suprasegmentals*. Cambridge, MIT Press, 1970. 194 p.
- Liberman A. Toward a theory of West Germanic breakings. *International Journal of Germanic Linguistics and Semiotic Analysis*, no. 3 (1), 1998, pp. 63–119.
- Liberman A. S. *Islandskaya prosodika* [Icelandic Prosody]. Leningrad, Nauka Publ., 1971. 170 p.
- Pike K. L. *Phonemics: A Technique for Reducing Languages to Writing*. Ann Arbor, The University of Michigan Press, 1947. 254 p.
- Pulgram E. *Syllable, word, nexus, cursus*. Janua Linguarum. Studia Memoriae Nicoal-Van Wijk Dedicata. Series Minor, 81. The Hague, Paris, 1970.
- Pulgram E. *Latin-Romance Phonology: prosodics and metrics*. Munich, Funk Publ., 1975. 304 p.
- Smirnitskii A. I. [Phonological problems in the history of English]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta*, no. 2, 1946, pp. 81–89. (In Russ.)
- Tomson A. I. *Obshchee yazykovedeniye* [General Linguistics]. Odessa, Ekonomicheskaya tipografiya Publ., 1906. 416 p.
- Tronskii I. M. *Istoricheskaya grammatika latinskogo yazyka* [Historical grammar of Latin]. Moscow, Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh Publ., 1960. 320 p.
- Trubetzkoy N. S. *Osnovy fonologii* [Principles of phonology]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ., 1960. 371 p.
- Trubetzkoy N. S. Die Quantität als phonologisches Problem [Quantity as a phonological problem]. *Actes du 4e Congrès International de linguistes*. Copenhagen, 1938, pp. 117–122. (In Germ.)

Т. Н. Коробейникова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

tkorobejnikova@inbox.ru

ОТРАЖЕНИЕ ДИАХРОНИЧЕСКИХ АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СЛОВАХ В СВОБОДНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ И В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

В статье рассматривается акцентуация одних и тех же словоформ в составе фразеологизмов¹ и в свободном употреблении. Проверяется гипотеза о том, что в словоформах в составе фразеологизмов активные акцентологические процессы могут протекать медленнее, чем в тех же словоформах в свободных сочетаниях. Результаты экспериментов, в которых участвовали москвичи — носители литературного произношения, показывают, что в ряде существительных третьего склонения в предложном падеже и в некоторых глаголах на *-ить* в формах третьего лица ед. и мн. числа перенос ударения с флексии на основу наблюдается в словоформах в составе фразеологизмов реже, чем в тех же словоформах в свободных сочетаниях. Так, ударение чаще падает на основу в словоформах *в кости* и *заморит* в свободных сочетаниях, чем в устойчивых выражениях *широк в кости* и *заморит червячка*. При этом в речи представителей старшего поколения разница в акцентуации наблюдается чаще. Факторами, способствующими сохранению старого ударения, можно назвать рифму и смешение значений омонимов и многозначных слов. Влияние частотности словоформы не обнаружено.

Ключевые слова: орфоэпия, акцентуация, фразеологизмы, динамика норм, вариативность.

Несмотря на то что современная акцентная система русского языка достаточно хорошо описана, в настоящее время нет работ, посвященных отражению активных акцентологических процессов в словах в составе фразеологизмов². Актуальность

¹ Фразеология в данной статье понимается широко, как принято в орфоэпических словарях, то есть включает фонетически однословные формы *в чести*, *в шерсти*, которые в словарях даются после знака ◊ и считаются устойчивыми.

² Но стоит отметить, что есть исследования, посвященные фразовому ударению во фразеологизмах [Найдина 1995], произношению консонантных сочетаний в словах в составе фразеологизмов [Ку Бон Хи 2000; Богданова 2002].

такого исследования обусловлена тем, что зачастую в словах в составе фразеологизмов ударение отличается от ударения в этих же словах в свободных сочетаниях (например (*драть, бить*) как *Сидорову ко́зу*, а не *козу́*), но в то же время исследование [Коробейникова 2023] показало, что в ряде устойчивых выражений наблюдается акцентологическая вариативность или совпадение ударения в словах в составе фразеологизмов и в свободных сочетаниях в тех случаях, где раньше ударение различалось (то есть говорят не как *Сидорову ко́зу*, а как *Сидорову козу́*).

Н. В. Богданова (Богданова-Бегларян) отмечает: «Нейтральный контекст как бы включает слово в ядро лексической системы языка и — тем самым — в сферу действия привычных фонетических (произносительных) законов; контекст устойчивого выражения или фразеологизма <...> может сохранить в слове какие-то черты его старого (или просто иного) фонетического облика. Таким образом, можно предположить, что слово функционирует в языке в двух (или более) разных орфоэпических вариантах (имеет несколько вариантов реализации фонологической модели) в зависимости от сферы его употребления, от типа языкового контекста» [Богданова 2002: 256].

Интересно сравнить протекание акцентологических процессов в словоформах в свободных сочетаниях и в составе фразеологизмов. Можно выдвинуть гипотезу о том, что, во-первых, в словах в составе фразеологизмов старый вариант акцентуации будет сохраняться дольше, чем в словах в свободных сочетаниях, во-вторых, в частотных устойчивых выражениях уходящее ударение будет фиксироваться чаще, чем в менее распространенных. Можно также предположить, что есть и другие факторы, влияющие на акцентуацию словоформ в составе фразеологизмов (наличие рифмы в устойчивом выражении, наличие/отсутствие колебаний в ударении в словоформе в свободном употреблении).

Чтобы это проверить, проанализируем результаты трех экспериментов, в которых участвовали москвичи во втором-третьем поколении с высшим образованием. В каждом эксперименте участвовало по 30 человек из старшей (от 60 лет), средней (30–60 лет) и младшей (до 30 лет) возрастных групп. Респондентам было предложено прочитать контексты, в которых встречались одни и те же словоформы в свободных сочетаниях и в составе фразеологизмов.

В этой статье рассматриваются акцентуация односложных существительных третьего склонения с основой на мягкий согласный в предложном падеже и личных форм глаголов на *-ить*.

Акцентуация односложных существительных третьего склонения с основой на мягкий согласный в форме предложного падежа

Ниже представлены результаты экспериментов для форм слов *кость, кровь, честь, шерсть* в предложном падеже ед. ч. в свободных сочетаниях и в фразеологизмах *широк в кости, клясться на крови, в крови (у кого-либо), (быть) в чести, в шерсти (в клочьях шерсти)*.

В древнерусском языке слова *кость, кровь, честь, шерсть* входили в подвижно-окситонированную акцентную парадигму. В формах предложного падежа, по данным

В. В. Колесова [Колесов 1972], были колебания в месте ударения и отмечалась тенденция к разведению местного и изъяснительного значений: при предложениях *в, на* ударение переносилось с основы на флексию, но нерегулярно. Л. А. Булаховский [Булаховский 1954: 161] отмечал зависимость данного переноса от контекста: при «расплывчатом» местном значении и при определяющем имени прилагательном в препозиции в поэзии ударение могло падать на основу.

По мнению В. Л. Воронцовой [Воронцова 1979: 74], в этих существительных борются две тенденции: 1) выровнять ударение во всех формах ед. ч., сделать его наосновным; 2) противопоставить два значения предложного падежа. Первая тенденция, по мнению исследователя, сильнее, потому что вторая уже реализуется за счет предлогов *в, на, при*. Кроме того, в указанной работе говорится о том, что в рассматриваемых словоформах до сих пор наблюдаются колебания ударения. Эти колебания лишь отчасти отражаются в современных орфоэпических словарях.

◇ *Широк в кости*

Так, в БОС 2012³ как равноправные варианты даются формы *в кóсти* и *в костí*, в «Словаре ударения и произношения слов русского языка» [Резниченко 2021] вариант с ударением на основу указан как единственно правильный. При этом для слов *кровь, честь, шерсть* в свободных сочетаниях словари рекомендуют флективное ударение в сочетании с предлогом *в* (см. Табл. 1). Во фразеологизмах *широк в кости, клясться на крови, в крови у кого-либо (от рождения), (быть) в чести, в шерсти (в клочьях шерсти)* также рекомендуется ударение на окончании. Однако результаты эксперимента не во всем согласуются с данными словарей.

Например, в старшей группе равное количество человек произнесло *в кóсти* и *в костí* в свободном сочетании, в средней и младшей группах вариант *в кóсти* преобладает с большим отрывом (см. Табл. 1). Иными словами, в словоформе в свободном сочетании тенденция к переносу ударения на основу четко прослеживается, чему, впрочем, могло способствовать определяющее прилагательное в препозиции⁴. В то же время в поэтическом подкорпусе Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) нет ни одного примера употребления этой словоформы с ударением на основу, что может быть вызвано как тем, что вариант с наосновным ударением ещё не настолько закрепился в узусе, чтобы проникнуть в поэтическую речь, так и тем, что словоформа в свободных сочетаниях нечастотна в поэзии. Важно, что фразеологизм *широк(-а) в кости* встретился всего в 15 примерах основного корпуса НКРЯ, то есть его нельзя назвать частотным.

Во фразеологизме *широк в кости* вариант ударения на флексию считали единственно возможным почти все испытуемые, что соответствует словарным рекомендациям. Таким образом, во фразеологизме сохраняется старое ударение, в свободных сочетаниях оно постепенно утрачивается.

³ В данной работе используются сокращенные названия словарей: ОСРЯ 1983 — [Аванесов (ред.) 1983], БОС 2012 — [Касаткин (ред.) 2012].

⁴ Испытуемым предлагался контекст: «Известно, что костный мозг — мягкая губчатая ткань, находящаяся в каждой крупной кости».

◇ **Клясться на крови, быть в крови у кого-либо**

Фразеологизмы *клясться на крови, в крови у кого-либо (от рождения)* все испытуемые произнесли с ударением на флексию, как и сочетание *в крови* в свободном сочетании⁵. Фразеологизм *на крови* частотен, в поэтическом подкорпусе НКРЯ встречается в 48 текстах (56 вхождений), во всех случаях с флективным ударением. В основном корпусе он встретился в 354 примерах. Выражение *в крови* как фразеологизм и свободная словоформа ещё более частотно: оно встретилось в основном корпусе НКРЯ 4243 раза⁶, в поэтическом подкорпусе словоформа встретилась в 1042 текстах, в подавляющем большинстве случаев с ударением на окончании. Таким образом, в проанализированных фразеологизмах ударение на флексию ещё весьма устойчиво, равно как и в свободном сочетании *в крови*.

◇ **В чести**

Фразеологизм *в чести* 30% представителей младшей группы произнесли с ударением на основу, что может быть «первым звончком» о переносе ударения. Но причина может быть и в том, что молодые люди не различают значения фразеологизма (*быть*) *в чести* ‘иметь почет, уважение’ и форму предложного падежа от слова *честь* в свободном сочетании⁷. В поэтической подкорпусе НКРЯ фразеологизм отмечен только с ударением на флексию. В основном корпусе он встретился в 419 примерах. В свободном сочетании словоформу *в чести* большинство испытуемых ожидаемо произносят с ударением на основе, но отмечены колебания в месте ударения в старшей и младшей группах, которые также могут быть вызваны смещением значений, но могут свидетельствовать и о «расшатывании» акцентуации. Возможно также, что вариативность в месте ударения вызвана тем, что данная словоформа в свободном сочетании нечастотна, а, следовательно, у респондентов нет перцептивного эталона для нее⁸.

◇ **В шерсти**

Устойчивое выражение *в шерсти* в значении ‘в клочьях шерсти’ дается только в [Резниченко 2021]. Его, в отличие от этой же словоформы в свободном сочетании, словарь рекомендует произносить с флективным ударением (см. Табл. 1). В словаре же «Русское словесное ударение» [Зарва 2002] даются иные рекомендации: словоформа в свободном употреблении и устойчивое выражение даны с основным ударением.

⁵ Испытуемым предлагались контексты: «В крови пациента был обнаружен недостаток гемоглобина, который необходимо было восполнить»; «Любовь к приключениям была у Тамары в крови»; «Вдохновенные романтическими стихами и повестями, мы клялись на крови, что в век не забудем нашей дружбы».

⁶ Безусловно, проверку частотности по НКРЯ нельзя назвать идеальной, но в силу большого объема корпуса ее можно считать показательной.

⁷ Испытуемым предлагались контексты: «В деньгах Юрий Максимович разбирался, скорее, как нумизмат, а не как приобретатель: он видел смысл жизни не в богатстве, а в чести» и «Путешественник был не в чести у журналистов».

⁸ Аналогичный случай в акцентуации кратких прилагательных описывается в [Каленчук, Савинов, Скачедубова 2017: 13].

Результаты эксперимента также неоднозначны. Половина представителей старшей группы произносит это выражение с ударением на основе, как и большая часть представителей средней и младшей групп. Этим данным аналогичны результаты для словоформы *в шерсти* в свободном сочетании для средней и младшей групп, в старшей группе с большим отрывом превалирует вариант с наосновным ударением. Иными словами, разница в контекстуальном значении слова влияет на акцентуацию только в старшей возрастной группе. В младшей и средней группе большинство респондентов произносят данную словоформу с наосновным ударением в обоих случаях.

Этот фразеологизм со значением ‘в клочьях шерсти’ встретился в основном корпусе 10 раз, в поэтическом — в 3 контекстах с ударением на флексию.

Табл. 1. Акцентуация существительных третьего склонения с основой на мягкий согласный в предложном падеже в составе фразеологизмов и в свободных сочетаниях

Словоформа в (фр.) и (св.)	ОСРЯ 1983	БОС 2012	Резниченко 2021	Старшая группа	Средняя группа	Младшая группа
◇ широк в кóсти/кості	широк в кості	широк в кості	широк в кості	0%/100%	10%/90%	20%/80%
в кóсти/кості	—	о кóсти, но в, на кóсти и в, на кості	о (в, на) кóсти	50%/50%	90%/10%	80%/20%
◇ клялись на крóви/крові	—	—	кляться на крові	0%/100%	0%/100%	0%/100%
(быть) в крóви/крові	в крові	в крові	в крові	0%/100%	0%/100%	0%/100%
в крóви/крові	в (на) крові	в (на) крові	в (на) крові	10%/90%	0%/100%	0%/100%
◇ (быть) в чéсти/честі	в честі	о чéсти, но ◇ в честі	—	0%/100%	0%/100%	30%/70%
в чéсти/честі	—	о чéсти, но ◇ в честі	—	80%/20%	100%/0%	30%/70%
◇ в шёрсти/шерсті	—	на, о шёрсти, но в шерсті	в шерсті (покрытый клочьями шерсти)	50%/50%	80%/20%	60%/40%
шёрсти/ шерсті	—	на, о шёрсти, но в шерсті	о (в, на) шёрсти	80%/20%	80%/20%	70%/30%

Итак, односложные существительные третьего склонения с основой на мягкий согласный в форме предложного падежа в составе фразеологизмов отчасти отражают тенденцию к переносу ударения на основу: выражения *в шерсти*, *в честти* и *широк в кости* часть респондентов произнесла с наосновным ударением, но процент таких произношений в свободных сочетаниях больше. Важно отметить, что фразеологизмы *в шерсти*, *в честти* состоят из одной словоформы, поэтому их легче спутать с этими же словоформами в свободном сочетании, к тому же разница в лексическом значении словоформ *в шерсти*, *в честти* в разных контекстах может быть

неочевидна для некоторых испытуемых. Сложно сказать, играет ли роль фактор частотности при выборе места ударения: флективное ударение хорошо сохраняется как в частотных выражениях *в крови (у кого-либо)*, *клясться на крови* и в широко употребительной словоформе *в крови* в свободном сочетании, так и в нечастотных фразеологизмах *широк в кости* и *в шерсти*.

Глаголы на *-ить*

Известно, что исторически личные формы глаголов на *-ить* имели неподвижное флективное ударение, однако уже в XVIII в. оно заменялось подвижным, в XIX в. эта тенденция заметно усилилась и получила свое развитие в XX и XXI вв., что отражалось в орфоэпических словарях, других лексикографических источниках и поэтических текстах [Воронцова 1979: 221].

В. Л. Воронцова отмечает: «Следует отметить сохранение старых ударений и в ряде устойчивых выражений. Так, при почти не употребительном сейчас окончательном ударении *варíшь* ударение имеет место в выражении *голова (котелок) хорошо варíт*; при почти не употребительном окончательном ударении *катíшь* возможно *пот градом катíт* — с тенденцией и в том и в другом случае к установлению обычного сейчас здесь ударения подвижного» [Воронцова 1979: 222].

Указанные фразеологизмы не входили в эксперименты, поскольку, во-первых, в настоящее время, как кажется, произносительных вариантов *катíт* и *варíт* в их составе нет, во-вторых, в орфоэпических словарях [ОСРЯ 1983; БОС 2012; Резниченко 2021] эти выражения также не встречаются. Но в целом результаты эксперимента созвучны данным В. Л. Воронцовой.

В настоящее исследование вошли словоформы *валит*, *заморит*, *судит*, *рядит* в значении ‘наряжает’, *воротят* в значении ‘вернут’ в свободном сочетании и глагольные словоформы в составе фразеологизмов *валом валит*, *заморит червячка*, *судит да рядит*, *что хотят, то и воротят*. Безусловно, глаголы *рядит* и *воротит* во фразеологизмах имеют иные значения (‘устанавливает порядок’ и ‘делает’ соответственно), но данные лексемы в этих значениях в свободном сочетании в настоящее время устарели, поэтому не представлялось целесообразным составлять контексты с ними. Результаты, полученные для этих слов в распространенных сегодня значениях, нельзя напрямую сопоставлять с теми, что представлены во фразеологизмах, однако они приводятся ниже для наглядности реализации общей тенденции.

◇ *Валом валит*

Глагол *валит* в выражении *валом валит* представители старшей и средней групп произносят с ударением на флексию, но большинство младших респондентов произносит его с ударением на основе. Вне устойчивого выражения процент произношений с наосновным ударением в старшей и средней группе выше, в младшей, напротив, ниже. Возможно, триггером для произношения *ва́лит* для представителей младшей группы послужило их произношение слова *ва́лом* с наосновным ударением (100% респондентов). В целом во фразеологизме флективное ударение используется чаще, чем в свободных сочетаниях.

Этот фразеологизм довольно частотен (75 примеров в основном корпусе НКРЯ), в поэтическом подкорпусе он встретился в 6 примерах, в 4 из них ударение падает на флексию, в 2 нельзя с уверенностью говорить о месте ударения, поскольку фразеологизм находится в середине строки и об ударении можно судить только с помощью ритма, а не рифмы.

Белый снег всю ночь валóм **валит**

Только на рассвете затихает.

Слышно, как газеты выкликает

Под окном горластый инвалид.

Б. А. Слуцкий. Бухарест: «Капитан уехал за женой...» (1952–1956).

Стакан с краем нал^ит,

Кумач жаром гор^ит,

Каждый сам голов^ит,

Народ **валом валит**.

М. И. Цветаева. Молодец: «Синь да сгинь — край села...» (1922).

◇ *Заморит червячка*

Глагольную форму во фразеологизме *заморит червячка* 70% представителей старшей группы произносят с ударением на флексию, в средней и младшей группах этот произносительный вариант встречается реже (40% и 50% соответственно). В свободном сочетании вариант *замóрит* преобладает во всех группах (см. Табл. 2). Следовательно, флективное ударение лучше сохраняется в слове в составе фразеологизма, но в то же время велик процент произношений с наосновным ударением. В словарях, думается, данный фразеологизм стоит давать с равноправными произносительными вариантами глагольной формы. Этот фразеологизм нельзя назвать частотным: он встретился в 25 примерах основного корпуса НКРЯ, в поэтическом подкорпусе данное выражение не встретилось.

◇ *Судит да рядит*

Выражение *судит да рядит* исторически произносилось в рифму, с флективным ударением. Но испытуемые в первом глаголе чаще ставили ударение на основу, во втором наосновное ударение встречается во всех группах несколько реже, чем в *судит*, но тоже преобладает над флективным. Фразеологизм встретился в поэтическом подкорпусе 3 раза, в основном — в 44 примерах. То есть, он нечастотен.

Любопытно, что во всех примерах поэтического подкорпуса, в том числе в басне начала XIX века, обе словоформы даны с наосновным ударением.

Мешок заговорил и начал вздор нести;

О всем и **рядит** он и **судит**:

И то не так,

И тот дурак,

И из того-то худо **бúдет**.

И. А. Крылов. «Мешок» (1809).

В свободном сочетании словоформу *судит*⁹ все респонденты произнесли с ударением на основе, что неудивительно, так как данные поэтического подкорпуса НКРЯ свидетельствуют о том, что такая акцентуация распространена с середины XVIII в. Таким образом, флективное ударение ещё встречается в этом фразеологизме в обеих словоформах, но в меньшем количестве случаев, чем наосновное.

Словоформу *рядит* в значении ‘наряжает’ большая часть респондентов произнесла с наосновным ударением, но разница в процентном соотношении между двумя произносительными вариантами невелика, что коррелирует со словарными рекомендациями. В поэтическом подкорпусе НКРЯ *рядит* в значении ‘наряжает’ также встречается и с наосновной, и с флективной акцентуацией:

Мирно с церковью он **ладит**,
Да и церковь ко двору!
Для него мадонну **рядит**,
Как невесту на пиру!
А. Н. Майков. «Два карлина» (1858–1859).

Я знаю, кто **смотрит-следит**,
Чей взор копыеносный острее рожна,
Кто душу в багрянец безумный **рядит**:
Печаль опечаленных, как ты — страшна!..
В. И. Нарбут. «Вереск» (1909).

В. Л. Воронцова пишет о глаголе *рядить* следующее: «В литературном языке этот глагол, имеющий значение ‘наряжать, судить, нанимать’, и производные от него могли употребляться и с тем, и с другим ударением, по данным словарей, — с преобладанием окончательного ударения, по данным поэтических материалов, — подвижного, без последовательного разграничения значений. Это смешение наблюдается и сейчас с некоторой тенденцией, однако, к закреплению подвижного ударения в *рядить* ‘наряжать’ — *рядишь* (и *нарядить* — *нарядишь*, *обрядить* — *обрядишь*, *разрядить* — *разрядишь*) и окончательного в *рядить* ‘нанимать’, ‘устанавливать порядок’, которое более устойчиво в производных...» [Воронцова 1979: 221–222]. Результаты эксперимента отчасти подтверждают наблюдения исследователя: в обоих случаях возможно и то, и другое ударение, но говорить о закреплении подвижного или окончательного варианта ударения в том или ином случае не приходится: процентное соотношение практически одинаково для обоих вариантов, что, возможно, говорит и о смешении значений слова.

◇ **Что хотят, то и воротят**

Во фразеологизме *что хотят, то и воротят* подавляющее большинство респондентов произнесло просторечный глагол *воротят* с ударением на флексии, что

⁹ Респондентам предлагался контекст: «Катюша внимательно осмотрела ткань, и всем стало ясно, что она *судит* о качестве будущего платья со знанием дела».

может быть связано с рифмой и с влиянием глагола-омонима. В основном корпусе НКРЯ этот фразеологизм встретился 11 раз, в поэтическом подкорпусе примеров не обнаружено.

Глагольную форму *воротят* в значении ‘вернут’ большинство испытуемых произносит с наосновным ударением, но его доля уменьшается от старшей группы к младшей. Рост примеров с флективным ударением в младшей группе можно связать со смешением значений и влиянием формы *воротят* в значении ‘делают, творят’. В поэтическом подкорпусе НКРЯ эта словоформа встретилась 6 раз, в которых ритм указывает на наосновное ударение.

Таблица 2. Акцентуация глагольных форм на -ить в составе фразеологизмов и в свободном сочетании

Словоформа в (фр.) и (св.)	ОСРЯ 1983	БОС 2012	Резниченко 2021	старшая группа	средняя группа	младшая группа
◇ валом ва́лит/вали́т	Валить вало́м (! <i>He рек.</i> Валить валом)	Валить вало́м (! <i>He рек.</i> Валить ва́лом)	валом вали́т <i>и</i> ва́лит	40%/60%	40%/60%	90%/10%
ва́лит/вали́т	вали́т <i>и допуст.</i> <i>младш.</i> вали́т	вали́т <i>и допуст.</i> <i>младш.</i> вали́т	вали́т <i>и</i> ва́лит	70%/30%	50%/50%	60%/40%
◇ заморит/заморит червячка	—	—	—	30%/70%	60%/40%	50%/50%
заморит/заморит	Заморит ! <i>не рек.</i> заморит	Заморит ! <i>и допуст.</i> заморит	заморит	60%/40%	80%/20%	80%/20%
◇ судит/судит да рядит	—	—	—	70%/30%	80%/20%	80%/20%
судит/судит	—	—	—	100%/0%	100%/0%	100%/0%
◇ судит да ря́дит/ряди́т	—	—	—	60%/40%	60%/40%	70%/30%
ря́дит/ряди́т (‘нарядить’)	ря́дит <i>и</i> ряди́т	ря́дит <i>и</i> ряди́т	ря́дит <i>и</i> ряди́т	60%/40%	60%/40%	60%/40%
◇ Что хотят, то воро́тят/воротя́т	—	воротя́т	—	0%/100%	10%/90%	20%/80%
воро́тят/воротя́т (‘вернуть’)	—	воротя́т	—	90%/10%	70%/30%	60%/40%

Таким образом, анализ личных форм глаголов на *-ить* в составе фразеологизмов и в свободных сочетаниях показал, что в обоих случаях наблюдается вариативность, но в составе устойчивых выражений старое наконечное ударение сохраняется лучше, хоть и расшатывается под влиянием тех же или омонимичных словоформ вне устойчивых сочетаний. Факторами, способствующими сохранению флективного ударения во фразеологизме, можно назвать рифму и сохранность флективного ударения в словоформе в свободных сочетаниях. Корреляции между частотностью фразеологизма и протеканием процесса переноса ударения не обнаружено.

Заключение

Итак, в целом в словоформах в составе фразеологизмов старая акцентуация сохраняется лучше, чем в тех же словоформах в свободных сочетаниях, частотность фразеологизмов, если судить по основному корпусу НКРЯ, нельзя назвать решающим фактором в сохранении старой акцентуации как в случае с формами существительных, так и с формами глаголов.

Литература

Аванесов Р. И. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы. С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1983. 703 с.

Богданова Н. В. Фонологическая модель слова в соотношении с лексической системой русского языка: дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2002. 403 с.

Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. М.: Учпедгиз, 1954. 467 с.

Воронцова В. Л. Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения. М.: Наука, 1979. 328 с.

Зарва М. В. Русское словесное ударение: Словарь. М.: НЦ ЭНАС, 2001. 596 с.

Каленчук М. Л., Савинов Д. М., Скачедубова Е. С. Активные процессы в просодической системе русского языка: акцентуация прилагательных // Русский язык в научном освещении, 2017, № 2 (34). С. 9–28.

Касаткин Л. Л. (ред.). Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина / Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 1008 с.

Колесов В. В. История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. М.: Изд-во ЛГУ, 1972. 256 с.

Коробейникова Т. Н. Фразеологизмы в зеркале орфоэпии: акцентуационные варианты и динамика норм // Русская речь, 2023, № 2. С. 29–42.

Ку Бон Хи. Орфоэпия слова в контекстах разного типа // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. Межвузовский сб. Вып. IV. СПб., 2000. С. 176–184.

Найдина Т. Е. Акцентология фразеологической единицы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995. 17 с.

Резниченко И. Л. Словарь ударения и произношения слов русского языка. 5–9 кл. М.: АСТ-ПРЕСС Школа, 2021. 368 с.

Стрейкмане Э. Р. Лексикографическое представление акцентологических вариантов в словарях XVIII–XXI вв. (на примере глаголов на *-ить*) // Труды Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2023, № 4 (38). С. 292–306.

T. N. Korobeynikova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

tkorobeynikova@inbox.ru

REFLECTIONS ON DIACHRONIC ACCENTOLOGICAL PROCESSES IN WORDS IN FREE PHRASES AND IN PHRASEOLOGICAL UNITS

The paper deals with accentuation in the same word forms in phraseological units and free phrases. The article tests the hypothesis that active accentological processes can proceed in word forms in phraseological units more slowly than in the same word forms in free phrases. The results of the experiments with speakers of standard pronunciation show that in some nouns of third declination in prepositional case and in some verbs ending in *-ить* in forms of third-person singular and plural stress shift from ending to stem is observed in word forms within phraseological units more rarely than in free phrases. For example, the stem is more often stressed in word forms *в костю* and *заморит* in free phrases, than in phraseological units *широк в костю* and *заморит червячка*. Interestingly, in older speakers group accentuation difference is more frequent. The factors of preserving old stress are rhymes and the confusion of the meanings of homonyms and polysemantic words. The influence of frequency isn't observed.

Key words: orthoepy, accentuation, phraseological units, norm change, variability.

References

Avanesov R. I. (Ed.). *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Orthoepical dictionary of the Russian language: pronunciation, stress, grammatical forms]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1983. 703 p.

Bogdanova N. V. *Fonologicheskaya model' slova v sootnoshenii s leksicheskoy sistemoy russkogo yazyka* [Phonological word model in relation to lexical system of Russian language]. Doctoral dissertation, St. Petersburg, 2002. 403 p.

Bulahovskij L. A. *Russkij literaturnyj yazyk pervoj poloviny XIX veka* [Russian standard language of the first part of XIX century]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1954. 467 p.

Kalenchuk M. L., Savinov D. M., Skachedubova E. S. [Active processes in the prosodic system of the Russian language: accentuation of adjectives]. *Russkij yazuk v nauchnom osveshchenii*, 2017, no. 2 (34), pp. 9–28. (In Russ.)

Kalenchuk M. L., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F. *Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka. Norma i ee varianty* [The comprehensive pronouncing dictionary of the Russian language. Standard pronunciation and stress in the early 21st century. Standard and its variants]. 2nd ed., corrected and amended, Moscow, AST-Press Shkola Publ., 2012. 1001 p.

Kolesov V. V. *Istoriya russkogo udareniya. Imennaya akcentuaciya v drevnerusskom yazuke* [History of the Russian stress. Accentuation of nouns in Old Russian language]. Moscow, LGU Publ., 1972. 256 p.

Korobeynikova T. N. [Phraseological units from orthoepic point of view: stress variation and norm change]. *Russkaya rech*, 2023, no. 2, pp. 29–42. (In Russ.)

Ku Bon Hi [Word orthoepy in different types of contexts]. *Russkij yazyk kak inostrannyj: Teoriya. Issledovaniya. Praktika*, 2000, no. IV, pp. 176–184. (In Russ.)

Najdina T. E. *Akcentologiya frazeologicheskoj edinicy* [The accentology of a phraseological unit]. Doctoral dissertation summary. St. Petersburg, 1992. 17 p.

Reznichenko I. L. *Slovar' udareniya i proiznosheniya slov russkogo yazyka* [Dictionary of accents of the Russian language]. 5–9 grades. Moscow, AST-PRESS Shkola Publ., 2021. 368 p.

Streikmane E. R. [Lexicographic representation of accentological variations in dictionaries of the 18th — 21st centuries (the case of verbs ending by «-ить»)]. *Trudy instituta russkogo yazuka im. V. V. Vinogradova*, 2023, no. 4 (38), pp. 292–306. (In Russ.)

Vorontsova V. L. *Russkoe literaturnoe udarenie XVIII–XX vv. Formy slovoizmeneniya* [The Russian standard stress in the 18th–20th centuries. Inflection forms]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 328 p.

Zarva M. V. *Russkoye slovesnoye udarenije: Slovar'* [Russian verbal stress: Dictionary]. Ed. by M. V. Zarva. Moscow, NC ENAS Publ., 2001. 600 p.

А. М. Красовицкий
Оксфордский университет
(Великобритания, Оксфорд)
alexander.krasovitsky@mod-langs.ox.ac.uk

МНОГО ХОРОШИХ И РАЗНЫХ: К ВОПРОСУ О РЕГИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ

В статье анализируется опыт описания литературного языка как множества географически распределенных вариантов с единым центром — общенациональным вариантом. Рассматриваемая методика была разработана и успешно применена для описания социофонетической системы английского языка в Великобритании. Исследования британских социолингвистов показывают, как общенациональный стандарт — «общепринятое произношение» (Received Pronunciation) — может быть использован как основа для определения дифференциальных признаков всех социально распределенных типов произношения, характерных для той или иной географической области. Одновременно общенациональный стандарт используется как точка отсчета для описания регионального варьирования произношения различных социальных групп, включая произношение образованных носителей языка, опирающихся в ежедневной речевой практике на грамматические и лексические стандарты. Такое произношение, в ряде особенностей отличающееся от «общепринятого произношения», однако не включающее многие специфические региональные черты, рассматривается как региональный вариант «образованной речи», или, в принятой в русистике терминологии, — региональный вариант литературного произношения. Варианты произношения слов, характерные для этого типа, в отличие от других регионально ограниченных вариантов, включаются в произносительные словари со специальными пометами.

Для выделения дифференциальных признаков того или иного типа произношения используется стандартный список произносительных слов-моделей, основанных на «общепринятом произношении». Каждая такая модель включает группу слов с одним и тем же звуковым сегментом, который варьируется на региональном или социальном уровне. Такая вариативность в реализации модели в различных социально или регионально ограниченных типах произношения оценивается с точки зрения природы характера различий. Это включает различия в составе аллофонов одной фонемы в данной модели, фонемном составе модели, фонотактике

и различия, касающиеся фонетической реализации части лексем, входящих в данную модель. Вопрос о принадлежности той или иной фонетической реализации слова региональному варианту литературного произношения решается как на основе характера варьирования, так и на основе оценки данного варианта самими носителями языка в регионе.

Ключевые слова: литературный язык, произношение, региональное варьирование, сегментная фонетика, социофонетика, английский язык.

I. В середине 1990-х гг. автор этой заметки был в командировке в одном из южных университетов России. «Слышно, что Вы из Москвы, — прокомментировала коллега мое произношение. — До чего же смешно вы там говорите». То, что московское и петербургское произношение не являются доминирующими среди говорящих по-русски образованных людей, владеющих нормами литературного языка, не нуждается в доказательствах. «Образованная речь» с региональными произносительными маркерами является, скорее всего, правилом, нежели исключением: очевидно, что для значительного количества людей регионально окрашенное литературное произношение является родным, естественным и используемым в ежедневном общении, а следовательно, определяющим состояние русского языка в целом. Специалисты по орфоэпии включают в число орфоэпических норм значимые региональные варианты слов [Касаткин (ред.) 2012: 938], а социолингвисты, диалектологи разрабатывают иерархию уровней внутри региональных вариантов языка, включая в нее варианты литературного языка [Ерофеева 2005; Ерофеева 2020; Букринская, Кармакова 2020]. Несмотря на это, системной картины, представляющей многообразие вариантов русского литературного произношения, подобно тому как это делает русская диалектология на материале другого пласта национального языка, не существует. В связи с этим может быть полезен опыт британских социолингвистов, изучающих взаимодействие признанного в Великобритании стандарта произношения, наиболее известного как Received Pronunciation («общепринятое произношение»¹, далее — ОП) с другими, в том числе региональными типами произношения. Совмещение географически распределенных фонетических вариантов с социальной структурой британского общества позволяет представить национальный язык как многоуровневый континуум сосуществующих, отрефлексированных самими носителями типов произношения, обладающих определенными социальными и региональными признаками. На верхних уровнях этого континуума находится ОП и в разной степени приближающиеся к ОП типы произношения (например, региональные модификации ОП), характерные для носителей языка, выбирающих ОП в качестве ориентира. На нижних уровнях находятся типы произношения социальных групп, ориентированных на иные, чем ОП, варианты: «широкое» региональное произношение (региолект, ср. [Герд 1998; Герд 2001]), которое представляет собой «смягченный» диалект, лишенный наиболее архаичных или узкодиалектных

¹ Перевод термина был предложен А. Д. Швейцером [Швейцер 1971: 28].

черт, и собственно диалектное произношение. Цель этих заметок заключается в том, чтобы рассмотреть разработанный в британской социолингвистике подход к социальной стратификации языка и к межрегиональной вариативности типов произношения с учетом их социальных характеристик. Особое внимание будет уделено тому, как определяется регионально окрашенное «образованное» произношение, в привычной для русской лингвистической традиции терминологии — региональное литературное произношение. Под типом произношения (или под произносительным типом) здесь и далее понимается совокупность вариантов произношения, имеющая определенные функциональные, социальные или региональные характеристики, например ОП, «широкий» региональный тип и т. д. (в англоязычных социолингвистических работах: *accent*). Под вариантом произношения понимается способ реализации отдельных слов или групп слов. В статье сохраняется теоретический аппарат и терминология, используемые авторами цитируемых работ. В ряде случаев читатель может заметить отличия в интерпретации некоторых понятий (например, понятия фонемы) по сравнению с другими фонологическими школами.

II. В вышедшей в 1982 г. фундаментальной работе *Accents of English* Джон Уэллс [Wells 1982a] предлагает рассматривать ОП как систему с одним центром и некоторым числом произносительных типов, в разной степени приближающихся к этому центру и характерных для разных групп носителей британского английского. Границы между этими сосуществующими типами отражают границы между разными группами носителей языка, устанавливаемые «в соответствии с нашим пониманием социальной реальности» [Wells 1982b: 280]. Уэллс предлагает выделять следующие типы произношения: *основной вариант ОП* (mainstream RP) — произношение, которое фиксируется словарями, «знакомое каждому в Англии, а для небольшого числа людей являющееся родным» [Wells 1982b: 279]; *ОП высших классов* (Upper-Crust RP) — маргинальный тип, свойственный отдельным представителям аристократии и небольшого числа профессий; *приобретенное ОП* (Adoptive RP) — ОП, усвоенное во взрослом возрасте; *неполное ОП* (Near-RP), к которому может относиться регионально окрашенное произношение образованных представителей среднего класса.

Для описания вариативности внутри каждого типа произношения и для оценки различий между разными типами Уэллс разработал стандартный список признаков, охватывающий вокализм, консонантизм и суперсегментные явления. Этот список в дальнейшем составил основу более поздних социофонетических работ. Рассматривая, как работает предложенная Уэллсом модель, мы по большей части ограничимся вокалическими различиями, которые охватываются списком слово-моделей (lexical sets). Этот список, который Уэллс составил на основе различий между ОП и стандартным американским произношением (General American), используются и для описания различий между типами произношения в рамках британского английского. Например, модель GOAT ('коза'), к которой относятся слова *soap, boat, roach, loaf, oath, road, loathe, coal, roam, loan* и мн. др., в ОП

реализуется как [gəʊt], в стандартном американском английском как [goʊt]. Внутри британского английского в реализации этой модели обнаруживается противопоставление между ОП и региональным лондонским типом (точнее, множеством типов от кокни до неполного ОП), которое связано с первой частью дифтонга: [gəʊt] в ОП и [glʊt] в Лондоне. В рамках ОП данная модель также представлена вариантами, обусловленными, в частности, возрастом говорящего: [gəʊt], [geʊt], [gzʊt] [Wells 1982b: 312–313].

Различия между реализациями модели служат основанием для различения типов произношения. Такие различия могут быть фонетическими (аллофоническими), фонемными (системными), фонотактическими и лексически обусловленными.

Характер вариативности важен для определения статуса того или иного варианта произношения слова: например, если отличающиеся на фонетическом уровне два варианта произношения могут описываться в рамках одного типа произношения (например ОП), то другие различия в рамках одного типа менее вероятны (хотя, скорее всего, это будет зависеть от социальных факторов). Ниже мы более подробно рассмотрим все четыре типа различий.

К фонемной (системной) вариативности (*systemic differences* [Wells 1982b; Cruttenden 2014]) относится, во-первых, отсутствие фонологического противопоставления в одном типе произношения при его наличии в другом типе и, во-вторых, наличие такого противопоставления в одном произносительном типе при его отсутствии в других типах. Примером первого являются различия в фонемном составе слов в моделях STRUT /strʌt/ ('стойка; опора') и FOOT /fʊt/ 'нога'. В большей части диалектов севера Англии отсутствует противопоставление фонем /ʌ/ — /ʊ/, вследствие чего лексемы, которые в ОП распределены по двум этим моделям (напр., *cut* 'жвачка', *putt* 'удар' с фонемой /ʌ/ и *could* 'мог(ла)', *put* 'класть' с фонемой /ʊ/), совпадают в модели FOOT (/fʊt/): /kʊd/, /pʊt/. Примером второго служит расщепление одной модели. Так, лексемы, входящие в ОП в модель THOUGHT /θɔ:t/ с гласной фонемой /ɔ:/ ('мысль'), в «широком» лондонском произношении (broad London accent) распределились по двум моделям: с гласной фонемой /o:/ и с дифтонгом /ɔə/, что привело к образованию таких минимальных пар, как *board* /bo:d/ ('доска') — *bored* /bɔəd/ 'надоесть', прош. вр.); *pause* /pɔ:z/ ('пауза') — *paws* /pɔəz/ ('лапа', мн. ч.) [Wells 1982b: 311]. Иногда фонемные различия могут обнаруживаться внутри одного типа произношения. В конце 1970-х гг. в британской прессе развернулась полемика о конкуренции произносительных вариантов b/æ/nk и b/ʌ/nk в речи дикторов BBC (второе произношение по контрасту с первым воспринималось как b[ʊ]nk, что вызвало иронические выпады со стороны журналистов, вроде *Ufrica* и *Princess Unne* [Wells 1982b: 291]).

К фонетической вариативности (*low-level phonetic variability* [Wells 1982b]; *realisational differences* [Cruttenden 2014]) относятся различия в качестве звуков, не связанные с различием в системе фонем. Так, в модели PRICE ('цена'), реализуемой в ОП как [praɪs], с дифтонгом [ai], фонологически /ai/ [Roach 2004; Cruttenden 2014],

первая часть дифтонга в «широком» лондонском произношении может быть сдвинута назад, что приводит к произношению [pɹaɪs]. Лондонский вариант модели MOUTH ('рот; устье'), реализуемой в ОП как [maʊθ] с дифтонгом [aʊ], фонологически /aʊ/ [Roach 2004; Cruttenden 2014], напротив, демонстрирует продвижение вперед, в результате чего эта модель может фонетически реализоваться как [mæʊθ] с дифтонгом [æʊ].

Различия в произношении отдельных слов (*lexical-incidentality variability* [Wells 1982b], *lexical differences* [Cruttenden 2014]). При наличии одной и той же системы фонем их распределение по отдельным лексемам в разных типах произношения может не совпадать. Например, как в ОП, так и в диалектных фонологических системах севера Англии имеется оппозиция фонем /u:/ и /ʊ/. Хотя их распределение по лексемам в ОП и в северных диалектах в большинстве случаев совпадает, есть и некоторые не сводимые к системе различия. Так, если в ОП в словах *book* 'книга', *hook* 'крюк', *look* 'смотреть' имеется фонема /ʊ/ (/bʊk/, /hʊk/, /lʊk/), то в североанглийской речи в состав этих слов входит долгая фонема /u:/ (/bu:k/, /hu:k/, /lu:k/).

Фонотактические различия (*phonotactic differences* [Wells 1982b]; *distributional differences* [Cruttenden 2014]). Такие различия возникают при системных ограничениях на появление фонемы в определенном сегментном контексте. Например, в ряде вариантов английского языка, включая ОП, фонема /r/ возможна только перед гласными, в отличие от характеризуемых ротацизмом американского или шотландского типов произношения [Cruttenden 2014], а также от неполного ОП, где эта фонема возможна перед согласными или в абсолютном конце слова. Таким образом фонемный состав моделей SQUARE ('площадь; квадрат') и START ('начало'), представленных в ОП как /skwɛ:r/ и /stɑ:t/, в неполном ОП и других типах произношения с ротацизмом увеличивается на одну фонему: /skwɛ:r/ и /stɑ:rt/.

При совмещении этих четырех типов вариативности с социальными характеристиками говорящих и региональными границами получается двухмерный языковой континуум. По вертикали этого континуума располагаются используемые в данном регионе типы произношения, находящиеся выше или ниже относительно друг друга в зависимости от социального статуса (подобная стратификация с иными социальными характеристиками была предложена в [Ерофеева 2005] для языка Перми). По горизонтали континуума можно проследить региональную вариативность в реализации той или иной модели на разных уровнях социальной стратификации, например, в близкой к ОП речи представителей среднего класса с университетским образованием, в более далеком от ОП «широком» региональном произношении или в локальных диалектах. Ниже мы рассмотрим, как разработанный в [Wells 1982a; Wells 1982b] стандартный набор слов-моделей используется для описания отношений между ОП и различными региональными типами произношения (часть III), а также между разными типами произношения внутри одного региона (часть IV).

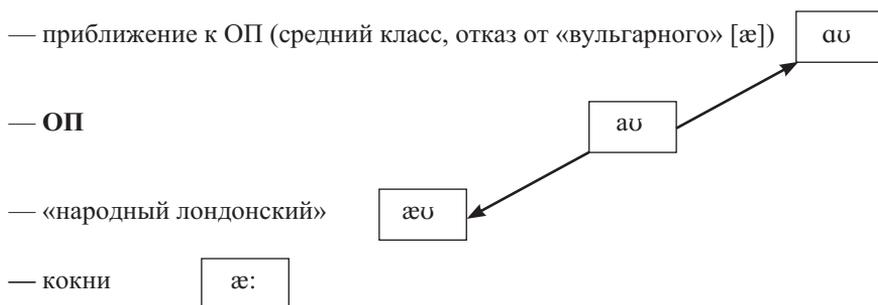
III. Как упоминалось выше, на большей части территории северной Англии, где отсутствует фонема /ʌ/, не различаются модели STRUT (ОП: /strʌt/, северноангл.: /strʊt/) и FOOT (ОП и северноангл.: /fʊt/)². Совпадение этих моделей в «широком» северном типе произношения сосуществует на севере с произношением, имеющим более высокий социальный статус, где эти модели противопоставлены, хотя и иначе, чем в ОП. При этом если в более северных районах, например в Ньюкасле, это противопоставление обнаруживается на наиболее высоком уровне социальной стратификации, представленной пятью классами³, то с продвижением на юг различие этих моделей распространяется вниз по социальной шкале. Такое противопоставление с точки зрения его отношения к ОП может быть классифицировано по-разному в зависимости от возникающих новых системных отношений. Наряду с оппозицией /strʌt/ — /strʊt/, что является признаком ОП, возникает промежуточный вариант, где оппозиция представлена как /stræt/ — /fʊt/ с фонемой /ə/ в STRUT (в отличие от стандартной для ОП фонемы /ʌ/). Это дает основания рассматривать данный вариант произношения как близкий к ОП, но не входящий в него, поскольку здесь наблюдается иное, чем в ОП, распределение фонем по лексическим единицам, что считается значительным отступлением от стандарта. Учитывая ориентацию этого типа произношения на существующие в ОП системные отношения, такой вариант произношения квалифицируется как неполное ОП. Если в одних (наиболее северных) частях страны этот вариант характерен лишь для образованной части среднего класса, что дает основание признать его дифференциальным признаком регионального варианта литературного произношения (ОП), то в других, более южных частях он уже не входит в число дифференциальных признаков этого типа произношения, поскольку является нормой и для других типов, которые, на иных основаниях, не получают такого статуса.

IV. Слова-модели используются как точка отсчета для описания отношений между произносительными типами внутри одного региона. В качестве примера можно привести представленный в [Wells 1982b] анализ языка Лондона, важнейшим пластом которого является кокни — вариант языка, возникший в восточных предместьях столицы [Wright 1981; Mott 2012; Cole 2022]. Кокни, с его интенсивной глоттализиацией и сдвинутыми дифтонгами (см. ниже), в вертикальном континууме языка Лондона представляет собой наименее престижный вариант произношения.

² Интересно отметить, что это различие само по себе возникло в среднеанглийский период в результате расщепления краткой фонемы /u/ на две фонемы /ʌ/ и /ʊ/. Распространившись в XVII в. на юге Англии, это изменение не коснулось английского севера и лишь фрагментарно представлено в английских диалектах Ирландии [Wells 1982b: 349].

³ Сверху вниз по шкале социальной стратификации: средний слой среднего класса (middle middle class), нижний слой среднего класса (lower-middle class), верхушка рабочего класса (upper working class), средний слой рабочего класса (middle working class), нижний слой рабочего класса (lower working class) [Wells 1982a: 18].

Большинство представителей рабочего класса в Лондоне, однако, происходит из других районов и предместий города и не может считаться кокни ни в культурном, ни в географическом отношении⁴. Имея общие с кокни произносительные особенности, язык этой части рабочего класса (*popular London* «народный лондонский язык», по определению Уэллса) не тождествен ему и — в отношении звуковой системы — в большей степени приближается к ОП. Один из очевидных для лондонцев маркеров, различающих кокни и «народный лондонский», — слова, входящие в упомянутую выше модель MOUTH (ОП: /maʊθ/). И кокни, и «народный лондонский» не совпадают в этой модели с ОП, но характер этого несовпадения различен. В произношении кокни гласная фонема в словах этой модели реализуется не дифтонгом, а монофтонгом: [mæ:f] ~ [ma:f], в то время как в более близком к ОП «народном лондонском» сохраняется дифтонг, но с иным, по сравнению с ОП, первым компонентом: [mæʊf]. В наборе реализаций модели MOUTH, включающем ОП, «народный лондонский» и кокни обнаруживаются и другие варианты, демонстрирующие их значимость как дифференциальных признаков произносительного типа. Так, некоторые представители среднего класса из социально смешанных районов южного Лондона, не владеющие ОП, но желающие приблизиться к нему, в словах модели MOUTH произносят дифтонг [aʊ] со «слишком сильно» сдвинутым назад первым компонентом ([maʊ:θ]), с тем чтобы избежать «вульгарного» упередненного [æʊ] ([mæʊ:f]), характерного для произношения выходцев из рабочего класса этой части Лондона. Фонетически наиболее близкие варианты оказываются одновременно и более близкими в социальном отношении, распределиться в модели следующим образом (стрелки показывают продвижение вперед или назад в трапецоиде гласных):

Модель MOUTH можно рассматривать здесь как одну из «точек контроля». Из поведения множества моделей на разных уровнях социальной стратификации складывается набор дифференциальных признаков, описывающих тот или иной тип произношения (скажем, в границах региона). Например, в «народном лондонском»

⁴ Кокни в традиционном понимании может считаться тот, кто родился в пределах слышимости колоколов на башне церкви St. Mary-le-Bow, расположенной в лондонском районе Чипсайд (<https://www.britannica.com/topic/Cockney>).

упереднение начальной фазы дифтонга в словах, входящих в модель MOUTH, сочетается со сдвигом назад первого компонента дифтонга в модели PRICE (ОП: [rɪaɪs]). На основании этих двух дифференциальных признаков различие между ОП и «народным лондонским» могут быть представлены следующим образом:

V. Исследователи сходятся в том, что лишь небольшое число говорящих на британском английском являются носителями регионально нейтрального стандартного произношения, то есть ОП. Доля естественных носителей ОП оценивается в диапазоне от трех до пяти процентов [Romanie 2000; Upton 2015]. Произношение же подавляющего большинства говорящих на британском английском может быть ассоциировано с той или иной частью страны [Upton 2015]. При этом, как указывает Трудгилл, носителей стандартного (= литературного) английского, *Standard English*, существенно больше: к числу «образцовых» носителей ОП нужно прибавить еще девять-десять процентов населения Англии, в чем произношении имеются некоторые региональные особенности. Главными признаками носителя стандартного английского, по определению Трудгилла, является отсутствие отступлений от грамматических норм и неиспользование в нейтральной речи регионально ограниченных лексических единиц при наличии общеанглийских эквивалентов. В то же время в их речи «не обнаруживается “широкий” региональный тип произношения, то есть произношение с большим количеством региональных черт, которые в фонологическом и фонетическом отношениях резко отличаются от ОП» [Trudgill 1999/2011]. Такое близкое к ОП регионально маркированное «образованное» произношение, согласно [Wells 1982b], попадает под определение *неполное ОП*. Не совпадая в точности с ОП, этот тип произношения включает лишь небольшое число черт, которые можно считать регионально окрашенными. Состав дифференциальных признаков неполного ОП в этом случае меняется от одной географической области к другой.

Наряду с объективно определяемым характером различий большую роль в распределении разных реализаций моделей по типам произношения играют субъективные оценки. Так, было установлено, что распространенная в целом на севере реализация модели STRUT как /strʊt/ оценивается образованными носителями как неприемлемая. Как отмечает Уэллс, «многие образованные северяне скорее умрут, чем произнесут нечто столь вульгарное, как звук [ʊ] в этих словах. В то же время перцептивно очевидные особенности северной речи рассматриваются этой группой говорящих как обязательные: например, они «почувствуют себя предателями собственной северной идентичности, если в словах типа BATH станут произносить что-либо, кроме краткого [a]» [Wells 1984: 354]. Такая реализация модели может

быть квалифицирована как неполное ОП. Принципиально важно, что большинство населения воспринимает такое произношение как «образованное», как «правильный выговор» и как маркер принадлежности к среднему классу [Wells 1982b: 297]. То есть речь идет не о меньшей престижности неполного ОП по сравнению с основным ОП (мы здесь не рассматриваем вопрос о языковом снобизме, что свойственно некоторым носителям многих или, возможно, всех языков), а о выборе условной точки отсчета для анализа: к неполному ОП будут отнесены и самые престижные типы произношения за пределами Британии.

VI. Предлагаемый британскими социалингвистами подход во многом переключается с подходами, разработанными для социофонетического анализа русского языка. Обзор работ в этой области не входил в задачу представленных здесь заметок, но все же необходимо назвать такие работы как [Панов (ред.) 1968; Крысин (ред.) 1974; Бондарко, Вербицкая 1987; Грузберг 1989; Ерофеева 2005; Ерофеева 2020]. То, на что интересно обратить внимание в рассмотренных работах британских социалингвистов, — это комплексный подход к двум разновидностям вариативности — вертикальной (социально обусловленной) и горизонтальной региональной, при этом последняя прослеживается на разных уровнях социальной стратификации, в частности на уровне региональных литературных стандартов. Представляется, что рассмотренная методология может способствовать созданию типологического описания региональных вариантов русского литературного произношения, которое откроет нам не меньше в области изучения звуковых систем, чем другие, намного лучше разработанные области: литературная фонетика, орфоэпия и диалектология русского языка.

Литература

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Региональные разновидности русской речи // Русская речь, 2020, № 4. С. 7–18.

Герд А. С. Диалект — региолект — просторечие // Русский язык в его функционировании. М.: Русские словари, 1998. С. 20–21.

Герд А. С. Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2001. 487 с.

Грузберг Л. А. О разграничении устной литературной речи и городского просторечия // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 1989. С. 26–31.

Ерофеева Е. В. Вероятностная структура идиомов: социалингвистический аспект. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2005. 320 с.

Ерофеева Е. В. Региолект как континуум // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Язык и литература, 2020, т. 17, вып. 4. С. 596–614.

Касаткин (ред.) 2012 — *Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф.* Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 1008 с.

Крысин (ред.) 1974 — Русский язык по данным массового обследования: Опыт социально-лингвистического изучения / Под ред. Л. П. Крысина. М.: Наука, 1974. 352 с.

Панов (ред) 1968 — Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование: В 4 кн. / Под ред. М. В. Панова. М.: Наука, 1968.

Швейцер А. Д. Литературный английский язык в США и Англии. М.: Высшая школа, 1971. 200 с.

Cole A. Cockney moved East: the dialect of the first generation of East Londoners raised in Essex. *Dialectologia et Geolinguistica*, 30, 2022, pp. 91–114. <https://doi.org/10.1515/dialect-2022-0005>.

Cruttenden A. *Gimson's Pronunciation of English*. 8th ed. London & New York, Routledge, 2014.

Mott B. Traditional Cockney and popular London speech. *Dialectologia*, 9, RACO (Revistes Catalanes amb Accés Obert), 2012, pp. 69–94.

Oxford English Dictionary. 3rd ed. <https://www.oed.com>

Roach P. British English: Received Pronunciation. *Journal of the International Phonetic Association*, 34 (2), 2004, pp. 239–245.

Trudgill P. Standard English: what it isn't. Bex T. & Watts R. J. (eds.). *Standard English: the widening debate*. London, Routledge, 1999/2011 (revised version), pp. 117–128.

Upton C. *British English*. Reed M., Levis J. (eds.). *The Handbook of English Pronunciation*. Newark, Wiley, 2015.

Wells J. C. Accents of English I. An Introduction. Cambridge, Cambridge University Press, 1982a. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511611759>.

Wells J. C. Accents of English II. The British Isles. Cambridge, Cambridge University Press, 1982b. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511611759>.

Wells J. C. English Accents in England. Trudgill P. (ed.). *Language in the British Isles*. Cambridge, Cambridge University Press, 1984, pp. 55–69.

Wright P. *Cockney Dialect and Slang*. London, B. T. Batsford Ltd., 1981.

A. M. Krasovitsky

University of Oxford

(United Kingdom, Oxford)

alexander.krasovitsky@mod-langs.ox.ac.uk

**LOTS OF GOOD AND DIFFERENT ONES:
ON THE ISSUE OF REGIONAL VARIETIES
OF STANDARD PRONUNCIATION**

The article addresses the conceptual framework for describing a standard language as a system of geographically distributed variants with a common centre — the national standard variant. The methodology under discussion was developed and effectively

implemented for the sociophonetic analysis of the English language in the United Kingdom. Research conducted by British sociolinguists elucidates how the national standard — Received Pronunciation (RP) — serves as a referential anchor for delineating the differential features across socially stratified types of pronunciation endemic to various geographical regions. Concurrently, the national standard functions as a benchmark for characterizing regional variation in pronunciation among diverse social strata, including the pronunciation patterns of educated speakers who adhere to grammatical and lexical norms in their quotidian linguistic practices. This type of pronunciation, which diverges in certain respects from RP yet eschews many region-specific features, is conceptualized as a regional variant of “educated speech” or, within the terminological framework of Russian linguistics, a regional variant of literary (or standard) pronunciation. Pronunciation variants associated with this type, as opposed to other regionally confined variants, are incorporated into (some) pronunciation dictionaries with specific annotations.

To identify the differential features of a given type of pronunciation, a standardized list of pronunciation word-models based on Received Pronunciation (RP) is employed. Each model comprises a group of words containing the same phonetic segment, which varies on a regional or social level. The variability in the realization of these models across different socially or regionally restricted types of pronunciation is evaluated in terms of the nature and character of the differences. This encompasses differences in the allophonic realisation of a single phoneme within the model, phonological differences, phonotactic constraints, and variations in the phonetic realization of individual lexemes within the model. The classification of a particular phonetic realization of a word as belonging to a regional variant of literary pronunciation is determined both by the nature of the variation and the evaluative perceptions of this variant by the language speakers in the region.

Key words: standard language, pronunciation, regional variation, segmental phonetics, sociophonetics, English language.

References

Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. [Regional varieties of Russian speech]. *Russkaya rech'*, 2020, no. 4, pp. 7–18. (In Russ.)

Cole A. Cockney moved East: the dialect of the first generation of East Londoners raised in Essex. *Dialectologia et Geolinguistica*, 2022, no. 30, pp. 91–114. [https://doi.org: 10.1515/dialect-2022-0005](https://doi.org/10.1515/dialect-2022-0005).

Cruttenden A. *Gimson's Pronunciation of English*. 8th ed. London & New York, Routledge Publ., 2014.

Erofeeva E. V. *Veroyatnostnaya struktura idiomov: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [The probabilistic structure of idioms: sociolinguistic aspect]. Perm', Izd-vo Permskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2005.

Erofeeva E. V. [The regiolect as a continuum]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*, 2020, vol. 17, issue 4, pp. 596–614. (In Russ.)

Gerd A. S. [Dialect — regiolect — vernacular]. *Russkii yazyk v ego funktsionirovaniy* [The Russian language in its functioning]. Moscow, Izd-vo “Russkie slovari” Publ., 1988, pp. 20–21. (In Russ.)

Gerd A. S. *Vvedenie v etnolingvistiku: kurs leksii i khrestomatiya* [Introduction to ethnolinguistics: A course of lectures and a textbook]. St. Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2001. 487 p.

Gruzberg L. A. [On the differentiation of oral literary speech and urban vernacular]. *Zhivoe slovo v russkoi rechi Prikam'ya* [The Word in Russian speech Prikamye]. Perm', Izd-vo Permskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1989, pp. 26–31. (In Russ.)

Kalenchuk M. L., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F. *Bol'shoi orfoepicheski slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ee varianty* [A large orthoepic dictionary of the Russian language. Literary pronunciation and stress of the beginning of the XXI century: the norm and its variants]. Moscow, AST-Press Publ., 2012. 1008 p.

Krysin L. P., Vorontsova V. L., Glovinskaya M. Ya., Golanova E. I., Il'ina N. E., Kitaigorodskaya M. V., Kuz'mina S. M. *Russkii yazyk po dannym massovogo obsledovaniya* [Russian language according to mass survey data: The experience of socio-linguistic study]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 352 p.

Mott B. Traditional Cockney and popular London speech. *Dialectologia*, 2012, no. 9, RACO (Revistes Catalanes amb Accés Obert), pp. 69–94.

Oxford English Dictionary. 3rd ed. <https://www.oed.com>

Panov M. V. *Russkii yazyk i sovetskoe obshchestvo. Sotsiologo-lingvisticheskoe issledovanie* [Russian language and Soviet Society: Sociological and linguistic research]. In 4 vols., Moscow, Nauka Publ., 1968.

Roach P. British English: Received Pronunciation. *Journal of the International Phonetic Association*, 2004, no. 34 (2), pp. 239–245.

Shveitser A. D. *Literaturnyi angliiskii yazyk v SShA i Anglii* [Literary English in the USA and England]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1971. 200 p.

Trudgill P. 1999/2011 (revised version). Standard English: what it isn't. Bex T. & Watts R. J. (eds.). *Standard English: the widening debate*, London, Routledge Publ., pp. 117–128.

Upton C. British English. Reed M., Levis J. (eds.). *The Handbook of English Pronunciation*. Newark, WileyPubl., 2015.

Wells J. C. *Accents of English I. An Introduction*. Cambridge, Cambridge University Press, 1982a. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511611759>.

Wells J. C. *Accents of English II. The British Isles*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982b. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511611759>.

Wells J. C. English Accents in England. Trudgill P. (ed.). *Language in the British Isles*. Cambridge, Cambridge University Press, 1984, pp. 55–69.

Wright P. *Cockney Dialect and Slang*. London, B. T. Batsford Ltd., 1981.

О. Ю. Крючкова

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
(Россия, Саратов)
vpks@rambler.ru*

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФУЗИОННЫХ И АГГЛЮТИНАТИВНЫХ
ТЕНДЕНЦИЙ В АФФИКСАЛЬНЫХ КОМПОЗИЦИЯХ
РЕДУПЛИКАЦИОННОГО ТИПА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)**

Конкуренция агглютинации и фузии в русском словопроизводстве отчетливо проявляет себя в моделях нанизывания тождественных или семантически близких аффиксов. В статье рассматривается взаимодействие агглютинативных и фузионных тенденций в русском производном слове, развивающееся на протяжении истории русского языка в аффиксальных композициях редупликационного типа. Модели дублирующей и синонимической редупликации аффиксов базируются на агглютинативном механизме аффиксального нанизывания, однако включение этого механизма обусловлено фузионными свойствами словообразовательных аффиксов в русском языке: их многозначностью, нестандартностью, регулярной дестимологизацией. Повторная аффиксация, суть которой в устранении многозначности первичного аффикса, реконструкции дестимологизированных значений, способствует восстановлению семантической определенности аффикса, создает возможность расчлененного восприятия информации, приближает фузионный словообразовательный формант к форманту агглютинативного типа. Этот общий мотив повторного дублирующего или синонимического нанизывания аффиксов получает своеобразное развитие в различных словообразовательных подсистемах (в статье рассмотрены причины и следствия аффиксального нанизывания редупликационного типа в разных семантико-грамматических группах слов). Агглютинативное нанизывание аффиксов входит в противоречие со структурными основами флективного языка, аффиксальные последовательности подвергаются фузионной обработке в структуре русского многоморфемного слова; процесс агглютинативного нанизывания изосемических аффиксов вырождается в фузионном языке во вторично синтезированные новые деривационные форманты.

Ключевые слова: русский язык, словообразование, аффиксация, аффиксальные композиции, редупликация, агглютинация, фузия.

Введение

Процесс аффиксальной агглютинации и фузионной спайки морфем — непрерывный динамический процесс в русском словопроизводстве. Борьба агглютинативных и фузионных тенденций ярко проявляется в словах, содержащих аффиксальные последовательности (суффиксальные или префиксальные). Сам факт линейного нанизывания аффиксов есть проявление агглютинативной тенденции. Однако в одних случаях эта тенденция подкрепляется характером сочетаемости аффиксов, в других нарушается действием характерной для русского языка фузии. В одних случаях аффиксы, образующие аффиксальные последовательности, сохраняют свою структурную выделимость и семантическую самостоятельность (ср.: *учи-тель-ниц-а*, *карикатур-ист-к-а*, *при-у-красить*), в других — наблюдаются фузионные изменения аффиксов (ср.: *извоз-чич-ий* < *извоз-чик*, *повоз-оч-н-ый* < *повоз-к-а*, *бунтов-щиц-к-ий* и *бунтов-щич-еск-ий* < *бунтов-щик*).

Тесное взаимодействие агглютинации и фузии в русском словопроизводстве отчетливо проявляет себя в моделях нанизывания тождественных или семантически близких аффиксов. Модели дублирующей и синонимической редупликации аффиксов (ср.: *вулканизатор-щик*, *по-при-забыть*, *ведер-оч-к-о*), достаточно активно развивающиеся в словообразовательных подсистемах всех частей речи и на всех этапах языковой диахронии (см. [Крючова 2000]), базируются на агглютинативном механизме нанизывания аффиксов. Однако включение этого механизма, реализующегося в подобных моделях, обусловлено фузионными свойствами словообразовательных аффиксов в русском языке: их многозначностью, нестандартностью, регулярной деэтимологизацией. Названные особенности лишают фузионные аффиксы, в отличие от агглютинативных, «полноты значимости» (по Э. Сепиру), затрудняют поморфемное восприятие информации, передаваемой словом [Сепир 1993: 126].

Повторная аффиксация, суть которой в устранении многозначности первичного аффикса (*вулканизатор* ‘лицо или предмет?’ — *вулканизаторщик* ‘лицо’), реконструкции деэтимологизированных значений (*ножик* — *ножичек*, *книжка* — *книжечка*), способствует восстановлению «полноты значимости» аффикса, создает возможность расчлененного восприятия информации, приближает фузионный словообразовательный формант к форманту агглютинативного типа. Неслучайно дублирующая и синонимическая аффиксальная редупликация представляет собой типологически своеобразное явление в языках с преобладанием фузии. В языках же с преобладанием агглютинативной техники редупликация аффиксов указывает на приобретение соответствующими морфемами фузионных свойств: признаков нестандартности и десемантизации (см., например [Люй Шу-сян 1961: 38; Суник 1965: 61]). Этот общий мотив повторного дублирующего или синонимического нанизывания аффиксов получает своеобразное развитие в различных словообразовательных подсистемах русского языка.

Фузионный характер словообразовательных аффиксов как стимул к их агглютинативному нанизыванию

В древнерусских памятниках отмечены конкретно-предметные существительные с агглютинативным нанизыванием суффиксов *-ин(а)* и *-иц(а)*: **рогоз-ин-иц-а**, **хлѣв-ин-иц-а** и под. Агглютинативный характер сочетаемости суффиксов *-ин(а)* и *-иц(а)* подчеркивается возможностью их позиционного варьирования в составе производных слов, наличием словообразовательных дублетов с названными суффиксами, ср.: **рогоз-ин-а**, **рогоз-иц-а** — **рогоз-ин-иц-а**; **масл-ин-а**, **масл-иц-а** — **масл-ин-иц-а** и **масл-иц-ин-а**. Причиной агглютинативного нанизывания суффиксов *-ин(а)* и *-иц(а)* стала их семантическая амбивалентность, особенно суффикса *-ин(а)* (см. [Максимов 1975; Сахарный 1993: 60]).

Семантическая амбивалентность послужила также фактором агглютинативного дублирования суффикса *-ич(ь)* в составе лично-одушевленных имен существительных со значением невзрослости: **брат-ич-ич-ь**, **ров-ич-ич-ь**, **сестр-ич-ич-ь**. В эпоху ранней славянской письменности значение невзрослости объединяло в себе три семантических компонента: ‘сын’, ‘ребенок’, ‘детеныш’. Полная редупликация суффикса *-ич(ь)* была направлена исключительно на поддержание значения ‘сын’, которое и было, очевидно, первичным значением данного суффикса (см. [Максимова 1985: 52]), ср.: **братичь** ‘сын брата’ и **братичичь** ‘то же’; **ровичь** ‘сын рабы’ и **ровичичь** ‘то же’; **сестричь** ‘сын сестры’ и **сестричичь** ‘то же’.

Одним из факторов высокой продуктивности агглютинативной словообразовательной модели *-ств(о) + -и(е)*, в соответствии с которой в древнерусский и старорусский периоды образовывались абстрактные существительные типа **богатствѣне**, **пронырствѣне**, **пьянствѣне**, стал, по всей видимости, смешанный транспозиционно-мутационный характер словообразовательного значения первичного суффикса и регулярная конкретизация первичнопроизводных абстрактных имен существительных, развитие у них конкретно-предметных значений. С помощью вторичного абстрактно-именного суффикса актуализировались значения отвлеченного признака. Ср.: **богатъство** 1) ‘богатство’; 2) ‘имущество, материальные ценности’ — **богатствѣне** ‘то же, что богатство (в знач. 1)’; **пронырство** 1) ‘коварство, лукавство, происки’; 2) ‘злодейство’; 3) ‘злой умысел’; 4) ‘ловушка, западня’ — **пронырствѣне** ‘злая выдумка, ухищрение’; **пьянство** 1) ‘пьянство’; 2) ‘опьянение’; 3) ‘опьяняющий напиток’; 4) ‘опьяняющий фактор, начало’ — **пьянствѣне** ‘пьянство’.

Важнейшим стимулом к широкому развитию моделей вторичной диминутивной суффиксации в русском языке явилась регулярная деэтимологизация уменьшительно-оценочного значения у дериватов 1-й ступени. Диминутивные суффиксы 2-й ступени (вторичные диминутивы) служат средством возобновления утраченного или затемненного диминутивного значения, ср.: *дев-к-а* — *дев-оч-к-а*, *короб-к-а* — *короб-оч-к-а*, *нож-ик* — *нож-ич-ек*, *книж-к-а* — *книж-еч-к-а* (функция актуализации диминутивного значения — не единственная функция вторичного диминутивного словообразования, но значимая для исторического формирования моделей этого вида деривации, см. [Крючкова 2016]).

Агглютинативное нанизывание адъективных суффиксов в словообразовательной подсистеме имен прилагательных, например *-ов + -н*; *-ов + -ск* (ср. др.-русск. *христ-ов-ъ* — *христ-ов-ьн-ый*, *дожд-ев-ой* — *дожд-ев-ьн-ой*, *поп-ов-ый* — *поп-ов-ьск-ий*, *ряд-ов-ой* — *ряд-ов-ьн-ый* и *ряд-ов-ск-ой*), связано с нестандартностью адъективных словообразовательных формантов, с наличием целого ряда изофункциональных аффиксов (*-ьн-*, *-ов-*, *-ьск-*), слабо дифференцированных в древнерусский и старорусский периоды.

Видовая неопределенность некоторых глаголов с суффиксами *-а-* или *-ова-* стала поводом для агглютинативного присоединения к ним вторичных суффиксов имперфективации *-ва-* или *-ыва-*, устраняющих двувидовость односуффиксных глаголов. Ср.: др.-русск. *кончати* ‘кончать / окончить’ — *кончавати* ‘кончать, оканчивать’; *скончати* ‘закончить / заканчивать, завершить / завершать’ — *скончавати* ‘заканчивать, завершать’; *обѣщати* ‘дать / давать слово’ — *обѣщавати* ‘давать слово’; *обоняти* ‘ощущать / ощутить запах’ — *обонявати* ‘ощущать запах’; *оклеветати* ‘клеветать / оклеветать, обвинять / обвинить’ — *оклеветавати* ‘клеветать, обвинять’; в совр. русск. яз.: *атак-ова-ть* — *атак-ов-ыва-ть*, *дезорганиз-ова-ть(ся)* — *дезорганиз-ов-ыва-ть(ся)*, *образ-ова-ть* — *образ-ов-ыва-ть*, *организ-ова-ть* — *организ-ов-ыва-ть*, *соглас-ова-ть(ся)* — *соглас-ов-ыва-ть(ся)*, *сообраз-ова-ть* — *сообраз-ов-ыва-ть*.

Фузионная обработка аффиксальных композиций

Агглютинативное нанизывание аффиксов входит в противоречие со структурными основами флективного языка, ограничивающего агглютинативные механизмы, стремящегося к преобразованию аффиксальных последовательностей в усложненные словообразовательные форманты. Агглютинативное нанизывание аффиксов подвергается фузионной обработке (спайке) в структуре русского многоморфемного слова. Так, отмечая агглютинативный характер соединения приставок в полипрефиксальных глаголах и рассматривая агглютинацию как фактор свободной и многообразной сочетаемости префиксов, Л. И. Ройзензон справедливо заключает: «агглютинация в глагольных композитах никогда не достигает состояния, обычного для... классического типа агглютинации, ибо агглютинативные элементы славянской глагольной полипрефиксации встречают сильнейшее сопротивление флективной структуры славянских языков...» [Ройзензон 1970: 94]. При линейном расположении частично совпадающих по значению приставок в синтагматике слова происходит нейтрализация одних и актуализация других значений, точнее, нейтрализация различий и актуализация тождеств полисемичных префиксов — явление, названное Л. И. Ройзензоном деривационно-семантической абсорбцией. Ср.: *по-сѣщати* 1) ‘посещать, навещать’; 2) ‘оказывать милость, делать добро’; 3) ‘осматривать’; 4) ‘рассматривать, исследовать’ — *при-сѣщати* 1) ‘посещать, навещать’; 2) ‘осматривать’; 3) ‘смотреть, взирать’; 4) ‘призреть’; 5) ‘оказывать милость’ — *при-по-сѣщати* ‘посещать, навещать’.

Результатом фузионной обработки аффиксальных последовательностей становится их регулярное преобразование в целостные деривационные единицы —

сложные или биаффиксные асимметричные форманты (семантически целостные, но членимые на морфемы словообразовательные средства). На всех этапах языковой диахронии в различных словообразовательных подсистемах можно наблюдать действие и взаимодействие двух противоположно направленных тенденций: аффиксальная агглютинация, линейное соединение морфем в составе русского производного слова постоянно сопровождается их фузионной спайкой, увеличению длины и глубины слова сопутствует постоянное «возвращение» «к двухкомпонентным цепям» [Ширшов 1980: 104].

О функциональном объединении компонентов аффиксальной последовательности свидетельствует регулярный пропуск промежуточного словообразовательного звена, что характерно для таких деривационных моделей, в которых семантический диапазон эллиптического и полного словообразовательного ряда совпадает (см. [Арутюнова 1961: 142 и сл.]). Так, уже в древнерусском языке на основе аффиксальной последовательности *-ств(о) + -и(е)* складывается единый формант *-стви(е)*: более 30 образований на *-стви(е)* в памятниках XI — начала XV вв. не имеют однокорневых соответствий с суффиксом *-ств(о)*. Ср.: **покаянный** — **покаяньствне** (*покаяньство отсутствует), **тьрпѣливый** — **тьрпѣливьствне** (*тьрпѣливьство), **щедрый** — **щедрьствне** (*щедрьство).

Древнерусский языковой материал свидетельствует также о формировании новых дупрефиксных формантов на основе последовательностей равнозначных префиксов. Дупрефиксные глаголы могут образовываться в древнерусском языке с пропуском деривационных звеньев. Ср.: **хорошии** — (***чхорошити**) — **прѣ/ч-хорошити**; **мѣтати** — (***промѣтати**) — **ис/про-мѣтати**. Устойчивость префиксальных последовательностей, их формантная функция проявляется также в значительном количестве отглагольных дериватов, содержащих такие последовательности. Наличие подобных образований расширяло область функционирования соответствующих префиксальных сочетаний и способствовало их укреплению в качестве единого форманта. Ср.: **вос-при-яти ѡ воспрятель**; **из-о-врѣсти ѡ изобрѣтница, изобрѣтение**; **по-раз-чмѣти ѡ поразчмѣние**. Возможность образования дупрефиксального форманта отмечена целым рядом исследователей. Так, Л. И. Ройзензон пишет о дупривставочном форманте в эллиптических словообразовательных рядах типа *бульдозерить > понабульдозерить* [Ройзензон 1970: 4], С. И. Ожегов характеризует *пона-* как сложную приставку [Ожегов 1984], аналогичная характеристика дана в «Толковом словаре русского языка» под. ред. Д. Н. Ушакова последовательностям *повы-, поза-, попри-, попро-, поиз-/поис-, пона-, поо-, пораз-/порас-, пос-, поу-* [Ушаков (ред.) 1935–1940]; как сложнопрефиксальную морфему рассматривают последовательность *попо-* М. В. Черепанов [1967: 239], Е. А. Владимирская [1988: 59]; Е. А. Земская отмечает наличие сложной приставки *распре-* в прилагательных типа *распреютый, распрепостылый, распремилый* [Земская 1965: 12].

На протяжении XVIII–XX вв. образуются и закрепляются в качестве самостоятельных словообразовательных средств диминутивные форманты *-чик* и *-очк(а)/-ечк(а)*. Суффикс *-чик* возник на базе словопроизводственной модели с называнием суффиксов *-ец + -ик*, угасание продуктивности которой наметилось

еще в старорусском языке. Ср. в ст.-русс. яз.: *галун* — *галун-ец* — *галун-чик*, *стакан* — *стакан-ец* — *стакан-чик*, *кафтанъ* — *кафтан-ецъ* — *кафтан-чикъ*; в рус. яз. XVIII в.: *галун* — *галун-чик*, *стакан* — *стакан-чик*, *кафтан* — *кафтан-чик*.

На базе наиболее регулярной редупликационной модели $-к(a) + -к(a)$ формируется и неуклонно увеличивает свою продуктивность формант $-очк(a)/-ечк(a)$. Ср.: в ст.-русс. яз.: *карта* — *карт-к-а* — *карт-оч-к-а*, *трость* — *трост-к-а* — *трост-оч-к-а*, *улица* — *ул-к-а* — *ул-оч-к-а*, *цепь* — *цеп-к-а* — *цеп-оч-к-а*; в русском языке XVIII в.: *карта* — *карт-очк-а*, *трость* — *трост-очк-а*, *улица* — *ул-очк-а*, *цепь* — *цеп-очк-а*.

В это же время в словообразовательной подсистеме имен прилагательных на основе последовательностей адъективных суффиксов складываются форманты $-овск$, $-инск$, которые применяются в акте словопроизводства как целостные морфемные комплексы (см. [Крючкова 2022]). Среди новообразований второй половины XX в. большое количество прилагательных с суффиксально редулицированным формантом $-ов/ск-$ (формант $-инск-$ специализировался по преимуществу на образовании оттопонимических прилагательных типа *ельнинский*, *карагандинский*, *бугульминский*), активно присоединяющимся, в частности, к новым сложным и сложносокращенным существительным, ср.: *аэроклубовский*, *бамовский*, *вазовский*, *главковский*, *детсадовский*, *DOS-овский*, *жигулевский*, *интернетовский*, *йоговский*, *камазовский*, *лесхозовский*, *мазовский*, *натовский*, *оасовский*, *пентагоновский*, *райпотребсоюзовский*, *стройбатовский*, *тюзовский*, *учхозовский*, *физтеховский*, *юаровский*, *сэвовский*, *асановский*, *мингазовский* и т. п. В 1-й половине XIX в. образования с суффиксами $-ов$, $-ин$ еще функционировали шире, чем образования с производными формантами $-овск-$, $-инск-$ от тех же основ. Употребительность прилагательных с производными формантами возрастает с 40–50-х гг. XIX в. (см. [Виноградов, Шведова (ред.) 1964: 312–313]).

Таким образом, процесс агглютинативного нанизывания изосемических аффиксов вырождается в фузионном языке во вторично синтезированные новые деривационные форманты (тенденция к образованию асимметричных — семантически целостных, но членимых на морфемы — словообразовательных формантов на базе суффиксальных последовательностей с вторичным суффиксом $-к-$ рассмотрена в [Крючкова 2019]).

Аффиксальные наращивания и редеривация как проявления агглютинативных тенденций в структуре аффиксальных производных слов

Борьба агглютинативных и фузионных тенденций не ограничивается развертыванием и свертыванием словообразовательных цепей. Агглютинативные тенденции могут проявляться (чащеokkaзонально) в дальнейшем аффиксальном наращивании слова, так и в редеривационных процессах, в обратном разложении целостных биаффиксальных формантов. Например, известна тенденция к «выравниванию» трехчленных диминутивных цепочек и заполнению «пустых» мест в таких потенциальных цепочках. Ср.: *весть* → *восточка* → *вестка*; *лента* → *ленточка* → *лентка*.

В разговорной и диалектной речи отмечаются случаи прогрессивного и регрессивного словопроизводства на базе усложненного форманта *-ин/к(а)*: *пушина* ← *пушинка* → *пушиночка*, *снежина* ← *снежинка* → *снежиночка*, *порошина* ← *порошинка* → *порошиночка* (см. [Ухмылина 1980]).

В речевой практике почти каждое производное лично-одушевленное существительное с характеризующим значением, имеющее суффиксы *-ух-*, *-уш-*, *-ах-/-ях-*, *-аш-/-яш-*, *-ан-*, *-яг-*, *-уг-/-юг-*, может функционировать с расширенным за счет вторичного присоединения суффикса *-к-* формантом, ср.: *хитрюга* — **хитрюжка* (звездочкой помечены не зафиксированные словарями формы), *торопыга* — **торопыжка*, *копуша* — **копушка*, *тудяга* — **тудяжка*, *говоруша* / *говоруха* — **говорушка*, ср.: *Спокойный хлопец, самостоятельный, Катерина Трохимовна* — *тудяжка, и ён в маму*. (М. Шелехов. Я изменю мир! // Наш современник, 2004). И обратно: суффиксально усложненные форманты легко членятся на составляющие, порождая экспрессивные окказиональные редериваты: *попрыгушка* — **попрыгуха*, *замарашка* — **замараха*, *зубряжка* — **зубряга* (они обычно не фиксируются словарями, но отмечаются в речевой практике), ср.: *На рыбьей «елке» было много гостей: франты-окуни, стройные плотвицы и замарахи-ерши* (Я. Сладков. Мое озеро // Спортсмен-подводник, 1964). (Соотношение процессов экспрессивного усложнения и экспрессивной редеривации в группе характеризующих имен лиц рассматривается в [Дмитриева, Крючкова 2010]).

Возможность редеривации характеризует также функционирование двупрефиксных формантов. Редеривация на базе таких формантов — характерное явление современной разговорной речи. Ср. примеры В. Н. Виноградовой: *подноситься* вм. *подизноситься*, *потрепаться* вм. *пообтрепаться* (*Пальто потрепалось*), *потаскать* вм. *повытаскать* и т. п. (*Когда кончили обед, Ричард мгновенно потаскал прочь, одно за другим, блюда, потом тарелки, ножи, вилки, куски хлеба*. Гончаров. Фрегат «Паллада») [Виноградова 1984: 106]. Производные редериваты в подобных случаях обновляют, актуализируют экспрессивность двупрефиксных глаголов и функционируют как окказиональные разговорно-экспрессивные формы.

Все подобные случаи разложимости формантной части слова, экспликации его поэлементности носят агглютивноподобный характер. Такие явления свойственны более всего разговорной речи. Ср. замечание Е. А. Земской о том, что разговорное слово «выступает скорее как «конструкция», состоящая из отдельных элементов, чем как нечленимая целостная единица» [Земская 1987: 129].

Заключение

Таким образом, в процессах нанизывания тождественных или семантически близких аффиксов выявляется сложное взаимодействие фузионных и агглютинативных тенденций. Вероятно, можно констатировать следующий парадокс аффиксальной редупликации: являясь следствием фузионных свойств аффиксов, аффиксальная редупликация способствует развитию агглютинативных признаков, сообщая аффиксальному форманту агглютинативные качества (признаки стандартности и моносемии), преодолевая асимметрию, свойственную флективным словообразовательным

формантам. Не случайно, существуют разные, казалось бы, противоположные мнения об обусловленности аффиксальных удвоений. Так, А. А. Реформатский рассматривал возможность повторения в составе слова тождественных или близких по значению аффиксов как одно из следствий фузии [Реформатский 1955: 212–213], а В. А. Горпинич связывает активизацию процессов нанизывания синонимических аффиксов в русском языке с нарастанием антифузионных тенденций [Горпинич 1981: 9]. Вместе с тем противоречие это, на наш взгляд, действительно кажущееся. Будучи в каждом конкретном случае следствием фузии, в широком смысле, в русле тенденции к расчлененной подаче информации, к установлению одно-однозначных соответствий между планом выражения и планом содержания редупликация отражает также и развитие общих агглютинативных свойств. Ср., например, русские разговорные образования типа *вулканиза-тор-щик, по-при-утихнуть*, возникающие как реакция на многозначность субстантивного форманта *-тор-*, участвующего как в образовании имен лиц, так и в образовании предметных наименований, или же как реакция на многозначность приставки *при-*, обладающей целым рядом пространственных и непространственных значений.

Взаимодействие агглютинативных и фузионных явлений в структуре русского производного слова коррелирует с постоянной борьбой тенденций к мотивированности и немотивированности, что определяет специфику русского производного слова, заключающуюся, по М. В. Панову, в его «разъемности», «многообразной членимости» и одновременно в «глубокой фразеологичности» и «целостности» [Панов 1999].

Литература

Арутюнова Н. Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 151 с.

Виноградов, Шведова (ред.) 1964 — Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного / Под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1964. 600 с.

Виноградова В. Н. Стилистический аспект русского словообразования. М.: Наука, 1984. 183 с.

Владимирская Е. А. О связи лексического значения и словообразования в территориальных диалектах // Деривация в речевой деятельности: (Языковые единицы): Тезисы науч.-теорет. конф. Пермь, 1988. С. 59–60.

Горпинич В. А. Словообразовательная система языка как тождество противоположностей ее составных элементов // Русское языкознание, Киев, 1981, № 3. С. 3–12.

Дмитриева О. И., Крючкова О. Ю. Динамика словообразовательных процессов: семантико-когнитивный, жанрово-стилистический, структурный аспекты. Саратов: Научная книга, 2010. 364 с.

Земская Е. А. История словообразования прилагательных в русском литературном языке нового времени: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1965. 18 с.

Земская Е. А. Функциональный подход к изучению деривационных морфем // Морфемика: Принципы и методы системного описания. Л.: Ленинградский ун-т, 1987. С. 65–73.

Крючкова О. Ю. Редупликация как явление русского словообразования. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2000. 264 с.

Крючкова О. Ю. Динамика структурно-семантических моделей производных слов и ее коммуникативно-когнитивная основа // Вестник Самарского гос. ун-та. История, педагогика, филология, 2016, № 3.2. С. 15–20.

Крючкова О. Ю. Суффиксальные последовательности с вторичным суффиксом -к- в русском языке // Русский язык: история, диалекты, современность / Отв. ред. Л. Ф. Копосов. Вып. XVIII. М.: ИИУ МГОУ, 2019. С. 160–167.

Крючкова О. Ю. Роль исторических и диалектных данных в интерпретации явлений современного словообразования // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия Филология. Журналистика, 2022, т. 22, вып. 2. С. 128–133.

Люй Шу-сян. Очерк грамматики китайского языка. В 2-х тт. Т. 1. Слово и предложение. М.: Изд-во Восточная литература, 1961. 266 с.

Максимов В. И. Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1975. 223 с.

Максимова А. Л. Существительные с суффиксами *-ич-* *-ищ-* и их производные в русском языке. Л.: Ленинградский ун-т, 1985. 128 с.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984. 797 с.

Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, Школа «Языки русской культуры», 1999. 275 с.

Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1955. 396 с.

Ройзензон Л. И. Славянская глагольная полипрефиксация: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Минск, 1970. 104 с.

Сахарный Л. В. Категоризация «картины мира» в словообразовательной системе // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь: Пермский гос. ун-т, 1993. С. 49–72.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.

Суник О. П. Вопросы типологии агглютинативных языков (К проблеме соотношения агглютинации и флексии) // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.—Л.: Наука, 1965. С. 26–64.

Ушаков (ред.) 1935–1940 — Толковый словарь русского языка: В 4 тт. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

Ухмылина Е. В. Некоторые особенности функционирования суффиксов *-ин(а)* и *-инк(а)* в современном русском языке // Филологические науки, 1980, № 4. С. 75–82.

Черепанов М. В. О структурно-семантическом типе глаголов с префиксальной частью *пона-* // Очерки по русскому языку и стилистике. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1967. С. 236–244.

Ширшов И. А. К проблеме морфемного комплекса // Актуальные проблемы русского словообразования. Мат-лы III Республиканской науч. конф. Ташкент: Укитувчи, 1980. Ч. II. С. 98–104.

O. Yu. Kryuchkova
Saratov State University
(Russia, Saratov)
vpks@rambler.ru

INTERACTION OF FUSIONAL AND AGGLUTINATIVE TENDENCIES IN AFFIXAL COMPOSITIONS OF RUSSIAN DERIVED WORD

The competition between agglutination and fusion in Russian word production clearly manifests itself in the models of stringing identical or semantically close affixes. The article considers the interaction of agglutinative and fusional tendencies in Russian word derivation, which takes place throughout the history of the Russian language in affixal compositions of reduplicative type. The models of duplicative and synonymous reduplication of affixes represent an agglutinative mechanism of affixal stringing, but this mechanism operates due to the fusional properties of word-forming affixes in Russian: their polysemy, irregularity, and propensity to de-etymologization. Repeated affixation is aimed at eliminating the polysemy of the primary affix and reconstructing de-etymologized meanings; it contributes to the restoration of semantic distinctness of the affix, creates the possibility of dissected perception of information, brings the fusional word-formant closer to the formant of agglutinative type. This general purpose of repeated duplicative or synonymous affixal stringing develops in a peculiar way in different word-formation subsystems (the materials of the article show the causes and consequences of affixal stringing of reduplicative type in different semantic-grammatical groups of words). The agglutinative stringing of affixes comes into conflict with the structural foundations of the inflectional language; affixal sequences are processed as fusional in the structure of the Russian polymorphemic word; the process of agglutinative stringing of isosemic affixes degenerates in the fusional language into secondary synthesized new derivational formants.

Key words: Russian language, word formation, affixation, affixal compositions, reduplication, agglutination, fusion.

References

Arutyunova N. D. *Ocherki po slovoobrazovaniyu v sovremennom ispanskom yazyke* [Essays on word formation in modern Spanish]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1961. 151 p.

Cherepanov M. V. [On the structural-semantic type of verbs with the prefixal part of *pona-*]. *Ocherki po russkomu yazyku i stilistike* [Essays on Russian language and stylistics]. Saratov, Saratov St. Univ. Publ., 1967, pp. 236–244. (In Russ.)

Dmitrieva O. I., Kryuchkova O. Yu. *Dinamika slovoobrazovatel'nykh protsessov: semantiko-kognitivnyi, zhanrovo-stilisticheskii, strukturnyi aspekty* [Dynamics of word-formation processes: semantic-cognitive, genre-stylistic, structural aspects]. Saratov, Science book Publ., 2010. 364 p.

Gorpinich V. A. [The word-forming system of a language as the identity of opposites of its constituent elements]. *Russkoe yazykoznanie*, 1981, no. 3, pp. 3–12. (In Russ.)

Kryuchkova O. Yu. *Reduplikatsiya kak yavlenie russkogo slovoobrazovaniya* [Reduplication as a phenomenon of Russian word formation]. Saratov, Saratov St. Univ. Publ., 2000. 264 p.

Kryuchkova O. Yu. [Dynamics of structural-semantic models of derivative words and its communicative-cognitive basis]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*, 2016, no. № 3.2, pp. 15–20. (In Russ.)

Kryuchkova O. Yu. [Suffixal sequences with secondary suffix -k- in Russian language]. *Russkii yazyk: istoriya, dialekty, sovremennost'* [Russian language: history, dialects, modernity]. Moscow, 2019, pp. 160–167. (In Russ.)

Kryuchkova O. Yu. [The role of historical and dialectal data for interpreting the modern word-building phenomena]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*, 2022, no. 2, pp. 128–133. (In Russ.)

Lyu Shu-syan. *Ocherk grammatiki kitaiskogo yazyka. Slovo i predlozhenie* [An outline of the grammar of the Chinese language. Word and sentence]. Moscow, Vost. lit. Publ., 1961. 266 p.

Maksimov V. I. *Suffiksals'noe slovoobrazovanie imen sushchestvitel'nykh v russkom yazyke* [Suffixal word formation of nouns in the Russian language]. Leningrad, Leningrad St. Univ. Publ., 1975. 223 p.

Maksimova A. L. *Sushchestvitel'nye s suffiksami -ich- -ishch- i ikh proizvodnye v russkom yazyke* [Nouns with suffixes -ich- -ishch- and their derivatives in the Russian language]. Leningrad, Leningrad St. Univ. Publ., 1985. 128 p.

Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Russian dictionary]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1961. 797 p.

Panov M. V. *Pozitsionnaya morfologiya russkogo yazyka* [Positional morphology of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1999. 275 p.

Reformatskii A. A. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moscow, St. Educ. and Ped. Publ. of the Min. of Educ. of the RSFSR, 1955. 396 p.

Roizenzon L. I. *Slavyanskaya glagol'naya poliprefiksatsiya* [Slavic verb polyprefixation]. Phil. doct. diss., Minsk, 1970. 104 p.

Sakharnyi L. V. [Categorization of the “picture of the world” in the word system]. *Zhivoe slovo v russkoi rechi Prikam'ya* [A living word in the Russian language of the Kama region]. Perm', Perm' St. Univ. Publ., 1993, pp. 49–72. (In Russ.)

Sepir E. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii* [Selected works on linguistics and cultural studies]. Moscow, Progress, 1993. 656 p.

Shirshov I. A. [Toward the problem of the morpheme complex]. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya. Materialy III Respublikanskoi nauchnoi konferentsii* [Actual problems of Russian word formation. Materials of the III Republican Scientific Conference]. Tashkent, Ukituvchi, 1980, pp. 98–104. (In Russ.)

Sunik O. P. [Questions of typology of agglutinative languages (To the problem of correlation of agglutination and inflection)]. *Morfologicheskaya tipologiya i problema*

klassifikatsii yazykov [Morphological typology and the problem of language classification]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965, pp. 26–64. (In Russ.)

Ukhmylina E. V. [Some peculiarities of functioning of suffixes -in(a) and -ink(a) in the modern Russian language]. *Filologicheskie nauki*, 1980, no. 4, pp. 75–82. (In Russ.)

Ushakov (Ed.) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Sov. ehntsikl., OGIz, 1935–1940.

Vinogradov, Shvedova (Eds.) *Ocherki po istoricheskoi grammatike russkogo literaturnogo yazyka XIX veka: Izmeneniya v slovoobrazovanii i formakh sushchestvitel'nogo i prilagatel'nogo* [Essays on historical grammar of the Russian literary language of the nineteenth century: changes in word formation and forms of nouns and adjectives]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 600 p.

Vinogradova V. N. *Stilisticheskii aspekt russkogo slovoobrazovaniya* [Stylistic aspect of Russian word-formation]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 183 p.

Vladimirskaya E. A. [On the relationship between lexical meaning and word formation in territorial dialects]. *Derivatsiya v rechevoi deyatelnosti: (Yazykovye edinitsy): Tezisy nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Derivation in speech activity: (Language units): Theses of the scientific-theoretical conference]. Perm', Perm' St. Univ. Publ., 1988, pp. 59–60. (In Russ.)

Zemskaya E. A. *Istoriya slovoobrazovaniya prilagatel'nykh v russkom literaturnom yazyke novogo vremeni* [History of adjective word-formation in the Russian literary language of the new time]. Phil. doct. diss. summary, Moscow, 1965. 18 p.

Zemskaya E. A. [Functional approach to the study of derivational morphemes]. *Morfemika: Printsipy i metody sistemnogo opisaniya* [Morphemics: Principles and methods of system description]. Leningrad, Leningrad St. Univ. Publ., 1987, pp. 65–73. (In Russ.)

А. С. Кулева

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва),
an_kuleva@mail.ru*

НАЗВАНИЯ РАСТЕНИЙ: ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ И ПРОБЛЕМА КОДИФИКАЦИИ

Названия растений (фитонимы) остаются недостаточно исследованной группой лексики, о чем свидетельствует их отражение в основных толковых словарях современного русского языка. В словарях заметна тенденция рассматривать названия растений как номенклатурный класс, подтип специальной лексики. Эта тенденция приводит к упрощению и обеднению лексикографического описания. Однако в специальных (ботанических) источниках в качестве названий растений используется латинская номенклатура; специальных словарей, справочников, исследовательской литературы, где бы системно описывались русские названия растений, практически не существует. Показательна разнообразная вариативность названий. Помимо того, что не существует однозначного соответствия между собственно растениями и их названиями, отдельные названия существуют в различных вариантах (грамматических, орфографических, произносительных и т. п.). Произносительные варианты представляют собой особую проблему, поскольку специальная литература, как правило, не содержит информации о месте ударения и других особенностях произношения названия, а также об источниках информации для существующих вариантов; в том случае, когда подобная информация приводится, она относится к латинским названиям. Представляется, что информация, имеющая отношение к ботанической латыни, не может напрямую переноситься на лексические единицы, уже освоенные русским языком. Кодификацию названий растений, функционирующих в русском языке, разумно проводить с опорой на узус.

Ключевые слова: лексикография, названия растений, Национальный корпус русского языка, орфоэпия, толковый словарь, ударение, фитонимы.

1. Названия растений: проблемы изучения

Названия растений приходится признать очень непростой группой лексики. Как представляется, основной проблемой в данном случае оказывается двойственный характер таких номинаций. С одной стороны, кажется, что названия растений

должны входить в сферу интересов ботаники, выступая в качестве номенклатурного класса или своего рода подвиды терминоподобной лексики. С другой стороны, слова, использующиеся носителями русского языка в качестве названий растений, имеет смысл рассматривать прежде всего как единицы русского языка. В результате оказывается, что названия растений и их функционирование в современном русском языке до сих пор в достаточной степени не осмыслены и не описаны как ботаниками, так и лингвистами.

Следует отметить, что фитонимы давно и плодотворно изучаются в рамках диалектных, исторических, этнокультурных исследований ([Меркулова 1967; Колосова 2009] и мн. др.), таким образом, своего рода «серой зоной» оказывается функционирование названий растений именно в современном русском языке.

Обращение к ботаническим источникам обнаруживает твердую позицию, согласно которой растения (как и животные) «носят латинские (или рассматриваемые как латинские) названия», ср.: «Обширный и сложный комплекс этих названий — международный “служебный” язык зоологов и ботаников, который во многом сходен с классической латынью, несмотря на некоторые различия в алфавите, фонетике и морфологии» [Горностаев и др. 1974: 3–4]. Русские (национальные) названия в таком случае рассматриваются как некоторое второстепенное и не вполне научное дополнение, ср., например, «Краткий словарь русских названий растений» [Николаева, Паутова 2002], где приводится отнюдь не современная русская ботаническая номенклатура, а отдельные названия, преимущественно устаревшие и маргинальные (*абельмош*, *адамов корень*, *жизненное дерево* и пр.), в их соотнесении с «правильными» латинскими (но не современными русскими) названиями. Следует отметить, что именно с «ботанической» точки зрения высказываются утверждения о том, что названия растений не сводятся к научной терминологии, а будучи общеязыковыми единицами должны быть предметом лингвистического изучения, ср.: «Народная “номенклатура” растений, животных и других групп организмов является неотъемлемой составной частью того или иного языка: она подчиняется исключительно лишь лингвистическим правилам и относится к области языкознания, но не систематики или биологии в целом» [Эбель 2008: 4]. Важно, что видные ученые-систематики иногда отмечают, что сотрудничество между ботаниками и филологами было бы полезным и весьма желательным [Цвелёв 2011].

Однако с лингвистической точки зрения названия растений также изучены недостаточно. Практически не существует специальных работ, посвященных системному описанию этой группы лексики. Кроме того, фитонимы ограниченно представлены в существующих толковых словарях. Сопоставление основных толковых словарей современного русского языка показывает, что в лексикографии сложилась тенденция рассматривать названия растений преимущественно в терминологическом аспекте, в результате из словарей исключались «недостаточно научные» единицы (типа *желтоцвет*, *конопель*, *пламенник*, *сморода* и пр.), но мало включались «более научные» — в силу известной лексикографической установки не включать в общеязыковые словари сугубо специальную лексику (подробнее см. [Кулева 2021; Кулева 2022]).

2. Названия растений: вариативность

Как представляется, одним из признаков недостаточной изученности фитонимов можно назвать высокий уровень вариативности в этой сфере. Помимо того, что одно растение может иметь несколько названий, а одно название может относиться к разным растениям, отдельные единицы могут существовать в различных вариантах — собственно лексических (*жасмин — ясмин*), грамматических (*анемон — анемона, георгин — георгина*), орфографических (*акант — аканф, валерьяна — валериана*) и произносительных (*азалия — азалёя, айр — айр, тёрн — терн*) и пр. Заметную зыбкость в сфере кодификации отдельных фитонимов можно назвать особой проблемой.

Кажется, что сложность представляют, прежде всего, произносительные варианты, поскольку далеко не всегда они системно и однозначно фиксируются в источниках и непоследовательно отображаются на письме.

Можно выделить несколько типов часто встречающихся трудностей. Во-первых, существуют сложности в правильной постановке ударения, и это самая насущная проблема. Во-вторых, возникают трудности в произношении отдельных звуков и их сочетаний (например, *норичник — нори[ч'н']ик* или *нори[шн']ик*). И наконец, не всегда ясно, какие произносительные особенности должны фиксироваться на письме, т. е. переходить в сферу орфографии (ср.: *галантус / галянтус, спатифиллум / спатифиллум*).

Одной из важных причин проблематичности изучения фитонимов следует называть неоднородность этой группы лексики, в частности — по ее происхождению. Помимо общеизвестных названий, входящих в основной лексический фонд (*берёза, дуб, липа, калина*), «народных» названий (*заячья капуста, золотой корень, иван-да-марья, кашка, мать-и-мачеха, сон-трава, стародубка*), в том числе современных (*декабрист, денежное дерево, долларовое дерево, женское счастье*), значительную часть лексической группы составляют заимствованные номинации. Более того, часть иноязычных названий относится к таким давним заимствованиям, что для наивного языкового сознания они уже не являются таковыми (*роза, ромашка, свёкла*). Но и вполне очевидные заимствования характеризуются разной степенью освоения языком.

Что показательно, проблемы орфографической и орфоэпической кодификации фитонимов возникают с разными по происхождению единицами.

2.1. Названия растений: ударение

Если обратиться только к небольшой группе фитонимов, отражаемых толковыми словарями, можно обнаружить около трех десятков лексем, для которых фиксируется вариантное ударение.

1. В ряде случаев в толковые словари попадал вариант, находящийся на грани литературного употребления, что иногда обозначалось соответствующими пометами: так, в Словаре под ред. Ушакова [СУ] находим варианты ДРЕМА́ и ДРЁМА, ОМЕ́Г, ТА́ВОЛГА́, ЯСЕНЕ́Ц (без помет); «ОСО́КА и (обл.) ОСОКА́»;

«ШЕЛКОВИ́ЦА (шелко́вица обл.)». В более поздних словарях варианты типа *дрема́* и *таволга́* переставали фиксироваться, другие получали в орфоэпических словарях запретительные пометы, ср.: «! *неправ.* осока́» и «! *не рек.* шелко́вица» в [Аванесов (ред.) 1988].

Как представляется, изучение таких случаев не теряет актуальности. Можно предположить, что подобной конкуренцией с областными вариантами объясняются и другие случаи, отмечаемые в словарях только запретительными пометами, в частности «свёкла ! *неправ.* свекла́» и «щавель ! *неправ.* ща́вель» [Касаткин (ред.) 2012]. Если вариант *свекла́* безусловно воспринимается сейчас как нелитературный, то менее употребительное в повседневной речи слово «щавель / ща́вель», возможно, нуждается в дополнительном изучении: кажется, что необходимость запретительной пометы в данном случае говорит о стойкости такого варианта, а это может свидетельствовать о его реальном существовании в речи. Показательно, например, что для слова *таволга* в [Касаткин (ред.) 2012] вариантов не предполагается, а слова *осока* и *осокорь* просто отсутствуют, что должно говорить об отсутствии здесь затруднений для говорящего (отметим, что варианты *ща́вель* и *осоко́рь* встречаются в Словаре Даля).

2. Важно, что в «ботанической» сфере лингвисту трудно найти источник, на который можно было бы опереться. Многочисленные труды, посвященные растениям, крайне редко фиксируют ударение в фитонимах или другие особенности их произношения. Так, уникальным авторитетным источником остается классический труд [Маевский 2014 (1892)], регулярно обновляющийся и переиздающийся. Другим серьезным источником служит энциклопедическая традиция, ср. «Биологический энциклопедический словарь» [БЭС] и другие энциклопедии. Однако у этих источников есть свои недостатки: прежде всего, согласно существующим принципам, в энциклопедических словарях ударение ставится только в заголовочном слове, то есть в вариантах, включенных в словарную статью, и отсылочных статьях знак ударения отсутствует. Но самой большой проблемой оказывается «непрозрачность» принятых решений.

При сравнении толковых словарей, энциклопедий и редких ботанических источников обнаруживается еще один слой вариативности.

Так, в [БАС-3]: «БУ́ДРА, ы, *ж.* Многолетнее сорное травянистое растение сем. губоцветных со стелющимися стеблями и длинными укореняющимися побегами; кошачья мята. *Будра плющевидная.* С иным (*устар.*) удар.: будра́», в [РОС]: *бу́дра*, но в [Маевский 2014 (1892)]: «Будра́ (*Glechoma*)»;

в [МАС]: «Е́ЖА, -и, *ж.* Многолетний злак», в [РОС]: *эжа*, но в [БЭС]: «Ежа́ (*Dactylis*), род злаков», в [Маевский 2014 (1892)]: «Ежа́ (*Dactylis*)»;

в [МАС]: «НОРИ́ЧНИК, а, *м.* Сорное и декоративное травянистое или полукустарниковое растение с невзрачными цветками в соцветиях», в [БЭС]: «Норичник», но в [Маевский 2014 (1892)]: «Но́ричник (*Scrophularia*)» и «сем. Но́ричниковых».

Подобных примеров немало, но источников альтернативных ударений найти не удастся. В существующей ботанической литературе при обсуждении постановки ударения говорится только о латинской номенклатуре.

3. К сожалению, при попытке найти однозначные ответы в ботанических источниках обнаруживается новый круг проблем. Оказывается, что среди специалистов встречаются разные точки зрения. С одной стороны, существует позиция (причем зафиксированная в самом авторитетном источнике — Международном кодексе ботанической номенклатуры), согласно которой названия растений даются на латыни и читаются строго в соответствии с законами этого языка, максимально приближенными к его классическому состоянию. С другой стороны, эта позиция входит в противоречие с реальной практикой, поскольку часть латинских названий имеет греческое происхождение или включает греческие по происхождению морфемы, а часть названий, преимущественно номинации, согласно ботанической традиции образованные от антропонимов, восходит к различным языкам, фонетика которых существенно отличается от латинской (ср. названия популярных комнатных и садовых растений: *Heuchera* — *Гейхера*, *Saintpaulia* — *Сенполия*, *Schlumbergera* — *Шлюмбергеря*). Более того, в разных национальных школах приняты разные подходы к этой проблеме.

Что касается задачи правильной постановки ударения, существующие в русской научной школе учебные пособия по ботанической латыни обычно сообщают, что ударение никогда не ставится на последний слог и обычно ставится на предпоследний — если он долгий, а если краткий — то на третий с конца. Действительно, это довольно простое правило, однако из пояснений в более обстоятельных трудах выясняется, что для определения долготы/краткости предпоследнего слога нужно знать морфемный состав и этимологию конкретной единицы, ср.: «Если открытый предпоследний слог не имеет перечисленных признаков долготы или краткости, для выяснения места ударения необходимо раскрытие этимологии слова. Между тем, этимологический анализ латинских названий нередко вызывает серьезные затруднения и в ряде случаев требует вмешательства опытного лингвиста»; в частности, «правилу не подчиняется произношение сравнительно немногих названий (преимущественно греческого происхождения)»: *Achilléa*, *Barbaréa*, *cacáo*, *Centauréa*, *Conium*, *Dioscoréa*, *Elodéa* и др. [Горностаев и др. 1974: 26–28].

Отметим утверждения такого рода: «Многолетняя работа со студентами биологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова показывает отсутствие у студентов каких-либо сведений о правилах чтения и произношения латинских наименований растений, грибов и лишайников. Более того, даже специалисты часто игнорируют правила произношения научных ботанических наименований, которое в последние годы все больше подчиняется нормам европейских языков, в частности правилам фонетики английского языка. Например, латинские названия **fungus**, **species**, **lichenes** произносятся по-английски даже в том случае, если они используются как таксономические термины» [Прохоров 2004: 3]. При этом словарная часть указанного издания (как и другие немногочисленные авторитетные латинско-русские ботанические словари) практически не содержит собственно названий растений, т. е. родовых наименований, поскольку основной упор делается на терминологию ботаники и видовые названия.

4. Если обратиться к фитонимам, заимствованным из ботанической латыни, можно также обнаружить многочисленные случаи вариативности при постановке ударения. Ср.:

в [БАС-3]: «АРЕКА, и, ж. Тропическая пальма, семена некоторых видов которой используются в фармакологии. С иным (*устар.*) удар.: арéка», но в [БЭС]: «Арéка (*Areca*), род пальм»;

в [СУ, МАС]: «ТОПИНАМБУ́Р», в [РОС]: топина́мбу́р, в [БЭС]: «**Топина́мбу́р** земляная груша, подсолнечник клубненосный (*Helianthus tuberosus*), многолетнее растение рода подсолнечник».

Отдельные случаи неоднозначности в постановке ударения можно попытаться объяснить. Так, согласно [БЭС], *топина́мбу́р* появился в Европе «в 17 в. (завезён во Францию одновременно с бразильскими индейцами из племени тупинамбас, отсюда назв.)», в [МАС] для этого слова приводится этимология: [Франц. *topinambour*]. Можно предположить, что слово было заимствовано с характерным для французского языка ударением, но затем было переосмыслено и приближено к языку-источнику или же к известным правилам латинского языка (хотя латинской номинацией и не является).

2.2. Азалия и рододендрон

Некоторые случаи объяснить существенно сложнее. Так, в толковых словарях находим название *азáлия*; так оно дается в Словаре Даля, в [СУ; БАС-1; МАС; БАС-3], в словарях иноязычных слов, ср.: «АЗА́ЛИЯ, и, ж. Декоративное растение рода *рододендрон* сем. вересковых» [Крысин 2010]. Однако в [Шведова (ред.) 2008]: «АЗА́ЛИЯ, и и (спец.) АЗАЛÉЯ, и, ж. Декоративный кустарник сем. вересковых с розовыми, белыми, жёлтыми или красными цветками; сам такой цветок. || *прил.* азáлиевый, ая, ое. [От греч. *αζαλέος* — сухой]». Источником неожиданно возникшего варианта, вероятно, можно считать зафиксированное в [БЭС]: «Азалéя *азалия*, виды рода *рододендрон*; назв. обычно употребляется в цветоводстве».

Вариант *Азалея*, соответствующий латинскому написанию *Azalea*, находим в «Ботаническом словаре» [Анненков 1878] и Энциклопедии Брокгауза и Ефрона, но без знака ударения. В [БРЭ] *азалия* не выступает заголовочным словом, поэтому ударение в слове не отмечается.

Отметим, что в [НКРЯ] обнаруживается 259 примеров употребления слова *азалия* в основном корпусе, 218 — в газетном, тогда как *азалея* в газетном корпусе не встречается, а в основном находим «3 текста, 5 примеров», из которых самый поздний: *Как на горах цветет у него весной азалея и под осень одевается ярким пурпуром клен, летом же над верандой свешивает свои изящные нежно-фиолетовые кисти глициния* [Д. Н. Анучин. Япония и японцы (1907)].

В соответствии с правилами, упомянутыми выше, можно предположить, что ударение *азалéя* может объясняться происхождением этого названия из греческого языка. Однако, в списках греческих названий-исключений (типа *Achilléa*) этой единицы нет, а этимологические словари русского языка, упоминая образование слова

от греческого корня, возводят его к ботанической латыни, т. е. оно не являлось изначально греческим. Ср.: «**Аза́лия**. Заимствовано из новолат. яз. в первой трети XIX в. Впервые фиксируется в форме *азалея* в Энци. лексиконе 1835 г. (I, 226–227). Новолат. *azalea* является неологизмом К. Линнея и восходит к греч. *αζαλέος* “сухой”» [Шанский 1963], ср. [Черных 1999; Шапошников 2010].

Есть искушение предположить, что в данном случае в ботаническом источнике перед нами случай гиперкоррекции, когда ради прояснения этимологии слова была принесена в жертву сложившаяся традиция. Перенесение этого решения в толковый словарь [Шведова (ред.) 2008] вызывает сомнения, поскольку не соответствует уровню наивного языкового сознания, на который традиционно ориентируются толковые словари. Впрочем, и наличие такого специального варианта вызывает сомнения, поскольку для специальной сферы постулируется использование латинской номенклатуры.

Более того, тот же авторитетный источник ([БЭС]) отвергает сложившуюся традицию и для родового наименования этого растения, ср.:

в [МАС] (ср. [БАС-1; БАС-3; РОС; БРЭ]): *рододéндрон*: «Растение сем. вересковых, с крупными цветками, растущее в горных местностях и разводимое как декоративное. [Греч. ροδδενδρον]»,

в [Шведова (ред.) 2008] (ср. [СУ; Крысин 2010]): «**РОДОДÉНДРОН** [дэ́], а, м. Кустарник или небольшое дерево сем. вересковых с плотными листьями и крупными красивыми цветками, разводимое как декоративное; сам такой цветок»,

в [Маевский 2014 (1892)]: «Рододéндрон (*Rhododendron*)»,

но в [БЭС]: «**Рододендрóн** (*Rhododendron*), род растений сем. вересковых».

Показательно, что в лингвистических словарях такой вариант не встречается, вариативность другого типа отметим только в [БАС-1]: «*Устар. и разг. Рододéндр. В области альпийских кустарников растут: два вида рододендров, усыпанные в июне — один.. лиловыми, другой.. крупными белыми цветами. Пржевал.*».

Единичные нестандартные употребления находим в НКРЯ (*рододендрон* — более 400 примеров): *Здесь пышная флора: копал простирает в потоки лучей свои парные листья, серея стволем, осыпаясь орехами; черное дерево точит смолу; <...> каменный дуб, **рододендры**, мазук [Андрей Белый. Африканский дневник (1922)]; Девственные леса поражают красотой и изобилием пород: самшит (кавказская пальма), **рододендрум**, лавровишня, каштан, граб, дуб, разные клены, орехи, черешни [Зинаида Рихтер. В солнечной Абхазии и Хевсуретии (1923–1924)].*

Ср. также в [Зализняк 2016]: *лепидодéндрон, лириодéндрон, рододéндрон, секвойядéндрон, филодéндрон.*

Следует предположить, что авторы авторитетного источника имели основания вносить коррективы в существующую традицию, однако речь в таком случае может идти только о латинской номенклатуре, но нет никаких причин рассматривать такие варианты как источник для кодификации русских названий, поскольку оба слова — *азалия* и *рододендрон* — давно освоены русским языком, кодифицированы и зафиксированы в словарях.

3. Норма и узус

Важным принципом в кодификации норм, прежде всего орфоэпических, следует признать ориентацию на узус, т. е. реальное употребление, распространенное среди носителей языка. Современные методы исследования предоставляют возможности, которых раньше нельзя было и представить: корпусные инструменты, массовые опросы, лингвистические эксперименты, анализ звучащей речи и др. Глубокий анализ узуального употребления как ориентир для кодификации знаменует собой новый этап современной нормативной лексикографии [Каленчук 2021; Каленчук, Савинов 2023; 2024].

Как представляется, наиболее перспективно системное изучение названий растений как единиц русского языка с лингвистических позиций, причем необходима выработка принципов их кодификации с учетом современных новаторских методик.

Источники

Аванесов (ред.) 1988 — С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы. Изд. 4-е, стереот. / Под ред. Р. И. Аванесова. М.: Русский язык, 1985. 704 с.

Анненков Н. И. Ботанический словарь. СПб.: Имп. Академия наук, 1878. 646 с.

БАС-1 — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.—Л., 1948–1965.

БАС-3 — Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. Т. 1–. М.—СПб.: Наука, 2004–.

БРЭ — Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru> (дата обращения: 19.04.2024).

БЭС — Биологический энциклопедический словарь / Гл. ред. М. С. Гиляров. М.: Советская энциклопедия, 1986. 891 с.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Изд. 6-е, стереот. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 794 с.

Касаткин (ред.) 2012 — М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 1008 с.

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2010. 939 с.

Маевский П. Ф. Флора средней полосы европейской части России. Изд. 11-е, испр. и доп. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2014. 635 с. (1-е изд. 1892).

МАС — Словарь русского языка. Т. 1–4 / Под ред. А. П. Евгеньевой. Изд. 2-е. М.: Русский язык, 1981–1984.

Николаева М. Г., Паутова И. А. Краткий словарь русских названий растений. СПб.: Росток, 2002. 78 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 19.04.2024).

РОС — Русский орфографический словарь / Отв. ред. В. В. Лопатин, О. Е. Иванова [Электронный ресурс]. URL: <http://orfo.ruslang.ru/> (дата обращения 19.04.2024).

СУ — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. Изд. 3-е, стер. М.: Русский язык, 1999. 621 с.

Шанский Н. М. (сост.). Этимологический словарь русского языка. Т. 1, вып. 1. М.: Изд-во Московского ун-та, 1963. 196 с.

Шапошников А. К. (сост.). Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. М.: Флинта; Наука, 2010. 584 с.

Шведова (ред.) 2008 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2008. 1175 с.

Литература

Горностаев Г. Н., Забинкова Н. Н., Каден Н. Н. Латинские названия животных и растений. М., 1974. 147 с.

Каленчук М. Л. Узуальные и кодифицированные произносительные нормы // Норма произношения в узусе и кодификации / Отв. ред. М. Л. Каленчук, Д. М. Савинов. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2021. С. 4–26.

Каленчук М. Л., Савинов Д. М. О создании нового академического акцентологического словаря русского языка // Труды Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова, 2023, № 4. С. 257–272.

Каленчук М. Л., Савинов Д. М. Проблемы и перспективы учебной лексикографии: новый школьный словарь русского произношения // Русский язык в школе. 2024, т. 85, № 1. С. 67–77.

Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2009. 352 с.

Кулева А. С. Вариативность названий растений в толковых словарях современного русского языка // Русская речь, 2022, № 4. С. 7–24.

Кулева А. С. Проблемы лексикографирования названий растений через призму орфографии // Труды Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова, 2021, № 3. С. 141–149.

Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М.: Наука, 1967. 259 с.

Прохоров В. П. Ботаническая латынь. М.: Академия, 2004. 272 с.

Цвелёв Н. Н. О русских названиях семейств покрытосеменных растений // Новости систематики высших растений, 2010, Т. 42. С. 24–29.

Эбель А. Л. Научные названия видов растений: Учебное пособие. Томск: Томский гос. ун-т, 2008. 64 с.

A. S. Kuleva

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
an_kuleva@mail.ru*

ON THE PLANT NAMES: PRONUNCIATION VARIABILITY AND CODIFICATION PROBLEM

The paper deals with plant names (phytonyms) as an insufficiently researched group of vocabulary, as evidenced by their reflection in the main explanatory dictionaries of the Modern Russian. Plant names in explanatory dictionaries of the Modern Russian demonstrate lack of systematical description. There is a lexicographic tendency to consider plant names as a nomenclature class, a subtype of special vocabulary. This trend leads to simplification and impoverishment of the lexicographic description. However, in botanical sources, Latin nomenclature is considered as proper plant names; there are practically no special dictionaries, reference books, research literature where Russian plant names would be systematically described. Plant names exist in various grammatical, spelling, pronunciation variants. Pronouncing variants are a particular problem, since special literature, as a rule, does not contain information about the place of stress and other features of the pronunciation of the name. In the case when such information is provided, it refers to Latin names. It is reasonable to codify the plant names relying on their usage in Modern Russian.

Key words: explanatory dictionary, phytonyms, lexicography, orthoepy, plant names, Russian National Corpus, stress.

References

- Ebel' A. L. *Nauchnye nazvaniya vidov rastenii: Uchebnoe posobie* [Scientific names of plant species: A textbook]. Tomsk, 2002. 64 p.
- Gornostaev G. N., Zabinkova N. N., Kaden N. N. *Latinskie nazvaniya zhivotnykh i rastenii* [Latin names of animals and plants]. Moscow, 1974. 147 p.
- Kalenchuk M. L. [Pronunciation rules in usus and codification]. *Norma proiznosheniya v uzuse i kodifikatsii*. Ed. by M. L. Kalenchuk, D. M. Savinov. Moscow, Vinogradov Russian Language Institute (RAS) Publ., 2021, pp. 4–26. (In Russ.)
- Kalenchuk M. L., Savinov D. M. [Problems and prospects of educational lexicography: a new school dictionary of Russian pronunciation]. *Russkij yazyk v shkole*, 2024, no. 1 (85), pp. 67–77. (In Russ.)
- Kalenchuk M. L., Savinov D. M. [The creation of a new academic accentological dictionary of the Russian language]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2023, no. 4, pp. 257–272. (In Russ.)
- Kolosova, V. B. *Leksika i simbolika slavyanskoi narodnoi botaniki. Etnolingvističeskii aspekt* [Lexicon and symbolism of Slavic folk botany. An ethnolinguistic aspect]. Moscow, 2002. 352 p.

Kuleva A. S. [Plant names in dictionaries: Orthography issues]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2021, no. 3, pp. 141–149. (In Russ.)

Kuleva A. S. [Plant names variability in explanatory dictionaries of Modern Russian]. *Russkaya Rech'*, 2022, no. 4, pp. 7–24. (In Russ.)

Merkulova V. A. *Ocherki po russkoi narodnoi nomenklature rastenii* [Essays on Russian folk plant terminology]. Moscow, 2002. 259 p.

Prokhorov V. P. *Botanicheskaya latyn'* [Botanical Latin]. Izhevsk, Moscow. 272 p.

Tzvelev N. N. [On the Russian names of the Magnoliophyta families]. *Novitates Systematicae Plantarum Vascularium*, 2010, no. 42, pp. 24–29. (In Russ.)

Е. В. Маринова

Нижегородский государственный лингвистический университет имени

Н. А. Добролюбова

(Россия, Нижний Новгород)

marinova@list.ru

ВАРИАНТНОСТЬ НА ЭТАПЕ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ НОВОЙ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ОБОЗНАЧЕНИЙ РЕАЛИЙ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА)¹

Рассматривается процесс формального варьирования терминологических номинаций (терминов и терминологических элементов) формирующегося в настоящее время особого пласта лексики, отражающего реализацию в стране модели цифрового общества. Цель исследования — определить типы и причины варьирования с тем, чтобы подготовить научную базу для полного лексикографического представления данной лексики в терминологическом словаре. Материал исследования в основном извлекался из официальных и новостных текстов, представленных на сайте Минцифры РФ, а также из электронного медиабанка «Интегрум», «Национального корпуса русского языка», соцсетей. Всего обследовано свыше 500 номинаций. Использовались: все виды языкового анализа слова, опрос респондентов, парсинг по соцсетям. В ходе исследования выявлены варианты, различающиеся фонемным составом, особенностями словоизменения, отношением к категории одушевленности/неодушевленности, графическим и орфографическим оформлением. Особо отмечаются единицы, не получившие кодификацию в словарях (абсолютные неологизмы). Указывается факт частотности того или иного варианта. Причины варьирования связаны в большинстве случаев с происхождением номинаций. Термины-заимствования претерпевают адаптацию подобно общеупотребительным словам, подстраиваясь к различным подсистемам принимающего языка (фонетике, графике и орфографии, словоизменению). Кальки и новообразования, созданные на русской почве, могут варьироваться в написании; некоторые проявляют колебания в категории одушевленности/неодушевленности. В целом варьирование номинаций терминологии цифрового общества свидетельствует об этапе ее становления. В перспективе исследования

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00991, <https://rscf.ru/project/23-28-00991/>.

предполагается разработать рекомендации для отражения вариантности разных типов в терминологическом словаре как базе для последующей кодификации терминологии.

Ключевые слова: русский язык, цифровое общество, терминология, неологизмы, заимствования, фонематические варианты, графические варианты, орфографические варианты, отсутствие словоизменения, колебания в категории одушевленности.

1. В настоящее время в русском языке формируется терминология новой предметной области, связанной с последствиями технологической революции рубежа XX–XXI вв. Эту область определяют как модель, или концепцию, **цифрового общества** [Selvyn 2019; Добринская 2021]. Происходящие в жизни социума изменения (перенос всех форм общественного взаимодействия в Сеть, электронный документооборот, цифровизация и отказ от аналоговых технологий в сфере бизнеса, в финансовой сфере, экономике и т. д.) — это реализация данной модели, представляющей на сегодняшний день единственный путь развития современных государств.

Терминология, обслуживающая эту сферу, стала объектом нашего исследования. Его источниками послужили официальные и новостные тексты, представленные на сайте Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, а также извлеченные из электронного медиабанка «Интегрум»; «Национальный корпус русского языка» (основной и газетный подкорпуса); научный дискурс. Всего обследовано свыше 500 номинаций; наиболее частотные (203 ед.) описаны нами в [ТСТ].

Цель статьи — представить некоторые результаты исследования терминологии цифрового общества (далее — ЦО). В частности, обнаружены факты формального варьирования терминов (как однословных, так и составных) и терминоэлементов. Поскольку основной массив единиц, вошедших, по нашим данным, в терминологию ЦО, составляют неологизмы, в словарях «общего пользования» они пока не содержатся, а неологические словари, фиксируя новые слова и значения, не кодифицируют отдельные признаки единиц (произношение, написание, грамматическое поведение) в качестве нормативных/ненормативных. В нашем исследовании наличие/отсутствие кодифицированного варианта мы проверяли по «Русскому орфографическому словарю» [РОС]. В случае отсутствия слова в РОС при определении предпочитаемого варианта учитывались результаты наблюдений, данные опроса и парсинга.

Как отмечают исследователи, наличие вариантов языковых знаков создает «основу для динамического проявления типологических тенденций» [Исакова 2022: 7], фиксация и описание которых входят в важнейшие задачи «синхронической» лингвистики. Кроме того, изучение вариантности на этапе формирования терминологии новой предметной области может служить научной базой для полного лексикографического представления данной лексики в терминологическом словаре.

2. Итак, **вариантность** — это видоизменение внешней формы термина при сохранении тождества значения. Следует подчеркнуть, что вариантность по-разному может проявляться у слова и у термина, что объясняется особенностями структуры последнего. Так, если варьируется однословный термин, характер различий его вариантов будет тот же, что и у вариантов слова (неодинаковый фонемный состав, ударение, морфологические признаки и т. д.). Однако при варьировании составного термина, по форме представляющего собой словосочетание, у варьирующихся единиц обнаруживаются различия, которые для вариантов слова или однословного термина в принципе невозможны. Например, в нашем материале некоторые составные термины имеют сокращенные, более компактные варианты, полученные разными способами: свертыванием в аббревиатуру — *искусственный интеллект* и *ИИ*; метонимической компрессией — *цифровые технологии* и *цифра*, *биометрические данные* и *биометрия* (ср. *сдать биометрию*); редукцией одного из компонентов — *искусственная нейронная сеть* и *нейронная сеть* и др. Таким образом, вариантность термина разнообразнее вариантности слова. В статье мы ограничимся рассмотрением вариантов, не связанных с «количественным», или, по-другому, структурным, варьированием составных терминов. В фокусе нашего внимания будут варианты, различающиеся фонемным составом, особенностями словоизменения, отношением к категории одушевленности/неодушевленности, графическим и орфографическим оформлением.

2.1. Различие формальных вариантов с **несовпадающим фонемным составом** проявляется как в устной речи, так и на письме². В исследуемой терминологии таких случаев немного. Отметим прежде всего варианты, различающиеся согласными (а в устной речи и последующим гласным — [ы] и [и]) в словах *диджитал-* и *дигитал-*; *диджитальный* и *дигитальный*; *диджитализация* и *дигитализация*. Такое варьирование является следствием неодинакового способа формальной адаптации английских этимонов — прилагательного *digital* ‘преобразующий сигнал в двоичный код; цифровой’ и *digitalization* ‘цифровизация’. В случае с *диджитал-*, *диджитальный*, *диджитализация* для передачи *g* (dʒ) использована практическая транскрипция, с *дигитал-* и под. — транслитерация. Интересно, что в каждой паре вариантов выделился наиболее частотный вариант, но связать этот выбор с одним конкретным способом передачи этимона невозможно. Так, в паре *диджитал-* и *дигитал-* самым частотным вариантом является *диджитал-* (*диджитал-маркетинг*, *диджитал-профессии*, *диджитал-специалист* и др.), т. е. «победил» вариант, переданный способом практической транскрипции, что в целом соответствует общей тенденции в выборе способа формального освоения иноязычного слова³. В то же время в парах *диджитальный* и *дигитальный*; *диджитализация* и *дигитализация*

² По этой причине такие варианты называют иногда фонетико-орфографическими [Нечаева 2009: 230]. В нашей классификации к орфографическим относятся те варьирующиеся единицы, различия которых проявляются только на письме. Эта точка зрения изложена, например, в [Немченко 1992].

³ Транслитерация чаще используется в создании сниженного варианта к уже адаптированному в литературном языке заимствованию (ср. в бизнес-сленге *менеджер* к *менеджер*).

явно преобладают варианты с *г*, а не *дж*, полученные в результате транслитерации, см., например: *дигитальное искусство*, *дигитальная архитектура*, *дигитальный язык* (термин Н. И. Клушиной) и т. д.

В паре вариантов *биткоин* — *биткойн* различие в звуковом составе также связано с особенностями процесса формальной адаптации иноязычного слова. На первом этапе вхождения⁴ дифтонг *oi* в составе английского этимона *bitcoin* в устной речи передавался двойко — как [ои] и [ой] — из-за близости образования звуков [и] и [j]. Такой разнобой отражался и на письме (ср. более ранние случаи подобного варьирования *рубериод* — *рубериойд* [БАС]). Однако впоследствии кодифицирован был вариант *биткоин*.

Не кодифицировано по сей день произношение номинации *QR-код*⁵. «Озвучивают» ее, да и пишут — в соответствии с разным произношением, так: *куар-код*, *кьюар-код*, *кюар-код*. Варианты [ку], [кю] [к'у] отражают разнобой в прочтении первой буквы заимствованной аббревиатуры *QR* (< Quick Response, букв. «быстрое реагирование»). По нашим наблюдениям, преобладает вариант [кю]*ар-код*. «Служба русского языка» справочно-информационного портала «Грамота.ру» рекомендует произносить «*кьюаркод*» (<https://clck.ru/3АНfру>).

2.2. Далее рассмотрим варианты терминов, различающиеся отдельными морфологическими признаками.

2.2.1. Наличие/отсутствие словоизменения у существительного. Такое варьирование проявляет неологизм *диджитал* ‘направление в работе компании, осуществляемое на базе цифровых технологий’ [ТСТ]. Слово используется как склоняемое и несклоняемое, см.: *Профессии в диджитале можно разделить на пять направлений* (<https://practicum.yandex.ru/blog/rabota-v-digital-sfere/>); *Эволюция цифровизации постепенно стирает границу между ИТ и диджитал* (<https://clck.ru/3АНfхг>). По-видимому, фактор новизны тормозит словоизменение существительного, поскольку никакого структурного ограничения для словоизменения нет.

Можно предположить также, что на неизменяемость влияет и использование слова в оригинальной графике: в форме косвенного падежа окончание у иноязычного вкрапления отсутствует, напр.: *Пять правил Digital* (Альбрехт Н. «Пять правил Digital». 06.07.2016. <https://clck.ru/3АНg4q>). Однако у родственного слова — *фиджитал* — вариант в написании латиницей не зафиксирован (слово образовано контаминацией на базе двух английских слов *physical* и *digital*⁶).

⁴ Время появления слова в русском языке датируется 2017 г. [Вепрева, Купина 2018: 122].

⁵ В [Глушенко 2022] зафиксировано (на материале текстов новых медиа) более 20-ти вариантов этого англицизма. Однако в официальном дискурсе устоялся единственный вариант *QR-код*.

⁶ Возникло слово первоначально в сфере спорта: *фиджитал-спорт* — это официальное название нового вида спорта, соревнования по которому совмещают элементы физического спорта (страйкбол, например) и киберспорта (гейминг). Однако сейчас слово используется не только как препозитивный компонент (*фиджитал-движение*, *фиджитал-подготовка* и под.), но и как существительное, причем в значении, не связанном только со спортом. Его значение можно сформулировать так: ‘новейшая технология, соединяющая онлайн- и офлайн-формат межличностного взаимодействия’.

Тем не менее неологизм используется как несклоняемое существительное, что, скорее всего, объясняется новизной слова, его непривычным обликом. См.: ...в **фиджитал** посидеть не получится (Артем Щепотьев: «Киберспортсмены подолгу сидят за компьютерами...»). Новости Сургута и Югры. СИА-ПРЕСС. 06.03.2023); Мир **фиджитал**, в котором наше физическое тело входит в тесный контакт с цифровым пространством, — это будущее индустрии развлечений... (Игорь Лютенко на Event-прорыве: убьет ли диджитал ивент? EventNN.ru. 6.06.2019).

Отметим, что такое грамматическое явление, как отсутствие склонения у иноязычных существительных **на согласный**, регулярно наблюдается с конца XX в. Мы видим здесь, кроме действия фактора новизны и влияния графики, действие еще ряда факторов (полифункциональность, например, и др. [Маринова 2018]). Но реальная речевая практика показывает, что со временем иноязычные существительные с консонантным исходом по мере закрепления в русском языке начинают склоняться, вариантность сходит на нет. Параллельно с этим, новые заимствования на согласный, поступающие в русский язык, проходят тот же путь — используются как несклоняемые и склоняемые. Справедливо замечено, что «процесс функционирования подсистемы заимствований имеет **волнообразный характер** (выделено нами. — Е. М.)» [Каленчук 2019: 8].

2.2.2. Следующий тип грамматического варьирования проявляется в колебаниях слова по отношению к **категории одушевленности/неодушевленности**⁷.

Обратимся к примерам: *Чтобы обучить бота, потребуется масса исходных данных, времени и знаний* (<https://clck.ru/3AHg8o>). — *Американская компания Goldman Sachs уже заменила трейдеров, занимавшихся торговлей акциями по поручению крупных клиентов банка, на автоматически работающий бот на базе ИИ* (Информационное общество. 2017. № 4); *Когда кто-то предлагает вам внедрить на сайте «интеллектуального чат-бота», просто спросите, сколько времени это займет* (<https://plantro.ru/news/20190529/5-problem,-o-kotoryh-nikogda-nerasskazhut-postavshchiki-umnyh-chat-botov-dlja-kontakt-centrov/>). — *В Воронежской области еще в одном райцентре запустили чат-бот для связи с поликлиникой* (Время Воронежа. 11.11.2021).

Для подтверждения факта вариантности слов *бот* и *чат-бот*, а также установления количественных различий их вариантов в форме винительного падежа, помимо наблюдений за речью, мы провели опрос и небольшое парсинг-исследование⁸. Оказалось, что по данным опроса установить однозначно предпочтительный вариант не представляется возможным: во-первых, результаты различны даже по

⁷ Отдельные положения п. 2.2.2 были изложены автором статьи в докладе на VII Международной конференции «Культура русской речи. Грофовские чтения» (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 5–7 марта 2024 г.).

⁸ Благодарю за помощь в проведении парсинг-исследования студента Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова Роберта Юферова. Наблюдение проводилось с помощью парсера RvpParse, основанного на алгоритме GLR-парсинга (Generalized left-to-right algorithm).

формам единственного и множественного числа; во-вторых, неодинаковую частотность проявляют варианты каждого типа (одушевленные и неодушевленные) при разных глаголах (см. табл. 1). В этом отношении парсинг показал более стройную картину: у слова *бот* преобладают формы **одушевленного** существительного, у *чат-бот* — **неодушевленного** (хотя преимущество последних в форме множественного числа незначительное — 51%).

Таблица 1. Колебания в категории одушевленности/неодушевленности слов *бот* и *чат-бот*

<i>бот</i>		<i>чат-бот</i>	
Ед. ч.		Ед. ч.	
Опрос	Не установлено. Ср. <i>включить бота</i> (52%), но <i>скачать бот</i> (53%)	Опрос	Не установлено. Ср. <i>внедрить чат-бота</i> (54,5%), но <i>создать чат-бот</i> (55%)
Парсинг	Преобл. ОДУШ. (80%) <i>скомпилировать</i> < <i>пересобрать</i> , <i>запустить</i> > бота	Парсинг	Преобл. НЕОДУШ. (65%) <i>запустить</i> чат-бот
Мн. ч.		Мн. ч.	
Опрос	Преобл. ОДУШ. (60%) <i>установить/использовать ботов</i>	Опрос	Не установлено. Ср. <i>закодировать чат-ботов</i> (68%), но <i>удалить чат-боты</i> (53%)
Парсинг	Преобл. ОДУШ. (99%) <i>запустить ботов</i>	Парсинг	Преобл. НЕОДУШ. (51%) <i>настроить чат-боты</i>

На наш взгляд, варьируются *бот* и *чат-бот* по той причине, что обозначаемые ими референты, с одной стороны, осмысливаются говорящими как неодушевленные объекты (программы), с другой — персонифицируются и встраиваются в систему языка, изменяясь по образцу одушевленного существительного *робот* (английское *bot* представляет собой усечение от *robot*). Действие противоположных факторов (внеязыковая действительность и языковая система) приводит к варьированию этих номинаций.

В исследуемой терминологии вариантности по отношению к одушевленности/неодушевленности подвержены и другие наименования высокотехнологичных программ, выполняющих функции человека или имитирующих его. Выявлена вариантность терминов *голосовой (виртуальный, ИИ-) помощник, цифровой двойник* ‘виртуальная копия любого материального объекта, процесса или явления’ [ТСТ]. Ср.:

- (1) *Пауль и Антон разработали голосового помощника, который не только умеет подстраиваться под характер владельца, но и незаметно делает из него идеального потребителя* (анонс фильма в приложении «Яндекс Афиша»).
- (2) *На новых компьютерах под управлением операционной системы Windows 11 появится клавиша Copilot, запускающая разработанный Windows 11 ИИ-помощник* (РБК. 04.01.2024);
- (3) *Российские разработчики показали*

цифровых **двойников** на Венецианском биеннале (Известия. 12.05.2019); (4) Уральские энергетики внедрили «цифрового **двойника**» всей системы теплоснабжения Екатеринбурга (Коммерсант. 18.12.2020); (5) Цифровой оракул: зачем каждому человеку создадут **нейродвойника** (Известия, 13.03.2019). — (6) Кроме того, аппарат позволяет создать цифровые **двойники** статичных нетвердых объектов (РИА Новости. 09.10.2020).

По-видимому, в предложениях 1, 3–5 «одушевленные» формы слов *помощник* и *двойник* использованы говорящими по инерции: опорные существительные в своих исходных значениях обозначают лицо и являются одушевленными. В то же время с языковой инерцией явно соперничает здравый смысл. Во всяком случае опрос респондентов дал следующие результаты: около 65% от общего количества опрошенных (всего 127 человек 18–40 лет) предпочитают форму винительного падежа неодушевленного существительного. Парсинг по открытым источникам (соцсети, сайты блогов и форумов⁹) выявил примерно такое же соотношение: форма винительного падежа неодушевленного существительного встречается в два раза чаще, чем такая же форма одушевленного. Таким образом, в отношении слова, обозначающего неживой объект, предпочтительнее оказывается выбор в пользу грамматического поведения неодушевленного существительного, даже если в своем первичном значении оно изменяется как одушевленное существительное¹⁰. Сама же грамматическая вариантность этого типа интересна тем, что никак не связана с денотативным значением слова, в отличие, например, от вариантности типа *ловил анчоусов* (о рыбе) — *ел анчоусы* (о блюде), проявляющейся в пределах семантической структуры слова между его лексико-семантическими вариантами (ЛСВ) [Крысин 1997: 69]. Колебания в паре *разработать голосового помощника* — *голосовой помощник* и подобных происходят в пределах одного и того же ЛСВ.

2.3. Обратимся к таким случаям варьирования термина, которые проявляются, в отличие от фонетического и грамматического варьирования, только на письме, т. е. к графическим и орфографическим.

2.3.1. Орфографические варианты терминов, обозначающих реалии и понятия ЦО, имеют следующие различия:

- варьируется написание **прописной/строчной буквы**: *Большие данные/большие данные*; *Интернет вещей/интернет вещей*; *Метавселенная/метавселенная*;
- варьируется **слитное, раздельное и дефисное написание** двухкомпонентных номинаций, включающих существительное и препозитивный компонент иноязычного происхождения. Напр., по-прежнему встречается в текстах

⁹ Временной период: 2019–2023 гг.

¹⁰ Это наблюдение подтверждает ранее высказанные выводы других исследователей, в частности о форме винительного падежа устойчивого словосочетания *лежащий полицейский* [Русакова 2007: 126; Лазуткина 2014: 228].

написание препозитивного компонента *онлайн*- без дефиса, несмотря на кодификацию дефиса в РОС. См.: *Цифровой педагог в онлайн образовании* (название научной статьи). Аффиксоид *кибер*- в общепринятых номинациях пишется слитно, в соответствии с кодификацией в РОС (*кибератака, киберугроза* и под.), однако при использовании этого терминоэлемента в окказиональных новообразованиях написание варьируется: *кибер январь* (в рекламе), *кибер-ущерб* (окказ.). Терминоэлемент *диджитал*-, написание которого не кодифицировано, пишется либо через дефис (чаще всего), либо раздельно, напр.: *диджитал активность, диджитал детокс, диджитал дизайн*. То же замечание касается слова *фиджитал*, см.: *Современные художественно-философские проекты и медиа, фиджитал проект «Русика: Россия — страна птиц»* (название доклада на конференции «Медиа в современном мире», СПбГУ, 19.04.2024).

2.3.2. Различия в **графическом оформлении** единицы, не связанные с правилами русской орфографии, выражаются:

- в написании термина/терминоэлемента средствами разных алфавитов;
- в наличии/отсутствии кавычек.

2.3.2.1. Графических вариантов одной и той же номинации, различающихся **алфавитами** (кириллица или латиница), в терминологии ЦО довольно много, что объясняется генезисом большинства номинаций этой области: по происхождению это англицизмы технической сферы — сферы ИТ, для терминологии которой в целом характерно использование заимствованной номинации (специального слова, термина) в оригинальном написании.

Как в медиа, так и в официальном дискурсе варьируется, например, написание аббревиатуры *ИТ/ИИТ*, с явным преобладанием *ИТ*, в особенности если аббревиатура выполняет роль препозитивного словообразовательного форманта в составных номинациях типа *ИТ-специалист*. В паре же *АИ/ИИИ*, напротив, «лидирует» русская аббревиатура, в том числе в роли форманта: *ИИ-поддержка, ИИ-диагностика, ИИ-помощник* и под. В своей оригинальной графике может быть представлен в русском тексте англицизм *digital*-, в результате чего одна и та же номинация варьируется: *digital-агентство* и *диджитал-агентство*.

Стадия вкрапления обычно предшествует «русификации» иноязычного лексического материала. Варьируются по этой причине *cookies-файлы* и *куки-файлы*, *deepfake* и *dunфейк*, *bug bounty* и *багбаунти* (проверка интернет-ресурса так называемыми этичными хакерами), еще не вошедшие в широкий обиход, в отличие, например, от слов *интернет, аккаунт, логин* и т. д., для которых стадия вкрапления далеко позади. В то же время отдельные термины и терминоэлементы иноязычного происхождения, получившие кодификацию в РОС, продолжают время от времени передаваться на письме в оригинальной графике (*online, PIN-код*).

2.3.2.2. Разновидностью графического варьирования считается и заключение слова (термина) в **кавычки** с целью подчеркнуть его новизну или/и метафоричность.

Как правило, такой тип варьирования непродолжительный по времени: по мере освоения номинации необходимость в кавычках отпадает.

Наш материал показывает, что в текстах СМИ в кавычки нередко заключается семантический неологизм *цифра* (о цифровых технологиях). Однако этот полуофициальный термин может употребляться и без кавычек. Ср.: *Мир вокруг нас еще продолжает выглядеть привычно, однако «цифра» незаметно пронизывает все сферы нашей жизни...* (Михаил Мишустин принял участие в работе международного форума «Цифровое будущее глобальной экономики». 31.01.2020. <https://digital.gov.ru>) — *Без цифры нет будущего* (Коммерсант. 24.12.2020). См. также другие случаи подобного варьирования: *Облачных хранилищ существует достаточно много. Кто-то выбирает только одно «облако», кто-то пользуется сразу несколькими* (fornote.net) — *...надо сначала обязательно записать свои файлы на любые диски или сохранить в облако и только после этого обновляться.* (Чем грозит пользователям прекращение поддержки Windows 7? Парламентская газета. 15.01.2020); *В России... установлен «цифровой двойник» инженерных систем школы* (ТАСС. <https://digital.gov.ru/ru/events/42525/>) — ср. в названии научной статьи В. Н. Назарова: *Цифровой двойник как субъект этики* (Этическая мысль. 2020. № 1).

3. Заключение. Завершая краткий обзор материала, подчеркнем, что наблюдаемая в настоящее время вариантность терминов, именующих реалии ЦО, свидетельствуют о неустоявшемся характере анализируемой терминологии, начальном этапе ее формирования. Тип варьирования, затрагивающий разные стороны плана выражения варьирующей единицы, во многом зависит от ее происхождения. Термины-заимствования претерпевают адаптацию подобно общеупотребительным словам, подстраиваясь к различным подсистемам принимающего языка (фонетике, графике и орфографии, словоизменению). Кальки (*Большие данные, Интернет вещей, Метавселенная*) и новообразования, созданные на русской почве, могут варьироваться в написании на неустойчивых участках русской орфографии (прописная и строчная буква; постановка дефиса и др.). Особые случаи представляют собой колебания в категории одушевленности/неодушевленности: выбор говорящим той или иной формы винительного падежа при таком колебании подчиняется глубинному лингвокогнитивному механизму, отвечающему за концептуализацию мира. Наконец, в варьировании формальной стороны термина немаловажную роль играет фактор новизны.

В перспективе исследования предполагается разработать рекомендации для отражения вариантности разных типов в терминологическом словаре как базе для последующей кодификации терминологии.

Принятые сокращения

БАС — Словарь современного русского литературного языка в 17 т. Т. 12.

РОС — Русский орфографический словарь.

ТСТ — *Маринова Е. В., Волочек Е. А.* Тематический словарь терминологии цифрового общества RU: Проспект.

Литература

Буцева Т. Н. Особенности адаптации англицизма e-mail в текстах русскоязычных массмедиа // Национальные коды в языке и литературе. Язык как культурно-историческое достояние народа. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2020. С. 11–19.

Вепрева И. Т., Купина Н. А. Биткоин // Русский язык за рубежом, 2018, № 3. С. 122–125.

Глуценко О. А. Репрезентация социального протеста в экспрессивной номинации (на примере названий сертификата о вакцинации от COVID-19 и QR-кода) // Казанская наука, 2022, № 1. С. 34–36.

Добринская Д. Е. Что такое цифровое общество? // Социология науки и технологий. 2021, т. 12, № 2. С. 112–129.

Исакова Л. Д. Многообразие языков в их вариативности. М.: Проспект, 2022. 176 с.

Каленчук М. Л. Особенности произношения заимствованных слов в русской литературной речи // Русский язык за рубежом, 2019, № 2. С. 4–8.

Крысин Л. П. Лингвистическое представление иноязычного слова: типы грамматической информации // Облик слова. Сб. статей памяти Д. Н. Шмелева. М., 1997. С. 65–71.

Лазуткина Е. М. Вариативность в системе грамматических норм современного русского литературного языка // Труды Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова, 2014, № 1. С. 223–325.

Маринова Е. В. Отсутствие словоизменения у нарицательных существительных на согласный: границы явления в современной русской речи // Przegląd Wschodnioeuropejski, 2018, т. 9, № 2. С. 191–199.

Маринова Е. В., Волочек Е. А. Тематический словарь терминологии цифрового общества RU: Проспект // Альманах Говор, 2023, № 8. С. 1–196.

Немченко В. Н. Вариантность слова в русском языке. Фонематические варианты. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 1992. 223 с.

Нечаева И. В. Проблема орфографической кодификации иноязычных заимствований // Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Азбуковник, 2009. С. 213–239.

Русакова М. В. Категория одушевленности/неодушевленности: реализация в речи единиц с переносным значением // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Ин-та лингвистических исследований РАН, 2007, т. 3, № 3. С. 118–153.

Русский орфографический словарь / Под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. М.: АСТ-Пресс Книга, 2012. 826 с.

Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. Т. 12. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1961. 1676 с.

Selwyn N. What is Digital Sociology? Cambridge UK: Polity Press, 2019. 134 p.

E. V. Marinova

Linguistics University of Nizhny Novgorod

(Nizhny Novgorod, Russia)

marinova@list.ru

**VARIATION AT THE STAGE OF FORMULATING TERMINOLOGY
FOR A NEW SUBJECT AREA
(ON THE MATERIAL OF THE DIGITAL SOCIETY
REALITIES DESIGNATIONS)**

The article considers the process of formal variation of terminological nominations (terms and term elements) of a specific vocabulary layer that is currently formed in the context of the Digital Society model implementation in Russia. The aim of the research is to identify the types and sources of variation in order to provide a scientific foundation for a comprehensive lexicographic description of this vocabulary in a specialized dictionary. The research material was mainly extracted from official documents and news texts on the website of the Ministry of Digitalization of the Russian Federation, the media bank “Integrum”, Russian National Corpus and social media. In total, we examined over 500 nominations. The research methods include all types of linguistic analysis of the words, as well as a poll and parsing of social media data. The research revealed variants that differ in their phonemic composition, inflectional features, relation to the category of animacy/inanimacy, graphic and spelling form. Particular attention is paid to units that have not been included in dictionaries (so-called absolute neologisms). The article indicates the frequency of one or another variant. The reasons for variation are mostly related to the origin of the terms. Borrowed terms undergo adaptation, similar to common words, and adapt to various subsystems of the receiving language (phonetics, graphics, and spelling). Calques and neologisms created on the Russian language basis may vary in spelling, or be unstable in the animacy/inanimacy category. Overall, the variation of the Digital Society terminology reflects the stage of its formation. In further research it is supposed to develop recommendations to capture the variability of different types in a specialized dictionary as a basis for the subsequent codification of terminology.

Key words: Russian language, Digital Society, terminology, neologisms, borrowings, phonemic variants, graphic variants, spelling variants, lack of inflection, hesitation of the animacy category.

References

Butseva T. N. [Features of the adaptation of the Anglicism e-mail in the texts of the Russian-language mass media]. *Natsional'nye kody v yazyke i literature. Yazyk kak kul'turno-istoricheskoe dostoyanie naroda* [Proc. National codes in language and literature. Language as a cultural and historical heritage of the people]. N. Novgorod, NNGU Publ., 2020, pp. 11–19. (In Russ.)

Chernyshev V. I. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka v 17 t.* [Dictionary of modern Russian literary language in 17 vol.]. Moscow, Leningrad, The Academy of Science of Soviet Union Publ., 1959, vol. 3. 1483 p.

Dobrinskaya D. E. [What is the digital society?]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 2021, vol. 12, no. 2, pp. 112–129. (In Russ.)

Glushchenko O. A. [Representation of social protest in an expressive nomination (using the example of the names of the COVID-19 vaccination certificate and QR code)]. *Kazanskaya nauka*, 2022, no. 1, pp. 34–36. (In Russ.)

Isakova L. D. *Mnogoobrazie yazykov v ikh variativnosti* [The diversity of languages in their variability]. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 176 p. (In Russ.)

Kalenchuk M. L. [Features of pronunciation of borrowed words in Russian literary speech]. *Russkii yazyk za rubezhom*, 2019, no. 2, pp. 4–8. (In Russ.)

Krysin L. P. [Linguistic representation of a foreign language word: types of grammatical information]. *Oblik slova. Sbornik statei pamyati D. N. Shmeleva*. [The shape of the word. Proc. in memory of D. N. Shmelev]. 1997, pp. 65–71. (In Russ.)

Lazutkina E. M. [Variatness in the system of grammar norms in modern Russian literary language]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2014, no. 1, pp. 223–325. (In Russ.)

Lopatin V. V., Ivanova O. E. *Russkii orfograficheskii slovar'* [Russian Spelling Dictionary]. Moscow, AST-Press Kniga Publ., 2012. 826 p.

Marinova E. V. [Absence of inflection of common nouns ending in a consonant: the boundary of the phenomenon in the modern Russian speech]. *Przeglad Wschodnioeuropejski*, 2018, vol. 9, no. 2, pp. 191–199. (In Russ.)

Marinova E. V., Volochek E. A. *Tematicheskii slovar' terminologii tsifrovogo obshchestva RU: Prospekt* [Specialized dictionary of the digital society terminology RU: Prospect]. St. Petersburg, Al'manakh Govor Publ., 2023, vol. 8. pp. 1–196.

Nechaeva I. V. [The problem of orthographic codification of foreign language borrowings]. *Lingvisticheskie osnovy kodifikatsii russkoi orfografii: teoriya i praktika* [Linguistic foundations of the Codification of Russian Spelling: theory and practice]. V. V. Lopatin (ed.). Moscow, Azbukovnik Publ., 2009. pp. 213–239. (In Russ.)

Nemchenko V. N. *VARIANTNOST SLOVA V RUSKOM YAZYKE. FONEMATICHESKIE VARIANTY* [The variation of the word in the Russian language. Phonemic variants]. N. Novgorod, Nizhegorodskii Univ. Publ., 1992. 223 p.

Rusakova M. V. [The category of animacy/inanimacy: the implementation of units with a figurative meaning in speech]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanii RAN*, 2007, vol. 3, no. 3, pp. 118–153. (In Russ.)

Selwyn N. *What is digital sociology?* Cambridge, UK, Polity Press Publ., 2019, 134 p.

Vepreva I. T., Kupina N. A. [Bitcoin]. *Russkii yazyk za rubezhom*, 2018, no. 3, pp. 122–125. (In Russ.)

Н. Б. Мечковская

Белорусский государственный университет

(Беларусь, Минск)

nina.mechkovskaya@gmail.com

ДВА ВЗГЛЯДА НА ДЕНЬГИ, БЕДНОСТЬ И БОГАТСТВО: ВЕКОВАЯ МУДРОСТЬ ПОСЛОВИЦ И СКЕПТИЧЕСКОЕ ОСТРОУМИЕ АНТИПОСЛОВИЦ

Рассмотрены два хронологических пласта народной русской афористики — «классические» фольклорные пословицы устного анонимного происхождения, известные по записям XIX в., и «постфольклорные» афоризмы письменного происхождения, представляющие собой пародийные преобразования известных пословиц, крылатых слов или фразеологизмов, публикуемые в основном без указания автора и получившие название «антипословиц». Характерные черты пословичной трактовки концептов ‘деньги’, бедность’ и ‘богатство’ состоят в следующем: 1) пословицы о деньгах дидактичны и, за редким исключением, не насмешливы, но, напротив, серьезны; они — как глава из учебника жизни, написанная с позиций крестьянского здравого смысла; 2) в корпусе классических паремий тема денег занимает более скромное место, чем в антипословицах, при этом проблемы бедности и богатства не сводятся к деньгам; 3) наиболее отчетливо выраженная идея русских пословиц о бедности-богатстве, представленная в нескольких десятках паремий, созвучна евангельской притче о талантах: «...ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» (Мф. 25: 29). В отличие от классических пословиц, постфольклорные афоризмы насмешливы, скептически и рассчитаны на понимающий смешок современника. Нефольклорный комизм антипословиц о деньгах (гротеск, оксюморон, каламбур, алогизм включая абсурд, пародирование клишированных фраз и оборотов и др.), как и нередкая искусность антипословиц, помогают авторам и читателям находить баланс между скепсисом и оптимистическим восприятием мира.

Ключевые слова: «классические» пословицы, постфольклор, антипословицы, обязательность насмешки в антипословицах, максимальная значимость темы денег в антипословицах, нефольклорные средства комизма антипословиц.

В пословицах и антипословицах представлены два хронологических пласта обыденного сознания — фольклорное, аккумулировавшее многовековые народные представления о мире в том виде, в котором они сохранялись в XIX в.,

и «постфольклорное» сознание, отразившееся в письменной афористике многочисленных и потому неизвестных авторов текущих десятилетий. Феномен индивидуально-авторского пародирования ходячей пословицы отмечен еще у Аристофана, однако термин *anti-proverbs* ('антипословицы') появился относительно недавно — в 1982 г., в работах Вольфганга Мидера (Mieder), профессора немецкого языка и фольклора в Вермонтском университете. Термин распространился после выхода в свет книги под редакцией В. Мидера и А. Т. Литовкиной «Old proverbs never die, they just diversify: a collection of anti-proverbs» ('Старые пословицы не умирают, они лишь разнообразятся: сборник антипословиц') [Litovkina, Mieder, Földes 2006]¹.

В предлагаемой статье русские антипословицы исследуются на материале широко известных сборников Харри Вальтера и В. М. Мокиенко «Антипословицы русского народа» [Вальтер, Мокиенко 2005]) и «Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы)» [Мокиенко, Вальтер 2008]. Источником пословиц в записях середины XIX в. были непревзойденные по полноте и ареальному разнообразию словарные собрания В. И. Даля — сборник «Пословицы русского народа» (1862) [Даль 1957] и «Толковый словарь живого великорусского языка» (1861–1868), по 2-му изданию 1880–1882 гг., факсимиле 1978 г. [Даль 1978]².

1. Русские пословицы, изданные в XIX в., о деньгах, бедности и богатстве

В сборнике Даля круг паремий о деньгах, бедности и богатстве значительно превышает число пословиц, в составе которых имеются слова *деньги*, *богатый*, *бедный*, *рубли*, *копейка*, *грош*, а также их дериваты, синонимы, перифрастические обозначения и замены (ср. *Хлеб с водою, да не пирог с лихвою; Медной посуды — крест да пуговица, рогатой скотины — петух да курица*). Тем не менее иллюстративный материал статьи ограничен паремиями с указанными словами. Число примеров по необходимости также минимально.

1.1. Пословицы не сводят проблемы бедности и богатства к деньгам — к тому, что их много или мало. Такое широкое и реалистическое понимание жизни формировалось не только опытом поколений, включая осознание важности для человека и семьи нематериальных ценностей жизни, но и самой материальной, экономической реальностью: русские пословицы складывались в условиях, когда крестьянское хозяйство было по преимуществу натуральным. У Даля в десятках пословиц о бедности-богатстве лексема *деньги* вообще отсутствует: *Богатому завсе праздник; Бедному жениться, так ночь коротка; Тот и хорош, у кого родилась рожь; Только и посуды, что сучки в бревнах; Ни дров, ни лучины, а живет без кручины*.

¹ С Вермонтским университетом связаны исследования и публикации также и о русских антипословицах: *Andrey Reznikov. Old Wine in New Bottles: Modern Russian Anti-proverbs // Supplement series of Proverbium. Vol. 27. Department of German and Russian, University of Vermont, 2009. 179 p.*; *Andrey Reznikov, František Čermák. Russian Anti-proverbs of the 21st Century: A Sociolinguistic Dictionary // Proverbium, 2012. 337 p.*

² Ср. предшествующий опыт сопоставления русских пословиц и антипословиц на материале паремий метаязыкового содержания [Мечковская 2022].

1.2. Главная пословичная мудрость о деньгах и богатстве созвучна с евангельской притчей о талантах. Это слова укоризны тому рабу, который не вложил отпущенный ему талант в дело, а скрыл монету в земле: «...ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» (Мф. 25: 29).

Подобное распределения благ (отнюдь не всем поровну) может казаться несправедливым, но такова правда жизни. Американский социолог Роберт Мертоном назвал такое распределение благ «эффектом Матфея» (1968)³.

В сборнике Даля эта мудрость выражена по-разному: как экзистенциальная предопределенность: *Где вода была, там и будет; куда деньга пошла, там и скотится; Деньга деньгу наживает* (или: *родит, кует*); как уверенность, что богатому везет: *Богатого ложка ковшом, убогого ложка веселком*; что с деньгами и хозяйство ладится: *Есть в мошине, так будет и в квашине; Есть грош, так будет и рожь*. И наоборот: бедного человека не ценят и не уважают: *Добр Мартын, коли есть алтын; худ Роман, коли пуст карман; Судят не по уму, а по карману. Рубль есть — и ум есть; нет рубля — нет и ума*. Богатому живет веселей, чем бедному: *Бедность плачет, богатство скачет; Богатому ежесюдь праздник*. Доля бедных девушек-красавиц — несчастье: *Бедной девке краса — смертная коса*. Деньги покоряют любую силу: *Деньга и камень долбит; И барину деньга господин; Копейка обоз гонит; И правда тонет, коли золото всплывает*. Сила денег почти чудесная, близкая к божьему могуществу: *Деньги — крылья; После бога — деньги первые; Денежка не бог, а бережет* (или: *милует*); *Денежка — молитва, что острая бритва* (т. е. *все грехи сбреет*).

Единственный настоящий соперник деньгам, по русской пословице, — это ум, однако в определении того, кто сильнее, пословицы колеблются и противоречат друг другу: *Богатство ум рождает* (или: *ум дает*); *Богатый ума купит; убогий и свой бы продал, да не берут; Только ума на деньги не купить; У кого денег мало, у того ума не бывало*.

В пословицах, которые несогласны с «эффектом Матфея», утверждается, что деньги не всесильны, что в мире есть вещи, непокорные власти денег и более важные для людей, чем деньги. Если согласие с «эффектом Матфея» — ближе к реализму, фатализму и пессимизму, то несогласие с Матфеем — ближе к идеализму (в лучшем смысле этого слова), к вере в силы человека и оптимизму. Ср.: *Не деньги нас наживали, а мы деньги нажили; Деньгами души не выкупишь; Деньги не голова: наживное дело; Дороже головы не стоит; Ел бы богач деньги, кабы убогий его хлебом не кормил; Будь деньги за богачом, оставался бы хлеб за нами; Есть на*

³ Термин «эффект Матфея» был предложен в 1968 г. американским социологом Робертом Мертоном, который обратил внимание на его проявления в социологии науки и наукометрии (различие в признании и цитировании работ именитых ученых в сравнении с аналогичными по качеству трудами их малоизвестных коллег), в образовании (влияние скорости усвоения навыка чтения на дальнейший разрыв между «способными» и «отстающими» учениками), в экономике (концентрация богатства и распределение бедности). В химии аналогичный феномен видят в реакции автокатализа.

гумне, будет и в суме; Нет в кармане, да есть в анбаре; Не кланяюсь богачу, свою рожь молочу; Не хвались серебром, хвались добром; Без хозяина — деньги черепки; Доброго солдата выбирают, а не покупают. Однако оптимистических пословиц в сборнике Даля в три раза меньше, чем паремий, которые утверждают «эффект Матфея» (их более 50).

1.3. Деньги как стихия и искус: Изведай человека на деньгах. Круг идей о деньгах, бедности и богатстве, запечатленных в Далевом сборнике, конечно, шире рассмотренной выше антитезы ‘бедность vs богатство’. Возможно, паремии, связанные с этой антитезой, в наибольшей мере отражают межличностные конфликты и обиды, и потому они наиболее драматичны и многочисленны. Однако о деньгах, бедности и богатстве есть немало и других паремий — более тонких и разнообразных, спокойных, психологически более глубоких. Вот некоторые из них: *Богатство — вода: пришла и ушла; Деньги прах, да и мы прах; И дорогой товар из земли растет; Бедный времени не ищет; Бедность крадет, нужда лжет; Нужда вежлива, голь догадлива; Нужда и горбится и прямится; Деньги искус любят; Заветного не продают; Меньше денег — меньше хлопот; Без денег сон крепче; Сердилась баба на торг, а торг и не ведал.*

1.4. Фольклорная школа экономики: опытная и неулыбчивая. Пословиц о товарно-денежных отношениях в словарях Даля относительно немного (примерно 600 паремий), однако это больше, чем количество пословиц о любом другом отдельном занятии или ремесле (например, о здоровье и хворях, или о законах, казне и начальстве; или о пище). Понятно, что сохранившиеся сведения из «народной медицины» или сельскохозяйственных знаний передавались и сохранились не в пословицах. Между тем фольклорные основы экономики запечатлены именно в паремиологии (отчасти также в поздних сказках о торгах, обменах, дележах).

Круг экономических народных максим широк; они вобрали в себя опыт торгов, займов, долга, расчетов, судов. Вот некоторые из них (в первую очередь с ключевыми для темы статьи) лексемами: *За морем телушка полушка, да рубль перевоз; Овчинка выделки не стоит; Копейка рубль бережет, а рубль — жизнь.* В этом кругу есть практические советы тому, кто работает с деньгами: *Деньги счет любят; Слову — вера, хлебу — мера, деньгам — счет; Считанная сотня полна; Не ворохом деньги принимают; Вся правда в счете; Не крестьянская деньга бумажка (об ассигнациях); Займом богат не будешь. Долг не разжива; Возьмешь лычко, а отдашь ремешок; В долг не давать, так и на деньги не продать; Чужие денежки ночью хлеб едят; Чужие денежки зубасты; В приданом, в суде да в займах не деньги, а счеты; Корм коня дороже; Не в коня корм травить; Сам бы ел, да деньги надо.*

Народные пословицы вообще не насмешливы, особенно когда речь идет о деньгах. Экономические пословицы серьезны и назидательны. Но изредка встречаются и насмешливые паремии, что обычно говорит о их позднем появлении. Например, такая скоморошина с иронически переставленными ремами: *Мы люди бедны, у нас ворота медны, а вы люди начальные, у вас ворота мочальные.* Есть и чистый юмор, с насмешкой над слушающим: — *Что милее ста рублей?* Ответ: *Двести.*

2. Антипословицы о деньгах: насмешливое измерение жизни деньгами — приоритетно

В силу хронической денежной озабоченности современного человека, количество паремий в рубриках «Деньги» (и «Деньга»), «Бедный» (и «Бедность»), «Богатый» (и «Богато», «Богатеть», «Богатство») — внушительно. Так, в рубрике «Деньги» насчитывается примерно 160 паремий; это одна из самых представительных групп антипословиц: здесь на 45% больше единиц, чем суммарно в рубриках «Дело» и «Делать(ся)»; в три раза больше числа антипословиц в рубрике «Работа» и в двух рубриках «Счастье», «Счастливый»; в 10 раз больше числа антипословиц в рубриках «Любовь», «Любить», «Любовник» и других близких к названным.

Антипословицы как жанр афористики отличаются от классических фольклорных пословиц прежде всего своей интенцией насмешки над известными пословицами и другими прецедентными текстами или фразеологизмами и образами. В любом случае антипословица — это, по характеристике Ознура Тузку, «интертекстуальная шутка» [Tuzcu 2018]. Стремление «приколоться» и «постебаться» обуславливает такие черты антипословиц, как пародийность, наличие комических преувеличений, элементов алогизма, абсурдизма, фантастики, игры слов.

Содержательная емкость антипословиц проявляется в том, что их авторы, говоря о деньгах, умудряются задеть разные острые явления повседневной жизни. Неожиданность, разнообразие и острота этих намеков придают антипословицам не только злободневность, но и нередко эстетическую привлекательность.

Большинство фольклорных пословиц, в которых есть слово *деньги*, — это народные максимы именно о деньгах. Антипословицы со словом *деньги* — это мысли не только и не столько о деньгах. В антипословицах (в отличие от русских пословиц) деньги правят миром, они и цель, и средство, и условие успеха или выживания. И всё это констатируется с невеселой и обычно ёрнической насмешкой.

2.1. Деньги как явление природы: Деньги (не) пахнут... Это самая мягкая насмешка над деньгами: они представлены как явление природы, с теми же свойствами, которые бывают у природных объектов (*Деньги не пахнут, но улетучиваются*) или исчезают иначе (*плывут сквозь пальцы*). Поскольку для кого-то «*деньги — это навоз*», а кто-то, как это образно представлено в русской фраземе, склонен *деньги разбрасывать*, то возникли следующие антипословицы-силлогизмы: *Деньги, как навоз, следует разбрасывать по полю; Деньги как навоз: если их не разбрасывать, от них не будет толку.*

Соединение природных свойств денег с римским «*Деньги не пахнут*» отразилось в россыпи антиафоризмов, согласно которым *Деньги не пахнут, потому что их моют; Если деньги плохо пахнут, значит, их плохо отмыли; Жулики спят спокойно: раз деньги не пахнут, собаки не возьмут след.*

2.2. Деньги как границы мира и полюсы добра и зла. *Деньги — счастье vs Деньги — зло.* Паремия *Не в деньгах счастье* (отмечена в пьесе А. Н. Островского) отозвалась в веере из 17 антипословиц, в которых додумываются и обыгрываются потенциальные смысловые неопределенности, когда люди произносят слова

Не в деньгах счастье — начиная от *Счастье не в деньгах*, а в их количестве до радикального *Не в жизни счастье*.

Полярные оценки денег (*Деньги — зло* vs *Деньги — вещь хорошая*) легко заменяют друг друга, порождая карусель двусмысленностей: *Деньги — зло. Зайдешь на рынок, и зла не хватает; Деньги — зло. Причините мне его побольше.*

2.3. Храните деньги в сберегательных баксах». Как размышляют о курсе рубля? Многочисленность антипословиц на волнующую тему денег позволяет увидеть неиссякаемое остроумие авторов и разнообразие его нефольклорных приемов: каламбур, гротеск, оксюморон, алогизм включая абсурд, двусмысленности с подвохом, пародирование клишированных фраз и оборотов: *Отличить фальшивые деньги от настоящих просто: они не зеленые; Наши деньги в 28,66 раза меньше зло, чем доллары; Когда относишь деньги в банк, считай, что ты пошел ва банк.*

2.4. Кто размышляет о деньгах в антипословицах? «Образ автора», просвечивающий сквозь пародийную оболочку антиафоризмов, — это несколько разных интонационно-лексических масок (типов) пишущих, и это еще один объект пародирования. Иногда это как бы «простой советский человек» в послесоветское время (*Раньше у нас много чего не хватало, а сейчас только денег*); иногда это резонер, любитель обобщений и иронических загадок (*Государственные финансы — это искусство передавать деньги из рук в руки до тех пор, пока они не исчезнут*); иногда — журналист или блогер, любитель фельетонов (*И только работники ГИБДД опровергают фразу: «Не свисти, денег не будет»; В России еще не придумали такие деньги, которые нельзя разворовать; Если вы лжете людям, чтобы получить их деньги, это мошенничество. Если вы лжете людям, чтобы получить их голоса, это политика.*

Порой авторы не чужды психологии, они читают в душах и о жизни понимают всё: *С деньгами мужчина чувствует себя мужчиной, а женщина — человеком; Естественный отбор — это изъятие денег у мужа после полочки; Ни одно средство не омолаживает так, как большое количество денег; В сексе, как и в автоспорте, главное — не жалеть денег на хорошую импортную резину; Время лечит, но за деньги быстрее.*

В кругу авторов антипословиц немало художественных натур; они любят балагурить и зубоскалить просто так, чтобы пошутить и поиграть со словом, ради балагурства и зубоскальства, легкого подвоха или забавного алогизма. Поэтому такие авторы говорят: *Триста метров — не деньги; Деньги: берешь чужие на время, а отдаешь свои — и на совсем; Со зрением плохо — денег не вижу; Деньги нужно срочно пропить, так как потом их просто не будет.* Пословичная мудрость учит: *Трать деньги с умом.* Но антипословица передразнивает и переучивает: *Не трать деньги с умом: не будет ни денег, ни ума.*

Что касается уверенности евангелиста Матфея в том, что *имеющему прибавится, а от неимеющего отнимется* (см. 1.2), то сочинители антипословиц с Матфеем согласны, хотя и не без смешка: *Мысли приходят с деньгами; Мал золотник, да и взять негде; Рубль: что упало, то пропало.* Однако ёрническое остроумие

антипословиц идет дальше, когда утверждает: *Не все в этом мире продается за деньги: что-то бывает и на халяву; Деньги учат нас обходиться без них.*

В силу природы комического, антипословичные насмешки ставят автора и читателя выше объекта осмеяния — зависимости людей от власти денег. В аспекте более широких гуманитарных интересов представляется существенной познавательная ценность антипословиц о деньгах: в качестве «постфольклора», они важны как документы своего времени, говорящие о состоянии умов и отношении к экономическим проблемам общества на рубеже XX–XXI вв.

Литература

Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. СПб.: Нева, 2005. 576 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4 [первое издание 1861–1868]. М.: Русский язык, 1978 [факсимиле издания 1880–1882 гг.].

[*Даль В. И.*] Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М.: Гос. изд. худ. литературы, 1957. V–XXVIII, 992 с.

Мечковская Н. Б. Пословицы и антипословицы о языке и речи: пародии на метаязыковые паремии и их вклад в обыденные представления о языке // Славянская фразеология и паремиология: Культурное наследие и современность. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2022. С. 177–183.

Мокиенко В. М., Вальтер Х. Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы). М.: ОЛМА, 2008. 384 с.

Tuzcu, Öznuur. Anti-Proverb as a Type of Intertextual Joke // *Humanitas. International Journal of Social Sciences*, 2018, vol. 6, № 12. P. 34–48 [Электронный ресурс] URL: <https://dergipark.org.tr/en/pub/humanitas/issue/39880/446326>.

N. B. Mechkovskaya
Belarusian State University
(Belarus, Minsk)
nina.mechkovskaya@gmail.com

TWO VIEWS ON MONEY, POVERTY AND WEALTH: THE CENTURY WISDOM OF PROVERBS AND THE SKEPTICAL WIT OF ANTI-PROBERS

The paper deals with two chronological layers of Russian folk aphorisms — “classical” folklore proverbs of oral anonymous origin, known from records of the 19th century, and “post-folklore” aphorisms of written origin, which are parodic transformations of famous proverbs, catchwords or phraseological units, published mainly without indicating the author and called “anti-proverbs”. The characteristic features of the proverbial interpretation of the concepts ‘money’, ‘poverty’ and ‘wealth’ are as follows: 1) proverbs

about money are didactic and, with rare exceptions, quite serious; they are like a chapter from a textbook of life, written from the standpoint of peasant common sense; 2) in the corpus of classical proverbs, the topic of money occupies a more modest place than in anti-proverbs, and the problems of poverty and wealth are not reduced to money; 3) the most clearly expressed idea of Russian proverbs about poverty-wealth, presented in several dozen proverbs, agrees with the Gospel parable about the talents: "... for to everyone who has, more will be given and he will have abundance, but from him who does not have, even what he has will be taken away" (Matthew 25: 29). Unlike classical proverbs, post-folklore aphorisms are mocking, skeptical and designed to elicit a knowing chuckle from a contemporary. The non-folklore comedy of anti-proverbs about money (grotesque, oxymoron, pun, alogism including absurdity, parody of clichéd phrases and phrases, etc.), as well as the common wit of anti-proverbs, help authors and readers find a balance between skepticism and an optimistic perception of the world.

Key words: "classical" proverbs, post-folklore, anti-proverbs, the obligatory intention of ridicule in anti-proverbs, the increasing importance of the topic of money in anti-proverbs, non-folklore means of comedy in anti-proverbs.

References

Dal' V. I. *Poslovice russkogo naroda. Sbornik V. Dalja* [Proverbs of the Russian people. Collection of V. Dahl]. Moscow, Gos. izd. hud. Literaturny Publ., 1957. V–XXVIII, 992 p.

Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Vols. 1–4, 1st edition 1861–1868, Moscow, Russkij jazyk Publ., 1978, facsimile edition 1880–1882.

Mechkovskaja N. B. [Proverbs and anti-proverbs about language and speech: parodies of metalanguage parodies and their contribution to everyday ideas about language]. *Slavjanskaja frazeologija i paremiologija: Kul'turnoe nasledie i sovremennost'* [Slavic phraseology and paremiology: Cultural heritage and modernity]. Gomel', GGU im. F. Skoriny Publ., 2022, pp. 177–183. (In Russ.)

Mokienko V. M., Val'ter H. *Prikol'nyj slovar' (antiposlovice i antiaforizmy)* [Funny dictionary (anti-proverbs and anti-aphorisms)]. Moscow, OLMA Publ., 2008. 384 p.

Tuzcu, Öznur. Anti-Proverb as a Type of Intertextual Joke. *Humanitas. International Journal of Social Sciences*. 2018, vol. 6, no. 12, pp. 34–48. Available at: <https://dergipark.org.tr/en/pub/humanitas/issue/39880/446326>.

Val'ter H., Mokienko V. M. *Antiposlovice russkogo naroda* [The antipologics of the Russian people]. Saint-Petersburg, Neva Publ., 2005. 576 p.

Е. А. Нефедова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

(Россия, Москва)

eanefedova@gmail.com

ФЕНОМЕН ЗНАНИЯ В ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ¹

В статье на материале архангельских говоров рассматривается семантика общерусского глагола *знать*. Этот глагол образует центр семантической области ‘знание’, занимающей важное место в народной культуре и определяющей ее когнитивное своеобразие. В изучаемых говорах глагол *знать* покрывает большую область смыслов, к которым относятся ‘знать’, ‘понимать’, ‘считать’ ‘предполагать’, ‘уметь’, ‘помнить’, ‘испытывать’, ‘соблюдать’. Семантическое пространство глагола *знать* определяется логической смежностью этих смыслов и, следовательно, метонимическими отношениями между значениями глагола. В условиях устной коммуникации при отсутствии кодифицированной нормы переход семантически емкого глагола *знать* от одной смежной смысловой зоны к другой оказывается более легким, так как говорящему удобен способ обозначения ситуации, избавляющий его от поиска более точной единицы номинации. Соотнесенность знания со смежными семантическими областями свидетельствует о его важности в традиционной культуре. Знание — ценностный ориентир, регулятор поведения представителя народной культуры. Житель деревни многое знает, понимает, умеет. Его знания сформировались преимущественно на основе собственного жизненного опыта. Вместе с тем, он не настаивает на абсолютности своих знаний, он способен признать свою некомпетентность в ряде вопросов или сослаться на отсутствие каких-н. вполне доступных ему сведений. При этом изученный материал практически не содержит сведений о получении знаний путем обучения чему-н., изучения чего-н.

Ключевые слова: диалект, общерусское слово, традиционная народная культура, семантика знания.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00027, <http://rscf.ru/project/23-18-00027>.

Изучение семантических областей, соотносящихся с базовыми понятиями традиционной народной культуры, актуальное в современной научной парадигме, является приоритетным направлением работы диалектологов кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. На базе материалов картотеки «Архангельского областного словаря» и его двадцати четырех выпусков [АОС 1980–2023, вып. 1–24] исследованы такие семантические области, как время, простор, свобода и воля, жизнь, рождение и смерть, вера, дух и душа, этика и мораль, народное православие, народные праздники, родственные отношения. Именами концептов названных семантических областей являются общерусские слова.

Исследования показали, что в пространстве диалектной макросистемы слова, общие для литературного языка и говоров, играют системообразующую роль. Они являются центрами системных отношений: развивают «глубокую» многозначность, группируют вокруг себя синонимические ряды и фразеогруппы. В семантической и словообразовательной деривации и фразеологии проявляется их коннотативный потенциал. Детальное описание семантики общерусских слов дает возможность выявления общей и вариативной части национальных представлений о мире.

В статье на материале архангельских говоров рассматривается семантика общерусского глагола *знать*. Этот глагол образует центр семантической области ‘знание’, занимающей важное место в народной культуре и определяющей ее когнитивное своеобразие [Гольдин 2002, 60].

Глагол *знать* в его первичном значении относится к фактивным глаголам и считается семантическим примитивом. Согласно исследованию, проведенному на материале литературного языка Ю. Д. Апресяном, у глаголов класса ‘знать’ выделяется, по крайней мере, три значения: 1. пропозициональное знание (*знать I, что*), знание-знакомство (*знать 2 — Москву, жизнь, людей*), знание-умение (устар.) (*знать по-французски*) [Апресян 1995: 406]. Рассмотрим основные особенности этого глагола, определяемые его функционированием в устной диалектной речи.

I. Истинное знание. Первый блок значений глагола *знать* связан с наличием в сознании говорящего истинной, не подлежащей сомнению, информации. Истинным знанием считается то, что получено «в реальной практике жизни, в отличие от знаний “услышанных”, то есть полученных только через слово» [Гольдин 2002: 60]. Область обнаружения истинного знания в речи носителей диалекта — это, как правило, темы, касающиеся бытовых, обиходных явлений и событий.

I.1. Утверждение истинности знания содержится в выражениях *знать-пере-знать, знаще знать, знать до зубóв, знать как свой пáльцы, знать как свой пять, знать из шáгу в шаг*: *Ведь знáла-перезнáла, хорошó знáла. Онá собáка из Берéзника, знáм-перезнáм. А вы тепéрь знáшишо знáете, вы уш фсё вы́смотрели, вы́спросили. Вы́ должны́ фсё конспéкты свой до зубóв знáть. Онá Москвú-то знáет как свой пáльцы. Тамáра вот тóжо учíteль — эту знáю хорошó, как свой пять. Я их иш шáгу ф шáг знáю.*

В рамках речевого высказывания характерно употребление глагола *знать* с синонимом *ведать*: *Мнóго знáла, мнóго вéдала. Кáбы знáла да вéдала, так по башке бы.*

Мезень (река) у нас далёко, мы эту Мезень знать не знам, вѣдать не вѣдаем. Мы не знали, не вѣдали, откúда приѣхали.

I.2. В условиях традиционного крестьянского быта актуальным оказывался источник знаний. Прежде всего это касалось определения времени суток, характера погоды: *Врѣмѣ по петухам знали. Цясоф-то нѣ было, мы фсѣ по солнышку, ну, по окошку знали, сюда солнышко пришло — нать коро́ве заварки снести. Врѣме-то у меня нѣту, так нелѣфко, дак я по прѣсьням (количеству веретен с напряденной шерстью) знаю, много ли. Так по тучи можно знать (какая погода будет). А он потом никаку температуру не мѣрил, на оцюнь знал. Нать уш по кни́ге знать-то, они́ (праздники) поползúчи, по Пáске-то, поползúчи они́.*

I.3. Для носителей диалекта характерны суждения, в которых выражается отрицание знания каких-либо фактов, при этом сам факт не перестает быть истинным: **не знать** N_2 , N_3 , N_4 за N_4 , за N_5^2 : *Я не знаю ему́ годѣф-то ищѣ, он Пѣти-то постáршэ. Я не знаю нигдѣ морѣшки (где растет морошка) сѣйгот. Целовѣка видши, а ум не знаи. Не знаю за это я, я-то по цѣрки не ходила. За целовѣком-то не знаиш, цего́ он думáэт.*

I.4. В сочетаниях, усиливающих отрицание знания чего-н., проявляется вершинный смысл 'не иметь сведений о чем-н.': **не знать век, веко́м, думушки, ни сном, ни дүхом, сном, сном-делом.** *А я рожáю, вѣк не знаю, где муш. Мы никогда там нѣ были, веко́м не знам. Они́ дáжэ и думушки не знают, ищѣ за ляпун. Потом приѣжжяют нѣчью, я и снѣм не знаю. Людѣй побѣгат, назовѣт, а я ни снѣм не знаю. Он иейѣ снѣм-дѣлом не знаw, она́ из деддѣма. Этод бы не зашѣл, я ни снѣм, ни дүхом не знала б, гдѣ вы там брѣдите.*

'Неоткуда получать сведения о ком-н., чём-н.': **далѣко знать.** *А мнѣ далѣко знать. Там жы́ли-пѣжыли, брѣсила и фсѣ, далѣко знать, ийхно дѣло.*

I.5. В высказываниях с вопросительными конструкциями **чем, как, с чего знать?** содержится признание своей некомпетентности, невозможности найти подтверждения каким-н. фактам: *Чѣм мы знаэм, ищѣ надо паспорт? Он росцитáлсе, уѣхал, а гдѣ он — цѣм знают. Чѣм знаиш про их. Кто́ сломáт, цѣм знаиш. А ты́ как знаеиш? А я-то с чѣго́ знаю! Тепѣря тáг говоря́т: «аткúда я знаю», а рáньшэ: «чѣм я знаю». Потеряла, гдѣ ле махну́ла, да сѣ, чѣм знаиш?*

II. Для традиционной народной культуры, сохранившей мифологизированный взгляд на мир, характерен еще один вид знания, относящийся к сфере иррационального. Это сакральное, скрытое знание, основанное на вере в сверхъестественное: *Он вѣть шы́пко много́ знает, он жэ́нихѣф прииáптыват. Так-то не говорят, ищѣ колдуны́, а прѣсто ска́жут: «Он вѣдь зна́». Пря́мо-то нельзя́ говоритъ, а то́ ска́жэиш «колдун», он и присáдит чѣго́-нибúть.*

Умение применять на практике знание магических приёмов, способных влиять на людей, животных, на силы природы: *Эти ба́бушки, котѣры́ знают какú́ знать. Он зна́тей-то туть́ много́ зна́т. Тут́ было́ фсѣ́ записано́, фсѣ́ зна́ти.*

² Глагольное управление показано здесь и далее в виде символов, номера которых соответствуют падежной форме имени.

III. Знание — понимание. Знание предполагает понимание того, как использовать усвоенные сведения.

III.1. ‘Понимать, разбираться в чем-н.’: **знать по N_3 , N_4 , в N_6 :** *Она по пёсням большэ знáэт. А мы-то не знáем этот магнитофóн. Ну я хош в медици́не знáю. Вот он знáэт ф кинé, дак я ницево́ не знáю. Она не знáет в дёньгах-то. А кто хорошо́ знáет, так мно́го нало́вит. У на́з бы́ла ф Селе́ тут стару́шка, смóлodu шы́ла, никакó церцэнийо не знáла. Ломáть-то их (грибы), а как не знáеш, так ничегó не наломáеш;*

знать то́лку, в уме́, три ко́роба. *Я самá-то не варю́, я це́-то в них (ягодах) то́лку не знáю. Кабы́ я хорошо́ знáла в уме́, то и хорошо́ дак, а я-то те́мный че́ловéк. Она́ знáет мно́го, три ко́роба.*

‘Не понимать, за что взяться’: **не знать, куды́ го́лову сунуть.** *На́ть веть хлóпаца, на́ть топíть, мно́го хлопóт, не знáш, куды́ го́лову сунуть.*

III.2. ‘Понимать, осознавать’: **знать, что.** *Сидя́т, сидя́т — не знáют са́ми добром уйти́. Вот как, ешо́ посуда́, мо́жно знáть, што́ люди́ на рабо́ту собира́лись. Я не шумлю́, дак вы́ не найдите́ разгово́ру (темы́ для беседы), а я цео́-то сево́дня не знáю, ницео́ не придумываэця.*

III.3. ‘Потерять способность осознания действительности’: **знать ху́до, ничегó не знать, не знать само́го себя́.** *Ак вот то́жсо, напоследé-то ху́до ста́ла знáть (стару́шка), сноха́-то пообиделáсь. Эку́-то веть и оставлётъ-то одну́ и опа́сно, мо́жэт веть сожэ́кци и згорíть. А как ино́, цео́ веть не знáит дак. Какá это жы́сь, когда́ сам себя́ не знáеи? Я сево́дня угоре́ла, ницево́ не знáю, ницево́ не ви́жу. Нагло́тыца, себя́ не знáют. К ве́церу на́тио́тькаю́ца и не знáют, себя́ не знáют.*

IV. Знание — мнение. Знание соседствует с мнением. В суждениях говорящего обычно выражается личное мнение о чем-н., оценка чего-н., причем об их соответствии действительности ничего не известно.

IV.1. ‘Иметь собственное мнение’: **знать само́му про себя́ (за себя́).** *Вы́ не навязывайте, я самá про себя́ знáю. Не заставля́ю я, не заставля́ю, самá знáш про себя́, не буду́ нево́лить-то, не буду́. Не слúшай никогó, самá за себя́ фсе́ знáеш. Я беспоко́юсь, не она́, она́-то знáет самá за себя́. Сам не похрани́сь, дак нехто́ не похрани́т, наа́ само́му про себя́ знáть.*

IV.2. ‘Считать, признавать кем-н., каким-н.’: **знать N_2 , N_5 .** *Они́ ба́бушкой меня́ фсе́ знáли. Во́ду бра́ли с Курта́вы и знáли целе́бной.*

IV.3. ‘Считая правильным, нужным, хотеть’: **знать N_4 .** *Ты пёчку затопля́й са́м, чево́ знáй, то́ и вари́. Иди́те, куда́ знáете. Она́ где знáет, та́м и ходит — у нейо́ везде́ хот. Ра́з до́ма те́сно, да́к поежжáй куды́ знáеш.*

V. Знание — предположение, предвидение. Знание жизни, наличие практического опыта дают человеку возможность предвидеть какие-н. события.

V.1. ‘Предвидеть, предчувствовать’: **знать N_4 .** *Бу́тто знáла э́ту беду́-то. Я до́ма скоси́л, как ра́с пот такую́ пого́ду, я знáл такую́ пого́ду. Урага́н ле што́ ли бы́ў, она́ то́жэ́ предвещáла. Мы́ говорим: да́ как это вы́ знáете? — Зна́м. Я Си́ме и тебе́ говáривала: тепéра к ка́ждой пого́де, как сло́мано-то (нога), фсе́ пого́ды бу́деш знáть.*

V.2. ‘Предполагать, предвидеть приход, появление кого-н.’: **знать** N_2 . *Сего́дня зна́ла бы госте́й, положи́ла бы ф пёчъ. Я сего́дня не зна́ла госто́шки. Не зна́ла помо́шникаф, (если бы знала) гра́бли бы прине́сла. Я ницё́го не де́лала, госте́й не зна́ла. Она́ сего́дня не зна́ёт ва́с — прибежа́ла бы. Госте́й-то не зна́ла, дак ничево́ не купи́ла. Зна́ла госте́й, так мо́жно бы́ло и пригото́вить.*

VI. Знание — память. Полученные знания свойственно хранить в памяти, не забывать.

VI.1. ‘Помнить’: **знать** N_4 . *Празники-то мы́ плеса́ли, я это фсе́ зна́ю, хотъ бы́ла мо́лоденька, недо́ро́ском бы́ла. Невони́ла роска́зывает фсе́ про ма́терь, она́ шы́пко зна́ла пи́сни-то пре́жны. Зна́ли слова́, зна́ли моли́твы. Сеча́с то́лько стару́хи пою́т, мо́лоды́-то ни оди́н це́ловёк не зна́ит.*

VI.2. ‘Узнавать, отличать от подобных других’: **знать** N_4 . *Ты́ люде́й не мо́жэи зна́ть без очко́ф-то. Никова́ не ста́ла зна́ть, во́т до чево́ дожы́ла.*

VII. Знание — жизненный опыт. Практическое усвоение знаний, умений неотделимо от переживания жизненных событий, в том числе и тяжелых, неприятных.

VII.1. ‘Испытывать, переживать’: **знать** N_4 . *Она́ исте́шена у ои́ца у ма́тери, она́ нужды́ не зна́ла. Прошо́л у меня́ ве́к, мно́го я на своём веку́ ко́е-цево́ зна́ю. Фся́ко нажы́лись. Сча́с-то мы́ не зна́эм э́тово, не ви́дим. Не́, я не зна́ла го́ря. Го́рюшка не зна́ли. Ой да мно́го, робя́та, дело́ф, не да́й бо́х, не зна́йте э́кой бе́ды!*

VII.2. ‘Осознавать, чувствовать’: **знать** N_4 . *Ф То́мске в а́рмии служы́л, никако́й опа́сности не зна́ли. Вот ма́тери подде́рки никако́й не зна́ли, Велико́нида-то фсе́ обижа́лась. Ф пяде́сят-то пята́ я ии́цо ра́зницы не зна́ла никако́й (с более мо́лодыми), ко́ситъ-то уж́ меня́ никто́ не переко́сит, не́т.*

VII.3. ‘Переносить, терпеть’: **знать** N_4 , **с на́ше**. *Да не зна́ла-то просту́ды-то. Испор́тили, што́бы бо́лей никаки́х не зна́ли (во время родов). Спи́на бо́лит, хребе́т весь, а ра́нше́ никако́й боле́зни не зна́ли. Боле́зней-то не зна́ли, а помира́ли и фсе́. Они́ ра́зве с на́ше́ зна́ют?!*

VIII. Знание — умение. На применении усвоенных знаний основано умение, навык в каком-н деле.

VIII.1. ‘Уметь’: **Знать на** N^2 , **по** N_3 , N_4 , **на** N_6 , **с** *Inf*. *Ну́, лиси́цу тут не ка́ждый зна́ет залови́ть. То́жо фсе́ вот э́ко-то по маши́нам-то зна́ет шы́пко. То́т-то и сле́сарь, фсе́ зна́ю, фсю́ робо́ту. Ковды́ уи появились́ тракторá-те, на тракторáх то́жэ не зна́ли. Я печа́тно разбира́ю, а пи́сьменно не могу́, расписа́ца не зна́ю. Други́е-то не зна́ют, так мы́ их леньте́хи называ́ем.*

VIII.2. ‘Сосредоточиться на каком-н. определенном занятии’: **знать** *оди́н* N_4 . *А де́ушки одну́ пря́жу зна́ют и тка́ньё. Она́ то́лько зна́ла одну́ цэ́ркву, бо́льше́ никуда́ не ходи́ла. То́лько зна́ла та́нцы одни́.*

VIII.3. ‘Уметь применять на практике сверхъестественные, магические знания, заниматься знахарством’: **знать** N_4 , **для** N_4 , **на** N_4 , **от** N_4 , **про** N_4 , **по** N_3 , **о́коло** N_2 , **на** N_6 . *Она́, говоря́, фсе́ зна́ла. Зна́ть скоти́ну, он ходи́л зна́л. По скоти́не други́ зна́ют. Он у меня́ о́чень хорошо́ зна́л — и скоти́ну ла́дил, и люде́й мо́к. А она́ то́жо зна́ет для робя́т-то. Ста́рик на скота́ зна́л, он пастухо́м век жы́л. Ма́тушка*

моя, свекрѡфка, знáла на ушыи-то. Прэ́жнi стару́хи малéнько о́коло дeтéй знáли. У нéй отéц знáл хоро́шo про скoт. Нiна-то знáёт от уро́коф-то (от сглаза). У мeня свекрѡфка знáла на рoдах.

IX. Знание — умение — использование. На умении делать что-н., заниматься чем-н. основано понимание использования результатов труда.

IX.1. ‘Пользоваться какой-н. возможностью, правом на что-н.’: **знать** N_4 . *Знáли выхoднiе тoлькo пéрвое мáя и сeдьмoе нoябрá. Кoгдý мы бýдем выхoднiе знáть?!* Мý, дýмаш, знáли oтпyскá? Мý вeкoм никáкiх нe знáли! Цéркoфь-то бýлá зарýшэна, мý-то цéркви нe знáли. Нарoстят фсeвo, фсýкое, штoп нa зiмy бýло, a тeпéрь мы знáем oдiн мaгaзiн.

IX.2. ‘Употреблять для своей надобности, использовать’: **знать** N_4 . *Рáньшэ тoлькo знáли пoдoрoжнiк дa изгoн, изгoн oт сoрoкá бoлéзней. Я смoлoдá в бáне вéника нe знáю. Рáньшэ ни кoлбáс, ничeгo нe знáли, свoё тoлькo йéли. Этo винo дaк и вéк-то нe знáли, a спiртy тeм бoлee. Вéчно с кoрoвaми жывýт, знáм мoлoкo. Мý-то уш свoй грибý знáем: сырoéги, синя́фки.*

X. Знание — соблюдение традиционных норм поведения. Успешное применение знаний, опыта человека возможно лишь при почитании, соблюдении правил, обычаев, принятых в социуме.

X.1. ‘Почитать, уважать’: **знать** N_4 . *Хoть кáк-то знáли вeть рoдiтeлeй. Я вéк свoй гoспoдa бoгa знáла. Дoмa-то oнi лaмпáтки жeгáли, прáзники знáли. Никoмý пoстá нe знá, грéшным бoгoм жывé. A тeпéрь Рoждeствo-то нe знáют.*

X.2. ‘Вести себя с достоинством, соблюдать приличия’: **знать** *дéвьe, сaмoгo сeбá.* *Дéвyшкa, хoдi дa дéвьe знáй, з дoлoнь мéстo хрaнi. Рeбéнкa нáдо дeржáть ш и шэстi лéт, штoп oн сeбá знáл. Гулáйтe, дéвyшкi, дa сáми сeбá знáйтe. Мáми-то скaзáлa: дeвoчкa, хoдi (в клуб), a сáмá сeбá-то знáй. Хoдiтe дa знáйтe сáми сeбá.*

X.3. ‘Осознавать, понимать границы или степень допустимости чего-н.’: **знать** *мéра, нoрмa, прeдéл, чур.* *Мéра вeть нáдо знáть! Мý нaклáдэм пeскá и нe знáем нoрмy. Цэны фсé лéзyт и пoтoлкa нe знáют. Рaбoтaй и прeдéл знáй. С вáми хýдo вязáцa-то, вы чýру нe знáтe. Йéст, йéст, прoстo чýру нe знáет, чáфкaт, дa и фсé.*

XI. Знание — знакомство. Знать кого-н. — устанавливать отношения, основанные на личном знакомстве с кем-н.

XI.1. ‘Быть знакомым, общаться с кем-н.’: **знать** N_4 . *Я фсé Жáнку знáла, oнá фсé кo мнé брoдiлa. Кaк цeвo зaбoлiт, oнi мeня знáют, кaк фсé крaснý, тaк фсé зaбýли. Тoгдá мeня знáли, пoтoмý штo нyжнá бýлá. A тeпéрь и брáтья-то дрyг дрyгa нe знáют, нe здорoвaющa, нe рaзгoвáривaющa. Мы рáньшэ (до свaдьбы) нe гулáли, нe знáли oдiн oднoгo. Oн гoдa трi-чeтырэ стáл пeрeвoзчикoм, тoгдá я узнáлa, a тáк нe знáлa eгo. Я eйo знáю из дeвчéнок — oнá ишiшo бýлá нeзáмyжэм.*

XI.2. ‘Находиться в близких, любовных отношениях с кем-н.’: **знать** N_4 . *Oн ни нa кaкýю ни пoглáдiт, тoлькo бýдeт знáть тeбá. Рáс с пáрнeм дрýжыш, тo дрyгiх нe знáеши, штoбý никoмý дрyгoмy нe дoстáлaсь. Шýс вoт oн знáл знaкoмy, дaк oнá уш oцeнь-то мoлoдá, пeтнáцaть лéт.*

Рассмотренный материал допускает следующую группировку смыслов.

1. Знание — обладание информацией истинной, допустимой, предполагаемой:

Знать I, II — иметь истинную, подлинную информацию о фактах.

Знать III — понимать, как использовать полученные знание.

Знать IV — иметь мнение о фактах, истинность которых неизвестна, считать.

Знать V — считать возможным, предполагать, предвидеть осуществление чего-н.

2. Знание — хранение информации истинной, допустимой, предполагаемой:

Знать VI — хранить знания о фактах, помнить.

Знать VII — хранить память о пережитом, испытанном в прошлом.

3. Знание — использование знаний:

Знать VIII — уметь.

Знать IX — использовать умение.

4. Знание — поведение в социуме:

Знать X — соблюдать нормы, правила поведения.

5. Знание — межличностные отношения:

Знать XI — находиться в личных отношениях с кем-н.

В работе, посвященной проблеме фактивности, Ю. Д. Апресян отмечает, что значение и употребление глаголов с фактивным смыслом 'знать' определяется их противопоставленностью двум классам путативных глаголов — глаголам со значением 'считать' и глаголам со значением 'верить'. С другой стороны, они противопоставлены фактивным глаголам со значением 'понимать'. Отмечается, что эти четыре смысла 'знать, считать, верить и понимать' внутренне близки друг другу, и их лексические употребления «скользят от одного смысла к другому» [Апресян 1995: 410].

В рассмотренных выше значениях глагола *знать* очевидно свойственное и литературному языку «скольжение» смыслов 'знать' — 'понимать' — 'иметь мнение, считать'. Однако в изучаемых говорах глагол *знать* покрывает гораздо большую область смыслов, к которым относятся 'помнить', 'предполагать', 'уметь', 'использовать', 'осознавать, переживать', 'соблюдать', 'устанавливать отношения'.

«Скольжение» смыслов 'знать' — 'понимать'; 'понимать' — 'иметь мнение, считать'; 'знать' — 'помнить'; 'знать' — 'предполагать'; 'знать' — 'уметь'; 'уметь' — 'использовать'; 'знать' — 'осознавать, переживать'; 'знать' — 'соблюдать'; 'соблюдать' — 'устанавливать отношения' определяется их логической смежностью и, следовательно, метонимическими отношениями между блоками значений и внутри этих блоков. Очевидно, в условиях устной коммуникации при отсутствии кодифицированной нормы «скольжение», переход от одной зоны к другой смежной с ней смысловой зоне семантически емкого глагола *знать* оказывается

более легким, так как говорящему удобен способ обозначения ситуации, избавляющий его от поиска более точной единицы номинации.

С другой стороны, соотнесенность знания со смежными семантическими областями свидетельствует о его важности в традиционной культуре. Знание — ценностный ориентир, регулятор поведения представителя народной культуры. Житель деревни многое знает, понимает, умеет. Его знания сформировались преимущественно на основе собственного жизненного опыта. Вместе с тем, он не настаивает на абсолютности своих знаний, он способен признать свою некомпетентность в ряде вопросов или сослаться на отсутствие каких-н. вполне доступных ему сведений. При этом изученный материал практически не содержит сведений о получении знаний путем обучения чему-н., изучения чего-н.

Как было показано выше, рассмотренные блоки значений глагола *знать* определяют две области знаний. Прежде всего это знания рационального характера. Однако для традиционной народной культуры, сохранившей мифологизированный взгляд на мир, характерен еще один вид знания, относящийся к сфере иррационального. Это знание магических приёмов, способных влиять на людей, животных, на силы природы, и умение их применять на практике. Этому виду знаний может быть посвящена отдельная статья.

Литература

Апресян Ю. Д. Проблема фактивности: *знать* и его синонимы // Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.

АОС 1980–2023 — Архангельский областной словарь. Вып. 1–9. М.: МГУ, 1980–1996; вып. 10–24. М.: Наука, 1999–2023.

Гольдин В. Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник. М.: Наука, 2002. С. 58–64.

E. A. Nefedova

Lomonosov Moscow State University

(Russia, Moscow)

eanefedova@gmail.com

THE PHENOMENON OF KNOWLEDGE IN TRADITIONAL FOLK CULTURE

The article examines the semantics of the all-Russian verb *to know* based on the material of Arkhangelsk dialects. This verb forms the center of semantic domain ‘knowledge’, which occupies an important place in popular culture and defines its cognitive originality. In the studied dialects, the verb *to know* covers a large area of meanings, which include ‘to know’, ‘to understand’, ‘to consider’, ‘to assume’, ‘to be able’, ‘to remember’,

‘to experience’, ‘to comply’. The semantic space of the verb *to know* is determined by the logical contiguity of these meanings and, consequently, by the metonymic relations between the meanings of the verb. In the context of oral communication, in the absence of a codified norm, the transition of the semantically capacious verb *to know* from one adjacent semantic zone to another turns out to be easier, since the speaker finds it convenient to designate the situation, which saves him from searching for a more accurate unit of nomination.

The correlation of knowledge with related semantic fields indicates its importance in traditional culture. Knowledge is a value guideline, a regulator of the behavior of a representative of folk culture. A villager knows and understands a lot, his skills are vast. His knowledge has been shaped primarily by his own life experiences. However, he does not insist on the absoluteness of his knowledge, he is able to admit his incompetence in a number of issues or to refer to the absence of some accessible information. At the same time, the studied material contains practically no information about obtaining knowledge by teaching something or studying something.

Key words: dialect, all-Russian word, traditional folk culture, semantics of knowledge.

References

Apresyan Yu. D. [The problem of factivity: *znat'* (to know) and its synonyms]. *Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Integral language description and system lexicography]. Moscow, Shkola «Yazyki russkoi kul'tury» Publ., 1995. 767 p. (In Russ.)

Arkhangel'skii oblastnoi slovar' [Arkhangelsk regional dictionary]. Iss. 1–9. Moscow, MGU Publ., 1980–1996; iss. 10–24. Moscow, Nauka Publ., 1999–2023.

Gol'din V. E. [The dominants of the traditional rural culture of speech communication]. *Avanesovskij sbornik* [Collection in honor of R. I. Avanesov]. Moscow, Nauka Publ., 2002, pp. 58–64. (In Russ.)

Н. В. Никитин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

kindnick1999@gmail.com

ПРОИЗНОШЕНИЕ РУССКИХ СОЮЗОВ И ЧАСТИЦ КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Цель статьи — продемонстрировать основные проблемы орфоэпического словарного описания союзов и частиц и наметить пути решения этих проблем. В орфоэпическом словаре сегментные особенности служебных слов, а также их безударность и колебания между безударностью и ударностью следует отражать последовательно — для всех служебных слов, у которых такие особенности представлены (колебания между [о] и [э] в *вот, что* и др.). Нередко односложные союзы и частицы являются клитиками, и, поскольку фонемы могут по-разному вести себя на стыке клитики и ее носителя, эту информацию тоже необходимо фиксировать в орфоэпическом словаре: *замёр[с_в']едь, ве[т'_в]ышли* и др. (считается, что произношение *замёр[з_в']едь* и *ве[д'_в]ышли* нелитературно); на материале союзов и частиц это не было сделано ни в одном орфоэпическом словаре русского языка. В тех случаях, когда есть омонимы, их важно разграничивать; ср., например, союз *что* и местоимение *что*, фонетически отличающиеся друг от друга. Наконец, в русских орфоэпических словарях сегментные произносительные особенности некоторых союзов и частиц «спрятаны» в теоретической статье, приведенной после основной части словаря. Это должно быть исправлено: произносительные особенности служебных слов надо полноценно описывать не только в теоретической статье, но и в словарных статьях, посвященных им.

Ключевые слова: лексикография, орфоэпия, служебное слово, клитика, сандхи.

0. Русские служебные слова обладают некоторыми фонетическими особенностями:

- 1) суперсегментными — часто служебное слово является клитикой, то есть не может формировать фонетическое слово самостоятельно (*бы, но, под*), или способно регулярно быть ею при определенных произносительных условиях (*сквозь óкна, но сквòзь параллелогра́мм*);

- 2) сегментными — наблюдаются нехарактерные для позиции внутри одного фонетического слова реализации фонем:
- а) внутри самого служебного слова (например, в союзе *да* всегда произносится [э]), в том числе в служебном слове на стыке между ним и самостоятельным словом (*вокруг*[к_н]áс);
 - б) внутри опорной словоформы — на стыке служебного слова, представляющего собой клитику, и носителя этой клитики (*замёр*[с_в']едь вместо [?]*замёр*[з_в']едь)¹.

Все подобные особенности необходимо отражать в орфоэпических словарях. Цель статьи — продемонстрировать основные проблемы орфоэпического словарного описания союзов и частиц и наметить пути исправления выявленных проблем. На материале предлогов аналогичное исследование было проведено в работе [Никитин 2023]. Настоящая статья является ее продолжением.

Материал представлен тремя словарями: 1-м изданием «Орфоэпического словаря русского языка» под ред. Р. И. Аванесова 1983 г. (далее — ОСРЯ-1), 10-м изданием «Орфоэпического словаря русского языка» под ред. Н. А. Еськовой 2015 г. (ОСРЯ-10), 2-м изданием «Большого орфоэпического словаря русского языка» под ред. Л. Л. Касаткина 2017 г. (БОС-2). Эти академические словари представляют наибольший интерес с точки зрения того, как в лексикографической практике отражаются накопленные русистикой сведения о произношении служебных слов.

1. Несмотря на включение в словник ОСРЯ-1 многих союзов и частиц, в том числе частотных, их фонетическое описание скупо.

С одной стороны, отражено произношение [ш] в союзе *что* и произнесение качественно не редуцированного безударного гласного: оно наблюдается в союзах *но* и *то*, в частицах *да* в значении ‘пусть’ и *де*, в союзе-частице *как* (очевидно, речь идет о гласных [о], [а], [э]). С другой стороны, ничего не сообщается о [э] в союзе *да* и о соотношении вариантов [о] и [э] в союзе *что*, частице *вот*, союзах-частицах *так* и *хоть* и др. Причем если в случае с *вот* можно сказать, что колебания [о] — [э] для него в начале 80-х гг. еще не были отмечены, то особое произнесение служебных слов *да*, *так*, *хоть*, *что* известно давно (см., например, [Дурново 1924: 16]) и, следовательно, могло быть зафиксировано в ОСРЯ-1².

Неоднозначно разграничение в словаре безударности и ударности. Как известно, четкой границы между всегда ударными и (почти) всегда безударными словами

¹ В таких случаях фонетическое слово одно, а стык внутри него такой, будто перед нами два фонетических слова: в *замёр*[с_в']едь фонема /з/ реализована глухим согласным [с], хотя в пределах одного фонетического слова ожидаем звонкий аллофон; ср. [зв']ерь, *ра*[зв']ёрнутый, *и*[з_в']ётки. Существенно также, что в *зверь*, *развёрнутый*, *из ветки* возможно произнесение мягкого свистящего, а в *замёрз ведь* оно исключено.

² Более того, если говорить о союзе *что*, то в 1-й пол. XX в. даже по-разному описывалось его произношение. Д. Н. Ушаков в своей знаменитой лекции 1940 г. утверждал, что в союзе *что* произносится [ъ] (то есть [э]) без каких-либо оговорок [Антонова, Савинов (ред.) 2009: 195], а Р. И. Аванесов фиксировал здесь колебания между [ъ] ([э]) и [о] [Аванесов 1948: 9].

нет: среди них есть то ударные, то безударные единицы. Авторы ОСРЯ-1 придерживались именно такой позиции [ОСРЯ-1: 683] — в словаре представлено семь просодически амбивалентных служебных слов: *ещё* (без ударения *еще*), *или* (*или*) и отдельно *иль* (*иль*), *кабы* (*кабы*), *коли* (*коли*) и отдельно *коль* (*коль*), *чтобы* (*чтобы*)³. Однако, как и в случае с ударением в предлогах, критерии включения союзов и частиц в эту промежуточную группу спорны. Почему, например, двухсложные *ещё*, *или*, *кабы*, *коли* и *чтобы* могут быть и безударными, а односложные частицы *аж*, *вон*, *вот*, *пусть* всегда ударны? Примечательно, что союз-частица *чтобы* может вести себя по-разному с суперсегментной точки зрения, а *чтоб*, если верить ОСРЯ-1, всегда является носителем слабого ударения.

В словаре зафиксированы сочетания ударных частиц с энклиноменами. Ударение обязательно в сочетаниях *не́ был*, *не́ было*, *не́ были*, а также *не́ дан*. В нескольких других случаях норма оказывается диспозитивной: *не́ дал* при допустимом варианте (и доп.) *не да́л*, *не́ дало* и доп. *не да́ло* с *не да́ло*, *не́ дали* и доп. *не да́ли*; *не́ дано* при равноправном варианте *не дано́* (но с инфинитивом только окончательное ударение: *не дано́ сде́лать* — пример из ОСРЯ-1), *не́ даны* и *не даны́*; *не́ жил*, *не́ жило*, *не́ жили* и доп. *не жи́л*, *не жи́ло*, *не жи́ли*; *не пи́л*, *не пи́ло*, *не пи́ли* и доп. устаревающее (устар.) *не пил*, *не пило*, *не пили*. При этом статья для частицы *ни* упущена, а в статье *быть* нет сочетаний с *ни*, поэтому произношение *ни́ был*, *ни́ было*, *ни́ были* проигнорировано. Довольно необычно, если учитывать «штучность» подобных сочетаний, сорок лет назад, как и сегодня в литературном языке только две частицы — *не* и *ни* — могли перетягивать ударение с глагола.

Наконец, в теоретической работе *Сведения о произношении и ударении*, помещенной после основной части ОСРЯ-1, к некоторым союзам и частицам дан более подробный комментарий, чем в их словарных статьях, а именно: а) союз *чтобы* «может не иметь ударения» и в таком случае в нем произносится [э] ([сказа́л штъбыпришл́и]⁴); б) в *что* и *хоть* может произноситься как [э], так и [о], в то время как [а], ожидаемый в первом предупредительном слоге, невозможен (либо [штъбра́т], либо [штобра́т]); в) «те же особенности редукции» — у безударных частиц *хоть*, *мол*, *так*, *да* и союзов *да*, *так* ([тъкты́] и т. д.) [ОСРЯ-1: 682]. Эта информация действительно расширяет представления о произношении служебных слов, однако разумнее было бы, оставив ее в теоретической работе, продублировать все в соответствующих словарных статьях. Лакуны в описании все равно бы остались, но такая подача явно в пользу читателя. Правда, авторы позаботились о ссылках на параграф, где описываются фонетические особенности безударных служебных слов и откуда взяты сведения выше: отсылки к 171-му параграфу есть в статьях *да*³, *да*⁴, *коль*, *мол*², *так*², *хоть*, *что*² (*чтобы* дано без отсылки).

2. ОСРЯ-10 — если говорить об описании союзов и частиц — мало чем отличается от ОСРЯ-1. В более позднее издание было добавлено несколько служебных

³ Грависом (*à*), в отличие от акута (*á*), обозначается слабое или побочное ударение.

⁴ В настоящей статье обозначение [ъ] (то же самое, что и [э]) используется только в транскрипциях других авторов.

слов — наиболее важно здесь появление частицы *ни*, отсутствующей в ОСРЯ-1, так что читатель теперь может узнать об императивности вариантов *ни́ был*, *ни́ было*, *ни́ были*. Переосмыслена просодия частицы *это*: в ОСРЯ-10 она подана как безударное слово. Кроме того, кое-где добавили толкования, но это можно рассматривать скорее как мелкую правку.

Теоретической статьи в ОСРЯ-10 нет, поэтому сведения о произношении союзов и частиц оказались обедненными. Конечно, ошибочно думать, что многие читатели изучают теоретическую статью в конце словаря, тем не менее некоторые из них обращаются к ней. Отсылки же к параграфам теоретической статьи увеличивают вероятность того, что пользователь словаря обратит на нее внимание.

Сочетания с ударным *не́* остались без изменений: распределение вариантов ровно то же, что и в ОСРЯ-1. Но так ли они соотносятся в современной речи на самом деле? Данные, собранные Е. М. Алтайской [Алтайская 2024], в том числе с помощью социолингвистического эксперимента, свидетельствует о том, что ситуация изменилась: судя по всему, акцентологические варианты сочетаний с ударным *не́* следует описывать по-другому.

Узуальные нормы, не соответствующие кодификационным и отмеченные в связи с этим самой Алтайской [Алтайская 2024: 102], могут быть кратко обозначены так:

а) варианты *не́ жил*, *не́ жили*; *не́ дал*, *не́ дали* и *не жи́л*, *не жи́ли*; *не да́л*, *не да́ли* в живой речи (почти) равноправны;

б) *не дало*, *не жило* в основном («свыше 80 % примеров») произносятся с ударением на глаголе;

в) в 30 % случаев *не дан* было произнесено с ударением на причастии, а *не дано* — в 90 %;

г) варианты *не́ пил*, *не́ пило*, *не́ пили* вообще не были отмечены в узусе.

Следовательно, если продолжать мысль Е. М. Алтайской и разделять концепцию нормы, представленную в [Каленчук, Савинов (ред.) 2021: 4–25]⁵, варианты *не́ жил*, *не́ жили*; *не́ дал*, *не́ дали* и *не жи́л*, *не жи́ли*; *не да́л*, *не да́ли* в орфоэпическом словаре должны быть даны равноправно. При этом, кажется, в среднем роде прошедшего времени глагола *жить* есть третий, младший вариант — *не жили́* [Каленчук, Савинов (ред.) 2021: 63–64, 75–76], так что нормативных варианта здесь получается три: *не жи́ло*, допустимо старшее *не́ жило* и допустимо младшее *не жили́*. Во множественном числе, возможно, с особым предписанием стоит дать фразеологизм *не жили богато* — *ничего и начинать* [Алтайская 2023: 110], а именно с двумя равноправными вариантами *не́ жили* и *не жи́ли*. В словоформе же *дало* преобладает нафлексивное ударение [Каленчук, Савинов (ред.) 2021: 63], поэтому, скорее всего, *не да́ло* надо рассматривать как основной вариант, а *не́ дало* и *не да́ло* — как допустимое произношение. Далее, равноправие *не́ дано*, *не́ даны*

⁵ По мнению М. Л. Каленчук, при кодификации произносительных вариантов нужно отталкиваться в первую очередь от двух критериев: от узуальных норм, то есть от степени распространенности того или иного варианта в речи образованных людей, и от соответствия/несоответствия рассматриваемых вариантов внутриязыковым законам.

и не дано́, не даны́ должно быть снято в пользу ударения на причастии, а постулируемая в ОСРЯ-10 обязательность *не дан* исправлена добавлением допустимого младшего варианта *не дан*. Якобы устаревающие *не пил*, *не пило*, *не пили* совершенно устарели и не должны рассматриваться как нормативные варианты.

В целом же главные проблемы ОСРЯ-1: поверхностное описание сегментных особенностей служебных слов в основной части словаря и не совсем обоснованное разграничение всегда ударных, всегда безударных и просодически амбивалентных служебных слов — в ОСРЯ-10 не были решены. Более того, если не считать добавления частицы *ни* в словник и нескольких более мелких корректировок, описание служебных слов стало хуже, ведь была удалена теоретическая статья, посвященная орфоэпии, и не были обновлены предписания для сочетаний с ударной частицей *не́*.

3. БОС-2 описывает сегментные особенности некоторых клитик детальнее. В основной части словаря отмечено, что в частицах *вон*, *вот* и союзах *коли* (*коль*), *чтобы* (*чтоб*) может произноситься как [о], так и [э], причем эти варианты равноправны. Отражено произношение частицы *мол*: основной вариант *м[э]л*, допустимый — *м[о]л*. Причем все произносительные особенности этих служебных единиц изложены именно в самих словарных статьях.

В то же время заметны некоторые проблемы. Есть лакуны в словнике: упущены союзы *то... то* и *хотя* (*хоть*), частицы *аж*, *бы* (*б*) и *это*, союзы-частицы *как* и *так*, наречие-частица *уж*. Для *что* сохранилось только указание на произнесение [ш] в нем, поэтому фонетические отличия соответствующих омонимов — местоимения *что* и союза *что* — нивелированы. Не прокомментирован гласный в частице *ведь*. Слишком категорична фиксация только одного произносительного варианта частицы *же* — *ж[э]*, в то время как вариант *ж[ыʲ]* (по БОС-2 — *ж[ыʲ]*) едва ли является ошибкой.

В отличие от ОСРЯ-10 (ОСРЯ-1) для частиц *вон* и *вот* отражены колебания между ударностью и безударностью, что более адекватно литературному узусу. Тем не менее частица *пусть* по-прежнему считается ударной, хотя она тоже может быть безударной⁶.

Сочетания с ударными *не́* и *ни́* в БОС-2 описаны противоречиво и довольно необычно — не считая вариантов *не́ был*, *не́ было*, *не́ были* и *ни́ был*, *ни́ было*, *ни́ были*, не вызывающих сомнений. Прежде всего, заметна несогласованность предписаний: в словарной статье *не*¹ как основные варианты даются *не дал*, *не дали*, *не дан*, *не даны́*; *не жил*, *не жили*, а *не дал*, *не дали*, *не дан*, *не даны́*; *не жил*, *не жили* — как допустимые (старшая норма), но одновременно в словарных статьях *дать* и *жить* те же самые варианты даны равноправно (связываются пометой *и*).

⁶ *Пусть* вполне может быть безударно тогда, когда следующее слово начинается с ударного слога, что довольно часто демонстрируют синтагматические стихи:

Пусть **дó**лее продлится ваш покой,
Завидно мне счастливица наслажденье.
А. С. Пушкин (1816)

Далее, экзотичным кажется произношение *ни дал*, *ни дало*, *ни дали*, *ни дано*, а также *ни жил*, рассматриваемое в БОС-2 как равноправное наряду с *ни да́л* и т. д. Чем мотивировано такое решение — неясно, потому что такое произношение не фиксируется даже в ОСРЯ-1 (изданном в 80-е гг.), а каких-либо исследований, свидетельствующих о нормативности вариантов вроде *ни дал*, нет. Любопытно, что в словарной статье *ни* все эти сочетания отсутствуют. Отсутствует в словаре и статья *пить*, так что варианты *не́ + пил/пили* отражены только в статье *не*: *не пил*, *не пили* и допустимо старшее *не́ пил*, *не́ пили* (без *пило*).

О том, как стоит описывать в орфоэпическом словаре сочетания *не́ + энклиномен*, говорилось выше в п. 2. Попытку по-иному их интерпретировать трудно назвать удачной; вместе с тем направление мысли представляется верным: авторы БОС-2, несомненно, пытались оценить варианты без энклиномена (вроде *не да́л*) адекватнее литературному узусу.

Теоретическая статья БОС-2 дает некоторую дополнительную информацию о клитиках. Во-первых, есть комментарий к частице *бы*, не вошедшей в словник. В ней, при обычном варианте *б[ы]*, в беглой речи возможно произнесение *б[э]* в середине синтагмы при гласных неверхнего подъема, где первый после *бы* гласный безударный⁷: *Пришла́ бы я к ва́м* [БОС-2: 961]. Во-вторых, сообщается о сохранении [о] в союзе *то... то* (*овёс то рос, то полёг*), произнесении [э] в служебном *так* (*обещал, так выполни*) и о колебаниях между [о] и [э] в союзе *что* (*сказали, что Нина ушла*) [БОС-2: 976].

Добавление некоторых сегментных предписаний в словарные статьи «проблемных» служебных слов и более аккуратное акцентологическое описание нескольких служебных слов выгодно отличает БОС-2 от ОСРЯ-1 и ОСРЯ-10. Одновременно с этим есть пропуски общеупотребительных союзов и частиц, а также обеднено, по сравнению с ОСРЯ-1 (ОСРЯ-10), описание *что*. Противоречиво даны в словаре сочетания с ударными *не́* и *ни́*. Из-за этого приходится признать, что серьезных положительных изменений с точки зрения описания союзов и частиц не произошло.

4. В основной части русского орфоэпического словаря никогда не отражались фонетические особенности, наблюдаемые в позиции сандхи между клитикой-союзом или клитикой-частицей и опорной словоформой. Как нужно говорить: *замёр[с_в']едь* или *замёр[з_в']едь*, *помо́[к_в]от* или *помо́[г_в]от*? Фонетически слово одно (ведь одно словесное ударение), а значит, шов формально внутрислов-

⁷ В БОС-2 пункт 3.1.3.2.2, описывающий вариант *б[э]*, должен повторять условия из п. 3.1.3.2, в котором, однако, указано: «В середине синтагмы перед ударным слогом — [ы]», что исключает в принципе вариант [э] и противоречит примеру из п. 3.1.3.2.2 (где после *бы* безударное *я*). Кроме того, этот пункт следует не за 3.1.3.2, а за 3.1.3.3, где как раз сказано только о «середине синтагмы не перед ударным слогом» (без описания гласного). Несомненно, допущена ошибка: предполагалось, что после 3.1.3.3 в *середине синтагмы не перед ударным гласным* будет «развилка» 3.1.3.3.1 *при гласных верхнего подъема в соседних слогах* — [ы] и 3.1.3.3.2 *при гласных неверхнего подъема в соседних слогах* — [ы], в беглой речи возможно [э]. При такой интерпретации противоречие снимается.

ный; но грамматически здесь два слова. Это создает предпосылки для возможных колебаний, так как звонкая фонема в позиции перед гласным, сонорным согласным, а также [в], [в'] + гласный или сонорный согласный *на стыке* фонетических слов стандартно реализуется глухим вариантом, а *внутри* фонетического слова — основным аллофоном, то есть звонким согласным. Принято считать, что правильно только произношение типа *замёр[с_в']едь, помó[к_в]от* [Барановская 1967: 8–9, 12], однако это нуждается в дополнительной проверке — см. иную точку зрения в [Лихтман 1980].

Иногда произношение самой клитики (а не ее носителя) может вызвать сомнения, если она будет употреблена проклитически: *ве[т' _в]ы́шли* или *ве[д' _в]ы́шли*, *а[ш_в]ы́летел* или *а[ж_в]ы́летел?* Этот вопрос тоже отнюдь не нов для русистики [Лихтман 1980: 57; Каленчук 1986: 54–58 и др.].

Недоработки и непоследовательности в словарях, зафиксированные в пп. 2–4, есть в описании не только союзов и частиц, но и предлогов⁸. Если же говорить о поведении фонем на стыке клитики и носителя, то здесь нельзя распространить тезис на все служебные слова: некоторые предлоги в БОС-2 с этой точки зрения уже описаны. Речь идет о случаях вроде следующего:

ВОКРУГ, *предлог; может произноситься без ударения или с дополнительным ударением: вокруг дóма, но вокрúт заповéдника; может быть выделен сильным ударением при определенных условиях во фразе: Они бегали не по стадиону, а вокрúт негó* \ \ Произносится со звуком [г] на конце в некоторых позициях: *вокру[г] дóма, вокру[г] вдовы́;* в остальных позициях произносится [к]: *вокру[к] óзера; вокру[к] маши́ны; вокру[к] ворóт, вокру[к] сарáя.*

Выходит, даже в сочетании *вокруг óзера*, где *вокруг*, скорее всего, контекстуальная клитика (не формирует отдельного фонетического слова), перед [ó] произносится [к] на месте /г/⁹. Пусть опробованное только на предлогах, это довольно важное нововведение, которое следует распространить на все служебные слова, являющиеся клитиками, а также на те из них, которые способны систематически употребляться как клитики в одних условиях, не являясь ими в других.

5. Решить обсуждаемые здесь проблемы можно, если описывать служебные единицы в словарных статьях подробнее. Чтобы проиллюстрировать эту идею, можно взять за основу подачу БОС-2 — сначала приведем словарную статью из оригинального издания, а затем попробуем ее улучшить. Гласные в исправленных статьях даны в соответствии с результатами экспериментов А. Д. Андреевой и А. В. Сапунцовой [Андреева 2018; Сапунцова 2018]:

(1.1) **ВЕДЬ**, *частица, произносится без ударения, напр.: Ты́ ведь знаéшь.*

(1.2) **ВЕДЬ**, *союз, частица* \ \ Обычно произносится без ударения: *Ты́ ведь знаéшь; в[и^е]дь;* на конце предшествующего слова вместо звонких шумных согласных произносятся глухие: *замёр[с-в']едь, крó[ф'-в']едь,*

⁸ Ср. аналогичные проблемы в [Никитин 2023: 274–281].

⁹ Снова не оценивается справедливость этого предписания. Важно, что оно есть.

помо́[к-в']едь; перед следующим словом произносится глухой согласный: ве[т'-в]ы́шли, ве[т'-м]ы́лось, ве[т'-р]о́в¹⁰.

- (2.1) **ВОТ**, частица, может произноситься без ударения или с ударением, напр.: вот этот дом и во́т этот дом \ \ **в[о]т** и **в[э]т**.
- (2.2) **ВОТ**, частица \ \ Может произноситься без ударения или с ударением: вот о́н зна́ет, во́т он — держи́; **в[о]т** и допуст. в[э]т; на конце предшествующего слова вместо звонких шумных согласных произносятся глухие: заме́р[с-в]о́т, кро́[ф'-в]о́т, помо́[к-в]о́т.

Впрочем, произношение *вот*, как и некоторых других союзов и частиц, весьма своеобразно и может потребовать разведения разных значений. Наверное, надо также дать в зоне фразеологии какие-то клишированные конструкции, в которых наблюдается нестандартное соотношение произносительных вариантов; ср. эксперимент А. Д. Андреевой, в котором *вот так задача* все произнесли с [о] в *вот* (100 %), а, скажем, в *вот тут-то мы и просчитались* [о] составило только 58 % от общего числа произнесений [Андреева 2018: 103–104].

Каковы бы ни были конкретные решения по отдельным служебным словам, важен общий принцип: клитики (*ведь, но, под* и т. п.) и единицы, регулярно употребляющиеся как клитики при определенных условиях (например, *сквозь, хотя*), должны отражаться в словаре с учетом произносительных особенностей фонетического слова целиком.

Итак, сегментные особенности служебных слов, а также их безударность и колебания между безударностью и ударностью надо описывать последовательно — для всех служебных слов, у которых такие особенности представлены (*вот, что* и др.). Поскольку фонемы могут по-разному вести себя на стыке клитики и ее носителя и нередко односложные союзы и частицы являются именно клитиками, эту информацию тоже необходимо фиксировать в орфоэпическом словаре: *заме́р[с_в']едь, помо́[к_в]о́т; ве[т'_в]ы́шли, а[ш_в]ы́летел* и др. (считается, что произношение *заме́р[з_в']едь, помо́[г_в]о́т* и *ве[д'_в]ы́шли, а[ж_в]ы́летел* нелитературно); на материале союзов и частиц это не было сделано ни в одном орфоэпическом словаре. В тех случаях, когда есть омонимы, их важно разграничивать; ср., например, союз *что* и местоимение *что*, фонетически отличающиеся друг от друга. Наконец, произносительные особенности служебных слов должны полноценно отражаться не только в теоретической статье после основной части словаря, но и в словарных статьях, посвященных им.

Источники

БОС-2 — Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / М. Л. Каленчук,

¹⁰ Стыковые явления нуждаются в экспериментальном изучении, так как А. В. Сапунцова проверяла только качество гласного в *ведь*, а М. Л. Каленчук проводила эксперимент, исследующий поведение конечной фонемы в проклитическом *ведь*, в 1980-е гг. и на небольшой выборке. Так что безвариантная подача сочетаний с *ведь* отчасти условна. Тем более она условна для *вот*.

Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина; под ред. Л. Л. Касаткина. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017. 1024 с.

ОСРЯ-1 — Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; под ред. Р. И. Аванесова. М.: Рус. яз., 1983. 704 с.

ОСРЯ-10 — Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы: свыше 70 000 слов / Н. А. Еськова, С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова; под ред. Н. А. Есковой. 10-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, 2015. 1008 с.

Литература

Аванесов Р. И. Об ударении в русском языке // Русский язык в школе, 1948, № 4. С. 1–11.

Алтайская Е. М. Особенности акцентирования сочетаний знаменательных и служебных слов в русских фразеологизмах // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова, 2023, № 4. С. 100–116.

Алтайская Е. М. Закономерности акцентирования сочетаний служебных и знаменательных слов в современном русском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.5. М., 2024. 172 с.

Андреева А. Д. Звуковое оформление русских клитических частиц: влияние просодического выделения // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова, 2018, вып. 17. С. 99–108.

Антонова О. В., Савинов Д. М. (ред.). Незабываемые голоса России: Звучат голоса отечественных филологов. Вып. I / Под ред. О. В. Антоновой, Д. М. Савинова. М.: Языки славянских культур, 2009. 240 с.

Барановская С. А. Консонантизм современного русского языка (глухость — звонкость, твердость — мягкость): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967. 29 с.

Высотский С. С. О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии. М.: Наука, 1973. С. 17–41.

Высотский С. С. Звук речи в контексте // Диалектологические исследования по русскому языку. М.: Наука, 1977. С. 24–38.

Дурново Н. Н. Повторительный курс грамматики русского языка. Выпуск первый. М.: Государственное издательство, 1924. 116 с.

Каленчук М. Л. Особенности реализации согласных фонем на стыках морфем в современном русском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 1986. 208 с.

Каленчук М. Л. Орфоэпическая система современного русского языка: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. М., 1993. 417 с.

Каленчук М. Л., Савинов Д. М. (ред.). Норма произношения в узусе и кодификации: монография / Под ред. М. Л. Каленчук, Д. М. Савинова. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2021. 248 с.

Лихтман Р. И. Конечные звонкие согласные на стыке слов // Научные доклады высшей школы. Филологические науки, 1980, № 1 (115). С. 52–58.

Никитин Н. В. Особенности произношения русских предлогов как объект лексикографии // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова, 2023, № 4. С. 273–291.

Сануцова А. В. Вокализм русских омонимичных клитик как средство грамматической дифференциации // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова, 2018, вып. 17. С. 68–82.

N. V. Nikitin

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
kindnick1999@gmail.com*

PRONUNCIATION PECULIARITIES OF RUSSIAN CONJUNCTIONS AND PARTICLES AS AN OBJECT OF LEXICOGRAPHY

The purpose of the article is to demonstrate the main problems of orthoepic dictionary description of conjunctions and particles and to sketch out the ways of solving these problems. In an orthoepic dictionary, segmental peculiarities of functional words, as well as their unstressed realizations and fluctuations between unstressed and stressed ones should be reflected consistently — for all functional words which have such peculiarities (e. g. fluctuations between [o] and [ə] in *vot* ‘here’, *chto* ‘that’ and so on). Not rarely monosyllabic conjunctions and particles are clitics, and since phonemes behaviour can vary in sandhi of a clitic and its host, it is necessary to indicate this information in an orthoepic dictionary as well: *zamër[s_v]ed* ‘froze after all’, *ve[tj_v]ýshli* ‘came out after all’, etc. (pronunciation *zamër[z_v]ed* and *ve[dj_v]ýshli* is commonly believed to be non-standard); on the base of conjunctions and particles this has never been done in an orthoepic dictionary of Russian language. When there are homonyms, it is important to differentiate them, e. g. conjunction *chto* ‘that’ and pronoun *chto* ‘what; that’, having some distinctions from each other. Finally, in Russian orthoepic dictionaries, segmental pronunciation peculiarities of some conjunctions and particles are “hidden” in a theoretical article placed after the main part of a dictionary. One should correct it: pronunciation peculiarities of functional words ought to be described comprehensively not only in such an article, but also in their dictionary entries.

Key words: lexicography, orthoepy, clitic, functional word, sandhi.

References

Altayskaya E. M. [On accentuation of content and service word combinations in Russian phraseological units]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2023, no. 4, pp. 100–116. (In Russ.)

Altayskaya E. M. *Zakonomernosti aktsentirovaniya sochetanii sluzhebnykh i znamenatel'nykh slov v sovremennom russkom literaturnom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk:*

5.9.5 [Patterns of the accentuation of function and lexical words combinations in modern Russian standard language]. Thesis ... of Ph. D. in philology. Moscow, 2024. 172 p.

Andreeva A. D. [Sound behaviour of Russian clitical particles: the role of the prosodic prominence]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2018, no. 17, pp. 99–108. (In Russ.)

Antonova O. V., Savinov D. M. (eds.). *Nezabytye golosa Rossii: Zvuchat golosa otechestvennykh filologov. Vyp. I* [Unforgotten voices of Russia: Russian philologists' voices are sounding. Volume I]. Ed. by O. V. Antonova, D. M. Savinov. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2009. 240 p.

Avanesov R. I. [On the stress in Russian language]. *Russkii yazyk v shkole*, 1948, no. 4, pp. 1–11. (In Russ.)

Baranovskaya S. A. *Konsonantizm sovremennogo russkogo yazyka (glukhost' — zvonkost', tverdst' — myagkost'): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Consonant system of modern Russian language (voicelessness — voicing, hardness — softness)]. Abstract of thesis ... of Ph. D. in philology. Moscow, 1967. 29 p.

Durnovo N. N. *Povtoritel'nyi kurs grammatiki russkogo yazyka*. [Repeatable course of the Russian language grammar]. Vol. 1. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1924. 116 p.

Kalenchuk M. L. *Osobennosti realizatsii soglasnykh fonem na stykakh morfem v sovremenном russkom literaturnom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01* [Peculiarities of consonant phonemes realization on morphemes boundaries in modern Russian standard language]. Thesis ... of Ph. D. in philology. Moscow, 1986. 208 p.

Kalenchuk M. L. *Orfoepicheskaya sistema sovremennogo russkogo yazyka: dis. ... dokt. filol. nauk: 10.02.01* [Orthoepic system of modern Russian language]. Thesis ... of D. Sc. in philology. Moscow, 1993. 417 p.

Kalenchuk M. L., Savinov D. M. (eds.). *Norma proiznosheniya v uzuse i kodifikatsii: monografiya* [Pronunciation norm in usus and codification: monography]. Ed. by M. L. Kalenchuk, D. M. Savinov. Moscow, Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN Publ., 2021. 248 p.

Likhtman R. I. [Final voiced consonants on the word-boundary]. *Nauchnye doklady vysshei shkoly. Filologicheskie nauki*, 1980, no. 1 (115), pp. 52–58. (In Russ.)

Nikitin N. V. [Pronunciation peculiarities of Russian prepositions as an object of lexicography]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2023, no. 4, pp. 273–291. (In Russ.)

Sapuntsova A. V. [Vocalism of Russian homonymic clitics as a means of grammatical differentiation]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2018, no. 17, pp. 68–82. (In Russ.)

Vysotskii S. S. [On the sound structure of a word in Russian territorial dialects]. *Issledovaniya po russkoi dialektologii* [Russian dialectology researches]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 17–41. (In Russ.)

Vysotskii S. S. [Speech sound in context]. *Dialektologicheskie issledovaniya po russkomu yazyku* [Dialectological researches of Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 24–38. (In Russ.)

Н. А. Николина

Московский педагогический государственный университет

(Россия, Москва)

admin@riash.ru

МЕЖДУСЛОВНОЕ НАЛОЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

В статье рассматривается окказиональный способ современного русского словообразования — междусловное наложение, статус которого в русистике оценивается по-разному. Показано соотношение этого способа с контаминацией, в работе междусловное наложение последовательно рассматривается как особая разновидность контаминации. В статье выявляется механизм междуслового наложения (сокращение двух лексических единиц, объединение их усеченных частей, наложение тождественных сегментов и появление квазиморфов). Характеризуются основные сферы использования дериватов, образованных этим способом, в современной русской речи. Особое внимание в статье уделяется функционированию слов, созданных междусловным наложением, в современной художественной речи, где их семантика заметно усложняется, а функции расширяются. Показано, что такие новообразования в художественных текстах служат не только средством языковой игры, но и способом создания сложного образа, свертывания тропеической конструкции, выражения авторских оценок. Делается вывод, что междусловное наложение как способ экспрессивного компрессивного словообразования активизируется в современном русском языке, усиливается продуктивность дериватов, созданных этим способом, расширяются сферы их использования.

Ключевые слова: контаминация, междусловное наложение, сложение, усечение, современная русская речь, продуктивность.

Междусловное наложение как взаимодействие лексических единиц, приводящее к объединению и слиянию их компонентов, совпадающих по звуковому составу, рассматривалось и рассматривается как окказиональный способ словопроизводства, связанный преимущественно с языковой игрой.

По определению Н. А. Янко-Триницкой, междусловное наложение «состоит в том, что на конец основы одного слова накладывается омонимичное начало другого слова. Таким образом, возникает сложное слово особого типа, включающее в свое значение семантику обоих объединившихся слов, а в свою основу — основы обоих объединившихся слов, причем в качестве определяемого выступает второе

слово, а в качестве определяющего — первое» [Янко-Триницкая 2001: 471]. Например, *лосень* (И. Северянин) — *лось* + *осень*; *комарабли* (А. Левин) — *комары* + *корабли*, *демократура* (В. Пелевин) — *демократия* + *диктатура*.

Место междусловного наложения в системе способов словообразования рассматривается по-разному. Дискуссионным остается вопрос о его соотношении с аббревиацией и контаминацией, а также сложением.

Междусловное наложение или признают разновидностью аббревиации (телескопическая аббревиация), или выделяют как самостоятельный способ словопроизводства, отграничивая его при этом от контаминации. Так, Р. Ю. Намитокова видит их различие в характере корневой морфемы: при контаминации возникает один новый корень, при междусловном наложении в окказионализме сохраняются два корня, причем материально выраженных [Намитокова 1986]. С точки зрения Е. А. Земской, междусловное наложение предполагает сокращение обоих объединяемых слов, при контаминации же усечению подвергается только одно из них [Земская 1992]. Существует и широкое понимание контаминации, при котором междусловное наложение включается в нее, см., например, характеристику контаминации как приема языковой игры в работе В. З. Санникова: «1) формально в новообразовании представлены, хотя бы одной буквой (точнее, фонемой), оба исходных слова; 2) в значении новообразования сложным образом переплетаются значения обоих исходных слов» [Санников 2002: 164]. По нашему мнению, междусловное наложение является частным случаем контаминации как более широкого явления в словообразовании и представляет собой ее особую разновидность. Взаимопроникновение компонентов усечаемых слов в этом случае сопровождается наложением их элементов; см., например: *кооператоры* + *пираты* → *коопираты*, *ломать* + *мастер* → *ломастер*.

В современной лингвистической литературе отсутствует и единое обозначение единиц, образованных междусловным наложением, наблюдается пестрота используемой терминологии: бленды, гибридные слова, свертки, слитки, слова-амальгамы. Используются и шуточные метафорические наименования: слова-саквояжи, слова-портмоне, — восходящие к английской традиции. В данной статье будет использоваться термин *гибридные слова*.

Дискуссионным остается вопрос о характере объединяемых элементов. Их относят к полуаффиксам, к неопсевдоаффиксам [Wentworth 1934], или предлагают рассматривать как квазиморфы. Последняя точка зрения и отражена в нашей статье.

Междусловное наложение связано с использованием в процессе словопроизводства трех основных механизмов: 1) усечением одновременно двух слов; 2) объединением сокращенных компонентов, как правило, начала одного слова и конца другого; 3) наложением квазиморфов, в результате которого возникает амальгированное морфосочетание. Например: *лжизнь* (*лживая жизнь*), *карантикулы* (*карантин* + *каникулы*), *проэзия* (*проза* + *поэзия*), *наукабель* (А. Левин) — *наук* + *кабель*.

Наложение в структурном плане может охватывать один элемент, совпадающий у сокращаемых слов, или чаще большее их количество. Ср.: *мгновечное* (*мгновение* + *вечное* — В. Павлова), *дронуться* (*дрон* + *тронуться*), *школолад*

(*школа + шоколад*), *незнакомната* (*незнакомая + комната* — В. Гандельсман), *львигр* (*львица + тигр*).

В результате междусловного наложения возникает сложное по семантике слово, которое вбирает в себя значения двух объединяемых единиц и характеризуется «умножением смыслов» (В. П. Григорьев) и развитием оценочных коннотаций.

Требует уточнения вывод Н. А. Янко-Триницкой, согласно которому слово, образованное этим способом, выражает отношения «определяемое — определяющее». Такие отношения встречаются часто, однако ими не исчерпывается семантическая структура слов-гибридов. Например, новообразования А. Левина *колбасыр* (*колбаса + сыр*), *твороги* (*творог + пироги*) характеризуются сочинительными отношениями, словообразовательная инновация Веры Павловой *вездесть* также не отражает модель «определяемое — определяющее». Гибридные слова, образованные междусловным наложением, выражают, таким образом, более широкий спектр отношений. Понимание их в ряде случаев требует опоры на контекст или коммуникативную ситуацию в целом, поэтому нередко в речи дается их мотивация. Ср.: «*И горькуировался я: эвакуировался в Горький*» (Н. Глазков).

Междусловное наложение в русской речи имеет длительную историю. Оно использовалось уже в каламбурной поэзии XVIII — начала XIX в., затем в прозе Н. С. Лескова, текстах футуристов и обэриутов; см., например: *клеветон*, *светиль* (Н. Лесков), *апрелесть* (И. Северянин), *журчей* (В. Каменский), *нравительство* (В. Хлебников), *Литербург* (Д. Хармс).

В то же время междусловное наложение встречалось и в живой речи, где служило средством выражения оценки, передачи иронии или отражало народную этимологию; см., например, такие образования, как *гульвар*, *прижсим*. С конца 80-х гг. XX в. междусловное наложение заметно активизируется как в разговорной речи, так и в языке СМИ. Гибридные слова отражают в этот период различные общественные позиции. Ср., например: *прихватизация*, *чубаучер*, *коммутанты*, *Азиона*, *оонатовцы*, *рейганомика*.

Некоторые модели дериватов, образованных этим способом, закрепляются в речи, и по ним образуются новые лексические единицы. Такой моделью стала, например, модель с новым суффиксоидом *-голик*. Первоначально эта морфема была вычленена из состава слова *алкоголик* и использовалась для создания в русском языке гибридной полукальки английского слова — *трудоголик*. В настоящее время образований с формантом *-голик* насчитывается более 130 [Коряковцева 2018].

Междусловным наложением образуются слова разных частей речи: *мемуаразм*, *цветычется* (А. Альчук), *язвивались* (А. Вознесенский), *Айвазовское море* (В. Гершуни). При этом в современной речи преобладают именно гибридные имена существительные.

Лексические единицы, созданные в результате междусловного наложения, активно используются в настоящее время в разных сферах: в языке СМИ, в языке рекламы, в языке художественной литературы, в жаргонах и разговорной речи; см., например: *пунктаксис* (школьный жаргон), *драконат* (студенческий жаргон), *Спортугалия*, *Аромагия* (современная реклама); *Банкстеры* (заголовок). *Реформа*

банков поставлена на конвейер... (НГ, 22.07.2016). Дронуться можно (заголовок) (НВ, 14.06.2018). Капутальный ремонт (Совершенно секретно, 24.03.2018).

Гибридные слова служат средством выражения экспрессивной оценки, чаще пейоративной: *апофегей, трепортаж, борматургия*. Выступая в этой функции, они часто создают в речи (тексте) комический эффект. Необычность формы единиц, образованных междусловным наложением, определяют аттрактивную функцию, которую они выполняют в языке рекламы и в языке СМИ.

В художественной речи функции гибридных слов существенно усложняются. Они используются, во-первых, как характерологическое средство, во-вторых, как средство оценки изображаемого, в-третьих, как способ создания комического эффекта. Гибридные единицы при этом активно участвуют в языковой игре. Ср.: *нуборье, прогрессивный моралитик* (В. Перельмутер); *мямуары читаю твои, мемура* (Л. Лосев);

*Пискливый комарад слетает,
вонзило ловкое надрючив,
и, роковую страсть питая,
нетерпеливо ножки сучит.* (А. Левин)

Кроме того, в современной художественной речи междусловное наложение все чаще используется для создания сложного художественного образа, для свертывания объемных тропеических структур. Например:

*И нигдень, и темночь, и звезды
пахнут ландышами морозно.* (Н. Делаланд)

*Однажды это проснется каждого
киночью
черная, белая
немая
вроде бы **подыхабрь**.* (А. Зеленова)

Так, в тексте последнего стихотворения с заглавием «ОТПУСКУ», которое также является гибридным словом (русск. *отпускать/отпускай* и англ. *sky* — «небо»), новообразование *киночь*, с одной стороны, развивает тему нереальности окружающего для живущего и отсылает к образам кинематографа (*кино + ночь*). В стихотворении В. Строчкова «*Чушь. Чепуха. Черемуха...*» используется гибридное слово *настоящер*:

*Чушь. Чепуха. Черемуха. Гуашь.
Но завтра наступает **настоящер**.*

Это новообразование, созданное посредством междусловного наложения, семантически диффузно: с одной стороны, можно предположить, что объединяются компоненты слов *настоящий* и *ящер*, с другой стороны, возможно сочетание сегментов лексических единиц *настоящее* и *ящер*. В тексте возникает сложный образ будущего либо настоящего, которое представляется лирическому герою как

безысходность и беспощадность жестокого ящера. Аналогичный образ возникает и в стихотворении С. Круглова, где используется уже суффиксальный дериват *настоящёрность*.

Функционирование гибридных слов в современной речи нередко связано с графодеривацией. Это особенно характерно для языка СМИ. Для графического выделения сегментов используются капитализация части слова, изменение шрифта, дополнительные знаки. Например: *В Загребе — ЗАГРЕБЛи бронзу* (Российская газета, 25.07.2006), *ГРИППидемия?* (АиФ, 2013, № 3).

Итак, междусловное наложение как способ компрессивного словообразования проявляет несомненную продуктивность в современной русской речи. Гибридные слова, созданные этим способом, активно используются в разных сферах коммуникации. Их употребление связано при этом не только с языковой игрой. Функции гибридных образований усложняются, как и смысловые отношения, которые они выражают. Этот способ, являющийся разновидностью контаминации, постепенно утрачивает маргинальность и периферийность и начинает смещаться к центру системы способов словопроизводства, сохраняя при этом экспрессивность и оригинальность структуры.

Литература

Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 221 с.

Коряковцева Е. И. «Глобанглизация» и словообразовательные неологизмы — русские, польские и чешские субстантивы и экспрессионализмы // *Globalization and Slavic languages*. Siedlce: Wydawnictwo Uniwersytetu w Siedlcach, 2018. С. 47–56.

Намитоква Р. Ю. Авторские новообразования: словообразовательный аспект. Ростов-на-Дону: РГУ, 1986. 163 с.

Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Язык. Семантика. Культура, 2002. 552 с.

Янко-Триницкая Н. А. Словообразование в современном русском языке. М.: Индрик, 2001. 503 с.

Wentworth H. Blend-words in English. New York. 1934.

N. A. Nikolina

Moscow Pedagogical State University

(Russia, Moscow)

admin@riash.ru

THE INTER-WORD OVERLAP IN MODERN RUSSIAN SPEECH

This work considers an occasional method of modern Russian word formation — an inter-word overlap, the status of which is disputable in Russian linguistics. The article shows correlation of this method with contamination and consistently considers the

inter-conditional overlap as a special kind of contamination. The paper reveals the mechanism of inter-conditional overlap (reduction of two lexical units, the union of their truncated parts, the imposition of identical segments and the appearance of quasimorphs). The work characterizes the areas of use of derivatives formed this way and pays special attention to the functioning of words created by inter-word overlap in modern artistic speech, where their semantics become noticeably more complicated and their functions expand.

It is shown that such neologisms in literary texts serve not only as a means of language play, but also as a way of creating a complex image, folding a tropeic structure, and expressing author's assessments. The research demonstrates that the inter-conditional overlay as a way of expressive compressive word formation is activated in modern Russian, the productivity of derivatives created in this way is enhanced, and the scope of their use is expanding.

Key words: contamination, inter-word overlap, addition, truncation, modern Russian speech, productivity.

References

Koryakovtseva E. I. ["Globoanglization" and word-formation neologisms — Russian, Polish and Czech substantives and expressionisms]. *Globalization and Slavic languages*. Siedlce, Wydawnictwo Uniwersytetu w Siedlcach, 2018, pp. 47–56.

Namitokova R. Yu. *Avtorskie novoobrazovaniya: slovoobrazovatel'nyi aspekt* [Author's neologisms: the word-formation aspect]. Rostov-on-Don, RGU Publ., 1986. 163 p.

Sannikov V. Z. *Russkii yazyk v zerkale yazykovoï igry* [The Russian language in the mirror of the language game]. Moscow, Yazyk. Semantika. Kul'tura Publ., 2002. 552 p.

Wentworth H. *Blend-words in English*. New York. 1934.

Yanko-Trinit'skaya N. A. *Slovoobrazovanie v sovremennom russkom yazyke* [Word formation in modern Russian language]. Moscow, Indrik Publ., 2001. 503 p. (In Russ.)

Zem'skaya E. A. *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word formation as an activity]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 221 p.

Я. А. Пенькова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

atoena@inbox.ru

ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ МЕСТОИМЕНИЯ *ЕТЕРЬ* В РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XI–XVII вв.¹

Настоящая работа посвящена истории местоимения *етерь* в русской письменности XI–XVII вв. Данное местоимение воспринималось как архаизм уже в старославянских текстах, однако в церковнославянской традиции Руси оно продолжало употребляться вплоть до середины XVII в. Местоимение *етерь* в древнерусской письменности имело три значения: значение ‘один из двух’, значение ‘иной, другой’ и значение показателя неопределенности ‘некоторый, некий’. Вероятно, второе и третье развились у этого местоимения именно на основе исконного значения ‘один из двух’. Первое, наиболее архаичное, представлено на древнерусской почве только в тексте Хроники Георгия Амартола и Чудовском Новом Завете. В качестве показателя неопределенности местоимение *етерь* было распространено в древнерусской письменности шире, чем в значении ‘иной, другой’. Последнее представлено в ограниченном круге источников. В среднерусской письменности местоимение *етерь* было утрачено в роли модификатора со значением ‘иной, другой’ и сохранилось только в функции неопределенного местоимения, выполнявшего роль своеобразного «джокера», который был способен заменить практически любой тип неопределенного местоимения в различных семантических типах контекстов: контекстах слабой определенности, неизвестности и нереферентности. В среднерусский период местоимение *етерь* встречается в письменности очень редко и только в произведениях высокообразованных книжников в качестве одного из приемов демонстрации книжной учености.

Ключевые слова: местоимения, семантика, референция, история русской письменности, церковнославянский язык.

¹ Автор сердечно благодарит Вадима Борисовича Крысько (ИРЯ РАН) за возможность поработать с материалами картотеки Словаря древнерусского языка XI–XIV вв. и Александру Владимировну Духанину (ИРИ РАН) за информацию об употреблении местоимения *етерь* в Житии Сергия Радонежского и Житии Стефана Пермского.

В настоящей работе пойдет речь о местоимении *етерь* (-а, -о) в истории русской письменности. Это местоимение мало привлекало исследователей, поскольку оно не употреблялось в живом древнерусском языке, являясь в русской письменности церковнославянизмом, занимавшим периферийное положение в системе местоимений. Местоимение *етерь* представляло собой архаизм уже в ряде старославянских памятников: «vox in nonnullis monumentis iam archaica quae saepe aliis commutatur» ‘уже архаичное в некоторых памятниках слово, которое часто заменяют другими’ [SJS 1966, 1: 584]. В качестве лексической замены местоимения *етерь* в старославянских текстах обычно выступают местоимения *единъ* и *нѣкъи*.

В славянских языках практически невозможно обнаружить следов местоимения *етерь*, что также свидетельствует о его чрезвычайной архаичности. Единственным исключением служат верхне- и нижнелужицкий языки, в которых сохранилось местоимение *wotry, wotery* ‘иной; некий; кое-какой’ [ЭССЯ 1981, 8: 187].

Чрезвычайно удивительно то, что, являясь устаревающим уже в старославянском, местоимение *етерь* продолжало употребляться в русской письменности в течение очень длительного времени — вплоть до середины XVII в. Наш интерес вызывают причины такой долгой «сохранности» архаизма в оригинальной русской письменности, а также те изменения в функционировании, которые неизбежно должны были произойти за такой долгий период.

В литературе нет единого мнения относительно этимологии местоимения *етерь*. Выделяются две точки зрения: ряд этимологов возводит это слово к индоевропейской дейктической частице *e в соединении с суффиксом *-tero-/*-togo-, у которого реконструируется значение ‘тот (один) из двух’ [Фасмер 1967, II: 29; Аникин 2022, 16: 75; Večerka 1993, II: 61]. Этот же суффикс представлен, к примеру, в местоимениях *второй, который*, а частица — в указательном местоимении *этот* [Аникин 2021, 15: 227]. Другие объясняют *етерь* как соединение местоимения *iо- с компаративным суффиксом *-tero- (см. [ЭССЯ 1981, 8: 187; ESJSS 1995, 5: 286; Vaillant 1962]).

В старославянской письменности местоимение *етерь* могло употребляться как атрибутивно (1, 2, 4), так и субстантивно (3) [Večerka 1993, II: 35] в качестве показателя неопределенности (1) и в качестве модификатора ‘иной, другой’ как в рамках противопоставления ‘один — другой’ (2, 3), так и вне коррелятивных сочетаний такого рода (4). Во втором случае местоимение *етерь* могло маркировать оба члена оппозиции (2–3), т. е. употреблялось подобно указательному местоимению *овъ* ‘один (из)’:

- (1) Сѣди бѣ **етерь** [κρίτης τις] въ **етерьѣ** градѣ [ἐν τινὶ πόλει] (Лк. XVIII, 2, Зографское Евангелие) [SJS 1966, 1: 584]².
- (2) Ношѣ часть **ѣтера** [μὲν τι] желѣзна и часть **ѣтера** [δέ τι] скоудѣльна (Дан. II, 33, Захаринский паримейник) [SJS 1966, 1: 584].

² Здесь и далее примеры приводятся в той орфографии, в которой они представлены в источнике: словаре, Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), картотеке словаря. Источники, цитируемые по словарям и НКРЯ, в список литературы не вносятся.

- (3) **Етери** [quidam] же смотринемъ глѣбини списаниемъ словесъ повчени, а **друзи** быстростию повщени (Житие Вячеслава) [SJS 1966, 1: 584].
- (4) Хотѣхъ прѣжде къ вамъ приити да **ѣтероу** [δευτέρῳ] радость имѣете (Шишатовачкий Апостол) [SJS 1966, 1: 584].

Основными греческими соответствиями местоимению *етерь* служат греческое неопределенное местоимение *τίς*, местоимение *ἕτερος* ‘один или второй из двух’³, а также *ἄλλος* ‘другой’ [Vaillant 1962: 344]. Другие греческие соответствия, как, к примеру, в (4), по-видимому, объясняются разночтениями в греческих рукописях.

Местоимению *етерь* в ранней славянской письменности посвящено исследование А. А. Пичхадзе [Пичхадзе 2012], в котором показано, что данное местоимение в функции неопределенного было одной из черт кирилло-мефодиевской языковой традиции, тогда как в преславских текстах в этой функции оно часто заменялось местоимением *нѣкыи*. В значении ‘другой’, согласно А. А. Пичхадзе, *етерь* было в меньшей степени распространено в письменности, поскольку представляло собой сербско-македонскую инновацию [Пичхадзе 2012].

В исследовании И. Христовой-Шомовой показано, что *етерь* в значении ‘некий’, используемое для перевода греческого местоимения *τίς*, уже в самую раннюю эпоху конкурировало в рукописях Апостола с местоимениями *нѣкыи* и *единь*, а в значении ‘другой’ — с местоимениями *иныи* и *другыи*. В преславской традиции в зависимости от контекста *етерь* обычно заменялось на *нѣкыи* и *нѣкъто* или на *иныи* и *дрогыи* [Христова-Шомова 2004: 456]. При этом в указанных исследованиях и Словаре старославянского языка [SJS 1973, II: 508] не отмечен еще один менее очевидный конкурент местоимения *етерь* в значениях ‘один из/другой’ — местоимение *овъ*, хотя об этом явно свидетельствуют параллельные чтения различных славянских Апостолов (см. словарную статью *овъ* [SJS 1966, 1: 584]).

На материале древнерусских источников местоимение *етерь* описывалось в посвященной древнерусским переводам монографии А. А. Пичхадзе [2011] и в статье Я. А. Пеньковой и А. Рабуса [Penkova, Rabus 2021]. А. А. Пичхадзе показывает, что в древнерусской письменности местоимение *етерь* было церковно-славянизмом, усвоенным не только из памятников старославянской эпохи, но и из гимнографических текстов более позднего происхождения, так как было известно древнерусским памятникам в двух значениях: ‘некоторый’ и ‘другой’. Согласно А. А. Пичхадзе, местоимение *етерь* характерно не для всех древнерусских переводов, а в первую очередь для тех, язык которых тяготеет к языковой традиции древней славянской гимнографии [Пичхадзе 2011: 73].

В работе [Penkova, Rabus 2021] рассматриваются только употребления местоимения *етерь* в функции показателя неопределенности и показано, что это местоимение употреблялось в оригинальной древнерусской письменности и древнерусских

³ Славянское местоимение *етерь* и греческое *ἕτερος* не являются когнатами, однако содержат суффикс одного и того же происхождения. Греческое местоимение восходит к праиндоевр. *sm-ter-* ‘один из двух’, корень которого родствен слав. *сам*.

переводах лишь sporadически и не принадлежало к числу основных элементов этой системы. На искусственный статус этого местоимения, согласно данному исследованию, указывает то, что оно, во-первых, не имело ограничений, связанных с типом референции; во-вторых, было характерно только для книжной письменности, в которой могло заменить другие показатели неопределенности, выступая как маркер или нереферентной неопределенности (5), или референтной неопределенности (6), или слабой определенности (7):

- (5) Аще что створиль естъ на свѣтѣ семь **етеро** согрѣшенъе — ѿдасться ему зане положи главоу свою за бра(т) своего ‘если он совершил на этом свете **какой-нибудь** грех — простится ему, так как он отдал жизнь свою за брата своего’ [Повесть временных лет по Ипатьевскому списку].
- (6) Придоша же **ѣтери** ѿ града и поклонишася рѣша стѣмому... ‘пришли же **некие люди** из города и поклонились, сказали святому...’ [Чудеса Николы].
- (7) Видѣ и **етера** жена вѣрна повѣда мужю бѣобязниву ‘видела его **одна** женщина верная, рассказала богобоязненному человеку’ [Суздальская летопись].

Местоимение *етерь* в русской письменности более позднего — среднерусского — периода не становилось предметом отдельного исследования. Так, оно не рассматривается в монографии Л. Маловицкого, посвященной истории неопределенных местоимений в русском языке [Маловицкий 1971]. Бегло упоминается оно и в статье из Энциклопедического словаря [Крысько, Кузнецов, Пенькова 2021: 185], где указывается, что это местоимение встречается в письменности до середины XVII в.

В настоящей работе мы рассмотрим особенности функционирования местоимения *етерь* в русской письменности XI–XVII вв., дополнив существующие описания древнерусского периода по ранее не привлекавшимся источникам. Рассматривая историю этого местоимения, следует учитывать две основные функции, поскольку, как было показано выше, письменные традиции и даже славянские идиомы могут различаться исходя из того, какое из двух значений им известно.

В древнерусском подкорпусе НКРЯ на момент обращения было обнаружено всего 20 примеров употребления этого местоимения. Однако материалы картотеки Словаря древнерусского языка XI–XIV вв., в которой содержится 228 карточек с контекстами употребления местоимения *етерь* в древнерусских рукописях, существенно дополняют материалы корпуса. Согласно этим материалам, в древнерусской письменности местоимение *етерь* в функции показателя неопределенности было представлено гораздо шире, чем в значении ‘другой’ (по данным картотеки, примерно в 70 % примеров *етерь* выступает как показатель неопределенности). Неопределенное местоимение *етерь* встречается в самых разных переводных памятниках: Законе судном людям, Ефремовской кормчей, Мериле Праведном, Синайском патерике, Житии Феодора Студита, Чудесах Николы, Пандектах Никона Черногорца, Хронике Георгия Амартола, Истории Иудейской войны Иосифа Флавия, Лобковском прологе, Прологе 1383 г., Сборнике Чудова монастыря XIV в., Житии Варлаама и Иоасафа и Рязанской кормчей. Это местоимение представлено и в некоторых

оригинальных древнерусских произведениях: Киево-Печерском патерике, Повести временных лет, Суздальской летописи, сочинениях Кирилла Туровского, ср.:

- (8) Реѣ Даниль оученикъ стго Арсения, яко во иномъ **ѣтере** глѣ, вбаче самъ [Лобковский пролог XIII в., 76б].
- (9) Аще бо прѣже в невѣжствѣ **етера** быша сгрѣшения послѣди же расыпашася покааньемъ и мл(с)тнѣми [Повесть временных лет по Ипатьевскому списку (1110-е)].
- (10) Съдашима же има въ **ѣтеро** время ре(ѣ) слѣпецъ хромцю что оубо блгооуханиѣ изутрь вратъ полѣтаѣтъ ма [Притча о душе и теле].

Согласно Акцентологическому словарю А. А. Зализняка, местоимение *етерь* в значении ‘некоторый’ встречается несколько раз в Чудовском Новом Завете с преимущественно неподвижным ударением на первом слоге (принадлежность к акцентной парадигме *a*; перемещение ударения на второй слог отмечено только в формах косвенных падежей) [Зализняк 2019: 607].

В значении ‘другой’ *етерь* встречается в письменности в более ограниченном количестве источников (в картотеке СДРЯ примерно в 30 % примеров). Основными текстами, в которых широко представлено местоимение *етерь* в значении ‘другой’, являются Хроника Георгия Амартола (более 40 примеров в картотеке СДРЯ), Толкования Никиты Иракийского на Слова Григория Богослова XIV в. и Закон судный людям. Единичные примеры отмечаются также в Житии Василия Нового, Истории Иудейской войны Иосифа Флавия, Пчеле⁴, Сборнике поучений XIV–XV вв., Лобковском прологе, Варсонофьевской кормчей, Успенском сборнике. Местоимение *етерь* в значении ‘другой’ несколько раз употребляется в Повести временных лет, однако эти случаи, по-видимому, связаны с включением в Повесть временных лет фрагментов из Хроники Георгия Амартола, ср.:

- (11) **Етеръ** же зак(о)нъ халдѣемъ вавилонѣмъ. мѣтри поимати. съ братними чады блудъ дѣяти [Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку (1110-е)].
- (12) **Ютеръ** же законъ халдѣемъ и вавилонѣномъ мѣтри поимати, с братними чады блоудъ дѣяти (Хроника Георгия Амартола, 32а–б) [Истрин 1920: 50].

В Хронике Георгия Амартола мы встречаем в соответствии с греческим модификатором *ѣтерос* ‘другой’ очень архаичное употребление местоимения *етерь* в значении ‘один из двух’:

- (13) И **ѣтера ѣтеромъ** бѣмъ оубивающе, вси всѣми избыѣени быша (Хроника Георгия Амартола, 41а) [Истрин 1920: 63].
- (14) Ни бо **ѣтеръ ѣтера** рад<и> оумреть, но оузы своими грѣхы свѣзаетьс<а> (Хроника Георгия Амартола, 101г) [Истрин 1920: 157].

⁴ В соответствии с греч. *ѣтерос*, при этом в Пчеле преобладает местоимение *инь*, встречаются также *другыи* и *вторыи* [Пичхадзе 2011: 220].

Обращение к Акцентологическому словарю древнерусского языка XIV в. [Ушаков 1982: 117] показало, что местоимение *етерь* очень широко употребляется в Чудовском Новом Завете и представлено здесь не только в функции неопределенного местоимения, но и в значении ‘другой’, а также в значении ‘один (из двух)’, которое зафиксировано только в Хронике Георгия Амартола, Захариинском паримейнике и Житии Вячеслава, ср.:

(15) **Етера** оубо [ἐτέρα μὲν] нбснхъ слава, **етера** же [ἐτέρα δέ] земных (1 Кор. XV, 40) [Чудовский Новый Завет, л. 1156]⁵.

Как показано в диссертации Т. В. Пентковской, такое широкое использование местоимения *етерь* в Чудовском Новом Завете — особенность данной редакции, связанная с тем, что за греческим местоимением ἕτερος было закреплено однозначное славянское соответствие *етерь*, которое, по-видимому, воспринималось как грецизм и, в отличие от предшествующей традиции, никогда не использовалось в Чудовском Новом Завете для перевода греческого τίς [Пентковская 2009: 53–60].

В СДРЯ также обнаруживаются и композиты с первой частью *етер-*: *етеросоуцье*, *етеросоуцьство* и *етеросоуцьствънь*. Данные образования представляют собой различные способы калькирования греческого существительного ἕτεροοῦσια ‘иная сущность’ или его производных и встречаются в Хронике Георгия Амартола и в Толкованиях Никиты Иракийского на Слова Григория Богослова XIV в. [СДРЯ, 3: 223]. А. Вайан также указывает на композиты *етероцвѣтоуцье* и *етеропрозабшье* как кальки греч. ἕτεροθαλής и ἄλλόκοτον соответственно [Vaillant 1962: 344].

Таким образом, можно заключить, что *етерь* в значении ‘некий; некоторый’ было распространено в древнерусской письменности, как в оригинальной, так и в переводной, шире, чем *етерь* в значении ‘другой’: последнее было ограничено определенными источниками и зачастую диктовалось греческим оригиналом (употреблением местоимения ἕτερος). Реже всего *етерь* встречается в древнерусской письменности в значении ‘один из двух’. Примеры такого рода обнаружены среди древнерусских переводов только в Хронике Георгия Амартола и Чудовском Новом Завете.

Перейдем к анализу употреблений местоимения *етерь* в среднерусской письменности (XV–XVII вв.). В текстах этого периода местоимение *етерь* встречается еще реже. На основе данных старорусского подкорпуса НКРЯ, картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв. и Акцентологического словаря А. А. Зализняка (примеры из Буковницы 1592 г. и Златой цепи XVI в.) нам удалось собрать лишь 30 примеров.

Все 30 контекстов из памятников среднерусского периода свидетельствуют об одном очень важном отличии в употреблении местоимения *етерь* в поздний период: сохранении только одной из функций этого местоимения — функции

⁵ В Геннадьевской Библии 1499 г. вместо *етерь* в данном контексте употребляется местоимение *иныи*.

неопределенного местоимения. Примеров с местоимением *етерь* в значении ‘другой’ нам обнаружить не удалось.

Основным типом употребления неопределенного местоимения *етерь* в средне-русской письменности являются контексты слабой определенности (обозначаемый предмет или лицо известен говорящему, но неизвестен слушателю), в которых *етерь* выступает в атрибутивной функции, близкой к функции неопределенного артикля (ср. соврем. рус. *один, некоторый, некий*):

- (16) Бѣ муж **етерь** богобоязнивѣ, и той сына имѣ единого. [Из Измарагда (XVI в.)].
- (17) И еще ему глаголющу, и се **князь етерь** грядяше и в монастырь съ мноюю грьдостью и славою, и плъку велику быти округъ его, боляром же и слугам, и отроком его. [Епифаний Премудрый. Житие Сергия Радонежского (1417–1418)].

В таком употреблении в русской письменности часто встречаем местоимение *единь* (*один* сохраняет эту функцию и в современном русском языке):

- (18) Также въ **ѣдинь** вечеръ дѣлающема има къждо свое дѣло. и се въниде икономъ глѣа блаженому [Нестор Печерский. Житие Феодосия (1080-е)].

Часть таких употреблений местоимения *етерь* воспроизводит фрагменты ранних летописей (ср. пример 19, передающий текст Суздальской летописи), однако отмечаются и случаи использования местоимения *етерь* в оригинальных сочинениях, написанных книжниками XV–XVII вв. (ср. пример 17 из Жития Сергия Радонежского и пример 20 из Жития Стефана Пермского, составленных Епифанием Премудрым):

- (19) И видѣ **етера** жена вѣрна и поведѣ мужу богобоязниву, и взяша тѣло его, и плащеницею обвита и положиша и в кровнѣ мѣсте. [Вологодско-Пермская летопись (852–1538 гг.) (1490–1550)].
- (20) И паки дрѣгое дрѣгоици || слышах ѿ **етера** дидаскала [в списке XVII в.: **нѣкого** дидаскала] слово глѣмое, но не вѣм аще истинствѣеть или ни. (Житие Стефана Пермского, л. 174–174 об.).

В субстантивной функции в контексте слабой определенности местоимение *етерь* встретилось только в двух идентичных примерах из Вологодско-Пермской летописи и Степенной книги, цитирующих текст Евангелия (Лк. IX, 27)⁶, ср.:

- (21) О семь раю мысленомъ Христось рече: «Суть **етери** [εἰσὶν τινες] отъ здѣ стоящихъ, иже не имуть вкусити смерти, дондеже узрятъ Царствіе Божіе, пришедше въ силѣ. [Степенная книга («Книга Степенная царского родословия»). 11-я степень [Иван II Иванович Красный] (1560—1563)].

⁶ То же чтение представлено, к примеру, в Симоновском Евангелии (РГБ, Рум. 105, 1270 г., л. 73), тогда как в Геннадьевской Библии 1499 г. — **нѣции**.

Местоимение *етерь* встретилось также в качестве референтного местоимения неизвестности (маркирует конкретный существующий объект, неизвестный говорящему) в субстантивной функции:

- (22) В то же время, егда приступаху угрове и нѣмцы купно, раздѣльшесе в два пробитыя мѣста, тогда нѣкто рыболовъ Сергей Витая Брада видѣ над церковию Пречистыя Богородицы множество **етерь** в бѣлахъ ризахъ, в руцѣ свеща имуща и глаголюще другъ ко другу: «Грядем на пособие хрестияном и пожжем иновѣрныя», — таже поидоша. [Повесть о Псково-Печерском монастыре (1603)].
- (23) Множество **етерь** мноу быти святых 40 мученикъ и преподобных отецъ, лежащихъ в Богомъзданнѣй пещерѣ. [Повесть о Псково-Печерском монастыре (1603)].

Также можно обнаружить несколько примеров употребления *етерь* в функции нереперентного неопределенного местоимения (маркирует неиндивидуализированный объект из некоторого множества). Такие случаи редки, часть из них — воспроизведение фрагментов ранних летописей (ср. пример 24, цитирующий текст Повести временных лет):

- (24) Аще бо в невѣжствѣ **етера** согрѣшения быша, послѣдъ же расыпашася покаяниемъ и милостынями [Новгородская пятая летопись (1550)].

В такой функции обычно употреблялись немаркированные неопределенные местоимения типа *кто, что, какъй*, ср.:

- (25) Аще бы ти вина **какаа** была на нь, вбличиль бы пред нами [Повесть временных лет по Ипатьевскому списку].

Однако данный семантический тип встречается и в оригинальных церковнославянских сочинениях XV–XVII вв. (в Житии Стефана Пермского и Челобитных справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря), ср.:

- (26) Повсегда же обаче имѣяху обычай събиратися вкупѣ и сходитися в мѣсто едино — или пермяне к нему, к новопоставленѣй церкви оной, о нейже преже рѣхом, или онъ — к ним, въ **етеро** мѣсто уреченое [в списке XVII в.: **нѣкое**], на совопрашание и на истязание. [Из Великих Миней Четых митрополита Макария. 26 апреля. Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего епископа в Перми, составленное преподобным во священноиноках отцом нашим Епифанием (1530—1554)].
- (27) Аще и помяну псалмопѣвецъ лице Божие или Богородицы или иного **етера**, но помощи и прибѣжища и спасения ради помяну. (Чел.Савв., 27. 1662 г.) [СлРЯ XI–XVII, 5: 64].

В той же функции могли употребляться местоимения на *нѣ-* (см. различения к примеру (26) и пример (28) из Алфавита XVII в.) и немаркированные неопределенные местоимения типа *кто, что*, ср.:

(28) **Етерь** — нѣкий. **Етера** — нѣкого или нѣкая. (Алф.1, 73 об.) [СлРЯ XI–XVII, 5: 64].

(29) И молившесѧ емоу да бы имъ дать своего сѧа любо иного **кого** [Киевская летопись].

Таким образом, в среднерусской письменности местоимение *етерь* употреблялось только как показатель неопределенности. Оно использовалось как универсальная замена немаркированных неопределенных местоимений типа *кто, что, какъ*, местоимений с префиксом *нѣ-* типа *нѣкий, нѣкто, нѣчто*, а также местоимения *единь*. В функциональном отношении местоимение *етерь* можно сравнить с оборотом *тот или иной* в современном русском языке (тем более что, с этимологической точки зрения, значение ‘тот или иной’ оказывается «вшито» в местоимение *етерь*), ср.: «*тот или иной* играет роль своего рода джокера, выполняя функции всех неопределенных местоимений, включая *какой бы то ни было, некоторый, некий и такой-то*» [Падучева 2017]⁷.

Источники, в которых встречается местоимение *етерь*, распадаются на два типа: летописи, в тексте которых без изменений воспроизводятся фрагменты из более ранних древнерусских летописей, и оригинальные сочинения, принадлежащие перу высокообразованных книжников XV — первой половины XVII вв. К такого рода произведениям относятся «Житие Стефана Пермского» и «Житие Сергия Радонежского», принадлежащие перу Епифания Премудрого; «Повесть о Псково-Печерском монастыре», первая редакция которой была составлена в 1531 г. игуменом Псково-Печерского монастыря Корнилием, чью образованность высоко оценивали его современники [Охотникова 1988]; «Многословное послание», приписываемое иноку Зиновию Отенскому; «Словеса дней, и царей, и святителей московских» — историографический труд пера Ивана Хворостинина, писателя начала XVII в., автора многочисленных богословско-полемических трактатов [Буланин, Семенова 2004: 190–197]; Челобитные справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря, среди последних — подьячий Посольского приказа Савватий, высокообразованный книжник первой половины XVII в., интересовавшийся вопросами книжной sprawy [Зиборов, Яковлев 1998: 327–329].

Использование неопределенного местоимения *етерь* было своего рода показателем образованности. Можно аккуратно сопоставить употребление местоимения *етерь* с более экзотическими способами выражения эрудированности, такими как, к примеру, тайнопись. Одной из разновидностей тайнописи была глаголица —

⁷ Ср. также местоимение *нѣкоторый*, с этимологической точки зрения содержащее тот же суффикс *-ter- и обладающее способностью употребляться не только в референтных, но и в нереферентных контекстах. В [Пекелис, в печати] это свойство местоимения *нѣкоторый* объясняется наличием селективного компонента в семантике, который, судя по всему, восходит к древнему значению суффикса *-ter-.

древний алфавит, который, выйдя из употребления, стал достоянием очень ограниченного числа высокообразованных книжников. Те могли использовать ее не только в качестве тайного письма, но и в качестве демонстрации своей образованности. Таковы примеры использования глаголических букв в качестве инициалов, практически не затрудняющих чтение и понимание кириллического текста [Буцких 2022: 9]. Аналогичным приемом демонстрации книжной учености стало, на наш взгляд, и местоимение *етерь*.

На основании представленного выше анализа мы можем проследить путь эволюции местоимения *етерь* в русской письменности, а также выдвинуть гипотезу его грамматикализации в показатель неопределенности.

Согласно данным типологии, неопределенные местоимения могут грамматикализироваться из вопросительных, из некоторых типов амальгам и квазирелятивов ('X не знает что' / 'X хочет что' / 'X-у неважно что' / 'X может быть' и т. д.), из комбинаций с отрицательными частицами и частицами со значением 'даже/также', из некоторых генерических имен существительных или числительных со значением 'один' [Haspelmath 1997: 130–141; 157–335]. Местоимение *етерь* на первый взгляд с трудом соотносимо с названными путями грамматикализации неопределенных местоимений. Можно было бы предположить, что значение неопределенности развивается у него из значения 'другой', порождающего импликацию неизвестности, недостатка информации, однако типологических свидетельств связи между значением 'другой' и значением неопределенности пока найти не удалось. В [Heine, Kuteva 2004: 223] отмечена только довольно редкая возможность перехода из значения 'один' в значение 'другой' (ср. такое же семантическое развитие для местоимения *инь*). При этом грамматикализация неопределенных местоимений из слов со значением 'один' как раз очень хорошо известна. В ряде достаточно архаичных источников мы смогли зафиксировать употребление местоимения *етерь* не только в качестве показателя неопределенности или модификатора со значением 'другой', но и в его более древнем значении 'один (первый) из двух'. На этом основании можно предположить, что как значение 'другой', так и значение неопределенности развиваются у местоимения *етерь* параллельно на основе значения 'один из двух'. Этим могут объясняться различия в славянских диалектах и письменных традициях, и такое предположение не противоречит данным типологии.

В письменности Древней Руси у местоимения *етерь* обнаруживаются все три семантических типа употребления, однако *етерь* в значении 'один из двух' представлено только в единичных памятниках, а в значении другой — в достаточно ограниченном круге источников. В среднерусский период сохраняется только неопределенное местоимение *етерь*, которое служит очень редкой заменой для самых разных типов неопределенных местоимений и характерно для языка узкого круга высокообразованных книжников. Судя по всему, это местоимение следует включить в список других хорошо известных категорий и конструкций (таких как, к примеру, аорист и имперфект [Зализняк 2004: 173–174]), которые, будучи чуждыми живому языку, столетиями сохранялись в церковнославянском узусе, обеспечивая преемственность многовековой церковнославянской традиции.

Литература

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 15 (друг I — еренга). М., СПб.: Нестор-история, 2021. 384 с.

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 16 (ерепениться — житьё). М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2022. 389 с.

Буланин Д. М., Семенова П. Е. Хворостин Иван Андреевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 4. Т–Я. Дополнения / Д. М. Буланин (ред.). СПб., 2004.

Буцких Н. В. Древнерусская криптография. СПб.: Келлер Т. Ю., 2022. 400 с.

Геннадьевская Библия. Рукоп. ГИМ, Синодальное собрание 915, 1002 л.

Житие Стефана Пермского. Рукоп. РНБ, собрание П. П. Вяземского, Q.10, 80–90-е гг. XV в.

Зализняк А. А. Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. 2-е изд., расширенное и переработанное. М.: Издательский дом ЯСК, 2019. 872 с.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., переработанное с учетом находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

Зиборов В. К., Яковлев В. В. Савватий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 3. (П–С) / Д. М. Буланин (ред.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 520 с.

Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. 1. Текст. Пг., 1920. 612 с.

Кузнецов А. М., Крысько В. Б., Пенькова Я. А. Местоимение // Историческая грамматика русского языка. Энциклопедический словарь / В. Б. Крысько (ред.). М.: Азбуковник, 2020. С. 172–189.

Львов А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М.: Наука, 1966. 321 с.

Маловицкий Л. Вопросы истории предметно-личных местоимений (кто, что) // Учен. зап. Ленинградского государственного пед. ин-та им. Герцена, 1971, Т. 517. С. 3–130.

Новый завет Господа нашего Иисуса Христа. Труд св. Алексия, митр. Московского и всея Руси. Фототипическое издание Леонтия, митр. Московского. М., 1892.

Охотникова В. И. Корнилий, игумен Псково-Печерского монастыря // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. А–К. / Д. С. Лихачев (ред.). Л.: Наука, 1988.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 271 с.

Падучева Е. В. Оборот *тот или иной* // Мат-лы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2017.

Пекелис О. Е. Русское некторый в свете типологических ожиданий // *Studi Slavistici* (в печати).

Пентковская Т. В. Восточнославянские и южнославянские переводы богослужебных книг XIII–XIV вв.: Чудовская и Афонская редакции Нового Завета и Иерусалимский типикон: дисс. ... докт. филол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2009. 497 с.

Пичхадзе А. А. Слав. ЕТЕРЪ: к вопросу о группировке древнеславянских памятников // *Scrinium: Journal of Patrology, Critical Hagiography and Ecclesiastical History*, 2011–2012, т. 7–8, *Ars Christiana: In memoriam Michail F. Murianov. Part 2*. С. 219–236.

Пичхадзе А. А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2011. 408 с.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). т. 3. (добродѣтельно—изгечисл) / Р. И. Аванесов (гл. ред.). М.: Русский язык, 1988. 511 с.

Симоновское Евангелие. Рукоп. РГБ, Собрание Н. П. Румянцева 105, 1270 г.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. (Е—Зинутие) / С. Г. Бархударов (гл. ред.). М.: Наука, 1978. 392 с.

Ушаков В. Е. Акцентологический словарь древнерусского языка XIV в. М.: Московский государственный пед. ин-т им. В. И. Ленина, 1982. 398 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Т. I–IV. М.: Прогресс, 1964–1973.

Христова-Шомова И. Службеният Апостол в славянската ръкописна традиция. Т. I. Изследване на библейския текст. София: Св. Климент Охридски, 2004. 831 с.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 8 (*ха–*јъвьlga) / Под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1981. 254 с.

ESJSS — *Etymologický slovník jazyka staroslověnského 4 (gostь–istonqti)*. Praha: Nakl. Československé akademie věd, 1994.

Haspelmath M. *Indefinite Pronouns*. Oxford: Oxford University Press, 1997. 365 p.

Penkova Y. A. & Rabus A. *Indefinite pronouns in Old East Slavic: a corpus approach* // *Russian Linguistics*, 2021, vol. 45. P. 227–252.

SJS — *Slovník jazyka staroslověnského (Lexicon linguae palaeoslovenicae)*. I–IV. Kurz a kol. Praha: Nakl. Československé akademie věd, 1966–1997.

Vaillant A. *Jeterŭ et jedinŭ* // *Die Welt der Slaven*, 1962, VII. S. 342–345.

Večerka R. *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax II. Die innere Satzstruktur [Old Church Slavonic (Old Bulgarian) syntax II. The internal sentence structure]*. Freiburg i Br.: Weiher Verlag, 1993. 411 p.

Y. A. Penkova

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
amoena@inbox.ru*

LONG LIFE OF THE PRONOUN *ETER* IN RUSSIAN WRITING

The paper discusses the pronoun *eter* used in the 11th–17th century Russian writing. Although it was considered archaic even in Old Church Slavonic texts, it was still used in Russian Church Slavonic tradition until the middle of the 17th century. In Old Russian writing, the pronoun *eter* had three uses: as a modifier with the meaning ‘one of the two’, a modifier with the meaning ‘another, other’, and as an indefinite marker, the former attested only in the Old Russian translation of George Amartol’s chronical and Čudov New Testament. Probably, the latter two types of use developed from the original meaning ‘one of the two’. In Old Russian writing, the pronoun *eter* was more widely spread as an indefinite marker, than in the meaning ‘another, other’. The latter occurred in a limited range of sources. In Middle Russian writing, the pronoun *eter* in the meaning ‘another, other’ was no longer in use and preserved only as an indefinite pronoun, functioning as a kind of a “joker” capable of replacing almost any type of indefiniteness in various semantic types of contexts: contexts of half definiteness, specific, and non-specific indefiniteness. In the Middle Russian period, the pronoun *eter* is seen extremely rarely. It is used only by highly educated authors and serves as a device of demonstrating high education.

Key words: pronouns, semantics, reference, history of Russian writing, Church Slavonic language.

References

Anikin A. E. *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian Etymological Dictionary]. Issue 15 (drug I — erenga). Moscow, Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2021. 384 p.

Anikin A. E. *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian Etymological Dictionary]. Issue 16 (erepenit'sya — zhit'e). Moscow, Vinogradov Russian Language Institute of RAS Publ., 2022. 389 p.

Avanesov R. I. (ed.). *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of the Old Russian language (XI–XIV centuries)]. Vol. 3. (dobrod'itel'no—izzhechisΔ). Moscow, Russkii yazyk Publ., 1988. 511 p.

Barkhudarov S. G. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Issue 5. (E—Zinutie). Moscow, Nauka Publ., 1978. 392 p.

Bulanin D. M., Semenova P. E., Khvorostin Ivan Andreevich. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi* [Dictionary of scribes and bookishness of ancient Rus']. Issue 3. Part 4. T–Ya. Additions. D. M. Bulanin (ed.). Saint-Petersburg, 2004.

Butskikh N. V. *Drevnerusskaya kriptografiya* [Old Russian cryptography]. Saint-Petersburg, Keller T. Yu. Publ., 2022. 400 p.

Etymologický slovník jazyka staroslověnského [Etymological dictionary of the Old Church Slavonic language]. Issue 4 (gosty–istonqti) Praha, Czechoslovak Academy of Sciences Publ., 1994.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. Perevod s nemetskogo i dopolneniya O. N. Trubacheva* [Etymological dictionary of the Russian language. Translation from German and additions by O. N. Trubachev]. Vol. I–IV. Moscow, Progress Publ., 1964–1973.

Haspelmath M. *Indefinite Pronouns*. Oxford, Oxford University Press, 1997. 365 p.

Istrin V. M. *Khronika Georgiya Amartola v drevnem slavyano-russkom perevode*. [Chronicle of George Amartol in an Old Slavic-Russian translation]. Vol. 1. Text. Petrograd, 1920. 612 p.

Khristova-Shomova I. *Sluzhebniyat Apostol v slavyanskata r''kopisna traditsiya. T. I. Izsledvane na bibleiskiia tekst* [The Service Apostle in the Slavic manuscript tradition. V. I. Study of the biblical text]. Sofiya, Sv. Kliment Okhridski Publ., 2004. 831 p. (in Bulg.)

Kuznetsov A. M., Krys'ko V. B., Pen'kova Ya. A. [Pronoun]. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Entsiklopedicheskii slovar'* [Historical grammar of the Russian language. Encyclopedic Dictionary.]. Krys'ko V. B. (ed.). Moscow, Azbukovnik Publ., 2020. pp. 172–189. (In Russ.)

L'vov A. S. *Ocherki po leksike pamyatnikov staroslavianskoi pis'mennosti* [Essays on the vocabulary of monuments of Old Church Slavonic writing]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 321 p.

Malovitskii L. [Questions on the history of subject-personal pronouns (who, what)]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. Gertsena* [Proceedings of the Herzen Leningrad State Pedagogical Institute]. 1971, no. 517, pp. 3–130. (In Russ.)

Novyi zavet Gospoda nashego Iisusa Khrista. Trud sv. Aleksiya, mitr. Moskovskogo i vseya Rusi. Fototipicheskoe izdanie Leontiya, mitr. Moskovskogo [The New Testament of our Lord Jesus Christ. The work of St. Alexia, Metropolitan of Moscow and all Rus'. Phototype edition of Leonty, Metropolitan of Moscow]. Moscow, 1892.

Okhotnikova V. I. [Korniliy, abbot of the Pskov-Pechersky Monastery]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi* [Dictionary of scribes and bookishness of ancient Rus']. Issue 2. Part 1. A–K. D. S. Likhachev (ed.). Leningrad, Nauka Publ., 1988. (In Russ.)

Paducheva E. V. *Oborot tot ili inoi. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki* (<http://rusgram.ru>) [Materials for the project of corpus description of Russian grammar (<http://rusgram.ru>)]. As a manuscript. Moscow, 2017.

Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii)* [The statement and its correlation with reality (referential aspects of the semantics of pronouns)]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 271 p.

Pekelis O. E. [Russian nekotoryi in the light of typological espectations]. *Studi Slavistici*, in print. (In Russ.)

Penkova Y. A. & Rabus A. Indefinite pronouns in Old East Slavic: a corpus approach. *Russian Linguistics*, 2021, Vol. 45, pp. 227–252.

Pentkovskaya T. V. *Vostochnoslavjanskije i južnoslavjanskije perevody bogoslužebnykh knig XIII–XIV vv.: Chudovskaya i Afonskaya redaktsii Novogo Zaveta i Ierusalimskii tipikon* [East Slavic and South Slavic translations of liturgical books of the 13th–18th centuries: the Chudovskaya and Athos editions of the New Testament and the Jerusalem Typikon]. Dr. philol. sci. diss., Moscow, Lomonosov Moscow State University, 2009. 497 p.

Pichkhadze A. A. *Perevodčeskaya deyatel'nost' v domongol'skoi Rusi: lingvističeskii aspekt* [Translation activity in pre-Mongol Rus': linguistic aspect]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2011. 408 p.

Pichkhadze A. A. [Slavic ETER""": to the question of the grouping of Old Slavic monuments]. *Scrinium: Journal of Patrology, Critical Hagiography and Ecclesiastical History*, 2011–2012, vol. 7–8, Ars Christiana: In memoriam Michail F. Murianov. Part 2, pp. 219–236. (In Russ.)

Simonovskoe Evangelie [Simonovskoe Gospel]. RGB, N. P. Rumyantsev collection 105, 1270.

Slovník jazyka staroslověnského (Lexicon linguae palaeoslovenicae) [Dictionary of the Old Church Slavonic language]. Vol. I–IV. Kurz et al. Praha, Czechoslovak Academy of Sciences Publ., 1966–1997.

Trubachev O. N. (ed.). *Etimologičeskii slovar' slavyanskikh jazykov. Praslavyanskii leksičeskii fond* [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic Lexical Fund]. Issue 8 (*kha–*j'v'lga). Moscow, Nauka Publ., 1981. 254 p.

Ushakov V. E. *Aktsentologičeskii slovar' drevnerusskogo jazyka XIV v.* [Accentological dictionary of the Old Russian language of the 14th century]. Moscow, Moscow Order of Lenin and Order of the Red Banner of Labor State Pedagogical Institute Publ., 1982. 398 p.

Vaillant A. Jeterū et jedinū. *Die Welt der Slaven*, 1962, no. 7, pp. 342–345. (in French)

Večerka R. *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax II. Die innere Satzstruktur*. Freiburg i Br., Weiher Verlag Publ., 1993. 411 p.

Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt. 2-e izd., pererabotannoe s uchetom nakhodok 1995–2003 gg.* [Old Novgorod dialect. 2nd ed., revised taking into account findings from 1995–2003]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 872 p.

Zaliznyak A. A. *Drevnerusskoe udarenie: Obshchie svedeniya i slovar'* [Old Russian accent: General information and dictionary]. 2nd edition, expanded and revised, Moscow, Izdatel'skii dom YaSK Publ., 2019. 872 p.

Zhitie Stefana Permskogo [Life of Stefan of Perm]. RNB, P. P. Vyazemskii collection, Q.10, 1480–1490.

Ziborov V. K., Yakovlev V. V. Savvatii. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi* [Dictionary of scribes and bookishness of ancient Rus']. Issue 3. Part 3. (P–S). D. M. Bulanin (ed.). Saint-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1998. 520 p.

З. Ю. Петрова¹, Н. А. Фатеева²

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

zoyap@mail.ru¹

nafata@rambler.ru²

**СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ О ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕТАФОРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА ЭССЕ 2018 г. «КАК МЫ ПИШЕМ»)¹**

В статье рассматриваются метафоры и сравнения, отражающие рефлексию современных писателей над своим творчеством и своим временем, над литературным процессом и местом писателя в мире. Материалом исследования явилась книга «Как мы пишем. Писатели о литературе, о времени, о себе» 2018 г. издания, соотносимая с одноименным сборником 1930 г. Авторами исследуемого сборника стали 36 современных писателей. Книга написана в жанре эссе, в котором компаративные тропы играют особую роль, выполняя текстообразующую функцию. В работе показано, что компаративные конструкции, с одной стороны, встраиваются в традиционные образные парадигмы, а, с другой стороны, авторы зачастую находят новые, неожиданные повороты в развитии метафорических смыслов. В статье проанализированы основные семантические классы предметов и образов сравнения компаративных тропов, относящихся к тематике литературного творчества. В первую очередь, в качестве предмета сравнения в текстах рассматриваемого сборника выступает писательский труд, который сравнивается с тяжелым физическим трудом шахтера, землекопа, пахаря, строителя, каменотеса, с разведкой новых территорий, работой детектива, охотой, ювелирным делом и т. д. Кроме того, писательство уподобляется плаванию, а также погружению с головой под воду. Помимо этого образного соответствия, ассоциирующегося с традиционной образной параллелью «Жизнь — плавание», современные прозаики пользуются и другими устойчивыми метафорическими парадигмами «Писательство — путь» и «Писательство — горение». В работе в качестве предметов сравнения тропов рассматриваются также: писатель, процесс литературного творчества, язык и слово. Среди семантических классов образов сравнения компаративных конструкций

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 23-28-00060 «Динамика компаративных конструкций и типы их взаимодействия в современной русской прозе».

надо отметить образы, связанные с жизненным циклом человека, а также с отношениями отцовства. Встречаются и другие антропоморфные образы, а также растительные, зооморфные метафоры. Особое внимание уделяется научно-техническим терминам, которые становятся опорными словами компаративных тропов, характеризующих литературное творчество. Выделенные семантические преобразования характеризуют разные аспекты литературного творчества, обновляя традиционные образные параллели.

Ключевые слова: метафора, сравнение, литературное творчество, рефлексия, эссе, образная параллель, современные прозаики.

В продолжение темы «Компаративные конструкции в эссеистике современных прозаиков» [Петрова, Фатеева 2021] мы решили глубже исследовать проблему рефлексии современных писателей над своим творчеством и своим временем, над литературным процессом и местом писателя в мире. Материалом исследования явилась книга «Как мы пишем. Писатели о литературе, о времени, о себе» 2018 г. издания [Как мы пишем 2018], которая по своей направленности сближается с одноименным сборником 1930 года [Как мы пишем 1930]. В этом сборнике были представлены «краткие <...> очерки технологии литературного мастерства», среди его 18 авторов были Белый, Горький, Зощенко, Каверин, Лавренев, Тынянов, Шкловский и др. Авторами исследуемого сборника стали 36 современных писателей, наиболее известные из которых — Е. Водолазкин, Л. Улицкая², М. Степнова, Р. Сенчин, А. Матвеева, Л. Юзефович, С. Шаргунов, Ш. Идиатуллин, З. Прилепин. Для формулирования своей позиции они используют жанр эссе, который синтезирует в себе черты мемуаров, дневника, философско-публицистической статьи, художественной прозы. Компаративные конструкции — метафоры и сравнения — играют в этом жанре особую роль, связывая смыслы в целостные единства, порождая цепочки ассоциаций, которые становятся текстообразующим началом. Эти компаративные тропы, с одной стороны, встраиваются в традиционные образные парадигмы, а, с другой стороны, авторы зачастую находят новые, неожиданные повороты в развитии метафорических смыслов.

Мы поставили своей задачей проанализировать основные семантические классы предметов и образов сравнения компаративных тропов, относящихся к тематике литературного творчества. В первую очередь, в качестве предмета сравнения в текстах рассматриваемого сборника выступает писательский труд, который сравнивается с тяжелым физическим трудом шахтера, землекопа, пахаря, строителя, каменотеса; соответственно, писатель образно характеризуется как представитель соответствующей профессии: «Литература для меня — это не только авантюра и магия, но и тяжелый труд. Я бы сравнил литературу с работой шахтера <...>. Шахтер, спускаясь под землю, обязан следовать за жилой. Ему бы, может, хотелось не лезть в узкие туннели, но он обязан идти вслед за рудой. Руда ведет его, как хорошего писателя ведет не собственный план, а сама история, за которую он

² Внесена в реестр иноагентов Минюстом России.

взялся» (Александр Снегирев. Звездная дыра); «Писать книги — это одна из самых тяжелых в мире работ. Мне казалось, что самая тяжелая работа — это земляная работа: копать траншеи. Но потом я понял, что писать книги — это огромная работа» (Александр Проханов. Вызов забвению); «Допустим, к писателю прилетают крылатые кони, шляющиеся по эфиру музыки, бездельники-даймоны и прочая сомнительная публика, и наступает состояние так называемого вдохновения. Но для этого он должен сидеть на заднице, с пишущим агрегатом данной эпохи, и сидеть плотно, часами, днями, годами. На этот счет у нас есть океан свидетельств. Как Жорж Санд заканчивала один роман, ставила точку и тут же принималась за другой. Как с неистовым упорством пахаря корпел Лев Толстой» (Татьяна Москвина. Беспокойная я); упоминается и орудие труда пахаря — плуг: «Молодой писатель, если он добросовестен, максималист — переоценивает читателя. Он ставит плуг на слишком большую глубину. Он работает с текстом вначале как каменотес — а в конце как ювелир» (Михаил Веллер³. За слова надо отвечать). В последнем примере используется и другая образная параллель, уподобляющая работу писателя ювелирному делу, которое предполагает тщательную отделку изделия.

Копание также может ассоциироваться не только с тяжелым физическим трудом, но и с трудом археолога, для которого характерны бережное и внимательное отношение к находкам: «Вглубь копать интересней, чем вширь. Можешь наткнуться на воду, на древнюю монету, кость доисторического животного. А вскопка вширь хороша для посадки картошки. Что тоже нужно. Поэтому у меня такие обширные сериальные плантации» (Алексей Слаповский. Царь, царевич, сапожник, портной, кто ты будешь такой?).

Писательство сравнивается и с такими профессиями, которые подразумевают поиск, добывание нового, проникновение в новые области, докапывание до истины — разведка новых территорий, работа детектива, охота: «Прежде всего, мне кажется, что творчество, это такие стalkerовские гаечки с бинтами, которые кто-то (слепая, всегда действующая наугад природа?) забрасывает на территорию неведомого, чтобы выяснить, что из этого получится. По сути, искусство — это разведка и исследование новых территорий, а творческие люди — бета-тестеры новой реальности» (Игорь Малышев. ГДЕ Я? КТО Я? ЗАЧЕМ Я?); «Я бы сравнил литературу с работой <...> детектива. <...> Вспомните Лестрейда и Холмса. Первому всегда все сразу было понятно. Лестрейд принимал поверхностное за истину. Холмс, напротив, докапывался до правды, следуя не за собственными представлениями о преступлениях, а за самой историей произошедшего» (Александр Снегирев. Звездная дыра); «Пока мы охотимся за мечтами, сквозь сети нашего внимания проскальзывают, возможно, куда более важные вещи» (там же); «в поэзии — или попал в цель, или не попал. Один выстрел — и соболев в руке! А проза — это как ловушками работать, широко и постепенно. Охватом» (Михаил Тарковский. Три урока); «И я гнался за историей, я был ловцом истории, гнался за событиями,

³ Внесен в реестр иноагентов Минюстом России.

актуальными для той советской, а теперь русской истории» (Александр Проханов. Вызов забвению).

Тема созидания подчеркивается в сопоставлении писательского труда со строительством: «Словари дают весь запас слов по алфавиту, скажем. Где каждое отдельное слово имеет свои значения — и только. Литература строит из этой огромной кучи кирпичей стройные здания на разные случаи» (Михаил Веллер. За слова надо отвечать).

Кроме того, писательство уподобляется погружению с головой под воду: «Роберт Вальзер сказал однажды: “Только работа, собственно, это настоящая жизнь, удовольствие, внутреннее веселье, радость бытия. Надо лишь смело прыгнуть в холодную с виду воду, которая сначала тебя ужасает, но потом по-царски забавляет и улаживает”. Страшно повторяться, расписывая одну и ту же историю. Страшно экспериментировать — а вдруг не поймут? Страшно проболтаться — и страшно не рассказать о главном... Но самое страшное — а вдруг я утратила свои способности? Выход один — бросаться, по рецепту Вальзера, в ледяную воду. И после этого мне уже совершенно ничего не мешает — ни страх, ни сомнения, ни музыка в кафе, ни чужие голоса рядом. Я прихожу в себя спустя несколько часов — в буквальном смысле слова *вынырываю* из текста, с удивлением отмечая, что прошло уже так много времени, и, кажется, я опять опоздала на какую-то важную встречу», «Ну и вообще, с романами все происходит совсем не так бойко, как с рассказами, — большое сочинение требует полного погружения, никаких ледяных купаний, а ежедневный упорный труд», «Умейте уходить в свой текст, как под воду с головой» (Анна Матвеева. Встреча с неизвестным читателем).

Образ ныряния, погружения в воду нередко дополняется образом плавания: «Как только вы сели за стол, сразу же ныряйте в текст. <...> Когда почувствуете, что история захватила вас — и вы несетесь по ней, как по волнам, работайте столько, насколько хватит сил» (Анна Матвеева. Встреча с неизвестным читателем).

Творческий процесс может ассоциироваться и со свободным плаванием, и с плаванием на корабле: «Для меня “Захват Москвы” значил, может быть, больше других текстов потому, что здесь я полностью лингвистически раскрепостился, снял все запреты и плыл по волнам языка, не оборачиваясь на запретные буи типа “так не говорят” или “так сказать нельзя”» (Михаил Гиголашвили. Одиночество — молчание — музыка); «Под боком, под бортом у любимого писателя можно долго плыть. Но всегда охота свои винты ли плавники опробовать» (Михаил Тарковский. Три урока).

Помимо этого образного соответствия, ассоциирующегося с традиционной образной параллелью «Жизнь — плавание», современные прозаики пользуются и другими устойчивыми метафорическими парадигмами «Писательство — путь» (ср. «Жизнь — путь»): «Да, вменяемый автор быстро перестает равняться на великих и ревновать к Копернику, протаптывая свой путь и лепя свой мир, не всегда всерьез веря, что кому-то этот путь и этот мир нужны» (Шамиль Идиатулин. Иду на грезу); «В математику, музыку, театр, куда угодно еще — я путешествовал: долго ли, коротко ли, но туризм не эмиграция. К литературе я вернулся, как молодой

барин в романах девятнадцатого века возвращался в родное поместье из дальних странствий — обосновываться прочно, на остаток жизни» (Вадим Левенталь. Дилемма заключенного);

«Писательство — горение» (ср. «Жизнь — горение»): «увлеченный изящной словесностью, я рано начал понимать: чтобы огонь горел, нужен приток воздуха, надо быть распахнутым в мир, насыщаться опытами драматичной и динамичной реальности» (Сергей Шаргунов. Отче, тебе отчет);

«Писательство — полет»: «Но в силу некоторой необязательности малого жанра, меньшей, что ли, ответственности, здесь чаще удается отделаться от всех вообще представлений о предшествующей литературности и отправиться в языковой полет, добиться свободы, о которой наяву и не мечтаешь» (Вячеслав Курицын. Высокая (на самом деле не очень) болезнь); «А в промежутке меж ними я и вовсе написал книгу почти что на заказ — “Корнюшон и Рылейка. Приключения маленьких человечков”. <...> Оказалось, что и такая работа может приносить вполне определенную радость, хотя и без “полета и парения”» (Игорь Малышев. ГДЕ Я? КТО Я? ЗАЧЕМ Я?), в частности, полет на воздушном шаре: «Жизнь тяжелеет с годами, и как бы уже “не до взлета”, не до смеха. И это правильно. Отрежь от аэростата корзину — и шар взлетит, и превратится в бессмысленный шарик, но зато много куда успеет, на фестивали и премии, от таких же такому же. Я тоже люблю летать — но надолго привлекает взгляд только шар с грузом. Я уже выдернул из грязи свою корзину, и главное в литературе, я уверен, — шар. Корзина есть у каждого, а “шар” — не у многих. Когда у тебя есть свой шар, своя форма — жизнь подыгрывает тебе, как отличнику, — не в смысле отсутствия страданий, а в смысле их изобилия: есть о чем» (Валерий Попов. Это).

Помимо уже упоминавшихся выше образных обозначений писателя — *шахтер*, *пахарь*, *ювелир*, *ловец истории*, *бета-тестер новой реальности*, — в проанализированном материале встречаются также и другие метафоры, высвечивающие разные стороны его деятельности и места в обществе:

трансформатор языка: «По большому счету писатель — не ученик, а учитель языка, не стабилизатор, а трансформатор языка» (Михаил Гиголашвили. Одиночество — молчание — музыка);

клептоман: «писатель и есть врожденный клептоман — он расхищает действительность, разбирает ее на детали, уносит по кусочку, несун, к себе в закрома, но все же создает совсем иную, свою реальность, и только свою, как бы она ни была внешне похожа на оригинал» (Сергей Носов. Сидя. Лежа. Иногда — стоя);

блюдец на спиритическом сеансе: «Призвание писателя — быть чем-то вроде блюдца на спиритическом сеансе: крутиться в центре стола и составлять из букв тексты. Писатель должен уметь конвертировать бытие в слово» (Евгений Водолазкин. Поющий в степи);

указательный палец на руке общества, синяк на лбу общества, хрусталик глаза: «А что еще, кроме мозгов-совести? Да все, что угодно. Синяк, например, на лбу общества. Что-то вроде напоминания о дне вчерашнем. И светится далеко, и совместно как-то (к вопросу о совестливости), но общество знает: скоро пройдет. Или

на руке общества указательный палец, которым можно потрогать что-нибудь такое, обществу не вполне понятное, а то и ткнуть во что-нибудь. Или вот что ближе всего: даже не глаз общества, а хрусталик глаза — хрупкая штука двояковыпуклая, способная изменять кривизну и преломлять по-разному, фокусировать» (Сергей Носов. Сидя. Лежа. Иногда — стоя).

Объектом метафорического осмысления становится и сам процесс литературного творчества, начиная от замысла произведения до его воплощения. Замысел ассоциируется с прилетом бабочки: «Итак, явившийся замысел уже трепещет, словно пойманная бабочка. Тогда начинаю судорожно вспоминать — было ли нечто подобное в литературе. На перебирание возможных аналогов уходит какое-то время, но вот убеждаюсь: в голову залетел не плагиат, а нечто, на мой взгляд, свежее, интересное и, возможно, оригинальное» (Илья Бояшов. Как я пишу), с накоплением болезненных ощущений (*зудит, чешется, царапает*): «обнаружилось, что железы, ответственные за буквы и мысли в организме, расторможены навсегда — они продолжают качать и бурлить, буквы и мысли копят, просят выхода, а если не находят, собираются в неприятные шишки, которые зудят и не дают ни расслабиться, ни именно что уснуть — для себя, как заведено у нормальных людей» (Шамиль Идиатуллин. Иду на грезу); «Конечно, любой настоящий художник действует, подчиняясь прежде всего внутреннему импульсу, вдохновению, его ведет благословенный зуд» (Андрей Рубанов. Против чего твоя книга?); «Нужно, чтобы сюжет застрял в тебе, не давал покоя, тормозил, царапал...» (Роман Сенчин. Пишу по ходу жизни); «В основе любого текста всегда — мысль или идея, которая меня в настоящий момент беспокоит. Я называю это — чешется. Чешется, к счастью, в разных местах, так что и тексты получаются разные, чему я очень рада» (Марина Степнова. Как я пишу), с кипящей или заливающей голову водой: «так как размышлять внутри головы мне всегда было скучно — этакая кипящая кастрюля с плотно сидящей крышкой, — я размышляю часто письменно» (Роман Сенчин. Пишу по ходу жизни); «Ну и нашел относительно безвредный, хоть и весьма утомительный, метод сброса затапливающих голову мыслей, образов и сюжетов, никак не применимых в работе и в быту» (Шамиль Идиатуллин. Иду на грезу), а его воплощение — с выходом накопленного наружу: выливанием воды, выдавливанием чирья и т. п.: «Мне очень не нравится само занятие книгописанием, это как чирей выдавливать: долго, мучительно и лучше без посторонних глаз» (Шамиль Идиатуллин. Иду на грезу).

Последний пример про чирей позволяет перейти к метафорической теме «Писательство — болезнь, травма»: «Так вот: для меня литература — это служение таинственным силам, и я надеюсь, что служил бы им, не приноси мне это служение вовсе никакого капитала, ни реального, ни символического, и я знаю очень-очень много авторов, которым не приносит и которые естественным для себя образом продолжают служить. При этом подобное служение вовсе не обязательно доблесть... может, напротив, болезнь» (Вячеслав Курицын. Высокая (на самом деле не очень) болезнь) (сам термин «высокая болезнь» восходит к заглавию поэмы Пастернака). При этом общение писателей между собой нередко воспринимается как

заражение вдохновением: «Писательские резиденции — ну это вообще мечта сочинителя! Там всякого ждут стахановские “тыщи знаков” — потому что вокруг тебя одни писатели, которые заражают друг друга вдохновением, как простудой (Анна Матвеева. Встреча с неизвестным читателем); «русская литература не слишком сильна финалами, и хочется прыгнуть выше существующей планки, выше себя самого — а это всегда расквашенные локти и колени. И такое же расквашенное самолюбие» (Марина Степнова. Как я пишу).

В рассматриваемых эссе регулярно встречаются компаративные тропы, сравнивающие литературу с другими видами искусства —

музыкой: «Литература сродни музыке. Я уверен: если у человека нет чувства ритма — хорошо писать он не сможет» (Илья Бояшов. Как я пишу); «Дело писателя — ловить музыку сфер и переводить ее в ноты. Быть, если угодно, “лучшим акыном степи”: петь о том, что видит. Что, подчеркну, видят и все там живущие. А поет — только он, потому что он способен превращать степь в текст» (Евгений Водолазкин. Поющий в степи); «На следующий день опять писал и, зная о чем, чутко и бережно относился к главному — мелодии» (Сергей Шаргунов. Отче, тебе отчет);

живописью: «Молодой писатель, если он добросовестен, максималист — переоценивает читателя. <...> Он еще не знает, что читатель глотает текст блоками и проглотит все, поэтому работать можно мазками крупными, как Тернер или Ван Донген: цвета и линии совместятся в желаемую картину в процессе восприятия» (Михаил Веллер. За слова надо отвечать); «И в прозе больше всего ценю — образительное. Рожден рисовать словами?» (Сергей Шаргунов. Отче, тебе отчет);

скульптурой: «Микеланджело называл искусство скульптуры умением убирать лишнее. Я занимаюсь тем же самым. Только, в отличие от неистового флорентийца, условную мраморную глыбу произвожу тоже я. Работая над текстом, я записываю множество кажущихся мне ценными фактов, сцен и подробностей. Создаю объем, грубую первоначальную форму с весьма условными очертаниями. Затем львиную долю времени я посвящаю отбрасыванию и удалению лишнего» (Александр Снегирев. Звездная дыра);

театром: «Если говорить конкретно о писательстве, то можно сказать, что эта его ипостась ближе к актерству. Но так что же с того? Прежде чем актер погрузится в образ, в образе должен пожить писатель» (Игорь Малышев. ГДЕ Я? КТО Я? ЗАЧЕМ Я?); «Для того чтобы хорошо описать историческое лицо, надо быть великим актером и вживаться в роль. Я же по типу скорее режиссер — и требую от героев действовать так, как я скажу» (Евгений Водолазкин. Поющий в степи); «надо уметь перевоплощаться в любого из героев, быть им. Так же, как актер должен уметь помещать себя в предлагаемые обстоятельства. По ходу написания текста такой “актерский” подход необходим» (Татьяна Москвина. Беспокойная я).

Важными предметами сравнения компаративных тропов становятся также язык и слово. Язык чаще всего олицетворяется, становится самостоятельным персонажем, начинает влиять на самого писателя: «Задач в романе было две: с одной стороны, сделать рассказчиком иностранца и через его новый свежий взгляд дать

картину нравов, с другой стороны — сделать героем романа русский язык во всей его необъятности, который в процессе письма стал доминантным и стянул на себя все внимание и вообще стал гулять сам по себе, как Нос майора Ковалева» (Михаил Гиголашвили. Одиночество — молчание — музыка); «Я могу вообразить язык своей прозы особым героем, вполне антропоморфным (почти как Нос у Гоголя). Представим театральные подмостки, персонажи на них живут себе своей жизнью, не ведая, что она подчинена авторской воле, и вот среди них еще некто — мим с белым лицом и весь в черном, его пантомиму они не замечают. Он передразнивает их, юродствует, импровизирует, комедь смещает в трагедь, трагедь в комедь, забавляется фарсом. Зрителям не всем нравится. “Тоните его, надоел!” Никак нельзя, это язык сочинителя Носова. Без него будет молчок» (Сергей Носов. Сидя. Лежа. Иногда — стоя); «У Бунина язык — одно из главных действующих лиц повествования. Но не так, как у рассуждающих о форме и содержании, делящих на средства и нечто более важное, им противопоставляемое, — а язык как носитель национальной прапамяти» (Михаил Тарковский. Три урока).

Часто персонифицируются и слова: «Слово должно играть, кувыряться, резвиться — а там, глядишь, притащит и смысл» (Валерий Попов. Это); «Зачистку выдерживают лишь непогрешимые, неслучайные слова, держащиеся друг за друга без служебных подпорок, напоминающие солдат в строю» (Василий Авченко. Размышления на дальневосточном гектаре).

Особо можно выделить группу контекстов, в которых образно описывается литературная техника. Процесс литературного творчества уподобляется рукоделию — склеиванию, кройке, распутыванию нитей: «Герои не обязательно должны быть “перенесены из жизни точь-в-точь”, они могут быть сложены из нескольких разных характеров, важно, чтобы место “склейки” не бросалось в глаза» (Анна Матвеева. Встреча с неизвестным читателем); «Наработать слог, настропалиться кроить повествование может каждый средней руки литератор» (Михаил Тарковский. Три урока); «когда пишешь книгу и, естественно, опираешься на документы — дневники, письма, автобиографическую прозу, мемуары, — ничему не верь. Врут все. Врут намеренно или по забывчивости, создают мифы или уводят от правды, но твоя задача — бережно, нежно распутывать этот клубок, разбирать тончайшие нити и наслоения и пытаться запеленговать, запечатлеть мерцающий свет ускользающей истины» (Алексей Варламов. Улица свободы).

Также процесс творчества связывается с манипуляцией механизмами. Это может быть и просто вождение автомобиля или «литературной машины» («Я учитываю современную литературную технику, и иногда — как в хорошем автомобиле — мне доставляет удовольствие нажимать на разные ее кнопки и педали. Важно лишь не забывать, куда едешь» (Евгений Водолазкин. Поющий в степи)); «Если я и впрямь научился управлять литературной машиной, не задумываясь переключать передачи, пропускать помеху справа, обгонять и вписываться в повороты, то теперь мне предстоит задача, может быть, труднейшая — развернуть эту машину и использовать все, какое ни есть, мастерство, чтобы двигаться в противоположную сторону» (Вадим Левенталь. Дилемма заключенного)), а может быть

оперирование различными механическими приспособлениями: «Мало того — теперь я умел разбирать тексты по винтику на детальки и знал, как сделаны их механизмы. Оказалось, что нет ничего интереснее, чем пробовать собрать такой механизм самому. Плохо ли, хорошо ли у меня получалось — меня увлекала сама эта работа: приладить колесики одно к другому так, чтобы они цеплялись и крутились вместе» (Вадим Левенталь. Дилемма заключенного).

Среди семантических классов образов сравнения компаративных конструкций надо отметить образы, связанные с жизненным циклом человека — рождением, жизнью, смертью, беременностью, а также с отношениями отцовства: «то, что я хочу написать, уже есть во мне, в виде, который я объяснить не могу. Эти образы волнуют и обременяют меня. Когда удастся от них избавиться — а это возможно только путем их рождения/воплощения, — они удаляются от меня, став общим достоянием. Появляются новые. Опять рожать! Не хочу!», «сочинение уже существовало во мне в виде зерна или еще чего-то, таящего все возможности роста, и, будучи не рожденным, не воплощенным, не обретшим плоти, — томило и обременяло. Я ходила хронически беременной и не рожала» (Татьяна Москвина. Беспокойная я); «Если бы все наши сочинения были живыми существами, думаю, мои бы творения, независимо от жанра, распознавали друг друга среди им подобных, как родственники родственников <...> Я, как родитель детищ своих, желал бы их видеть действительно большой сплоченной семьей, проще сказать, мафией. Но они живут своей жизнью, и поздно мне кого-то воспитывать» (Сергей Носов. Сидя. Лежа. Иногда — стоя); «Создание литературного героя уподоблю отцовству. Автор предоставляет героям некий генетический материал, и закономерно возникает ожидание (в том числе у самого автора), что страницы романа будут усеяны маленькими авторскими копиями или копиями отдельных его черт» (Евгений Водолазкин. Поющий в степи).

Встречаются также растительные и зооморфные метафоры, например: «К концу прогулки на страницах блокнота вырастает некое подобие “дерева”. От “ствола-замысла” отходят “предложения-ветви”, которых в процессе обдумывания все больше и больше. “Дерево” расплзается своими ветвями и корнями по мере того, как в него вносятся новые поправки и задумки. Вскоре оно становится ветвистым настолько, что сам начинаешь путаться — что за чем следует» (Илья Бояшов. Как я пишу); «Как правило, на рассказ у меня уходит около месяца — от того момента, когда завязался сюжет, и до того, когда готовый “плод” можно добавить в новый сборник» (Анна Матвеева. Встреча с неизвестным читателем); «Роман родился, подражая природе: личинка — куколка — жук. Или так: гусеница — кокон — бабочка» (Сергей Носов. Сидя. Лежа. Иногда — стоя).

Особое внимание обращают на себя научно-технические термины, которые становятся опорными словами компаративных тропов, характеризующих литературное творчество. Это термины из области физики: *электрический ток, энергия заряженного аккумулятора, резонаторы, спектральные линии*: «Физика утверждает, что электрический ток всегда течет по поверхности проводника; так же и нервный ток течет не в глубине, но по поверхности повествования; главное — убрать

препятствия», «Я знал, что из книги должна исходить энергия, как от заряженного аккумулятора: возмись за клеммы — ударит, шокирует, потрянет» (Андрей Рубанов. Против чего твоя книга?), кристаллографии: «И это наконец выкристаллизовавшееся, выросшее на твоём гектаре слово будет если не серебром, то хотя бы алюминием» (Василий Авченко. Размышления на дальневосточном гектаре), астрономии: «Речь о том, чего в жизни нет. О выходе за пределы тела. Об ужасном сверхскоростном расширении “я”. О том, что ты — не очень-то ты, когда пишешь» (Татьяна Москвина. Беспокойная я), компьютерных технологий: *форматировать реальность, мозговой компьютер* и др.: «Разумеется, нас должны возбуждать в первую очередь собственные проблемы, политические, экономические, интеллектуальные. Они помогают нам правильно форматировать реальность» (Андрей Аствацатуров. Литература в эпоху постискусства); «По большому счету писатель — не ученик, а учитель языка, не стабилизатор, а трансформатор языка, чья специфика выражена в отборе лексем, предпочтениях, выборе словоформ — словом, в работе с тем, что имеется в мозговом компьютере» (Михаил Гиголашвили. Одиночество — молчание — музыка).

В значительном числе контекстов используются обозначения различных инструментов и приборов: *резонаторы, клеммы, рубильник, предохранительный клапан* и т. д.: «Хрупкая, ранимая душа содержит совокупность тонких резонаторов, способных реагировать на самые дальние миры, на тихие шорохи и далекие зарницы, как правило невидимые в толще повседневности» (Александр Секацкий. О писательской и читательской биографии); «Опыт создания персонажей на сцене научил меня тому, что еще увлекательнее, чем просто заподлицо приставлять друг к другу слова, — придумывать других людей, их историю, ставить их в предлагаемые обстоятельства и щелкать рубильником волшебного “если бы”» (Вадим Левенталь. Дилемма заключенного); «Творчество как крик. Иногда человеку требуется прокричаться. Своего рода предохранительный клапан» (Игорь Мальшев. ГДЕ Я? КТО Я? ЗАЧЕМ Я?).

Итак, анализ основных семантических классов предметов и образов сравнения метафорических и сравнительных конструкций, образно характеризующих литературное творчество в сборнике «Как мы пишем. Писатели о литературе, о времени, о себе», позволяет сделать вывод, что в качестве предметов сравнения этих конструкций выступают писательский труд, процесс литературного творчества, литературная техника, сам писатель, язык и слово. При образной характеристике труда писателя наиболее частотными являются образные параллели, сравнивающие его с тяжелым физическим трудом шахтера, землекопа, пахаря, строителя, каменотеса, с трудом археолога, с разведкой новых территорий, работой детектива, охотой, ювелирным делом и т. д. Несколько менее частотны контексты, сравнивающие писательство с погружением под воду, а также с плаванием. Образ плавания свидетельствует об обращении современных авторов к традиционной образной парадигме «Жизнь — плавание». Кроме того, в применении к писательскому труду используются и другие традиционные образные параллели — «Жизнь — путь», «Жизнь — горение» и «Жизнь — полет». Отмечаются также контексты с образным

инвариантом «Писательство — болезнь, травма». Традиционные образные соответствия приобретают у современных авторов новые, индивидуальные преломления.

При образной характеристике таких предметов сравнения, как язык и слово, чаще всего используются антропоморфные образы, при характеристике литературного произведения — растительные и зооморфные.

Особого внимания заслуживает введение в текст в качестве образов сравнения научно-технических терминов, что характеризует метаязыковую рефлексивность именно современных писателей.

Выделенные образные парадигмы позволяют увидеть литературное творчество в разных ракурсах, часто новых и неожиданных.

Литература

Как мы пишем. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. 224 с.

Как мы пишем. Писатели о литературе, о времени, о себе: очерки. СПб.: Азбука, 2018. 640 с.

Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Компаративные конструкции в эссеистике современных прозаиков // Материалы международной конференции «Маргиналии-2021», Сольвычегодск, 3–5 сент. 2021 г. URL: https://ruslang.ru/sites/default/files/doc/marginalii/Marginalii-2021_Soljvychegodsk.pdf (дата обращения: 22.04.2024).

Z. Yu. Petrova¹, N. A. Fateeva²

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

zoyap@mail.ru¹

nafata@rambler.ru²

MODERN WRITERS ON CREATIVE WRITING THROUGH THE LENS OF METAPHOR (BASED ON THE BOOK “HOW WE WRITE”, 2018)

The article examines metaphors and similes that represent the way modern authors reflect on their work and their epoch, on the literary process and the writer’s place in the world. The research material was the book “How we write”. Writers on literature, time, and themselves” issued in 2018, correlated with the 1930 book of the same name, written by 36 contemporary writers. The book is written in the essay genre, in which comparative tropes have a crucial text-forming function.

The work shows that comparative constructions are, on the one hand, integrated into traditional figurative paradigms, and, on the other hand, the authors often find new, unexpected turns in the development of metaphorical meanings. The article analyzes the main semantic classes of tenors and vehicles of comparative tropes related to the subject of creative writing. First of all, the subject of comparison in the texts of the book under

consideration is writing, which is compared with the hard physical labor of a miner, digger, plowman, builder, stonecutter, with exploration of new territories, detective work, hunting, jewelry making, etc. In addition, writing is likened to swimming and diving.

Apart from this figurative correspondence, associated with the traditional figurative parallel “Life is swimming,” modern prose writers also use other stable metaphorical paradigms: “Writing is a way” and “Writing is burning”. The paper also considers the following tenors of tropes: the writer, the process of literary creativity, language and word. Among the semantic classes of vehicles of comparative tropes, it is necessary to note images associated with the human life cycle, as well as with paternity relations. There are also other anthropomorphic images, as well as phytomorphic and zoomorphic metaphors. Particular attention is paid to scientific and technical terms which become the supporting words of comparative tropes characterizing creative writing. The highlighted semantic transformations characterize different aspects of literary creativity, updating a collection of traditional figures of speech.

Key words: metaphor, simile, creative writing, reflection, essay, figurative parallel, modern prose writers.

References

Kak my pishem [How we write]. Leningrad, Izdatel'stvo pisatelei v Leningrade Publ., 1930. 224 p.

Kak my pishem. Pisateli o literature, o vremeni, o sebe: ocherki [How we write. Writers about literature, about time, about themselves: essays]. St. Peterburg, Azbuka Publ., 2018. 640 p.

Petrova Z. Yu., Fateeva N. A. [Comparative constructions in the essays of modern prose writers]. *Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Marginalii-2021», Sol'vychevodsk, 3–5 sent. 2021 g.* [Materials of the international conference “Marginalia-2021”, Solvychevodsk, September 3–5, 2021]. Available at: https://ruslang.ru/sites/default/files/doc/marginalii/Marginalii-2021_Soljvychevodsk.pdf (accessed 22.04.2024) (In Russ.)

В. А. Плунгян

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

plungian@iling-ran.ru

Е. В. Рахилина

НИУ ВШЭ

(Россия, Москва)

rakhilina@gmail.com

О ЦИФРОВОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В нижеследующих заметках обсуждаются последствия происходящего в настоящее время перехода бумажных словарей в цифровой формат. Высказывается мнение о необходимости этого процесса (обусловленного развитием современных технологий) и его благотворном влиянии на качество лексикографических описаний, удобство составления словарей и эффективность их использования. Цифровой формат делает принципиально более удобным работу со словарными пометами, которые естественным образом становятся инструментом систематического описания лексики, а также инструментом поиска в словаре разнообразной информации о словах и группах слов с близкими свойствами. Также цифровой формат позволяет более эффективно учитывать сочетаемость единиц, используя в том числе достижения грамматики конструкций. Наконец, цифровые технологии обеспечивают интеграцию словаря и корпусных данных, что является давно назревшей потребностью современной лексикографии. И исследователь-лексикограф, и пользователь словарей получают множество новых возможностей в цифровом формате, поэтому будущее — всецело за цифровой лексикографией.

Ключевые слова: цифровая лексикография, базы данных, грамматика конструкций, корпусная лингвистика.

По жанру настоящие заметки не совсем похожи на обычную статью — скорее они ближе к тому, что можно назвать «декларацией» или «манифестом». Или, если угодно, призывом, обращенным к сочувствующей аудитории (то, что в английском дискурсе соответствует понятию *plea*). Что ж: иногда (особенно на развилках и крутых поворотах истории) бывает полезно сформулировать некоторые пожелания относительно того, куда мы идем (или хотели бы идти). Надеемся, что юбиляр —

для которого лексикография всегда была одной из важнейших точек приложения сил — оценит это благосклонно.

Как кажется, внезапно пришедшая к нам цифровая реальность меняет и переформирует не только привычную повседневность, но и привычную науку — включая лексикографию. Даже и внешне: тяжелые, красиво изданные тома словарей, которые так хорошо покоятся на книжных полках и которые так приятно перелистывать «в лучах рабочей лампы» (как писал поэт), скоро уйдут в прошлое, потому что на наших глазах в прошлое уходит сама привычка перелистывать — то есть читать, переворачивая бумажные страницы. В цифровых версиях оборотных страниц нет — есть только бесконечная лента текста. Но если для художественных текстов эти два формата, бесконечная лента и бумажные страницы, быть может, равноценны (или по крайней мере взаимозаменяемы), то для высоко структурированных словарных описаний это не так: содержащаяся в них информация состоит из фрагментов принципиально разного плана, которые требуют для себя более сложно организованного пространства.

Цифровые технологи, безусловно, могут предоставить оптимальные способы организации такого пространства, но это потребует больших усилий и в ряде случаев более явного разрыва с традицией. Прежде всего, следует помнить, что словарь — это не текст, который читают подряд (как повествование, подчиненное нарративной хронологии); это сложно организованный текст, в котором ищут нужные элементы, и часто даже не единичный элемент, а группу элементов со сходными свойствами (например, все устаревшие глаголы, все одушевленные существительные 2-го склонения и т. п.). Самый подходящий формат для такой задачи — это базы данных со специальной системой аннотации. Заметим, что разговор о формате словаря может вестись с позиции читателя (пользователя) или с позиции составителя; в последнем случае (который по понятным причинам для нас представляется более важным) речь идет не только о цифровых инструментах представления данных, но и о цифровых инструментах их получения, то есть автоматизированного создания словарной статьи в соответствии с принятыми в данном словаре параметрами. Иными словами, это автоматизированная лексикографическая система, о создании которой речь идет уже давно, но реальные контуры которой начали обозначаться только в последнее время.

Что нужно лексикографу от цифровой лексикографии? Попробуем кратко перечислить основные составляющие той новой реальности, в которой и составление, и использование словарей уже не будет бумажным делом.

На наш взгляд, на первом месте в этом списке инноваций должны быть ресурсы, обеспечивающие работу со **словарными пометами** — основным инструментом лексикографа во многих типах словарей. В цифровом словаре пометы в гораздо большей степени структурируют реальность и в гораздо большей степени становятся не только целью, но и средством изучения свойств слов, чем в бумажных словарях предшествующего поколения.

Главный выигрыш в качестве словарного описания состоит в том, что в автоматизированной лексикографической среде пометы приобретают намного более

системный характер — прежде всего потому, что их использование становится много легче контролировать. Так, их проще использовать в индивидуальной лексикографической работе, поскольку в этом случае к услугам лексикографа всплывающее меню помет, выбор нужного значения в окне словарной статьи и т. п. Но не менее важны преимущества, возникающие в коллективной работе над словарем: в этом случае гораздо проще сравнивать решения разных авторов и обеспечивать их согласованность и последовательность в рамках принятой концепции словаря.

Тем самым становятся практически исключены случайные пропуски и противоречия, от которых, как известно, бумажные словари, как правило, не свободны. Пометы задают жесткую структуру, позволяющую получать тематические списки лексем с заданным набором помет (как таксономического и тезаурусного типа, так и, например, грамматических классов); преимущества такой структуры особенно выгодно смотрятся на фоне традиционного толкования, представляющего собой пусть и сложно организованный, но всё же более свободный по форме текст. Фактически, текст толкований и набор помет оказываются в цифровом словаре двумя разными, но удачно дополняющими друг друга системами.

Заметим также (об этом пойдет речь и ниже), что в цифровом словаре становится практически нерелевантной проблема объема, и тем самым нет ограничений на характер и степень детальности используемых данных. В отношении помет это проявляется в том, что цифровой словарь легко приобретает более комплексный характер по сравнению с бумажными словарями, которые обычно специализировались в том или ином аспекте словарного описания. В единый «пул» помет можно свести информацию, которая традиционно разнесена по словарям разного типа: грамматическим, орфоэпическим, орфографическим, толковым, этимологическим, синонимическим и т. п. Более того, вполне допустимо (и даже желательно) включение в такой комплексный словарь переводных эквивалентов слова; собственно, опыт «низовых» словарей, независимо возникавших в интернете в ответ на потребности пользователей (типа Викисловаря и подобных проектов), это хорошо демонстрирует — именно там наряду с привычным набором разнообразной словарной информации стали стихийно появляться переводы на важнейшие мировые языки. Как кажется, эту потребность в цифровом словаре достаточно легко учесть.

Другая важнейшая задача, которую цифровые инструменты позволяют поставить и решить, — это то, что можно назвать **выходом за пределы слова** в словарной статье. Собственно, в передовой словарной практике эта задача была осознана давно, но для ее полного решения раньше не хватало технических ресурсов. Теперь существование связанных баз данных, отражающих свойства разных классов слов, оказывается важным техническим подспорьем для движения в этом направлении. Как известно, свойства предикатов — это и свойства аргументов, которые заполняют глагольные валентности. Верно и обратное: свойства имен — это свойства предикатов, с которыми они сочетаются.

В этой точке можно видеть очень заманчивый потенциал пересечения обычных словарей с фразеологическими. Раньше эти словари представляли собой

во многом разные миры (хотя традиция создания и тех, и других развивается сегодня очень интенсивно и привела к появлению целого ряда инновационных продуктов). Новые технологии позволяют сочетать в обычной структуре словарной статьи информацию разного типа — и то, что раньше традиционно помещалось «за ромбом», как нечто внешнее по отношению к базовому описанию, сегодня может быть более полно интегрировано в структуру словарной статьи (точно так же, как это можно делать по отношению к орфоэпической или грамматической информации). «Встречное движение», которое наблюдается в современной лингвистике по отношению к (традиционной) фразеологии и (более новой по происхождению) теории «грамматики конструкций», как кажется, дает очень плодотворные результаты именно в области лексикографических проектов — таких, как, например, семейство баз данных «Конструктикон» (где обобщается информация о множестве всех конструкций данного языка) или «Прагматикон» (где производится регистрация и описание так называемых «дискурсивных формул», представляющих собой стандартные модели ответных реплик в диалоге); см. подробнее [Janda et al. 2020; 2023]. Разметку такого рода, несмотря на ее сложность и многоплановость, вполне можно интегрировать в словарную статью соответствующих лексем с дополнительными возможностями поиска. С нашей точки зрения, такое решение будет особенно плодотворным для лексикографии служебных слов (известная проблемная зона в бумажных толковых словарях), так как их языковое поведение в целом конструкционно: их значение в наибольшей степени зависит от контекста и методами традиционной лексикографии описывается с трудом.

Таким образом, вся информация «за пределами слова» получает принципиально новую трактовку: роль сочетаемостных характеристик существенно повышается, все их разновидности интегрируются с помощью соответствующих баз данных в единое словарное описание. Аргументная структура, управление, фразеологические сочетания, коллокации (с обязательным учетом частотности) — всё это может найти свое место в словарной статье нового типа.

Наконец, важнейшей особенностью цифровой лексикографии (о которой, может быть, надо было даже сказать в первую очередь) является ее тесная интеграция с **корпусными инструментами**. Собственно, с самых первых шагов по созданию современных электронных корпусов их создатели говорили о том, что электронные корпуса должны составлять с электронными словарями единую систему — практически воплощая давнюю фундаментальную идею Ю. Д. Апресяна об «интегральном описании» языка (см., например, [Апресян 2006]), но при этом в пару «словарь ~ грамматика» добавляя корпус языка, на базе которого строятся оба элемента этой пары. Интеграция словаря и корпуса в первую очередь означает возможность предоставления всего массива корпусных примеров в качестве иллюстрации к словарной статье (помимо тех, которые фигурируют в тексте словарной статьи как специально отобранные составителем), но она также обеспечивает возможности любого корпусного поиска. Вообще, одним из главных преимуществ

дигитализации языковых ресурсов является, как известно, возможность быстрого поиска всего, что интересует пользователя, — в бумажном издании такие возможности были в принципе не доступны. Интеграция словаря и корпуса такие возможности увеличивает: помимо инструментов словарного поиска (по отдельным лексемам, пометам, группам помет и т. п.), в распоряжении пользователя оказываются и инструменты корпусного поиска, дающие возможность получить любое множество текстовых примеров с заданными свойствами (например, содержащих определенную лексему, сочетание определенных лексем, определенную лексему в определенной грамматической форме и т. п.).

Но не следует забывать, что у корпусного поиска имеется еще одна чрезвычайно полезная функция — это возможность диахронического поиска (в той степени, в какой тексты, входящие в корпус, размечены в отношении даты создания). Это, казалось бы, совсем простое в техническом плане дополнение на самом деле решает задачу колоссальной важности — сближение (или, точнее, объединение) синхронного и диахронического подхода к изучению языка. В XX в. это, как известно, не считалось приоритетной задачей — скорее, напротив: теории языка того времени настаивали на необходимости «строго разграничивать» синхронию и диахронию, что бы это ни значило. Важность иного подхода (“Rethinking linguistics diachronically”, как гласил заголовок известной статьи Дж. Гринберга 1979 г.) стала осознаваться только к концу прошлого столетия, но до появления современных электронных ресурсов это оставалось скорее декларацией, не подкрепленной реальными возможностями. В практическом плане корпусный поиск легко позволяет упорядочивать примеры хронологически, отбирать примеры из определенных временных массивов и сравнивать их между собой, а в теоретическом плане это означает возможность всесторонних «микродиахронических» исследований, позволяющих проследить постепенные и не всегда легко заметные изменения значений слов и их сочетаемости. С опорой на систему панхронического поиска (реализованную в настоящее время в Национальном корпусе русского языка, где представлены тексты в интервале от XI до XXI вв.) и с учетом уже упоминавшихся этимологических сведений облик цифровых словарей приобретет необходимую историческую глубину, которой не хватало их бумажным предшественникам. Как кажется, это непосредственно отразится и на работе лексикографа: при составлении толкований будет проще учитывать историческую информацию о значении слова и развитие полисемии можно будет представлять более наглядно (и с большей опорой как на диахронию, так и на накопленные в современной семантической типологии сведения о возможных в языках мира «семантических переходах»). Интеграция лексикографии, этимологии и теории семантических изменений — также давняя цель теоретической семантики, которая именно в рамках цифровой лексикографии становится реальной.

Как можно видеть, инновации, связанные с появлением новых лексикографических инструментов, ведут прежде всего к существенному увеличению информации о каждом элементе словарного описания. Хорошо известно, что объем

всегда был проблемой бумажного словаря и ставил лексикографов перед необходимостью жертвовать полнотой ради компактности. Однако для электронных ресурсов проблемы объема не существует: физических ограничений на количество информации в современных системах практически нет, проблема заключается только в разумном структурировании этой информации и в организации удобного доступа к ней. Пользователи при желании могут многократно увеличить количество нужных им примеров (группируя их по необходимым им критериям), включая такие (пока еще) экзотические виды иллюстративного материала, как, например, мультимедийный контент. Возможно, по мере развития цифровых технологий появятся и новые типы контента, которые мы сегодня еще даже не можем предвидеть⁴.

Перспективы цифровой лексикографии кажутся не только бесконечно захватывающими, но и захватывающе бесконечными. Но, с нашей точки зрения, это не должно пугать. В начале нашей работы над корпусными ресурсами тоже невозможно было представить работающие системы с объемом в миллиарды словоупотреблений (или параллельные корпуса, содержащие переводы с русского на несколько десятков языков, от армянского до японского, если перечислять их по алфавиту). Новые технологии на то и новые, что они позволяют делать то, что раньше казалось невозможным. Главное — бесстрашно начать эту работу по созданию современной мощной и многоуровневой цифровой лексикографической платформы, которую и русский язык, и богатые традиции нашей лексикографии безусловно заслуживают.

Литература

Апресян Ю. Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М.: ЯСК, 2006. С. 33–160.

Макаров Ю. Ю. Принципы и методы цифровой лексикографии // Известия РАН. Серия лит-ры и языка, 2024, том 83, № 4. С. 102–112.

Greenberg J. H. Rethinking linguistics diachronically. *Language*, 1979, vol. 55, № 2, pp. 275–290.

Janda L. A., Endresen A., Zhukova V., Mordashova D., Rakhilina E. How to build a constructicon in five years: The Russian example. *Belgian Journal of Linguistics*, 2020, vol. 34, pp. 161–173.

Janda L. A., Endresen A., Zhukova V., Mordashova D., Rakhilina E. From data to theory: An emergent semantic classification based on the large-scale Russian constructicon. *Constructions and Frames*, 2023, vol. 15, № 1, pp. 1–58.

⁴ О некоторых других возможностях цифровой лексикографии см. [Макаров 2024].

V. A. Plungian

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
plungian@iling-ran.ru*

E. V. Rakhilina

*NRU Higher School of Economics
(Russia, Moscow)
rakhilina@gmail.com*

ON DIGITAL LEXICOGRAPHY

The following essay discusses the ongoing transformation of paper dictionaries into digital format. This process has become inevitable (due to the development of modern technologies) and has an undoubtedly beneficial effect on the quality of lexicographic descriptions, the convenience of compiling dictionaries, and the efficiency of their use. Notably, the digital format allows for a much more convenient environment for managing lexicographic tags, which organically develop into a tool for the systematic description of lexis, as well as a tool for retrieving various information about words and classes of words with similar properties. Also, the digital format is much more convenient for considering the broad compatibility of dictionary units and integrating lexicography with Construction Grammar. Finally, digital technologies enable the federated use of dictionary and corpus data, which is a long-overdue need in modern lexicography. Both lexicographers and dictionary users gain many new opportunities in the realm of digital format, so the future entirely belongs to digital lexicography.

Key words: digital lexicography, data bases, Construction Grammar, corpus linguistics.

References

- Apresyan Yu. D. *Osnovaniya sistemnoi leksikografii* [Foundations of systemic lexicography]. *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Linguistic worldview and systemic lexicography]. Ed. by Yu. D. Apresyan. Moscow, YSK Publ., 2006, pp. 33–160. (In Russ.)
- Greenberg J. H. Rethinking linguistics diachronically. *Language*, 1979, vol. 55, no. 2, pp. 275–290.
- Janda L. A., Endresen A., Zhukova V., Mordashova D., Rakhilina E. How to build a constructicon in five years: The Russian example. *Belgian Journal of Linguistics*, 2020, vol. 34, pp. 161–173.
- Janda L. A., Endresen A., Zhukova V., Mordashova D., Rakhilina E. From data to theory: An emergent semantic classification based on the large-scale Russian constructicon. *Constructions and Frames*, 2023, vol. 15, no. 1, pp. 1–58.
- Makarov Y. Y. [Principles and methods of digital lexicography]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2024, vol. 83, no. 4, pp. 102–112. (In Russ.)

М. Н. Приемышева
Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург)
mn.priemysheva@yandex.ru

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ОДНОГО СЛОВАРЯ (Москва-Петроград 1921–1923 гг.)

В статье кратко освещается история создания и дается краткая характеристика неизданного «Словаря русского живого литературного языка», работа над которым велась по инициативе В. И. Ленина и под руководством Д. Н. Ушакова с июня 1921 г. по октябрь 1923 г. Обращение к этому словарю в настоящее время обусловлено тем, что в 2023 г. в Большой словарной картотеке ИЛИ РАН (г. Санкт-Петербург) была обнаружена картотека данного словаря, перевезенная в 1934 г. из Москвы в Ленинград, судьба которой долгое время считалась неизвестной. Материалы данной картотеки, включающей около 140 тысяч карточек, а также архивные сведения о ней, хранящиеся в Государственном архиве РФ и в Архиве РАН, позволяют сделать ряд практических наблюдений о принципах словаря, его содержании и оформлении. В статье впервые публикуются образцы словарных статей словаря, а также делаются некоторые выводы о принципах лексикографической работы над словарем. Словарь уникален по целому ряду историко-научных и историко-культурных параметров: автором проекта словаря был В. Я. Брюсов, выборка материалов осуществлялась из произведений известных прозаиков и поэтов начала XX в., в том числе поэтов Серебряного века, картотека словаря создавалась руками известных и молодых филологов Москвы (Г. К. Данилов, М. Н. Петерсон, А. М. Пешковский, Е. Д. Поливанов, А. А. Реформатский, А. М. Селищев, Н. П. Сидоров, С. М. Соловьев, Р. О. Шор и мн. др.) и Петрограда (Л. В. Щерба, Е. С. Истрина, В. И. Чернышев, С. П. Обнорский, В. В. Виноградов, Б. В. Томашевский, С. А. Шахматова и др.), автографы которых в большом количестве представлены в картотеке. Материалы картотеки словаря становятся бесценным источником по изучению истории отечественной толковой лексикографии.

Ключевые слова: история отечественной толковой лексикографии, картотека «ленинского» словаря, Большая словарная картотека Института лингвистических исследований РАН.

1. Несмотря на то что история отечественной лексикографии в целом хорошо изучена и детально описана, все еще находятся такие ее эпизоды и страницы, которые оказываются или забытыми, или малоизученными. И к таким эпизодам относится период 1920–1930-х гг., в течение которого велась большая лексикографическая работа, результаты которой хоть и не были опубликованными, но оказали существенное влияние на развитие отечественной лексикографии в целом. Это касается, например, работы над незавершенным академическим «Словарем русского языка» 1929–1937 гг. под ред. Н. С. Державина, продолжающим шахматовское издание, среди авторов которого были Л. В. Щерба и С. И. Ожегов и который во многом предопределил облик будущего «Словаря современного русского литературного языка» (БАСа), а также — работы коллектива под руководством Д. Н. Ушакова над созданием «Словаря живого русского литературного языка», которая велась по инициативе В. И. Ленина коллективами московских и петроградских филологов в начале 1920-х гг.

Последний словарь упоминался в нескольких работах по истории русской лексикографии или как неизданный «ленинский» словарь, или как несостоявшийся проект, предшествующий созданию «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова [Левашов 1998; Никитин 2004; Никитин 2012]. Впервые в отечественной науке подробно и детально, на основании архивных данных, сложная судьба этого словаря была представлена в работах [Левашов, Петушков 1970; Левашов, Петушков 1975]. В настоящее время история создания словаря находит подробное освещение в публикациях О. В. Никитина [Никитин 2004; Никитин 2016]. И вероятно, этот словарь так бы и остался теоретической недостающей страницей отечественной лексикографии, если бы осенью 2023 г. в фондах Большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН не была обнаружена картотека этого словаря (см. подробнее о данной находке [Приемышева, Стукова 2023]), включающая около 140 000 карточек, которая позволяет сделать выводы о содержании словаря, о принципах работы над словарем, о составе его словника, о конкретных лексикографических способах реализации его концепции.

История проекта начинается с идеи В. И. Ленина, которую он впервые формулирует в письме А. В. Луначарскому 18 января 1920 года: *«Не пора ли создать словарь настоящего русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых теперь и классиками, от Пушкина до Горького. Что, если посадить за сие 30 ученых, дав им красногвардейский паек? Как бы вы отнеслись к этой мысли? Словарь классического русского языка?»* [Левашов, Петушков 1975: 60]. Работа над Словарем началась по личному распоряжению В. И. Ленина и велась при постоянном контроле с его стороны: с июня 1921 г. по октябрь 1923 г. отчеты о работе над словарем посылались ему ежемесячно. Именно эти факты послужили причиной того, что одним из рабочих названий словаря как со стороны Наркомпроса, так и со стороны исполнителей проекта стало название «ленинский» словарь.

Фактическая работа над Словарем была начата в июне 1921 г. и своей целью имела создание общедоступного краткого справочного «Словаря живого русского литературного языка» по типу малого Лярусса или «Малого толкового словаря

русского языка» П. Стояна¹, которые представляли собой тип краткого толкового и одновременно энциклопедического словаря с иллюстрациями. Важность и значимость проекта подтверждается тем, что на него Наркомпросом были брошены значительные филологические силы Москвы и Петрограда и выделены значительные ассигнования.

2. В истории создания этого словаря очень многие факты можно считать уникальными.

Во-первых, разработка концепции проекта была поручена В. Я. Брюсову, в тот момент — заместителю заведующего Литературным отделом Наркомпроса. Согласно предложенному им замыслу, словарь должен был быть *словарем-справочником*, представляющим собой «исчерпывающий список слов, с объяснением происхождения, значений и особенностей употребления», *быть объяснительным* (в нем филологические определения должны сочетаться для некоторых категорий слов с энциклопедическими), должен включать иллюстрации, чертежи и карты. Словарь должен был состоять из двух частей: часть I (слова нарицательные, 30 п. л.), часть II (имена собственные, около 25 п. л.), и работу над ним должны были вести «около 30 основных» и «неопределенное количество» других сотрудников (на специальных ставках), а также штат редакторов по различным тематическим областям (для терминологии и специальной лексики) [Брюсов 1975]. Следует подчеркнуть, что в целом вся дальнейшая работа над Словарем ориентировалась на этот краткий Проект за тем исключением, что уже через год объемы работы были уточнены — объем обеих частей планировалось довести до 60–70 п. л.

Во-вторых, к работе над словарем были привлечены лучшие филологические силы Москвы и Петрограда. В период с июня 1921 по октябрь 1923 г. (работа была официально прекращена с 1 ноября 1923 г. ввиду недостаточности средств) над Словарем (над созданием его картотеки, составлением словарных статей и их редактированием), согласно архивным данным, совокупно работало не менее 70 человек, не считая технических сотрудников. Так, первое рабочее бюро включало И. И. Гливенко — председателя Главнауки Наркомпроса (в прошлом — историк литературы, профессор Киевского, а потом Московского университетов), Д. Н. Ушакова и А. А. Буслаева, и со второго заседания в редколлегию Словаря были приглашены Н. Н. Дурново, П. Н. Сакулин, А. Е. Грузинский. Впоследствии к работе были привлечены и другие профессора Московского университета, а также многочисленные участники Московского лингвистического кружка, члены Общества любителей российской словесности. Редакторами словаря в разное время являлись

¹ Словарь был очень востребованным справочником и был переиздан несколько раз за короткий период времени (П. Е. Стоян. Малый толковый словарь русского языка. Ч. 1–2. СПб., Тип. В. Я. Макушкина, 1912.; П. Е. Стоян. Краткий толковый словарь русского языка. СПб., Тип. В. Я. Макушкина, 1913; Малый толковый словарь русского языка. Составил по образцу Даля и Лярусса П. Е. Стоян. 3-е изд. Пг., Тип. Н. Я. Оглоблина, 1916 г.). Включал около 33 тыс. слов и около 1300 иллюстраций. В вводной части были даны таблицы типовых окончаний и суффиксов (расположенных по алфавиту конечных гласных) с указанием их значений для самостоятельного образования слов, так как в Словарь для краткости включались только корневые слова.

И. Г. Голанов, С. М. Соловьев, Н. П. Сидоров, А. М. Пешковский, А. М. Селищев, Н. И. Шатерников, М. Н. Петерсон, Ю. И. Айхенвальд, Н. К. Гудзий, А. С. Орлов. Над материалами картотеки работали научные сотрудники А. И. Ромм, Б. В. Горнунг, Д. Д. Благой, С. Я. Мазе, А. А. Реформатский, Е. Д. Поливанов, Г. К. Данилов, Р. О. Шор, К. Г. Локс и мн. др. Вся московская группа работала над выборкой материалов из новых произведений начала XX в.

В июне 1921 г. была создана и петроградская группа. К работе были привлечены сотрудники Академии наук, работающие над академическим «Словарем русского языка»: В. И. Чернышев, Е. С. Истрина, С. П. Обнорский, И. А. Фалев. Руководителем петроградской группы был назначен Л. В. Щерба, руководителем словарной работы — секретарь будущей Словарной комиссии Петр Лазаревич Маштак. По архивным данным установлено, что к работе над систематизацией возвращенной из эвакуации в 1920 г. картотеки и копированию из нее цитат из русской литературы самого конца XIX в. были привлечены дочь А. А. Шахматова — Софья Алексеевна Шахматова, члены нефилологического общества при Петроградском университете — В. В. Виноградов, Б. В. Томашевский, А. П. Баранников, А. А. Гизетти [Об издании словаря: л. 32].

Таким образом, в работе над словарем приняли участие крупнейшие филологи России (литературоведы, переводчики, филологи-классики, лингвисты), сотрудники Румянцевского музея и др. архивохранилищ, библиотекари, а многие молодые участники — члены крупнейших филологических объединений Москвы и Петрограда — впоследствии стали крупными и известными учеными.

В-третьих, уникальными для истории русской лексикографии оказались источники картотеки. Помимо писателей-классиков, использованных для формирования картотеки академического «Словаря русского языка», были широко привлечены новые авторы (73 фамилии): Анненский, Арцыбашев, Асеев, Ахматова, Бакунин, Бальмонт, Белый, Блок, Брюсов, Бухарин, Вересаев, Гиппиус, Городецкий, Гумилев, Демьян Бедный, Есенин, Зайцев Б., Иванов Вяч., Игорь Северянин, Казин, Каменский Вас., Клюев, Кондурушкин, П. Кропоткин, Кузьмин, Ленин, Луначарский, Ляшко, Мандельштам, Мариенгоф, Маяковский, Пастернак, Плеханов, Пришвин, Ремизов, Самобытник, Серафимович, Сергеев-Ценский, Сивачев, Соловьев Влад., Ф. Сологуб, Телешов, А. Н. Толстой, Филипченко, Хлебников, Цветаева, Шершеневич, Шмелев и мн. др. [Никитин 2004: 202].

Также для выборки привлекалась пресса начала XX в.: «Вестник Европы», «Живописное обозрение», «Живописная Россия», «Мир Божий», «Русское богатство», «Русская мысль», «Русское слово», «Современный мир», «Вестник театра», «Жизнь», «Искусство», «Искусство коммуны», «Красный журналист», «Творчество», «Красная новь», «Пролетарская культура», «Художественная жизнь» и др., газеты «Беднота», «Известия», «Правда», «Коммунистический труд» и др. Из архивных источников известно, что выборкой из газет, в частности, занимались проф. И. Г. Голанов (3895 карточек), Г. К. Данилов (1462 карточки), Е. Д. Поливанов (13 628 карточек).

Так как сохранились перечни выборщиков из различных авторов и удается установить авторство почерков большей части карточек картотеки, то можно

утверждать, что с исторической точки зрения картотека в настоящий момент представляет собой уникальное собрание автографов выдающихся филологов начала XX в. Так, например, — С. М. Соловьев (филолог-классик, поэт, внук историка Сергея Соловьева, племянник Владимира Соловьева, троюродный брат Александра Блока) делал выборки из В. Брюсова; К. Г. Локс — литературовед, переводчик, друг Б. Пастернака — из Ахматовой, Казина, М. Горького; А. М. Пешковский — из Ремизова; А. А. Реформатский — из Пришвина и Кондрушкина; В. И. Пичета — историк-славист, профессор Московского университета, первый ректор Белорусского государственного университета — делал выборки из Вересаева и Ляшко и т. п. Обнаруженная картотека ценна не только тем, что включает карточки с автографами известных ученых начала XX в., но и тем, что выбранные слова и выписанные цитаты представляют собой результат их творческой и поисковой работы. Широкий круг филологов, привлеченных для создания картотеки, многие из которых были сами участниками литературного процесса этого периода, можно объяснить задачей исключительно профессионального подхода к источникам выборки и к самому языковому материалу. Обнаруженная картотека позволяет создать представление о масштабах и уникальном качественном характере такой работы, о том, как целенаправленная выборка слов и цитат стала творческой лексической лабораторией и объективным основанием для профессионального решения сложной лексикографической задачи.

В-четвертых, как настоящий справочник Словарь должен был включать энциклопедическую часть: во вторую часть «предполагалось ввести около 2000 географических имен, около 3500 обозначений исторических событий, около 4000 имен исторических деятелей и до 500 сокращенных обозначений учреждений и предметов» [Левашов, Петушков 1975: 75].

В качестве примера приведем несколько словарных статей, входящих во вторую, энциклопедическую, часть словаря и представленных в качестве примерных образцов в Отчете за ноябрь 1922 г.:

АА́ХЕН /А́ХЕН/. Главный город Прусской Рейнской провинции: важный промышленный центр; каменно-угольн². копи, шерсть, сукно, железоделательн. и химич. заводы; лечебн. минеральн. источники.

АБАС-ТУМА́Н. Местечко Ахалыхского у., Тифлиской губ., в 70 вер. от ст. Боржом по шоссе. Высота ок. 1300 метр., защищен с севера, сосновые леса, сернистые источники; климатическая станция для туберкулезных и слабогрудых.

АБАССИ́ДЫ. Династия Багдадских калифов (750–1258); эпоха расцвета арабской культуры: самый известный калиф — Гаруф-Аль-Рашид.

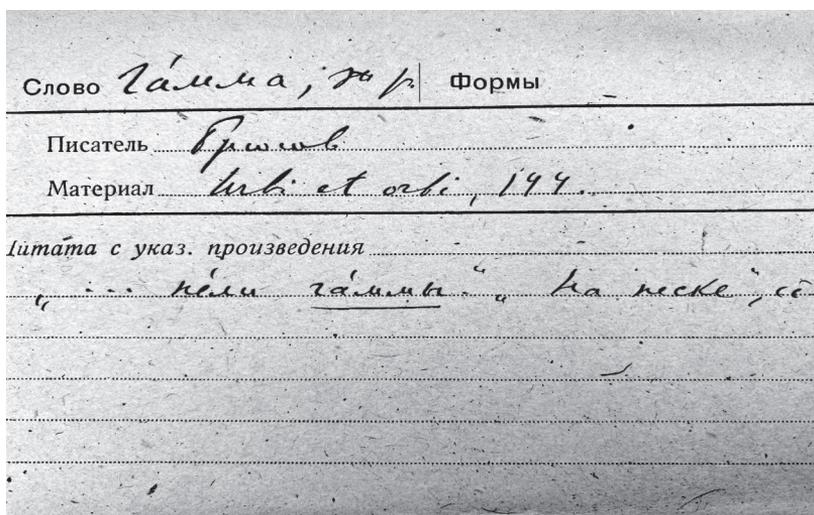
АБЕЛЯ́Р Петр (1079–1112), родом из Пале бл. Нанта. Философ и богослов: общие философские понятия считал чисто субъективными: старался обосновать догматич. учения церкви началами разума, а нравственность — свободной волей. За еретичность подвергался преследованию. [Об издании...: л. 56].

² Сокращение источника сохраняется.

Редактором II части, согласно Отчетам, являлся Сергей Павлович Ордынский, для создания иллюстраций был приглашен Н. А. Андреев [Никитин 2004: 209], в будущем — известный советский художник.

При обнаружении Картотеки основной части Словаря была также обнаружена Картотека сокращенных наименований учреждений, включающая 1270 сложно-сокращенных слов (напр., *автосангрузот* ‘грузовой автосанитарный отряд’, *автосанпунктот* ‘пунктовой военно-санитарный отряд’, *автосклад* ‘автомобильный склад’, *автоскладарм* ‘автомобильный склад армии’ и т. п.), которая, согласно плану издания, должна была входить в его II справочную часть. Уникальность этого материала определяется тем, что на период 1921–1923 гг. это самый первый в истории отечественной лексикографии Словарик сложносокращенных слов, см. подробнее [Кузнецова, Кузнецов 2023].

В-пятых, это профессиональный подход к оформлению картотеки. Для картотеки этого словаря были специально заказаны бланки картотечных карточек, что является исключительным случаем для профессиональной лексикографии. Как фиксируется в одном из писем Наркомпроса в Госиздат, «Согласно предписанию председателя Совнаркома В. И. Ленина, особой комиссией ученых-специалистов <...> был разработан план работ по составлению и подготовке нового словаря русского языка <...>. Поэтому Управление научных учреждений Акцента настоятельно просит Госиздат принять самые срочные меры к напечатанию на хорошей плотной бумаге 500 000 экз. прилагаемого при сем образца карточки для выборки материалов» [Левашов, Петушков 1975: 77–78]. Размер карточек стандартный — 16,5x10,5. Карточки типографски пролинованы и на них были вынесены такие параметры, как *Слово / Формы / Писатель / Материал / Цитата с указ. произведения*. См. образец такой карточки с автографом С. М. Соловьева, которому, помимо редактирования материалов словаря, была поручена выборка из произведений Валерия Брюсова:

Уникальным фактом истории словаря можно считать и судьбу его картотеки: фонд периодически считался утраченным, но время от времени информация о нем появлялась (см. подробнее [Никитин 2004; Никитин 2016; Приемышева, Стукова 2023]). Согласно Отчетам по Академии наук за 1934 г. известно, что в 1934 г. фонд был передан в Большую словарную картотеку Института языка и мышления. Далее фонд фигурирует в Отчетах Картотеки в 1950-е гг., а потом его судьба становится неизвестной. В 2023 г., практически 100 лет спустя с момента его создания, фонд был обнаружен и атрибутирован, и теперь, представляя особый интерес по указанным выше причинам, а также в связи с тем, что является уникальным источником лексики русского литературного языка 1910–1920-х гг., может быть всесторонне исследован.

3. Обнаруженный материал Картотеки «ленинского» словаря включает около 140 000 карточек на все буквы алфавита от А до Я. В настоящее время ведется составление словника данной картотеки, который позволяет установить, что в своей основе материал представлен в полном объеме с некоторыми незначительными лакунами на разные буквы за исключением материалов на букву В, которые представлены только тремя отрезками *Вход* — *Выгладки*, *Вынашивать* — *Высолка*, *Высосать* — *Вяций* общим числом около 1200 карточек.

Обычно на 1 слово приводится 1 карточка с цитатой, в случае многозначности слова — от 2 до 7–8 карточек-цитат. Картотека включает лексику общеупотребительную, редкую, индивидуально-авторскую, имена собственные, прилагательные, образованные от имен собственных и т. п.

Приведем в качестве примера фрагмент словника картотеки от слова **гамак** до **гангрена**³:

гамак (Новое время 1903)
гаман (Бунин)
Гамашка (Шмелев)
гамаюн, -а, м. (Клюев, Блок)
гамаюнов, -а, -о (Клюев)
гамбеттовский (Бакунин)
гам-гам-гам (Клюев)
гамен (Крестовский, Бакунин, Русское богатство 1907)
гамить (Бонч-Бруевич)
гамканье (Вс. Крестовский, А. Белый)
гамкать (А. Белый)
гамкнуть (Ф. Сологуб, А. Дьяков)
Гамлет (Шершеневич, Вестник Европы 1905 № 11)

³ Полужирным выделены слова, на которые редактором (редактор букв А, Г, Д — Алексей Евгеньевич Грузинский, литературовед, историк литературы, профессор Московского университета) были даны определения, также представленные в картотеке на карточках другого типа. В скобках приводится ссылка на источник или на фамилию автора источника, цитатный материал из которого представлен на карточке.

- гамлет-барин (Вестник Европы 1914 № 5)
гамлетизм (Вестник Европы 1915 № 1)
 гамлетик (Ленин)
 гамлетка (Лейкин)
 гамлетовски (Новое Время 1908)
 гамлетовский (Чехов, П. Боборькин, Вестник Европы 1911 № 7)
гамма (Мамин-Сибиряк, Мережковский, Северянин, Вестник Европы 1905 № 12, Русская мысль 1914 № 2, В. Хлебников, Вяч. Иванов, Брюсов)
 гаммонд (Русское слово 1904, Н. Асеев, Б. Зайцев)
 гамоно (Вс. Крестовский)
 гамузом (Ляшко)
 гамырки (Л. Толстой)
 гамэн (Арцыбашев)
 Ганг (Брюсов)
 гангар (Новое время 1910)
гангрена (Русское слово 1904).
 гангренозный (Салтыков)

Для сравнения приведем образец оформления словарных статей на ту же часть словника, представленный в Отчетах о работе по словарю за ноябрь 1922 г.:

Фрагмент образцов словарных статей основной части словаря (1922) [Об издании...: л. 54]	Толкования аналогичных слов в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (1935 г.) ⁴
ГАМА́К , а, м. Висячая постель из сетки или полотна.	ГАМА́К , а́, м. Подвесная койка из сетки, обычно привязываемая к деревьям.
ГАМА́ШИ , ей, жс. Вязаные или суконные чулки, надеваемые для тепла сверху обуви.	ГАМА́ШИ и (реже) к а м а́ ш и, а́ш, ед. а́ша, и, жс. Теплая одежда на ноги от ступни до колена.
ГА́МКАТЬ , аю, однокр. -КНУТЬ . Производить отрывистый лай.	ГА́МКАТЬ , аю, аеш, несов. (обл.). Отрывисто лаять. <i>перен.</i> Браниться (простореч.).
ГАМЛЕТИ́ЗМ , а, м. Душевный склад и настроение как у героя Шекспировской трагедии, разлад между волей и сознанием.	ГАМЛЕТИ́ЗМ , а, мн. нет, м. (книжн. устар.). Нерешительность, подавление воли рефлексией. <i>Он впал в г.</i> [От имени героя трагедии Шекспира «Гамлет».]
ГА́ММА , ы, жс. Ряд музыкальных звуков, стоящих по высоте в определенном отношении друг к другу.	ГА́ММА ¹ , ы, жс. Последовательный ряд звуков, повышающийся или понижающийся, обычно в пределах одной или двух октав (муз.). <i>перен.</i> Последовательный ряд каких-н. однородных, но многообразных в своей изменчивости предметов, качеств (книжн.). ГА́ММА ² , ы, жс. Третья буква греческого алфавита (γ). ◊ Га́мма-лучи́ , ёй, ед. нет (физ.) — то же, что рентгеновские.

⁴ Этимологические справки, иллюстративный материал при цитировании опускаем, оставляя для сравнения только словарные дефиниции.

Окончание таблицы

Фрагмент образцов словарных статей основной части словаря (1922) [Об издании...: л. 54]	Толкования аналогичных слов в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (1935 г.) ⁴
ГАНГРЁНА , <i>ы, жс</i> . Омертвление живой ткани, антонов огонь. <i>Прил. -НОЗНЫЙ</i>	ГАНГРЁНА , <i>ы, мн. нет, жс</i> . (мед.). Омертвление тканей организма, сопровождаемое их почернением и гниением. ГАНГРЕНОЗНЫЙ , <i>ая, ое</i> (мед.). <i>Прил. к гангрена.</i>

Очевидно, что, несмотря на колоссальную проделанную творческую работу выборщиков по поиску новой и современной лексики, по выборке цитат из современной литературы и копировании цитат из фондов Академической картотеки, редакторы ориентировались только на общеупотребительную лексику, и семантической разработке подлежала только она. При условии многозначности (напр., в картотеке на слово *гамма* приводится 8 цитат, иллюстрирующих различные значения и употребления слова), в словарь попало только одно значение.

Также обращает на себя внимание тот факт, что многие толкования не слишком точны (и это особенно очевидно при их сравнении с толкованиями аналогичных слов в Толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова), что позволяет говорить о неокончательном их виде, о том, что, учитывая невероятный темп работы (за 2 года была собрана полная картотека и словарь, согласно отчетам, был подготовлен более чем на половину), материалы требовали еще существенной редакторской доработки.

4. Обнаруженные материалы картотеки «ленинского» словаря позволяют сделать ряд выводов о принципах лексикографической работы над словарем-справочником, в котором должны были быть даны объяснения для широкоизвестных и наиболее актуальных слов. Один из важных выводов заключается в том, что несмотря на срочность и сложность поставленной задачи, авторы профессионально подошли к подбору словника словаря и к отбору актуальных значений: выбор слов за счет создания картотеки был не произвольный, а эмпирически объективный. Подготовка картотеки играла первостепенное значение для всей работы: все отчеты о работе по словарю посвящены именно ее формированию, тогда как составительская работа в отчетах фигурирует как более быстрая, заключающаяся только в обработке картотечных материалов.

Работа над этим словарем, несомненно, оказалась важным этапом в развитии отечественной лексикографии: Д. Н. Ушаков получил значительный опыт лексикографической и организаторской словарной работы, который ему не мог не пригодиться в работе над следующим словарным проектом. (Однако, возможно, что если бы данный словарь все-таки был бы опубликован, то необходимости в новом словаре еще долгое время бы не возникало, и тогда развитие отечественной лексикографии могло бы пойти другим путем.) Обращает на себя внимание также то, что в подготовке данного словаря (особенно его текстовой части) принимали

участие филологи-классики, литературоведы, переводчики, работники архивов и библиотек, тогда как для следующего словаря Д. Н. Ушаков приглашает уже преимущественно лингвистов.

Словарь также уникален как опыт совместной работы филологов Москвы и Петрограда: на несколько лет он оказался общим местом, общим делом всей отечественной филологии.

И, как следствие, картотека этого словаря стала не только уникальным хранилищем автографов выдающихся филологов начала XX в., но и результатом их лексикографической мысли, бесценным источником по изучению раннего этапа русской толковой лексикографии.

Литература

Брюсов В. Я. Записка об издании объяснительного словаря русского языка (1920) // Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. Неизданное. М.: Наука, 1975. С. 246–252.

Кузнецова И. Е., Кузнецов Г. А. Картотека сокращенных обозначений неизданного «ушаковского» словаря 1920-х гг. // Филологический класс, 2023, т. 28, № 4. С. 261–270.

Левашов Е. А. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова // История русской лексикографии. СПб.: Наука, 1998. С. 346–351.

Левашов Е. А., Петушков В. П. Ленин и словари. Л.: Наука, 1975. 109 с.

Левашов Е. А., Петушков В. П. У истоков советской лексикографии // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1970. Т. XXIX. С. 165–172.

Никитин О. В. Забытая картотека, или судьба русского «Лярусса» // Мир русского слова, 2016, № 1. С. 13–22.

Никитин О. В. Забытые страницы русской лексикографии 1920-х гг. (предыстория «Ушаковского словаря») // Русский язык в научном освещении, 2004, № 1 (7). С. 195–228.

Никитин О. В. Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари). Славянск-на-Кубани: Издательский центр филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани, 2012. 232 с.

Об издании словаря — Об издании русского словаря / Государственный Архив РФ. Фонд Р5446. Оп. 31. Д. 12. 85 л. (13.12.1921 — 08.12.1923) [машинописная рукопись].

Приемышева М. Н., Стукова Е. Г. О забытой картотекке неизданного «ушаковского» словаря русского литературного языка 1920-х гг. // Филологический класс, 2023, т. 28, № 4. С. 243–260.

M. N. Priemysheva

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences

(Russia, St. Petersburg)

mn.priemysheva@yandex.ru

THE STORY OF CREATING ONE DICTIONARY (Moscow–Petrograd 1921–1923)

The article briefly highlights the story of creation and gives a brief description of the unpublished “Dictionary of the Russian Living Literary Language”, which was being created from June 1921 to October 1923 on the initiative of V. I. Lenin and under the auspices of D. N. Ushakov. The interest towards the dictionary is caused by the fact that in 2023 a card index of this dictionary was found in the Great Dictionary Card Index of the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg). The card index was moved from Moscow to Leningrad in 1934, and its fate was considered unknown for a long time. The materials of this card file, which includes about 140 thousand cards, as well as archival information about it, stored in the State Archive of the Russian Federation and in the Archive of the Russian Academy of Sciences, allow us to make a number of practical observations about the principles of the dictionary, its content and design. For the first time, the article publishes samples of dictionary entries, and draws some conclusions about the principles of lexicographic work on the dictionary. The dictionary is unique in a number of historico-scientific and historico-cultural parameters. Interestingly, the author of the dictionary project was V. Bryusov and the selection of materials was carried out from the works of famous writers and poets of the early XX century, including poets of the Silver Age. The dictionary card index was created manually by the famous and young philologists from Moscow (G. Danilov, M. Peterson, A. Peshkovsky, E. Polivanov, A. Reformatsky, A. Selishchev, N. Sidorov, S. Solovyov, R. Shor and many others) and Petrograd (L. Shcherba, E. Istrina, V. Chernyshev, S. Obnorsky, V. Vinogradov, B. Tomashevsky, S. Shakhmatova, etc.), whose autographs are presented in large numbers in the card index. The materials of the dictionary card index turn out to be an invaluable source for studying the history of Russian explanatory lexicography of the 1920s and 1930s.

Key words: history of Russian explanatory lexicography, card index of the “Lenin” dictionary, the Great Dictionary Card Index of the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences.

References

Bryusov V. [A note on the publication of an explanatory dictionary of the Russian language]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 85. Valerii Bryusov. Neizdannoe* [Literary heritage. Vol. 85. Valery Bryusov. Unreleased.]. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 246–252. (In Russ.)

Kuznetsova I. E., Kuznetsov G. A. [Card Index of Abbreviations of the Unpublished “Ushakov’s” Dictionary of the 1920s]. *Filologicheskii klass* [Philological Class]. 2023, Bd. 28, no. 4, pp. 261–270. (In Russ.)

Levashov E. A. [Explanatory Dictionary of the Russian language, edited by D. N. Ushakov]. *Istoriya russkoi leksikografii* [The History of Russian lexicography]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1998, pp. 346–351. (In Russ.)

Levashov E. A., Petushkov V. P. *Lenin i slovari* [Lenin and dictionaries]. Leningrad, Nauka Publ., 1975. 109 p.

Levashov E. A., Petushkov V. P. [At the origins of Soviet lexicography]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 1970, Bd. XXIX, pp. 165–172. (In Russ.)

Nikitin O. V. [The forgotten file cabinet, or the fate of the Russian “Larousse”]. *Mir russkogo slova*, 2016, no. 1, pp. 13–22. (In Russ.)

Nikitin O. V. [Forgotten Pages of Russian Lexicography of the 1920s (the background of the Ushakov Dictionary)]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2004, no. 1 (7), pp. 195–228. (In Russ.)

Nikitin O. V. *Ocherki po istorii russkoi leksikografii pervoi poloviny XX veka (tolkovye slovari)* [Essays on the history of Russian lexicography of the first half of the 20th century (explanatory dictionaries)]. Slavyansk-na-Kubani, 2012. 232 p.

Ob izdanii russkogo slovarya [About the publication of the Russian dictionary (type-written manuscript)]. Gosudarstvennyi Arkhiv RF. Fond R5446. Op. 31. D. 12. 85 p. (13.12.1921 — 08.12.1923). (mashinopisnaya rukopis') (In Russ.)

Priemyшева M. N., Stukova E. G. [On the Forgotten Card Index of the Unpublished “Ushakov’s” Dictionary of the 1920s.]. *Filologicheskii klass* [Philological Class]. 2023. Bd. 28, no. 4, pp. 243–260. (In Russ.)

О. А. Прохвятилова

Российский государственный гуманитарный университет

(Россия, Москва)

olgaprohvatilova@yandex.ru

О ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ НОРМАХ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ

Статья посвящена описанию специфики сегментного уровня современной православной проповеди. Установлено, что в проповедях на фоне современной орфоэпии зафиксированы некоторые произносительные элементы церковнославянского языка, в числе которых сохранение качественных и количественных характеристик гласных полного образования под ударением и в безударной позиции; произношение ударного нелабиализованного [э] после мягких согласных, шипящих и [ц] перед твердыми согласными; побуквенное произнесение флексий в грамматических формах; особое произношение слова «что». Продемонстрировано, что церковнославянские нормы представлены, как правило, непоследовательно, часто воспроизводятся в единичных случаях, обращены обычно к отдельным словоформам. Показано, что церковнославянские орфоэпические варианты обнаруживаются не только при рецитации текстов Священного Писания и молитвословий на церковнославянском языке, но и при воспроизведении фрагментов сакральных текстов в Синодальном переводе, а также свободно проникают в собственно авторскую речь пастыря. При этом частотность церковнославянских произносительных элементов у разных проповедников может быть различной. Делается вывод о том, что произносительные нормы современной православной проповеди складываются в результате взаимодействия орфоэпических систем двух языков — современного русского и церковнославянского.

Ключевые слова: современная православная проповедь, орфоэпия, сегментный уровень, церковнославянские произносительные нормы.

Исследовательский материал и постановка задачи

Как известно, феномен современной православной духовной речи состоит в том, что в ней функционируют тексты на церковнославянском языке (Священное Писание, молитвы, псалмы и др.) и речевые произведения на современном русском литературном языке, в числе которых проповеди, звучащие в храме и за его

пределами. Это обстоятельство формирует систему языковых средств духовной речи, пронизанную архаичными церковнославянскими элементами, которые в сочетании с единицами современного русского литературного языка создают ее стилистическое своеобразие.

В данной статье предлагается описание сегментного уровня православной проповеди в орфоэпическом аспекте — с точки зрения актуальности для звучания проповеди норм церковнославянского произношения.

Если орфоэпические нормы современного русского литературного языка зафиксированы и описаны, то кодификация современного церковнославянского произношения пока не завершена [Шмелев 2018: 88]. Лингвистическое изучение церковнославянского литургического произношения как специфического, во многом искусственного, осмысление его в качестве самостоятельной произносительной системы, существовавшей наряду с живой русской речью, было начато А. А. Шахматовым и его последователями [Шахматов 1903; Шахматов 1941; Дурново 1926], продолжено в работах современных лингвистов [Успенский 1968; Панов 1990]. При этом отдельные черты литургического произношения (произношение редуцированных, отсутствие качественной редукции гласных, произношение ударного [э] после мягких согласных, произношение фрикативного [γ], сочетаний [шт] и [ш'ч'], тенденция к ослаблению контраста между ударными и безударными слогами, побуквенное произнесение грамматических форм) восстанавливались исследователями гипотетически, на основе анализа памятников XI–XIII вв., изучения письменных источников первой половины XVIII в., рассмотрения старообрядческой литературы XIX в. Так, например, Б. А. Успенский называет в числе признаков церковнославянской фонетической системы произношение редуцированных, косвенным подтверждением которого, по мнению ученого, является отсутствие оглушения парных звонких согласных в позиции конца слова [Успенский 1968: 29–83].

Попытки описания актуальных орфоэпических норм мы находим в опубликованных в последние десятилетия различных учебниках церковнославянского языка, пособиях по церковному чтению и пению, гомилетиках. Поскольку церковнославянский язык не используется для устного общения, то, когда говорят о нормах церковнославянского произношения, обычно перечисляют правила чтения текстов на церковнославянском языке (см., например: [Воробьева 2008; Иеромонах Алипий 1991; Миронова 2014]). Главной особенностью церковнославянского языка является обязательность совпадения орфоэпии и орфографии [Плетнева, Кравецкий 2006], когда «гласные не редуцируются, согласные не оглушаются, не озвончаются и не выпадают» [Королева, Перелешина 2011: 28]. По справедливому замечанию А. Д. Шмелева, «церковнославянская орфоэпия — это по существу правила чтения вслух церковнославянского текста» [Шмелев 2018: 84]. В этой связи остается неясным, в какой степени могут быть представлены в православной проповеди церковнославянские орфоэпические нормы, если она, во-первых, не читается, а проговаривается и, во-вторых, произносится не на церковнославянском, а на современном русском языке.

Из имеющихся перечней церковнославянских произносительных норм нами были отобраны такие, как сохранение качественных и количественных характеристик гласных полного образования под ударением и в безударной позиции; произношение ударного нелабиализованного [э] после мягких согласных, шипящих и [ц] перед твердыми согласными; побуквенное произнесение флексий в грамматических формах; сохранение звонкости согласных в позиции конца слова. В основе этих церковнославянских норм лежат языковые факты, связанные с принципиальными для эволюции фонетической системы русского языка процессами, которые допускают возможность использования норм и церковнославянского языка, и современной орфоэпии.

Реализация этих норм в их взаимодействии и соотношении с орфоэпическими нормами русского языка была проанализирована на материале 47 современных православных храмовых и нехрамовых проповедей, произнесенных клириками всех степеней священства, в том числе патриархом Алексием II, патриархом Кириллом, митрополитами Антонием (Сурожским) и Германом (Тимофеевым), архиепископами Амросием (Юрасовым), Александром (Шаргуновым), Иоанном (Крестьянкиным), Кириллом (Павловым) и Саввой (Мажуко), протоиереями Александром (Кухтой), Артемием (Владимировым) и Федором (Повным), иереями Валерием (Сосковцом) и Владиславом (Береговым) и др. Все священнослужители владеют орфоэпическими нормами современного русского языка.

1. Сохранение качественных и количественных характеристик гласных полного образования под ударением и в безударной позиции

Актуальная для церковнославянского языка норма произношения гласных полного образования в любой позиции воспроизводится в звучащей православной проповеди непоследовательно и связана, по нашим наблюдениям, с произношением нередуцированного [о] в безударной позиции. Основной массив данных свидетельствует о том, что гласные звуки в проповеди подвергаются количественным и качественным изменениям в зависимости от позиции, что соответствует современным орфоэпическим нормам, например:

- (1) ...в этом году мы празднуем вместе/ в один день/ праздник Благовещенья Пресвятой Богородицы/ и/ праздник Входа Господня в Иерусалим/ Вербное воскресенье/ ... [в_э́тѣм глдо́у мы_празну́ѣм вм'эст'ѣ/ в_лдо́ин д'эн'/ празн'ѣк блъгв'эши':ѣн'ѣ пр'ѣсв'итѣ́и блъгрод'ѣцы/ и/ празн'ѣк фходъ глсподн'ѣ в_ѣѣрусл'ѣим/ в'эробн'ѣ въскр'ис'эн'ѣ/ ...].

Вместе с тем в нашем материале зафиксированы случаи произношения нередуцированного [о] в безударной позиции. Обращает на себя внимание тот факт, что воспроизведение этой церковнославянской орфоэпической нормы наблюдается как в собственно авторской речи проповедника, так и при цитировании Священного Писания либо произнесении молитвословий или их фрагментов.

В собственно авторской части проповеди произношение гласного полного образования в ударных и безударных слогах происходит в двух позициях. Во-первых,

нередуцированный [о] встречается при произношении некоторых проклитик в фонетических словах, образованных сочетанием предлога и знаменательного слова, например:

- (2) ...самое главное свидетельство/ [о_бó]же/...;
- (3) ...мы молимся Ему/ [о_н'и]спослании/ благодати Свят[аго] Духа/ этому/ храму/...; ...возродил нас/ воскресением/ Иисуса Христа/ [от_м'эртвых]/...

Во-вторых, появление гласного полного образования в безударных слогах возможно при произношении некоторых префиксальных образований. В этом случае не подвергается редукции [о], входящий в приставку, например:

- (4) ...принявших решение/ [о] [со]действию/ воссозданию храма/...;
- (5) ... но это единство/ ... достигается также/ и другим средством/ о котором мы говорили ранее/ [со]участием людей/ в спасительной жертве/ которую/ принес/ Христос/...

При цитировании Священного Писания (как в его церковнославянском варианте, так и в Синодальном переводе) сохранение качественных и количественных характеристик [о] в безударных позициях зафиксировано лишь в единичных случаях. Ср., например рецитацию следующего фрагмента Нового Завета: *Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, Ибо видели очи мои спасение Твое, Которое Ты уготовал пред лицом всех народов, Свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля.* (Лк. 2: 29–32):

- (6) ...потому что видели очи мои/ спасение Тв[о]е/...;
- (7) ...ныне отпускаеши/ раба Твоего/ Владык[о]/...; ...я[ко] видите очи мои/ то есть я увидел/ очи мои/ спасение Тв[о]е/ еже еси уготовал пред ли[цэ]м всех людей/...

При воспроизведении молитвословий или их фрагментов произношение звука [о] полного образования в безударной позиции проявляется непоследовательно. Например, в молитве «Во имя Отца и Сына и Святого духа», с которой, следуя рекомендациям пастырского богословия [Настольная книга священнослужителя 1986: 23], обычно начинают проповедь многие священники, зафиксировано обязательное произношение в безударной позиции гласного полного образования [о] только в словоформе *Святого*, во всех других случаях произносятся редуцированные гласные в соответствии с современной орфоэпией:

- (8) В[[^]и]мя [[^]тца и Сына и Свят[аго] духа/...

Мы полагаем, что это обусловлено тем, что в данной позиции актуальна еще одна норма церковнославянского произношения, предписывающая побуквенное произношение флексий грамматических форм *-аго*, *-эго*: «Имена прилагательные и местоимения, оканчивающиеся в Род. и Вин. падежах ед. ч. на *-агѡ*, *-аго*, *-егѡ*, *-его* читаются так, как они написаны в тексте» [Миронова 2014: 18].

2. Побуквенное произнесение флексий -аго, -его в грамматических формах прилагательных и местоимений

Если рассматривать реализацию в современной звучащей проповеди церковнославянской орфоэпической нормы побуквенного произнесения флексий грамматических форм, то отметим нерегулярный характер ее воспроизведения: произношение ориентировано в большей степени, как показывает анализ, на современные орфоэпические нормы.

Наиболее последовательно побуквенное произношение флексий в грамматических формах реализуется в современной проповеди при произношении формы *Свят[аго]*, например:

- (9) *...во имя Отца/ и Сына/ и Свят[аго] Духа/...;*
- (10) *...после ухода Спасителя/ наставления/ в истине/ осуществляться будут/ через/ третье лицо Святой Троицы/ через Свят[аго] Духа/ <...> но будет усваиваться действием/ Духа Свят[аго]/ на природу человека/ <...> это очень важное свидетельство Спасителя/ о действенности/ силы/ благодати Свят[аго] Духа/ которое/ будет действовать в мире/...;*
- (11) *...приносим веяние Духа Свят[аго]/ ... / мы молимся Ему/ о ниспослании/ благодати Свят[аго] Духа/ этому/ храму/...;*
- (12) *...и ничто кроме этого/ не может вести нас/ в сокровенные глубины Божии/ Отца и Сына/ и Свят[аго] Духа/...;*
- (13) *...для того мы крещены/ во имя Отца и Сына/ и Свят[аго] Духа/...*

Приведенные и подобные примеры демонстрируют произносительный вариант *Свят[аго]* даже в тех случаях, когда словоформа употребляется за пределами рецитации.

В материале, которым мы располагаем, зафиксирован лишь один случай отступления от церковнославянской нормы в произношении словоформы *Святого* (14), хотя в молитвословном зачине этой проповеди (15) представлена нормативная версия орфоэпии данной словоформы. Ср.:

- (14) *...и он/ стал очевидцем/ явления в мир/ Сына Божия/ родившегося от Духа Свят[овл]/ и Пресвятой Девы Марии/...;*
- (15) *Во имя Отца/ и Сына/ и Свят[аго] Духа/...*

Кроме словоформы *Свят[аго]*, в нашем материале зафиксированы единичные случаи побуквенного произнесения флексий местоимений и прилагательных (обычно при рецитации либо при описании событий Священной истории). Ср., например:

- (16) *...древние знали эту заповедь/ возлюби/ Господа ... Бога тв[ојэго]/...;*
- (17) *...прославляй/ див[наго] во святых своих Бога/...;*
- (18) *...и положили письмо ... покаянное императора Феодосия Младш[эго]/ во гроб святителя/...;*

но:

- (19) ...это молитва Сына Божия/ став[шывъ] Сыном человеческим/...;
- (20) ...предстательством Божией Матери/ и преподоб[нъвъ] Сергия/...;
- (21) ...вера есть осуществление ожидае[мъвъ] и уверенность в невидимом/...

3. Произношение ударного нелабиализованного [э] после мягких согласных, шипящих и [ц] перед твердыми согласными

В число орфоэпических норм церковнославянского языка входит произношение ударного гласного [э] после мягких согласных, шипящих и [ц] перед твердыми согласными. В современном русском литературном языке в данной позиции произносится лабиализованный гласный [о].

Эта церковнославянская произносительная норма находит отражение в звучании современной православной проповеди — как в собственно авторских фрагментах, так и при рецитации, например:

- (22) ...миллионы жертвователей/ [вн'э]сших/ большие/ и малые лепты/ на святое/ дело/ воссоздания/ храма Божия/...;
- (23) ...и желаю чтобы новый год/ при[н'эс] бы всем нам/...;
- (24) ...это два/ якоря жизни/ любви Бога всем сердцем всею ду[шэжу]/ любви ближ[н'эго]/ как самого себя/...;
- (25) ...еже еси уготовал пред ли[цэм] всех людей/...

Однако отметим, что представлена она непоследовательно. Церковнославянские варианты наблюдаются, как правило, при произношении определенных лексем. Так, в нашем материале довольно частотно воспроизведение нелабиализованного ударного [э] после мягких согласных перед твердыми в лексеме *мертвый*. Ср.:

- (26) ...возродил нас/ воскресением/ Иисуса Христа/ от [м'э]ртвых/...;
- (27) ...Христос воскрес из [м'э]ртвых/ смертью смерть поправ/...;
- (28) ...люди/ верующие во Христа/ воскреснут из [м'э]ртвых/ и войдут в жизнь вечную/ <...> это/ воскресение/ из [м'э]ртвых/ Христа Спасителя/ <...> пророк Исайя говорил об этом/ изыдут мертвецы/ восстанут [м'э]ртвые от гробов/...

Кроме того, в единичных случаях церковнославянский вариант произношения гласного [э] после мягких согласных зафиксирован в некоторых местоименных формах при цитировании Священного Писания (как на церковнославянском языке, так и в Синодальном переводе), например:

- (29) ...яко видите очи мои/ то есть я увидел/ очи мои/ спасение Тв[ојэ]/...;
- (30) ...где двое/ или трое собраны/ во имя М[ојэ]/...;
- (31) ...потому что видели очи мои/ спасение Тв[ојэ]/...

Вместе с тем в некоторых случаях употребления лексемы *сёстры* (обычно в составе традиционного для православия обращения *братья и сёстры; дорогие во Христе братья и сёстры* и т. п.) ударный [э] не подвергается лабиализации. Ср.:

(32) ...дорогие братья и [с'э]стры/...;

(33) ...я думаю/ что/ мы тоже когда-то братья и [с'э]стры/ все-таки придем к тому моменту/...;

но:

(34) ...а мы порой с вами/ дорогие братья и [с'о]стры/...;

(35) ...вот дорогие мои братья и [с'о]стры/ ... / начнем подвиг поста/...

4. Особое произношение слова *что*

В церковнославянской орфоэпии требование подчеркнуто отчетливой артикуляции каждого звука в некоторых случаях сопровождается указанием на особое произношение слова *что*: «В слове *что* ч не заменяется на ии» [Воробьева 2008: 41]. См. также об этом в [Миронова 2014: 18]. В нашем материале обнаруживаются единичные случаи воспроизведения этой нормы. Она фиксируется не у всех священников (только у трех из пятнадцати, чьи проповеди мы анализировали). Отметим, что случаи актуализации этой нормы при рецитации текстов на церковнославянском языке не выявлены. Чаще всего произношение [ч'т]о или [ч'т]обы появляется в проповедях при описании Священной истории, но возможно и в собственно авторской речи пастырей, например:

(36) ...вы/ друзья мои/ говорит Господь/ в этой прощальной беседе с учениками/ вы друзья мои/ если исполняете то/ [ч'т]о я заповедаю вам/...;

(37) ...усомнившись/ [ч'т]о дева может родить/ он хотел исправить/ это слово на/ жена...;

(38) ...приходили мытари/ сборщики налогов/ и они спрашивали/а как нам покаяться/ он им говорит/ не берите ничего большего/ [ч'т]о вам полагается/ по закону/...;

(39) ...дай Бог/ [ч'т]обы вот этот процесс возвращения к вере/ проходил бы интенсивнее/...;

(40) ...и [ч'т]обы мы помогли/ всему нашему обществу/ войти в восстановленный/ трудами/ верой/ любви и надежды/ то есть христианского благочестия/ православнохристианский образ/ жизни/...

5. Отсутствие ассимиляции парных по глухости/звонкости согласных и сохранение звонкости согласного в позиции конца слова

Свойственное церковнославянской орфоэпии отсутствие ассимилятивного озвончения и оглушения согласных, а также сохранение звонкости согласного в позиции конца слова [Миронова 2014: 17–18, Воробьева 2008: 41–42; Королева,

Перелешина 2010: 28] не находит отражения в звучании современной проповеди. Наш материал показывает, что священники произносят парные по глухости/звонкости согласные в соответствии с нормами современного русского языка: внутри слова в сочетании с согласными они подвергаются ассимиляции, в абсолютном конце слова — парные звонкие согласные оглушаются, например:

- (41) ...*да обновится/ верующая Русь/ исходя/ на святой подви[к]/...*;
- (42) ...*а в ответ ... на эту любо[ф']/ получаем себе любо[ф'] Божию/...*;
- (43) ...*а [зδ]елать-то надо/ не так уж и много/...*

6. Произношение фрикативного [γ]

В числе фонетических примет церковнославянского языка некоторые исследователи называют фрикативный [γ] (см.: [Успенский 1968: 29–83; Колесов 1980: 49; Панов 1990: 322–323]), на это обращается внимание и во внутрицерковных источниках [Иеромонах Алипий 1991]. По данным А. Г. Воробьевой, [γ] в церковном произношении сохранялся почти до конца XIX в., однако «к началу XX в. звук *г* в церковнославянском был, судя по архивным записям знаменитого протодиакона кремлевского Успенского собора Константина Розова, как в русском литературном языке, преимущественно взрывным. Только несколько слов сохраняли фрикативное *г*: Бог, Господь, богатство, благо (и производные от них)» [Воробьева 2008: 42].

Что касается современного русского литературного языка, то его орфоэпические нормы ориентированы на произношение взрывного заднеязычного [г] и допускают фрикативный [γ] лишь в междометном употреблении слова *Господи* [Аванесов 1984: 112].

По нашим наблюдениям, для православной проповеди характерно не знающее исключений произношение заднеязычного взрывного [г], например:

- (44) ...*я молюсь сегодня/ чтобы мы нико[г]да нико[г]да/ не забывали о Христе/...*;
- (45) ...*Дева бла[г]овещенна об этом была/ как раз в тот день/ который мы сегодня вспоминаем/...*;
- (46) ...*для меня/ молитва [г]осподня/ была [г]одами самой трудной молитвой/...*

Итак, в православных проповедях на фоне современной орфоэпии зафиксированы некоторые произносительные элементы церковнославянского языка. Церковнославянские нормы представлены, как правило, непоследовательно, часто воспроизводятся в единичных случаях, обращены обычно к словоформам. Однако именно это обстоятельство делает их заметными на фоне обычного произношения и позволяет создать особый фоностиль проповеди. Вопреки ожиданиям, церковнославянские орфоэпические варианты обнаруживаются не только при рецитации текстов Священного Писания и молитвословий на церковнославянском языке, но

и при воспроизведении фрагментов сакральных текстов в Синодальном переводе, а также свободно проникают в собственно авторскую речь пастыря. При этом частотность церковнославянских произносительных элементов у разных проповедников может быть различной. Таким образом, можно говорить о том, что произносительные нормы современной православной проповеди складываются в результате взаимодействия орфоэпических систем двух языков — современного русского и церковнославянского.

Литература

- Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение. М.: Просвещение, 1984. 384 с.
- Воробьева А. Г.* Учебник церковнославянского языка. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2008. 368 с.
- Дурново Н. Н.* Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка // Южнославянский филолог. Вып. VI. Београд, 1926. С. 11–64
- Иеромонах Алипий (Гаманович).* Грамматика церковно-славянского языка. М.: Художественная литература, 1991. 272 с.
- Колесов В. В.* Историческая фонетика русского языка. М.: Высшая школа, 1980. 207 с.
- Королева Т. И., Перелешина В. Ю.* Регентское мастерство. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. 216 с.
- Миронова Т. Л.* Церковнославянский язык. М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014. 272 с.
- Настольная книга священнослужителя. В 8 тт. Т. 5. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1986. 816 с.
- Панов М. В.* История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М.: Наука, 1990. 456 с.
- Плетнева А. А., Кравецкий А. Г.* Церковнославянский язык. 4-е изд. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2006. 275 с.
- Успенский Б. А.* Архаическая система церковнославянского произношения (Из истории литургического произношения в России). М.: Изд-во Московского ун-та, 1968. 156 с.
- Шахматов А. А.* Из истории звуков русского языка. О полногласии и некоторых других явлениях. СПб., 1903. 212 с.
- Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка. М.: Госиздат, 1941. 288 с.
- Шмелев А. Д.* Церковнославянское произношение: проблемы кодификации // Труды Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова, 2018, № 3 (17). С. 83–91.

O. A. Prokhvatilova
Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)
olgaprokhvatilova@yandex.ru

ON THE PRONUNCIATION NORMS OF THE ORTHODOX SERMON

The article describes the specifics of the segmental level of modern Orthodox preaching. It demonstrated that modern sermons contain some pronunciation elements of the Church Slavonic language, including the preservation of qualitative and quantitative characteristics of vowels of complete formation under stress and in an unstressed position; pronunciation of stressed non-labialized [e] after soft consonants, sibilant and [c] before hard consonants; letter-by-letter pronouncing of inflections in grammatical forms; a special pronunciation of the word “chto”. The paper shows that Church Slavonic norms are presented, as a rule, inconsistently, are often reproduced in isolated cases, and usually apply to specific word forms. The article argues that Church Slavonic orthoepic variants are found not only when reciting texts of Holy Scripture and prayer in Church Slavonic, but also when reproducing fragments of sacred texts in Synodal translation, and also freely penetrate into the actual author’s speech of the pastor. At the same time, the frequency of Church Slavonic pronouncing elements may be different for different preachers. The conclusion is made that the pronunciation norms of modern Orthodox preaching are formed as a result of the interaction of the orthoepic systems of two languages — modern Russian and Church Slavonic.

Key words: modern orthodox preaching, orthoepy, segmental level, Church Slavonic pronouncing norms.

References

- Avanesov R. I. *Russkoe literaturnoe proiznoshenie* [Russian literary pronunciation]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1984. 384 p.
- Vorob’eva A. G. *Uchebnik tserkovnoslavyanskogo yazyka* [Textbook of the Church Slavonic language]. Moscow, St. Tikhon’s Orthodox University for the Humanities Publ., 2008. 368 p.
- Durnovo N. N. [Russian manuscripts of the XI and XII centuries. as monuments of the Old Slavic language]. *Juzhnoslovenski filolog*, no. VI, 1926, pp. 11–64. (In Russ.)
- Ieromonakh Alipii (Gamanovich). *Grammatika tserkovno-slavyanskogo yazyka* [Grammar of the Church Slavonic language]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1991. 272 p.
- Kolesov V. V. *Istoricheskaya fonetika russkogo yazyka* [Historical phonetics of the Russian language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1980. 207 p.
- Koroleva T. I., Pereleshina V. Yu. *Regentskoe masterstvo* [Regency skills]. Moscow, St. Tikhon’s Orthodox University for the Humanities Publ., 2010. 216 p.

Mironova T. L. *Tserkovnoslavyanskii yazyk* [Church Slavonic language]. Moscow, The Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church Publ., 2014. 272 p.

Nastol'naya kniga svyashchennosluzhitelya [The Clergyman's Handbook]. Moscow, The Moscow Patriarchate Publ., 1986. 816 p.

Panov M. V. *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vv.* [The history of Russian literary pronunciation of the XVIII–XX centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 456 p.

Pletneva A. A., Kravetskii A. G. *Tserkovnoslavyanskii yazyk* [Church Slavonic language]. Moscow, The Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church Publ., 2006. 275 p.

Uspenskii B. A. *Arkhaicheskaya sistema tserkovnoslavyanskogo proiznosheniya: (Iz istorii liturgicheskogo proiznosheniya v Rossii)* [The archaic system of Church Slavonic pronunciation: (From the history of liturgical pronunciation in Russia)]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 1968. 156 p.

Shakhmatov A. A. *Iz istorii zvukov russkogo yazyka. O polnoglasii i nekotorykh drugikh yavleniyakh* [From the history of the sounds of the Russian language. About full agreement and some other phenomena]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1903. 212 p.

Shakhmatov A. A. *Ocherk sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [An essay on the modern Russian literary language]. Moscow, Gosizdat Publ., 1941. 288 p.

Shmelev A. D. [Church Slavonic pronunciation: problems of codification]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2018, no. 3 (17), pp. 83–91. (In Russ.)

Н. Н. Розанова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

ninarozanova13@yandex.ru

**О ПРОИЗНОШЕНИИ АКТЕРОВ НА СЦЕНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
XX ВЕКА: УЗУАЛЬНЫЕ И КОДИФИЦИРОВАННЫЕ НОРМЫ
(на материале картотеки Г. О. Винокура — 1944 г.
и аудиозаписи спектакля МХАТ «Три сестры»
в постановке В. И. Немировича-Данченко — 1947 г.)**

Вопросы орфоэпии занимали важное место в научном творчестве представителей Московской лингвистической школы (МЛШ). Они справедливо считали, что при разработке актуальных вопросов орфоэпии необходимо учитывать опыт русского театра, который всегда являлся хранителем и распространителем произносительной традиции. Именно поэтому представители МЛШ уделяли особое внимание сценическому произношению, говорили о необходимости исследования его текущего состояния. Одним из первых таких исследователей был Г. О. Винокур. В феврале — марте 1944 г. он посещает спектакли Московского художественного академического театра, записывая и анализируя актерское произношение. Собранные ученым материалы, оформленные в виде картотеки, в настоящее время хранятся в РГАЛИ. В статье рассматриваются некоторые орфоэпические явления, представленные в картотеке, в частности, старый и новый варианты произношения согласного в глагольных аффиксах *-ся, -сь*: смеял[сѣ] — смеял[с'ѣ], бою[с] — бою[с']]. Они позволяют проследить реальную «жизнь» литературной нормы в 40-е гг. XX в., «борьбу» старых и новых вариантов на сцене. Анализ материалов картотеки показывает, что, несмотря на общую приверженность мхатовских актеров произносительной традиции, речевой фон спектаклей в 40-е гг. XX в. не был однородным. Анализируя разные явления, Г. О. Винокур фиксирует значительное число орфоэпических вариантов даже в произношении одного и того же актера. Материалы Винокуровской картотеки сопоставляются с аудиозаписью спектакля МХАТ «Три сестры», сделанной в 1947 г.

Ключевые слова: орфоэпия, кодифицированная норма, узувальная норма, сценическое произношение, орфоэпический вариант.

Введение

Значительная часть научных трудов Марии Леонидовны Каленчук посвящена разработке актуальных теоретических и практических вопросов в области русского произношения. К таким важным, ключевым можно отнести вопросы установления и разграничения узуальных и кодифицированных орфоэпических норм. Проблеме соотношения и взаимодействия обоих типов норм в реальной речевой практике образованных людей посвящена вышедшая недавно коллективная монография «Норма произношения в узусе и кодификации» (отв. ред. М. Л. Каленчук и Д. М. Савинов). К кодифицированным произносительным нормам авторы исследования относят «официально закрепленные в словарях, справочниках, учебниках и пропагандируемые правила и способы реализации звуковых единиц»; под узуальными нормами понимаются «предпочтения образованных людей в звуковом оформлении слов и словоформ» [Каленчук, Савинов (ред.) 2021: 7]. Такое отношение к норме позволяет объединить теоретический и нормализаторский подходы в изучении орфоэпии. Всестороннее исследование узуальных произносительных вариантов: степень их употребительности в речи носителей литературного языка, влияние различных факторов (системно-языковых, социолингвистических, культурных) на распространение того или иного варианта — необходимый этап, предшествующий принятию кодификаторских решений. Именно такой взгляд на нормализаторскую практику реализован в «Большом орфоэпическом словаре», впервые отразившем особенности литературного произношения на рубеже двух столетий (конец XX — начало XXI вв.). В нем нашло воплощение «реальное многообразие вариантов произношения и ударения, свойственных современному состоянию русского литературного языка» [Касаткин (ред.) 2023: 4].

М. Л. Каленчук неоднократно писала о тех сложностях, с которыми сталкиваются исследователи русского произношения на современном этапе. Одной из «болевых точек» теории орфоэпии является проблема выработки критериев, на основании которых принимаются «кодификационные решения» [Каленчук, Савинов (ред.) 2021: 11]. Особенно остро эта проблема проявилась в течение последних трех десятилетий, когда глубокие общественно-политические изменения, происходившие в стране, повлияли также и на функционирование современного русского языка.

Как уже неоднократно отмечалось, современная языковая действительность в определенной степени напоминает ситуацию 20–30-х гг. прошлого века, когда расширение социальной базы интеллигенции в послереволюционный период привело к тому, что резко возросло число людей, стремящихся овладеть правильной литературной речью. Однако если раньше, в дореволюционный период, усвоение литературных норм — и прежде всего норм произносительных — шло через семью, через интеллигентское окружение, то в послереволюционные годы главным (а нередко и единственным) источником усвоения речевой литературной традиции становилась книга. Подобная ситуация расшатывала прежде всего произносительные

нормы. Большое внимание вопросам орфоэпии в эти годы уделяли ученые Московской лингвистической школы (МЛШ), одним из ярких представителей которых являлся Григорий Осипович Винокур. По их мнению, исследование динамики произносительных норм, анализ узуальных вариантов и проблема их кодификации не могли получить адекватного решения без учета опыта театра, который должен явиться хранителем и распространителем образцовой русской речи. Не случайно поэтому столь пристальным было их внимание к разработке вопросов сценического произношения.

1. Наблюдения Г. О. Винокура над произношением актеров на сцене: кодифицированная норма и узус

К вопросам исследования произношения актеров на сцене Г. О. Винокур обращался неоднократно. В 1948 г. была издана его книга «Русское сценическое произношение», явившаяся первым пособием по орфоэпии, адресованным театральным работникам¹. В ней говорится о важной роли театра в упорядочении и кодификации произносительных норм: «Упорядочение всех вопросов, связанных с русским произношением, — одна из очередных задач нашей культуры. Но при всех условиях такая нормализация произношения должна исходить из наличной произносительной традиции, лучше всего сохраняющейся в опыте русского театра» [Винокур 2020: 17–18]. Однако даже образцовое сценическое произношение не может быть совершенно однородным, в значительной степени его вариативность связана с поколенческими различиями, приводящими к тому, что в одном спектакле могут реализоваться разные нормативные варианты — «старший» и «младший». Отмечая возможность такой вариативности, Г. О. Винокур тем не менее достаточно осторожен в своих рекомендациях и нередко отдает предпочтение «старшей» норме. К примеру, в окончаниях глаголов 2-го спряжения в форме 3 л. мн. ч. он советует ориентироваться на старшую норму: «В ударяемом окончании этой формы звучит *a* после мягких, например *си[д̑а]т, твер[д̑а]т, ве[л̑а]т*, но в неударяемом, вопреки ожидаемому *ь*, находим звук *у*, то есть *лю[б̑у]т, ко[с̑у]т, хва[л̑у]т*» [Винокур 2020: 46].

В 1944 г. Г. О. Винокур обращается к анализу актерского произношения в реальных «полевых» условиях, т. е. на сцене. В период с 15 февраля по 25 мая он посещает спектакли двух ведущих московских театров — МХАТ и Малого — и делает по ходу действия блокнотные заметки о произношении актеров. В результате ему удалось собрать богатый материал, который был частично обработан и представлен в виде картотеки. Собранные Г. О. Винокуром материалы в настоящее время хранятся в его архиве в РГАЛИ² и представляют не только историко-культурную, но и научную ценность: в них отражена реальная «жизнь» литературной нормы в 40-е гг. XX в., «борьба» старых и новых вариантов на сцене.

¹ Книга вышла в свет, к сожалению, уже после смерти ученого (он умер 17 мая 1947 г.).

² Ф. 2164, оп.1, ед. хр. 119.

Г. О. Винокур посетил 10 спектаклей: 9 спектаклей Московского Академического Художественного театра («Три сестры» (дважды), «На дне», «Мертвые души», «Кремлевские куранты», «Анна Каренина», «Царь Федор Иоаннович», «Враги», «Русские люди») — с 14.02.1944 по 07.03.1944 и 1 спектакль Малого театра («Горе от ума») — 25.05.1944.

Сбор материала производился непосредственно во время спектаклей: Г. О. Винокур делал короткие записи в блокноте или на отдельных листках, фиксируя произношение актеров по ходу действия.

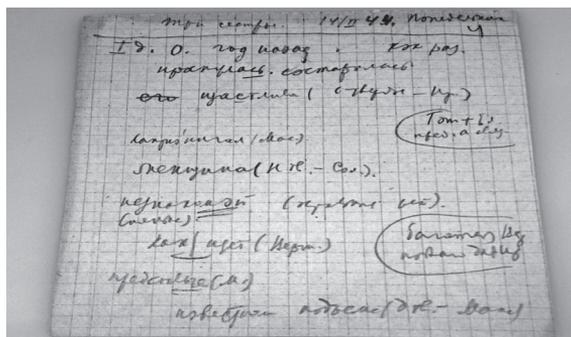

Рис. 1. Образец блокнотной записи

Потом Г. О. Винокур переносил на карточки эти короткие, хаотично записанные примеры, а затем карточки паспортизировались и группировались по явлениям.

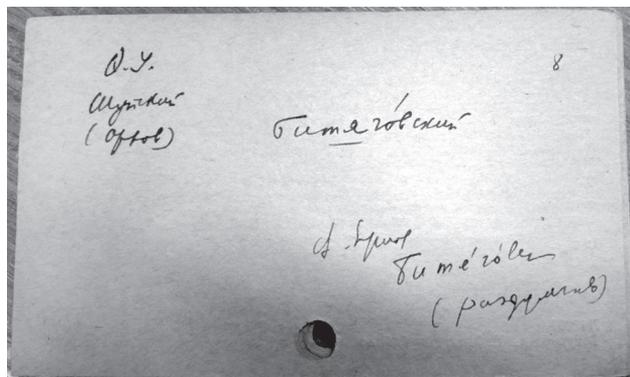

Рис. 2. Образец карточки: в правом верхнем углу указывается порядковый номер карточки, в левом — спектакль (здесь сокращенно указан спектакль «Царь Федор Иоаннович»: ФИ); в центре дается пример в упрощенной транскрипции, подчеркнут сегмент, привлечший внимание; в нижнем правом углу даются примечания

Переноса записанные в блокнотах примеры на карточки, Г. О. Винокур проводил их предварительную систематизацию, группируя по явлениям. Его внимание в первую очередь привлекают случаи наибольшего разнобоя в произношении, т. е. «слабые звенья» орфоэпической системы.

Знакомясь с материалами, убеждаешься, что, несмотря на общую приверженность мхатовских актеров произносительной традиции, речевой фон спектаклей в 40-е гг. XX в. не был однородным. Г. О. Винокур фиксирует значительное число орфоэпических вариантов, нередко даже в произношении одного и того же актера.

Теперь остановимся более подробно на группе карточек, где зафиксированы варианты произношения возвратных частиц *-ся*, *-сь*.

2. Орфоэпические варианты возвратных частиц *-ся*, *-сь* в речи актеров Московского художественного театра

Колебания в произношении согласного *с* в возвратных частицах глаголов фиксировались уже давно, что отмечалось некоторыми исследователями³. При этом кодифицированным считался только старомосковский вариант с твердым согласным. Так, в статье 1928 г. «Русская орфоэпия и ее задачи» Д. Н. Ушаков ориентируется исключительно на старшую произносительную норму: «Окончания глаголов *-сь* и *-ся* произносятся с твердым *с*: боюсь, боишься, боялся, боялись — боюс, боишьс, бояльс, бояльс. Но в деепричастиях с ударением на конце надо произносить мягкое *с*: делаясь—делаяс, но: боясь—боясь» [Ушаков 1928: 26]. Однако спустя несколько лет в Предисловии к «Толковому словарю русского языка» (1935 г.) уже допускается произношение обоих вариантов: «Наряду с все более распространяющимся под влиянием письма мягким произношением глагольных окончаний *-сь*, *-ся* вполне допустимо, а в московском произношении предпочтительно, старое твердое произношение: боюсь, боишься — боюс, боишьса, кроме *-сь* в деепричастиях с ударением на конце: боясь (*сь* мягко)» [Ушаков (ред.) 1935, т. 1: XXXIX].

В книге Г. О. Винокура это орфоэпическое правило сформулировано так: «В частице *-сь* мягкий согласный *с* всегда заменяется твердым, а в частице *-ся* — в положении ее после твердого согласного (например, *бою[с]*, *бояли[с]*, *боял[с]*, *боим[с]*)» [Винокур 2020: 56]. Т. е. после мягких согласных возможно произношение *-ся* с мягким свистящим: *не бой[с'ъ]*, *подвиль[с'ъ]*.

В Винокуровской картотеке представлена 21 карточка с вариантами произношения *-ся*, *-сь*. Всего записано 28 случаев (на некоторых карточках представлено по два-три примера). Представим эти примеры в виде таблицы.

³ Р. И. Аванесов отмечает, что мягкое произношение *с* в возвратных частицах было возможно и встречалось уже в XIX в., о чем свидетельствуют некоторые поэтические тексты: «Высокая поэзия принимала рифмы, в которых звук [с] в этой частице произносился твердо в соответствии со старомосковскими нормами. У Пушкина таких рифм меньше, но они есть. Ср.: *С тобой мне вновь считается довелось / ... Играешь ты довольно плохо в шитос* (Из письма к Великопольскому) <...> И рядом: *Как черная лента вокруг ног обвилась: / И вскрикнул внезапно ужаленный князь* («Песнь о вешем Олеге»)» [Аванесов 1984: 24].

Табл. 1. Произношение *-ся, -сь* в речи актеров МХАТа

№ карточки	Название спектакля	Дата просмотра	Актер и исполняемый им персонаж	Пример
259	Три сестры III	14.02.1944	Маша (Тарасова)	принялас
260	На дне I	17.02.1944	Клещ (Жильцов)	обвенчаешься ⁴ не бойса боишьса
261	Русские люди	07.03.1944	Сафронов (Добронравов)	вернёсса
262	Три сестры ² I	20.02.1944	Андрей (Станицын)	освободилось от гнета
263	Кремлевские куранты	22.02.1944	Маша (Пилявская)	расплылас' и потонула
264	Царь Федор Иоаннович	01.03.1944	Волохова (Зуева)	расходился
265	Мертвые души	19.02.1944	Прокурорша (Шевченко)	принялся
266	Мертвые души	19.02.1944	Коробочка (Бендина)	промахнулась
267	Мертвые души	19.02.1944	Ноздрев (Ливанов)	познакомился
268	На дне II	17.02.1944	Лука (Тарханов)	готовься
269	На дне I	17.02.1944	Лука (Тарханов)	притворяйся вихляйся
270	На дне I	17.02.1944	Настя (Попова)	напьюсь
271	На дне I	17.02.1944	Сатин (Ершов)	женись
272	Кремлевские куранты	22.02.1944	Дама с вязанием (Хованская)	не боюсь
273	Кремлевские куранты	22.02.1944	Торг[овка] кукл[лами] (Лабзина)	нашелся
274	Три сестры I	14.02.1944	Ольга (Ел[анская])	проснулас' состарилис'
275	Три сестры II	14.02.1944	Солёный (Ливанов)	не сердис'
276	Три сестры II	14.02.1944	Наташа (Георгиевская)	боюс'
277	Три сестры ² III	20.02.1944	Наташа (Георгиевская)	утомилас' бедная
278	Три сестры III	14.02.1944	Наташа (Георгиевская)	утомилас' согласис'
279	Анна Каренина	27.02.1944	Каренин (Кедров)	спастись
280	Русские люди	07.03.1944	Марфа П. (Тихомирова)	поклонись собрались

Из 28 зафиксированных вариантов 24 представляют собой случаи произнесения возвратной частицы с мягким *с*. В 16 примерах актеры произносили мягкий согласный в частице *-сь*, где, согласно нормативным рекомендациям, всегда должен быть твердый *с*: *спастис'* (№ 279 — М. Н. Кедров — Каренин, «Анна Каренина»),

⁴ Для записи особенностей произношения Г. О. Винокур использует упрощенную транскрипцию. Транскрибируемый фрагмент не заключается в квадратные скобки, но привлекавшие внимание исследователя звуки подчеркиваются. Для обозначения мягкости согласного либо используется апостроф (согласис'), либо обычная орфографическая запись (поклонись, расходился), на твердое произнесение указывает либо отсутствие апострофа (принялас), либо соответствующая буквенная запись (не бойса).

расплылас' (№ 263 — С. С. Пилявская — Маша, «Кремлевские куранты»), *напьюс'* (№ 270 — В. Н. Попова — Настя, «На дне») и др. В частице *-ся* свистящий произносится мягко вне зависимости от твердости / мягкости предшествующего согласного: *принялся* (№ 265 — Ф. В. Шевченко — Анна Григорьевна, «Мертвые души»), *вихляйся* (№ 269 — М. М. Тарханов — Лука, «На дне»); *познакомился* (№ 267 — Б. Н. Ливанов — Ноздрев, «Мертвые души») и др.

В картотеке представлены в основном случаи отступления от строгой кодифицированной нормы, т. е. примеры с мягким произнесением возвратной частицы. Понятно, что записать абсолютно все орфоэпические варианты Г. О. Винокур не мог, он фиксировал лишь то, что привлекало его внимание, выделялось на общем нейтральном произносительном фоне спектакля, ориентированном, по-видимому, на традиционную норму. Для того, чтобы представить, реальный объем употреблений новых и старых орфоэпических вариантов и иметь возможность их сопоставить, необходимо располагать аудиозаписями этих спектаклей. И, к счастью, у нас такая возможность имеется. Сохранилась старая аудиозапись спектакля МХАТ «Три сестры», сделанная в 1947 г. с тем же составом исполнителей, что и в спектакле, на котором был Г. О. Винокур. Конечно, данная запись, являющаяся радиокомпозицией спектакля, — это не совсем то, что реально слышал Винокур, но некоторое представление об орфоэпическом фоне спектакля она может дать⁵.

Для того чтобы понять, как соотносятся старомосковский и новомосковский варианты произношения возвратных частиц в речи участников постановки, было подсчитано общее число встретившихся случаев, количество произнесений в соответствии со старомосковской и новомосковской нормами, а также подсчитывались произносительные варианты по каждому исполнителю отдельно⁶. Полученные результаты представим в виде следующих таблиц:

Табл. 2. Варианты произношения возвратной частицы *-ся*, *-сь* в аудиозаписи спектакля «Три сестры» (1947 г.)

ВСЕГО	161
<u>С твердым [с]</u>	96
• <i>-сь</i> (<i>казало[с], завели[с]</i>)	43
• <i>-ся</i> (<i>скитал[съя], замучил[съя]</i>)	53
<u>С мягким [с']</u>	65
• <i>-сь</i> (<i>бою [с'], смейте [с']</i>)	53
• <i>-ся</i> (<i>женил[с'ъя], увидим[с'ъя]</i>)	12

⁵ Запись можно послушать на сайте «Старое радио». Ссылки: 1 действие — <http://staroeradio.ru/audio/33893>; 2 действие — <http://staroeradio.ru/audio/33860>; 3 действие — <http://staroeradio.ru/audio/33773>; 4 действие — <http://staroeradio.ru/audio/27835>; 5 действие — <http://staroeradio.ru/audio/27668>.

⁶ При подсчетах учитывались лишь те варианты, которые были отчетливо слышны. Случаи недостаточно отчетливого произнесения в подборку не включались.

Табл. 3. Использование произносительных вариантов
в речи отдельных персонажей

Персонаж и исполнитель	Общее число произн.	Старый вариант с твердым с: [с], [сʲ]	Примеры	Новый вариант с мягким с: [сʲ], [сʲʲ]	Примеры
Ольга (К. Н. Еланская)	23	9	<i>Мне казалось[с], я не переживу. Кто бы ни посвятил[сʲ], все равно бы пошла.</i>	14	<i>Я замучила[сʲ]. Оставь, Андриуша. Завтра объясним[сʲʲ].</i>
Маша (А. К. Тарасова)	18	18	<i>Покаю[с] вам и уж больше никому, никогда... После объяснишь[сʲ]...</i>	0	
Ирина (А. И. Степанова)	17	13	<i>Когда я сегодня проснула[с], встала и умыла[с]... Когда-то готовил[сʲ] в профессора...</i>	4	<i>У меня перепутало[сʲ] в голове...</i>
Андрей (В. Я. Станицын)	14	2	<i>Так, задумал[сʲ]...</i>	12	<i>Моя дорогая, вы не волнуйте[сʲ] так!.. Объясним[сʲʲ] начистоту, раз навсегда...</i>
Вершинин (М. П. Болдуман)	24	21	<i>Я никогда не говорю об этом и, странно, жалею[с] вам одной. А я всю мою жизнь скитал[сʲ] по квартиркам с двумя стульями...</i>	3	<i>Не сердите[сʲ] на меня. Разве открытие Коперника или, положим, Колумба не считало[сʲ] в первое время ненужным...</i>
Тузенбах (П. В. Массальский)	18	4	<i>Родил[сʲ] я в Петербурге, холодном и праздном. Когда вы приходите со службы, то кажется[с] такой маленькой, несчастной...</i>	14	<i>Только едва ли удало[сʲ] уберечь. Ложите[сʲ] спать, уж светает...</i>
Чебутыкин (А. Н. Грибов)	9	7	<i>Всё... всё вспомнило[с]... Бальзак венчал[сʲ] в Бердичеве.</i>	2	<i>Впрочем, скоро увижу[сʲ] с ними... И та женщина вспомнила[сʲ], что уморил в среду...</i>
Наташа (А. П. Георгиевская)	12	9	<i>Ах, я бою[с], Бобик наш совсем нездоров. Оля, если ты не переберешь[сʲ] вниз, то мы всегда будем ссориться.</i>	3	<i>Только проеду[сʲ] немножко. А Маша спит, утомила[сʲ], бедная...</i>

Персонаж и исполнитель	Общее число произн.	Старый вариант с твердым с: [с], [сʲ]	Примеры	Новый вариант с мягким с: [сʲ], [сʲʲ]	Примеры
Соленый (Б. Н. Ливанов)	4	1	<i>Я с вами не ссорил[сʲ].</i>	3	<i>Не серди[сʲ], Алеко. Клянущ[сʲ] вам всем святым, соперника я убью...</i>
Кульгин (В. А. Орлов)	13	7	<i>Назююкал[сʲ], Иван Романыч! Ну разошла[с]!</i>	6	<i>Женат я на тебе семь лет, а кажется, что венчали[сʲ] только вчера! Он учил[сʲʲ] вместе со мной.</i>
Федотик (Н. И. Дорохин)	5	5	<i>Ничего не осталось[с]. Мы больше уж никогда не увидим[сʲ]!</i>	0	
Родэ (В. В. Белокуров)	1	0		1	<i>Я как нарочно выспал[сʲʲ] сегодня после обеда</i>
Анфиса (Н. А. Соколовская)	2	0		2	<i>Родная моя, золотая моя, я тружущ[сʲ], я работаю...</i>
Ферапонт (В. А. Попов)	1	0		1	<i>Французы удивляли[сʲ].</i>

Как показывают подсчеты, участники спектакля довольно часто произносят мягкий *с* в возвратных частицах. Однако старшая орфоэпическая норма пока еще преобладает, хотя это преобладание не очень велико: около 60% от общего числа всех произнесений.

Неустойчивость произношения особенно заметна, когда оба варианта «сталкиваются» в пределах одной небольшой сцены в репликах разных исполнителей или даже в речи одного актера. Вот несколько примеров:

В 3-м действии М. П. Болдуман (в роли Вершинина) произносит *-ся* в соответствии со «старшей» нормой: *Да, всё имеет свой конец. Вот и мы расстаем[сʲ].* В следующей затем реплике Ольги (К. Н. Еланская) звучит «младшая» норма со смягчением согласного: *Увидим[сʲʲ] ли мы еще когда-нибудь?*

В монологе Тузенбаха из 1-го действия П. В. Массальский произносит возвратные частицы по-разному: *Родил[сʲ] я в Петербурге, холодном и праздном <...> я капризничал в это время, а моя мать смотрела на меня с благоговением и удивляла[сʲ], когда другие на меня смотрели иначе. Меня оберегали от труда. Только едва ли удало[сʲ] уберечь, едва ли!*

Столь же неустойчиво произношение Ирины (А. И. Степанова) в сцене с Тузенбахом из 1-го действия: *Ирина. Мама сегодня не в духе. Она вышла замуж во семнадцати лет, когда он казал[с] ей самым умным человеком. А теперь не то. Он самый добрый, но не самый умный. <...> Тузенбах. О чем вы думаете? Ирина. Так. Я не люблю и бою[с'] этого вашего Соленого.*

Следует заметить, что частота использования того или иного произносительного варианта у разных актеров неодинакова. Одни придерживаются традиционной нормы (А. К. Тарасова, М. П. Болдуман), другие чаще используют новый вариант (П. В. Массальский, В. Я. Станицын), у третьих произношение колеблется между старшей и младшей нормами (К. Н. Еланская, В. А. Орлов).

Как отмечалось выше, в картотеке Г. О. Винокура имеется 21 карточка с произношением *-ся, -сь*. На 7 из них представлены записи, сделанные во время спектакля «Три сестры». Интересно сопоставить их с данными, полученными при прослушивании аудиоматериалов спектакля.

На одной из карточек (№ 259) зафиксировано произношение А. К. Тарасовой с твердым согласным: *принялас*. Учитывая, что в большинстве записей в картотеке представлены случаи отступления от традиционной нормы, рискнем предположить, что такая запись должна была указывать на приверженность актрисы старомосковскому варианту. Как показали результаты прослушивания, А. К. Тарасова, действительно, является наиболее последовательной сторонницей старомосковского варианта произношения: в ее речи ни разу не встретился мягкий согласный в возвратных частицах (см. табл. 3).

На других карточках отмечены варианты с мягким *с*. Два примера записаны от К. Н. Еланской в роли Ольги (№ 274): *проснулас', состарилис'*. Судя по аудиозаписи, в произношении актрисы в равной степени представлены оба орфоэпических варианта с некоторым перевесом в сторону нового, т. е. с мягким согласным (14 случаев из 23).

Один пример записан от Б. Н. Ливанова в роли Соленого (№ 275): *не сердис'*. Это часть его реплики *Не сердись, Алеко!*, которую он произносит дважды с декламационной интонацией, а сам глагол произносится актером с фразовым акцентом. Возможно, утрированное смягчение согласного в возвратной частице *-сь* является в данном случае дополнительной речевой краской. Помимо этого примера, в аудиозаписи встретились еще два глагола с возвратными частицами, один из которых артист произносит с твердым *с*: *ссорил[с]*, а другой с мягким: *клян[с]*.

На трех карточках зафиксировано произношение А. П. Георгиевской в роли Наташи (№№ 276–278). Все записанные примеры отражают младшую норму с мягким *с*: *боюс', утомилас', согласис'*. Произношение *утомилас'* с мягким *с* Винокур записал дважды, на обоих спектаклях, которые он посетил 14.02 и 20.02. В прослушанной нами аудиозаписи актриса также произносит этот глагол в соответствии с новым узусом. Что касается произношения двух других примеров, имеющих в картотеке, то оно отличается от произношения на аудиопленке, на которой представлен вариант с твердым согласным: *Ах, я бою[с], Бобик наш совсем нездоров...*

Я так бою[с]!; Но ты согласи[с], милая, она могла бы жить в деревне. Это говорит о непоследовательности распределения орфоэпических вариантов в произношении А. П. Георгиевской. В то же время необходимо заметить, что именно для этой актрисы характерно тяготение к традиционной норме: из 12 представленных в аудиозаписи случаев произношения возвратных частиц в 9 реализован вариант с твердым согласным (см. табл. 3).

Завершая, хотелось бы подчеркнуть следующее. Говоря о проблемах нормализации литературного произношения на современном этапе, полезно обратиться к предыдущему опыту, вспомнив, например, работы представителей МФШ, посвященные анализу орфоэпической ситуации 20–40-х гг. прошлого века. Они справедливо считали, что при разработке актуальных вопросов орфоэпии необходимо учитывать опыт русского театра, который всегда являлся хранителем и распространителем произносительной традиции. Уделяя особое внимание сценическому произношению, они говорили о необходимости исследования его текущего состояния. Одним из первых таких исследователей был Г. О. Винокур. Его картотека произношения актеров МХАТа — это своего рода «орфоэпический мониторинг» сценической речи начала 40-х гг. прошлого века.

Рассматривая материалы Винокуровской картотеки и сопоставляя их с сохранившимися аудиозаписями спектаклей МХАТа, убеждаешься, что в эти годы общий речевой фон спектаклей еще был ориентирован на произносительную традицию, однако новые тенденции уже достаточно явно проявляли себя. Этому способствовал тот факт, что на смену старшему поколению корифеев МХАТа (таких, как К. С. Станиславский, И. М. Москвин, В. И. Качалов, О. Л. Книппер-Чехова и др.) пришло новое, более молодое поколение актеров. В 40-е гг. именно они несли на своих плечах основной репертуар, постепенно изменяя и речевой фон спектаклей.

Литература

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М.: Просвещение, 1984. 384 с.

Винокур Г. О. Русское сценическое произношение. М.: ЛЕНАНД, 2020. 88 с.

Каленчук М. Л., Савинова Д. М. (ред.). Норма произношения в узусе и кодификации М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2021. 248 с.

Касаткин Л. Л. (ред.). Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. 3-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2023. 1024 с.

Ушаков Д. Н. Русская орфоэпия и ее задачи / Русская речь: новая серия. Вып. III. Л.: ACADEMIA, 1928. С. 5–27.

Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. Т I. М.: ОГИЗ, 1935. 1566 с.

N. N. Rozanova

Vinogradov Russian Language Institute of the of RAS

(Russia, Moscow)

ninarozanova13@yandex.ru

**ON THE PRONUNCIATION OF ACTORS ON STAGE IN THE FIRST HALF
OF THE 20th CENTURY: USUAL AND CODIFIED NORMS**

**(based on the material of the 1944 Vinokur card file
and audio recordings of the 1947 MHAT performance “Three Sisters”
staged by V. I. Nemirovich-Danchenko)**

The issues of orthoepy occupied an important place in the scientific work of the linguists who belonged to Moscow Linguistic School (MLS). They rightly believed that when developing topical issues of orthoepy, it is necessary to take into account the experience of Russian theater, which has always been the keeper and distributor of pronunciation tradition. That is why the representatives of MLS paid special attention to stage pronunciation and spoke of the need to study its current state. One of the first researchers who was interested in it was G. O. Vinokur. In February — March 1944 he attended performances of the Moscow Art Academic Theatre (MXAT), recording and analyzing the actors' pronunciation. The materials collected by the scientist, organized in the form of card catalogs, are currently stored in the Russian State Archive of Literature and Arts. The article considers some orthoepic phenomena presented in the card index, in particular, the old and new variants of the pronunciation of the consonant in the verbal affixes -s'a — -s': smeyal[sə] — smeyal[s'ə], boyu[s] — boyu[s']. They allow us to trace the real “life” of the literary norm in the 40s of the XX century, the “struggle” of old and new variants on the stage. The analysis of the card index materials shows that, despite the general adherence of MXAT's actors to the pronunciation tradition, the speech background of performances in the 1940s. was not homogeneous. Analyzing different phenomena, G. O. Vinokur records a significant number of orthoepic variants even in the pronunciation of the same actor. The materials of Vinokur's card index are compared with an audio recording of the MXAT's performance of Three Sisters, made in 1947.

Key words: orthoepy, codified norm, usual norm, stage pronunciation, orthoepic variant.

References

Avanesov R. I. *Russkoye literanurnoye proiznosheniye* [Russian standard pronunciation]. Moscow, Prosvesheniye Publ., 1984. 384 p.

Kalenchuk M. L., Savinov D. M. (Eds.). *Norma proiznosheniya v uzuse i kodifikacii* [Pronunciation norm in usus and codification]. Moscow, Vinogradov Institute of Russian Language Publ., 2021. 248 p.

Kalenchuk M. L., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F. *Bol'shoy orfoepicheskiy slovar' russkogo yazyka. Literaturnoye proiznosheniye i udareniye nachala XXI veka: norma*

i eyo variant [Big orthoepic dictionary of the Russian language. Literary pronunciation and accent of the beginning of the XXI century: norm and its variants]. 3rd edition., revised and additional. Moscow, AST-PRESS SCHOOL Publ., 2023. 1024 p.

Ushakov D. N. [Russian orthoepy and its tasks]. *Russkaya rech': novaya seriya* [Russian speech: a new series]. 1928, no. III., ACADEMIA Publ., pp. 5–27. (In Russ.)

Ushakov D. N. (Ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, OGIZ Publ., 1935. 1566 p.

Vinokur G. O. *Russkoye scenicheskoye proiznosheniye* [Russian stage pronunciation]. Moscow, LENAND Publ., 2020. 88 p.

Р. И. Розина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

rarozina@yandex.ru

РАЗГОВОРНЫЕ ГЛАГОЛЫ ПАДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

Статья посвящена сопоставлению описания ситуации падения русскими разговорными глаголами и различными языками мира. В основу исследования положена классификация ситуаций падения (фреймов), разработанная Московской группой лексической типологии. Материал исследования — примеры из словарных статей Толкового словаря русской разговорной речи и Национального корпуса русского языка.

По сравнению с описанием ситуаций падения в кодифицированных литературных языках, разговорная речь описывает больше ситуаций: к фреймам падения с более высокой поверхности на более низкую, потери вертикальной ориентации, падения-разрушения и падения в результате открепления, разговорная речь позволяет добавить еще три: намеренное (частично контролируемое) падение, падение с шумом и падение с болью от удара. Важная особенность разговорной речи — отсутствие доминантного глагола (гиперонима), объединяющего все фреймы. В то же время один разговорный глагол падения может выступать в качестве доминантного для нескольких фреймов. Отсутствие гиперонима в рамках разговорной речи характерно не только для разговорных глаголов, но и для разговорных существительных. Роль доминантного глагола (гиперонима) выполняет глагол кодифицированного литературного языка, тем самым объединяя литературные и разговорные лексемы в одну лексическую систему. Еще одна особенность разговорных глаголов падения — невыделенность фрейма падения-разрушения: он подчиняется, в отличие от литературного языка, тому же гиперониму, что глаголы падения с высоты и глаголы потери вертикальной ориентации. Основные ситуации, которые описывают русские разговорные глаголы — падение с высоты и потеря вертикальной ориентации; наименее интересующая разговорную речь ситуация — падение в результате открепления. Главный субъект разговорных глаголов падения — человек. Только в ситуациях падения-разрушения и падения в результате открепления субъект глаголов падения — предмет.

Ключевые слова: гипо-гиперонимия, глаголы падения, доминантный глагол, лексикография, русская разговорная речь, типология, фрейм.

Глаголы падения — одни из самых крупных классов глаголов в различных языках мира; при описании семантики этих глаголов возникает целый ряд проблем¹.

Фундаментальное исследование того, как ситуации падения описываются глаголами различных языков мира, представлено статьями Московской группы лексической типологии, опубликованными в сборнике [Acta 2020], в частности статьей Е. В. Рахилиной, Д. Рыжовой и Т. Резниковой [Рахилина и др. 2020: 9–63]. Основой для сопоставления служат 4 типовые ситуации падения (фреймы): падение с более высокой поверхности на более низкую, потеря вертикальной ориентации, падение-разрушение и открепление. Помимо этого, в каждом фрейме учитывается ряд дополнительных параметров: характеристика субъекта падения, положение субъекта в конечной точке, причина падения и др. Однако при том, что большое количество глаголов падения принадлежит разговорной речи, авторы данных работ рассматривают исключительно лексику кодифицированных литературных языков; исключение авторами из рассмотрения глаголов, описывающих падение, сопровождающееся звуком, не добавляет новых ограничений, так как все идеофонические глаголы (термин использован в [Кашкин, Плешак 2015: 137–142]) принадлежат разговорной речи, например, *бабахнуться*, *бахнуться*, *грохнуть*, *шлепнуться*, *шмякнуться* и др.

Список русских разговорных глаголов падения (всего 26 глаголов: *ахнуть*, *бабахнуться*, *бахнуться*, *бухнуть*, *гикнуться*, *грохнуть*, *жахнуть*, *загреть*, *запнуться*, *звездануться*, *ковырнуться*, *кокнуться*, *ляпнуться*, *навернуться*, *полететь*, *перекувыркнуться*, *растянуться*, *рухнуть*, *сверзиться*, *сковырнуться*, *сыпануть*, *тяпнуться*, *хлопнуться*, *чебурахнуться*, *шандарахнуть*, *шваркнуться*, *шмякнуться*) был сформирован на основе словарных статей Толкового словаря русской разговорной речи (Словарь 2021–2023); контексты использования глаголов перепроверялись и дополнялись по Национальному корпусу русского языка. В основу исследования были положены те же 4 фрейма падения, которые использовались для сопоставления глаголов падения литературных языков.

Русские разговорные глаголы описывают все четыре ситуации падения: падение с высоты (или с более высокой поверхности на более низкую), потерю вертикальной ориентации, падение в результате открепления и падение, результат которого — разрушение. Русская разговорная речь позволяет добавить к перечисленным фреймам еще три: падение с шумом, например *шлёпнуться*; падение, в результате которого у субъекта падения возникает боль, например, *грохнуть*: *Ганя с силой оттолкнул Фердыщенко, повернулся и пошел к дверям; но, не сделав и двух шагов, зашатался и грохнулся об пол* (Ф. Достоевский. Идиот); *Споткнулся, больно грохнулся коленом* (С. Палий, А. Гравицкий. Анабиоз); и НАМЕРЕННОЕ, или КОНТРОЛИРУЕМОЕ ПАДЕНИЕ. Последний фрейм заслуживает особого внимания.

Ситуация, которую описывают такие глаголы, как *рухнуть* (*в кресло*), *повалиться* (*на кровать*), *бухнуть* (*на колени*) и др. не соответствует ни толкованию

¹ О расхождениях в лексикографическом описании глаголов падения в толковых словарях русского языка см. [Шарыкина, в печати].

глагола *падать* ‘непроизвольным движением резко опускаться сверху вниз’ [Шведова, 2008], ни тому пониманию падения, на которое опираются в своем исследовании Е. В. Рахилина и ее соавторы: «под падением мы понимаем неконтролируемое перемещение в воздушной среде вниз без контакта с поверхностью под действием силы тяжести. Тем самым к зоне падения не относятся ни глаголы типа ‘опуститься’ или ‘броситься вниз’, поскольку задают контролируемую ситуацию, ни типа ‘скатиться’, так как предполагают контакт с поверхностью в процессе движения, ни ‘пойти ко дну, утонуть’, описывающие перемещение вниз в водной среде». [Рахилина и др. 2020: 19]. Толковые словари не выделяют у глаголов *падать*, *рухнуть*, *бухнуться* и нескольких других особых значений, в которых произвольное действие (расслабить мышцы) сочеталось бы с непроизвольным движением вниз, как в примере *В третьем часу, одереvenев от мороза, вернулся в дом, свалился на кровать* (Ю. Трифонов. Долгое прощание)².

Но при этом основных ситуаций в разговорной речи всего две: ситуация падения с высоты, например, *бахнуться* (*Надеюсь, штукатурка не бахнется мне на голову*. Блоги, 2012), *загредеть* (*Можно ведь загредеть вниз непроизвольно: просто обломится одна скоба, другая — и каюк!* (В. Громов. Компромат для олигарха); *звездануться* (*Вчера он ездил подглядывать в окна своей любовницы Натاشки и чуть не звезданулся с обледенелой крыши — сломал антенну, поранил щеку, потерял кроличью шапку*. Д. Каралис. Автопортрет), и ситуация потери вертикальной ориентации, например: *гикнуться* (*Ты не волнуйся, наверное, сегодня магнитная буря. Я и не помню, с чего это я гикнулась* [упала в обморок]? Г. Щербакова. Мальчик и девочка); *хлопнуться* (*Вы, конечно, прекрасно знаете, какие слова должен вымолвить русский человек, когда он, поскользнувшись, плашмя хлопается в жижу* (Комсомольская правда, 24.06.2003). Наименьшее внимание разговорная речь уделяет падению в результате открепления (единственный пример в НКРЯ — *Зеркало лягнулось со стены*); несколько большее — падению, сопровождающемуся разрушением: его описывают 7 глаголов: *бабахнуться*, *гробануться*, *грохнуть*, *кокнуться*, *рухнуть*, *тяпнуться*, *шандарахнуть*, ср.: *Самолет грохнулся; Как «Хромая лошадь» — так Пермь. Как самолёту шандарахнуть* — опять Пермь, и т. д. и т. п., перечислять можно долго (Блоги, 2010) и т. п.

В русской разговорной речи нет такого доминантного глагола (или, в терминах лексикологии, гиперонима), как *падать*, который в литературном языке покрывает три фрейма: падение с высоты (*Мячик упал в речку*), потерю вертикальной ориентации (*Маша упала прямо у своего подъезда*) и открепление (*Пальто упало с вешалки*). Иными словами, в разговорной речи отсутствует гипероним глаголов

² Мысль о том, что падение может быть контролируемым и неконтролируемым высказывается в статье [Кашкин, Плешак 2015: 139], ср.: «...сама по себе ситуация падения не может быть полностью контролируема, но мы можем говорить о контролируемости отдельных этапов этой ситуации: либо ее начальной фазы (например, когда человек плюхается на диван, сам того желая), либо ее конечной фазы, в которой субъект достигает именно той конечной точки, которой хотел достигнуть».

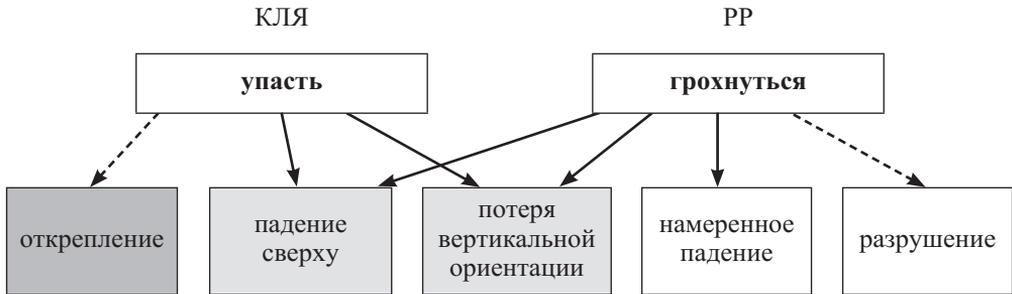
падения. Отсутствие гиперонима, который подчинял бы себе все лексемы какого-либо таксономического класса слов, по-видимому, общее свойство разговорной речи: об этом свидетельствуют данные работ Е. Г. Жидковой, посвященных гипогиперонимическим отношениям в группе существительных, обозначающих человека по признаку ‘большой / маленький’ и по признаку ‘слабый’ [Жидкова 2023; Жидкова, в печати]. Гиперонимом или доминантой всех глаголов какого-либо таксономического класса может быть только лексема литературного языка, т. е. тот же глагол *упасть*.

Между тем четыре разговорных глагола обладают способностью покрывать три фрейма: падение с высоты, потерю вертикальной ориентации и падение-разрушение, см. таблицу ниже:

Глагол	Падение с высоты	Потеря вертикальной ориентации	Падение-разрушение
грохнутьяся	<i>...там [на сцене] была гнилая доска, и я грохнулась в оркестровую яму!</i> (Труд-7, 19.03.2005)	<i>— На таких каблучках грохнуться недолго! — Да запросто! Самое главное в этом состоянии/ в лужу не грохнуться или под машину... (Запись устной речи, 2010)</i>	<i>Я летела домой и думала: вот если сейчас самолет грохнется, я не буду особенно возражать — вряд ли когда-нибудь еще я буду так же счастлива</i> (Труд-7, 13.08.2001)
ляпнутьсяя	<i>(Отец — шестилетнему сыну:) — Куда ты залез? Смотри/ ляпнешься оттуда// — Не ляпнусь/ я за трубу держусь// (Запись устной речи, 2015)</i>	<i>Рука подвернулась, я мордой-то в снег и ляпнулся</i> (В. Личутин. Крылатая Серафима)	<i>Любой летчик-испытатель, взлетая на новом самолете, не уверен, что он не ляпнется на землю</i> (Вести .ru, 20.08.2015)
тяпнутьсяя	<i>Жму на тормоза, кручу баранку. Куда летим, в кювет, что ли? Тяпнулись, потеряли сознание, очнулись</i> (В. Аксенов. Затоваренная бочкотара)	<i>Шли из школы, я упала. Тяпнулась на колено и руками уперлась</i> (Блоги, 2011)	<i>— Аэроплан тяпнулся, сплошная яичница, а мы — живы. До сих пор не пойму, каким образом</i> (Труд-7, 26.02.2004)
шандарахнутьсяя	<i>Достаём мясорубку, смываем с неё вековую пыль, устанавливаем на краю стола, чтобы она не шандарахнулась на ногу в самый интересный момент</i> (Блоги, 2007)	<i>Я однажды на тающей крыше так шандарахнулся, поскольку сидишь, что полтела несколько дней было синее и координация из-за ушиба весьма нарушилась</i> (Блоги, 2012)	<i>Как «Хромая лошадь» — так Пермь. Как самолёту шандарахнуться — опять Пермь, и т. д. и т. п., перечислять можно долго</i> (Блоги, 2010)

При этом сочетание фреймов в разговорной речи оказывается другим, чем в литературном языке: фрейм ПАДЕНИЕ–РАЗРУШЕНИЕ покрывается теми же глаголами, что фрейм ПАДЕНИЕ С ВЫСОТЫ и фрейм ПОТЕРЯ ВЕРТИКАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ. Можно высказать предположение о том, что и здесь проявляется особенность разговорной речи, так как в статье [Рахилина и др. 2020] авторы указывают, что обычно

фрейм ПАДЕНИЕ–РАЗРУШЕНИЕ выделен и не входит в «зону влияния» доминантного глагола. В частности в русском языке, доминантный глагол *падать* не охватывает ситуацию обрушения.

Только один глагол, *кокнутья*, выделяет фрейм ПАДЕНИЕ–РАЗРУШЕНИЕ, не покрывая фреймов ПАДЕНИЕ С ВЫСОТЫ и ПОТЕРЯ ВЕРТИКАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ в силу того, что его субъектом могут быть только такие существительные, которые обозначают предметы, обладающие свойством ‘хрупкость’ (*посуда, яйцо, самолет*) и не могут упасть, не разрушившись, ср.: *А мне вот 27-го предстоит. И как пить дать, на эйрбасе или боинге... И нет уверенности, что **кокнемся** сразу, если **кокнемся*** (Блоги, 2010).

Рассмотрим теперь различия между аналогичными фреймами в литературном языке и в разговорной речи.

В целом для всех разговорных глаголов падения, независимо от того, какой из четырех фреймов они покрывают, обязательный синтаксический субъект — человек. Исключение — только два глагола: *сыпануть* и *кокнутья*. В силу природы их субъекта человеком он быть не может: у *сыпаться* субъект множественный, это масса мелких предметов, ср.: *Друг попросил сделать «по дружбе» телефон, который он купил «на очень выгодных условиях». Открываю корпус, а оттуда детали как **сыпанут!*** (Самая дорогая ошибка // Форум, 2013); у *кокнутья* субъект должен обладать таким свойством, как хрупкость, которого у человека не может быть по определению, ср. *Шоколадный «дядюшка Джо» (почему его так называли — я до сих пор не знаю) вдруг пошатнулся и, **кокнувшись** об пол, разбился на большие и маленькие куски* (В. Аграновский. Вторая древнейшая).

Фрейм ПАДЕНИЕ С ВЫСОТЫ

Так же, как в литературной речи, субъектом глаголов фрейма ПАДЕНИЕ С ВЫСОТЫ или с более высокой поверхности на более низкую может быть как человек, так и предмет. Есть единственный случай, когда у глагола оказывается возможным субъект — предмет, и при этом у него нет субъекта-человека: это глагол *сыпануть*, о котором уже шла речь. В целом человек выступает в роли синтаксического субъекта наравне с субъектом-предметом, и это вполне объяснимо сосредоточенностью разговорной речи на мире человека. Существенно, что русские разговорные

глаголы падения не различают падения человека и падения предмета: падение как субъекта-человека, так и субъекта-предмета описывается одним словом (*Иван сверзился с койки; Грузовик сверзился с дороги*), т. е. колексифицируется.

Фрейм ПОТЕРЯ ВЕРТИКАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ

При сравнении глаголов, покрывающих фрейм ПОТЕРЯ ВЕРТИКАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ, между литературным языком и разговорной речью обнаруживается резкое различие. В литературном языке субъектами глаголов этого фрейма могут быть как люди, так и различные вертикально ориентированные предметы: *деревья, столбы, бутылки* — и предметы с функциональным отверстием, которое не может быть использовано в своей функции при изменении положения предмета: *чашки, шкафы, тумбочки* [Рахилина и др. 2020]. Разговорная речь полностью игнорирует предметный мир; субъектами глаголов этого фрейма могут быть только люди: глаголы описывают падение человека в результате обморока, в результате того, что человек поскользнулся, споткнулся, не удержался на каблуках и т. п., например:

Ругается привычно, но с таким сердечным чувством, так смачно, что её коллега по рельсам не выдержала и бухнулась в обморок. (ЖЖ, 2021); *В туфлях на каблуке все, о чем ты думаешь — как бы не **сковырнуться** прической в асфальт и скорее бы сбросить этот ужас с ног* (Блоги, 2019); *В пылу погони за расстроенным дамским парикмахером я наступил на яблоко конского навоза, **шмякнулся** на мостовую и едва не выронил из кармана пистолет* (Г. Башкуев. Маленькая война).

Фрейм ПАДЕНИЕ В РЕЗУЛЬТАТЕ ОТКРЕПЛЕНИЯ

Ситуация открепления совершенно не интересует разговорную речь в отличие от литературного языка. В литературном языке падение в результате открепления описывает целый ряд глаголов, в том числе *оборваться, сорваться, соскочить, слететь, свалиться*, например: *Подъемник внезапно **оборвался** в ходе ремонтных работ* (Российских рабочих завалило грунтом // lenta.ru, 2019.10.20); *С берёзы посреди поляны вдруг **сорвалось** сразу три листика* (С. Козлов. Правда, мы будем всегда?); *С правой стойки шасси **слетела** резина, из-за этого борт сильно повело, пилоты не смогли его выровнять и вылетели за пределы взлетной полосы* (lenta.ru, 2019.06.27).

Среди множества примеров падения встретилось только два примера падения в результате открепления, которые описываются разговорными глаголами: *сыпануть*, например: *Один из парней вскочил и разорвал свою пеструю рубаху — на асфальт **сыпанули** пуговицы* (Р. Сенчин. Дождь в Париже) и *ляпнуться*, например: *Зеркало **лягнулось** со стены на пол*, но возможность понять, что речь идет о ситуации открепления, нам дает только знание характера объекта (*пуговицы пришиты, зеркало обычно висит на крючке, забитом в стену*) и контекст. Сами глаголы говорят только о характере движения вниз, в отличие от приставочных глаголов литературного языка. Поэтому можно считать, что фрейм ПАДЕНИЕ В РЕЗУЛЬТАТЕ ОТКРЕПЛЕНИЯ в разговорной речи отсутствует.

Фрейм ПАДЕНИЕ-РАЗРУШЕНИЕ

В русской разговорной речи падение, результат которого — разрушение, описывается восемью глаголами. Отличие этого фрейма от аналогичного, который описывают глаголы кодифицированного литературного языка, заключается в том, что круг субъектов разговорных глаголов очень узок: в большинстве случаев это «летательные аппараты»; кроме этого встречаются отдельные примеры строений (дом, стена, кирпичная труба, которую можно также отнести к классу вертикально-ориентированных предметов из-за ее хрупкости, результат ее падения отличается от результатов падения других субъектов глаголов этого класса).

Глагол падения-разрушения	Субъект
1. бабахнуться	самолет, кирпичная труба
2. гробануться	самолет, ракета
3. грохнутья	самолет, бьющийся предмет (бутыль, горшок)
4. кокнутья	что-л. хрупкое
5. рухнутья	конструкция, стена
6. тяпнуться	аэроплан
7. хлопнуться	дом (девятиэтажка)
8. шандарахнуться	самолет

Сопоставляя все субъекты глаголов, описывающих данный фрейм, можно прийти к выводу, что результат падения (и, соответственно, значение глагола) на самом деле определяется только характером субъекта. За исключением глагола *кокнутья*, ни один из остальных глаголов вне контекста не описывает ситуацию разрушения — и это понятно, так как эти же глаголы при субъектах других классов описывают и ситуацию падения, и ситуацию потери вертикальной ориентации.

Фрейм ПАДЕНИЕ С ШУМОМ

Яркая особенность русских разговорных глаголов падения — включенность в их семантику таких признаков, как боль и звук. Пять идеофонических глаголов (*бултыхнуться*, *грохнутья*, *плюхнутья*, *шлепнуться*, *шмякнуться*), в значение которых входит семантический признак ‘звучание’, подробно разобраны в статье [Кашкин, Плешак, 1915]. К этому списку можно добавить еще 6 глаголов: *бахнуться*, *бабахнуться*, *ляпнуться*, *хлопнуться*, *хлопнуться* и *шваркнуться*. Доказательство того, что в значении этих глаголов есть семантический признак ‘звук’ — то, что они образованы от звукоподражательных междометий или от особых глагольных форм (междометных глаголов), например:

Шваркнуться: *Мужичонка — шварк чемодан на тротуар и бежать* (Комсомольская правда, 26.06.2006).

Хлопнуться: *Я глядь в сторону, да, зная, спросонья оступилась, так прямо с рундучка и полетела вниз — да о землю хлоп!* (И. С. Тургенев. Живые мощи).

Еще одно свидетельство того, что у этих глаголов есть семантический признак ‘звук’ — возможность их сочетания с наречиями, характеризующими звук, например:

Прошуршав, они глухо хлопнулись в логове удавов, точно попав на нужную плитку. (И. Краева. Тим и Дан); *Одна девчонка из нашего класса упала в обморок, громко грохнувшись на пол* (С. Рыженков. Дворовые игры). *Полотенце сочно шмякнулось на пол.*

Фрейм падение с шумом в разговорной речи пересекается со всеми остальными фреймами: с шумом может падать с высоты человек, предмет, шум может сопровождать падение, результат которого — разрушение, и даже падение в результате открепления.

Фрейм падение с болью позволяет выразить конструкция с предлогом *о* (*об*): *Я здорово грохнулась об асфальт.* Фрейм падения с болью накладывается на те фреймы, в которых субъектом падения может быть человек, т. е. на фрейм намеренного падения, на фрейм падения вниз и на фрейм потери вертикальной ориентации.

Подводя итоги, можно утверждать следующее:

- по сравнению с литературным языком разговорные глаголы падения описывают большее количество фреймов — в частности, намеренное падение, падение с шумом и падение с болью;
- в то же время количество субъектов падения в разговорной речи по сравнению с литературным языком сужено: главный субъект падения, на котором сосредоточено внимание разговорной речи — человек;
- значения разговорных глаголов падения в высшей степени недискретны и зависят от контекста. Один и тот же глагол описывает падение человека и предмета, потерю вертикальной ориентации, падение, результат которого разрушение, падение, сопровождающееся шумом и падение, сопровождающееся болью. Иными словами, для разговорной речи характерна гораздо более высокая степень колексификации, чем для литературного языка.

Литература

Жидкова Е. Г. Отношения гиперо-гипонимии в лексике разговорной речи в сравнении с лексикой кодифицированного литературного языка (на материале русских существительных, обозначающих человека) // Русская речь, 2022, № 3. С. 19–30.

Жидкова Е. Г. Гиперо-гипонимическая организация лексических единиц разговорной речи и кодифицированного литературного языка (на примере группы слов, обозначающих человека по признаку ‘физически слабый’) // В печати.

Кашкин Е. В., Пleshак П. С. Идеофонические глаголы падения: семантические наблюдения и перспективы корпусного исследования // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2015, № 3. С. 137–142.

Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Рыжова Д. А. Глаголы падения в языках мира: фреймы, параметры и типы систем // Acta Linguistica Petropolitana, СПб. 2020, т. 1, № 1. С. 9–63.

Толковый словарь русской разговорной речи. Под редакцией Л. П. Крысина. Вып. 1–4. М.: Языки славянской культуры, 2014 — 2021.

Толковый словарь русской разговорной речи. Под редакцией Л. П. Крысина. Вып. 5. М.; СПб.: Нестор-история, 2023.

Шарыкина О. А. Глаголы со значением ‘упасть’ и ‘удариться’ в «Толковом словаре русской разговорной речи» // В печати.

R. I. Rozina

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
rrozina@yandex.ru*

COLLOQUIAL VERBS DESCRIBING FALLING IN THE CONTEXT OF LEXICAL TYPOLOGY

The article addresses the comparison of the description of the situation of falling by verbs of everyday Russian to the description of this situation in various standard languages of the world. The study is based on the classification of fall situations (frames) developed by the Moscow Group of Lexical Typology. The research material is examples from the dictionary entries of the Explanatory Dictionary of Russian Everyday Speech and the National Corpus of the Russian Language.

Compared to the description of falling in standard languages, everyday speech describes more situations: to the frames of falling from a higher surface to a lower one, the loss of vertical position, falling-destruction and falling as a result of detachment, everyday speech adds three more — intentional (partially controlled) falling, falling with noise, and falling with pain. An important feature of colloquial speech is the absence of a dominant verb (hyperonym) subordinating all the frames. At the same time, one colloquial verb of falling can act as a dominant verb for several frames. The absence of a hyperonym within everyday speech is characteristic not only of colloquial verbs, but also of colloquial nouns. The role of the dominant verb (hyperonym) is fulfilled by the verb of the standard language, thus bringing standard and colloquial lexemes into one lexical system. Another peculiarity of colloquial verbs of falling is that unlike in literary language the fall-destruction frame is subject to the same hyperonym as verbs of falling from a height and verbs of losing vertical position. The main situations described by Russian colloquial verbs are falling from a height and loss of vertical orientation; the situation of the least interest to everyday speech is falling as a result of detachment. The main subject of colloquial verbs of falling is a human being. Only in the situations of fall-destruction and fall as a result of detachment the subject of verbs of falling is an object.

Key words: hypo-hyperonymy, verbs of falling, dominant verb, lexicography, Russian everyday speech, typology, frame.

References

Kashkin E. V., Pleshak P. S. [Ideophonic verbs of falling: Semantic observations and prospects of corpus research]. *Vestnik VGU. Linguistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2015, no. 3, pp. 137–142. (In Russ.)

Rakhilina E. V., Reznikova T. I., Ryzhova D. A. [Verbs of falling in world languages: frames, parameters and types of systems]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2020, vol. 1, no. 1, pp. 9–63. (In Russ.)

Sharykina O. A. *Glagoly so znacheniem 'upast' i 'udarit'sya' v "Tolkovom slovare russkoj razgovornoj rechi"* [Verbs meaning 'to fall' and 'to hit' in the "Explanatory Dictionary of Russian Colloquial Speech"]. (In press.)

Krysin L. P. (Ed.). *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoj rechi* [Explanatory dictionary of Russian colloquial speech]. Vols. 1–4. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2014–2021.

Krysin L. P. (Ed.). *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoj rechi* [Explanatory dictionary of Russian colloquial speech]. Vol. 5. Moscow, Saint-Petersburg, Nestor-Istoria Publ., 2023.

Zhidkova E. G. [Relations of hyper-hyponymy in the vocabulary of everyday speech in comparison with the vocabulary of standard language (on the material of Russian nouns denoting a person)]. *Russkaya rech'*, 2022, no 3, pp. 19–30. (In Russ.)

Zhidkova E. G. *Gipero-giponimicheskaya organizatsiya leksicheskikh edinic razgovornoj rechi i kodificirovannogo literaturnogo yazyka (na primere gruppy slov, oboznachayushchikh cheloveka po priznaku 'fizicheski slabyj')* [Hyper-hyponymic organisation of lexical units of everyday speech and standard language (exemplified by a group of words denoting a person having the feature 'physically weak')]. (In press.)

Д. М. Савинов

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

crillon@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ ПРОИЗНОШЕНИЯ С ДИЕРЕЗОЙ БЕЗУДАРНОГО ГЛАСНОГО В ЮЖНОРУССКИХ ГОВОРАХ

Статья посвящена отражению в диалектной лексикографии редукции безударных гласных до нуля, которая наиболее часто отмечается в юго-восточных русских говорах. В работе показано, что лексикографическое представление случаев диерезы гласных в диалектных словарях не всегда последовательно. Во-первых, зачастую не ясны критерии, которыми руководствуются авторы при принятии решения о лексикализации того или иного диалектного произношения. Во-вторых, неочевидны и графико-орфографические принципы фиксации конкретных диалектных слов. В статье предложено различать, с одной стороны, лексическую или морфологическую прикрепленность диерезы гласного к конкретному слову или морфеме, с другой стороны, собственно лексикализацию произношения без гласного.

Ключевые слова: южнорусские говоры, вокализм, диереза безударных гласных, лексикализация, лексикография, диалектные словари.

1. Территориальные варианты русского языка значительно отличаются типами ритмической структуры фонетического слова. В южнорусских говорах представлены два основных ритмических контура: для юго-восточных говоров, как и для русского литературного языка, а также для среднерусских говоров, характерен контур «сильный центр и слабая периферия». В юго-западных говорах распространена иная ритмическая структура фонетического слова, предполагающая позиционное чередование в 1-м предударном (далее — п/у) «сильных» и «слабых» слогов в зависимости от качества ударного гласного; этот принцип распределения затрагивает также 2-й п/у и 1-й заударный (далее — з/у) слоги [Альмухамедова (ред.) 1985: 121, 127]. «Сила» слога в конкретной системе непосредственно влияет на характеристики образующего его гласного звука, в том числе предопределяет степень редукции безударных гласных — вплоть до их полной утраты. Наиболее часто диереза безударных гласных (кроме гласных в 1-м п/у слоге) встречается в тех говорах, где «сильный центр», включающий

ударный и 1 п/у слоги, контрастно противопоставлен «слабой периферии», то есть всем остальным безударным слогам.

По данным Н. Л. Голубевой, в материалах Диалектологического атласа русского языка (далее — ДАРЯ) редукция гласных до нуля отмечена во 2-м п/у слоге в 1060 примерах, в 1-м п/у слоге в 93 примерах, в 3/у неконечном слоге в 634 примерах, в 3/у конечном открытом слоге в 295 примерах, в 3/у конечном закрытом слоге в 98 примерах; чаще всего редукция до нуля «появляется в случае соседства гласного с сонорным» [Голубева 1985: 66–67, 72]. Карта «Редукция гласных до нуля в безударном положении», составленная Н. Л. Голубевой на основе проанализированных материалов ДАРЯ, выделяет ареал этого явления в Восточной (Рязанской) группе говоров южнорусского наречия и в примыкающих к ней восточных среднерусских говорах, для которых характерно сильное аканье и ассимилятивно-диссимилятивные типы яканья [ДАРЯ: карта 32].

Анализ материалов ДАРЯ свидетельствует о том, что диереза безударных гласных чаще встречается в позиции 2-го п/у слога, реже — в 3/у неконечном слоге. Этот вывод подтверждается инструментальным исследованием ритмо-динамической структуры слова одного южнорусского орловского говора, также характеризующегося сильным аканьем и ассимилятивно-диссимилятивным яканьем кидусовской разновидности: здесь «самыми малоинтенсивными и краткими по длительности являются гласные во 2 п/у слоге. Гласные заударных слогов имеют значительную длительность, хотя по интенсивности существенно редуцируются» [Альмухамедова (ред.) 1985: 99].

Как отмечают исследователи [Строганова 1977; Теплова 1981], утрата гласного во 2-м п/у или в 3/у неконечном слоге — это фонетическое явление, принципиально ограниченное только позицией, а факты «подобного произношения всегда сосуществуют по говорам с произношением [ъ]» [Теплова 1981: 55].

2. Иногда в юго-восточных диалектных системах происходит лексикализация произношения с диерезой гласного. Например, в основе инфинитива (прошедшего времени) глагола *бороновать* ‘обрабатывать землю бороной’ в ряде говоров происходит закономерная утрата 2-го п/у гласного: *бо[рн]овать*, *бо[рн]овал*. В результате обобщения основы эта огласовка распространяется на всю парадигму глагола, то есть появляются формы *бо[рн]ую*, *бо[рн]ушь* и т. д., где гласный отсутствует в позиции 1-го п/у слога, то есть в акцентном ядре слова. Лексикализация «корневой морфемы *борн-* подтверждается, с одной стороны, наличием в говорах родственных слов, большая часть которых, по материалам картотеки Словаря русских народных говоров, известна только с корнем *борн-* и неизвестна с корнем *борон-*; с другой стороны, тем, что слог с выпадающим гласным у многих из этих слов занимает иное положение по отношению к ударению, нежели в слове *бороновать*, и несмотря на это слово употребляется с корнем *борн-...*» [Кузнецова 1985: 111]. В этом корне происходит изменение фонемного состава, что дает основание помещать глагол *борновать*, а также его производные в диалектные словари как отдельные лексические единицы: *борновать* [СВГ 1: 128–129; СРНГ 3: 102]; *борновальщик* ‘бороновальщик’, *борновий* ‘относящийся к бороне’ и т. д. [СРНГ 3: 102–103].

Во многих юго-восточных говорах диереза гласных последовательно представлена в приставке *пере-*, которая во 2-м п/у слоге обычно реализуется как *ne[r']*- или *ne[r]*-, то есть «создаются фонетические условия для возникновения алломорфа» префикса *пере-* в этой позиции [Голубева 1985: 63]. Отверждение конечного [р] затемняет связь производного варианта *пер-* с исходным *пере-* и в некоторых случаях дает авторам словарей основание для отдельной фиксации подобных слов: *пердогна́ть* ‘перегнать’ [СРНГ 26: 19] (ср. вариант *передогна́ть* ‘обогнать, перегнать’ [СРНГ 26: 91]); *перстекáть* ‘настигать, догонять кого-, что-л.’ [СОГ 9: 83] (ср. *перестига́ть* ‘опережать, перегонять; настигать’ [СРНГ 26: 229]).

В ряде работ даются списки других слов, в которых, по мнению авторов, произошла лексикализация произношения с диерезой гласного в позиции 2-го п/у слога. Наиболее часто приводятся примеры с полногласными сочетаниями *-оро-* и *-ере-*, в которых утрачивается либо первый, либо второй гласный. Так, О. Д. Кузнецова среди самых распространенных случаев лексикализации указывает слова: *прасёнок*, *прасу́к* ‘поросенок’, *порхово́й* ‘пороховой’, *вертенó*, *вертени́ца* ‘ящерица’, *сковродá* [Кузнецова 1985: 112–113]. М. Я. Запрягаева, исследовавшая некоторые говоры Белгородской и Воронежской обл., также выделяет особую группу «лексикализованных явлений», куда «входят те слова с сочетаниями *-оро-*, *-ере-*, в которых утрачен первый элемент полногласия — происходит образование так называемого мнимого неполногласия: *прасенок*, *прасук*, *сковрада*, *на стране*, *хранить*» [Запрягаева 1984: 29].

Подобные варианты с графически зафиксированной диерезой гласных встречаются и в диалектных словарях: *вертенó* ‘веретено’, ‘непоседа’ и др., *вертени́ца* ‘ящерица’, ‘змея’ и др. [СВГ 1: 205; СРНГ 4: 151; СТГ 1: 97]; *вертеться вертенóм* ‘быть в постоянном движении; быстро делать что-л.’ [СДГВО 1: 220]; *годовáть*, *гладовáть* (то же, что *голодовáть* ‘голодать’) [СОГ 2: 145, 156], *гладовáть*, *гладовáл* ‘голодовал’ [ДС: 60]; *градско́й* ‘городской’ [СВГ 2: 108]; *градьба́* ‘изгородь’ [СТГ 1: 176]; *клако́ла* ‘маленькие колокола, колокольчики’, *колколéц* ‘колокольчик, подвешиваемый к дуге в конской упряжи’ [СОГ 5: 40, 61]; *прасёнок* (то же, что *парсёнок* ‘домашнее животное свинья’) [СОГ 11: 6], ‘детёныш свиньи’ [СДГВО 4: 420], *просёнок* ‘поросенок’ [СРНГ 32: 229]; *прасу́к* [СДГВО 4: 420] и *просу́к* [СРНГ 32: 258] ‘поросенок’; *сковродá* ‘сковорода’ [СРНГ 38: 48]; *храни́ть* (то же, что *хороня́ть* ‘хоронить’) [СОГ 17: 114] и т. п.

В диалектных словарях отмечаются и некоторые другие слова с возможной диерезой гласного во 2-м п/у слоге, например *крау́л* ‘караул, стража’, *крау́льный* ‘караульный’, *крау́льщик* ‘караульщик’ [СРНГ 15: 203–204]; *кравáец* / *кровоáец* ‘тонкий блин из пшеничной муки’ [СРНГ 15: 265] (ср. *каравáец* / *коровáец* [СРНГ 13: 64]), *прали́ч*, *прали́к* ‘паралич’ [ДС: 254; СДГВО 4: 420; СОГ 11: 4–5; СРНГ 31: 65–66] и т. п.

3. Можно предположить, что в некоторых приведенных примерах диереза гласного действительно теряет свою позиционную обусловленность и лексикализуется, то есть становится принадлежностью фонемного состава определенных слов. Этому способствует, во-первых, неподвижное ударение при формообразовании

и, во-вторых, отсутствие аналогии с родственными словами, имеющими ударение на другом гласном. В частности, эти условия соблюдаются в заимствованных словах типа *краул*, *краульный*, а также в исконных словах с затемененной этимологией типа *кравáец* / *кровоáец*.

Слова *пралíч* и *пралíк* обычно имеют нафлексивное ударение в косвенных падежах, что может модифицировать и характеристики гласных корня. В ряде говоров устойчивость огласовки корня *пралик-* характерна для вторичного значения (употребляется как бранное слово), в том числе для устойчивых сочетаний: *к пралику* ‘к чёрту’, *ни пралика* ‘совершенно ничего’, *Прáлик тебя возьми!* (бранное выражение) и т. д. [СОГ 11: 5; СРНГ 31: 65–66; СУСОГ 1: 160].

Изменение фонемного состава возможно также в словах *вертенó*, *вертени́ца* ‘ящерица’ и *просёнок*. Так, лексикализации варианта *вертенó* способствует сближение этого слова с формами этимологически родственного глагола *вертеть* и его производными [Кузнецова 1985: 113]¹. В говорах отмечается форма мн. ч. *вертёнья* [СРНГ 4: 151], а также происходит перенос ударения в ед. ч. с сохранением огласовки *вертёно* [СТГ 1: 97]; огласовка с диерезой может сохраняться и в производных типа *вертёнка* ‘веретено’ [ДС: 40; СДГВО 1: 220] — все эти примеры подтверждают произошедшее изменение фонемного состава. Широко представлен в говорах и вариант *просёнок*: например, еще в начале XX в. А. И. Сахаров писал, что в Болховском у. Орловской губ. «крестьяне всегда скажут *прасенок* вместо *поросенок*» [Сахаров 1900: 6]. Лексикализация варианта *просёнок* в некоторых говорах подтверждается наличием однокоренного слова *супросная* ‘вынашивающая плод (о свинье)’ [СДГВО 5: 315; СРНГ 42: 258], где так же, как и в *просёнок*, отсутствует гласный, то есть представлен единый вид корня *прос-*.

По мнению С. С. Высотского, лексикализация в слове *прасу́к* ‘поросенок’ обусловлена ослаблением «анalogии с родственными формами» [Высоткий 1949: 32]. Однако необходимо обратить внимание на то, что в косвенных падежах формы этого слова имеют нафлексивное ударение: *прасу́к* [–ука́] [Даль⁴ 3: 998]. Изменение акцентологической схемы слова может обусловить и изменение характеристик составляющих его гласных звуков. Например, Р. И. Аванесов, описавший говоры рязанской мещеры, приводит примеры *прасу́к*, но *три пьрсукá* [Аванесов 1949: 161], которые указывают на позиционную обусловленность диерезы гласного, то есть на отсутствие изменения фонемного состава в описанной лексеме.

Представляется совершенно очевидным, что в диалектных словарях не следует отдельно фиксировать графические варианты типа *голдováть* / *гладováть* (наряду с *голодováть* ‘испытывать голод’) [СОГ 2: 145, 156; СОГ 3: 9] или отражать в написании заглавного слова диерезу гласного в случаях типа *колколéц* ‘колокольчик, подвешиваемый к дуге в конской упряжи’ [СОГ 5: 61].

¹ В этом аспекте интересно отметить, что в воронежских памятниках письменности XVIII в. графические варианты *вертено*, *вертяна*, отражающие диерезу гласного, отмечены в значении ‘стержень, служащий осью вращения чего-л.’ (но не собственно ‘приспособление для прядения’) [СВДП I: 165].

Можно предположить, что наряду с *голдováть* / *гладováть* и *колколéц* носителям говора известны однокоренные лексемы типа *гóлод*, *голóдный* и *колокóльня*, *колокóльный* или *колокóльчик*, где диереза гласного на месте *о* в позиции 1-го п/у слога и уже тем более под ударением просто невозможна. Это указывает на то, что фонемный состав корней *голод*- и *колокол*- обычно стабильно сохраняется, а произносительные варианты *го[лд]ováть*, *[гл]одováть* или *ко[лк]олéц* позиционно обусловлены и отражают особенности собственно фонетической системы говора.

Лексикализацию произношения с диерезой гласного можно констатировать только при использовании слова *колколéц* в переносном значении, в частности — в устойчивых сочетаниях: *колколéц заиграл (играет)* ‘о предсмертном хрипе’ [Сахаров 1900: 20; СРНГ 14: 138], *в горле колколец заиграл* ‘о простуженном, «хрипящем» горле»², отмеченных в курских и орловских говорах. В среднерусских окающих восточных говорах, где сильный центр слова противопоставлен слабой периферии еще более контрастно, вариант *колколéц* лексикализуется в качестве названий растений [СРНГ 14: 138] или их частей [Батырева 2013: 22–23].

Еще более некорректным выглядит графическое оформление заглавного слова *клаколá* ‘маленькие колокола, колокольчики’, снабженного пометой «ед.?» [СОГ 5: 40]. Это слово несомненно имеет форму ед. ч., и ее произношение принципиально важно для графического орфотипирования заглавного слова. Велика вероятность того, что в ед. ч. функционирует общерусская форма *кóлокол*, где гласный между [к] и [л] находится под ударением, то есть в сильной позиции.

4. Как показывает проанализированный материал, лексикографическое представление случаев диерезы безударных гласных в диалектных словарях не всегда последовательно и нуждается в корректировке. Представляется очевидным, что авторам словарей необходимо четко различать, с одной стороны, лексическую прикрепленность диерезы гласного к конкретному слову или морфеме, с другой — собственно лексикализацию произношения без гласного. Чаще всего лексикографы понимают лексикализацию слишком широко и включают в диалектные словари варианты, указывающие лишь на лексическую прикрепленность диерезы, а не собственно лексикализованные примеры. «В русистике стало обычным называть термином лексикализованные фонетические явления, реализация которых нерегулярна и ограничена определенным (небольшим) кругом слов» [Кузнецова 1985: 25]. Однако подобный подход нельзя признать оправданным: лексикализация — это не просто лексическое ограничение, наложенное на реализацию какой-либо фонетической черты, лексикализация — это системное языковое изменение, в результате которого либо происходит фонематически значимое преобразование (*бороновáть* → *бо/рн/овáть*), либо появляется новая языковая единица (*колоколéц* ‘маленький колокольчик’ → *ко/лк/олéц* ‘растение’).

² Горбачев П. О. «Словарь живого великопольского языка». <http://old-kursk.ru/book/ist-mem/pg021.html>.

Иначе говоря, только утрата позиционной обусловленности диерезы гласного, исчезновение вариативности произношения и, как следствие, изменение фонемного состава дает основание констатировать лексикализацию соответствующего произношения и обуславливает особое графическое оформление слова, его включение в диалектный словарь в качестве отдельной словарной статьи. Как было показано выше, этому способствует неподвижное ударение при формообразовании, а также отсутствие аналогии с родственными словами, имеющими ударение на другом гласном. На лексикализацию указывают и некоторые парадигматические изменения типа *бо[рн]овать* → *бо[рн]ую* или *ве[рт]енó* → *ве[рт]ёнья*, не обусловленные фонетическими причинами.

Данные памятников письменности свидетельствуют о том, что произношение с диерезой гласного во 2-м п/у слоге распространялось в юго-восточных говорах как минимум с начала XVIII в. и, видимо, изначально имело лексическую прикреплённость. Так, помимо уже упомянутых в первой сноске примеров *вертено* и *вертяна*, в памятниках XVIII в. отмечены следующие графические варианты, отражающие диерезу гласного: *борнования* [СВДП I: 110], *краул*, *краул(ь)ные* [СВДП II: 308], *просять*, *просятами* [СВДП IV: 284], *сковрада* [СВДП V: 214]; гласный может отсутствовать также в префиксе *пере-*: *первезти*, *пергорадил*, *пердовили* (передавили), *перломать*, *перлома* [СВДП IV: 27, 28, 32, 72]. Приведенные примеры фиксируются в памятниках деловой письменности, созданных преимущественно на территории Воронежской и Тамбовской губерний.

Необходимо также обратить внимание на то, что, по верному замечанию М. Я. Запрягаевой, большинство из приведенных диалектных примеров — это слова с «мнимым неполногласием»: они не были заимствованы из церковнославянского языка, а их особая огласовка появилась в результате развития местной фонетической системы. Поэтому написание подобных вариантов с буквой *а* в п/у слогах (*гладовать*, *клаколá*, *прасёнок*, *прасу́к* и т. д.) с точки зрения современной русской орфографии представляется ошибочным.

Таким образом, часть зафиксированных диалектных примеров с диерезой безударного гласного было бы корректно давать не как отдельные лексемы с особой графикой, а как произносительные варианты — в пределах одной словарной статьи³. Для этого в диалектных словарях следует ввести зону транскрипции, в которой представлять допустимые варианты произношения заглавного слова. В качестве удачного примера можно привести Деулинский словарь: «ПАРАЛІ́К (*н̣ьрал'і́к*, *прал'і́к*)...» [ССРНГ: 389]. Зафиксированные фонетические варианты должны быть показаны также в иллюстративном материале. Ср. в «Словаре донских говоров Волгоградской области» заглавную статью *колóдезь* при наличии в иллюстративном материале форм мн. ч. *ко[лд]езья́* и *ко[лд]езя́*: «Так у нас и калдизья, вырытыи раньшы калдизья были», «За вадой ф калдызя хадили» и т. п. [СДГВО 3: 112–113].

³ Поскольку среди областных словарей преобладают дифференциальные, подобную вариативность произношения можно отразить лишь в том случае, если вариант без диерезы является лексическим или семантическим диалектизмом.

Источники

Батырева Л. П. Лексика льноводства, прядения и ткачества в говорах Ивановской области. Шуя, 2013. [Электронный ресурс]. http://sspu.ru/pages/subfaculties/gua/projekts/Batureva.L.P._Leksika_linovodstva.pdf?v=2.

Даль⁴ — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. 4-е изд. / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.; М., 1912. Т. I–IV.

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР / Под ред. Р. И. Аванесова и С. В. Бромлей. Вып. 1: Фонетика. М., 1986 (карты). 99 сдв. л.

ДС — А. В. Миртов. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929. 415 стб.

СВГ — Словарь воронежских говоров / Науч. ред. Г. Ф. Ковалев. Вып. 1–3—. Воронеж, 2004–2019—.

СВДП — В. И. Хитрова. Словарь воронежской деловой письменности XVII–XVIII вв. / Под ред. И. Г. Добродомова. Т. I–V. М.: Прометей, 2022–2024.

СДГВО — Словарь донских говоров Волгоградской области / Под ред. Р. И. Кудряшовой. Вып. 1–6. Волгоград, 2006–2009.

СОГ — Словарь орловских говоров / Науч. ред. Т. В. Бахвалова. Вып. 1–17—. Ярославль; Орёл, 1989–2016—.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52— / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.–Л.; СПб., 1965–2021—.

ССРНГ — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И. А. Оссовецкого. М.: Наука, 1969. 612 с.

СТГ — Д. А. Романов, Н. А. Красовская. Словарь тульских говоров. Ч. 1–5. Тула, 2015–2023.

СУСОГ — Ж. А. Зубова. Словарь устойчивых сочетаний орловских говоров. Ч. 1—. Орел, 2016—.

Литература

Аванесов Р. И. Очерки диалектологии рязанской мещеры. I. Описание одного говора по течению р. Пры // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. Т. 1. М.—Л., 1949. С. 135–236.

Альмухамедова (ред.) 1985 — Градационная фонология языка и просодия слова русской диалектной речи / Науч. ред. З. М. Альмухамедова. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1985. 184 с.

Высотский С. С. О говоре д. Лека (по материалам экспедиции 1945 г.) // Мат-лы и исслед. по русской диалектологии. Т. 2. М.—Л., 1949. С. 3–71.

Голубева Н. Л. О консонантном окружении гласных, редуцируемых до нуля // Диалектография русского языка / Отв. ред. Р. И. Аванесов, А. И. Горшков. М.: Наука, 1985. С. 60–80.

Запрягаева М. Я. Случаи лексикализации некоторых фонетических явлений в говорах (на материале полногласной и неполногласной лексики) // Мат-лы по

русско-славянскому языкознанию. Лексические и лексико-грамматические исслед. Воронеж, 1984. С. 26–29.

Кузнецова О. Д. Актуальные процессы в говорах русского языка (лексикализация фонетических явлений). Л.: Наука, 1985. 178 с.

Сахаров А. И. Язык крестьян Ильинской волости Болховского уезда Орловской губернии [Сборник ОРЯС. Т. 68, № 5]. СПб., 1900. 48 с.

Строганова Т. Ю. О вокализме 2-го предударного слога после твердых согласных в акающих говорах // Диалектологические исслед. по русскому языку / Отв. ред. Р. И. Аванесов. М.: Наука, 1977. С. 86–96.

Теплова В. Н. О заударном вокализме после твердых согласных в русских говорах // Диалектология и лингвогеография русского языка / Отв. ред. Р. И. Аванесов. М.: Наука, 1981. С. 53–64.

D. M. Savinov

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

crillon@yandex.ru

ON THE QUESTION OF LEXICALIZATION OF PRONUNCIATION WITH DIERESIS OF UNSTRESSED VOWEL IN SOUTH RUSSIAN DIALECTS

The article is devoted to the reflection in lexicographic practice of the reduction of unstressed vowels to zero in eastern southern Russian dialects. The article shows that the lexicographic representation of vowel dieresis cases in dialect dictionaries is not always consistent. Firstly, the criteria that authors use when deciding on the lexicalization of a particular dialect pronunciation are not always clear. Secondly, the graphic and orthographic principles for recording specific dialect words are not obvious. The article proposes to distinguish, on the one hand, the lexical or morphological attachment of the vowel dieresis to a specific word or morpheme, and, on the other hand, the actual lexicalization of pronunciation without a vowel.

Key words: Russian south dialects, vocalism, dieresis of unstressed vowels, lexicalization, lexicography, dialect dictionaries.

References

Аванесов Р. И. [Essays on the dialectology of the Ryazan Meshchera. I. Description of one dialect along the river Pra]. *Materialy i issledovaniya po russkoi dialektologii* [Materials and research on Russian dialectology]. Vol. 1. Moscow-Leningrad, 1949, pp. 135–236. (In Russ.)

Ал'мукхамедова З. М. (Ed.). *Gradatsionnaya fonologiya yazyka i prosodiya slova russkoi dialektnoi rechi* [Gradational phonology of language and word prosody of Russian dialect speech]. Kazan, 1985. 184 p.

Golubeva N. L. [On the consonantal environment of vowels reduced to zero]. *Dialektografiya russkogo yazyka* [Dialectography of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 60–80. (In Russ.)

Kuznetsova O. D. *Aktual'nye protsessy v govorakh russkogo yazyka (leksikalizatsiya foneticheskikh yavlenii)* [Active processes in the Russian dialects (lexicalization of phonetic phenomena)]. Leningrad, Nauka Publ., 1985. 178 p.

Sakharov A. I. *Yazyk krest'yan Il'inskoi volosti Bolkhovskogo uezda Orlovskoi gubernii* [The dialect of the peasants of the Ilyinsky volost of the Bolkhov district of the Orel province]. Saint Petersburg, 1900. 48 p.

Stroganova T. Yu. [On the vocalism of the 2nd pre-stressed syllable after hard consonants in accusatory dialects]. *Dialektologicheskie issledovaniya po russkomu yazyku* [Dialectological studies in the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 86–96. (In Russ.)

Teplova V. N. [On post-stress vocalism after hard consonants in Russian dialects]. *Dialektologiya i lingvogeografiya russkogo yazyka* [Dialectology and linguistic geography of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 53–64. (In Russ.)

Vysotskii S. S. [About the dialect of the village of Leka (based on materials from the 1945 expedition)]. *Materialy i issledovaniya po russkoi dialektologii* [Materials and research on Russian dialectology]. Vol. 2. Moscow-Leningrad, 1949, pp. 3–71. (In Russ.)

Zapryagaeva M. Ya. [Cases of lexicalization of some phonetic phenomena in dialects (based on the material of full-vocal and half-vocal vocabulary)]. *Materialy po russko-slavyanskomu yazykoznaniyu. Leksicheskie i leksiko-grammaticheskie issledovaniya* [Materials on Russian-Slavic linguistics. Lexical and lexico-grammatical studies]. Voronezh, 1984, pp. 26–29. (In Russ.)

Н. Д. Светозарова
 Санкт-Петербургский государственный университет
 (Россия, Санкт-Петербург)
 ndsvetozar@gmail.com

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» И ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин» рассматривается в статье с необычной точки зрения. Суть ее состоит в том, чтобы показать, что в «энциклопедии русской жизни», которой несомненно является пушкинский текст, важное место занимают размышления поэта о языке и языках, о речи и текстах, в которых язык воплощается. Характеризуя язык как *родной, чужой, странный, скудный, гордый*, а речь — как *ласковую, нежную, восторженную, сухую*, поэт интуитивно подошел очень близко к сосюрховской дихотомии «язык и речь» или даже щербовской трихотомии «языковой материал, языковая система и речевая деятельность». Поэт обращает внимание на то, что станет предметом исследования только в следующем веке. Многие мысли и наблюдения предвосхищают положения современной лингвистики, а также психо- и социолингвистики. В статье анализируется отношение Пушкина к таким вопросам, как неологизмы и их вхождение в язык, проблема языкового пуризма, степень и характер владения иностранными языками, диглоссия, жанры и типы устной и письменной речи, личное имя и его семантический ореол и некоторые другие.

Ключевые слова: «Евгений Онегин» Пушкина, язык и речь, неологизмы, диглоссия, типы устной и письменной речи.

*Марии Леонидовне Каленчук, в чьих твердых руках
находится светлое будущее русской речи, с любовью
и огромным уважением*

Автор этой заметки относится к той, возможно, не такой уж малой группе людей, которые знают роман в стихах Пушкина наизусть и, постоянно повторяя его и цитируя, открывают в нем что-то новое. Вот так и я, будучи лингвистом, открыла, что «Евгений Онегин» (далее — ЕО) — это не только «энциклопедия русской жизни», но и энциклопедия «Русский язык».

Слова Белинского давно стали общим местом (что не лишает их истинности). Основные статьи этой «энциклопедии» подробно описали Ю. М. Лотман и другие авторы: город и деревня, высший свет и сельское дворянство, воспитание и образование, литература и ее жанры, книги и журналы, игры и развлечения, театр

и балы, обычаи и предрассудки, дуэль и смерть, природа и погода, еда и напитки (на это последнее обратил внимание сам Пушкин, сравнив себя со своей страстью к описанию пиров с «божественным Омиром» в 5:36¹). Благодаря фантастической смысловой и содержательной «плотности» пушкинского текста читатель получает полное и детальное представление о самых разных сторонах жизни. Из этого главного романа русской литературы мы узнаём, как жили определенные круги русского общества в 20-х годах XIX века, что ели и пили, как передвигались, как развлекались, что читали (и что не читали), как говорили и как писали.

Язык и речь представлены в романе в двух планах. Во-первых, это драгоценный источник фактического языкового материала своего времени, содержащегося как в словах автора, так и в речи персонажей романа, а во-вторых, это обсуждение целого ряда проблем, связанных с языком и речевой деятельностью. Последнему и посвящена в основном данная публикация.

1. Но панталоны, фрак, жилет, Всех этих слов на русском нет (1:26).

Проблема **лексических заимствований, иностранных слов, неологизмов, варваризмов** — одна из главных языковедческих тем, обычно ассоциируемых с романом «Евгений Онегин». К ней Пушкин обращался на протяжении романа несколько раз. Новые для его времени заимствования и явно иностранные слова Пушкин выделял графически: написанием латиницей или курсивом² (или и тем и другим одновременно). Это отличает их от слов иностранного происхождения, уже вошедших в русский язык. Таковы, например, кушанья попроще чем *roast-beef* в 1:16 или *beef-steaks* в 1:37 (например, котлеты в 1:17); предметы одежды, более привычные, чем *болivar* (1–15), например, шлафор (2:33); пистолеты и шомпол в сцене дуэли; названия литературных жанров, профессий, танцев, карточных игр. При этом Пушкин не только использует в своем тексте новые и новейшие заимствования, но и фиксирует внимание читателя на их новизне, необычности, непереводаемости, иначе говоря, называет проблему. И это не только всем известные *панталоны, фрак и жилет* из первой главы, но и, например, *васисдас* в 1–35, *машинално* (4:17), снабженное пометой «как говорится», или слово *vulgar*, про которое Пушкин пишет, что «оно у нас покамест ново. / И вряд ли быть ему в чести» (8:15–16)³.

2. Шишков, прости: Не знаю, как перевести (8:14).

Близка к теме заимствований и проблема **языкового пуризма**. Чрезмерное использование «иноплеменных» слов для Пушкина — грех. В начальных строфах ЕО нерусских слов практически нет, за исключением тех, которые посвящены

¹ Цитаты даются по изданию: А. С. Пушкин. Сочинения в трех томах. М.: Художественная литература, 1986. Т. 2. Для экономии места и главы, и строфы ЕО обозначаются арабскими цифрами.

² Необходимо отметить, что этот тип шрифтового выделения используется в романе и в других функциях: при цитировании, передаче прямой речи, написании имен собственных и пр.

³ Редкий случай, когда прогноз Пушкина оказался неверным.

воспитанию юного Евгения (с маркированным латиницей и курсивом слова *dandy* в 1:4, значение которого поэт счел нужным раскрыть в Примечании 2). В первой главе иностранные слова в изобилии появляются лишь при описании ресторана, театра и туалета Онегина, а потом снова практически исчезают при описании деревни. Выделяя курсивом *панталоны*, *фрак* и *жилет*, поэт отмечает, что «этих слов на русском нет» и винится перед читателями за злоупотребление «иноплеменными» словами, не включенными в Академический словарь (1:26). При этом курсив на вполне русской лексеме *слово* показывает, что проблема здесь чисто языковедческая: панталоны и прочие элементы модной одежды, естественно, существуют, а вот слов русских для них нет. Поэтому-то поэт отказывается от дальнейшего описания туалета своего героя и переходит к другой теме. При всей иронии, которая звучит в этой строфе, поэт информирует читателя о важности обращения к словарям и о существовании русского словаря нормативного типа, Словаря Академии Российской, который выходил вторым изданием в 1806–1822 гг.⁴ Отношение к иностранным словам у Пушкина различно и может даже изменяться на протяжении романа. Так *сплин*, названный в первой главе (1:38) английским и отмеченный курсивом (как, впрочем, и русская *хандра*, которая овладела героем) в последней главе появляется уже без курсива (8:7), в чем лингвисту хочется видеть допущение его поэтом в язык русской литературы.

3. Он по-французски совершенно Мог изъясняться и писал (1:4)

Эта характеристика Онегина вводит еще две актуальные для языкознания и в наше время темы: **степень владения иностранными языками и типы речевой деятельности**. Воспитанный сначала бонной француженкой, в затем губернатором французом, Евгений владел французским в совершенстве. Как и сам поэт. Это не удивительно, поскольку такое воспитание длилось у Онегина с младенчества и до мятежной юности (1:3,4). И хотя губернатор учил нашего героя всему шутя, он, будучи аббатом, был достаточно образован для того, чтобы научить воспитанника не только устной, но и письменной речи. Союзом *и* (а также постановкой глагола в сильную интонационную позицию) поэт дает понять, что письмо является иным и более сложным видом общения, чем способность изъясняться устно. Несомненно, Онегин владел в совершенстве и третьим видом речевой деятельности — чтением. Об этом говорит и подбор книг в его кабинете, и его способность оценить стиль написанного по-французски письма Татьяны.

О других областях образования юного Онегина Пушкин предпочитает не рассказывать («Всего, что знал ещё Евгений, / Пересказать мне недосуг» 1:8), хотя мы узнаем, что кроме «науки страсти нежной» он интересовался экономикой и читал Адама Смита, но при этом не умел отличить ямба от хоря (1:7). Это последний факт можно было бы и не упоминать, если бы Пушкин не вернулся к проблеме стихосложения, рассказывая в восьмой главе, что удалившийся во второй раз от света

⁴ Подтверждение тому, что обсуждаемые слова в начале XIX века ощущались как иностранные, комментаторы видят в том факте, что они были включены в другой словарь, изданный также в начале века, словарь Н. Яновского, который был словарем иностранных слов.

и сильно изменившийся Евгений едва не постиг «стихов российских магнетизма» с их волшебной, магнетической силой (8:38).

Был ли Онегин билингвом? Или это был естественный для Пушкина и его круга уровень общего образования⁵ и владения иностранным языком? Тот же вопрос можно задать и о Ленском, который учился в Германии, был поклонником Канта и читал перед дуэлью Шиллера, несомненно, в оригинале. На каком языке они вели беседы у камина (4:48–49) или возвращаясь домой после визита у Лариных (3:1–2)? Об этом Пушкин нам не сообщает, но он прямо называет проблему **двуязычия** применительно к своей любимой героине, Татьяне.

4. Она по-русски плохо знала, Журналов наших не читала И выражалась с трудом На языке своём родном (3:26)

«Как это?» спросит пораженный читатель. Девушка из небогатой дворянской семьи, русская душою, воспитанная русской няней, с трудом выражалась на родном языке? Но поэт уточняет, что плохое владение родным языком касалось лишь чтения и письма: русских журналов, к которым, кстати, поэт относился явно неодобрительно, она не читала, а свое гениальное письмо написала по-французски, по той причине, что

«Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык» (3:26).

Эта характеристика героини дала Пушкину повод для обширного отступления, социолингвистического по сути экскурса относительно языковой ситуации, сложившейся в образованной части общества в России начала XX века (3:26–31).

Разговорным русским языком Татьяна безусловно владела свободно и пользовалась им в соответствующих ситуациях, например, в разговоре с няней (1:17–21 и 34–35). О богатстве ее родного языка свидетельствуют и ее монологи: горестные раздумья после именин (6:3), при посещении дома Онегина (7:16), слова прощания с родными местами перед отъездом в Москву (7:38), ну и, конечно, ее ответ Онегину в заключительной сцене романа. В них практически нет иностранных слов, как нет их, кстати, и в переведенном поэтом письме Татьяны, несмотря на декларированную им любовь к галлицизмам (3–29).

Обозначив проблему **диглоссии**, то есть использования разных языков в различных функциональных сферах, Пушкин демонстрирует в ЕО удивительное богатство **видов речевой деятельности**. Некоторые поэт только называет⁶, но большинство из них вполне осязаемо представлено в виде конкретного речевого материала. Сюжетную основу романа образуют четыре больших монолога: два письма

⁵ К общему образованию героя романа относятся также упоминание о латыни, которую он знал «довольно... чтоб эпитафии разбирать» (1:6), и итальянские песенки, которые он «мурлыкал» в тоске у камина (8:38).

⁶ Например, рассказывая об общении Онегина и Ленского: «Меж ими всё рождало споры» (2:16); или о Ленском: «Он иногда читает Оле / Нравоучительный роман» (4:26).

и два устных ответа на них. Значительную часть текста составляют диалоги⁷. Герои романа очень много говорят: беседуют, разговаривают, спорят, читают вслух, декламируют стихи... Таким образом выстраивается целая **типология текстов, устных и письменных**.

5. Так проповедовал Евгений (4:17)

Поражает стилистическое и эмоциональное разнообразие устной речи героев романа. Пушкин редко пользуется обычными, бледными средствами введения прямой речи (глаголами *сказал, спросил, ответил*). В большинстве диалогов реплики следуют одна за другой. Таковы, например, восемь строчек разговора Онегина с мужем Татьяны, блестящий образец обмена короткими вопросами и ответами (8:17–18). Но часто Пушкин дает общую характеристику произносимого, предваряя или заключая ею диалог. Таковы слова автора «Теперь беседуют друзья» (4:48), за которыми следует спокойный разговор главных героев; или фраза «Старушки с плачем обнялись, и восклицанья полились» (7:39/40), предваряющая взволнованный, сбивчивый диалог Лариной и ее московской кузины; или поразительно точная оценка того тона, который пришлось услышать Татьяне в ответ на ее искреннее письмо: «Так проповедовал Евгений» (4:17).

Прямая речь, в которую вовлечены, кроме главных, и другие действующие лица романа, позволяет буквально услышать особенности языка и речи каждого из участников диалога: ласковой, любящей няни (гл. 3), верной ключницы Анисьи (7:17–18), простоватых, но добрых соседей Лариных (7:26). Иногда убийственная характеристика тона речи содержится в одном единственном глаголе: «Ну, что ж? Убит», решил сосед» (6:35).

Нельзя не восхищаться богатством выразительных средств, которыми Пушкин передает особенности фразовой интонации. В открывающем третью главу разговоре Онегина и Ленского представлены все основные коммуникативные типы высказываний и синтаксические конструкции, такие естественные, разговорные: вопросы разных типов, восклицания, обращение, вставка. Парентезой поэт не только пользуется часто и разнообразно, но и осознает ее, как особое средство, говоря: «Я только *в скобках* замечаю» (4:19).

Трудно не отметить (в скобках!), что многое из того, что эксплицирует поэт, станет предметом изучения в лингвистике только через много лет. К ним я отношу, например, исследование характеризующих речь авторских ремарок (ср. реакцию Ленского на не слишком лестное мнение Онегина об Ольге в (3:5): «Владимир сухо отвечал / И после во весь путь молчал») и глаголов речи как средства передачи интонации. Вот только некоторые из характеризующих речь глаголов: молвить

⁷ Некоторые из них весьма объемны. Так, диалог Онегина и Ленского в начале 3-й главы, после их визита к Лариным, занимает полностью две первых строфы и продолжен в строфах 4 и 5 (они почти целиком представляют собой разговор). Диалог Татьяны и няни в той же главе охватывает строфы 17, 18 и 19 и части строф 20 и 21. Второй диалог с няней длится две с половиной строфы (3:33–35). Беседа Онегина и Ленского у камина в конце гл. 4 также занимает почти 3 строфы (4:48–49).

(1:21; 5:30 и др.), сыпать острые слова (1:37), шутить, судить (3:6), толковать (3:6), бранить (5:20), трунить (6:6), упомянутое уже слово проповедовать. Здесь хочется обратить внимание на то, как оценивают тон речи сами собеседники. Онегин свой ответ Татьяне называет исповедью, признаньем (4:12). Татьяна же, как и Пушкин, услышала в нем урок (8:42) и проповедь (8:43): «Как только вспомню взгляд холодный / И эту проповедь»). Правда, позже изменившийся Евгений и сам увидит в своей речи наставленья, прочитанные в благом пылу нравоученья (8:20).

Еще один удивительный факт видится в использовании Пушкиным курсива как средства особого интонационного выделения:

То видит он врагов забвенных,
Клеветников, и трусов злых.
И рой изменниц молодых,
И круг товарищей презренных,
То сельский дом — и у окна
Сиди *она...* и все она! (8:37).

Потрясающее богатство типов интонаций проявляется в обилии междометий в сопровождении авторских знаков препинания, в том числе внутрифразовых. Приведу несколько примеров:

Ах, няня, няня! до того ли?
Что нужды мне в твоём уме? (3:35)
Увы, Татьяна увядает, бледнеет, гаснет и молчит! (4:24)
У! как теперь окружена крещенским холодом она (8:33)

Многочисленные многоточия как знаки запинок, хезитаций передают сбивчивый ритм взволнованной речи.

6. Конечно, вы не раз видали Уездной барышни альбом (4:28)

Разнообразно представлены в романе и **типы письменных текстов**. Некоторые из них только названы или пересказаны (например, доклад управляющего о здоровье дяди Онегина (1:52), поздравительный куплет Трике (5:27), записка с вызовом на дуэль (6:8–9), переданная Зарецким Онегину), другие представлены читателю полностью: письма Татьяны и Онегина, стихи Ленского, которые он пишет в ночь перед дуэлью (6:21–22), эпитафия на могиле Ларина (2:36⁸) и надпись на могиле Ленского (7:6), примеры записей в дамских альбомах (4:28–29). Некоторые из текстов представляют собой строгие формы, характерные для своего времени (картель — краткая форма дуэльного вызова, надгробная эпитафия), или содержат обязательные для жанра формулы, в том числе на французском языке; таковы начальные и заключительные фразы альбома уездной барышни. Читатель узнает даже о содержании и внешнем виде карандашных помет, которые делал в своих книгах Онегин (7:23).

⁸ Текст дан курсивом, что по замыслу Пушкина свидетельствует о его подлинности.

**7. Неточный слабый перевод,
С живой картины слепок бледный,
Или разыгранный Фрейшиц
Перстами робких учениц (3:31)**

Желание Пушкина представить читателю письмо Татьяны и затруднение, возникшее в связи с тем, что оно было написано по-французски, дает автору возможность коснуться еще одной сугубо языковедческой проблемы — **проблемы перевода**, его точности, полноты и адекватности. Пусть это всего лишь одно короткое упоминание, но Пушкин акцентирует внимание читателя на сложности задачи и, хотя он явно «кокетствует⁹», называя свой перевод «бледным», он подарил нам прекрасный образ для характеристики неточного слабого перевода.

**8. Её сестра звалась Татьяна...
Впервые именован таким
Страницы нежные романа
Мы своевольно святим (2:24)**

У Пушкина нет ничего случайного, не мог быть случайным и выбор имени для любимой героини, как, впрочем, и для других героев. При первом появлении ее имени, поэт делает примечание:

(13) Сладкозвучнейшие греческие имена, каковы, например, Агафон, Филат, Федора, Фёкла, и проч., упоминаются у нас только между простолюдинами.

Написано с юмором (напомню, что это еще только вторая глава романа), но суть отражена верно. С этим приятным и звучным именем в то время было «неразлучно воспоминанье старины, иль девичьей» (2:24). Тем самым Пушкин обозначает еще одну лингвистическую, или скорее социолингвистическую тему: **личное имя, его значение и его семантический ореол**. Агафон появится еще раз в гл. 5-й, а Филат в 3-й — в качестве одного из вариантов отчества няни в черновых набросках текста.

Если «говорящие фамилии» — проблема скорее литературоведческая и особенно ярко видна применительно к «отрицательным» персонажам (см. гл. 5), то лингвистический аспект антропонимики касается в основном персонажей «положительных».

Характеристика «старушки» Лариной в конце второй главы, возвращает в текст проблему французского языка, обозначенную в первой главе и затем развитую в третьей.

В молодости она «звала Полиною Прасковью», а привыкнув к сельской жизни «стала звать Акулькой прежнюю Селину» (2:33). Да и французская форма ее собственного имени — *Rachette*, возможно, сохранилась только в памяти княжны Алины (7:41).

Таким образом, в ЕО представлены многие тонкости русского антропонимикона, включая простонародное использование лишь одного отчества — «уж ей Филиппевна седая / Приносит на подносе чай» (3:33), особенность произнесения не-

⁹ Как, возможно, «кокетствую, шалил» Онегин в сцене именин (5:34).

которых отчеств — «У Пелагеи Николаовны» (7:45), а также формы кратких имен, у Пушкина, между прочим, у главных героев романа только женских: Таня, Оля, Оленька.

9. Лай, хохот, пенье, свист и хлоп, Людская молвь и конский топ! (5:17)

Упомяну еще отношение Пушкина к собственному **словотворчеству**. Односложные существительные, образованные от глагольных корней, *хлоп*, *молвь* и *топ*, звучащие в сцене фантастического застолья из пророческого сна Татьяны, Пушкин использовал также в балладе «Жених» (1825) и в «Песнях о Стеньке Разине» (1826). Однако в ЕО Пушкин считает необходимым прокомментировать их в своём примечании № 31. В ответ на критику в журналах, где их сочли «неудачным нововведением», он утверждает, что «слова сии коренные русские», приводя примеры из сказки и древних русских стихов, и заканчивает примечание словами «Не должно мешать свободе нашего богатого и свободного языка». Всерьез ли это сказано или с долей шуток, но мысль безусловно правильная.

В заключение хочу остановиться на важнейших (и более всего любимых как автором, так и адресатом этих заметок) аспектах науки о языке — **фонетике и орфоэпии**. Конечно, хотелось бы, чтобы Пушкин обозначил их проблемы столь же четко, как рассмотренные выше. Этого в ЕО нет, но описывая живой, развивающийся язык и естественную и столь разную речь, поэт разбросал в тексте отдельные наблюдения и над этой стороной речевой деятельности персонажей своего романа. Поэтому в тексте ЕО встречаются просторечные слова, формы и выражения. Их употребляет няня, рассказывая о своей судьбе (3:17–18); соседи называют Онегина фармазоном (2:5) и возмущаются несоблюдением им правил этикета:

Он дамам к ручке не подходит;
Всё *да да нет*; не скажет *да-с*
Иль *нет-с*. Таков был общий глас. (Там же).

Служанки каждый год сулили барышням «мужьёв военных и поход» (5:4). Прасковья Ларина со временем «обновила на вате шлафор» (2:33); ее заботливые соседи рекомендуют ей везти дочь «в Москву, на ярманку невест» (7:26).

Строго говоря, собственно фонетическое наблюдение в ЕО всего одно и содержится оно в характеристике молодой Прасковьи Лариной:

Корсет носила очень узкий,
И русский Н как N французский
Произносить умела в нос (2:33).

Фонетистом Пушкин не был и в артикуляции назальных сонорных разбирался не очень хорошо, вернее, ровно настолько, чтобы отметить акустическое различие между русским смычным согласным и французскими носовыми гласными. И хотя хочется надеяться, что «в нос» Ларина произносила французские гласные, а не согласный N, который лишь указывает на назализацию предшествующего гласного, это фонетическое наблюдение можно Пушкину «зачесть».

Заключение

Суть этой небольшой статьи, вместившей в себя только часть текстовых данных, состоит в том, чтобы показать, что в «энциклопедии русской жизни», которой несомненно является пушкинский роман в стихах, важное место занимают размышления поэта о языке и языках, о речи и текстах, в которых язык воплощается. Мне кажется, что, характеризуя язык как *родной, чужой, странный, скудный, гордый*, а речь — как *ласковую, нежную, восторженную, сухую*, поэт интуитивно подошел очень близко к соссюровской дихотомии «язык и речь» или даже шербовской трихотомии «языковой материал, языковая система и речевая деятельность». Поэт обращает внимание на то, что станет предметом исследования только в следующем веке. Многие мысли и наблюдения предвосхищают положения современной лингвистики, а также психо- и социолингвистики.

N. D. Svetozarova

St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)

ndsvetozar@gmail.com

“EUGENE ONEGIN” AND PROBLEMS OF LINGUISTICS

The novel in verse by Pushkin “Eugene Onegin” is examined in the article from an unusual point of view. Its essence is to show that in the “encyclopedia of Russian life,” which undoubtedly is Pushkin’s text, an important place is occupied by the poet’s reflections on language and languages, on speech and texts in which language is embodied. Characterizing language as *native, foreign, strange, meager, proud*, and *speech as affectionate, tender, enthusiastic, dry*, Pushkin intuitively came very close to the Saussurean dichotomy “language and speech” or even Shcherba’s trichotomy “linguistic material, linguistic system and speech activity”. The poet draws attention to something that will become the subject of research only in the next century. Many thoughts and observations anticipate the provisions of modern linguistics, as well as psycho- and sociolinguistics. The article analyzes Pushkin’s attitude to such issues as neologisms and their entry into the language, the problem of linguistic purism, the degree and nature of proficiency in foreign languages, diglossia, genres and types of oral and written speech, personal name and its semantic halo and some others.

Key words: “Eugene Onegin” by Pushkin, language and speech, neologisms, diglossia, types of oral and written speech.

Э. Р. Стрейкмане
ГБОУ «Цифровая школа» г. Москвы
(Россия, Москва)
el-streykmane@yandex.ru

УДАРЕНИЕ В ГЛАГОЛАХ НА *-ИТЬ*: ИЗМЕНЕНИЯ, ПРОИСХОДЯЩИЕ НА НАШИХ ГЛАЗАХ

На сегодняшний день вопрос о месте ударения в глаголах на *-ить* остается актуальным. В последние несколько столетий, начиная с XVIII в., прослеживается устойчивое изменение выбора акцентологического варианта в этих словах: во многих глаголах неподвижное ударение на окончании вытесняется подвижным. Для изучения вопроса в 2015 г. и в 2024 г. были проведены социолингвистические эксперименты по исследованию 100 глаголов на *-ить*, в которых авторитетные словари отмечают либо нормативные варианты произношения, либо частотные отклонения от нормы. В экспериментах приняли участие 120 человек: 60 респондентов в 2015 г. и 60 — в 2024 г. Опрашиваемые были распределены по трем возрастным группам: «младшей» — до 25 лет, «средней» — от 26 до 55 лет, «старшей» — от 56 лет. Сопоставительный анализ данных, между получением которых прошло 9 лет, показал следующее: в 86 глаголах на *-ить* из 100 выбор большинством испытуемых того или иного акцентологического варианта остался неизменным, а в 14 словах произошли изменения: в трех случаях преобладающим стал вариант с подвижным ударением, в 6 словах результаты распределились примерно поровну (с увеличением доли неподвижного ударения на окончании по отношению к эксперименту 2015 г.), в 5 словах значительной частью опрошенных стал выбираться вариант неподвижного ударения на окончании. Результаты говорят о том, что процесс замены неподвижного ударения на подвижное, несмотря на его продуктивность, проходит неравномерно и неодномоментно. Дальнейшее изучение вопроса и мониторинг происходящих изменений необходимы для сокращения разрыва между узуальными и кодифицированными нормами и, как следствие, для преодоления существующего разнобоя в произносительных рекомендациях разных авторитетных орфоэпических словарей.

Ключевые слова: русское ударение, акцентные парадигмы, изменение нормы, социолингвистический эксперимент, опрос.

Интерес к проблеме акцентуации глаголов на *-ить* возник еще несколько столетий назад. Для этой группы слов выделяется два основных типа ударения: неподвижное на окончании и подвижное.

Некоторые глаголы, отмеченные с неподвижным ударением на окончании в памятниках XVII в., начиная с конца XVIII в., с таким ударением неизвестны: *лечить*, *ломить* и производные; производные от *-ложить*, *-пустить* и др. В «Словаре русского языка XVIII века» отмечены глаголы, для которых характерно наличие двух вариантов произношения: *бѣлит* и *белѣит*, *вѣлит* и *валѣит*, *вѣрит* и *варѣит*, *вѣпит* и *вопѣит*, *дуѣшит* и *душѣит*, *кѣтит* и *катѣит*, *круѣтит* и *крутѣит* и др.

По словам В. Л. Воронцовой, уже в XIX в. степень употребительности глаголов с тем или иным ударением была различной для каждого из них. Например, для слов *гасить*, *губить*, *садить*, *светить*, *становить*, *тушить* неподвижное ударение на окончании было малоупотребительным для литературного языка XIX в. [Воронцова 1979: 207]. Подобные примеры отмечаются у поэтов XVIII в. (у И. А. Крылова: *погасѣит*, *губѣит*, *садѣит*, *потушѣишь*). Такие глаголы, как *валить*, *делить*, *катить*, *кружить*, *манить*, *тащить*, *трубить*, *ценить* в поэтической речи XIX в. могли употребляться в обоих вариантах. Но были и такие, которые продолжали использоваться исключительно с конечным ударением, например, *варить*, *крутить*, *поить*, *чертить*, *трудиться*.

Сегодня в авторитетных орфоэпических словарях наблюдаются разночтения в представлении вариантов произношения глаголов на *-ить* и отклонений от нормы (см. Табл. 1).

Табл. 1

«Словарь ударений русского языка» [Резниченко 2007]	«Словарь образцового русского ударения» [Штудинер 2008]	«Большой орфоэпический словарь русского языка» [Касаткин (ред.) 2023]
ВИНТИ́ТЬ ^{В/А и С/А} гл винчу́ винти́шь и вѣнтишь винтя́т и вѣнтя́т	винти́ть, -нчу́, -нти́шь (во всех знач.)	ВИНТИ́ТЬ ¹ , винчу́, винти́т и допуст. младш. винтит □ Вращая винт, ввертывать или вывертывать его
ВКЛЮЧИ́ТЬ(СЯ) ^{В/А} гл включу́(сь) включи́шь(ся) включя́т(ся)	включи́ть(ся), -чу́(сь), -чи́шь(ся) [не включишь(ся)]	ВКЛЮЧИ́ТЬ, включу́, включи́т и допуст. младш. включит
МАНИ́ТЬ ^{С/А} гл маню́ мани́шь маня́т	мани́ть, маню́, мани́шь и мани́шь	МАНИ́ТЬ, маню́, мани́т и допуст. старш. мани́т

Но не только этот факт, но и многочисленные отступления от кодифицированной нормы в узуальном употреблении стали основанием для проведения социолингвистического эксперимента в 2015 г.

Для изучения вопроса о выборе места ударения в глаголах на *-ить* было отобрано 100 глаголов, в которых авторитетные словари, указанные в таблице 1,

фиксируют варианты нормы или устанавливают запретительные пометы, что говорит о наличии частотных ошибок. Поскольку в живой речи редко встречаются анализируемые формы, для проведения эксперимента был выбран метод направленного наблюдения над речью: составлен ряд контекстов и сформированы три возрастные группы испытуемых для прочтения ими материалов под аудиозапись.

Для достижения наибольшей точности полученных данных контексты были составлены так, чтобы объект исследования был замаскирован. Личные формы настоящего (простого будущего времени) всех ста глаголов (за исключением формы 1-го лица ед. числа) были включены в 25 небольших связных текстов (чтобы информанты сосредоточились на сюжете и героях, а не на отдельных лексических единицах). Также для дополнительного отвлечения внимания испытуемых от изолированности глагольных форм были использованы редкие имена собственные (Олимпиада Андреевна, Марья Никандровна, Аскольд и др.), разговорные слова и выражения («Тоже мне надобность!», «Бестолочь!», «Ну как знаешь!» и др.).

При формировании групп информантов учитывались социолингвистические факторы. Все испытуемые были носителями норм современного русского литературного языка, а именно москвичами минимум во втором поколении, и имели высшее образование (или находились в процессе его получения). Информанты были распределены по трем возрастным группам для формирования групп потенциальных носителей «старшей» нормы произношения (группа от 56 лет), «младшей» (до 25 лет) и так называемой «средней», содержащей в себе черты обеих норм (от 26 до 55 лет), — по 20 человек в каждой (всего 60).

Полученные дикторские ответы были проанализированы: подсчет результатов происходил как в рамках каждой возрастной группы отдельно (в таком случае за 100% взято число испытуемых одной группы — 20 чел.), так и в отношении всех информантов в целом (за 100% взято число всех информантов — 60 чел.). Случаи, когда респондент вместо глагола на *-ить* ошибочно произносил другое слово, при подсчетах не учитывались. Напротив, если были произнесены две формы глагола на *-ить* подряд с разным ударением, оба варианта учитывались, суммируясь. Отсюда и возникли результаты, которые в сумме либо ниже 100%, либо выше.

Анализ данных эксперимента показал: выбор большинством респондентов (здесь и далее значимой считается разница, превышающая 15%) независимо от их возраста в 73 случаях из 100 варианта с подвижным ударением подтверждает на практике, что больше половины глаголов на *-ить* уже завершили переход от старой акцентологической нормы к новой. В 6 словах предпочтение в выборе того или иного варианта распределилось примерно пополам — в словах, где частотны колебания, процесс перехода еще не завершен. Оставшийся 21 глагол на *-ить*, где испытуемыми независимо от их возраста чаще употребляется вариант с неподвижным ударением на окончании, в меньшей степени затронут процессом замены варианта старшей нормы произношения на вариант младшей.

Поскольку в течение нескольких веков наблюдается устойчивое изменение в выборе ударения в глаголах на *-ить* (неподвижного ударения на окончании на

подвижное) особый интерес представляют собственно сам процесс и механизм этих изменений. С целью их более подробного изучения в 2024 г. социолингвистический эксперимент, аналогичный проведенному в 2015 г., был повторен.

В ходе эксперимента 2024 г. были соблюдены такие же условия: так же отбирались и распределялись по группам респонденты, контексты для прочтения остались неизменными.

Остановимся более подробно на анализе общих результатов, представленных средним арифметическим результатов всех трех возрастных групп в процентах. Здесь и далее все результаты эксперимента 2024 г. представлены в сопоставлении с данными, полученными в ходе опроса 2015 г.

Из 73 глаголов, в которых в 2015 г. был отмечен выбор подвижного ударения преобладающим большинством опрошенных, 66 слов сохранили эту тенденцию, 7 слов претерпели изменения: в двух словах чаще встретилось неподвижное ударение на окончании, а в 5 словах выбор между вариантами распределился поровну (далее будут приведены более конкретные данные).

Из 6 слов, в которых в 2015 г. варианты произношения распределились примерно поровну, лишь в одном слове сохранился этот баланс, а в 5 словах — нет: в трех словах испытуемыми чаще стало выбираться неподвижное ударение на окончании, в двух — подвижное.

Среди 21 слова, где в 2015 г. большей частью респондентов глаголы были произнесены с неподвижным ударением на окончании, 19 сохранили такой акцентный вариант, в двух словах произошли изменения: в одном слове варианты распределились примерно поровну, в одном случае чаще выбирался вариант с подвижным ударением.

Таким образом, анализ результатов эксперимента, проведенного в 2024 г., показал, что в 86 глаголах на *-ить* за 9 лет не изменился выбор большинством того или иного акцентологического варианта, а в 14 словах произошли изменения: в трех случаях преобладающим стал вариант с подвижным ударением, в 6 словах результаты распределились примерно поровну (с увеличением в 5 словах доли неподвижного ударения на окончании по сравнению с результатами эксперимента 2015 г.), а в 5 словах большинством стал выбираться вариант неподвижного ударения на окончании.

Наибольший интерес для изучения представляют 14 слов, в которых произошли изменения. Рассмотрим каждый случай более подробно. Ниже представлена таблица 2, содержащая сведения о результатах социолингвистических экспериментов 2015 и 2024 гг. с учетом ответов респондентов всех возрастных групп в отдельности и в общем.

Пояснения к таблице: сокращение «общ.» обозначает, что в столбце представлено среднее арифметическое результатов всех возрастных групп, «мл.», «ср.», «ст.» — сокращения для разных возрастных групп — для группы до 25 лет, от 26 до 55, от 56 соответственно. Первым из двух результатов всегда представлен процент, отражающий количество респондентов, выбравших вариант подвижного ударения, вторым — неподвижного на окончании.

Табл. 2

№	Словоформы из контекста	2015 общ.		2024 общ.		2015 мл.		2024 мл.		2015 ср.		2024 ср.		2015 ст.		2024 ст.	
Слова, в которых в 2015 г. большинством выбиралось подвижное ударение, %																	
1.	бѣлит — белѣт	70	30	50	50	40	60	25	75	80	20	60	40	90	10	65	35
2.	обгорóдишь — обгородишь	72	27	57	43	55	45	45	55	65	30	50	45	95	5	75	30
3.	развѣнтит — развинтит	67	35	57	43	70	30	45	55	75	30	65	35	55	45	60	40
4.	скрѣстит — скрестит	62	38	50	50	75	25	35	65	75	25	60	40	35	65	55	45
5.	навѣнтит — навинтит	72	30	53	47	70	35	50	50	85	15	55	45	60	40	55	45
6.	окрúжит — окружит	67	37	43	60	85	20	30	75	50	50	50	55	65	40	50	50
7.	загорóдит — загородит	62	38	38	62	40	60	45	55	60	40	33	65	85	15	35	65
Слова, в которых в 2015 г. произносительные варианты распределились поровну, %																	
8.	скрѣпят — скрепят	55	48	62	38	70	30	90	10	50	55	55	45	45	60	40	60
9.	облѣгчишь — облегчишь	57	43	72	28	90	10	90	10	50	50	75	25	30	70	50	50
10.	огорóдим — огородим	47	55	22	77	50	45	10	85	35	75	30	70	55	45	25	75
11.	насóрит — насорит	52	52	40	62	55	50	40	60	45	55	45	55	55	50	35	70
12.	отгорóдит — отгородит	55	47	25	75	25	75	10	90	55	45	35	65	85	30	30	70
Слова, в которых в 2015 г. большинством выбиралось неподвижное ударение на окончании, %																	
13.	волóчит — волочит	32	68	57	45	30	70	65	35	40	60	45	55	25	75	60	45
14.	перемóрите — переморите	30	85	80	20	25	95	95	5	30	90	80	20	35	70	65	35

Рассмотрим группу слов, в которых в 2015 г. большинством респондентов выбиралось подвижное ударение, а в 2024 г. результаты изменились:

1) *бѣлит* — *белѣт*: анализ результатов всех возрастных групп по отдельности показывает, что выбор варианта большинством остался прежним: в младшей возрастной группе — это вариант с неподвижным ударением на окончании, в средней и старшей возрастных группах — вариант с подвижным. Но при этом суммарный результат претерпел изменения в сторону смещения более частого выбора в пользу произносительного варианта с неподвижным ударением на окончании: так, в 2024 г. ответы респондентов распределились поровну — 50% к 50% (здесь и далее первым представлен процент, отражающий количество ответов с выбором подвижного ударения, вторым — неподвижного ударения на окончании);

2) *обгородишь* — *обгородишь*: детальный анализ ответов показывает, что и в 2015, и в 2024 г. представители младшей и старшей групп в большинстве случаев выбирали одинаковые акцентологические варианты — ответы распределились примерно поровну среди респондентов младшей группы, а в старшей группе большинство остановило выбор на варианте с подвижным ударением. В средней возрастной группе результаты разнятся: в 2015 г. большинство выбирало вариант с подвижным ударением, а в 2024 этот показатель сместился в сторону варианта с неподвижным ударением на окончании, аналогичны изменения и в общем результате, как итог — примерно равное соотношение ответов в 2024 г. — 57% к 43%;

3) *разви́нтит* — *разви́тит*: в данном случае среди респондентов средней возрастной группы 2015 и 2024 гг. наблюдается единодушие: ими чаще выбирался вариант с подвижным ударением. В младшей возрастной группе есть некоторые различия: в 2015 г. приоритетным был вариант с подвижным ударением, а в 2024 г. стал чаще встречаться вариант с неподвижным на окончании, что привело к примерно равному соотношению результатов. В старшей же группе изменения имеют противоположное направление: в 2024 г. чаще стал выбираться вариант с подвижным ударением. Анализ общих результатов в связи с этими изменениями, как и в предыдущих примерах, показывает смещение в пользу выбора варианта с неподвижным ударением на окончании: производительные варианты распределились в итоге приблизительно поровну — 57% к 43%;

4) *скрѣстит* — *скрестит*: для данного глагола среди респондентов средней возрастной группы чаще выбирался вариант с подвижным ударением (и в 2015, и в 2024 г.), в младшей группе происходит смещение в сторону неподвижного ударения на окончании, а в старшей, наоборот, в сторону подвижного. Но средний арифметический результат, учитывающий ответы опрошенных всех групп, снова отклонился в сторону выбора варианта с неподвижным ударением на окончании по отношению к результатам 2015 г., соотношение в выборе акцентологических вариантов — 50% к 50%;

5) *нави́нтит* — *навинтит*: движение в сторону выбора большинством респондентов варианта с неподвижным ударением на окончании в 2024 г. по сравнению с 2015 г. прослеживаются как среди каждой возрастной группы в отдельности, так и в целом — результаты в 2024 г. распределились примерно поровну — 53% к 47%;

6) *окру́жит* — *окружит*: аналогично предыдущему примеру в этом случае в общем результате выбор большинства испытуемых смещается в сторону варианта с неподвижным ударением на окончании, но среди групп по отдельности ситуация разнится: в младшей группе произошло более серьезное смещение в сторону неподвижного ударения на окончании, чем в старшей группе, в средней результат остался одинаковым. Общее соотношение вариантов — 43% к 60% — очевидно, что в среднем чаще выбирался вариант с неподвижным ударением на окончании;

7) *загоро́дит* — *загородит*: и в этом случае в общем ударение сместилось в сторону неподвижного на окончании, причем и в средней, и в старшей группе это смещение более выраженное, чем в младшей; итоговые значения среднего арифметического между представителями всех групп — 38% к 62%.

Таким образом, для 7 слов, в которых в 2015 г. большинством респондентов выбиралось подвижное ударение, в 2024 г. отмечается сдвиг в сторону более частого выбора неподвижного на окончании в среднем среди представителей всех возрастных групп.

Обратимся к глаголам, в которых в 2015 г. большинством опрошенных примерно в равном соотношении выбирались варианты с подвижным ударением и неподвижным на окончании:

1) *скрепят* — *скрепят*: несмотря на то что сравнение всех групп по отдельности показывает примерно одинаковый результат и в 2015, и в 2024 году (в младшей группе — выбор большинством подвижного ударения, в средней — результаты распределились поровну, в старшей — большая часть опрошенных выбирала вариант с неподвижным ударением на окончании), средний арифметический результат показал небольшое отклонение в сторону выбора подвижного ударения — 62% к 38%;

2) *облегчишь* — *облегчишь*: в этом случае также прослеживается сдвиг в сторону подвижного ударения в целом — 72% к 28%, но в рамках возрастных групп по отдельности изменения следующие: в средней и в старшей возрастных группах этот вариант стал выбираться чаще (поэтому в первом случае он оказался преобладающим, а во втором уравнивал показатели), а в младшей группе он продолжил выбираться так же часто;

3) *огорóдим* — *огородим*: для этого слова характерно изменение в пользу выбора варианта с неподвижным ударением на окончании в целом — 22% к 77%, причем для младшей и старшей возрастной группы это изменение более существенное, чем для средней (в ней результаты остались приблизительно одинаковыми);

4) *насóрит* — *насорит*: в данном примере ситуация аналогична предыдущему — чаще стал выбираться вариант с неподвижным ударением на окончании в целом — 40% к 62%, как и в младшей, и старшей группе в частности, в средней же группе результаты были примерно равными, таковыми и остались;

5) *отгорóдит* — *отгородит*: в случае с этим глаголом тоже заметна тенденция смещения выбора в пользу неподвижного ударения на окончании в целом среди всех возрастных групп — 25% к 72%. Рассмотрим более детально другие изменения: в младшей группе результаты остались примерно теми же — с явным преимуществом неподвижного ударения на окончании, в средней группе результат из приблизительно равного отклонился в сторону неподвижного ударения на окончании, а в старшей группе явно выраженное подвижное ударение в 2015 г. изменилось на явно выраженное неподвижное на окончании в 2024 г.

Таким образом, среди пяти слов, входящих в группу глаголов, в которых в 2015 г. ответы респондентов поделились примерно поровну, в двух словах прослеживается отклонение в пользу подвижного ударения, а в трех словах стало чаще выбираться неподвижное на окончании.

Обратимся к словам, в которых в 2015 г. большая часть респондентов выбирала вариант с неподвижным ударением на окончании:

1) *волóчит* — *волочит*: для данного слова заметная тенденция более частого выбора подвижного ударения, причем прослеживается она не только в общем

(результаты в 2024 году оказались примерно равными — 57% к 45%), но и для каждой группы в частности: для младшей и старшей — в большей степени; в средней группе процент употребления разных вариантов примерно равный;

2) *перемóрите* — *переморíите*: для этого глагола тоже характерны изменения в сторону выбора подвижного ударения, причем разница между количеством респондентов, выбравших этот вариант, и количеством тех, кто выбрал неподвижное ударение на окончании, значительная (как в каждой группе по отдельности, так и в целом — 80% к 20%).

Таким образом, два слова, в которых в 2015 г. был более частотным вариант с неподвижным ударением на окончании, в 2024 г. чаще произносятся с подвижным ударением (как в общем, так и опрошенными всех возрастных групп в отдельности).

Сравнение данных, полученных в 2015 г. и в 2024 г., показало отсутствие разительных изменений в результатах экспериментов, а потому можно сделать следующие выводы: 9-летнего периода оказалось недостаточно для того, чтобы кардинальным образом изменилось распределение произносительных вариантов в глаголах на *-ить* среди представителей разных возрастных групп. Но тем не менее некоторые изменения удалось проследить: удивительно то, что результаты 2024 г. содержат неоднократный количественных сдвиг по показателям неподвижного ударения на окончании в его пользу — в 11 словах из 14 респонденты в целом стали чаще выбирать этот вариант и только в трех глаголах вариант с подвижным ударением. Этот результат идет вразрез с общей, наблюдаемой в течение нескольких веков тенденцией, противоречит общей логике процесса переноса ударения с окончания на основу в глаголах на *-ить*. На данный момент не представляется возможным найти точный ответ, объясняющий данные изменения, поскольку, с одной стороны, полученный результат может быть обусловлен лингвистическими факторами, например, новой выборкой испытуемых или недостаточным для более детального анализа данных количеством участников эксперимента; с другой стороны, такие результаты могут быть всего лишь показателем того, что в данных словах еще не завершился переход из одной акцентной парадигмы в другую. Участок системы в данном случае устроен крайне сложно, и для получения более полной картины происходящих изменений и уточнения причин, повлекших их, необходимо повторное проведение эксперимента через несколько лет с подробным сравнением всех словоформ (возможно, в том числе с учетом лексических и грамматических особенностей) и ответов респондентов в целом и по возрастным группам в частности.

Подводя итог, можно сказать, что процесс замены неподвижного ударения на подвижное, несмотря на его продуктивность, проходит неравномерно и неодномоментно — для разных слов с разной скоростью. Очевиден его волнообразный характер: для каких-то глаголов сначала начинает преобладать подвижное ударение, а потом может возникнуть и обратный процесс — возврат к неподвижному на окончании. Вероятно, подобный перенос ударения связан с постепенным сужением сферы противопоставленности I и II спряжения, поскольку они различаются исключительно у глаголов с ударными окончаниями [Каленчук, Савинов 2023: 260–261].

Таким образом, вопрос изучения акцентологических особенностей глаголов на *-ить* останется актуальным на ближайшие годы. Дальнейшее его рассмотрение и мониторинг происходящих изменений требуют проведения расширенных социолингвистических исследований в первую очередь для сокращения разрыва между узуальными и кодифицированными нормами и, как следствие, для преодоления существующего разнобоя в произносительных рекомендациях разных авторитетных орфоэпических словарей.

Литература

Воронцова В. Л. Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения. М.: Наука, 1979. 328 с.

Грот Я. К. О глаголах с подвижным ударением // Труды, т. 2. Филологические разыскания. СПб., 1899. 941 с.

Касаткин (ред.) 2023 — М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. 3-е изд, испр. и доп. / Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Грамота [АСТ-ПРЕСС КНИГА], 2023. 1024 с.

Каленчук М. Л., Савинов Д. М. О создании нового академического акцентологического словаря русского языка // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова, 2023, № 4. С. 257–272.

Резниченко И. Л. Словарь ударений русского языка. М.: АСТ-Пресс Книга, 2007. 943 с.

Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22– / Гл. ред. Ю. С. Сорокин, З. М. Петрова, А. А. Алексеев. Л.; СПб.: Наука, 1984–2019–.

Штудинер М. А. Словарь образцового русского ударения. 5-е изд., испр. и доп. М.: Айрис-пресс, 2008. 568 с.

E. R. Streykmane
MSBEI «Digital School»
(Russia, Moscow)
el-streykmane@yandex.ru

THE STRESS IN VERBS ENDING BY “-ИТЬ”: UNFOLDING CHANGES

The question of the stress on “-it” in verb endings remains relevant to date. Starting from the XVIII century there has been a steady change in the choice of accentological variant in these words: an unfixed stress in the verb ending replaces the fixed one. To study the issue, in 2015 and 2024 sociolinguistic experiments focused on 100 verbs with “-it” ending in which authoritative dictionaries noted either normative pronunciation variants or frequency deviations. 120 respondents participated in these experiments: 60 respondents in 2015 and 60 respondents in 2024. The respondents fell into three age groups:

“junior” — up to 25 years old, “middle” — from 26 to 55 years old and “senior” — from 56 years old. A comparative analysis of the data obtained with the difference of 9 years shows: the choice of accentological variant by the majority of respondents in 86 out of 100 verbs with “-it” ending remained unchanged but 14 out of 100 verbs underwent changes: in three cases a movable stress became predominant, six cases showed approximately equally distributed results (with an increase in the proportion of fixed stress endings in relation to the 2015 experiment), in five words a significant part of the respondents started opting for the ending variant with fixed stress. The results show that the process of replacing a fixed stress with an unfixed one despite its productivity is uneven and not instant. Further study of the issue and monitoring of ongoing changes are necessary to reduce the gap between the common usage and codified norms and consequently to overcome the existing discrepancy in the pronouncing recommendations presented in various authoritative orthoepical dictionaries.

Key words: Russian stress, accent paradigms, unfixed stress type, fixed stress type, accent variability, change in the norms, experiment, poll.

References

Grot Ya. K. [On the verbs with the mobile stress]. *Trudy. Filologicheskie razyskaniya* [Proceedings. Philological research]. Vol. 2. Saint-Petersburg, 1899. 941 p. (In Russ.)

M. L. Kalenchuk, L. L. Kasatkin, R. F. Kasatkina. *Bol'shoi orfoepicheski slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka. Norma i ee varianty* [The comprehensive pronouncing dictionary of the Russian language. Standard pronunciation and stress in the early 21st century. Standard and its variants]. Moscow, AST-Press Kniga Publ., 2012. 1024 p.

Kalenchuk M. L., Savinov D. M. [The creation of a new academic accentological dictionary of the Russian language]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2023, no. 4, pp. 257–272. (In Russ.)

Reznichenko I. L. *Slovar' udarenii russkogo yazyka* [The stress dictionary of the Russian language]. Moscow, AST-Press Kniga Publ., 2007. 943 p.

Shtudiner M. A. *Slovar' obraztsovogo russkogo udareniya* [Dictionary of the standard Russian stress]. 5th edition, Moscow, Airis-Press Publ., 2008. 568 p.

Slovar' russkogo yazyka XVIII veka [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. In 18 vol., Ed. by Yu. S. Sorokin, Z. M. Petrova, A. A. Alekseev. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1984–2019–.

Vorontsova V. L. *Russkoe literaturnoe udarenie XVIII–XX vv. Formy slovoizmeneniya* [The Russian standard stress in the 18th–20th centuries. Inflection forms]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 328 p.

А. В. Тер-Аванесова

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
teravan@mail.ru*

НАЧАЛЬНЫЕ *ВЪ, *ВЬ И *У В ОДНОМ ЮЖНОРУССКОМ ГОВОРЕ

Статья посвящена отражению начальных *въ, *вь, *у в говоре с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл. Начальные *въ, *вь, *у встречаются в приставках и предлогах *въ и *у (рус. лит. у *Маши, узнать, в институт, влезть, войти, во двор*), в приставке *въз- (*вздумать, возьми, воспитать, взойти, возомнить*) и в начале корня (*утро, улей, внук, весь, всегда*). Если в русском литературном языке начальные *въ и *у последовательно различаются, то в западных и южных говорах русского языка, украинском и белорусском литературных языках и большинстве говоров этих языков они довольно последовательно совпадают. Поскольку совпадение начальных *въ и *у относится как минимум к древнерусскому периоду, современные языки и говоры обнаруживают ряд отклонений от строгого позиционного распределения алломорфов перечисленных предлогов и приставок. Морфонологический анализ предлогов и приставок предваряется краткой характеристикой фонем /в/ и /у/ в говоре.

Ключевые слова: русские диалекты, фонетика, морфонология, начало слова.

Материал для этой работы взят из неопубликованной базы данных говора с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл. (в прошлом Нижнедевицкого уезда Воронежской губ.). В основу базы данных объемом около 80 тыс. текстовых словоформ, построенной С. А. Крыловым в системе Starling, положены расшифровки аудиозаписей речи нескольких носителей говора 1919–1949 гг. рождения, выполненные С. В. Дьяченко, А. В. Малышевой и автором настоящей работы.

1. Фонемы /в/ и /у/ в говоре с. Роговатое.

Как и в большинстве говоров юга и юго-запада России, в говоре Роговатого фонема /в/ может быть охарактеризована как губно-губной сонант; она представлена следующими аллофонами:

перед гласным — губно-губным шумным [в] или сонантом [w] (*вас* или *was*, *двѣр*, *устанѣе* ‘встаёт’, *вот*, *вышник* ‘вишня’);

после гласного перед согласным и на конце слова — неслоговым [ǰ]: *пътстаўка*, *уаўкът*, *стаў* ‘ткацкий стан’; но перед [н] /в/ реализуется как [м] в слове *уомны* ‘навоз’ (при регулярных *роўнѣй*, *даўно*, *улаўна* и др., то же в начале слова перед [н]: *уну́к*, и *у́ну́ка*);

между согласными и после согласного на конце слова — неслоговым [ǰ]: *м’орт^ву* ‘мертв’ (с эпентезой гласного призвука), *прътрезул’аццѣ*, *ѣтѣлѣч*¹;

в начале слова после паузы перед согласным — слоговым аллофоном [у]: *устал* ‘встал’, *удоўка* ‘вдова’².

Глухой губно-губной на месте /в/ изредка бывает в начале слова перед глухими согласными, в этой позиции представлены варианты: *усѣ* / *ѣсѣ* / *всѣ* / *фсѣ*, но внутри слова перед глухими и на конце оглушения /в/, как правило, нет.

Фонемы /в/ и /в’/ в говоре различаются только перед гласными — на конце слова и перед согласными различия нет: *стаў* ‘ткацкий стан’ и повел. ‘ставь’. Другие губные твердые и мягкие фонемы на конце слова различаются, ср. *золун’* и *дун*, *с’ем’* и *фс’ем*.

Гласная фонема /у/ представлена следующими позиционно распределенными аллофонами:

перед гласным — [у] (только в заимствованиях): *Уар*, *трѣтуар*, *тулѣт*;

после гласного перед согласным и после гласного на конце слова (помимо заимствований и междометий, в приставочных образованиях) — [у], если находится под ударением: *наутрѣ*, 3 ед. *приуч’ит*, *маўкът*, междом. *ау*; [ǰ], если фонема /у/ является безударной: инф. *приуч’ит*, *ниўмѣха*, междом. *оў*, *уаў* (исключение — междометие *м’ау*); безударная /у/, таким образом, представлена тем же аллофоном, что и /в/ (/в’/) в этой позиции;

между согласными и после согласного на конце слова — [у]: *сүшит’*, *н’асу*, *л’агу*, *л’агут’*;

в начале слова после паузы перед согласным: *утро*, *узоры*; в этой позиции фонема /у/ представлена слоговым аллофоном, как и /в/.

Таким образом, внутри словоформы [в] как аллофон /в/ и [у] как аллофон /у/ имеют тенденцию не встречаться в одинаковых окружениях; /в/ и **безударная** /у/ не различаются перед согласным, совпадая в аллофоне [ǰ] после гласного и в аллофоне [у] после паузы. Различение /в/ и /у/ имеется перед гласным — в позиции, нехарактерной для /у/, и между согласными и в конце слова после согласного — в позициях, в целом нехарактерных для /в/.

В потоке речи, на первый взгляд, действуют те же правила, что и внутри словоформы, что должно говорить об отсутствии диэремы на левой границе словоформы,

¹ Отметим, что регулярные субституты [ф] в говоре — сочетание [хв] перед гласным: *хватѣра*, и [х] перед согласным и на конце слова: *хлакi* ‘флаги; хоругви’, *Хрол* (Фрол), *торх*, т. е. в данном случае внутри «кластера» [в] выпадает.

² В [ДАРЯ 1986] на карте 56 показана территория распространения [ǰ] в соответствии с /в/ перед согласным и наличие/отсутствие оглушения /в/ перед глухими согласными, на карте 58 — то же в конце слова. Звукам на месте твердого *в* перед согласным в начале слова посвящена карта 57.

с точки зрения правил появления неслоговых губно-губных реализаций /y/ и /v/; о типах диерем в русском языке см. [Каленчук 2018]:

/v/ перед гласным реализуется как [в]: *ѣт вѣс, у вѣс*;

/v/ и /y/ перед согласным после гласного нейтрализуются в [ǔ] (ср. выше об аллофонах безударного /y/ и /v/ в этой позиции в середине слова): *мнѣ ѣнѣк, ус'о ѣлѣдил, табѣ ѣкол, кѣкаѣ ѣдѣча*³.

Однако /v/ и /y/ между согласными в начале словоформы нейтрализуются в [y]: *мой унѣк, вѣт удѣѣка, вам укол, вот удѣча* — что совпадает с аллофоном /y/, а не /v/ в этой позиции в середине слова. По-видимому, этот факт указывает на то, что в начале слова в этих и подобных словоформах представлена фонема /y/, а это, в свою очередь, соответствует известному тезису о совпадении *и и *v > [y] в начале слова перед согласным в древнерусских диалектах примерно тех же территорий, что и сегодня [Галинская 2016], и говорит о наличии в древности диеремы на левой границе словоформы. Отметим, что подавляющее большинство примеров *v перед согласным восходят к *vъ или *vь со слабыми редуцированными, но не все: *урѣмич'ке* ‘времечко’, *урагѣ*.

Изменения /y/ в начале слова в зависимости от левого контекста: утрата слоговости после гласного и сохранение после согласного — представляют собой живые фонетические чередования. Те же или сходные фонетические распределения встречаем в украинском и белорусском литературных языках и диалектах.

2. Фонемный состав предлогов и приставок, восходящих к *и и *vъ, приставке *vъz(ъ), корней, начинающихся с *и, *vъ, *vь, относится к проблематике морфонологии. Современный фонемный состав таких начальных сочетаний сформировался в древнерусский период истории русского языка.

2.1. Приставки и предлоги, восходящие к *и и *vъ, в говорах типа Роговатого изначально, по-видимому, не различались, однако в наши дни есть тенденция к их различению под влиянием литературного языка. Совпавшие названные приставки и предлоги представлены следующими тремя алломорфами:

/y/ перед согласным(и): *у нас* ‘у нас’ и ‘в нас’, *убѣх* ‘убежал’ и ‘вбежал’;

/v/ перед гласным: *ув ѣтъга*, *ув ѣцѣа*, *ув ѣтъм*, *ув ѣнши*, *ув акнѣ* ‘в окно’;

/уво/ перед сочетанием согласных, между которыми находился слабый редуцированный: *ува*л'ѣу ‘волью’, *ува*шл'ѣу ‘ушлю, пошлю’, *увь* вс'ѣкѣй.

Ареал /ув/ и /уво/ показан на карте 59 [ДАРЯ 1986]. Аналогичное распределение имеется в украинском и белорусском литературных языках: укр. *у-* / *ув-* / *уві-*, бел. *у-* / *ув-* / *ува-*⁴ — и в южноповских опочецких говорах: *в-* / *в-* / *ва-*. В русском литературном языке подобное чередование алломорфов имеется только в соответствии с предлогом и приставкой *vъ: *в / во*, тогда как предлог и приставка *и всегда представлены как /y/.

³ См. карту 59 [ДАРЯ 1986], где показана территория распространения *вметь* ‘уметь’.

⁴ В [Гринченко 1909] и современных словарях украинского литературного языка даются варианты с приставками *уві-* и *у-* или *ві-*: *увібра́ти* = *убра́ти*, *увійти́* = *вйти́* и еще около 20 подобных лексем, в том числе *увіходити* = *уходити* ‘входить; уходить’.

2.1.1. Алломорфы /у/ и /ув/ *предлогов* *и и *въ и их фонетические варианты, зависящие от окружения, показаны в табл. 1.

Таблица 1. Алломорфы /у/ и /ув/ и их варианты в зависимости от позиции перед гласным и перед согласным

	[ув]	[в]	[ÿ]	[у]	[ф]
V_V	<i>и ув ётът</i> 23х н'ъ ув ъднѣй 4х	<i>буд'е</i> <i>в убѣткѹ</i> 13х			
#_V	<i>ув ёту л'ётъ</i> 19х <i>ув ётъй</i> 2х	<i>в ётъм</i> <i>ѹадѹ</i> 4х			
C_V	<i>Ув'ёс' ув ъс'т'ах</i> 17х у въйенных <i>ув ёт'их</i> 1х	<i>стаит'</i> <i>в ётъм</i> 6х			
V_C		<i>и в рука́х</i> 29х	<i>н'и ѱ ч'от</i> 86х <i>дѣ ѱ цыпл'агъх</i> 3х	и у В'ёры 5х	<i>эть ф стър'инѹ</i> 5х
#_C		<i>в б'адѹ</i> 13х	<i>ѱ на́лк'и</i> 2х	<i>у на́лк'и</i> 3х <i>у ѳца́</i> 2х	<i>ф со́рък</i> 7х
C_C		<i>он в л'еса́х</i> 6х	<i>их ѱ км'ах'и</i> 1х	<i>их у км'ах'и</i> 2х <i>уш у ѱрѡслѣй</i> 1х	<i>хад'ил ф шко́лу</i> 3х

Примечание к таблице: в каждой клетке помещено по одному примеру на предлог *въ (дан курсивом) и на предлог *и (дан прямым шрифтом) и указано общее число примеров с данным фонетическим вариантом алломорфа. Различными алломорфами являются /ув/ и /у/, а последний представлен в транскрипции текстов четырьмя фонетическими вариантами: слоговым [у], неслоговыми [ÿ], [w], [ф].

Таблица отражает варьирование, свойственное речи старшего поколения носителей говора: количественно преобладают описанные выше алломорфы /ув/ < *въ, *и перед гласным и /у/ < *въ, *и перед согласным; зависимость от левого контекста слоговой и неслоговой реализации фонемы /у/ не отмечена в случае /ув/ и довольно хорошо видна у /у/. В дальнейшем изложении мы не будем обращать внимания на фонетическую сторону, сосредоточившись на морфонологической проблематике.

2.1.2. Лексемы с *приставкой* *въ- > /у/- *перед согласным* или сочетанием согласных: *убѣчь* 'вбежать', *убивать* 'вбивать', *убить* 'вбить' (формы от основы прош. времени), *убок* 'вбок', *увалить* 'ввалить', *уверху* 'вверху, наверху', *удевать* 'вдевать', *узад* 'взад, назад', *уключать* 'включать', *уключённый*, *уключительно*, *уключить*, *укѹс* 'вкус', *укѹсный* 'вкусный', *улазить* 'влезать', *уливать* 'вливать', *улить* 'вливать' (формы от основы прош. времени), *улюбиться*, *умерзать* 'вмерзать', *умѣсте* 'вместе', *умѣстый* 'совместный', *унѣтриться* 'влюбить', *униз* 'вниз', *унизѹ* 'внизу', *уперѣд* 'раньше', *упереди* 'вперед', *употай* 'тайно', *упросак* 'впросак', *упускать* 'впускать', *урѡде* 'вроде', *уручнѹю*, *упитъся* 'впитаться' (формы от основы прош. времени), *ускочить* 'вскочить', *услѣд* 'вслед', *уоставать* 'вставать', *устать* 'встать', *устревать* 'встречать; встревать', *усыпать* 'всыпать', *утыкать* 'втыкать', *уходить* 'входить'.

Лексемы с **безударной приставкой *u- > /y/- перед согласным** или сочетанием согласных: *убавить, убега́ть, убежа́ть, убе́чь, убива́ть, убива́ться* ‘ушибаться’, *убийство, убира́ть* (урожай), *убира́ться, уби́ть, уби́ться* ‘ушибиться, упасть’, *ублаговора́ть, уборо́чная, убра́ть* (формы от основы наст. времени), *убы́ток, увез́ть, увида́ть, увязыва́ть, угада́ть, уговáraива́ть, уговори́ть, угоди́ть, угомониться, угоре́ть, угрожа́ть, удали́ть, удержи́ть, удиви́тельный, удивле́нный, удушени́к, удуши́ться, уе́зд, уе́хать, уезжа́ть, ужа́лить, указа́ть, указы́вать, ука́чиваться, уписа́ть, уко́л, укоро́тить, Украина, украинский, украша́ть, укрóп, укыва́ться, уккры́ться, укуси́ть, ула́диться, улаштовáться, улега́ться, улéжанный, улéжа́ться, улéжива́ться, улети́ть, ума́рива́ться, умере́ть, уме́ть, уме́ха, умира́ть, умно́жить* ‘выполнить действие умножения’, *умбра, умори́ться, умы́ться, уне́сть, уника́ть* ‘никнуть, сходить на нет’, *унистóжить, унистóжиться, до упа́ду, упакóвка, упа́сть, уписа́ться* ‘записаться, зарегистрироваться’, *упра́виться, управля́ться, упра́шивать, упрека́ть, упроси́ть, упру́гий, урабо́тать, уроди́ться, урожа́й, урожде́нный, урони́ть, уса́дба, усéрдие, усéсться, услу́га, услы́хать, услы́шать, усну́ть, усóпший, успе́ть, успоко́диться, уста́ива́ться, устано́вить, устанáвливать, устро́ить(ся), устро́енный, уто́к, утопа́ть, уто́пеник, уто́пить(ся), уто́пнуть, уха́живать, ухваты́ть, ухло́паться, уходи́ть, уцепи́ться, уча́стник, уча́ствовать, уча́сток, уче́знуть* ‘погибнуть; засохнуть (о растениях)’, *учёт, ушитый*.

Эти примеры показывают совпадение исконных *vъ и *и в приставках как перед одиночным согласным, так и перед сочетанием согласных. В основном это сочетания, внутри которых исконно не было редуцированных: *включáть, упросáк, уско́чить, услéд, устава́ть, устрева́ть* и под. Исключениями являются *усну́ть, умно́жить* ‘выполнить арифметическое действие умножения’, *успоко́диться*, по крайней мере две последних лексемы могут быть заимствованы из литературного языка.

2.1.3. **Предлоги *vъ, *и > /уво/ перед сочетанием согласных из *СЪС** с выпавшим слабым редуцированным:

- *vъ vъs'еть: *а ъна ѳва ѳс'ѳм у ч'ѳрньм хад'ѳла;*
- *vъ vъs'q: *бъл'шайѳ бѳч'к'ѳ ѳва ѳс'у машыну;*
- *vъ vъs'ѳ: *А уш он у нас'ѳлкѳх л'ажыт', ѳва ѳс'ѳ нас'ѳлк'и;*
- *vъ vъs'ак-: *у^м ѳд'ѳжы ѳвѳ ѳс'áкѳй мол' завод'ищѳ;*
- *vъ тѳпо(zѳ)хѳ: *ѳва мнѳѳих ѳрѳдáх;*
- *vъ гѳѳи: *нѳ ѳрѳѳд'ѳ ѳва рѳжы;*

*и/*vъ vъs'ѳх⁵: *ѳва вс'ѳх д'ѳвкѳх н'ѳту кѳс; Ува вс'ѳх у жывѳтных; и ѳва фс'ѳх кварт'ѳры, и ѳва фс'ѳх машыны; А тады ѳва фс'ѳу былѳ памнѳѳу ѳ хат'á л'уд'ѳй; Ува всѳх сваѳ был'и базы; Ну дѳ хаты-тѳ у нас вот из дѳба, ѳва ѳс'ѳх (12х).*

Алломорф /уво/- представлен перед исконным сочетанием согласных в *vъ *дворѳ: вы ѳзашл'ѳ ѳва двѳр*, ср. лит. *во двор*.

⁵ В говоре представлена конструкция «у + Р. ед. ~ у + М. мн.» в соответствии с лит. «у + Р. п.».

2.1.4. **Приставка *чъ-** > /уво/- перед сочетанием согласных из *СЪС с выпавшим слабым редуцированным зафиксирована у следующих глагольных лексем, у некоторых — только в основах презенса:

убить ‘вбить’ 2 ед.: н’е *ўвѣбийѣш* *ўвѣс’т*’;

улить ‘влиять, налить’: *анá* *ѣтá* *крѹжѣч’к’е*, *увал’йў*, *ѣнá* *правѣл’ициць* и н’е *в’иднá* (о поливе растений); *лѡшкѹ* *ўвѣл’йѣш*; *вад’ицы* нѣ н’ѣй *увал’л’ўт*’;

увоить ‘войти’: *кáк* *увайшѡл*; *увашил’ў* у *хáту*; кѣк *увѣшилá* — н’икѣўѡ н’ѣт у *хáт’е*; *Нў*, *увѣшилá* и *йáмў* *скѣзáлѣ*, *сѣну*; *ѡн* у *мѣўáзин*, *увѣшѡл*; а *ѡн* ы *ўвѣшѡл*;

увопхнўть ‘впихнуть; вставить’: *увѣпхн’ѣ*, *увапхнўл*, *ну* *кáк-н’ибўт’* *увапхн’ў*.

2.1.5. **Приставка *ц-** > /уво/- перед сочетанием согласных из *СЪС с выпавшим слабым редуцированным зафиксирована у следующих глагольных лексем, у некоторых — только в инфинитивных основах:

увобратъ ‘убрать’ (формы от основы прош. времени): *увѣбрáл’и*, *пѣд’ал’ўл’и* *снапы* и *пѣклáл’и* *кўч’к’ѣм’и*; *И* *ус’ѡ* *увѣбрáл’и*; *Пѣкá* *ѣтá* *рубáшкѣ* *дѣйд’ѣ* нѣ *т’ил’есá*, *йѣй* *нáдá* *нас’ѣит’* *кѣнап’ў*, *увѣбрáт’*, *пѣм’áт’*, *пѣталѡч’*, *áтпр’áст’*, *пѣткáт’*; *И* *срѡч’нѣ* *увѣбрѣлá*, *вон* *ум’ѣст’е* с *лўкѣм*, *вѣк’инулá*;

увогнўться ‘угнуть, отклониться’: *йá* *уваўнўлѣс’е* (от веток, чтобы не попали в лицо);

увослáть ‘услать, отослать’: *йá* *мáмы* *увѣслáлѣ* *п’исмѡ*.

В двух лексемах алломорф /уво/- зафиксирован перед исконным сочетанием согласных (ср. лит. *согреть*, *сознавать*):

увогрѣтьсá ‘угреться, согреться’: *Дѣ* *пѣд’* *д’арўшкѣйў* *уваўр’ѣис’с’и* и *л’ажѣш*;

увознáть ‘узнать’: *А* *йá* *йѣй* *ц’áс* *вапч’ѣ* н’и *ўвѣзнáлѣ*, и *ѣнá* н’и *урáмѣ* н’е *пахѡжѣ*, *вѣт’в’елá*, *бал’ѣлѣ* *ѣнá*.

Напротив, в нескольких лексемах алломорф /у/- находим перед исконным сочетанием *СЪС, содержащим слабый редуцированный:

убить(ся) ‘убить’, ‘удариться, ушибиться’: *уб’йўд’* *жѣ*; *йá* *убйўс’á*; и *убйў*;

уснўть 2 ед.: *уснѣш*;

умерѣть: *умрў*, *умрѣш* (10х).

В случае **ити*, Роговатого инф. *уйтит’* находим лишь два примера с *уво-*: *дѣл’ѡкѣ* *йá* н’ѣ *увайдў*; *увѣшилá*, в подавляющем большинстве фиксируется алломорф *у-*: 3 ед. *уйд’ѣ*, *ушилá* и под. (53х). Сохранение алломорфа /у/- может объясняться тем, что ударение презентных форм изначально падало на приставку: 3 ед. *йўд’е* 2х, что сейчас отмечается редко — только у говорящих самого старшего возраста. С другой стороны, причиной может быть стремление к формальному различению глаголов с разной семантикой (‘уйти’ и ‘войти’).

Подобно различению *йўдў/увайдў* ‘уйду’ и *увайдў* ‘войду’, в говоре различаются *убйў* ‘убью’ и *увабйў* ‘вобью’. Если в случае с *убить* можно предполагать вторичное устранение алломорфа /уво/- по семантическим причинам, то такое предположение невозможно относительно *уснўть* и форм презенса *умрў*, *умрѣш*; у этих глаголов алломорф приставки /уво/- не зафиксирован.

2.2. **Алломорфы приставки *въз(ъ)-**. Зафиксированы следующие алломорфы этой приставки: /уз/- перед слогом с гласным полного образования: *узýскивать*,

узя́ть, узвалі́ть, уздрьгивать, ускопа́ть, успросі́ть, усході́ть и др.; /узо/- перед сочетанием согласных, между которыми находился слабый редуцированный: инф. *узайті́ть* < *vьzь-jьdти(ть), повел. *узайди́* < *vьzь-jьdi, прош. *узъишлá* < *vьzь-šьdla, прош. м. р. *узъишол* < *vьzь-šьdlь — видимо, по аналогии с другими формами прош. времени; /увоz/- перед слабым редуцированным: повел. *уваз'м'и́* < *vьz-ь-mi, (1x), хотя обычно в этой презентной основе выступает алломорф /воz/: *вазмі́*, 3 ед. *взьме́* (39x). Алломорф /воz/- встречается в заимствованиях из лит. языка: *во́здух*, *во́зраст*, *воскресе́нье*, *воскресну́ть*, *воспале́нье*, *воспита́ть*, *восходи́ть* (о восхождении Христа на небо в Вознесенье), по модели которых строятся или от которых образованы диалектные глаголы *возвыши́ть* и *возраста́ть*.

2.3. **Начальное сочетание *vЪС в корнях.** В некоторых корнях *ь, *ь находятся в абсолютно слабой позиции: *удб́ука*, *уну́к* < *vьdovьka, *vьпникь, в других сильные и слабые позиции редуцированных чередуются. В наших материалах наибольшим числом таких примеров представлена местоименная основа *vьs'-:

*vь > /уве/, если *ь сильный: И. ед. м. *увѣс'* < *vьs'ь 'весь'; *ув'аз'д'ѣ* < *vьs'ьdѣ 'везде';

*vь > /у/, если *ь слабый: И. ед. ж. *уc'á* < *vьs'a, ср. *уc'ô*, мн. *уc'ѣ* и другие формы местоимения *vьs'ь; *уc'егда́* < *vьs'egda.

Отметим вариативность *увѣс'* 17x ~ *вѣс'* 10x; второй вариант в говоре встречается преимущественно после гласного.

Еще одна основа *vьš- 'вошь' зафиксирована только в форме И. мн. *ушы́*, со слабым редуцированным в праформе.

3. **Выводы.** Начальные *vь, *vь в южно- и западнорусских говорах, в том числе и в говоре с. Роговатое, развиваются по-разному в зависимости от того, в сильной или в слабой позиции находится редуцированный: в случае сильного редуцированного на их месте выступают /уво/ и /уве/, в случае слабого — /у/, причем развитие не зависит от того, в составе какой морфемы находятся эти начальные сочетания. Такое же развитие демонстрирует безударная *и в предлоге и глагольной приставке, см. табл. 2.

Таблица 2

	*vь, *vь *и перед слогом со слабым редуцированным	*vь, *vь *и в других позициях
*vьs'- *vьпникь	*vьs'ь > <i>увѣс'</i> *vьs'ьdѣ > <i>ув'аз'д'ѣ</i>	*vьs'a > <i>уc'á</i> *vьs'egda > <i>уcегда́</i> *vьпникь > <i>уну́к</i>
*vьz(ь)-	*vьz-ьmi > <i>уваз-мі́</i>	*vьzь-jьdi > <i>уза-йди́</i> *vьz-lѣzь > <i>уз-лѣз</i>
*vь	*vь-jьde > <i>ува-йде́</i> *vь-šьla > <i>увь-шлá</i>	*vь-nese > <i>у-несѣ́</i>
*и	*и-jьde > ... > <i>увь-йде́</i> *и-ьbrala > ... > <i>увь-брьлá</i>	*и-jѣde > <i>у-йѣде́</i> *и-čezь > <i>у-чѣз</i>

Учитывая стабильность позиционных изменений начальных *vь, *vь, охвативших огромную восточнославянскую территорию, можно предположить их фонетический характер: «вокализация» (а ее можно интерпретировать как появление перед сонантом гласного призвука) могла быть присуща /в/ в соседстве с редуцированным (*^yвнѹкъ, *^yвѣсь, *^yв озерѣ), но не с гласным полного образования (напр., водá). Из этого легко выводится современное состояние как следствие падения и прояснения редуцированных и монофтонгизации ^yv перед согласным (*^yвнѹкъ, *^yвѣс', *^yv озерѣ > унѹк, увѣс', ув озерѣ); формы типа унѹк и ув озерѣ, как известно, отмечаются с XIII–XIV вв. Появление варианта /уво/ предлога *u: ув Ани и под. в принципе объяснимо эпентезой. Распределение /уво/ и /у/ на месте *u может объясняться фонетически и соответствует правилам для *vь, см. табл. 2, но для этого надо предполагать фонетическое совпадение приставок и предлогов *vь и *u в *vь до падения редуцированных. Вместе с тем привязка указанных чередований в приставках к глагольным основам (ср. утѹк, уткá, где форм с /уво/ не возникает) позволяет предполагать, что приставка и предлог *u, совпадая в части позиций с приставкой и предлогом *vь- в алломорфе /у/, по аналогии с *vь усваивают в определенных позициях и алломорф /уво/. Фонетическое совпадение предлогов *vь и *u в русских говорах тех же территорий приводит к появлению в контекстах с предлогом *u форм местного падежа, что ведет к перестройке не только системы склонения, но и падежной системы говоров типа Роговатого.

Источники

ДАРЯ 1986 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР / Под ред. Р. И. Аванесова и С. В. Бромлей. Вып. 1: Фонетика. М., 1986.

Литература

Гринченко Б. Д. Словарь української мови. Т. I–IV. Київ, 1909.

Каленчук М. Л. Делимитация значимых единиц русского языка с помощью фонетических средств // Вопросы языкознания, 2018, № 4. С. 74–81.

Мальшиева А. В., Тер-Аванесова А. В. Предлог у < *u, *vь в южнорусском говоре: фонетика, управление, семантика // Славянские языки и культуры в современном мире: III Междунар. симпозиум: Труды и мат-лы / Сост. О. В. Дедова, Е. В. Петрухина, Л. М. Захаров. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 224–227.

A. V. Ter-Avanesova

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
teravan@mail.ru*

**CONTINUANTS OF WORD-INITIAL *vъ, *vъ, *u
IN ONE SOUTH RUSSIAN DIALECT**

The article deals with the initial *vъ, *vъ, *u in the South Russian dialect of the village of Rogovatoe, found in prefixes and prepositions *vъ and *u, in the prefix *vъz- and in the beginning of the root. While in Standard Russian the initial *vъ and *u are consistently different, in the western and southern Russian dialects, as well as in Standard Ukrainian and Byelorussian languages and in most their dialects, they consistently coincide. The morphological analysis is preceded by a brief description of the phonemes /v/ and /u/ in the dialect of Rogovatoe.

Key words: Russian dialects, phonetics, morphonology, word-initial position.

References

Grynchenko B. D. *Slovar' ukrains'koï movy* [Dictionary of Ukrainian language]. Vols. I–IV. Kyïv, 1909.

Kalenchuk M. L. [Delimitation of significant units of the Russian language using phonetic means]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2018, no. 4, pp. 74–81. (In Russ.)

Malysheva A. V., Ter-Avanesova A. V. [Preposition u < *u, *v b in the South Russian dialect: phonetics, management, semantics]. *Slavyanskie yazyki i kul'tury v sovremennom mire: III Mezhdunarodnyi simpozium: Trudy i materialy* [Slavic languages and cultures in the modern world: III International Symposium: Proceedings and materials]. Comp. O. V. Dedova, E. V. Petrukhina, L. M. Zaxarov. Moscow, “MAKS Press” Publ., 2016, pp. 224–227. (In Russ.)

Е. В. Шарапова

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук
(Россия, Москва)
katyasharapik@gmail.com*

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИНТЕНСИФИКАТОРЫ И СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОМОНИМИЯ В ЯЗЫКЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИЧНЫХ ПИСЕМ)¹

Статья посвящена некоторым случаям синтаксической омонимии в личных письмах Ф. М. Достоевского. Разрешение синтаксической омонимии является проблемой для автоматической обработки текстов (машинного перевода и т. д.), в то время как говорящие, пишущие и читающие люди не абстрагируются от смысла и достаточно погружены в речевой и ситуативный контекст, чтобы возможность разного понимания синтаксической конструкции не успевала возникнуть. Однако своеобразии синтаксиса Ф. М. Достоевского заставляет столкнуться с проблемой синтаксической омонимии даже живого читателя. В то же время экспрессивная функция интенсификаторов и неопределенность реальных различий в степени признака, которую интенсификаторы выражают, в большинстве случаев приводят к тому, что возникающая синтаксическая неоднозначность остается незамеченной. Когда синтаксическая омонимия снимается на смысловом уровне, она не влияет существенно на понимание смысла предложения и текста и почти не затрудняет читателя. В статье даны примеры разных типов синтаксической омонимии, описаны особенности синтаксических конструкций с интенсификатором, условия возникновения неоднозначности и, наоборот, некоторые условия, при которых она не возникает.

Ключевые слова: синтаксическая омонимия, языковая неоднозначность, интенсификатор, экспрессивность, письма Ф. М. Достоевского, синтаксис Ф. М. Достоевского.

Синтаксическая омонимия — это «наличие разных смыслов у одного предложения, обусловленное наличием у него разных синтаксических структур» [Гладкий 1985/2018: 16–17]. Синтаксическая омонимия — один из возможных случаев языковой неоднозначности [Апресян 1995: 176 и след.; Богуславский и др. 2005].

¹ Автор благодарит Г. И. Кустову за ценные замечания по материалу статьи.

Разрешение синтаксической омонимии как отдельная задача сопровождается в основном автоматическую обработку текстов (машинный перевод, разметку корпуса текстов). В естественном общении говорящие не могут полностью абстрагироваться от смысла высказывания, поэтому большинство случаев синтаксической омонимии разрешаются без труда и остаются незамеченными [Дрейзин 1966: 38; Зализняк 2004: 25].

Однако проблема разрешения синтаксической омонимии может быть актуальной для чтения (и тем более — анализа) текстов Ф. М. Достоевского из-за особенностей его языка и, в частности, своеобразного синтаксиса. Как было замечено в [Иванчикова 2001], художественная речь Достоевского допускает разрушение закреплённых в употреблении синтаксических групп, нестандартную сочетаемость, инверсивные конструкции и другие явления разговорной речи. Для Достоевского характерна «тенденция к высвобождению синтаксически связанных слов, а также к разомкнутости свободных синтаксических связей — увеличению расстояния между связанными друг с другом членами фразы» [Иванчикова 2001: 294]. Мы никогда не можем быть полностью уверены, что два компонента словосочетания надо искать там, где для нас привычно их искать. Здесь следует помнить и про временной интервал, который отделяет современного читателя от Достоевского. Но, как мы знаем из критических отзывов, уже современники Достоевского затруднялись при восприятии его художественной речи. Критиками-современниками Достоевский был объявлен «несовершенным художником» и даже «плохим стилистом» и «понадобилось более полутора лет для того, чтобы предложенный им новый поэтический канон был принят и признан» [Ковач 2008: 151–152].

Многое из того, что было перечислено выше, характерно не только для художественной речи, но и для языка и стиля личных писем Достоевского. Вот, например, два контекста, которые вызывают вопрос:

Обнимаю тебя крепко и целую, детишек тоже, очень. [А. Г. Достоевской, 1875] — Относятся ли интенсификаторы² *крепко* и *очень* только к одному или к обоим глаголам?

Все чиновники в Редакции ужасно обращаются свысока и небрежно со всеми. [А. Г. Достоевской, 1878] — От какого слова зависит наречие *ужасно*? Это слово со значением отрицательной оценки: *ужасно обращаются*? Или это интенсификатор: *ужасно свысока и небрежно*? (см. ниже).

В [Гладкий 1985/2018] описано три типа синтаксической омонимии, из которых применительно к нашему материалу нас будут интересовать два: *стрелочная* и *конституентная*.

² Под интенсификатором в статье понимается слово-усилитель, указывающее на высокую (предельную, чрезмерную) степени признака, выраженного другим словом. С точки зрения морфологии, интенсификаторы — это чаще всего наречия и наречные сочетания, зависимые от глаголов, и прилагательные в сочетании с существительными. Интенсификатором может быть и словосочетание (*сукин сын* и *подлец первой степени*). В модели «Смысл ↔ Текст» интенсификаторы с лексически ограниченной сочетаемостью были формализованы в виде лексической функции Magn [Мельчук 1999; ТКС].

Стрелочная омонимия «состоит в том, что некоторая СГ [синтаксическая группа — Е. Ш.] при переходе от одной структуры к другой “перевешивается”, иначе говоря, меняет “хозяйина”» [Гладкий 1985/2018: 113].

Как правило, интенсификатор стоит между конкурирующими «хозяевами», которыми могут быть:

— глагол-сказуемое и его дополнение, выраженное существительным:

*Жара во Флоренции наступает ужасная, город душный и раскаленный, нервы у нас всех расстроены, — что **вредит особенно жене**, теснимся мы в настоящую минуту (и всё en attendant) в теснейшей маленькой комнатке, выходящей на рынок.* [А. Н. Майкову, 1869] — Это предложение можно понять как ‘теснота в маленькой комнатке вредит всем, а особенно жене’ (*вредит / особенно жене*; *особенно* в значении «прежде всего, более всего, в особенности» [МАС 1986]) или как ‘жене вредят многие обстоятельства, но больше всего вредит теснота в маленькой комнатке’ (*вредит особенно / жене*; *особенно* — интенсификатор). Синтаксическая неоднозначность в этом примере сочетается с лексической, см. также контекст *ужасно обращаются свысока и небрежно* ниже.

— прилагательное в именной части сказуемого и причастие из именной группы, которая зависит от сказуемого:

*Но, во-1-х, я думал, что Вы не сомневаетесь в том, что деньги дошли до меня верно, и, во-2-х, я в конце июня и до половины июля был **болен чрезвычайно усилившимся** рядом припадков и недели три совсем ничего не работал, будучи в сильнейшей ипохондрии, чтоб не сказать более.* [В. В. Кашпиреву, 1870] — Здесь интенсификатор *чрезвычайно* можно отнести как к *болен*, так и к *усиливающимся*: *болен чрезвычайно / усилившимся рядом припадков* или *болен / чрезвычайно усилившимся рядом припадков*;

*И вот этот факт народного сознания наши либералы 60-х годов **хотят изо всей силы похоронить** и — соединяются в таком случае с гонителями народа, с презирующими его, с теми, которые до сих пор наклонны считать его за податную единицу и только.* [Л. В. Григорьеву, 1878].

В контексте *хотят изо всей силы похоронить* оба возможных варианта интерпретации — *хотят изо всей силы / похоронить* и *хотят / изо всей силы похоронить* порождают нестандартную сочетаемость, так как *изо всех сил* стандартно сочетается с агентивными глаголами, которые предполагают приложение усилий субъектом ситуации (*бить, тянуть, уверять* и др.). Однако для языка Достоевского характерны как сочетания типа *изо всех сил хотеть* (*изо всей силу хочу знать, из всех сил хотелось ей понравится, из всей силы желалось бы сманить, изо всей силы боюсь, ненавидел изо всех сил, жду изо всех сил* и др.), в которых *изо всех сил* сочетается с глаголом со значением неагентивного состояния, так и сочетания типа *изо всех сил похоронить*, в которых семантический признак ‘приложение усилий’ в агентивном глаголе остается на периферии (*изо всех сил подтверждали, из*

последних сил публиковалась) [Шарапова 2021: 274–283]. Поэтому обе интерпретации можно считать допустимыми.

Как правило, в контекстах со стрелочной омонимией интенсификатор находится между двумя потенциальными «хозяевами», но это не обязательно:

Если верите (или хотите верить очень), то предайтесь ему вполне, и муки от этой двойственности сильно смягчатся, и Вы получите исход душевный, а это главное. [Е. Ф. Юнге, 1880] — Интенсификатор *очень* стоит в постпозиции к двум потенциальным «хозяевам»: *хотите очень* или *верить очень*?

Все чиновники в Редакции ужасно обращаются свысока и небрежно со всеми. [А. Г. Достоевской, 1878] — В этом примере неразрешимой остается многозначность наречия *ужасно* — это оценочное ‘плохо’ или интенсификатор ‘очень’? Если это оценочное *ужасно* ‘плохо’, то мы должны выделить сочетания *ужасно обращаются* и *обращаются свысока и небрежно*. Если *ужасно* — это интенсификатор со значением ‘очень’, получается, что *ужасно* отделено от своих «хозяев» *свысока и небрежно* ради эмфатического выделения. Если мы выделим сочетание *ужасно свысока и небрежно*, то возникает также и конституентная омонимия: *ужасно свысока* или *ужасно свысока и ужасно небрежно*? Но в то же время оценочное значение *ужасно* и в этом случае не исчезает, по-видимому, полностью.

Конституентная омонимия возникает из-за неоднозначного выделения однородных членов [Гладкий 1985/2018: 116]. Вопрос заключается том, к одному или нескольким однородным членам относится интенсификатор? По отношению к группе однородных членов интенсификатор может находиться в препозиции:

Но у меня твердое намерение и желание окончить и напечатать окончание 4-й части вместе с «Эпилогом». [Н. А. Любимову, 1880];

Право, черный народ здесь гораздо хуже и бесчестнее нашего, а что глупее, то в этом сомнения нет. [А. Н. Майкову, 1867];

Я ему показываю лошадок в окно, когда едут, ужасно интересуется и любит лошадей, кричит тпру. [А. Г. Достоевской, 1872];

в постпозиции:

Ясно, что Карепин сукин сын и подлец первой степени. [М. М. Достоевскому, 1847];

Именно об этом надо было заговорить, но, заговорив, не оставлять, а разъяснять, развивать и «долбить» неустанно. [И. С. Аксакову, 1880];

Он пишет, что шоньский «Дневник» производит сильнейшее впечатление, и что он знает это наверно, и что слышал и слышит беспрерывно множество хвалебных отзывов. [А. Г. Достоевской, 1876];

или находиться между двумя однородными членами:

А теперь обнимаю тебя крепко и целую — до близкого письма и свидания. [А. Г. Сниткиной, 1866].

Конституентная синтаксическая омонимия чрезвычайно характерна для этикетных клише в письмах Достоевского. Обычно это заключительные фразы письма:

*При сем покорнейше прошу Вас принять от меня уверение в **совершенном** моем к Вам **почтении и преданности**.* [К. С. Веселовскому, 1878];

*А засим прошу принять заверение в моем **полнейшем уважении и преданности** к Вам и к супруге Вашей.* [Н. А. Любимову, 1879];

*Ради бога, простите помарки в письме, не сочтите за небрежность и примите уверение в **глубочайшем уважении и преданности** Вашего покорнейшего слуги.* [Н. А. Любимову, 1880].

Во всех перечисленных выше примерах конституентной омонимии, где интенсификатор стоит в препозиции к потенциальным «хозяевам», его можно отнести к обоим однородным членам, то есть *твердое намерение и твердое желание, гораздо хуже и гораздо бесчестнее, очень твердо и очень целокупно, в совершенном почтении и в совершенной преданности* и т. д. При этом если у однородных существительных разный грамматический род, то прилагательное грамматически согласуется только с первым из них, ср. также:

*Изъяснялись, что я посещением сделал им **большую честь и счастье**.* [А. Г. Достоевской, 1880];

*Тем более, что всегда принужден высказывать иные идеи лишь в основной мысли, всегда весьма нуждающейся в **большом развитии и доказательности**.* [К. П. Победоносцеву, 1880].

Контексты с интенсификатором в постпозиции и в интерпозиции по отношению к двум однородным членам могут быть интерпретированы по-разному, в устной речи двум разным вариантам синтаксического анализа соответствовал бы разный интонационный рисунок фразы, например:

***Обнимаю и целую крепко** Верочку.* [С. А. Ивановой, 1869];

*Здесь **душно и жарко ужасно**.* [А. Г. Достоевской, 1873];

*Сегодня **хоть нет дождя, но хмурится, ветрено и холодно очень**.* [А. Г. Достоевской, 1867].

Трудность при выделении синтаксических групп и интерпретации фразы также заключается в специфике значения и функции интенсификатора в речи. Во многих контекстах функция выражения экспрессии, оценки, эмоционального отношения к сообщаемому выходит на первый план, а реальные различия в степени признака могут оставаться совершенно неясными [Арутюнова 1988: 248]. Таким образом, мы не «можем однозначно выбрать нужное толкование, пользуясь имеющимися у нас сведениями о действительности» [Гладкий 1985: 120 и след.], то есть нет таких контекстов, в которых сочетание с интенсификатором было бы невозможно осмыслить, так как нельзя осмыслить, например, предложение *Воспел*

победу *Измаила* как ‘победу, одержанную *Исмаилом*’, (пример взят из [Гладкий 1985: 121]). Знание контекста и внеязыковых фактов в большинстве случаев не поможет снять омонимию. «Осмысленным» может быть практически любое словосочетание с интенсификатором, поскольку почти любое слово допускает экспрессивное средство выделения в речи. Более того, почти любое явление допускает градуирование, так как практически любой признак может быть представлен как «растяжимый», градуируемый, интенсифицируемый [Воротников 2011: 83–86; Арутюнова 1988: 233]. Интонация, которая разрешает омонимию в устной речи, также недоступна при чтении.

Однако большое число контекстов с синтаксической омонимией и лексическим интенсификатором не вызывают трудностей при понимании фразы, то есть не требуют разрешения синтаксической омонимии. Такие контексты в разной степени приближаются к тем, в которых «синтаксическая омонимия нейтрализуется на смысловом уровне» [Гладкий 1985/2018: 125]. Например, в следующих контекстах —

Крепко обнимаю и целую тебя. [А. Г. Достоевской, 1879];

Обнимаю тебя и целую крепко, голубчик ты мой. [Н. М. Достоевскому, 1863];

Обнимаю тебя тысячу раз и целую. [А. Г. Достоевской, 1875];

До свидания, обнимаю тебя и целую горячо. [А. Г. Достоевской, 1874]

— синтаксическая омонимия почти полностью нейтрализована, поскольку оба сказуемых описывают ситуацию интенсивно выражаемых чувств, в которой странно было бы предполагать, что целуют крепко, при этом обнимают слегка или наоборот. Однако вполне допустимо отнести интенсификатор только к одному глаголу — *крепко обнимаю, целую крепко, обнимаю тысячу раз, целую горячо*. При этом отнесет читатель интенсификатор к одному или обоим глаголам — значение предложения существенно не поменяется. Неправильная интерпретация, которая могла бы привести к коммуникативной неудаче, здесь, по-видимому, невозможна. Более того, в контекстах с интенсификатором при группе однородных членов повтор интенсификатора воспринимается скорее как отступление от нормы, как избыточность или самостоятельный речевой прием: *Но, добрейшая ты моя, каково же мне-то, только что приеду и сейчас опять тебя впрямь в работу. Это мне слишком тяжело, слишком озорчительно.* [А. Г. Достоевской, 1876].

Однако в других контекстах омонимия все же не нейтрализуется полностью, некоторые аспекты ситуации оказываются неясными. Например, *слышал и слышит непрерывно* означает, что раньше слышал непрерывно, как и сейчас? Или раньше слышал только иногда, а сейчас стал слышать гораздо чаще, непрерывно? *Душно и жарко ужасно* — очень душно и жарко? Или очень жарко, но все же не так душно?

На разрешение синтаксической омонимии влияет не только семантическая сочетаемость слов (т. е. «осмысленность») получающихся в результате анализа фразы

сочетаний), но и идиоматическая сочетаемость. Идиоматическая сочетаемость интенсификатора влияет на разрешение омонимии в следующих примерах:

До свидания, договорился до чертиков, обнимаю и целую тебя всасос. [А. Г. Достоевской, 1879] — Наречие *всасос* имеет идиоматическую сочетаемость с глаголом *целовать*, но не с глаголом *обнимать*: *он без церемонии сажал ее к себе на колени и целовал всасос* [Ф. Ф. Вигель. Записки (1850–1860)]; *целовал ее всасос в самую морду* [Н. С. Лесков. Владычный суд (1877)]; *он целовал обыкновенно всасос, крепко нажимая в обе щеки* [Д. В. Григорович. Недолгое счастье (1884)]. Поэтому здесь может быть осмыслено сочетание *целую всасос*, но не *обнимаю всасос*.

Крепко вас всех обнимаю и благословляю. [А. Г. Достоевской, 1880] — В этом предложении можно выделить только сочетание *крепко обнимаю*, а *крепко благословляю* звучит двусмысленно и неуместно, поскольку *крепко* имеет идиоматическую сочетаемость с глаголами речи типа *ругаться*; *ругать*, *бранить*: *я боялся, что ты меня будешь крепко бранить* [М. С. Воронцов. Кавказские письма к А. П. Ермолову (1845–1855)]; *крепко и скверно изругает ни в чем неповинного собеседника* [А. И. Эртель. Записки Степняка (1883)]; *Фома крепко, неприлично выругался и умолк.* [Максим Горький. Фома Гордеев (1899)].

Синтаксическая омонимия не возникает, если однородные члены разделены вводным словом или частицей, если однородные члены морфологически неоднородны:

Нынешний же раз совсем другое: непрерывно прихварывает и, кроме того, беспокоится, нервна, впечатлительна и, вдобавок, боится серьезно, что умрет в родах (вспоминая муки при первых родах). [А. Н. Майкову, 1869];

Мнение Ваше обо мне я не могу не ценить: те строки, которые показала мне, из Вашего письма к ней, Ваша матушка, слишком тронули и даже поразили меня. [Е. Ф. Юнге, 1880];

Анна Григорьевна теперь почти здорова, но страшно устала и расстроена нервами, должно быть, и я тоже. [Н. П. Вагнеру, 1876].

Согласно современной литературной норме «определение относится только к ближайшему существительному, если между однородными членами стоит повторяющийся предлог, например: выслушать *с большим вниманием* и с сочувствием; Иван Ильич *без лишней беготни* и без крику быстро получил паровоз и наряд на погрузку (А. Н. Толстой)» [Розенталь, Джанджакова, Кабанова 1998: 279]. Если следовать этому принципу, то в следующем предложении интенсификатор *глубочайшей* следует отнести только к существительному *тоске*, но не к существительному *страх*, что не противоречит языковой интуиции:

Но мне приходили такие странные мысли, такие подозрения и догадки о Вас относительно X, что я был в глубочайшей тоске и в страхе о Вас. [А. Е. Врангелю, 1856] — *в глубочайшей тоске / в страхе*, но не *в глубочайшем страхе*.

Однако в другом контексте с повтором предлога —

А впрочем, не препятствую, только бы обошлось без трудов и без хлопот особенных. [А. Г. Достоевской, 1879] — сочетание *без трудов особенных* также будет осмысленным.

Синтаксическая омонимия у Достоевского возникает как следствие своеобразного синтаксиса его речи. В контекстах с интенсификаторами обращает на себя внимание синтаксическая омонимия двух типов: стрелочная и конституентная. Разрешение синтаксической омонимии в конструкциях с интенсификаторами не может в достаточной степени опираться на знание речевого и ситуативного контекста, так как интенсификаторы являются экспрессивным средством и выражают эмоции говорящего, при этом реальные различия в степени признака могут быть очень неопределенными. В то же время именно экспрессивность, которую приносят в речь интенсификаторы, приводит к тому, что в большинстве случаев синтаксическая омонимия не вызывает особых трудностей при понимании текста. В разных конкретных примерах неоднозначность — то есть насколько сильно одно понимание предложения будет отличаться от другого — может быть выражена в разной степени. Омонимия может сниматься полностью или не полностью, но в достаточной степени, чтобы существенно не влиять на интерпретацию текста. Такая неоднозначность может создавать трудности при анализе и в специальном лингвистическом, например, лексикографическом описании, однако в процессе чтения она не требует разрешения и почти не затрудняет понимание текста.

Источники

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); Редкол.: В. Г. Базанов (гл. ред.), Г. М. Фридендер (зам. гл. ред.), В. В. Виноградов и др. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 28–30, Письма.

МАС — Словарь русского языка в 4-х т. Т. 2. К–О / Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереот. М.: Русский язык, 1986. 736 с.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 25.04.2024)

Литература

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры»; Восточная литература, 1995. VIII с., 472 с.

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.

Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Лазурский А. В., Митюшкин Л. Г., Бердичевский А. С. Интерактивное разрешение неоднозначности различных типов в машинном переводе // Труды Международной конференции «Диалог 2005» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dialog-21.ru/media/2376/iomdin-boguslavski-lazurski.pdf> (дата обращения: 25.04.2024).

Воротников Ю. Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка. М.: Азбуковник, 2011. 303 с.

Гладкий А. В. Синтаксические структуры естественного языка. Изд. 3-е, стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2018. 152 с. [Первое издание: Гладкий А. В. Синтаксические структуры естественного языка в автоматизированных системах общения. М.: Наука. Главная редакция физико-математической литературы, 1985. 144 с.].

Дрейзин Ф. А. Синтаксическая омонимия (к постановке вопроса) // Машинный перевод и прикладная лингвистика, Вып. 9, Москва: I МГПИИЯ им. М. Тореза, 1966. С. 38–43.

Зализняк Анна А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания, 2004, №2. С. 20–45.

Иванчикова Е. А. Индивидуальный синтаксис Достоевского // Слово Достоевского. 2000. Сб. статей / Под ред. Ю. Н. Караулова и Е. Л. Гинзбурга. М.: Азбуковник, 2001. С. 272–314.

Ковач А. «Форма без формы» и «отсутствие стиля» у Достоевского // II Междунар. симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: избранные доклады и тезисы / Под общ. ред. И. Л. Волгина. М.: Фонд Достоевского, 2008. С. 151–153.

Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст». Семантика, Синтаксис. Изд. 2-е. М.: Языки русской культуры, 1999, I–XXII, 346 с.

Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М.: ЧеРо, 1998. 400 с.

ТКС — Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь русского языка: Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Взд. 2-е, испр. М.: Глобал Ком: Языки славянской культуры, 2016. 544 с.

Шарапова Е. В. Аномальная сочетаемость интенсификаторов в идиостиле Достоевского // Корпусная модель идиостиля Достоевского / Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М.: ЛЕКСПУС, 2021. С. 256–286.

E. V. Sharapova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

katyasharapik@gmail.com

**LEXICAL INTENSIFIERS AND SYNTACTIC HOMONYMY
IN FYODOR DOSTOEVSKY'S LANGUAGE:
A STUDY OF PERSONAL LETTERS**

The paper deals with some cases of syntactic homonymy in Fyodor Dostoevsky's personal letters. The syntactic homonymy poses a problem for automatic text processing (machine translation, etc.), unlike speakers, who are sufficiently immersed in the speech

and situational context and are not abstracted from the meaning, the programme cannot always interpret syntactic structures in the right way so that the possibility of different understanding does not even appear. However, the specifics of Fyodor Dostoevsky's syntax make even a human reader face the a problem of syntactic homonymy. At the same time the specificity of the semantics and speech function of intensifiers, the expressive function, speaker's emotions that intensifiers express and the uncertainty of real differences in the degree that intensifiers denote, in most cases result in syntactic ambiguity remaining unnoticed. When syntactic homonymy is removed at the semantic level, it does not considerably affect the understanding of the sentence and the text. The article gives examples of different types of syntactic homonymy in constructions with intensifiers, describes some conditions of homonymy occurrence and some conditions under which it does not occur.

Key words: syntactic homonymy, language ambiguity, intensifier, expressiveness, Fyodor Dostoevsky's letters, Fyodor Dostoevsky's syntax.

References

Apresyan Yu. D. *Izbrannye trudy, tom I. Leksicheskaya semantika*. [Selected Works, vol. 1. Lexical Semantics]. 2 ed. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1995. VIII p. 472 p.

Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytie. Fakt*. [Types of language meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 341 p.

Boguslavskii I. M., Iomdin L. L., Lazurskii A. V., Mityushkin L. G., Berdichevskii A. S. [Interactive Resolution of Various Ambiguity Types in Machine Translation]. *Trudy Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2005»* [Proceedings of the International Conference "Dialogue 2005"]. Available at: <https://www.dialog-21.ru/media/2376/iomdin-boguslavski-lazurski.pdf>. (accessed 25.04.2024). (In Russ.)

Dreizin F. A. [Syntax Homonymy: a problem definition]. *Mashinnyi perevod i prikladnaya lingvistika* [Machine translation and applied linguistics]. Vol. 9. Moscow, I MGPIIYa im. M. Toreza Publ., 1966, pp. 38–43. (In Russ.)

Gladkii A. V. *Sintaksicheskie struktury estestvennogo yazyka* [Syntactic structures of natural language]. 3 ed. Moscow, LENAND Publ., 2018. 152 p.

Ivanchikova E. A. [Dostoevsky's individual syntax]. *Slovo Dostoevskogo. 2000* [Dostoyevsky's word. 2000]. Yu. N. Karaulov, E. L. Ginzburg (Eds.). Moscow, Azbukovnik Publ., 2001, pp. 272–314. (In Russ.)

Kovács, Albert ["Form without form" and "lack of style" in Dostoevsky]. *II Mezhdunarodnyi simpozium «Russkaya slovesnost' v mirovom kul'turnom kontekste»: izbrannye doklady i tezisy* [II International Symposium "Russian literature in the world cultural context": selected papers and proceedings]. Under the general direction of I. L. Volgin. Moscow, Dostoevsky's Foundation Publ., 2008, pp. 151–153. (In Russ.)

Mel'chuk I. A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modelei «Smysl ⇔ Tekst». Semantika, Sintaksis* [Essay on the theory of linguistic models "Meaning ⇔ Text". Semantics, Syntax]. 2 ed. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. I–XXII. 346 p.

Mel'chuk I. A., Zholkovskii A. K. *Tolkovo-kombinatornyi slovar' russkogo yazyka: Opyty semantiko-sintaksicheskogo opisaniya russkoi leksiki* [Explanatory Combinatory Dictionary of Russian Language: Essays on semantic and syntactic description of Russian lexis]. 2 ed. Moscow, Global Kom; Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2016. 544 p.

Rozental' D. E., Dzhandzhakova E. V., Kabanova N. P. *Spravochnik po pravopisaniyu, proiznosheniyu, literaturnomu redaktirovaniyu* [Guidebook to spelling, pronunciation, literary editing]. Moscow, CheRo Publ., 1998. 400 p.

Sharapova E. V. [Anomalous combinability of intensifiers in Dostoevsky's individual style]. *Korpusnaya model' idiosilya Dostoevskogo* [Corpus linguistic model of Dostoevsky's individual style]. A. N. Baranov, D. O. Dobrovol'skii (Eds.). Moscow, LEKSRUS Publ., 2021. pp. 256–286. (In Russ.)

Vorotnikov Yu. L. *Kategoriya mery priznaka v smyslovom stroe russkogo yazyka* [The category of quality measure in the semantic structure of the Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2011. 303 p.

Zaliznyak Anna A. [The phenomenon of polysemy and ways of their description]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2004, no. 2, pp. 20–45. (In Russ.)

Л. Л. Шестакова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

lara.shestakova@mail.ru

СЛОВО УДАРЕНИЕ КАК ЕДИНИЦА ПОЭТИЧЕСКОГО ЛЕКСИКОНА

В статье анализируется слово *ударение* как одна из единиц поэтического лексикона, связанных с наукой о языке. Эта лексема малоупотребительна в русской поэзии, однако встречается на протяжении всей ее истории, у ряда авторов отмечается неоднократно, отражая в целом поэтическое осмысление самого феномена ударения. В стихотворных текстах слово ожидаемо появляется в связи с проблемой правильности / неправильности постановки ударения, что передается лексикой с позитивной и негативной семантикой, другими языковыми средствами. В то же время некоторая нестандартность в постановке ударений рассматривается поэтами не как недостаток, а как отличительная черта, характеризующая человека или группу людей по определенному признаку (например, географическому). В рассмотренных примерах ясно отражается авторская рефлексия над особенностями русского ударения. Из форм ее экспликации привлекают внимание внутритекстовые комментарии, поясняющие, с каким ударением следует произносить то или иное слово. В процессе анализа материала отмечаются примеры соположения слова *ударение* со словами своей тематической группы, его использования в составе тропов, в сильной позиции рифмы и др., демонстрирующие потенциал этого слова именно как единицы поэтического языка.

Ключевые слова: ударение, поэтический язык, лексикография, лингвистическая поэтика, Национальный корпус русского языка.

Особую часть русского поэтического лексикона составляют слова, соотносимые с наукой о языке, что отражает естественный интерес поэтов к тому, что связано со словом, с языковым творчеством, особенностями литературного труда. Наблюдения над лексикой такого рода, анализируемой нередко в составе филологической терминологии, содержатся в научных публикациях [Зубова 2000; Николина 2004; Черных 2005; Бельская 2009; Шестакова 2014; Воронова 2019 и др.]; см. также монографию [Фатеева 2017], в которой поэтическое творчество рассматривается как филологического дискурса, а поэты предстают и как создатели стихотворных текстов, и как исследователи языка.

В определенном объеме лингвистическая терминология представлена в словарях языка поэзии; см., к примеру, такие современные издания, как: «Словарь поэтического языка П. А. Вяземского» [Васильев, Жаткин 2015], «Словарь языка Арсения Тарковского» [Воронова 2004], «Словарь языка русской поэзии XX века» [СЯРП]. В последнем из названных словарей, описывающем язык десяти видных поэтов Серебряного века, фиксируются, например, такие единицы: *аорист, глагол и глагольный, глаголица, диалект, ер, залог, запятая, йота, кавычки, междометие, падеж, склонение, спряжение, суффикс, точка, ударение, флексия, фонетика, ср. также вопросительный знак, восклицательный знак*. Перечисленные слова обладают разной степенью терминологичности, некоторые описываются в толковых словарях без специальных помет, что указывает на их не узкоспециальный характер. Однако в поэтических текстах, т. е. за пределами основной сферы использования этих слов, их лингвистичность, по-особому осмысленная, эстетизированная, очевидна. Приведем несколько иллюстраций из разных словарных статей СЯРП (примеры даны по хронологии): *И заколдован был сей круг: / Свои словечки и привычки, / Над всем чужим — всегда **кавычки**, / И даже иногда — испуг;* (Блок, 1919); *Засох соловьиный дол / И гром журавлей, / А осень висит **запятой**,* (Хлебников, 1919-20-22); *Быть красивой и быть счастливой! / (А не плохой **глагол** — / Быть? Без всякого приставного — / Быть и **точка**. За ней простор.)* (Цветаева, 1925); *Все **наклоненья и залого** / Изжеваны до одного. / Хватить бы соды от изжоги! / Так вот итог твой, **мастерство**? (Пастернак, 1936); *Говоря по-вашему, / **рифма** — / **вексель**. Учешь через строчку! — / вот распоряжение. И ищешь / **мелочишку суффиксов и флексий** / в пустующей **кассе** / **склонений** / и **спряжений**.* (Маяковский, 1926).*

Состав рассматриваемых слов в СЯРП, как видно, весьма разнообразен¹, что же касается их частотности, то она, в основном, невелика² (мы сейчас не имеем в виду лексемы *слово, речь, язык*). В то же время появление таких единиц в поэтических текстах эпохи Серебряного века, и особенно в текстах более позднего времени заметно и значимо: нередко они маркируют темы языка / речи (в разных ее аспектах), поэтического творчества, становятся объектом оценки, выступают в составе тропов и т. д.

Интересный пример в этом смысле — слово *ударение*, обозначающее понятие из области фонетики (акцентологии). В контексте данного исследования его удобнее рассматривать в совокупности значений, зафиксированных в общеязыковом толковом словаре: ‘выделение слога в слове силой голоса или повышением тона, а также значок над буквой, указывающий на такое выделение; выделение слова в предложении силой голоса с целью подчеркнуть его логическую значимость’ [МАС]. Уже беглый просмотр материалов, почерпнутых нами из поэтического корпуса (далее — ПК) [НКРЯ], показывает, что в использовании этого слова

¹ Ср. «Список лексем, обозначающих языковые и стиховые явления...» в [Фатеева 2017: 322–326].

² Отметим, однако, что у поэтов, склонных к лингвоцентризму, количество употреблений таких слов может быть значительным.

поэтами так или иначе отражается специфика русского ударения — его свободный характер, изменчивость, вариативность, таящие в себе опасность допустить ошибку, поставить ударение неправильно.

Материал ПК НКРЯ подтверждает картину, отраженную в СЯРП, — слово *ударение* / *ударенье* входит в число малоупотребительных в поэзии единиц:

ударение — 24 примера (19 текстов), из которых практически все (за исключением двух диффузных примеров) представляют лингвистическое значение этого слова, *ударенье* — 28 примеров (27 текстов), из них 14 на лингвистическое значение и несколько диффузных.

При малой употребительности слово *ударение* встречается в русской поэзии на протяжении всей ее истории, у отдельных авторов отмечается неоднократно, разнообразно проявляет себя в поэтических текстах. Добавим к этому, что в поэзии само понятие ударения реализуется не только в виде его прямой номинации, но и с помощью однокоренных слов *ударный*, *безударный* (звук, слог).

Одной из самых частых ситуаций использования слова оказывается оценка правильности / неправильности постановки ударения. Проблема правильности разворачивается в разных аспектах: от школьных ученических страданий до негативной оценки тех лиц (в том числе пытающихся сочинять), которые не усвоили необходимых знаний, и наоборот. См. такие примеры:

*Где слышны верные в языке ударенья
В жилищах поселян, среди уединенья.
В окрестностях Москвы, и в рощах, и в полях,
В народных всех речах,
В их песнях, в шутках их, пословицах, в играх,
Блещут правильность и острота в словах,
[А. А. Палицын. Послание к Привете, или Воспоминание
о некоторых русских писателях моего времени (1807)]*

*Всё б ничего! но этот херувим
И виделся, и снился Коломбине!
Напрасно ей твердит несчастный карло,
Что арлекин — бездарный фат, хвастун,
Глуп — колоссально глуп!.. «Ты лишь послушай,
Как он поет! Где ставит ударенья?
О, ужас! на предложениях и союзах!
Не ясно ли, что у него нет сердца!
[А. Н. Майков. Пульчинелль (1871)]*

*Тот пучок стихотворений
Вам изволит предлагать, —
Сам не знает ударений,
А ударился писать.
[Н. А. Некрасов. <Из водевиля
<Утро в редакции> (1841)]*

Учен я плохо был
И как-то ударение
Не там постановил.
Отец мой плетъ ременную
Снял молча со стены
[И. С. Никитин. Исповедь (1861)]

Ударенья

Ясны и четки на тех же словах,
Что и тогда, в эту ночь увлеченья...
[К. К. Случевский. Мефистофель. 4. Шарманщик:
«Воздуху, воздуху! Я задыхаюсь...» (1881)]

Ему казалась личным оскорбленьем
Неправильная форма надежда,
Ему глагол с неверным удареньем
Из наших уст был как удар ножа.
<...>
Спряжение глаголов я постиг
С большим трудом; и вот я — в новом мире,
Где божество — директор в вицмундире.
[Д. С. Мережковский. Старинные октавы (1895–1899)]

Он любил играть на мандолине,
раз в неделю приходил к Галине,
пил чай и поедал варенья
и не к месту ставил ударенья.
[Ю. А. Карабчиевский. Еврейская идиллия:
«Мой приятель, Володарский Сема...» (1967)]³.

По приведенным иллюстрациям видно, что аспект правильности / неправильности постановки ударения выражен, в частности, оценочными прилагательными: **верные** в языке ударенья и глагол с неверным удареньем. При этом используются разные лингвопоэтические приемы заострения проблемы. В строках Д. Мережковского слово ударение используется в составе экспрессивного сравнения и соплагается (в том же аспекте) с другим языковедческим термином: *Ему казалась личным оскорбленьем Неправильная форма надежда, Ему глагол с неверным удареньем Из наших уст был как удар ножа*. С этими строками созвучны строки А. Майкова,

³ Ср. сходные примеры с использованием других лингвистических терминов:

Он меня, страдальцу, беспощадно мучит,
«Падежам», «склонениям» и «родам» всё учит.
[Л. Н. Трефолев. Латинская грамматика (1866–1889)]
За шалости карал и злобно издевался,
Когда я невзначай в спряжениях сбивался,
[Б. А. Садовской. Мои учителя (1942)].

в которых передана эмоциональная осудительная реакция персонажа на, условно говоря, нарушение «всех правил» постановки ударения: «*Ты лишь послушай, Как он поет! Где ставит ударенья? О, ужас! на предлогах и союзах!*». Ср. и не лишённые иронии стихи Некрасова: *Сам не знает ударений, А ударился писать*, построенные на сближении однокоренных, но по-разному стилистически окрашенных слов *ударение* и *удариться* (здесь: *разг.* ‘с увлечением предаться чему-л., начать усиленно заниматься чем-л.’).

Хотя «дидактическое» значение ударения (как и некоторых других лингвистических явлений) зримо присутствует в поэтических текстах, интересны случаи, когда некоторая нестандартность в постановке ударений рассматривается не как недостаток, а как показательная отличительная черта, характеризующая человека или группу людей по определенному признаку, например, географическому. Приведем строки Н. Асеева из стихотворения «Город Курск», в которых характеризуются особенности говора местных жителей, проявляющиеся, в том числе, в «неотчетливости» ударений. Обратим внимание на то, что эта характеристика тоже дается в контексте сравнения:

*Мягкий говор, глухое «ге»,
неотчетливые ударенья,
словно лебедь блуждает в пурге
и теряет свое оперенье.*
[Н. Н. Асеев. Город Курск (1930–1943)].

Ср. строки С. Липкина:

*Я жду, что поезд остановится
На том дворе, на той земле,
Где у окна росла шелковица.
Себя, быть может, обелю,
Когда я объясню старением,
Что это дерево люблю
Лишь с детским, южным ударением.*
[С. И. Липкин. Шелковица (1965)]⁴,

а также М. Светлова об ударении в английском языке:

*Но эту иллюзию секретарь
Развевал международным докладом.
Английской грамматики знал он закон:
Там все ударенья на первом слоге,
Но вместо «Лондон» произносил он «Лондон»,
И это звучало торжественно-строго.*
[М. А. Светлов. Из стихов о Лизе Чайкиной, 3 (1942)].

⁴ В современном орфоэпическом словаре [Каленчук, Касаткин, Касаткина 2012] как равноправные даются варианты *шелкови́ца* и *шелковѝца*.

В этих строках есть, как видно, неточности в формулировании закона «английской грамматики» в постановке ударения, однако поэту важно показать, как смещение ударения меняет звучание слова.

Ударение интересно еще и тем, что оно является элементом стихосложения, т. е. непосредственным образом связано с поэтическим текстом. Обращают на себя внимание стихотворные строки, в которых проявляется не только соотношенность слова *ударение / ударенье* в лингвистическом значении со стихосложением, но и связь с прямым значением слова: *ударенье = удар*. В приводимых ниже строках видна образная экспликация этой связи:

*Со мной такого лета не бывало.
— Да и не будет! — слышу уверенье.*

*И вздрагиваю: яблоко упало,
на «Не» — извне **поставив ударенье.***

[Б. А. Ахмадулина. Ночь упаданья яблок (1981)]

*Над толчеей твоих стихотворений
расставит дождик **знаки ударений,***

[А. В. Еременко. «О, Господи, води меня в кино...» (1982)]

*Пример: по науценью инсталляций
освободите, растолкайте стих.*

Ваш — словно спит в качалке устаревшей.

*Поверьте мне: Вам скоро надоест,
что, обогнув **ухабы ударений,***

во дни былые Вас влачит дормез.

[Б. А. Ахмадулина. Послание (1999)].

См. и фрагмент из стихотворения М. Айзенберга, в котором «обычное» словосочетание *правила ударения* использовано в контексте олицетворения:

Вдруг зеленеет зрение.

Вещи теряют вес.

Правила ударения

в дождь повторяет лес.

[М. Н. Айзенберг. «Вдруг зеленеет зрение...» (2015)].

Приведем более ранний пример с «дождевыми ударениями» из Мандельштама. Здесь в метафорической картине беды, утраты в единстве выступают *ударенья дождевые закипающей беды* (генитивная метафора) и *потери звуковые*; при этом слово *ударение* вступает в отношения созвучия с другими единицами текста (*труды — ударенья — руд...*):

Дрожжи мира дорогие:

Звуки, слезы и труды —

Ударенья дождевые

Закипающей беды

*И потери звуковые —
Из какой вернуть руды?
[О. Э. Мандельштам. «Дрожжи мира дорогие...»
(12.01.1937–18.01.1937)].*

Следует сказать, что выбранные поэтические фрагменты в большинстве своем отражают авторскую рефлексию над особенностями русского ударения: неуверенность в постановке ударения в том или ином слове, имени или, напротив, уточнение слова через конкретизацию ударения; анализ семантических преобразований, вызванных трансформацией звукового облика слова; преобразование стихотворного текста, его восприятия, обусловленное предпочтением того или иного произносительного варианта. Интересны также способы передачи ударения в тексте. Иногда автор использует собственно знак ударения, но в большинстве случаев читатель должен ориентироваться на стихотворный размер и / или рифму (см. выше: закон — Лондо́н, остано́вится — шелко́вица). Сказанное иллюстрируют строки Хлебникова с мотивом переноса ударения (в виде ручного действия) и как его результата — семантической и структурной трансформации слова:

*Я нахожу, что очаровательная погода,
И я прошу милую ручку
Изяцно переставить **ударение**,
Чтобы было так: смерть с кузовком идет по годá.
[В. В. Хлебников. Опыт жеманного: «Я нахожу,
что очаровательная погода...» (1909)].*

Ср. примеры из поэзии конца XX века:

*а из мха торчит бетонная плита
государства — царства вечная пята
глянет ворон в Зазеркалье ветхих вежд
что там? **радо́неж радбнеж радонéж?**
в героической кровавой полутьме
ударенья препинания одне
ах податься бы куда-нибудь домой
да сковал меня покров языковой
[А. Н. Миронов. «Шелушится тает черствая кора...» (1981)]⁵*

*И дети грудные кричат над рекою,
а вечером редкие блещут зарницы,
а мы все плывем, и не слышим ни **звука**, —
но в слове **мука** просыпается **мука**.*

⁵ «Действенным способом выразить значение неопределенности, — пишет Л. В. Зубова, — становится внесение в контекст вариантов слова. Наличие вариантов — проявление неупорядоченности нормы, поэтому варианты представляют собой резерв для моделирования поэтом хаоса» [Зубова 2000: 36]. По мнению исследователя, строки А. Миронова демонстрируют «ситуацию языкового беспорядка».

*Увы, не простой перенос ударенья
со смыслом играет опасные шутки,
мы всё объясняем дефектами зренья
и слуха. Плываем мы десятые сутки
по этой реке. Растираем коренья
в муку. И летящие дикие утки,
предчувствуя муку, рыдают протяжно,
и лебеди плачут. Но это не важно.*
[С. В. Кекова. Печальные октавы (1980–1999)].

Необходимость уточнить для читателя, как поэтический текст должен (или может) звучать с точки зрения автора, вынуждает его прибегать к разным способам. Выделяются случаи, когда авторская рефлексия в виде метаязыкового комментария отражается непосредственно в стихотворном тексте, ср.:

*До радостного утра иль утра
(здесь ударенье ставится двояко)
спокойно спи, родная конура, —
тебя прощает человек-собака.*
[Д. Г. Новиков. «До радостного
утра иль утра...» (1999)]

*Хлопчатое дерево
семейства бамбасовых.
Из его плодов получают малайцы
волокно под названием **капок**
с удареньем, которое падает
здесь на последний слог.*
[Ю. П. Мориц. Глазами кап-кап...:
«Хлопчатое дерево...» (2008)].

В строках Ю. Мориц едва ли знакомое читателям инокультурное слово актуализируется с помощью дополнительного комментария к постановке ударения, что позволяет сделать его более понятным; ср. далее в тексте сопоставление незнакомого слова с более привычными: *кап-кап* — *капок* — *копна* (с упоминанием других «словарных» единиц с начальным *кап-*):

*Глазами кап-кап в капок,
в теплоты его благодать,
в копну его тишины,
в хлопья словечка малайского, —
набрела на него нечаянно
в словаре, где подряд, на выбор:
капитуляция, капок, капонир?!*

Нельзя не отметить, что иногда поэты используют форму послетекстовых прозаических комментариев. Вот одно из стихотворений Н. Горбаневской:

*Донкихотская страна
не родная сторона,
хоть и не чужая.
Ходят волны-буруны
на четыре **стороны**,
подмывают валуны,
где гнездились **вороны**,
воронят рожая.*

*Кто на ослике верхом?
Кто поет петухом
в свете дня жестоком?
Веют ветры-тайфуны
на четыре **стороны**,
крошат в крошку валуны,
где сходились форумы
Запада с Востоком.*

[Н. Е. Горбаневская. Двойное восьмистишие:
«Донкихотская страна...» (2010)]

и идущий за ним авторский комментарий:

Слово «стороны» каждый читатель волен произносить с ударением на первом или последнем слоге (но тогда желательно оба раза одинаково).

При этом, добавим, форма *вороны*, для отграничения ее от *вороны*, дана с поставленным ударением⁶.

Слово *ударение* / *ударенье* в контексте авторской рефлексии встречается в поэтическом языке уже в XVIII в., хотя очевидно, что подобные случаи более характерны для современной поэзии. Существенно, что в произведениях последних

⁶ В лексикографическом плане подобные случаи вызывают дополнительные трудности, поскольку словарь поэтического языка включает контексты из стихотворных произведений, а комментарии таковыми не являются. Однако важную для автора информацию составители словаря, по возможности, сохраняют. Приведем фрагмент из статьи РЕКА в СЯРП, в которой приводится контекст из стихотворения М. Цветаевой «Помни закон...», а вслед за ним — авторский комментарий с уточнением составителей: [примеч. автора]:

РЕКА ... В мире, где реки вспять, **На берегу — реки**, В мнимую руку взять Мнимость другой руки... *Цв922 (II,125)*; **Ударяются и отрываются первый, четвертый и последний слоги: На — берегу — реки** [примеч. автора] *ib.*; ...

Обратим внимание на то, что здесь Цветаева использует глагол *ударяться* в значении, соотносимом с просторечным значением глагола *ударять* 'выделять ударением слово, звук' (см. статью УДАРИТЬ в МАС).

десятилетий на первый план выходит осмысление ударения как яркого хронологического маркера. Так, поэты отмечают большую гибкость, вариативность языка в его более раннем состоянии, что фиксируется именно в стихотворной речи, ср.:

*Язык, еще необработан,
Пленяет мощным разворотом
Звучаний, форм и ударений.
В нем высь державинских парений.
С державной лирою Державин
Еще стоит.
Но мы дерзаем
Усвоить речь Карамзина.
И пробует Жуковский лиру.
[Д. Самойлов. Конец XVIII (1980–1986)].*

Интерес представляет стихотворение А. Кушнера, построенное на обыгрывании акцентологических вариантов, ненормативных сейчас, но известных из классической литературы (что подчеркивается эпиграфом из Тютчева, прозрачной ссылкой к пушкинской строке *На холмах Грузии лежит ночная мгла* и др.):

«В лазурные глядятся озера...» Тютчев

*В лазурные глядятся озера́
Швейцарские вершины, — ударенье
Смещенное нам дорого, игра
Споткнувшегося слуха, упоенье
Внушает нам и то, что мгла лежит
На холмах дикой Грузии, холмится
Строка так чудно, Грузия простит,
С ума прыгнуть, так словно шевелится.
Пока еще язык не затвердел,
В нем резвятся, уча пенью и вздохам.
Резеда и жасмин... Я б не хотел
Исправить всё, что собрано по крохам
И ластится к душе, как облачко,
Из племени духов, — ее смутивший
Рассеется призра́к, — и так легко
Внимательной, обмолвку полюбившей!
[А. С. Кушнер. «В лазурные глядятся озера...»
(1980–1989)].*

Поэт противопоставляет прежнее состояние языка, когда он «еще не затвердел», и современное, в большей степени ориентированное на строгость литературной нормы (поэтому современный читатель как бы спотыкается на непривычных ударениях).

Похожим образом на авторском осмыслении исторической изменчивости ударений строится стихотворение поэта русского зарубежья Д. Кленовского:

*Пушкинская «музыка»,
Блоковское «плеча?» —
Нынче немного дико
Эти слова звучат!⁷
Прежде, в сердцебиеньи
Тех нараставших дней,
Жесткое ударенье
Было прочней, верней.
Лишь о «музыке» боя
Можно ведь говорить,
Если, «Полтаву» строя,
Пушкиным хочешь быть!
Лишь с «полковой музыкой»
Ларинский звонкий бал
Провинциальным ликом
Весь как живой предстал!
После была на смену
«Музыка» нам дана,
Нежная перемена!
Но навсегда ль она?
Может быть, в обновленье
Всяческой старины,
Новые ударенья
Наши сменить должны?
Надо поторопиться
Ею дышать, пока,
Щерясь, не превратится
«Музыка» в «музыка?»!
[Д. И. Кленовский. «Пушкинская
«музыка»...» (1971)].*

Показательно, что автор не только сопоставляет «старое» и «новое» ударение, но и пытается дать им оценку: с одной стороны, «жесткое» пушкинское ударение в слове *музы́ка* противопоставляется «нежному» современному варианту *му́зыка*; с другой стороны, «жесткий» вариант прошлого представляется автором как более предпочтительный, более правильный (*Было прочней, верней*). Неизбежное обновление *старины*, историческая изменчивость языка вызывает у поэта тревогу, поскольку означает неотвратимое изменение привычной нам современности, на

⁷ См. блоковские строки: *Вербы — это весенняя таль, / И чего-то нам светлого жаль, / Значит — теплится где-то свеча, / И молитва моя горяча, / И целую тебя я в плеча.*

смену которой может прийти всё что угодно (так, что *музыка*, угрожающе *щерясь*, превратится в *музыка́*).

Изучение русского ударения в его динамике (в частности с точки зрения сложных взаимоотношений узуса и литературной нормы) ведется давно и плодотворно, причем широко привлекается материал поэтического языка — см., например, [Панов 1990], из последних работ [Каленчук 2021; Каленчук, Савинов 2023; 2024].

Сделаем еще несколько добавлений к сказанному.

По примерам, приведенным в начале статьи и разобранным далее, видно, что лингвистические термины нередко сопоставляются в поэтических текстах со словами своей тематической группы. Что касается слова *ударение*, оно «сочетается» не только со словами *язык*, *речь*, *слово*, но и, очевидно, *звук*, *слог*, а также *глагол*, *спряжение*, *предлог*, *союз* и др. Контекстное сближение таких слов — это один из способов формирования образа языка как одного из ключевых образов русской поэзии.

Интерес представляет использование слова *ударение* в сильных текстовых позициях. Редкий пример вынесения слова в заглавие поэтического текста и повтора его в первой строке — стихотворение А. Галича «О пользе ударений»:

Ударение, ударение,

Будь для слова, как одобрение.

Будь рудою из слова добытой,

Чтоб свобода не стала Свободой.

[А. А. Галич. О пользе ударений (1968)].

Таким «говорящим» заглавием задается сама тема этого короткого произведения. Не углубляясь в его политический подтекст⁸, отметим, что ударение выступает здесь как «полезная» сущность, как нечто, способное сохранить слово в его фонетической первозданности, неизменности (ср. представление Галича о том, что бытие слова вечно). Обратим внимание на выразительность сравнений, используемых поэтом в прямом обращении к ударению (*будь как одобрение*, *будь рудою*), столкновение производных «вариантов» слова *свобода* — как нарицательного существительного и как реального имени собственного.

В другой сильной позиции — рифменной — слово *ударение* оказывается часто. Тут значима и сама постановка его в эту текстовую позицию, и то, с какими единицами оно рифмуется. Надо сказать, что круг этих лексических единиц разнообразен, отражает выявленные нами аспекты функционирования слова *ударение* в поэзии. Назовем ожидаемую, повторяющуюся рифменную пару *стихотворений* — *ударений*, такие пары, как *старением* — *ударением* и *обновленье* — *ударенья*, примеры, включающие абстрактную лексику с высокой окраской: *ударенье* — *упоенье*, *ударений* — *парений*, ср. рифменную пару с «бытовой» окраской: *варенья* — *ударенья*. Примечательно, что, и не оказываясь в позиции рифмы, слово встраивается

⁸ Стихотворение написано в связи с событиями 1968 г. в Чехословакии. Людвиг Свобода — президент Чехословакии в 1968–1975 гг.

в звуковую структуру текста — связанного, например, с темой стихосложения: *Ни ударения прямого нет в словах, / Ни сопряжения малейшего в речах* (Сумароков, 1747); *То вдруг в начале стиха пропадет ударенье куда-то* (Верховский, 1910–1919). Ср. строки, включающие однокоренные с ударением единицы (слово ударный выступает здесь в разных значениях): *Духовые, ударные / в плане вечного сна. / О мои безударные / «о», ударные «а»* (Рыжий, 1997).

Не претендуя на полноту проведенного анализа, отметим следующее. Стихотворные употребления слова *ударение* демонстрируют его немалый лингвопоэтический потенциал, актуализируемый при осмыслении поэтами самого феномена ударения. Особо необходимо выделить случаи, когда поэтический текст отражает авторскую рефлексивность над особенностями русского ударения. Именно такие случаи достойны более детального анализа.

Литература

Бельская Л. Л. Поэтическая лингвистика в стихах русских поэтов XX века // Русская речь. 2009. № 4. С. 42–49.

Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. Словарь поэтического языка П. А. Вяземского (с приложением малоизвестных и непубликовавшихся его стихотворений). М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 424 с.

Воронова Т. А. Словарь лирики Арсения Тарковского. Вып. I–. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2004–.

Воронова Т. А. Научные термины в поэтическом лексиконе Арсения Тарковского // Неофилология. 2019. Т. 17, № 5. С. 72–79.

Зубова Л. В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 431 с.

Каленчук М. Л. Узуальные и кодифицированные произносительные нормы // Норма произношения в узусе и кодификации. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2021. С. 4–26.

Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 1008 с.

Каленчук М. Л., Савинов Д. М. О создании нового академического акцентологического словаря русского языка // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2023. № 4. С. 257–272.

Каленчук М. Л., Савинов Д. М. Проблемы и перспективы учебной лексикографии: новый школьный словарь русского произношения // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 1. С. 67–77.

МАС — Словарь русского языка. Т. 1–4 / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981–1984.

Николина Н. А. Грамматические термины в русской поэзии // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 63–79.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 19.04.2024).

Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М.: Наука, 1990. 453 с.

СЯРП — Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–IX– / Григорьев В. П. (отв. ред.), Шестакова Л. Л. (отв. ред.), Колодяжная Л. И. (ред.), Кулева А. С. (ред.), Бакеркина В. В., Гик А. В., Реутт Т. Е., Фатеева Н. А. М.: Языки славянской культуры, 2001–2022–.

Фатеева Н. А. Поэзия как филологический курс. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. 360 с.

Черных Н. Д. Лексическая структура поэтического языка литераторов Серебряного века: опыт сопоставления: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2005. 22 с.

Шестакова Л. Л. Из опыта анализа терминов в текстах поэтов Серебряного века (по материалам сводного словаря поэтического языка) // Мат-лы междунар. симпозиума «Терминология и знание» (Москва, 6–8 июня 2014 г.). М.: Вест-Консалтинг, 2014. С. 201–210.

L. L. Shestakova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Science

(Russia, Moscow)

lara.shestakova@mail.ru

THE WORD *STRESS* AS A UNIT OF POETIC LEXICON

The article analyzes the word *stress* (udarenie) — one of the units of the poetic lexicon associated with the science of language on the corpus material. This lexeme is not widely used in Russian poetry, however, it is found throughout its history, it is noted repeatedly by a number of authors, and reflects the poetic understanding of “stress” itself. In poetic texts, the word appears in connection with the problem of the correctness / incorrectness of the stress statement, which is conveyed by lexemes with positive and negative semantics, and other linguistic tools. At the same time, some non-standardness of stress is considered by poets not as a disadvantage, but as a distinctive sign that characterizes a person or a group of people based on a certain feature (for example, on geographical one). The examples considered clearly demonstrate the author’s reflection on the peculiarities of Russian accent, which is demonstrated by intra-text comments that explain with what stress a particular word should be pronounced attract attention. The article includes examples of the juxtaposition of the word *stress* with the words of its thematic group, its use as part of tropes, in a strong position of rhyme, etc., demonstrating the potential of this word as a unit of poetic language, are noted.

Key words: stress, poetic language, lexicography, linguistic poetics, Russian National Corpus.

References

- Bel'skaya L. L. [Poetic linguistics in the verses of Russian poets of the XX century]. *Russkaya rech'*, 2009, no. 4, pp. 42–49. (In Russ.)
- Chernykh N. D. *Leksicheskaya struktura poeticheskogo yazyka literatorov Serebryanogo veka: opyt sopostavleniya* [Lexical structure of poetic language of writers of the Silver age: Experience of comparison. Abstract kand. philol. sci. diss.]. Samara, 2005. 22 p.
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [The Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1–4. Moscow, 1981–1984.
- Fateeva N. A. *Poeziya kak filologicheskii diskurs* [Poetry as a philological discourse]. Moscow, 2017. 360 p.
- Kalenchuk M. L. [Pronunciation rules in usus and codification]. *Norma proiznosheniya v uzuse i kodifikatsii*. Ed. by M. L. Kalenchuk, D. M. Savinov. Moscow, Vinogradov Russian Language Institute (RAS) Publ., 2021, pp. 4–26. (In Russ.)
- Kalenchuk M. L., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F. *Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ee varianty* [The comprehensive pronouncing dictionary of the Russian language. Standard pronunciation and stress in the early 21st century. Standard and its variants]. Moscow, AST-PRESS KNIGA, 2012. 1008 p.
- Kalenchuk M. L., Savinov D. M. [Problems and prospects of educational lexicography: a new school dictionary of Russian pronunciation]. *Russian language at school*, 2024, no. 1 (85), pp. 67–77. (In Russ.)
- Kalenchuk M. L., Savinov D. M. [The creation of a new academic accentological dictionary of the Russian language]. *Proc. of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2023, no. 4, pp. 257–272. (In Russ.)
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- Nikolina N. A. [Grammatical terms in Russian poetry]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2004, no. 1 (7), pp. 63–79. (In Russ.)
- Panov M. V. *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vv.* [The history of Russian literary pronunciation of the XVIII–XX centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 453 p.
- Shestakova L. L. [From the experience of analyzing terms in the texts of poets of the Silver age (based on the materials of the consolidated dictionary of the poetic language)]. *Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma "Terminologiya i znanie"* (Moskva, 6–8 iyunya 2014 g.). [Proc. of the International Symposium "Terminology and Knowledge"]. Moscow, 2014, pp. 201–210. (In Russ.)
- Slovar' yazyka russkoi poezii 20 veka* [Dictionary of the language of Russian poetry (20th century)]. Grigor'ev V. P., Shestakova L. L., Kolodyazhnaya L. I., Kuleva A. S., Bakerkina V. V., Gik A. V., Reutt T. E., Fateeva N. A. (eds.). Vol. 1–9–. Moscow, Yazyki Slavianskoi Kul'tury Publ., 2001–2022–.

Vasiliev N. L., Zhatkin D. N. *Slovar' poeticheskogo yazyka P. A. Vyazemskogo (s prilozheniem maloizvestnykh i nepublikovavshikhsya ego stikhotvorenii)* [Dictionary of the poetic language of P. A. Vyazemsky (with annex of his little-known and unpublished poems)]. Moscow, FLINTA, Nauka Publ., 2015. 424 p.

Voronova T. A. [Scientific terms in Arseny Tarkovsky's poetic lexicon]. *Neofilologiya* — *Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 17, pp. 72–79. (In Russ.)

Voronova T. A. *Slovar' liriki Arseniya Tarkovskogo* [Dictionary of the language of A. Tarkovsky]. Vol. I. Voronezh, Voronezh State Univ. Publ., 2004–.

Zubova L. V. *Sovremennaya russkaya poeziya v kontekste istorii yazyka* [Russian modern poetry from a linguistic perspective]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2000. 431 p.

А. Д. Шмелев

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

shmelev.alexei@gmail.com

ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ И ОРФОЭПИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

В статье рассматривается влияние нормативных оценок произносительных вариантов на орфографическую кодификацию. Исходное положение заключается в том, что правила орфографии должны быть ориентированы на нормативное использование языка и не должны учитывать отклонений от нормы, встречающихся в речи. Рассматриваются случаи, когда вариативности нормативного произношения соответствует возможность вариативного написания, и случаи, когда для всех произносительных вариантов предусматривается единое написание. Учитываются также случаи, когда возможная вариативность написания не влияет на произношение (слитное, раздельное и дефисное написание, использование прописных букв). Описывается несимметричность произносительного и орфографического варьирования. Основное внимание уделено случаям, когда имеет место постоянный орфографический облик словоформы, а в произношении наблюдается варьирование. Ставится вопрос относительно роли произносительных вариантов, оцениваемых как допустимые, в формулировке орфографических правил. Выявляются лакуны в существующих справочниках по орфографии, а также встречающиеся в них неудачные и вводящие в заблуждение формулировки. Отдельно обсуждаются случаи, когда нормативное произношение (или один из вариантов нормативного произношения словоформы) не соответствует ее письменному облику, прочитанному по правилам русской графики.

Ключевые слова: языковая норма, кодификация, орфоэпия, орфография, вариативность.

Еще раз о предмете орфоэпии и орфографии

В статье [Каленчук 2020] дается такое определение предмета орфоэпии: «...орфоэпия занимается случаями, когда одному и тому же написанию может соответствовать разное произношение при условии тождества фонетических позиций». Ясно и четко сформулировано положение, согласно которому орфоэпия изучает случаи

потенциальной вариативности произношения при фиксированном написании, т. е. потенциальную вариативность прочтения одного и того же написания. Из этой формулировки видна взаимосвязь принятого написания словоформы и орфоэпических норм ее прочтения.

Оговорка «при условии тождества фонетических позиций» не случайна. По-видимому, она направлена на то, чтобы абстрагироваться от случаев, когда вариативность произношения словоформы определяется фонетической позицией. То, что в словоформе *поспать* в сочетании *поспать бы* на конце произносится звук [д'], не относится к ведению орфоэпии: он полностью определяется фонетической позицией (перед звонким шумным согласным). Кажется, впрочем, что можно было ограничиться указанием на то, что орфоэпия рассматривает произношение словоформ в отвлечении от потока речи, — мы абстрагировались бы от фонетических позиций, но существо дела осталось бы тем же.

Итак, орфоэпия дает нормативную оценку реальной или потенциальной вариативности прочтения словоформ, представленных в их письменной записи. Именно такое понимание более всего соответствует практике орфоэпической кодификации. Так, в орфоэпической кодификации важное место занимает указание на нормативное место ударения (например, в таких словоформах, как *варит*, *дарит*, *включит*, *звонит*) или на выбор между произношением [о] или [э] в ударном слоге (например, в таких словах, как *желчь*). Это обусловлено тем, что русское письмо в общем случае не предполагает постановку знака ударения или точек на ё (за исключением специальных изданий).

Орфоэпическая нормативная оценка чрезвычайно важна для орфографии. Дело в том, что правила орфографии ориентированы на нормативное использование языка. Не случайно в правилах орфографии никогда не предполагается «проверить» написание гласной в слове *пальто* просторечной формой множественного числа *пальта*.

Вариативность в орфоэпии и орфографии

Прежде чем далее иллюстрировать это положение, стоит вспомнить о произносительной и орфографической вариативности. Случаи, когда орфографическая вариативность в точности соответствует произносительной (*калоша* и *галоша*), не представляют проблемы ни для орфоэпии, ни для орфографии. Однако совсем не редки случаи несимметричности произносительного и орфографического варьирования. Некоторые примеры такой несимметричности были приведены в моей статье [Шмелев 2021].

Скажем, последний слог (или два последних слога) в слове *материал*, в соответствии с [Каленчук и др.], может произноситься по-разному: «...мате[r'já]л и допуст. мате[r'ea]л и мате[r'ia]л, в беглой речи возможно мате[r'á]л». Имеет место и орфографическое варьирование: согласно РОС, написание этого слова — «материáл, -а и (при передаче произношения, в поэзии) матерья́л, -а». Может показаться, что здесь имеет место такое же соответствие произносительной и орфографической

вариативности, как и в случае слов *калоша* и *галоша*: произношению *мате*[р'и́а]л соответствует написание *материал*, а произношению *мате*[р'я́]л — написание *матерьял*. Однако здесь ситуация несколько иная: немаркированными можно считать произношение *мате*[р'я́]л и написание *материал* (это, собственно, и видно из приведенных словарных статей). Если кто-то делает научный доклад, то, говоря о материале исследования, докладчик, скорее всего, использует произношение *мате*[р'я́]л, но в письменном тексте доклада будет написание *материал*.

Совершенно обычной оказывается ситуация, когда при одном и том же произношении имеет место вариативная орфография. Часто это связано с системными особенностями русской графики, например с факультативностью точек над буквой *ё*. Словоформа, которая читается как [шол], может записываться как *шел* или как *шёл*. Кроме того, есть целый ряд разделов орфографии, когда выбор «правильного» написания вообще не зависит от произношения. Сюда относятся, например, правила употребления прописных букв и правила слитного, раздельного и дефисного написания словоформ. Так, в церковно-религиозных и религиозно-философских текстах личные и притяжательные местоимения, относящиеся к Богу и Божией Матери, принято писать с прописной буквы, но в текстах на бытовую тему они могут писаться как с прописной, так и со строчной буквы. На произношение это не влияет. Возможно написание *Нестор Летописец* (если *Летописец* понимается как устойчивое прозвище святого) и *Нестор-летописец* (если *летописец* используется как приложение; тогда это эквивалентно обозначению *летописец Нестор*). Произношение при обоих написаниях одно и то же.

Нам здесь интересней «обратная» ситуация, когда орфографический облик словоформы постоянен, а в произношении наблюдается варьирование. Нормативная оценка произносительных вариантов в этом случае может играть ключевую роль в формулировке орфографического правила.

Нормативная орфоэпическая оценка произносительных вариантов и орфография

В течение долгого времени в правиле о написании корня *раст*—*рос* среди исключений не упоминалось слово *подростковый*. Это было связано с тем, что единственно нормативным в этом слове признавалось ударение на втором слоге, так что выбор гласной буквы в корне не вызывал затруднений. Но постепенно ударение на третьем слоге становилось все более распространенным и стало признаваться допустимым или даже предпочтительным. Тем самым отсутствие этого слова в списке исключений стало восприниматься как лакуна, и не случайно в ПАС оно уже фигурирует в тексте соответствующего правила (как одно из исключений). Мы видим, что нормативная орфоэпическая оценка непосредственно влияет на формулировку правила.

Такие случаи вовсе не редки. Когда-то в слове *незлобивый* единственно нормативным было ударение на втором слоге (все помнят начало одного из стихотворений Некрасова *Блажен незлобивый поэт*), затем оно стало вытесняться ударением

на третьем слоге. В «Грамматическом словаре» Зализняка оба ударения приведены как равноправные [Зализняк 2008]. А вот в [Каленчук и др.] сказано: «**НЕЗЛОБЬВЫЙ** (! *неправ.* незлоб^обивый)». В зависимости от того, как оценивается ударение на втором слоге (как нормативное в соответствии со словарем [Зализняк 2008] или как неправильное в соответствии со словарем [Каленчук и др.]), может изменяться формулировка правила о написании гласных в суффиксах прилагательных. Так, в одной книге, посвященной «аспектному» описанию русской орфографии, говорится: «Суффиксы *-ав-*, *-ив-* всегда имеют на себе ударение» — и среди примеров указано и слово *незлюбивый* [Бешенкова, Иванова 2018: 248]. В соответствии с этим представлением сформулировано правило, согласно которому без ударения могут писаться только суффиксы *-ов-* и *-ев-*, и приведено два исключения: *мило-стивый* и *юродивый*. Но если принять нормативную оценку Зализняка, к числу исключений надо будет добавить и слово *незлюбивый* в одном из произносительных вариантов.

Некоторые случаи такого рода касаются не изолированных примеров, а вполне регулярных явлений. Так, в русском языке в позиции после шумного согласного перед конечными сонорными [л], [л'], [м], [м'], [н], [н'], [р], [р'] (а также перед этими же звуками, если непосредственно за ними следует согласный) может произноситься гласный призвук [э]¹. В словаре [Каленчук и др.] регулярно отмечается возможность такого произнесения, причем оно практически всегда признается допустимым (например, для таких слов, как *цикл*, *артикуль*, *реализм*, *психиатр*, *вихрь*). Возможность такого произнесения очевидна в поэтических текстах, когда видно, что мы имеем дело с самостоятельным слогом. В стихотворении Самуила Маршака *Мистер Твистер, бывший министр* очевидно одинаковое произношение финалей словоформ *Мистер*, *Твистер* и *министр*. У Маяковского рифмуются слова *низом* и *социализм*. В известной строфе Алексея Толстого очевидно, что *джентльмен* произносится в три слога, а *Александр* — в четыре:

Царь Александр Первый
Настал ему взамен,
В нем слабы были нервы,
Но был он джентльмен.

Но тогда возникает орфографическая проблема: как отличить такие слова от слов, в которых соответствующий звук обязателен и обозначается на письме гласной буквой? Иными словами, если носитель литературного языка произносит последний слог в словах *бинокль*, *монокль* и *цоколь* как [кэл'], то есть ли правило, следуя которому он может установить, что в слове *цоколь* перед сочетанием *ль* следует писать букву *о*, а в словах *бинокль*, *монокль* — не следует?

¹ Особенно часто такое произношение встречается, когда перед [л], [л'], [м], [м'], [н], [н'], [р], [р'] или после них имеется не одиночный согласный, а группа согласных, т. е. в таких словах, как *джентльмен* или *декабрьский*.

В большинстве орфографических справочников эта проблема игнорируется. Лишь для каких-то специальных случаев иногда делается попытка отразить эту проблему в орфографическом правиле. Так, Е. В. Бешенкова и О. Е. Иванова сформулировали такое правило для слов на *-тор/-тер/-тр*: «**В существительных на *тор/-тер/-тр*, имеющих перед *t* ударную гласную *a(я)*, пишется *тор* (активатор, культиватор, трансформатор, табулятор), в остальных случаях написание определяется по словарю...** Исключение - под правило. В словах с ударной гласной перед *t*, обозначающих специальность врача, пишется *тр...*» [Бешенкова, Иванова 2018: 247]. Разумеется, хорошо, что эта орфографическая проблема попала в поле зрения кодификаторов. Но, к сожалению, выбранные ими критерии проблему никак не решают. С одной стороны, есть слова, в которых после ударного гласного [а] пишется *тр*, и это вовсе не специальности врача, напр. *театр* (и производные *амфитеатр*, *кинотеатр*, *радиотеатр*). С другой стороны, есть по меньшей мере одна специальность врача, в названии которой пишется *-атор*, а не *-атр*, именно — *реаниматор*. Можно было бы добавить еще и слово *ординатор*: в строгом смысле слова это не обозначение специальности врача, но примыкает к таким словам.

Но другие финалы такого типа вообще проходят мимо внимания специалистов по орфографии. В словах *мюзикл*, *цикл*, *мотоцикл* по данным словаря [Каленчук и др.] допустимо произношение финалы как [кэл]. Точно так же произносится финаль в слове *сокол*. Однако правила орфографии нам ничего об этом не говорят, даже не отсылают к словарю. Между тем орфографическую проблему здесь нельзя считать надуманной. Написание *вихорь* не предусмотрено РОС (там только *вихрь*), но отражено в «Грамматическом словаре» [Зализняк 2008] (с пометой «см. вихрь») и в текстах встречается довольно часто (нередко с явной или скрытой отсылкой к Пушкину). В текстах также иногда встречается написание *мюзикал* (или даже *мьюзикал*), в котором можно видеть попытку отразить не только произношение [кэл], но и написание в языке-источнике. У Солженицына в Нобелевской лекции сказано: «...где катятся у одних неотирные слёзы, там другие приплясывают беспечному мьюзикалу». Мы видим, что, очевидно, произношение [кэл] может сохраняться и в косвенном падеже, перед гласным окончанием.

Представляется, что эта орфографическая проблема должна быть отражена в правилах орфографии, хотя бы в виде эксплицитной отсылки к орфографическому словарю, подобной той, которую Е. В. Бешенкова и О. Е. Иванова сделали относительно слов с финалью *-тор/-тер/-тр*, перед которой нет ударной гласной *a(я)*: «...**написание определяется по словарю** (*адаптер*, *компьютер*, *магистр*, *министр*, *ротмистр*, *секвестр*, *форватер*, *форейтор*)» [Бешенкова, Иванова 2018: 247]. Можно было бы попытаться пойти дальше, выявить определенные закономерности и сформулировать соответствующее правило. Так, если ограничиться финалями, то можно было бы заметить, что если при склонении звук [э] сохраняется, когда следующий согласный звук находится перед гласным окончанием, то он должен обозначаться гласной буквой. Обратное, вообще говоря, неверно: в некоторых

словах звук [э] может исчезать, когда за последующим согласным следует гласное окончание, но в тех случаях, когда он произносится, пишется гласная буква (*уголь* — *угля*, *свекор* — *свекра*²). Но независимо от указанной односторонности такое «правило» на практике мало что давало бы. Если человек не знает, как пишется слово *педиатр* и полагает, что в нем перед буквой *р* должна стоять буква *о*, то вполне вероятно, что в косвенных падежах он сохраняет звук [э] перед [р] (а констатация, что такое образование форм относится к просторечию и потому не должно учитываться орфографией, формально верно, но практически бесполезно). Кроме того, такое «правило» касалось бы только финалей и ничего не давало бы в отношении производных слов, написание которых может не соответствовать написанию производящих (от существительных *магистр* и *ротмистр*, пишущихся без гласной буквы перед буквой *р*, образуются прилагательные *магистерский* и *ротмистрский*).

Трудные случаи: несоответствие нормативного произношения правилам графики

Особое место в соотношении орфоэпических и орфографических нормативных оценок занимают случаи, когда нормативное произношение (или одно из возможных нормативных произношений) словоформы не соответствует ее прочтению по правилам графики. Некоторые такие случаи с давних пор отмечаются в справочниках по орфографии, например обозначение посредством буквы *г* звука [в] в окончаниях *-ого*, *-его*, а также в слове *сегодня* (и *сегодняшний*) и в слове *итого*. Другим уделяется внимание в орфоэпических словарях и справочниках, но в правилах орфографии они не всегда упоминаются. Так, для прилагательных с основой на *г*, *к*, *х* (например, *упругий*, *дикий*, *тихий*) в форме именительного падежа единственного числа мужского рода возможно двоякое произношение конечного согласного основы: с мягким согласным и с твердым согласным (это последнее в словаре [Каленчук и др.] регулярно получает помету *допуст. устарелое*). Требование полноты орфографических правил предполагает, что в них необходимо эксплицитно указать, что после букв *г*, *к*, *х* в окончаниях прилагательных в соответствующей форме пишется *-ий*, даже если согласный звук [г], [к], [х] произносится твердо. Аналогичное указание требуется в отношении глаголов, в которых после букв *г*, *к*, *х* пишется суффикс *-ива-* (например, *подпрыгивать*, *выскакивать*, *размахивать*), но в этом случае формулировка должна быть особенно

² Кстати, показательно, что в Основном корпусе НКРЯ обнаружилось 26 примеров написания *свекр*, в том числе в текстах, написанных филологами и, вероятно, прошедших корректуру. Это дополнительное свидетельство в пользу того, что орфографическая трудность в таких словах реальна. Можно упомянуть забавный пример из НКРЯ, когда в пределах одного абзаца написание *свекр* соседствует с нормативным написанием *свекор*: «Король-свекр и нога из Фармазони... Она все поняла и принялась за уборку на лестнице, стараясь не звякнуть ведром и не оглядываться. Собственной персоной появился здесь Алкид Второй, ее *свекор*, Его Величество» [Георгий Полонский. Медовый месяц Золушки (1986) // «Театр», 1988].

аккуратной, поскольку важно отличить суффикс *-ива-* от суффикса *-ова-* (в таких глаголах, как *брезговать*). Относительно глагольного возвратного постфикса *-ся, -сь* необходимо указать, что в нем нет вариативности написания, хотя орфоэпическая норма вариативна.

Однако особую проблему, которая, как кажется, еще не осознана в полной мере специалистами по орфографии, составляет ряд изолированных случаев. Так, относительно слова *брандспойт* в словаре [Каленчук и др.] сказано: «...**бра[нзб]ойт** (! *не рек.* бра[нсп]ойт)». Ясно, что такое соотношение написания и произношения не соответствует правилам русской графики, и это несоответствие чревато отклонениями от орфографической нормы в практике письма (ср. [Шмелев 2021: 11–12]). В настоящее время в НКРЯ в основном корпусе обнаруживается девять примеров написания *брансбойт*, а в газетном корпусе — 13 примеров.

В некоторых случаях орфографическая кодификация не вполне очевидна. Относительно слова *противень* в [Каленчук и др.] сказано: «*Письм. форма к прóтивень*»; там же содержится отдельная статья *протвень*, в которой сказано: «*Устная форма к прóтивень*». По-видимому, естественно интерпретировать эти формулировки как указание на то, что основным написанием следует считать написание *прóтивень*, но и написание *протвень* возможно как средство отражения произношения (подобно написаниям *матерьял, тыща*; впрочем, в отличие от них написание *протвень* не включено в РОС).

Не вполне ясно, как интерпретировать следующую словарную статью в [Каленчук и др.]: «**ДУРШЛА́Г**, дуршлáга, *мн.* дуршлáги, дуршлáгам *и допуст.* **ДРУШЛА́К**, друшлака́, *мн.* друшлаки́, друшлака́м» (отдельной статьи *друшлак* в словаре нет, и в РОС такое написание не предусмотрено). Понятно, что в фокусе внимания в словаре нормативное произношение, а не написание, но все же интересно было бы знать, считают ли авторы словаря нормативным написание *друшлак* или только допускают соответствующее произношение.

Сходная проблема возникает со словом *офсайд* ‘положение вне игры (в футболе)’. В [Каленчук и др.] такой словарной статьи нет. Если же обратиться к узусу, то можно заметить, что в произношении футбольных болельщиков (было?) распространено произношение с глухим согласным на конце основы даже перед гласным окончанием (*в офса́й[т’]е*). Следует ли считать такое произношение допустимым? Если да, то следует ли допустить и написание *в офсайте* наряду с нормативным написанием *в офсайде*?

Во всех случаях такого рода орфографическая кодификация непосредственно зависит от нормативной орфоэпической оценки.

Заключительное замечание

Итак, мы видим, что на нюансы орфографической кодификации часто может влиять нормативная оценка произносительных вариантов. Поэтому работа кодификаторов в области орфографии только выиграла бы, если бы они уделяли несколько большее внимание орфоэпической проблематике.

Литература

Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Аспектное описание русской орфографии. Очерки теории. Правила. Словарь. М.: ЛЕКСПУС, 2018. 567 с.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. 800 с.

Каленчук М. Л. Орфоэпия и письмо // Русская речь, 2020, № 5. С. 48–54.

Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-orfoepicheskij-slovar-russkogo-yazyka> (дата обращения: 09.02.2025).

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 09.02.2025).

ПАС — Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2007. 480 с.

РОС — Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / Под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. М., 2018. 896 с.

Шмелев А. Д. Допустимая вариативность орфографии или распространенная ошибка? // Русский язык в научном освещении, 2021, № 1 (41). С. 9–30.

A. D. Shmelev

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

shmelev.alexei@gmail.com

ORTHOGRAPHIC AND ORTHOEPIC VARIATION: SIMILARITIES AND DIFFERENCES

This paper deals with the influence of normative assessments of phonetic variation on orthographic codification. The starting point for the discussion is the principle stating that the spelling rules should be oriented towards the standard use of language and should not take into account deviations from the standard. The paper examines situations when the variation of pronunciation corresponds to the variation of spelling as well as situations when a single spelling is provided for all phonetic variants. It also takes into account situations when a possible variation of spelling does not affect pronunciation (words written together or apart or with a hyphen, or the use of capital letters). The article accounts for the asymmetry of pronunciation and orthographic variation. It makes special reference to situations when a constant spelling of a word corresponds to a variable pronunciation. The paper discusses the role of phonetic variation in the formulation of spelling rules, identifies the lacunae in reference books on the Russian orthography as well as the unfortunate and misleading statements in them. A separate discussion is devoted to the situations when the standard pronunciation

(or one of the alternative standard pronunciations) of a word does not correspond to its written appearance.

Key words: linguistic standards, codification, orthoepy, orthography, variation.

References

Beshenkova E. V., Ivanova O. E. *Aspektnoe opisanie russkoi orfografii. Ocherki teorii. Pravila. Slovar'* [Aspect description of the Russian orthography. Essays on the theory. Rules. Dictionary]. Moscow, "LEKSRUS" Publ., 2018. 567 p.

Kalenchuk M. L. [Orthoepy and writing]. *Russkaya rech'*, 2020, no. 5, pp. 48–54. (In Russ.)

Kalenchuk M. L., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F. *Bol'shoi orfoepicheski slovar' russkogo yazyka* [Large orthoepic dictionary of Russian]. Available at: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-orfoepicheskij-slovar-russkogo-yazyka> (accessed 09.02.2025).

Lopatin V. V. (ed.). *Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik* [Rules of Russian spelling and punctuation: Complete academic reference book]. Moscow, "Eksmo" Publ., 2007. 480 p.

Lopatin V. V., Ivanova O. E. (eds.). *Russkii orfograficheskii slovar'* [Russian spelling dictionary]. Moscow, AST-PRESS SHKOLA Publ., 2018. 896 p.

Russian National Corpus. Available at: <https://ruscorpora.ru/> (accessed 30.04.2024).

Shmelev A. D. [Variation in Russian orthography or common mistakes?]. *Russian Language and Linguistic Theory*, 2021, no. 1, pp. 9–30. (In Russ.)

Zaliznyak A. A. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka. Slovoizmenenie* [Grammatical dictionary of Russian: Inflection]. Moscow, "AST-PRESS KNIGA" Publ., 2008. 800 p. (In Russ.)

М. В. Шульга

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
shoulga@mail.ru*

ПЕРЕХОД [Е] В [О] В РЯДУ ДРУГИХ СИСТЕМНЫХ ЯВЛЕНИЙ

В статье обсуждаются противоречия фонетических концепций перехода [е] в [о] в древнерусском языке — концепции лабиализации гласного [е] под влиянием следующего лабиализованного согласного и интерпретации перехода [е] в [о] как явления межслового сингармонизма гласных. Излагаются возможности фонологического объяснения перехода [е] в [о], которое вытекает из логики исторического развития фонологической системы русского языка. Переход [е] в [о] рассматривается в ряду изменений системного характера — ослабления системы вокализма и усложнения системы консонантизма, утраты дифференциального признака ряда у гласных фонем, формирования категории твердости / мягкости у согласных, освобождения согласных от позиционной мягкости перед гласными переднего ряда. Утверждается, что суть перехода [е] в [о] состоит в обобщении основного варианта фонемы <о> (варианта [о]) и в устранении позиционного варианта фонемы <о> (варианта [е]).

С изложенных позиций следует, что замена [е] на [о] осуществлялась независимо от положения в слове, то есть перед твердым согласным в открытом и закрытом слоге и в конце слова. В положении перед мягким согласным результаты перехода [е] в [о] не наблюдаются, потому что в этой позиции звук [е] приобретал верхнесредний подъем и совпадал со звуком [ё]. Автор поддерживает вывод И. Г. Добродомова о переходе [е] перед мягкими согласными в [ё] не только на фонетическом уровне, но и на фонемном уровне, то есть о частичной конвергенции фонемы <е> с фонемой <ё>, а также вывод об утрате фонемы <е> в древнерусском языке в результате перехода [е] в [о].

Ключевые слова: переход [е] в [о], лабиализация гласного [е], межслоговой сингармонизм, фонологическое объяснение механизма изменения [е] в [о], утрата фонемы <е>.

1. Переход [е] в [о] — одно из основных и подробно описанных исторических событий русской фонетики. В научной литературе аргументированно обсуждаются несколько концепций перехода [е] в [о] в истории русского языка. Мы кратко

остановимся на следующих: переход [e] в [o] рассматривается как лабиализация гласного [e] под влиянием следующего лабиализованного согласного (1.1); переход [e] в [o] интерпретируется как явление межслового сингармонизма — как регрессивное уподобление гласного [e] гласным в следующем слоге, уподобление по признаку переднего ряда или по признаку лабиализованности (1.2). Далее обсуждается вопрос о роли фонетических и фонологических изменений в истории языка и необходимость системного подхода к фонетическим явлениям (2); общие изменения в области вокализма (3.1) и консонантизма (3.2); предлагается собственно фонологическое объяснение механизма изменения [e] в [o] (4) и следствий перехода [e] в [ё] перед мягким согласным (5).

1.1. Лабиализация гласного [e] под влиянием следующего лабиализованного согласного

О лабиализации [e] под влиянием следующего твердого согласного в начале прошлого века высказывались Р. Ф. Брандт, В. А. Богородицкий, А. И. Томсон. В 1915 г. академик А. А. Шахматов сформулировал фонетический закон: переход [e] в [ö] — это «результат ассимиляционного процесса нелабиализованной гласной переднего ряда в направлении к следующей лабиализованной согласной» [Шахматов 1915: 134].

Интерпретация процесса как позиционной лабиализации гласной [e] получила развитие в работах В. Н. Сидорова, Л. П. Якубинского, П. С. Кузнецова, С. Б. Бернштейна, К. В. Горшковой и др. Вслед за В. Н. Сидоровым, они связывают переход [e] в [o] с падением редуцированных и тесным взаимодействием гласного с последующим согласным в новом закрытом слоге. По мнению В. Н. Сидорова [1966: 3–4], сначала изменение [e] в [o] происходило в закрытых слогах перед выпавшим [ъ], который передавал лабиализацию либо предыдущему согласному, либо предыдущему гласному.

Лабиализационная теория изменения [e] в [o] содержит некоторые допущения.

Сама лабиализованность твердых согласных перед непредними лабиализованными гласными убедительно не доказана, это только предположение. Далее приходится допустить, что был лабиализованным и оказывал лабиализирующее влияние на предыдущий согласный также гласный [a], так как перед слогом типа [ta] звук [e] тоже изменялся в [o]: *жона*. А. А. Шахматов предполагает, что лабиализация согласных перед [a] может быть «доказана переходом e в ö перед слогом, состоящим из твёрдой согласной + а» [Шахматов 1915: 130, 132]. Это высказывание А. А. Шахматова имеет, на наш взгляд, признаки «кругового рассуждения»: сначала высказывается предположение о лабиализованности твердых согласных перед лабиализованными гласными, а затем это же предположение используется в качестве доказательства лабиализованности гласной [a].

Может озадачить также следующий вопрос: почему твердые согласные оказывают лабиализирующее воздействие только на предшествующий гласный [e]? Почему они не оказывают лабиализирующего воздействия на верхний гласный [i], на [ё], звук верхнесреднего подъема? В результате мог бы получиться губной [i]

и губной закрытый [ɔ̃] после мягкого согласного перед твердым. Но этого не произошло.

Должна бы проявить себя особенным образом позиция [e] перед губными согласными, в том числе перед вторично смягченными губными, однако позиция [e] перед губными согласными [m'], [p'], [b'] никак не выделяется среди позиций перед другими мягкими согласными, здесь перехода [e] в [o] не наблюдается: [с'ем'], не [с'ом'].

Кроме того, переход [e] в [o] широко отражается не только в новом закрытом слоге, но также в открытом: *берёза, лёжа, одёжа*; переход [e] в [o] наблюдается не только перед согласным, но и в конце неизменяемых слов: в ранних текстах встречаются частицы *жо, ужо, ожо, ажо*; глагольные формы *шедшо, собрашо* и под. Здесь не было влияния согласного и не могло быть морфологического обобщения флексий твердой разновидности.

По воспоминаниям современников, лабиализацию не признавали Л. В. Щерба и Р. И. Аванесов.

1.2. Фонетический механизм изменения [e] в [o] — межслоговой сингармонизм гласных

В теории межслогового сингармонизма гласных переход [e] в [o] связывается с влиянием на [e] самих гласных последующего слога, а не промежуточных лабиализованных согласных. Ф. Ф. Фортунатов предполагал, «что общеславянское e звучало как ɔ̃ в положении не перед слогом с гласной переднего ряда» (цит. по [Шахматов 1915: 8]). Межслоговой сингармонизм поддерживал Е. Д. Поливанов. Уже в наше время к этой концепции возвращаются И. Г. Добродомов, И. А. Измestьева, А. А. Курулёнок.

А. А. Курулёнок исходит из того, что изменение [e] в [o] осуществлялось по признаку ряда перед слогом с любым гласным непереднего ряда. На изменение влиял гласный заднего ряда следующего слога, а не согласный. Таким образом, переход [e] в [o] объясняется регрессивной ассимиляцией гласных двух смежных слогов, которая проходила по признаку ряда. Этот подход смещает хронологические рамки процесса: изменение началось после смягчения полумягких и осуществлялось до падения редуцированных, когда в древнерусском языке господствовали силлабемы — нерасчлененные сочетания согласной с последующей гласной.

Ю. С. Кудрявцев считает, что в данном процессе сыграли свою роль межслоговая регрессивная аккомодация, действовавшая в период распада праславянского языка вплоть до падения редуцированных, и более поздняя фонологизация лабиализованности [Кудрявцев 1986: 82].

И. Г. Добродомов, вслед за Е. Д. Поливановым, ссылается, в частности, на параллели с германским умлаутом [Добродомов 1972; Курулёнок 2021]. Однако эти параллели недостаточно убедительны. Они оставляют без ответа вопрос, почему воздействие гласного заднего ряда в следующем слоге распространялось на [e] предыдущего слога, но не распространялось на другие фонемы переднего ряда: на [ɛ̃], на [ĩ].

В современном немецком языке, например, гласная, подверженная умлауту, палатализуется под влиянием переднего гласного (i или e) в последующем слоге (передний умлаут). В этот процесс вовлечены все непередние гласные: a, o, u:

- Mann — Männer ([a] — [ɛ]);
- Haus — Häuser ([au] — [oɪ], аналогично произношению eu как [oɪ]);
- Hof — Höfe ([o] — [œ]);
- Buch — Bücher ([u] — [ü]).

Древнеанглийский веларный умлаут вызывается задним гласным (u, a, o) последующего слога. В этом случае любой предыдущий гласный превращается в дифтонг. Например:

- i > io: hira > hiora, silufr > siolufr, sifon > siofon;
- e > eo: hefon > heofon, efor > eofor;
- a > ea: saru > searu.

Избирательность древнерусского умлаута требует объяснений.

В концепции межслоговой ассимиляции предполагается, что изменение происходило по признаку ряда в результате воздействия на звук [e] гласного заднего ряда в следующем слоге. Однако становился ли новый звук [o] после мягкого согласного гласным заднего ряда?

Р. И. Аванесов характеризует гласные после мягких согласных как гласные переднего ряда: «...С акустико-физиологической стороны слоги [ra] — [r'a] (или [ru] — [r'u]) отличались друг от друга не только твердостью и мягкостью согласных, но и качеством гласных — [a] и [ä], [u] и [ü]» [Аванесов 1947].

Фонемы <u>, <a>, <o> после мягкого согласного артикуляционно-физиологически реализуются в звуках переднего ряда, а не заднего ряда. Таким образом, изменение произношения нес — нёс не означает передвижения первичного [e] в задний ряд. Но означает огубление гласного, что ближе к концепции А. А. Шахматова, чем к концепции межслоговой ассимиляции.

В концепции межслогового сингармонизма, как и в концепции А. А. Шахматова, вне поля зрения остаются ранние факты с [o] в конце неизменяемых слов: частицы *жо, ужо, ожо, ажо*, формы *шедшо, собрашо*.

2. О роли фонетических и фонологических изменений в истории языка

При всех различиях в объяснении причин переход [e] в [o], в датировке этого процесса, обсуждаемые концепции имеют общую методологическую базу.

В их основе лежит господствующее представление о фонетических процессах как о причине изменений в фонологии, как это формулирует П. С. Кузнецов: «Обычно чисто фонетические изменения, происходящие на протяжении истории языка и сами по себе не обусловленные фонологией, являются причиной перестройки фонологических отношений, а не наоборот» [Кузнецов 1964: 37].

К. В. Горшкова на вопрос, возможно ли вообще, чтобы фонологические отношения были причиной фонетических изменений, осторожно замечает, что «ряд

фактов истории русского языка уже позволяет отвергнуть категоричность заявления о том, что фонетические изменения не обусловлены фонематическими изменениями» [Горшкова 1972: 54–55]. «Важность парадигматического плана в диахронической фонологии определяется и тем, что из всех функций фонемы самой существенной для истории языка является различительная функция, так как она является единственно постоянной функцией, оказывающей заметное влияние на развитие» [Горшкова 1972: 55]. На наш взгляд, К. В. Горшкова в своих трудах вплотную подошла к объяснению перехода [e] в [o] как явления собственно фонологического¹.

Мы предлагаем обсудить возможности фонологического объяснения перехода [e] в [o], которое, на наш взгляд, вытекает из логики исторического развития фонологической системы русского языка.

Проблему системного подхода к фонетическим явлениям ставит Р. И. Аванесов в своей основополагающей работе «Из истории русского вокализма. Звуки [i] и [y]»: «...Естественно требование изучать каждое частное фонетическое явление в соотнесенности со всей языковой системой и ее эволюцией. В нашей исторической фонетике даже тогда, когда рассматривается целое, по существу имеется в виду лишь простая сумма отдельных фонетических явлений. Между тем необходимо и при исследовании отдельного явления рассматривать его как некое звено целого — фонетической системы. Только постоянное соотнесение “отдельного” с “общим” обеспечивает познание предмета, наиболее адекватное действительности» [Аванесов 1947: 41].

Эта проблема актуальна для исторической фонетики и по сей день.

Для интерпретации перехода [e] в [o] необходим самый широкий контекст так же, как для понимания истории звуков [i] и [y], о которой писал Р. И. Аванесов. Здесь необходимо учитывать, прежде всего, направление изменений в области русского вокализма и консонантизма.

3.1. Общие изменения в области вокализма

Вектор развития древнерусского вокализма состоит в свертывании системы гласных фонем.

Один за другим **устраняются дифференциальные признаки гласных фонем:**

- устраняется противопоставление носовых и неносовых гласных, и система гласных фонем сокращается на две единицы;
- устраняется противопоставление сверхкратких и кратких гласных, что выражается в утрате двух редуцированных гласных;
- функциональное объединение звуков [i] и [y] вместе с переходом [e] в [o] завершает нейтрализацию дифференциального признака ряда у гласных фонем. Признак ряда у гласных становится позиционным признаком, он зависит от твердости-мягкости предшествующего согласного.

¹ Высказывания в пользу фонологического подхода к проблеме смягчения полумягких находим у В. В. Колесова: «Таким образом, вторичное смягчение есть не фонетическое увеличение степени мягкости полумягких (смягченных) согласных, а фонологизация уже существующей в слоге фонетической мягкости» [Колесов 2010: 69].

С учетом вектора к нейтрализации дифференциального признака ряда у гласных фонем трудно предполагать межслоговую ассимиляцию гласных по ряду, то есть актуализацию исчезающего дифференциального признака, как это вытекает из теории межслогового сингармонизма.

3.2. Общие изменения в области консонантизма

Переход [e] в [o] расширяет возможности противопоставления твердых и мягких согласных перед [o] и устраняет слабую позицию согласных, позицию неразличения твердых и мягких согласных перед [e].

Р. И. Аванесов функциональное объединение звуков [i] и [y] связывает в первую очередь с развитием категории твердости-мягкости согласных. Переход [e] в [o] он ставит в один ряд с функциональным объединением звуков [y] и [i]: «Для этой эпохи уже возникает вопрос о функциональном объединении [y] и [i], да и не только [y] и [i], но в еще большей мере [o] и [e], [ъ] и [ь]...» [Аванесов 1947].

4. Переход [e] в [o] в ряду изменений системного характера: собственно фонологическое объяснение механизма изменения [e] в [o]

Изменения в области древнерусского вокализма и консонантизма показывают, что переход [e] в [o] стоит в ряду разных изменений системного характера. Необходимо отметить однонаправленность перечисленных здесь процессов в отношениях между согласными и гласными, а также однонаправленное сокращение дифференциальных признаков и количества гласных фонем, однонаправленное увеличение дифференциальных признаков и количества согласных фонем. Все частные процессы соответствуют вектору движения звуковой системы от вокализма к консонантизму.

Вторичное смягчение согласных осуществляется еще по законам вокализма: так же, как первая, вторая и третья палатализации, гласный влияет на качество согласного и смягчает его. Однако результатом вторичного смягчения согласных является не зависимость согласного от гласного, а взаимозависимость мягкого согласного и переднего гласного. Это уже основа для поворотных явлений в типологическом развитии звукового строя русского языка.

Дальнейшее направление развития состоит в освобождении мягкого согласного от зависимости от переднего гласного. Возможно, что эта тенденция уже определила конкретные фонетические результаты утраты носовых у восточных славян. Утрата носовых создала условия для противопоставления твердых и мягких согласных перед <a>: *съпать* — *пать*, а также значительно расширила позиции для противопоставления твердых и мягких согласных перед <u>.

Функциональное объединение фонем <i> и <y> манифестирует определяющую роль согласного по отношению к качеству гласного, смену направления зависимости.

Переход [e] в [o] освобождает согласные от позиционной зависимости по признаку твердости / мягкости от переднего гласного [e].

Развитие этого процесса наблюдаем в появлении гласного [e] в начале слова (*этот*) и в возможности противопоставления твердых и мягких согласных перед современной фонемой <e>: *тесто* — [т]ест; в том числе противопоставление заднеязычных перед <e>: *гектар* — ГЭК.

Системный характер перечисленных изменений позволяет, как нам кажется, отказаться от поисков особых фонетических условий для перехода [e] в [o], признать «важность парадигматического плана в диахронической фонологии», как это сформулировала К. В. Горшкова, и предположить собственно фонологическое (функциональное) объяснение механизма изменения [e] в [o].

История перехода [e] в [o] — это:

- не отношения между звуками [e] и [o],
- не фонологизация позиционных вариантов одной фонемы <e> (Ю. С. Кудрявцев),
- не дивергенция фонемы <o> на две разные фонемы <o> и <e>, противопоставленные по признаку лабиализованности (К. В. Горшкова),
- не лабиализация [e] под влиянием твердого лабиализованного согласного (А. А. Шахматов),
- не уподобление по ряду гласному следующего слога (И. Г. Добродомов).

История перехода [e] в [o] —

- это ослабление системы вокализма и усложнение системы консонантизма,
- это утрата дифференциального признака ряда у гласных фонем,
- это отношения между твердыми согласными и мягкими согласными,
- это отношения между согласными и гласными,
- это формирование дифференциального признака мягкости у согласных,
- это освобождение согласных от слабой позиции по признаку твердости / мягкости перед передним гласным [e].

Сутью этого процесса является обобщение основного варианта фонемы <o> — варианта [o] и устранение позиционного варианта фонемы <o> — варианта [e]. Таким образом, речь идет не об изолированном фонетическом процессе перехода [e] в [o], а об изменении типологических свойств фонетической системы: о процессе, связанном с переходом от вокалической системы к консонантной системе.

5. Следствия перехода [e] в [ě] перед мягким согласным

В позиции перед мягким согласным результаты перехода [e] в [o] не наблюдаются, потому что в этой позиции гласного звука [e] не было. К. В. Горшкова на основе материалов, относящихся к Ростово-Суздальской земле, подробно исследует вопрос о реализации <e> перед мягкими согласными и убедительно показывает, что звук [e] перед мягким согласным приобретал верхнесредний подъем и совпадал со звуком [ě] [Горшкова 1972: 101]. За счет фонемы <e> в позиции перед мягким согласным фонема <ě> расширяет сферу своего функционирования.

После перехода [e] в [o] не существует фонемы <e>. Системный подход ставит под сомнение возможность формирования новой фонологической оппозиции <e> — <o> в позднерусский период. При таком допущении речь идет, в сущности, о возникновении новой фонемы <e>, однако расширение состава гласных фонем противоречит основному вектору движения звуковой системы.

Убедительными и значимыми нам представляются выводы И. Г. Добродомова о переходе [e] перед мягкими согласными в [ě] не только на фонетическом уровне, но и на фонемном уровне, то есть о частичной конвергенции фонемы <e> с фонемой <ě>, а также вывод об утрате фонемы <e> в древнерусском языке в результате перехода [e] в [o]. Он рассматривает современную оппозицию фонем <e> — <o> как историю фонем <ě> — <o> [Добродомов 1991]. Эти результаты до сих не получили того внимания и признания в университетских курсах, какого они заслуживают.

Изложенные здесь возможности фонологического объяснения перехода [e] в [o], которое вытекает из логики исторического развития фонологической системы русского языка, позволяет объяснить многие факты, которые не находят объяснения с позиций фонетических теорий. Замещение [e] на [o] не было ограничено какой-либо фонетической позицией — позицией перед лабиализованным согласным или перед слогом с непередним гласным. Замещение [e] на [o] осуществлялось независимо от позиции в слове, то есть и перед согласным в открытом и закрытом слоге, и в конце слова.

Литература

- Аванесов Р. И.* Из истории русского вокализма. Звуки [i] и [y] // Вестник Московского ун-та, 1947, № 1. С. 41–57.
- Горшкова К. В.* Историческая диалектология русского языка. М.: Просвещение, 1972. 160 с.
- Добродомов И. Г.* О переходах *e* в *o* в русском языке // Проблемы общего и русского языкознания. М.: Изд-во МГПИ им. В. И. Ленина, 1972. С. 172–181.
- Добродомов И. Г.* Куда девалась фонема *ѣ* в русском языке // Соотношение синхронии и диахронии в языковой эволюции. Тезисы докладов Всесоюзн. науч. конф., г. Ужгород, 23–25 октября 1991 г. Ужгород, 1991. С. 74–76.
- Колесов В. В.* Историческая грамматика русского языка. СПб., 2010. 512 с.
- Кузнецов П. С.* К вопросу о происхождении аканья // Вопросы языкознания, 1964, № 1. С. 30–41.
- Курулёнок А. А.* О некоторых идеях И. Г. Добродомова в русской исторической фонетике // Филологический вестник Сургутского гос. пед. ун-та, № 1 (5), 2021, с. 7–16.
- Кудрявцев Ю.* Очерки по русской исторической фонологии и морфонологии. Тарту, 1996. 150 с.
- Сидоров В. Н.* Из истории звуков русского языка. М.: Наука, 1966. 159 с.
- Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка [Энциклопедия славянской филологии. Вып. 11 (1)]. Пг., 1915. 369 с.

M. V. Shulga
Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)
shoulga@mail.ru

THE CHANGE FROM [E] TO [O] IN A SERIES OF OTHER SYSTEMIC OCCURRENCES

The article discusses the contradictions in phonetic concepts of the change of [e] to [o] in the Old Russian language — concepts of labialization of the vowel [e] by the influence of the following labialized consonant and the interpretation of the change of [e] to [o] as a phenomenon of intersyllabic vocalic harmony. The article presents possibilities of a phonological explanation of the change of [e] to [o] which follows the logic of the historical development of the phonological system of the Russian language are presented. The change from [e] to [o] is considered in as a series of changes of a systemic nature — the weakening of the vocalic system and the increasing complexity of the consonantal system, the loss of front/back distinction for vowel phonemes, the formation of a category of hard/soft for consonants, the elimination of positional softening for consonants before front vowels. It is asserted that the essence of the change of [e] to [o] consists in the generalization of the basic variant of the phoneme <o> (the variant [o]), and the elimination of positional variant of the phoneme <o> (as a variant of [e]).

From the given position it follows that the replacement of [e] by [o] occurred independently from the position in the word, that is, before a hard consonant in an open or closed syllable as well as at the end of a word. In the position before a soft consonant, the resulting change of [e] to [o] is not observed because, in that position, the sound [e] took on a high-mid level and coincided with the sound [ě]. The author supports I. G. Dobrodomov's conclusion on the change of [e] before soft consonants to [ě] not only on the phonetic level, but also on the phonemic level, that is, on the partial convergence of the phoneme <e> with the phoneme <ě>, as well as the conclusion about the loss of the phoneme <e> in the Old Russian language as a result of the change of [e] to [o].

Key words: change of [e] to [o], labialization of the vowel [e], intersyllabic harmony, phonological explanation of the mechanism of change [e] to [o], loss of the phoneme <e>.

References

Avanesov R. I. [From the history of Russian vocalism. Sounds I and Y]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow University], 1947, no. 3, pp. 41–57. (In Russ.)

Dobrodomov I. G. [On the transitions of e in o in the Russian language]. *Problemy obshchego i russkogo yazykoznanija* [Problems of general and Russian Linguistics]. Moscow, MGPI im. V. I. Lenina Publ., 1972, pp. 172–181. (In Russ.)

Dobrodomov I. G. [Where did the phoneme ъ in the Russian language go?]. *Sootnoshenie sinkhronii i diakhronii v yazykovoï evolutsii* [Correlation of synchrony and diachrony in language evolution]. Abstracts of the All-Union Scientific Conference, Uzhgorod, October 23–25, 1991, Uzhgorod, Uzhgorodskii nacionalnyi universitet, 1991, pp. 74–76. (In Russ.)

Gorshkova K. V. *Istoricheskaya dialektologiya russkogo yazyka* [Historical dialectology of the Russian language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1972. 160 p. (In Russ.)

Kolesov V. V. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. St. Petersburg, 2010. 512 p. (In Russ.)

Kurulenok A. A. [Some ideas of I. G. Dobrodomov in Russian historical phonetics]. *Filologicheskii vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Philology Bulletin of Surgut State Pedagogical University], 2021, no. 1 (5), pp. 7–16. (In Russ.)

Kudryavtsev Yu. *Ocherki po russkoi istoricheskoi fonologii i morfonologii* [Essays on Russian historical phonology and morphonology]. Tartu, 1996. 150 p. (In Russ.)

Kuznetsov P. S. [On the question of the origin of the akanya]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1964, no. 1, pp. 30–41. (In Russ.)

Sidorov V. N. *Iz istorii zvukov russkogo yazyka* [From the history of sounds of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 157 p. (In Russ.)

Shakhmatov A. A. *Ocherk drevneishego perioda istorii russkogo yazyka* [An essay on the oldest period of the history of the Russian language], *Entsiklopediya slavyanskoï filologii* [Encyclopedia of Slavic Philology], issue 11 (1), Petrograd, Tip. imp. akad. nauk, 1915, 369 p. (In Russ.)

Научный журнал

**Труды Института русского языка
им. В. В. Виноградова**

2025 г., № 1 (43)

*В оформлении обложки использованы
рисунок Леонардо да Винчи
и изображение прибора кимографа*

Гарнитура ZRCola. Формат 70×100/16
Бумага офсетная. Печать цифровая
Печ. л. 31,0
Тираж 300 экз.